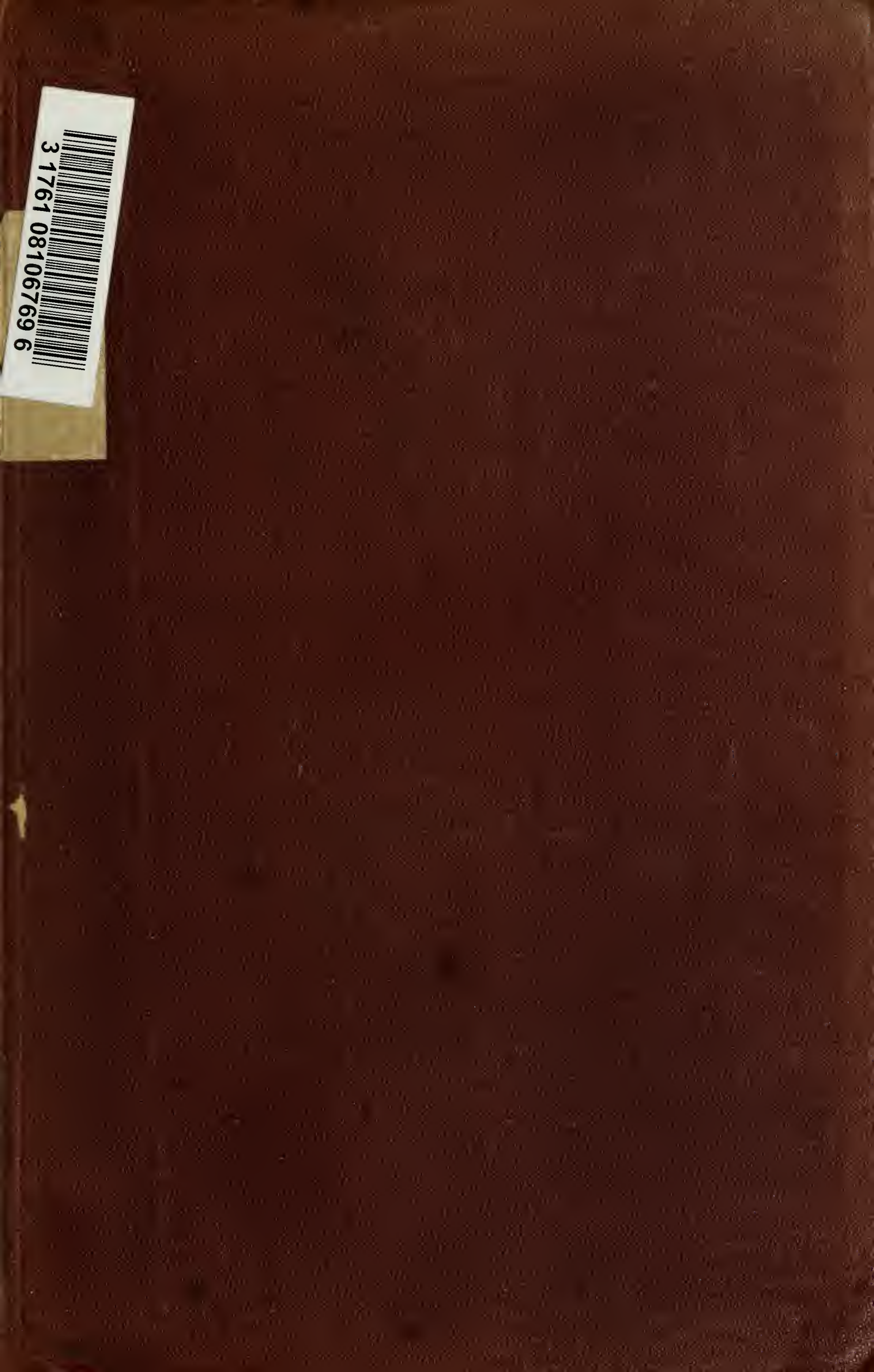

3 1761 08106769 6

Философія, исторія, общественныя науки, публицистика.

Н. А. Бердяевъ: „Теософія Штейнера и христіанство". **В. Я Богучарскій:** „Изъ исторіи политической борьбы въ 80-хъ годахъ". **С. Н. Булгаковъ:** „Христіанство и миѳологія". **В. С. Голубевъ:** „Новыя теченія въ третьемъ элементѣ земства". **А. С. Изгоевъ**—замѣтки по общественной психологіи подъ общимъ заглавіемъ „На перевалѣ". **А. А. Кауфманъ:** „Современное народничество и аграрная эволюція". **А. А. Кизеветтеръ:** „Русскіе историческіе драматурги". „Александръ I и Аракчеевъ въ ихъ взаимоотношеніяхъ". **Б. А. Кистяковскій:** М. П. Драгомановъ по его письмамъ. **А. А. Корниловъ:** „Семейство Бакуниныхъ". **С. А. Котляревскій:** „Россія и Германія". **Баронъ Б. Э. Нольде:** „Босфоръ и Дарданеллы". **А. М. Рыкачевъ:** „О границахъ партійности". **П. Б. Струве**—замѣтки подъ общимъ заглавіемъ „На разныя темы". **Кн. Е. Н Трубецкой:** „Крушеніе теократіи въ творчествѣ Влад. Соловьева". **Кн. Е. Н. Трубецкой:** „Владиміръ Соловьевъ по личнымъ воспоминаніямъ". **С. Л. Франкъ:** „Идея природы у Гете".

Будетъ данъ **рядъ статей по различнымъ отраслямъ естествознанія.** Ближайшее участіе въ этомъ отдѣлѣ принимаетъ профессоръ акад. **В. И. Вернадскій.**

Будетъ помѣщенъ рядъ статей разныхъ авторовъ подъ общимъ заглавіемъ:

„Письма о національностяхъ и областяхъ".

О еврействѣ (**В Жаботинскій**), о Кавказѣ (**З. Д. Аваловъ**), о Прибалтійскомъ краѣ (**В. Н. Троицкій**), о Сибири (членъ Госуд. Думы **Н. В. Некрасовъ**), о Польшѣ, объ Украйнѣ.

Письма изъ-за границы:

Германія (**Г. Н. Штильманъ**), Австрія (**А. Глѣбовъ**), Франція (**А. Щепетевъ**), Англія (**С. Рапопортъ**), Америка (**П. А. Тверской**), Италія (**П. Рыссъ**).

Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры.

Въ этомъ отдѣлѣ, въ редактированіи котораго примутъ участіе **В. Я. Брюсовъ, М. О. Гершензонъ** и **А. А. Кизеветтеръ**, будутъ помѣщены неизданные стихи, письма и мемуары писателей и общественныхъ дѣятелей конца XVIII и XIX столѣтія.

Съ ноября 1910 г. введенъ новый отдѣлъ:

Въ Россіи и за границей. Обзоры и замѣтки.

Въ этомъ отдѣлѣ въ краткихъ обозрѣніяхъ и замѣткахъ отмѣчается все самое важное, что совершается въ различныхъ областяхъ жизни и литературы въ Россіи и за границей. При всей краткости эти обозрѣнія и замѣтки не носятъ характера механически составляемой хроники и простой сводки фактовъ. Факты въ нихъ освѣщаются съ извѣстной точки зрѣнія и объединяются въ цѣльныя картины. Широкія рамки этого отдѣла, которыя будутъ постепенно заполняться все новымъ и новымъ матеріаломъ, призваны охватить въ обзорахъ, откликахъ и замѣткахъ все многообразіе общественной жизни и культурнаго творчества современнаго человѣчества, при чемъ вопросы русской жизни и культуры будутъ освѣщаться въ неразрывной связи съ жизнью и культурой другихъ странъ.

Въ этомъ отдѣлѣ намѣчены слѣдующія рубрики: 1) Политическая жизнь Россіи (**А. С. Изгоевъ, А. А. Кизеветтеръ, В. Д. Набоковъ, П. Б. Струве**). 2) Самоуправленіе въ Россіи (**В. С. Голубевъ**). 3) Экономическая жизнь Россіи (**В. Ф. Гефдингъ**). 4) Соціализмъ и соціалистическое движеніе (**А. М. Рыкачевъ**). 5) Международныя отношенія (**кн. Гр. Н. Трубецкой, Л. И. Гальберштадтъ, П. Б. Струве**). 6) Русская литература (**Антонъ Крайній и Валерій Брюсовъ**). 7) Французская литература (**Рэнэ Гиль и Валерій Брюсовъ**). 8) Нѣмецкая литература (**А. С. Элiасбергъ**). 9) Польская литература (**Е. Загорскій**). 10) Искусство, театръ и музыка (**А. Н. Бенуа, М. Волошинъ, А. А. Кизеветтеръ, Н. Р. Кочетовъ, Г. Н. Тимофеевъ**). 11) Религія и церковь (**С. Н. Булгаковъ, Д. В. Философовъ, Г. Вильямсъ**) и др. 12) Военное и морское дѣло. 13) Наука и техника.

Библіографическій отдѣлъ „Русской Мысли" въ 1911 г. будетъ **расширенъ** въ **критическое обозрѣніе** по всѣмъ отдѣламъ знанія и будетъ включать въ себя не только рецензіи на всѣ выдающіяся книги, но и систематическіе обзоры литературы цѣлыхъ областей.

Къ этому отдѣлу присоединяется въ каждой книгѣ систематическій перечень выходящихъ на русскомъ языкѣ книгъ.

И пѣсня пусть заплачетъ. Ц. 50 к.
Панна Роза. Ц. 50 к.
Брошенная. Городская картинка. Ц. 50 к.

Сочиненія Пруса, Болесл.

Дѣти. Ц. 1 р.
Изъ воспоминаній циклиста. Ц. 75 к.
Возвратная волна. Ц. 50 к.

Библіотека „Русской Мысли".

Юбилей. Не совсѣмъ обыкновенная исторія. М. Н. Альбова.
Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. К. С. Баранцевича. Ц. 1 р.
Іудея и Римъ. Картины античнаго міра. М. Н. Ремезова. Ц. 50 к.
Картины жизни Византіи въ X вѣкѣ. Его же. Ц. 50 к.
Византія и византійцы конца X вѣка. Его же. Ц. 50 к.
Эпилоги византійскихъ драмъ. Его же. Ц. 50 к.
Клеопатра. Картины античной жизни. Его же. Ц. 40 к.

Научно-популярная библіотека „Русской Мысли".

Металлическія деньги и валюта. Нассе и В. Лексисъ. Ц. 60 к.
Умственное воспитаніе ребенка въ колыбели. Пере. Ц. 50 к.
Изслѣдованія о броженіи и самозарожденіи. Дюкло. Ц. 40 к.
Заразныя болѣзни. Его же. Ц. 40 к.
Религіи Индіи. Бартъ. Ц. 1 р.
Гербертъ Спенсеръ. От. Гауппъ. Ц. 50 к.
Шериданъ. Школа злословія. Біографическій очеркъ Шеридана. Погожевой. Ц. 60 коп.
Фюстель де Куланжъ. П. Гиро. Ц. 50 к.
Бомарше. Галле. Ц. 40 к.
Наука и нравственность. Бертло. Ц. 60 к.
Натуралистъ подъ тропиками. Геккель. Ц. 60 к.
Наслѣдственность. Делажъ. Ц. 50 к.
Растенія и среда. Ж. Константена. Ц. 1 р. 50 к.
Объ искусствѣ. Критическія замѣтки. В. А. Гольцева. Ц. 1 р.
Литературные очерки. Его же. Ц. 1 р.
Вопросы дня и жизни. Его же. Ц. 1 р.
Переселеніе крестьянъ Рязанской губер. В. И. Григорьева. Ц. 1 р.
Къ вопросу о реформѣ логики. Н. Я. Грота. Ц. 2 р 50 к.
Иллюстрированныя чтенія по культурн. исторіи. Проф. П. С. Корелина. Вып. I. Египетскіе боги, ихъ храмы-изображенія. Вып. II. Средневѣковая церковная готика и ея историч. основы. Вып. III. Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Вып. IV. Ассирійскій народъ и его боги-покровители. Вып. V. Кто были наши предки, гдѣ и какъ они жили. Цѣна каждаго выпуска 30 к.
Политическія идеи Бенжамена Констана. Э. Лабуле.
Дьяволъ въ поэзіи. Игнація Матушевскаго. Ц. 1 р.
Критическіе опыты. Н. К. Михайловскаго. Томъ I. Н. Щедринъ. Ц. 1 р. Т. II. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Ц. 1 р.
Краткій очеркъ современныхъ конституцій. Л. Ольстона. Ц. 30 к.
Наука и обязанности гражданина. К. Пирсона. Ц. 25 к.
Развитіе англійской конституціи. Эд. Фримена. Ц. 60 к.
Денежное обращеніе въ связи съ обществен. интересомъ. М. Шиппеля. Ц. 50 к.
Геологія въ кратномъ изложеніи. Д-ра Э. Фрааса. Для школъ и самообразованія. Ц. 25 к.
Шесть сказокъ. Брута. Ц. 1 р.
Разсказы и очерки. Анненковой-Бернаръ (Н. П. Дружинина). Ц. 1 р. 50 к.
Нашихъ полей ягоды. М. Анютина (М. Н. Ремезовъ).
Театръ. Бомарше. Перев. А. А. Крилль. Ц. 1 р. 25 к.
Трагическая идиллія. Поль Бурже. Ц. 1 р.
Солдатъ. Разсказъ. Гомулицкаго. Ц. 30 к.
Очерки и разказы. И. А. Данилина. Ц 1 р.
Портъ-Тарасконъ. А. Додэ. Ц. 1 р.
Маленькій приходъ. Его же. Ц. 1 р.

Германія. Его же. Ц. 40 к.
Скандинавія и Данія. Его же. Ц. 40 к.
Англія. Его же. Ц. 50 к.
Центральная Азія. Его же. Ц. 30 к.
Палестина и Аравія. Его же. Ц. 30 к.
Сахара и Нилъ. Его же. Ц. 30 к.
Австралія и Тасманія. Его же. Ц. 50 к.
Гренландія (съ 11 рис.). Его же. Ц. 50 к.
Географическіе этюды, семь публичныхъ лекцій по всеобщей географіи. Его же. Ц. 70 к.
Растительный міръ. Бонньe Гастона. Пер. Н. Н. Маракуева. Ц. 1 р. 50 к.
Медицинская бактеріологія. Г. Габричевскаго. Изд. 4-е. Ц. 4 р.
Ученіе о происхожденіи видовъ и дарвинизмъ. Рихарда Гессе. Перев. съ 3-го изд. Н. Маракуева. Ц. 1 р.
Анатомія для художниковъ. М. Дюваля. Ц. 1 р. 50 к.
Руководство къ клинической микроскопіи для врачей и студентовъ. Прив.-доц. В. Е. Предтеченскаго. Ц. 3 р.
Атласъ клинической микроскопіи. Его же. Ц. 1 р. 80 к.
Принципы и методы опредѣленія степени умствен. развитія. Проф. Ѳ. Цигена. Перев. д-ра О. Фельцмана. Ц. 40 к.
Планъ изслѣдованія дѣтской души. Г. И. Россолимо. Прив.-доц. моск. унив. Пособіе для родителей и педагоговъ. Изд. 2-е. Ц. 30 к.
Учебникъ психологіи. Проф. Г. Челпанова. Для гимназій и самообразованія. Ц. 1 р.
Учебникъ логики. Его же. Ц. 1 р.
Введеніе въ философію. Его же. Ц. 2 р. 50 к.
Руководство высшей геометріи. М. Шаля (M. Challes). Перев. съ 2-го французск. изд. А. Безрукова. Ц. 5 р. 50 к.
Ученіе о свѣтѣ. Э. Эдзера. Перев. съ англ. Н. Маракуева. Съ 306 фигур. въ текстѣ, 2 цвѣтными таблицами и 1 черной таблицей солнечн. спектра. Ц. 4 р.
Трансформаторы и ихъ испытаніе. Инж. Г. Генсель. Ц. 60 к.
Электротехника въ задачахъ и примѣрахъ. Его же. Вып. I: Постоянный токъ. Теорія, расчеты, схемы и 500 задачъ и примѣровъ. Руководство для учащихся и для самообученія. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 75 к. Вып. II: Перемѣнные токи. Руководство для учащихся и самообученія. Ц. 1 р. 50 к.
Курсъ перемѣнныхъ токовъ, читанный на электро-техническихъ курсахъ. Его же. Однофазный и многофазный перемѣнные токи. Краткое и доступное руководство для техниковъ и учащихся. Ц. 2 р.
Критическая исторія общихъ принциповъ механики, съ приложеніемъ дидактической главы объ изученіи физико-математическихъ наукъ. Е. Дюринга. Перев. съ нѣмецк. Н. Маракуева. Ц. 4 р.
Мысли о лучшей постановкѣ преподаванія и изученія математики въ средней и высшей школѣ и о самостоятельныхъ штудіяхъ. Его же. Съ приложеніемъ этюда „Критики основъ диференціальнаго исчисленія“. Перев. съ нѣмецк. Н. Маракуева. Ц. 1 р.
Ткацкій станокъ въ его современномъ видѣ. А. Д. Монахова, инж.-техн. Текстъ и отдѣльный атласъ съ 326 чертежами. Ц. 3 р. 75 к.
Основы механической технологіи металловъ. Металлургія чугуна, желѣза и стали. Прокатка. Литейное дѣло. Кузнечное дѣло. Полученіе проволоки и трубъ. Съ дополнительной статьей „Инструментальная сталь и ея закалка“. Р. В. Полякова, стр. преподавателя Импер. москов. техн. учил. Руководство для студентовъ высшихъ техническ. школъ, учениковъ среднихъ технич. и промышл. училищъ и для самообразованія. Съ 326 фигурами въ текстѣ и 8 таблицами. Ц. 3 р. 50 к.
Задачи по деталямъ машинъ. (Со включен. задачъ на переводъ формулъ и другія мѣры.) Проф. А. И. Сидорова. Ц. 1 р.

Полный каталогъ находящихся на складѣ при типографіи изданій по требованію высылается безплатно.

Книжные магазины пользуются обычною уступкой.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ.

КНИГА I.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА—1911.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

---

1. Редакція для пріема и выдачи рукописей открыта по средамъ и субботамъ отъ $1^1/_2$ до $3^1/_2$ ч. дня. (Москва, Ваганьковскій п., 3.)

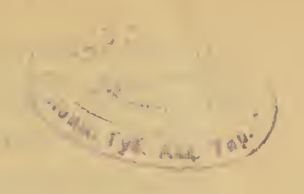
2. Редакція принимаетъ только рукописи, переписанныя на машинкѣ или совершенно четко перомъ; рукописи неразборчивыя не читаются.

3. На прочтеніе рукописи полагается срокъ отъ 6 недѣль до 2 мѣсяцевъ.

4. Мелкія рукописи (меньше 1 печатнаго листа) и рукописи стихотвореній не сохраняются, и редакція рекомендуетъ авторамъ такихъ произведеній оставлять у себя ихъ копіи.

5. По поводу мелкихъ рукописей и стихотвореній редакція не вступаетъ съ гг. авторами ни въ переговоры, ни въ переписку, хотя бы на отвѣтъ были приложены марки. Авторы такихъ произведеній, не получившіе отвѣта въ теченіе 2 мѣсяцевъ, могутъ располагать ими по своему усмотрѣнію.

6. Обратная пересылка рукописей по почтѣ производится за счетъ гг. авторовъ и притомъ исключительно *заказной* бандеролью.

Два стихотворенія.

I.

Пришла опять, желаньемъ поцѣлуя
И грѣшной наготы
Въ послѣдній разъ покойника волнуя,
И сыплешь мнѣ цвѣты.

А мнѣ въ гробу пріятно и удобно.
Я счастливъ,—я любимъ!
Восходитъ надо мною такъ незлобно
Кадильный синій дымъ.

Баситъ молодоженъ, румяный дьяконъ,
Кадитъ со всѣхъ сторонъ.
Прекрасный ликъ возлюбленной заплаканъ,
И грустенъ, и влюбленъ.

Прильнетъ сейчасъ къ рукамъ, скрещеннымъ плоско,
Румяный поцѣлуй.
Цѣлуй лицо. Оно желтѣе воска.
Любимая, цѣлуй!

Склонясь, раскрой въ дрожаньи бѣлой груди
Два нѣжные холма.
Пускай вокругъ смѣются злые люди,—
Засмѣйся и сама.

II.

Господи, имя звѣриное
Ты на меня положилъ,
Сердце мнѣ далъ голубиное,
Кровь же мою распалилъ.

Дни мои въ горькомъ томленіи,
Радости нѣтъ ни одной,
Нѣтъ и услады въ моленіи.
Пламенный мечъ надо мной,

Мечъ безпощаднаго мстителя,—
Надъ головою огонь.
Нѣтъ мнѣ въ пустынѣ спасителя,
И не уйти отъ погонь.

Ѳедоръ Сологубъ.

УРОЖДЕННАЯ ТИБЯКИНА.

Посмертный романъ [1]).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ
На пустынныя скалы...
А. Пушкинъ.

Нѣчто вродѣ введенія.

Кому случалось бывать въ Крыму поздней осенью и проходить въ ясный и погожій осенній день по шоссе, огибающему южный берегъ, тотъ не забудетъ холодной и сосредоточенно молчаливой красоты, которая постепенно развертывалась передъ нимъ съ удивительнымъ и безконечнымъ разнообразіемъ. Въ эту пору дорога необыкновенно пустынна; гладко прибитая колесами и недавнимъ дождемъ, она лоснится, какъ атласная лента... Итти по ней такъ легко и такъ пріятно. Свѣжій вѣтерокъ дуетъ въ лицо; далеко внизу синѣетъ безпредѣльное море; по другую сторону волнуются холмы, одѣтые желтыми и багровыми лѣсами; громоздятся скалы; встаетъ исполинской стѣной сѣрая Яйла. Свободно дышится, свободно обѣгаетъ взглядъ прозрачное и сверкающее пространство, въ душу нисходитъ мирное и важное настроеніе... Съ каждымъ поворотомъ дороги, изъ-за каждаго холма, который вы только что обогнули, изъ-за каждой скалы, которая въ теченіе добрыхъ двадцати минутъ заслоняла отъ васъ окрестности, по мѣрѣ того, какъ вы идете впередъ—выдвигаются все новыя и новыя картины: утесы надъ моремъ, голубые заливы, пестрые сады, деревни, дома, обнаженные виноградники, дикіе пустыри, группы стройныхъ и печальныхъ кипарисовъ. Въ ясномъ и необыкновенно высокомъ небѣ съ торжественной медлительностью плывутъ облака.

И все молчитъ, точно погруженное въ глубокую и серьезную задумчивость. Дорога пролегаетъ настолько высоко, что туда не

[1]) Романъ этотъ, рукопись котораго получена нами отъ М. В. Эртель, былъ начатъ А. И. Эртелемъ въ 1893 году, непосредственно передъ повѣстью „Карьера Струкова“, и остался неоконченнымъ.—*Ред.*

достигаетъ шумъ обычнаго морского прибоя. Лѣтомъ, вмѣсто этого шума, стоитъ тамъ непрерывный и надоѣдливый гулъ экипажей, подымающихъ тучи бѣлой и ѣдкой пыли, скрипятъ татарскія арбы, слышится разноязычный и разноголосый говоръ, звенитъ почтовый колокольчикъ, гикаютъ ямщики. Теперь же все тихо. Рѣдко-рѣдко простучитъ почтовая телѣга, да прошлепаетъ стоптанными „опорками“ какой-нибудь забулдыга-босякъ, пробирающійся съ соленыхъ озеръ; или изъ ближнихъ скалъ взовьются орлы съ своимъ унылымъ и дикимъ клехтомъ; протруситъ татаринъ на шершавомъ иноходчикѣ, мурлыча себѣ подъ носъ гнусливую и однообразную пѣсню... И опять воцаряется сосредоточенная, невозмутимо глубокая тишина.

Да и вамъ не говорится въ это время, хотя и было бы съ кѣмъ говорить. Точно страница за страницей открывается передъ вами; вы смотрите; вы читаете эту значительную и прекрасную книгу; страницы мѣняются—вмѣсто парка и дворца съ бѣлыми башнями вы видите раздробленные камни, безплодный пустырь, выжженный лѣтнимъ солнцемъ, черные, какъ уголь, утесы; скаты покрыты низкорослымъ можжевельникомъ; вмѣсто узкой бухточки—широкій заливъ, окаймленный скалами; маякъ на дальнемъ мысѣ, фіолетовыя горы, едва обозначенныя на горизонтѣ, одинокій парусъ, сверкающій, какъ крыло чайки...

Нѣтъ, о чемъ тутъ говорить! Любуешься, вдыхаешь прохладный воздухъ, насыщенный сильнымъ и характернымъ запахомъ увяданія, и до какой-то странной и болѣзненной чуткости сознаешь, что эта ясная и холодная красота неразлучна съ глубокой печалью. Потому что слишкомъ широка сверкающая даль, слишкомъ отчетливы и рѣзки вершины, слишкомъ правдивъ хрустально-прозрачный воздухъ... И однако—какъ хорошо!

Это было лѣтъ семь тому назадъ. Во второй половинѣ октября по дорогѣ къ почтовой станціи Кикинеизу и затѣмъ обратно—къ пансіону гг. NN не разъ и не два можно было встрѣтить дѣвушку въ изящномъ костюмѣ изъ толстой шерстяной матеріи и въ почти модной осенней шляпѣ. Въ Кикинеизъ она шла обыкновенно съ зонтикомъ въ рукахъ и только; когда же возвращалась—изъ кармана ея кофточки высматривали *Московскія Вѣдомости* и *Figaro*, и два-три письма весьма благовоспитанной внѣшности. Ходила эта путница быстро, но часто останавливалась, подолгу смотрѣла въ даль, иногда садилась на кучу щебня или на откосъ около дороги, о чемъ-то думала и, очевидно, никуда не спѣшила.

Въ тѣхъ же мѣстахъ, но только не на шоссе и не близко отъ дѣвушки, можно было примѣчать еще человѣка—мужчину въ шляпѣ „котелкомъ“, въ мѣшковато сшитомъ пальто и въ высокихъ сапогахъ. Онъ выходилъ тоже изъ пансіона гг. NN. Онъ, повидимому, тоже никуда не спѣшилъ. Но съ дѣвицей не встрѣчался, а шелъ бодрой и привычной походкой прямо въ горы и только издали какъ будто бы слѣдилъ, что дѣлается на шоссе. Посторонній наблюдатель непремѣнно бы заключилъ, что между дѣвушкой и мужчиной въ шляпѣ „котелкомъ“ есть какая-то таинственная связь: онъ появлялся лишь тогда, когда появлялась она; въ другое время онъ не ходилъ въ горы... Она иногда замѣчала его, иногда нѣтъ. Вообще-то трудно было замѣтить. Но когда замѣчала, брови ея хмурились и на губахъ показывалась непріязненная гримаска.

Такъ продолжалось недѣли двѣ. Въ первый же день третьей недѣли произошло слѣдующее. Дѣвушка возвращалась изъ Кикинеиза съ *Figaro* и съ *Московскими Вѣдомостями* въ карманѣ. Обогнувъ огромный сѣрый камень, она вдругъ увидала человѣка, идущаго ей навстрѣчу. Человѣкъ возбудилъ въ ней невольное любопытство. За его плечами виднѣлся ранецъ, на ногахъ были желтыя штиблеты, въ рукахъ торчала какая-то затѣйливая палка. Все въ немъ напоминало какого-то иностраннаго туриста, собирающагося всходить на Юнгфрау. Они встрѣтились. Онъ пристально взглянулъ ей въ лицо, потомъ вѣжливо приподнялъ шляпу, потомъ еще разъ и уже съ особеннымъ выраженіемъ взглянулъ на нее и, замедливъ нѣсколько шагъ, скрылся за поворотомъ дороги.

Она быстро опустила голову при его взглядѣ, и потому только мимолетное впечатлѣніе осталось у ней: что-то красивое, молодое, дерзкое, какой-то плѣнительный блескъ въ глазахъ, какое-то смѣлое и свободное выраженіе.

Затѣмъ случилось такъ, что дѣвушка и иностранный туристъ опять встрѣтились, размѣнялись поклонами и снова посмотрѣли другъ на друга: онъ—съ нескрываемымъ видомъ восторга, она—съ чувствомъ плохо скрытаго удовольствія. Вдали, притаясь за камнемъ, подозрительно и напряженно слѣдилъ за ними человѣкъ въ мѣшковатомъ пальто.

Въ Кикинеизъ почта приходитъ не каждый день, и однако дѣвушка почти ежедневно стала ходить туда. Путь былъ такъ великолѣпенъ! Погода стояла такая превосходная!

И они встрѣтились въ третій разъ. Эти три встрѣчи отдѣлялись другъ отъ друга промежутками въ четыре, въ пять дней... Теперь они раскланялись, какъ знакомые. Затѣмъ между ними

произошло нѣчто новое. Она вспыхнула. Въ его глазахъ блеснулъ влажный, веселый огонекъ... Онъ мгновеніе подумалъ, остановился и съ легкимъ поклономъ сказалъ на чистѣйшемъ россійскомъ языкѣ:

— Сегодня, вѣроятно, не было почты?

— Да, не было,—въ смущеніи отвѣтила она.

— Пріятно гулять! Какая изумительная погода!

— О, да, погода чрезвычайно пріятная.

— Вы изволите каждый день...

— О, нѣтъ, я собственно ходила справиться... Я вовсе, вовсе не каждый день.

Она кивнула головой и быстро пошла. Щеки ея рдѣли. Онъ долго стоялъ и смотрѣлъ ей вслѣдъ, затѣмъ пожалъ плечами, вздохнулъ и вдругъ разсердился на себя:

„Хорошъ,—подумалъ онъ,—даже не разспросилъ толкомъ... Откуда? Чья такая? Должно быть, изъ пансіона гг. NN. Однако, какъ же это я... Фу, чортъ“.

Ее тоже волновала досада. „Зачѣмъ было такъ рѣзко обрывать разговоръ,—шептала она.—Можетъ быть, хорошій человѣкъ. Гдѣ онъ живетъ? Кто онъ?... Ахъ, какъ это глупо!“

Она возвратилась домой, а человѣкъ въ мѣшковатомъ пальто въ тотъ же день долго не возвращался. Онъ зачѣмъ-то ходилъ далеко, далеко; былъ въ Симеизѣ, ѣлъ виноградъ въ саклѣ проводника Махмуда, о чемъ-то долго говорилъ съ нимъ, бродилъ по симеизскому парку... И только на зарѣ можно было примѣтить, какъ по крутой тропинкѣ къ пансіону гг. NN медленно спускалась высокая фигура, странно и фантастически выступавшая на огненномъ небѣ. Это былъ человѣкъ въ мѣшковатомъ пальто.

I.

Вѣтеръ дулъ съ Яйлы, и море было спокойно на далекое разстояніе. Въ полуверстѣ, а можетъ быть и болѣе, отъ берега ясно и неподвижно обозначалась „кочерьма“ съ поникшими парусами. Она точно врѣзалась въ стеклянную гладь и въ ней застыла, лѣниво дожидаясь попутнаго вѣтра. А между тѣмъ, тамъ, къ горизонту, за этой стеклянной голубой гладью, густо синѣла зыбь; только тамъ будто зачиналось настоящее море, подвижное и волнистое... тамъ, точно птицы, одинъ за другимъ тянулись корабли, сверкали паруса, погасая, какъ искры, въ тонкомъ туманѣ.

Около пансіона гг. NN, на ветхой деревянной скамеечкѣ, примощенной къ большому камню, сидѣли двѣ женщины. Одна—

блѣдная, сгорбленная, съ пушистыми сѣдыми волосами, полуприкрытыми черной кружевной накидкой, съ меланхолической улыбкой на увядшихъ, точно вдавленныхъ губахъ, съ хрупкими и прозрачными руками, безсильно опущенными на колѣни. Другая—стройная, худенькая, напоминающая первую нѣжностью и изяществомъ своихъ очертаній, но еще очень молодая, съ мечтательнымъ взглядомъ темныхъ, широко раскрытыхъ глазъ, пристально устремленныхъ въ сторону моря.

Отъ мѣста, гдѣ сидѣли женщины, круто сбѣгала къ морю узкая и глубокая долина. Теперь она являла видъ необыкновенной пестроты и странныхъ противоположностей: дорожки были усѣяны опавшей листвой, тамъ и сямъ виднѣлись оголенныя чинары и орѣшины, багровыми пятнами красовались дубы, сиротливо торчалъ миндальникъ,—воздухъ былъ насыщенъ запахомъ увяданія!—и тутъ же синѣли одичавшія оливы, зеленѣлъ лавръ, толпились густо одѣтые кипарисы, цвѣли свѣжія и душистыя розы... Грязные, только что взрытые виноградники чередовались съ яркозелеными лужайками,—весна—съ самой несомнѣнной и грустной осенью.

— Ахъ, мама, все я не привыкну къ этому морю!—сказала молодая.—Совсѣмъ, совсѣмъ не вода! Смотри! Это пустыня какая-то, а не вода. Голубая, тоскливая пустыня...

— И добавь, Ната, прекрасная, какъ прекрасно все, что исходитъ изъ рукъ Творца,—съ снисходительной улыбкой отвѣтила мать.

— О, да. Но тоскливая, мама... Смотри въ даль... Ну, такъ и тянетъ за этими парусами. Куда, сама не знаешь... а душа болитъ. Отчего это, мама? Гляди, какъ сверкнулъ этотъ парусъ... У, какая даль!

— Вотъ, дитя, поѣдешь когда-нибудь... Поѣдешь за границу, въ Венецію, въ Неаполь, на Ривьеру. Развѣ это жизнь здѣсь у насъ? Какъ все дико, глухо, запущено!... и это въ Крыму! А вспомни, что дѣлается у насъ тамъ, въ нашей милѣйшей Тамбовской губерніи... грязь, сѣрыя тучи, дождикъ, неопрятные крестьяне въ лаптяхъ и въ вонючихъ тулупахъ, эти вѣчные неурожаи, эти ужасные земскіе налоги, эти невоспитанные люди кругомъ.. Ахъ, какая несчастная жизнь, Ната!

— Ну, мама, ну ты теперь пошла,—смягчая улыбкой нетерпѣливую гримасу, возразила Ната.—Я не знаю, но, право же, мама, ты не совсѣмъ справедлива; развѣ плохо у насъ весною?... И лѣтомъ, мама, и лѣтомъ? Ахъ, нѣтъ, ты не говори этого... милая, милая Плàвица! ты не забудь, сколько тамъ прелестей!

— Сколько же, дитя?

— Роща—разъ.

— Кабатчикъ Авдѣй теперь ужъ рубитъ рощу. Ты забываешь, что на эти деньги мы только и могли поѣхать въ Крымъ.

— Ну, что же, если это необходимо; и потомъ роща опять выростетъ... А наши луга за рѣкою,—развѣ это не прелесть? Выйдешь лѣтомъ на балконъ—какой видъ! или ночью, когда косятъ: огни, пѣсни, запахъ сѣна... Развѣ это не прелесть?

— Но, дорогая моя, ты забываешь, что луга я принуждена была сдать въ аренду мѣщанамъ,—знаешь, этимъ засаленнымъ людямъ въ длиннополыхъ одеждахъ, они еще пріѣзжали наканунѣ нашего отъѣзда?

— Ахъ, этимъ... Но вѣдь луга всетаки остаются наши. Вѣдь ты не *продала*, но *сдала*. Охъ, мама, вѣдь это большая разница „продать“ или „сдать“.

— Луга будутъ наши, но ихъ распашутъ, „вздерутъ“, какъ они выражаются на своемъ ужасномъ языкѣ, на нихъ уже не будетъ травы, не будетъ полевыхъ цвѣтовъ, которые ты такъ любишь...

Ната затуманилась, но вдругъ съ притворной веселостью воскликнула:

— А знаешь, мама, что я подумала: Авдѣй вырубитъ рощу, и какой видъ откроется у насъ изъ гостиной: рѣка, за рѣкой будетъ видно село, будетъ бѣлѣть церковь... Удивительный откроется видъ! и наша деревня будетъ тогда видна. Вотъ я не понимаю, мама, зачѣмъ переселилъ папа деревню за рощу. Вѣдь она была прямо противъ дома. И я нахожу гораздо веселѣе, когда деревня противъ дома. Правда, веселѣе? Вотъ няня говоритъ, ужасно было трудно крестьянамъ переселяться: все ломали, бросали эти свои старыя мѣста, женщины плакали... И зачѣмъ, мама, солдаты ломали избы? Развѣ крестьянамъ было тяжело однимъ ломать? солдаты подсобляли крестьянамъ? и развѣ есть такой хорошій законъ, чтобы крестьянамъ подсоблять, когда трудно?

— Н-да...—процѣдила мать и, переходя въ дѣловой тонъ, спросила:—а ты, Ната, смотрѣла меню сегодня? Что мы будемъ обѣдать—неужели опять эту рыбу?

Ната засмѣялась.

— Кефаль! Вообрази, бѣдная мама, опять кефаль! И кефаль, и супъ изъ цвѣтной капусты, и пудингъ изъ орѣховъ... и опять костромской аптекарь анекдоты будетъ разсказывать изъ своей практики. Вотъ онъ неистощимый, этотъ аптекарь.

— Ужасное общество,—со вздохомъ вымолвила мать,—вотъ

неудобство дешевыхъ пансіоновъ. Этотъ молодой человѣкъ... какъ бишь его—Цѣлосвѣтскій, Купносвѣтскій?

— Цѣлокупскій.

— Ужасный молодой человѣкъ... что за жаргонъ, что за манеры! Ты замѣтила, Ната, какъ онъ ѣстъ... Богъ мой, какъ я страдаю, когда онъ ѣстъ. И это жаль, потому что вообще онъ очень представительный...

— О, мама, ты бы посмотрѣла его въ спорахъ. Я вчера вечеромъ пошла въ гостиную, и, вообрази, какъ онъ спорилъ съ этой дамой изъ Смоленска! Вообрази, мама, развалился на диванѣ, руки въ карманахъ, и ужъ онъ съ ней, онъ съ ней... Мнѣ сначала ужасно было смѣшно, но потомъ я испугалась. Знаешь, какія онъ вещи сталъ ей говорить?... Невѣроятныя вещи! Вы, говоритъ, отсталая самка, вы, говоритъ...

— Ахъ, Ната.

— Вы, говоритъ, ерундистка...

— Боже мой!

— Удивительно, мама. Та раскраснѣлась, голосъ у ней прерывается... Ну такъ я и ждала, что она бросится въ драку.

— И ты... ты не ушла?

— Но мнѣ такъ хотѣлось разучить эту граціозную вещичку Чайковскаго... такъ хотѣлось! И притомъ, право же, ничего. Ты сама говоришь—надо привыкать.

— Но какое общество для тебя. Дама сама, вѣроятно, дала поводъ. Она такая непріятная, у ней такія манеры... Но всетаки...

— Ну, что же особеннаго? Вотъ Цѣлокупскій немножко странный,—знаешь, что мнѣ особенно не нравится—онъ какъ-то такъ всегда смотритъ на меня... и потомъ, куда бы я ни пошла, онъ вѣчно, вѣчно окажется гдѣ-нибудь около. Вотъ, дѣйствительно, это мнѣ не совсѣмъ нравится, а то, право, ничего... дама изъ Смоленска, аптекарь, эти сестры изъ Фатежа, молчаливый винокуренный заводчикъ... да всѣ. Правда, они очень скучные, но, мама, они, должно быть, прекрасные люди.

— Манеры, манеры, Ната.

— Да, манеры... Но неужели, мама, это дѣйствительно такъ важно? Помнишь Гусёнковъ? Вѣдь ты же говорила, какой онъ милый и достойный человѣкъ, а между тѣмъ...

— Что же „между тѣмъ“,—вдругъ, оживляясь, сказала мать,—и всегда скажу: прекрасный молодой человѣкъ—Михей Константиновичъ.

— Фи! во-первыхъ, онъ „Михей“...

— Но ты забываешь, Ната, какъ онъ молодъ. Съ нимъ все,

все можно сдѣлать... разумѣется, женщинѣ, и добавь, такой женщинѣ, которую онъ страстно любитъ.

— А онъ развѣ любитъ кого?

— Ахъ, Ната!—воскликнула мать и въ это укоризненное восклицаніе вложила столько затаеннаго смысла, что Ната снова сдѣлала нетерпѣливую гримаску и быстро обратила глаза въ сторону моря.

Между тѣмъ мать въ какомъ-то необычайномъ возбужденіи быстро и незамѣтно перекрестила свою плоскую грудь, сжала тонкіе пальцы такъ, что они хрустнули, глубоко втянула въ себя воздухъ и голосомъ, въ которомъ дрожали скрытыя слезы, произнесла:

— Я давно и серьезно хотѣла поговорить съ тобою, Ната.

— Послѣ, мама!

— Я серьезно буду говорить, дитя мое.

— Охъ, мама, неужели нельзя послѣ?

— Поздно будетъ, милая моя дѣвочка, повѣрь, будетъ поздно...—и все болѣе и болѣе возбуждаясь, перемежая слова короткими нервическими вздохами и выразительными паузами, она продолжала:—Я стара и больна... Мы не будемъ говорить о твоемъ отцѣ—Богъ ему судья!... Но не надо же забывать, что онъ оставилъ разстроенное, погубленное состояніе... Правда, не во всемъ онъ виноватъ: съ нами поступили жестоко, несправедливо... дворянство унизили, разорили... Твой прадѣдъ бралъ Парижъ, проливалъ кровь, и вотъ теперь... Что съ тобою будетъ, дитя мое? Кромѣ всего, что мы продали—Плàвица заложена... и я скажу откровенно: нѣтъ, наконецъ, моихъ силъ хозяйничать при такихъ порядкахъ. Развѣ безъ мужчины можно справиться со всѣмъ этимъ воровствомъ, съ пьянствомъ рабочихъ, съ земскими налогами и тому подобнымъ? Я принуждена сказать тебѣ, Ната—у меня руки опускаются. Ты знаешь, сколько я смѣнила приказчиковъ. И развѣ этотъ Эльпидифоръ лучше другихъ? Конечно, такой же наглый и плутоватый... Вотъ теперь луга и роща... Но вѣдь это послѣдніе ресурсы, дорогая моя. Плавица два раза назначалась къ публичной продажѣ, и какихъ мнѣ стоило страданій отклонить это, ты не знаешь! Но теперь я затрудняюсь, я рѣшительно затрудняюсь, Ната: послѣ рощи, послѣ луговъ намъ нечѣмъ будетъ жить. Я откровенно скажу, дитя мое, я привыкла страдать (она вынула кружевной платокъ и приложила его къ глазамъ). Но... я стара и больна... и смерть у меня за плечами, Ната!

Ната порывисто обернулась и обняла мать; все ея лицо было въ слезахъ.

— О, мама, мама, что ты говоришь!—вскрикнула она въ ужасѣ.—Не говори этого!... Все, все, что хочешь, но не это. Ты не должна умереть, не можешь умереть!... слышишь?

Мать страдальчески улыбнулась и тихо оправила прядь волосъ, выскользнувшую изъ-подъ шляпы дочери.

— Я напишу ему,—прошептала она,—ты позволишь, Ната?

— Но, мама, развѣ непремѣнно здѣсь... развѣ нельзя послѣ гдѣ-нибудь?

— Ахъ, какая ты странная! Ну, погоди, ну, будемъ говорить откровенно... Ты, Ната, ужасно, ужасно еще молода!

— Въ томъ-то и дѣло, мама,—въ порывѣ глубокаго отчаянія воскликнула дѣвушка,—въ томъ-то и дѣло!...

Мать пропустила безъ вниманія это восклицаніе и поспѣшно, убѣдительно заговорила, понижая голосъ почти до шопота:

— Я стара и больна... Безъ состоянія, что можетъ дѣвушка въ наше время? Ничего!... Ну, хорошо, ну, ты скажешь—тетя. Но вѣдь въ приживалкахъ невесело, дѣвочка моя! У княгини Татьяны Васильевны свои дѣти и свои заботы. Какъ она посмотритъ... Я буду прямо говорить: какъ она будетъ смотрѣть на нищую родственницу!

— О, мама!

— На *нищую,* Ната! И развѣ она будетъ смотрѣть равнодушно, какъ около этихъ долговязыхъ ея княженъ появишься ты, моя прелесть! И притомъ, что такое нынѣшняя молодежь? Развѣ теперь цѣнятся красота, изящныя манеры, воспитаніе, наконецъ, родъ?... О, милая, какъ теперь смотрятъ на это. Да вотъ тебѣ—Бетси пишетъ: помнишь флигель-адъютанта Колыванцева?...

— Это тотъ, что тогда былъ у насъ въ ложѣ?

— Да, да. И вообрази, этотъ Колыванцевъ женился на купчихѣ и взялъ триста тысячъ. И прекрасно. Купчиху онъ никому не показываетъ, а самъ заплатилъ всѣ долги и теперь счастливъ.

— Но мерзко какъ!

— Духъ вѣка, Ната. Нужно считаться съ духомъ вѣка. Тебѣ же не предстоитъ никакой двусмысленности!... Будемъ говорить откровенно: Михѣй Константиновичъ, правда, сынъ купца, но, во-первыхъ, онъ кончилъ курсъ въ этомъ ихъ университетѣ, ну, какъ бишь его: купеческій университетъ.

— Онъ говорилъ—въ академіи коммерческихъ наукъ.

— Вотъ видишь, даже въ академіи. Затѣмъ, Ната, это тяжело, но я должна сознаться: наступаетъ странное время: что такое купецъ, что такое дворянинъ, графъ, князь!—все смѣшалось. Боже мой, если бы мнѣ сказали, когда я выходила замужъ за твоего

папа—за Юрія Васильевича Тибякина, Ната,—что я буду сидѣть за столомъ рядомъ съ какимъ-то поповичемъ Купносвѣтскимъ!

— Цѣлокупскимъ, мама.

— Съ какимъ-то Цѣлокупскимъ!... Что я буду зимовать въ Крыму въ дешевомъ пансіонѣ и притомъ, когда мое здоровье рѣшительно, рѣшительно требуетъ Сорренто, я бы не повѣрила, я бы засмѣялась этому, а теперь, видишь... Но ты смотри, Ната, я покоряюсь. Вездѣ, вездѣ демократія—этотъ народъ, эти люди изъ народа. Ты была въ Юрзуфѣ—какое великолѣпіе, и что же?—владѣтель Юрзуфа—мужичокъ Губонинъ. Ахъ, Ната, приходится дорожить этими людьми, нужно брать эту силу (она вытянула руку и сжала свой кулачокъ), нужно приручать ее. И кому же, какъ не тебѣ, Ната! Вообрази, что бы ты сдѣлала съ этимъ стотысячнымъ доходомъ! Сто тысячъ въ годъ, въ каждый годъ, дитя мое. Тебя влечетъ эта даль (она неопредѣленно махнула рукою)—это море, эти корабли?... все будетъ твое, все будетъ у твоихъ ногъ. Ты еще не испытала этой прелести все видѣть, всѣмъ наслаждаться... ты не видѣла эти лагуны, эти поэтическіе дворцы, гондолы, каналы—помнишь, ты читала что-то изъ Тургенева?

— „Наканунѣ“, — прошептала дѣвушка, перебирая оборку платья.

— Помнишь. А Неаполь, а Римъ, а это прелестное Монтре, озера, снѣговыя вершины!... и Парижъ, дитя мое, Парижъ! Эти великолѣпные бульвары, этотъ Булонскій лѣсъ, Елисейскія поля... Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, не могу я вспоминать...

Она томно закрыла рукой глаза и, откинувшись на спинку скамейки, нѣсколько минутъ молчала. Ната тоже молчала, только нервное трепетанье ноздрей да жадно полуоткрытыя и пересохшія губы изобличали ея душевное волненіе.

— Я стара... развѣ я проживу при такихъ условіяхъ больше двухъ, трехъ лѣтъ?—съ новою силой заговорила мать, и снова въ ея голосѣ послышались слезы.

Ната крѣпко укусила платокъ.

— Я чувствую съ каждымъ днемъ, Ната, грудь моя болитъ... силы слабѣютъ... А между тѣмъ я знаю, эта восхитительная Италія исцѣлитъ меня... совершенно исцѣлитъ... Дѣвочка моя, неужели и по-твоему я такъ стара, что мнѣ пора умирать?...

— Но, Боже мой, что ты хочешь, мама? чего ты хочешь?—вскрикнула Ната.

— Doucement, doucement...—прошептала мать, тревожно оглядываясь, и въ свою очередь задергала платокъ зубами.

Ната горько заплакала.

— Ну, хорошо,— сказала она, всхлипывая,— ну, пиши ему... Мнѣ все равно... Пиши, если это нужно... Ты знаешь... ты знаешь очень хорошо... я все сдѣлаю, если это нужно... Я все сдѣлаю для тебя.

Тибякина широко разставила руки и привлекла къ себѣ дочь. И ея печальная улыбка на мгновеніе смѣнилась торжествующей улыбкой, и выцвѣтшіе глаза съ видомъ благодарнаго умиленія обратились къ небу. Но дѣвушка ничего не видала. Прильнувъ лицомъ къ кашемировому корсажу матери, она плакала навзрыдъ. И мать почувствовала, наконецъ, что надо облегчить это „наивное“ горе. Наклонясь къ самому уху дѣвушки, она заговорила сладко и вкрадчиво:

— Полно, полно... Ну, что-жъ изъ того, что онъ пріѣдетъ! Тебя ни къ чему не обязываетъ его пріѣздъ. Побудете вмѣстѣ, посмотришь... Узнаешь ближе! Это ни къ чему не обязываетъ. Ты такъ мало знаешь его, а между тѣмъ, какой онъ деликатный человѣкъ, какой великодушный! Напримѣръ, такой фактъ: у него въ имѣніи по какому-то несчастію оторвало молотилкой руку рабочему... И ты знаешь, что онъ сдѣлалъ? не знаешь? Сто рублей приказалъ выдать единовременно и каждый мѣсяцъ сколько-то пудовъ муки. И это навсегда, Ната, навѣчно, покуда будетъ живъ этотъ неосторожный мужичокъ... А главное, его пріѣздъ ни къ чему не обязываетъ. Конечно, ты пожалѣешь мать... и потомъ, нужно только получше сообразить, какое это счастіе для тебя... Но посмотри, какъ осторожно я напишу ему... О, ты будь увѣрена, что я сумѣю написать. И затѣмъ, я вотъ что скажу, милая дѣвочка. Когда обстоятельства складываются такъ, что есть только одинъ выборъ—это знакъ воли Божіей. Богъ посылаетъ намъ счастіе въ формѣ Михея Константиновича, надо подчиняться Его изволенію. Онъ есть благъ и премудрый. Смотри: Онъ создалъ это прекрасное море и эти горы—и создалъ насъ. И вотъ мы видимъ—тамъ волны и тамъ зеркальную поверхность. Ужели это безъ Его воли, Ната? И неужели ты не видишь, что Его воля создаетъ и благословляетъ обстоятельства нашей жизни? Нѣтъ, Ната, будь религіозна, и повѣрь, что это именно такъ!... И потомъ, повторяю тебѣ, я сумѣю написать Михѣю Константиновичу. Ты его не любишь, что за бѣда. Ты тѣмъ болѣе останешься христіанка. Ахъ, Ната, любовь—это такое вульгарное, такое недостойное чувство!

И вкрадчивый лепетъ сдѣлалъ, наконецъ, свое дѣло: прикоснулся ли онъ къ струнамъ великодушія, сообщивъ о „неосторожномъ мужичкѣ“, или двинулъ иныя струны намеками на от-

срочку окончательнаго рѣшенія, или окончательно покорилъ Нату „философскими“ соображеніями, но слезы ея мало-по-малу высохли, и она выпрямилась, попрежнему спокойная и серьезная. И только преувеличенный блескъ ея взгляда говорилъ о преувеличенномъ возбужденіи, испытанномъ ею, а, можетъ быть, и о томъ, что наружное спокойствіе было обманчиво.

Зазвонили къ обѣду. Тибякина оправила волосы, провела руками по оборкамъ нѣсколько смятаго платья и, вооруживъ свое истомленное лицо выраженіемъ полупрезрительной снисходительности, встала.

— Иди, мама, я сейчасъ,—быстро проговорила Ната.

Тибякина хотѣла что-то сказать, но только шевельнула губами и плавно пошла по направленію къ общей пансіонской столовой. Цѣлокупскій встрѣтилъ ее на площадкѣ. Оскаливъ прекрасные зубы, онъ съ отлетцемъ приподнялъ свою шляпу „котелкомъ“, низко поклонился и съ какой-то дружелюбной развязностью вымолвилъ:

— Наше почтеніе-съ, Анна Николаевна.

Тибякина искоса посмотрѣла на него, сдѣлала пріятное лицо и слегка кивнула головой.

Ната осталась одна. Когда шаги матери не стали слышны, она глубоко, глубоко вздохнула, заломила руки за голову и, прислонившись къ камню, замерла въ неподвижной позѣ.

Все было тихо, только мѣрный ропотъ морского прибоя доносился съ далекаго берега и нарушалъ глубокую тишину своимъ невнятнымъ и загадочнымъ бормотаніемъ.

II.

Послѣ обѣда Тибякины отказались отъ кофе и ушли къ себѣ. Тамъ съ лица Анны Николаевны тотчасъ же исчезло обычное ей въ пансіонскомъ обществѣ выраженіе снисходительности. Но сегодня она, вопреки своему обыкновенію, не пожаловалась на обѣдъ съ вѣчной „кефалью“ и позабыла возмутиться несчастной манерой господина Цѣлокупскаго ѣсть съ ножа, а костромского аптекаря—некстати разсказывать анекдоты. Мало того, сегодня она не пришла въ негодованіе отъ поступка, изъ ряда вонъ выходящаго: тотъ же Цѣлокупскій осмѣлился предложить ей вина изъ своей бутылки и, притомъ, самымъ фамильярнѣйшимъ тономъ. Это такъ не вязалось съ положеніемъ Тибякиныхъ въ пансіонскомъ обществѣ, давало такой несчастный поводъ заподозрить все „общество“ въ незнаніи приличій, такъ оправдывало „гордя-

чекъ“, до сихъ поръ „задиравшихъ носъ“ передъ „обществомъ“,— что во время выходки Цѣлокупскаго нѣкоторые покраснѣли до корня волосъ, а послѣ обѣда ему пришлось выдержать ожесточенныя и язвительныя укоризны. Анна же Николаевна ничуть не оскорбилась этой выходкой и даже очень любезно проглотила глотокъ вина и поблагодарила Цѣлокупскаго. Вошедши въ свою комнату, она тихо обняла Нату за талію и, молитвенно заглядывая ей въ глаза, сказала:

— Я могу писать теперь же, Ната?

— Вѣдь это рѣшено, мама,—съ нетерпѣніемъ отвѣтила дѣвушка и, не поднимая глазъ, точно опасаясь выдать ихъ выраженіе, добавила:—Я схожу на Исаръ и, можетъ быть, пройду къ морю... Ты не безпокойся, если я возвращусь не совсѣмъ скоро.

— Къ морю... одна!

— Позволь мнѣ, мама.

— Ну, Господь съ тобой, Господь съ тобой,—торопливо сказала Анна Николаевна, отступая на этотъ разъ отъ своего неизмѣннаго правила не отпускать дочери одной на морской берегъ.

Ната накинула кофточку, взяла зонтикъ и, не оглядываясь, вышла изъ комнаты. Тогда Анна Николаевна съ глубокимъ чувствомъ наслажденія стала размышлять о томъ, что случилось сегодня. Долго она готовилась къ разговору съ Натой и съ тайнымъ страхомъ ожидала послѣдствій отъ такого разговора. Теперь страхъ прошелъ, осталась одна радость. Господи, какая сложная вещь—устроить счастье дочери! Нужно вѣдь бороться съ этой милой дѣвической наивностью,—нужно справиться съ романтическими наклонностями, съ сумасбродными понятіями... Ну, зато и не скажутъ, что она вышла посрамленною изъ этой сложной борьбы. И Анна Николаевна лукаво улыбалась, вспоминая свою полититу. Что дѣлать! ей пришлось немного помучить бѣдную дѣвочку: упомянуть о своей болѣзни, о смерти,—ни въ болѣзнь свою она хорошенько не вѣрила, хотя и любила частенько на нее ссылаться, ни о смерти не думала—какая смерть въ пятьдесятъ два года! Но что же дѣлать, когда нужно было показать милому противнику и эти козыри... Пусть поплачетъ, пусть погруститъ на своемъ Исарѣ, зато послѣ сама посмѣется надъ своими слезами, сама поблагодаритъ и помянетъ добромъ „хитрую маму“. Сто тысячъ дохода, это вѣдь значитъ что-нибудь!... Гдѣ теперь такіе женихи? Гдѣ такія поистинѣ баснословныя состоянія! И судьба Наты развертывалась передъ Анной Николаевной рядомъ лучезарнѣйшихъ картинъ. Она воображала ее въ бриліантахъ, въ кружевахъ, въ изумительныхъ костюмахъ отъ Ворта,

она видѣла ее на тысячныхъ рысакахъ въ Булонскомъ лѣсу, въ оперѣ, на балу англійскаго посольства, въ аристократическомъ салонѣ графини Б.,—видѣла въ полномъ расцвѣтѣ молодости и красоты, во всемъ блескѣ роскоши, богатства и могущества...

Этимъ, однако, не ограничилось опьяненное материнскимъ восторгомъ воображеніе Анны Николаевны: мало-по-малу ей стали представляться иныя картины, открывались перспективы странныя и даже фантастическія: въ Нату влюбляется гдѣ-нибудь въ Біарицѣ „владѣтельная особа", Михей Константиновичъ почтительно устраняется, Ната вступаетъ въ морганатическій бракъ съ владѣтельной особой... Господи, да развѣ не бывало примѣровъ! Дальше слѣдовалъ уже сплошной блескъ, сотканный изъ знаменитостей, изъ министровъ и посланниковъ, изъ звѣздъ и титуловъ, изъ загородныхъ замковъ и дворцовъ, переполненныхъ чудесами искусства... Что же касается до счастливой матери, о, повѣрьте, она удовольствуется небольшимъ: скромное мѣстечко въ салонѣ дочери, остроумная бесѣда „tête-à-tête" съ какимъ-нибудь Онэ или Доде, или съ бразильскимъ посланникомъ—Анну Николаевну всегда очень интересовала Бразилія, — наконецъ, устроенная на англійскій ладъ Плавица, гдѣ высокопоставленный зять отдыхалъ бы съ своей обожаемой женой мѣсяцъ или два въ году,—вотъ и все. Правда, проскальзывало и еще „нѣчто" въ мечтахъ „счастливой матери", когда она думала о своей скромной жизни на Плавицѣ: въ туманѣ сладкихъ грёзъ мелькали чьи-то великолѣпные зубы, чьи-то румяныя щеки и высокая фигура... но это такъ тускло и неопредѣленно, такъ безсознательно, съ такимъ ощущеніемъ раскаянія, что не стоитъ объ этомъ и говорить... Затѣмъ, и вообще отдадимъ справедливость Аннѣ Николаевнѣ: не сразу она поддалась соблазну и не сразу подумала о „владѣтельной особѣ": это случилось незамѣтно, медленно, не послѣдовательно: сначала только мелькнуло и вмѣсто удовольствія причинило нѣкоторый стыдъ Аннѣ Николаевнѣ, потомъ возвратилось и до тѣхъ поръ стояло въ воображеніи, пока ослабшій къ тому времени стыдъ вновь не собрался съ силами, и ужъ долго спустя, когда мечты о балѣ въ посольствѣ и объ аристократическомъ салонѣ графини Б. непріятно были нарушены воспоминаніемъ, что всетаки „Гусенковъ" превульгарная фамилія, воображеніе Анны Николаевны окончательно опьянѣло и безстыдно завершило свою игру „морганатическимъ бракомъ" и разговорами tête-à-tête съ Онэ и Доде. Зато, когда это, наконецъ, сдѣлалось, самое необузданное блаженство охватило душу Анны Николаевны, она не могла выносить дольше, губы ея перекоси-

лись и безпомощно дрогнули, глаза налились слезами... она порывисто встала съ диванчика и съ видомъ неописуемаго восторга бросилась на колѣни передъ маленькимъ образкомъ въ золотомъ окладѣ, висѣвшимъ надъ ея кроватью. Это былъ фамильный образокъ Тибякиныхъ. Дѣдъ Анны Николаевны носилъ его на груди всю кампанію 12-го года, Анна Николаевна и здѣсь не разставалась съ нимъ, относясь къ образамъ „пансіона" только съ обязательной для свѣтской дамы вѣжливостью.

— Боже! благодарю тебя, — вскрикнула она, ударяя себя въ грудь и всхлипывая, какъ ребенокъ.—Ты услыхалъ молитвы матери!... Ты явилъ свою неизрекаемую благость... Помоги. Соверши до конца. Размягчи сердце рабы Наталіи, яко воскъ!...

— Наше нижайшее, Анна Николаевна! — внезапно раздался громкій голосъ, и передъ окномъ очутилось румяное лицо, съ оттопыренными щеками, точно подбитыми ватой, съ румянымъ, смѣющимся ртомъ, въ которомъ блестѣли великолѣпнѣйшіе зубы.

Ошеломленная Анна Николаевна такъ и затрепетала; она истерически вскрикнула, хотѣла было упасть въ обморокъ, но чувство негодованія или, лучше сказать, сильнѣйшаго раздраженія превозмогло и, вскочивъ, какъ на пружинахъ, съ полу, она, съ трагическимъ видомъ оскорбленной королевы, произнесла:

— Какъ вы смѣете, г. Цѣпнокупскій? И развѣ можно такъ неожиданно!

— Пардонъ. Мое прозвище—Цѣлокупскій, почтеннѣйшая Анна Николаевна, а чтобъ не затруднять васъ симъ варварскимъ словомъ, имѣю честь объявить имя-отчество: Агаѳоклъ Елисеевичъ. Можете, впрочемъ, говорить кратко: мосье Агаѳоклъ. Какая вы тонкая бестія, мосье Агаѳоклъ! Какой вы политикъ, мосье Агаѳоклъ! Какъ вы успѣли пронюхать секретъ уловленія Михея Гусенкова, мосье Агаѳоклъ! Ха-ха-ха! Вѣдь я, барынька, все слышалъ и всю вашу интригу проникъ!

У Анны Николаевны въ другой разъ вырвалось истерическое восклицаніе, она опять хотѣла упасть въ обморокъ, рука ея, судорожно сжимаясь, уже искала флакончикъ съ спиртомъ,—но чувство безотчетнаго ужаса, чувство неизъяснимаго стыда остановили ее: ей представилось, что „все пропало", а второпяхъ она вообразила — у ней вѣдь было очень богатое и очень пылкое воображеніе, — что всѣ ея затаенныя мысли подслушалъ Цѣлокупскій, и „морганатическій бракъ", и „загородный замокъ", и „салонъ съ посланниками", и все, все, въ чемъ иной разъ даже и себѣ неловко сознаться... И вслѣдъ за этимъ ей мгновенно представилось, что спасеніе заключается лишь въ одномъ: во что бы

то ни стало задобрить Цѣлокупскаго, привлечь, обворожить, купить, если это понадобится, какой угодно цѣной... и въ суматохѣ разнообразнѣйшихъ ощущеній, вмѣстѣ съ испугомъ, съ подавляющимъ страхомъ, въ ея душѣ пробѣжало какой-то мимолетной струей пріятное чувство, что приходится задобривать, покупать, привлекать именно этого человѣка, а не аптекаря, напримѣръ, не противную даму изъ Смоленска. Шевельнулась даже мысль,—правда, совсѣмъ мгновенная, скорѣе какой-то зародышъ мысли, едва замѣтная черточка мысли, — тотчасъ же предложить этому человѣку мѣсто управляющаго у себя на Плавицѣ... Господи! Какъ же его звать Аѳогъ... Аѳагогъ... ахъ, Агаѳоклъ Елисеичъ!

— Ради Создателя, тише, Агаѳоклъ Елисеичъ! — едва внятно залепетала она, силясь изобразить плѣнительную улыбку,—ради Бога!... Въ окно такъ неудобно... не будете ли любезны зайти... Мы съ вами по-дружески, по-пріятельски tête-à-tête обсудимъ... О, я всегда цѣнила ваше благородное сердце, я васъ давно, давно замѣтила, Агаѳоклъ Елисеевичъ!

— Можно, можно. Что-жъ, я не прочь и по-пріятельски, — снисходительно отвѣтилъ Цѣлокупскій, не переставая смѣяться, и, грузно стуча своими высокими сапожищами, направился къ дверямъ „Тибякинскаго“ флигелька.

Мы, однако, пока умолчимъ о возникшемъ здѣсь важномъ и любопытномъ разговорѣ, а также и о томъ, съ какой нервической торопливостью Анна Николаевна приводила въ порядокъ свое возбужденное лицо и что̀ она успѣла сдѣлать съ этимъ лицомъ, быстро забѣжавъ къ зеркалу, а затѣмъ къ туалетному столику.

Ната шла твердой и быстрой походкой по узкой тропинкѣ, ведущей въ гору. Далеко изъ долины можно было видѣть ея стройную и высокую фигуру, отчетливо отдѣлявшуюся на фонѣ желтовато-сѣрыхъ скалъ, висѣвшихъ надъ тропинкой.

Это былъ пріятный путь для тѣхъ, кто любитъ широкіе и разнообразные виды. Съ каждымъ поворотомъ тропинки окрестности раздвигались, изъ-за горъ поднимались новыя горы, за гранитными зубцами показывались новые зубцы; видно было, какъ Яйла поворачивала къ далекимъ Байдарамъ... Берегъ развертывалъ долину за долиной, пестрѣли скрытыя за холмами деревни и усадьбы, море становилось просторнѣе, шире, свободнѣе...

Ната не въ первый разъ подымалась по этой тропинкѣ и всходила на Исаръ — груду безпорядочно набросанныхъ камней, мѣстами сохранившихъ признаки какого-то первобытнаго укрѣпленія. Но еще въ первый разъ она шла, не примѣчая окрестностей, не любуясь видомъ горъ и долинъ, не привѣтствуя радостнымъ

взглядомъ широко распростертаго моря съ его загадочной далью и величавой пустынностью... Глаза ея были опущены, длинныя рѣсницы бросали тѣнь на блѣдное, тоскливо-сосредоточенное лицо. Мелкіе камешки катились изъ-подъ ея ногъ, мѣстами съ тихимъ шорохомъ осыпалась глина,—она и этого не замѣчала, глубоко погруженная въ свои печальныя мысли. О чемъ она думала? Да все о томъ, что она еще очень молода и ничего, такъ-таки рѣшительно ничего не знаетъ. Еще вчера это не такъ ее печалило, и даже совсѣмъ не печалило, а только придавало всѣмъ ея впечатлѣніямъ видъ особой мечтательности: то, что было ей непонятно, она старалась угадывать мечтой, и въ сладкомъ туманѣ этой мечты покорно расплывалась несообразная дѣйствительность, смягчались ея грубыя краски и затѣйливо перепутанныя линіи. Г. Цѣлокупскій поругался съ дамой изъ Смоленска. Ну что-жъ, это дико и непріятно; кто правъ у нихъ и кто виноватъ, этого Ната не можетъ рѣшить, но „всетаки они, должно быть, прекрасные люди“, вотъ г. Цѣлокупскій занимается въ какомъ-то банкѣ, на немъ лежитъ „бремя“, и онъ съ мужествомъ несетъ его, онъ служитъ обществу, дама изъ Смоленска—вдова, у ней сыновья, она воспитываетъ „гражданъ“... Папа переселилъ деревню съ стараго мѣста: женщины плакали, мужчинамъ было грустно покидать старое мѣсто... „Но какъ всетаки хорошо, что солдаты приходятъ помогать бѣднымъ крестьянамъ!“

Необходимо, впрочемъ, добавить, что Ната мечтала не отъ одного только незнанія: во всемъ ея странно и нѣжно сложившемся существѣ коренилась эта наклонность. Она, какъ и всѣ институтки, отлично, напримѣръ, знала, что воздухъ, чѣмъ выше отъ земли, тѣмъ рѣже; что въ такъ называемыхъ „небесахъ“ царствуетъ страшный холодъ, мертвящій всякое живое дыханіе; что радуга бываетъ отъ преломленія лучей; что гроза означаетъ собой то самое электричество, которымъ столь безбоязненно управляетъ рыжій и кривой на одинъ глазъ телеграфистъ, принимавшій ея телеграммы въ день ангела „обожаемой maman“... Все это она отлично понимала; а между тѣмъ голубыя небеса смотрѣли ей въ душу тепломъ и радостью, а грозы возбуждали въ ней какую-то таинственную тревогу. Конечно, то было вѣрно, что написано въ учебникахъ и чему учатъ, между прочимъ, и „благородныхъ дѣвицъ“, но небо теплое, ласковое, радостное, но грозы мрачныя, потрясающія, гнѣвныя тоже были „на самомъ дѣлѣ“, и только онѣ настраивали душу Наты на высокій ладъ... „Небеса“ же учебниковъ довольствовались тѣмъ, что настраивали ея разсудокъ да память, устремленные къ очень низменной цѣли:

заслужить похвалу учителя физики и хорошій баллъ въ журналѣ.

И такъ съ самаго дѣтства. Разъ, семилѣтней дѣвочкой, она до истерики разрыдалась, когда ея любимецъ и неизмѣнный товарищъ по играмъ, десятилѣтній сынъ управляющаго, разобралъ на части прелестную куклу Лили. Кукла говорила „ма-ма“ и, точно настоящій человѣкъ, закрывала глаза, когда ее укладывали спать. Коля разобралъ ее не спроста и не изъ шалости: онъ очень любилъ Нату и былъ вообще добронравный мальчикъ; но ему хотѣлось добиться, отчего кукла говорила „ма-ма“ и закрывала глазки, какъ „настоящая“. Онъ разобралъ и все изслѣдовалъ... но напрасно показывалъ съ сіяющими отъ восторга глазенками свинцовую гирьку, привѣшенную къ прекраснымъ голубымъ глазамъ куклы, напрасно, съ видомъ необыкновеннаго торжества, разъяснялъ „глупенькой плаксѣ“, отчего кукла говорила „ма-ма“, а больше ничего не говорила,—Ната была неутѣшна.

— Гадкій... гадкій... ты ее убилъ!... Ты убилъ Лили!—твердила она съ страстной жалостью, перебирая дрожащими отъ волненія и мокрыми отъ слезъ ручонками эмалевые глаза и лайковые лохмотья куклы и не обращая ни малѣйшаго вниманія на обнаруженные Колей секреты. Ей подарили новую куклу, еще лучше и дороже Лили; новая кукла, кромѣ того, что умѣла спать, моргала и показывала зубки, говорила „па-па“ и „ма-ма“, но Ната долго не могла забыть своей безжалостно истерзанной Лили и ходила къ ней на могилку помечтать и поплакать. И ужасно была тронута, когда надъ могилкой, въ кустахъ сирени, поселился соловей и пѣлъ, не въ примѣръ прочимъ, до середины лѣта, до того времени, какъ созрѣла рожь и за садомъ зазвенѣли косы и затянулись иныя пѣсни.

Долго, до самаго института, казалось дѣвочкѣ, что міръ устроенъ именно такъ, какъ она воображаетъ. Къ тому же и няня Пахомовна подтверждала это. Правда, въ досужую минуту „мама“ принималась искоренять всѣ „эти глупости“, Богъ знаетъ откуда „зашедшія въ голову ребенка“, она категорически заявляла Натѣ, что звѣзды вовсе не „очи ангельскія“, а „планеты“. („Кажется, планеты, гм... какъ незамѣтно забываешь!“), что громъ гремитъ не отъ Ильи-пророка, а отъ „электричества“.

— А что такое, мама, электричество?

— Электричество... это... это сила такая...

— И дѣлаетъ громъ?

— Да, и гремитъ... Ты видала: проволоки на столбахъ, помнишь, мы въ Задонскъ ѣздили и ты спрашивала, какія это проволоки?...

— Телеграфъ?

— Ну, то тоже—электричество.

— Какъ, мама, но вѣдь то не гремитъ!

— Да, но всетаки дѣйствуетъ.

— И молніи нѣтъ.

— Это, душечка, только кажется, что нѣтъ, но на самомъ дѣлѣ эта простая проволока... Да, бишь, о чемъ я хотѣла сказать?... Ну вотъ, вотъ, ты вѣчно запачкаешься! смотри, какой фартучекъ!... Ненила Пахомовна, возьмите, переодѣньте Наташу.

Нѣтъ, что говорить! плавный и таинственный шопотъ няни подъ однообразные звуки стальныхъ спицъ и самодовольное мурлыканье кота Азорки куда былъ убѣдительнѣй для Наты, чѣмъ скучный и неловкій разговоръ матери. Какая увѣренность сіяла въ ласковыхъ и серьезныхъ глазахъ няни! Какимъ благоговѣніемъ переполнялся ея шопотъ, когда рѣчь касалась „дивной премудрости Божіей". Какая наивная злоба изображалась на ея морщинистомъ лицѣ, когда приходилось повѣствовать о козняхъ „лукаваго", испортившаго „твореніе Божіе" горами да буераками. И какъ славно мерцала лампадка передъ иконой „Наталіи и Андріана", какъ славно мурлыкалъ Азорка, прищуривая свои умные глаза и важно облизываясь, а въ стекла оконъ глядѣла темная ночь и ласково свѣтились „ангельскія очи".

И такъ прочно залегли въ душу Наты первоначальныя мечты и первоначальная „наука", что когда учитель физики основательнѣйшимъ образомъ распоролъ и разобралъ „Лили" и воочію показалъ „благороднымъ дѣвицамъ" лайковые потроха красивой куклы и свинцовую гирьку, приводящую въ движеніе ея „неземныя очи",—Ната не отказалась отъ своихъ сказокъ. Она только незамѣтно пришла къ тому, что стала раздѣлять всю жизнь на „поэзію и прозу". Проза есть,—что объ этомъ говорить; проза необходима,—что объ этомъ спорить; ее надо знать, все равно, какъ надо знать, изъ какихъ частей рѣчи состоитъ такая прелесть, какъ „Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты, какъ мимолетное видѣнье".

Она сказала себѣ: „надо знать прозу", и, по выходѣ изъ института, добросовѣстно пыталась это дѣлать. Какъ жить самой, какъ живутъ люди, въ чемъ ихъ обязанности и права, какимъ образомъ объясняется ихъ происхожденіе отъ обезьяны (Ната уже слышала, что вначалѣ была обезьяна), что такое „ассоціація" и „политическая экономія", и „пролетаріатъ", и „конституція", и „женскій вопросъ", и „рабочій вопросъ", и „умственное барство", и „нравственная распущенность", и „позитивизмъ", и „соціализмъ",

а вмѣстѣ съ тѣмъ и кто такой былъ Бокль, и что за штука—Американскіе Соединенные Штаты, и почему были во Франціи Наполеонъ первый и Наполеонъ третій, а второго не было, и что такое „на самомъ дѣлѣ“ земство, земское собраніе, земскій гласный,—вотъ что предлежало ей узнать и усвоить въ точности. Какими-то путями въ ихъ строгій и до послѣднихъ еще временъ основательно замкнутый институтъ проникли нѣкоторыя имена, обрывки нѣкоторыхъ теорій, названія книгъ и журнальныхъ статей. Ната достала въ деревнѣ эти книги и принялась читать ихъ. Но дѣло пошло туго и утомительно. Она сидѣла за книгой и переворачивала страницы, выписывала крошечнымъ, оправленнымъ въ серебро карандашикомъ особенно важныя, какъ ей казалось, мысли и особенно „значительные“, мало, а то и вовсе незнакомые ей факты; а въ распахнутое настежь окно гудѣла весна, извивалась серебряной лентой рѣка Плавица, и далеко, далеко уходила мирная деревенская даль. И карандашикъ замиралъ въ неподвижной рукѣ, глаза задумчиво устремлялись въ пространство, мысли, на мгновеніе возбужденныя книгой, погасали, не успѣвъ даже запечатлѣться въ памяти. И нѣсколько времени спустя странно было ей смотрѣть на свои выписки, будто бы доказывающія, что она читала такую-то книгу: буквы начертала точно чужая рука, „значительные факты“ стояли безъ связи, „важныя мысли“ казались случайнымъ сборищемъ „частей рѣчи“ и ровнехонько ничего не говорили ни ея уму, ни, тѣмъ болѣе, сердцу. Да и ей ли, давно не видавшей настоящей деревни, было бороться съ соблазнами деревенской весны, деревенскаго лѣта,—съ соблазнами изумительнаго простора, сверкающаго воздуха, цвѣтовъ, соловьиныхъ пѣсенъ, сладко пахнущихъ липъ? А тутъ „мама“ съ своими ласками, съ своими непрестанными попеченіями и просьбами: то почитать ей вслухъ французскій романъ, только что присланный отъ Готье, то сыграть „что-нибудь изъ божественнаго Шопена“, то пересказать своими словами послѣднія газетныя новости и передовую статью „несравненнаго нашего заступника Михаила Никифоровича“. Затѣмъ отымалось время сосѣдями, и изъ нихъ по преимуществу Михеемъ Константинычемъ Гусёнковымъ, усердно, хотя и по-своему, ухаживавшемъ за Натой... А въ концѣ сентября онѣ уѣхали въ Крымъ.

И вотъ теперь у ней вырвали согласіе на такую перемѣну жизни, которая сразу и навсегда ниспровергала всякія перспективы счастія и знанія. Счастья — потому, что Ната не понимала его въ „бракѣ по расчету“, знанія—потому, что поздно будетъ пользоваться имъ съ опустошенной душою и съ истерзаннымъ

сердцемъ. Во всемъ этомъ предпріятіи Ната видѣла одно: чтобы спасти „маму“, нужно пожертвовать собою. И она не могла не пожертвовать собою, потому что очень любила мать и еще потому, что все ея существо было потрясено несказанной жалостью къ этой, такъ страстно любимой матери. Но ей было не менѣе жалко и себя — и мечтаній своихъ, и своихъ плѣнительныхъ сновъ о счастьѣ... ей было жаль этого хрупкаго и нѣжнаго міра, къ которому грозила дотронуться грубая и совершенно чуждая ей рука „Михея Константиныча“. Она видѣла, что надъ ея душою совершается жестокое насиліе, что порывается нить, связующая ее съ жизнью, съ тѣмъ непосредственнымъ источникомъ счастія, радости и полноты, который до сихъ поръ открытъ былъ для нея... вмѣсто свободы, наступала суровая необходимость подчиненія; вмѣсто неопредѣленной и манящей дали, вставалъ сѣренькій горизонтъ, непріятно плоскій, непріязненно холодный и тѣсный; жизнь, безцвѣтная жизнь, сосредоточенная на мелочахъ, жизнь во власти „разсудка“ и подъ бременемъ тягостныхъ „обязанностей“... И съ другой стороны—страдалица мать и единственный исходъ изъ этихъ, поистинѣ надрывающихъ душу страданій. Какъ примирить это? Какъ уберечь одно и спасти другое? Какъ поступаютъ люди въ подобныхъ случаяхъ? Чѣмъ они руководятся?—Ничего, ничего она не знала.

И чѣмъ больше думала Ната, тѣмъ больше запутывалась въ своихъ мысляхъ, и мысли мало-по-малу обрывались, уступая мѣсто ощущеніямъ жгучей душевной боли. Чувство горькаго безсилія причиняло эту боль, — чувство отчаянія, жалости, злобы; душа ея волновалась, не находя въ себѣ силъ ни на борьбу, ни на примиреніе, потому что невѣдомо ей было, во имя чего бороться, и мучительно не хотѣлось примиряться.

Такъ же машинально, какъ входила по тропинкѣ, Ната взошла на Исаръ, сѣла на свое любимое мѣстечко — большой, плоскій камень наверху развалинъ—и по привычкѣ взглянула кругомъ туманными и равнодушными глазами. И въ первый разъ ничего не отозвалось въ ней въ отвѣтъ удивительной красотѣ, видной съ Исара... А между тѣмъ это былъ тотъ же захватывающій дыханіе просторъ, то же было огромное и пустынное море, та же величественная Яйла съ зубчатымъ вѣнцомъ далекаго Ай-Петри, тѣ же угрюмыя скалы подъ ногами и бѣлое пятно Ай-Тодора и узорная пестрота Симеиза, Алупки, Мисхора, садовъ, парковъ, обнаженныхъ плантацій, каменистыхъ холмовъ и скатовъ, пышно увядающихъ лѣсовъ... Она сидѣла, обнявъ колѣни,

неподвижная, какъ окружающіе ее камни, не замѣчая слезъ, давно текущихъ по ея щекамъ.

Тоскливый ропотъ моря временами долеталъ до вершины и странно нарушалъ глубокую тишину.

III.

— Позвольте спросить, можно ли спуститься къ Симеизу по этой тропинкѣ?

Ната вздрогнула и обернулась. Передъ нею стоялъ молодой человѣкъ въ маленькой шляпѣ, сдвинутой на затылокъ, въ сѣромъ щегольскомъ костюмѣ и желтыхъ кожаныхъ штиблетахъ; за его плечами былъ ранецъ, въ рукахъ — большая острокопечная палка. Увидавъ взволнованное лицо Наты и слезы на ея глазахъ, онъ въ нерѣшительности отступилъ и пробормоталъ какое-то извиненіе. Ната быстро оправилась, незамѣтнымъ движеніемъ руки отерла слезы и съ преувеличенной готовностью, за которой скрывалось желаніе исправить неловкость своего положенія, вскочила съ камня и подошла къ молодому человѣку.

— Вы, вѣроятно, въ первый разъ по этой дорогѣ,—поспѣшно заговорила она нервно-звенящимъ и трепещущимъ голоскомъ,—видно, что въ первый разъ, иначе вы не повернули бы къ Исару. Вы проходили большія каменныя плиты?

— Дольмены? Да.

— Но затѣмъ взяли вправо? Вотъ вамъ и не слѣдовало брать вправо. Нужно было итти прямо, тутъ еще такой есть дубокъ... Да нѣтъ, если въ первый разъ, все равно не найдете, не хотите ли, я провожу васъ?

— Помилуйте, стоитъ ли безпокоиться!—И добавилъ съ пріятной улыбкой:—Мы съ вами встрѣчались около Кикинеиза...

— Да... кажется... Все равно, я хотѣла пройти къ морю... Провожу васъ до Симеиза и затѣмъ пойду...—И, какъ бы тяготясь оставаться долѣе въ томъ мѣстѣ, гдѣ ее застали такъ неожиданно и въ такомъ „интимномъ“ видѣ, Ната торопливо пошла впереди молодого человѣка по направленію къ Симеизу. Неожиданная встрѣча радовала и волновала ее.

— Вы, вѣроятно, изъ N,—сказалъ молодой человѣкъ, называя пансіонъ, — я, право, стѣсняюсь... до Симеиза вѣрный часъ пути, да оттуда къ морю, да берегомъ возвращаться въ N. Вы жестоко опоздаете, вѣдь въ четыре съ половиной часа заходитъ солнце, а теперь,—онъ открылъ маленькіе золотые часы,—теперь ровно двадцать минутъ пятаго.

— Вамъ непріятно?...—спросила Ната, останавливаясь.

— О, помилуйте!—съ необыкновенной живостью возразилъ молодой человѣкъ. — Я очень, очень радъ, и еслибъ не боялся за васъ, за то, что вы простудитесь...

— Вы живете въ Симензѣ, у васъ навѣрное есть пледъ! Вы мнѣ дадите пледъ, и, если дѣйствительно будетъ темно, я возьму экипажъ.

— Тогда прекрасно,—весело сказалъ молодой человѣкъ,—и я ужасно вамъ благодаренъ.—Онъ снялъ шляпу, тряхнулъ своими темными, кудрявыми волосами и низко поклонился. И теперь Ната лучше разсмотрѣла открытое и смѣлое, совсѣмъ еще юношеское лицо съ каштановыми усиками и бородкой, и блестящіе, живые глаза своего „иностраннаго туриста“. Она хотѣла что-то сказать ему, улыбнулась и вдругъ съ удовольствіемъ почувствовала, что эта неожиданная встрѣча и, больше всего, эта странная и въ сущности „невозможная“ для благовоспитанной дѣвицы прогулка съ незнакомымъ человѣкомъ, наступающая ночь, позднее возвращеніе домой—какъ-то заглушили горечь ея недавнихъ размышленій или, лучше сказать, оттѣснили ихъ куда-то въ сторону. Можетъ быть, еще въ первый разъ въ ней заговорила дерзость, и ей было ребячески весело, хотя немножечко и жутко отъ этого новаго впечатлѣнія, отъ этого никогда еще не испытаннаго ею сознанія, что она, Ната, *можетъ* рѣшиться на дерзость и вотъ дѣлаетъ ее... Даже вспомнивъ о томъ, что „мама“ будетъ сильно безпокоиться, не ляжетъ спать, будетъ ходить ночью на площадкѣ, ждать ее и придумывать всевозможные ужасы, разошлетъ людей на поиски,—Ната не задумалась... Напротивъ, это причинило ей какую-то тайную радость—чувство удовлетвореннаго отмщенія за все, что она испытала сегодня, что испытаетъ завтра, послѣзавтра, будетъ испытывать недѣли, мѣсяцы, годы.

— Посмотрите, какъ удивительно хороши горы и море тамъ, къ Форосу,—воскликнулъ молодой человѣкъ.

Ната оглянулась и невольно остановилась... Видъ, дѣйствительно, былъ великолѣпенъ. Они еще не успѣли спуститься съ гребня, на которомъ лежитъ Исаръ, и западъ еще не скрылся отъ нихъ за горой. Тамъ, къ далекому Форосу, пламенѣло багровое небо. Вѣтеръ упалъ. Море было гладко и неподвижно, какъ пролитое масло; оно алѣло, загоралось золотомъ, нѣжно отливало перламутромъ... На горизонтѣ толпились причудливыя облака, напоминавшія какой-то сказочный городъ; солнце скрывалось за ними, пронизывая ихъ тонкіе края своимъ горячимъ блескомъ, внезапно показываясь въ отверстіи какой-нибудь фантастической арки, освѣщая изнутри дворцы и башни мягкимъ фіолетовымъ

огнемъ, розовымъ и палевымъ золотомъ. Лицомъ къ лицу съ этой волшебной далью сіяли вершины Яйлы. Ихъ очертанія не были такъ воздушны и тонки, какъ бываютъ они лѣтомъ и весною; теперь не казалось, что вотъ-вотъ растаютъ онѣ и сольются съ голубымъ пространствомъ. Тѣмъ не менѣе въ ихъ рѣзкой опредѣленности проступало что-то необыкновенно близкое человѣческой душѣ, что-то грустное и вмѣстѣ торжествующее; глубокія ущелья, похожія на морщины, сурово приподнятые утесы, опаленные горнымъ вѣтромъ и морозами лѣса, потопая въ огнѣ заката, являли видъ поразительный. Угрюмо обнаженныя скалы Кикинеиза, обыкновенно черныя, какъ послѣ огромнаго пожара, снисходительно и печально улыбались, чтобы потомъ, съ наступленіемъ сумерокъ, еще болѣе насупиться и застыть въ нѣмой и многозначительной угрозѣ. Развалины Исара словно были написаны углемъ на багровомъ небѣ.

Ната стояла, какъ очарованная. Куда дѣвалось ея недавнее равнодушіе къ природѣ, ея горестная сосредоточенность! Душа ея точно пробудилась и вся затрепетала въ глубокомъ чувствѣ удовлетворенія... Она не столько смотрѣла, сколько чувствовала. Запахъ увяданія, особенная сухость и свѣжесть, стоявшія въ воздухѣ, тяжелый ароматъ можжевельника, покоробленные листья сиротливо висѣвшіе на уродливыхъ дубахъ,—все это какими-то неуловимыми сочетаніями сливалось съ тѣмъ, что было доступно и въ дали ея взгляду — сливалось съ волшебно - нагроможденными облаками, съ яснымъ моремъ, съ пламенѣющимъ небомъ, съ вершинами Яйлы. Ей казалось, что она слышитъ музыку въ этой необыкновенной тишинѣ, слышитъ звуки въ неподвижномъ воздухѣ—стройные звуки какой-то тихой и молитвенной радости, меланхолическаго удовлетворенія; и мѣрный ропотъ прибоя точно аккомпанировалъ этимъ звукамъ, придавалъ имъ особый характеръ важности и полноты, какъ будто размѣрялъ ихъ медлительное и плавно-серьезное шествіе своимъ однообразнымъ тактомъ. Молодой человѣкъ тоже смотрѣлъ и восхищался; но его впечатлѣнія не походили на впечатлѣнія Наты и не такъ отражались въ немъ. Онъ жадными и любопытными глазами слѣдилъ, какъ измѣнчиво и нѣжно переливались цвѣта на морѣ, какъ цвѣтъ опала переходилъ въ палевый, какъ палевый цвѣтъ принималъ видъ золота, а золото растоплялось и окрашивалось горячимъ румянцемъ, алѣло, багровѣло, какъ блистали и громоздились облака, какъ широкій снопъ солнечныхъ лучей внезапно разрывалъ ихъ и зажигалъ вершины горъ, затоплялъ берегъ и долины красной, точно кровавой пылью; ему не чудилось никакой му-

зыки; вѣянія умирающей природы—увядшихъ листьевъ, осенней свѣжести—не входили въ его настроеніе, не волновали на печальный ладъ его душу; онъ поминутно восклицалъ:—Смотрите—это облако: рѣшительно готическій соборъ!—Вонъ, вонъ бѣлѣетъ парусъ... скрылся... такъ и вспоминаешь Лермонтова.—Ахъ, какой прелестный пурпурный тонъ на той вершинѣ!—Какъ удивительно рисуется линія горъ на сѣверномъ небѣ!—Посмотрите туда... видите, сквозь деревья виднѣется шоссе... и силуэтъ вѣтвей на блѣдно-розовомъ фонѣ... видите?... не правда ли, точно кружево?... какъ эфектно!—А домикъ на берегу... вотъ мягкій и нѣжный тонъ! — Ната не отвѣчала; тогда онъ взглянулъ на нее и умолкъ съ видомъ еще большаго восхищенія. Вся ея фигура отчетливо озарялась красноватымъ отблескомъ заката, въ широко раскрытыхъ и влажныхъ глазахъ блестѣли искры, и неизъяснимую прелесть придавало ея продолговатому, худенькому личику выраженіе восторженнаго и напряженнаго вниманія, съ которымъ она смотрѣла предъ собою. Ната замѣтила, что ею любуются, вспыхнула, сконфузилась... но тутъ же украдкою отмѣтила про себя, что къ молодому человѣку удивительно идетъ низенькая, темно-синяя шляпа.

— Вы, кажется, очень любите природу,—пробормоталъ молодой человѣкъ.

— О, да, я люблю природу... Пойдемте, однако.

— Вы все по-прежнему не боитесь опоздать? Смотрите, солнце почти сѣло...

— Не бѣда! — съ невольною досадою сказала Ната и, точно желая наверстать потерянное время, быстро пошла впередъ.

— Я ходилъ въ Кастрополь,—произнесъ молодой человѣкъ, стараясь итти рядомъ съ Натой и заглядывая ей въ лицо;—тамъ ночевалъ... Утромъ ѣздили на Мердвень. Тамъ у меня есть знакомые.

— На Мердвени?

— О, нѣтъ!—онъ весело разсмѣялся.—Вѣдь вы знаете: „Мердвень“ по-русски — Чортова лѣстница. Это заброшенный подъемъ на Яйлу. Помните, Пушкинъ писалъ о немъ Дельвигу?... Въ Кастрополѣ у меня есть знакомые. Вы знаете знаменитую артистку М.? Это вотъ моя знакомая. Вы не повѣрите, какъ она поетъ!

— А въ Симензѣ весело жить?

— О, нѣтъ, такая яма! Къ тому же всѣ разъѣхались.

— Вы, вѣроятно, болѣете, что остались такъ поздно?

— Ничуть. Я, признаться, запоздалъ невольно...—И побуждаемый не то что чувствомъ особой довѣрчивости, но желаніемъ

сказать своей хорошенькой спутницѣ что-нибудь очень откровенное о себѣ самомъ, онъ добавилъ съ добродушнымъ смѣхомъ:— Не могу выѣхать, потому что нечѣмъ расплатиться да и на дорогу не хватитъ; сижу и дожидаюсь денегъ. Я маленькій орловскій помѣщикъ и время отъ времени имѣю счастье получать аренду съ крестьянъ; чаще же всего испытываю муки напраснаго ожиданія... какъ вотъ теперь!

— Да, это, должно быть, очень досадно,—сказала Ната, съ готовностью поддаваясь добродушному тону молодого человѣка.— Отчего же вы не сдадите землю кабатчику или, знаете, мѣщанамъ? Они, кажется, исправно отдаютъ деньги.

Онъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на нее, точно желая удостовѣриться, не смѣется ли она надъ нимъ, и, убѣдившись, что не смѣется, возразилъ:

— Да оттого, что кабатчикъ и безъ того пьетъ кровь изъ крестьянъ, а мѣщане воспользуются моей землею, чтобы отдавать ее тѣмъ же крестьянамъ за двойную и за тройную цѣну.

— А!—съ особеннымъ выраженіемъ протянула Ната, и ей стало еще легче и пріятнѣе съ молодымъ человѣкомъ. Точно знакомая и близкая ей черточка обозначилась въ этомъ человѣкѣ. Она даже не утерпѣла и опять посмотрѣла ему въ лицо, и когда посмотрѣла,—удовольствіе ея увеличилось: прежде она только замѣтила, что это лицо *кажется* красиво и „чѣмъ-то“ очень привлекательно; теперь же въ немъ сквозило что-то давно знакомое и близкое ей, и вовсе не въ смыслѣ одной внѣшней привлекательности.

— Вы, значитъ, *по принципу* отдали крестьянамъ?

— Да, хотѣлось, чтобы имъ лучше было.

— Это хорошо,—серьезно произнесла Ната. Тропинка круто пошла подъ гору. Ната поскользнулась, молодой человѣкъ поддержалъ ее, и опять-таки съ особеннымъ удовольствіемъ она почувствовала его сильную и теплую руку; если бы тропинка не была такъ узка, она бы даже не отняла отъ него своей руки; но теперь отняла, поблагодарила, и, подумавъ: „какъ хорошо, что я пошла съ нимъ!“, сказала:

— Мы живемъ въ N. Здѣсь тоже большая яма. Я живу съ мамой. Наша фамилія—Тибякины. У мамы есть имѣніе въ Тамбовской губерніи, Плавица—не знаете? Но мама очень больна, и ей такъ необходимо было поѣхать на югъ, что она продала лѣсъ кабатчику и сдала луга мѣщанамъ... Она не могла отдать крестьянамъ, потому что очень, очень больна. Не правда ли, вѣдь больному человѣку многое простительно?

„О, хотя бы она и сама была кабатчицей,—матери такой прелестной дѣвушки все простительно“, подумалъ орловскій помѣщикъ и сказалъ:

— Разумѣется, простительно. Наконецъ, есть вещи, съ которыми приходится считаться. Мы живемъ не въ безвоздушномъ пространствѣ. Сила вещей заставляетъ дѣлать не всегда то, что желаешь и къ чему стремишься. Вся жизнь движется въ сферѣ необходимости. Нужно покоряться этому.

— Какъ вы сказали? Покоряться?—быстро переспросила Ната, остановившись на поворотѣ тропинки.

— То-есть, до извѣстной степени...

— Ну, напримѣръ, жизнь слагается такъ и такъ, нужно покоряться этому?

— Что же подѣлаешь! Я вотъ желалъ бы быть аркадскимъ принцемъ, а вмѣсто того только кандидатъ университета и мелкій землевладѣлецъ Андрей Андреичъ Ефимовъ. Что тутъ подѣлаешь!

— Ну, а если жизнь принуждаетъ васъ стать именно „аркадскимъ принцемъ“ и ради этого отказаться отъ свободы, отъ идеаловъ, отъ скромнаго, но привольнаго существованія?

— Что же дѣлать! Это еще хорошо, что принуждаетъ быть „принцемъ“. Если бы всегда такъ было... А, чортъ возьми, если бы жизнь принуждала только къ этому! Что вы говорите: свобода, привольное существованіе... Да положеніе „принца“ именно-то и есть свобода и привольное существованіе. А что до идеаловъ,—это еще надо разобраться, насколько они невозможны въ положеніи „принца“. Я вамъ докажу, что возможны обольстительные!

— Желала бы я знать!

— Да вотъ вамъ идеалъ номеръ первый: дѣлать благо народу. Я вотъ теперь сдаю крестьянамъ землю въ аренду,—отдать же ее совсѣмъ никакъ не могу; предполагаю быть „судьею праведнымъ“, то-есть, попросту сказать, иногда мужика защитить, а иногда и пустить по міру на законномъ основаніи... вотъ вамъ и все служеніе мое „идеалу“; затѣмъ начнутся отрицательныя добродѣтели: не грабить народъ, не обманывать его, не спаивать, и такъ дальше. Согласитесь, что куда какъ мизерно. А будь я принцемъ...

— И что же тогда?

— Да ужъ тогда „идеалъ“ оправдался бы въ высокой степени. Школы, больницы, сельскіе банки, дешевая земля... Господи, чего бы я ни надѣлалъ будучи „принцемъ“!

— Но душѣ тяжело.

— Что—душа! вся суть въ результатахъ, въ итогѣ вашихъ дѣйствій, а не въ душѣ,—въ цѣли, а не въ средствахъ.

— Вотъ какъ!—произнесла упавшимъ голосомъ Ната, и въ этомъ голосѣ послышалось столько затаенной грусти, что Ефимовъ тотчасъ же догадался, что предметъ разговора слишкомъ близокъ его спутницѣ, имѣетъ для нея какое-то особое значеніе.

— Что вы, однако, разумѣете: стать поневолѣ „аркадскимъ принцемъ“?—спросилъ онъ, мѣняя равнодушный тонъ свой на озабоченный и почти тревожный.

— Какъ вамъ сказать... Мнѣ, можетъ быть, и не слѣдуетъ говорить...

— Пожалуйста, пожалуйста говорите!

— Ну, въ положеніи дѣвушки—выйти замужъ за нелюбимаго человѣка, за очень богатаго... за „принца“. Сдѣлать великолѣпную партію, какъ говорятъ.

— Но вѣдь это мерзость!—съ внезапно загорѣвшимися глазами воскликнулъ Ефимовъ; и въ то же мгновеніе подумалъ: „а мнѣ-то что за дѣло?“; но эта мгновенная и очень справедливая мысль, однако же, не успокоила его, а привела еще въ пущую досаду, и онъ отчетливо повторилъ:—Мерзость! мерзость!

— Жизнь такъ слагается.

— Какая тамъ жизнь! это—преступленіе, низость, карьера!

— Но вѣдь жизнь движется въ сферѣ необходимости.

— Развѣ можно такъ толковать! Богъ съ вами, опомнитесь! Этакъ вѣдь мы все оправдаемъ... убійство, грабежъ, предательство, развратъ! Развѣ это можно?!

— Какъ же быть?

— Бороться! Воевать хоть съ цѣлымъ свѣтомъ! Никакихъ уступокъ!

— Но вѣдь вы же сами...

— Вы меня совершенно не такъ поняли. Совершенно не такъ. Я не о томъ говорилъ. Бракъ по расчету! Гнусная связь по постороннимъ соображеніямъ! Благонамѣренная продажа души и тѣла! Да и словъ нельзя найти, чтобы какъ слѣдуетъ заклеймить это возмутительное, низкое, безчестное дѣло.

— Но этимъ только и можно спасти близкихъ людей... напримѣръ, мать,—возразила Ната, жадно и радостно прислушиваясь къ горячимъ укоризнамъ Ефимова.

— Кто вамъ сказалъ? Гдѣ это видано, чтобы, потерявши душу, можно было спасти что-нибудь!—все болѣе и болѣе разжигался Ефимовъ; для него теперь простая догадка обратилась въ очевидность, и какъ нельзя болѣе стали ясны и вопросы Наты, и то

отчаяніе, въ которомъ онъ засталъ ее на Исарѣ; съ тѣмъ вмѣстѣ странная досада, охватившая его, когда онъ только еще догадывался, увеличилась, обратилась въ какую-то злость, въ какую-то необъяснимую ревность къ этой, едва знакомой, но прелестной дѣвушкѣ, которая, повидимому, совсѣмъ готова отдаться „какому-то грубому и плотоядному скоту".—Продать себя! Закабалить свой умъ, свою совѣсть... закабалить свободное, можетъ быть, еще никогда и никѣмъ не закрѣпощенное сердце!...—кричалъ онъ.

— Никогда и никѣмъ,—тихо подтвердила Ната.

— Такъ опомнитесь! Вѣдь вы ходите по краю пропасти! Нагнитесь, взгляните туда... Вѣдь оттуда несетъ холодомъ, мертвечиной, разложеніемъ! Что васъ ждетъ, что ждетъ васъ?—и изысканно красивымъ движеніемъ руки онъ указалъ на горы:—Смотрите! было солнце, и онѣ сіяли, погасло—и онѣ погасли вслѣдъ за нимъ... А вонъ Ай-Петри точно золотой вѣнецъ горитъ въ небѣ... Такъ и вы: идеалъ не погаснетъ въ душѣ, и вы будете жить, вы будете свѣтлая, ясная, радостная... померкнетъ идеалъ добра и правды—и умретъ душа и воцарится въ ней мракъ, смерть, холодъ,—вонъ какъ та тѣхъ вершинахъ! посмотрите, пожалуйста.

Ната и безъ того смотрѣла. Странно и живо отозвалось въ ней неожиданное и натянутое сравненіе Ефимова. Почти со страхомъ слѣдила она, какъ тѣни, сгустившись въ долинахъ, отразившись въ морѣ сѣрымъ, непріязненно металлическимъ сумракомъ, покрывши лѣса и горы, теперь вползали все выше и выше, къ багровой вершинѣ Ай-Петри... Въ этой вершинѣ, въ этомъ одиноко сіяющемъ вѣнцѣ, въ этомъ остаткѣ свѣта посреди сумерокъ, которыя казались особенно мрачными послѣ великолѣпной зари,— Ната, дѣйствительно, видѣла теперь тотъ огонь, которымъ до сихъ поръ согрѣвалась и освѣщалась ея жизнь; и предстоящая перемѣна жизни уподоблялась въ ея глазахъ тому сумраку, который вползалъ къ вершинѣ. Сердце ея стѣснилось; ей стало жутко. На Ай-Петри вспыхнула послѣдняя искра и погасла... Ната тихо вскрикнула, взглянула на море, на морскую даль: вдали едва замѣтною пеленою висѣлъ туманъ; угрюмо и холодно хмурилась морская даль. Туда не влекло теперь; тамъ было страшно. И съ особеннымъ чувствомъ близости, довѣрія, теплоты Ната обратилась къ Ефимову и со вздохомъ протянула ему руку. Онъ молча и крѣпко пожалъ ее.

Опять стали спускаться по крутой и скользкой тропинкѣ. Ната шла впереди. Сумерки быстро сгущались.

— Васъ зовутъ Андрей Андреичъ?—сказала она послѣ непродолжительнаго молчанія.

— Да. А васъ?

— Ната... то-есть, Наталья Юрьевна.

Тропинка привела въ глубокое ущелье. Когда дошли туда, тамъ было сыро и темно. Съ одной стороны висѣли скалы; возвышалась крутая гора, обросшая можжевельникомъ и колючими кустарниками; невысокій холмъ замыкалъ другую сторону ущелья; искривленные дубы, огромные камни смутно рисовались повсюду; сѣдой туманъ уже приблизился къ берегамъ, окуталъ симеизскій утесъ и тонкими клубами сталъ собираться у входа въ ущелье; однообразный плескъ моря былъ печаленъ.

Ната невольно приблизилась къ своему спутнику.

— Наталья Юрьевна,—вымолвилъ онъ нерѣшительно,—извините меня, пожалуйста...

— За что?

— Я не долженъ былъ... Я не имѣлъ никакого права говорить...

— О, нѣтъ! я вамъ очень, очень благодарна,—горячо сказала Ната.

— Наталья Юрьевна!—съ живостью воскликнулъ Ефимовъ,—это, конечно, очень странно... И, конечно, мы совсѣмъ незнакомы... Но, простите меня, мнѣ почему-то ужасно жаль васъ! О, какъ бы я хотѣлъ вамъ помочь!

— Спасибо,—съ чувствомъ прошептала Ната,—спасибо вамъ.

— Знаете что,—онъ въ свою очередь протянулъ ей руку,—будемте друзьями! а, право? Повторяю, это очень, очень странно,—но я, когда еще въ первый разъ встрѣтилъ васъ—помните, вы еще не взглянули на меня?—и особенно въ третій разъ, Наталья Юрьевна... О, я тогда же почувствовалъ, что эти встрѣчи не даромъ... и вы? и вы, Наталья Юрьевна? Что ни говорите—есть какое-то сродство душъ... Есть эта таинственная симпатія... Будемте же друзьями! а?...

Ната изо всѣхъ силъ сжала протянутую ей руку и со слезами на глазахъ, съ чувствомъ чуть не благоговѣнія посмотрѣла на Ефимова. Да, ей хорошо съ нимъ, ей пріятно, что именно онъ, а не кто-нибудь другой около нея въ этотъ часъ и въ этомъ пустынномъ мѣстѣ, когда все кругомъ такъ дико и мрачно, такъ уныло плещутъ холодныя волны и съ такой неотступностью надвигается угрюмый туманъ. И пусть онъ, именно онъ, Андрей Андреичъ, а не кто-нибудь другой, будетъ близокъ и душѣ ея, гдѣ тоже мрачно, гдѣ возникаютъ унылыя мысли, куда надвигаются и горе, и отчаяніе. Съ нимъ она выйдетъ рука объ руку изъ ущелья, минуетъ камни, пни, обрывы; онъ заглушитъ своимъ милымъ голосомъ печальный ропотъ моря, и теплымъ, славнымъ

прикосновенiемъ своей руки заставитъ забыть туманъ, и темноту, и этотъ похоронный запахъ можжевельника. Съ нимъ же... Но тутъ Ната сконфузилась своихъ мечтанiй и, смущенно склонивъ головку къ плечу Ефимова, пошла съ нимъ подъ руку.

IV.

— Вотъ мы и на настоящей дорогѣ!—шутливо воскликнулъ Ефимовъ, какъ бы дѣлая выводъ изъ разговора. Ущелье осталось за ними; около самаго берега можно было различить сѣрую ленту шоссе. Море едва мерцало сквозь туманъ; скалы точно дымились: ихъ мрачныя очертанiя только внизу были видны; выше они сливались съ туманомъ и пропадали въ немъ... Волны ударялись плавными всплесками, перекатывая съ какимъ-то унылымъ грохотомъ мелкiе камешки и голыши; отъ утесовъ, замыкавшихъ бухточку, доносился глухой и тревожный шумъ. Молодые люди невольно остановились, слушали и смотрѣли. Дорога была видна на очень ограниченномъ пространствѣ: со всѣхъ сторонъ стоялъ туманъ. И имъ показалось, что они заброшены на безлюдный островъ и что этотъ странный сумракъ скрылъ ихъ отъ глазъ всего мiра.

— Давайте сядемъ,—сказалъ Ефимовъ,—и вы мнѣ все, все разскажете про себя, милая дѣвушка. Тутъ такъ тихо и такъ хорошо!

— О, да, здѣсь очень хорошо!—съ ударенiемъ отвѣтила Ната.

Они сошли съ дороги и сѣли на обрывъ.

— Разскажите о себѣ,—повторилъ Ефимовъ.

— Что же разсказывать?

— Все, все! И, конечно, главное: разскажите, какъ *нѣкто* собрался спасать мать и продаться ради этого предполагаемаго спасенiя *нѣкоему* „аркадскому принцу“.

— Продаться?

— Что—шокируетъ? Это я нарочно усиливаю краски. То-есть, въ сущности оно такъ и есть, какъ я сказалъ, но, разумѣется, въ качествѣ галантнаго молодого человѣка, я долженъ былъ выразиться иначе.

— Ахъ, пожалуйста, не шутите! пожалуйста, не надо этотъ тонъ!

— Кто же этотъ „принцъ“?

Ната помолчала.

— Нужно ли это?—прошептала она.

— Но у насъ вѣдь не будетъ секретовъ?—съ особенной тепло-

тою и съ особенной ласкою въ голосѣ спросилъ Ефимовъ, беря ее за руку.

— О, да,—съ живостью отозвалась Ната и быстро проговорила:— это—Михей Константинычъ Гусёнковъ.

— Какъ! Гусёнковъ? Извѣстный милліонеръ? У него есть имѣніе рядомъ съ моимъ... Говорите, говорите, это очень интересно.

Ната стала разсказывать. Сначала она затруднялась, пріискивала слова, чувствовала маленькую неловкость, но мало-по-малу сосредоточенное и ласковое вниманіе Андрея Андреича, меланхолически шумящее море, таинственный сумракъ кругомъ, огромныя тѣни молчаливыхъ утесовъ,—вся эта странная и непохожая на обыкновенную дѣйствительность обстановка, трогательно и нѣжно настроили ея душу. Все, о чемъ она думала на Исарѣ, о чемъ мечтала въ дѣтствѣ, въ институтѣ, въ деревнѣ,—все разсказала она въ несвязныхъ выраженіяхъ, въ горькихъ восклицаніяхъ и жалобахъ, въ наивныхъ словахъ. Это былъ потокъ отрывочныхъ мыслей, отрывочныхъ воспоминаній, соединенныхъ какъ попало, но согрѣтыхъ однимъ и тѣмъ же огнемъ, однимъ и тѣмъ же трогательнымъ и нѣжнымъ настроеніемъ. И, по мѣрѣ того, какъ разсказъ подвигался, какое-то тихое и глубокое наслажденіе все болѣе и болѣе овладѣвало ею; ей казалось, что въ неустанномъ и тревожно-задумчивомъ ропотѣ моря звучатъ сожалѣнія, что неподвижныя скалы сочувственно слушаютъ ее, что во всемъ разлита какая-то печаль, странно согласованная съ ея печалью. Она плакала и не стыдилась своихъ слезъ, не унимала ихъ: слезы были ей сладки. Андрей Андреичъ давно держалъ ея руку... она не отнимала, не удивилась даже тому, что онъ тихо сжималъ и гладилъ эту руку; наконецъ, прикоснулся къ ней губами; только особый приливъ горестнаго упоенія охватилъ ее, особый приливъ неизъяснимой словами нѣжности и того предвкушенія счастія, которое иногда вдругъ появляется и въ пору жестокой душевной смуты, и въ самыхъ унылыхъ впечатлѣніяхъ. И что-то сильное, не разсуждающее, самовластное, что-то такое, чему она не сумѣла бы да и не смогла дать названія,—что въ первый еще разъ появлялось въ ней съ такой яркостью,—горячей струею пробѣжало въ ея крови и точно заворожило ея волю... Она склонилась, какъ подкошенная, и уронила голову на плечо Ефимова. Онъ почувствовалъ душистый запахъ ея волосъ, теплоту тѣла покорно и нѣжно къ нему прильнувшаго, и, не отдавая себѣ отчета, подчиняясь внезапно вспыхнувшему желанію, обнялъ Нату... Но вдругъ отодвинулся, мрачно вздохнулъ, всталъ и холодно проговорилъ слегка дрожащимъ голосомъ:

— Пойдемте. Поздно.

Ната точно проснулась. Въ изумленіи она открыла глаза и вспыхнула: ей даже подумать было стыдно о томъ, что сейчасъ произошло; она только смутно чувствовала, что произошло что-то поистинѣ ужасное. И сразу оборвалась та воображаемая ею близость, которую она испытывала такъ живо—близость моря, въ ропотѣ котораго ей слышались сожалѣнія, неподвижныхъ скалъ, которыя внимательно слушали ее, этого воздуха, насыщеннаго таинственнымъ сумракомъ, проникнутаго, казалось ей, какой-то сочувственной печалью. Все теперь стало чуждо, дико и страшно, все явилось въ иномъ видѣ. Этотъ видъ внушалъ ей боязнь, ей было холодно, жутко. Она готова была бѣжать или закутать голову, какъ дѣлаютъ маленькія дѣти впотьмахъ, и ничего не видѣть, не чувствовать, не слышать.

— Пойдемте. Поздно.

— Пойдемте...—прошептала она покорно.

Ефимовъ быстро зашагалъ впередъ, не оглядываясь и не предлагая ей руки.

— Вы всетаки намѣрены сегодня возвратиться?—спросилъ онъ нѣсколько минутъ спустя.

— Я думаю, это необходимо,—пробормотала Ната.

— Совѣтую ночевать. Туманъ, темь,—куда поѣдете.

— Но какъ же... Гдѣ же можно здѣсь ночевать?

— У меня.

— Что вы сказали?—спросила Ната, не вѣря своимъ ушамъ.

— Послушайте, милая моя барышня!—внезапно останавливаясь и съ волненіемъ проговорилъ Ефимовъ,—это нельзя такъ оставить. То, что вы разсказали мнѣ—нельзя такъ оставить. Это ужасно. Намъ нужно повидаться и поговорить. Нужно придумать. Сейчасъ я рѣшительно не могу... Приходите завтра на Исаръ въ три часа.

— Я приду,—медленно отвѣтила Ната, почти не сознавая, что говоритъ и что дѣлается вокругъ нея.

— А теперь, право, ночуйте у меня.

Она промолчала, не рѣшаясь ни выразить удивленія, ни оскорбиться этимъ предложеніемъ.

— Я здѣсь съ женою,—глухо добавилъ Ефимовъ.

— Вы... женаты!

— Да, имѣю это счастье.

— Вотъ какъ!—упавшимъ голосомъ произнесла Ната, и сердце ея мучительно сжалось.

Ефимовъ притворно и грубо засмѣялся.

— Что же васъ удивляетъ?

— Вы—такой молодой...

— Въ девятнадцать лѣтъ, на первомъ курсѣ сподобился.

Они помолчали.

— Значитъ, на Исаръ теперь и не пожалуете?—насмѣшливо спросилъ Ефимовъ.

— О, приду, приду,—поспѣшила отвѣтить Ната, и такъ и сгорѣла со стыда отъ мысли, что̀ хотѣлъ выразить Ефимовъ своимъ насмѣшливымъ тономъ.

Въ туманѣ блеснули огоньки, показались неясныя очертанія огромныхъ деревьевъ, подъ которыми ютится деревенька Симеизъ. Они вошли въ паркъ; увядшіе листья шуршали подъ ихъ ногами; туманъ длинными прядями висѣлъ на вѣтвяхъ; тамъ и сямъ мрачно возвышались кипарисы. Въ деревьяхъ опять замелькали огоньки; встрѣтился сторожъ и окликнулъ:

— Кто идетъ?

Ефимовъ отозвался.

— Это ты, Андрей Андреичъ? Ступай, ступай, Захаровна заждалась, соскучилась по тебѣ, хе-хе-хе. Спокою себѣ никакъ не найдетъ на вдовьемъ положеніи. А это кто съ тобой?

— Знакомая Елены Захаровны изъ N.

— А, ну ступайте, ступайте!—покровительственно сказалъ сторожъ.

Ната отлично поняла, для чего солгалъ Ефимовъ сторожу, и ей становилось все стыднѣе и оскорбительнѣе. Но она покорно шла, куда ее вели.

Подошли къ маленькому домику; свѣтъ изъ оконъ падалъ на нихъ. Ефимовъ быстро оборотился, протянулъ руки Натѣ и, съ выраженіемъ живѣйшей душевной боли, воскликнулъ:

— Простите меня, Наталья Юрьевна!

— За что?—прошептала Ната, съ трудомъ удерживаясь, чтобы не расплакаться.

— Вы знаете, за что. Простите! Вѣрьте, что вы мнѣ такъ дороги, какъ если бы я васъ зналъ и любилъ много, много лѣтъ. Да, и любилъ!—повторилъ онъ съ особеннымъ удареніемъ.—Вышло такъ, какъ будто я съ цѣлью умолчалъ, что... что я женатъ. Повѣрьте, мнѣ очень, очень тяжело. Ради Бога, приходите на Исаръ! Я вамъ все объясню и разскажу. Не вы одна—несчастна. Не осуждайте меня. Не жалѣйте, что мы встрѣтились. Я вѣрю, я твердо вѣрю, что вдвоемъ мы отыщемъ счастье... Развѣ можно *вамъ* быть несчастной? и развѣ знать васъ, быть вашимъ другомъ уже не есть очень большое счастье? Ахъ, Наталья Юрьевна... Не

время теперь... Но, ради Бога, ради Бога, приходите на Исаръ въ три часа,—онъ схватилъ ея руки и крѣпко сжалъ ихъ; она не отвѣчала на пожатіе; ея руки были холодны и дрожали.

— Придете?—умоляющимъ шопотомъ спросилъ Ефимовъ, заглядывая ей въ глаза.

Внутри дома стукнули дверью. Ната взглянула на Андрея Андреича... Лицо его было тревожно; въ глазахъ свѣтились слезы, губы были сжаты какой-то мучительной гримасой.

— Приду,—отвѣтила она съ усиліемъ и вошла вслѣдъ за нимъ въ темненькую и маленькую прихожую. Она все еще плохо сознавала, что дѣлалось вокругъ нея.

— Ты, Андрейчикъ?—послышался голосъ, и навстрѣчу Ефимову, съ радостнымъ воплемъ, съ распростертыми объятіями, вылетѣла полная, бѣлокурая и бѣлотѣлая женщина, въ ситцевомъ, не первой свѣжести капотѣ, съ распущенными волосами, подстриженными немного пониже шеи. Она крѣпко и какъ-то судорожно обняла Андрея Андреича, нѣсколько разъ подъ-рядъ сочно и звонко поцѣловала его прямо въ губы (странно и какъ-то обидно отозвались эти поцѣлуи въ сердцѣ Наты) и часто, быстрой скороговоркой, глотая окончанія словъ, заговорила о томъ, какъ она здѣсь скучала и какъ не знала, что подумать. Андрей Андреичъ слегка отстранилъ ее и сказалъ:

— Вотъ, Елена,—Наталья Юрьевна Тибякина. Была такъ любезна, указала мнѣ дорогу въ Симензъ: я шелъ отъ N. горою и спутался. Наталья Юрьевна живетъ въ N. Но я говорю, не лучше ли ей ночевать у насъ.—Позвольте вамъ представить жену мою, Наталья Юрьевна.

— Очень, очень рада,—затараторила Елена Захаровна, схватывая своими пухлыми ручками руки Наты.—Дайте вашъ зонтикъ... и кофточку!... и шляпу!... вотъ такъ. Пожалуйте! Чего хотите—ѣсть, чай пить? Пожалуйста, не церемоньтесь! Андрейчикъ, ты тоже небось проголодался, бѣдняга? Иди же, сними свой ранецъ! Ахъ, какъ я по тебѣ соскучилась, чистячокъ ты мой этакій!

И, указавъ Натѣ, куда итти, она съ необыкновеннымъ проворствомъ скрылась въ противоположную сторону.

„Анисьюшка! — услыхала Ната, — Анисьюшка! пожалуйста, яишенку, голубушка, да бараньихъ котлеточекъ зажарь!... Андрейчикъ-то нашъ весь изголодался. Да еще гостья... Пожалуйста, поскорѣе! Да самоварчикъ, самоварчикъ-то не забудь!“

Ефимовъ, нѣсколько сконфуженно и не поднимая глазъ, пригласилъ Нату садиться и тоже быстро скрылся, сказавъ, что ему

нужно „привести себя въ порядокъ“. Ната машинально сѣла на первый попавшійся стулъ, обвела глазами комнату... это было помѣщеніе съ обычной обстановкой гостиницъ средней руки, но много признаковъ изобличало, что постояльцы всячески ниспровергали казенщину обстановки, внося въ нее особый букетъ „жилья“ и нѣкоторой семейственности, довольно-таки неопрятной; на столѣ валялись полунабитыя гильзы, былъ разсыпанъ табакъ; на полу можно было примѣтить папиросные окурки, на диванѣ—корсетъ, связанный въ трубочку грязнымъ и засаленнымъ шнуркомъ; около корсета—гребешокъ съ пукомъ волосъ, застрявшихъ между зубьями; нитки, лоскутки матеріи, выкройки, тесемки сброшены были, какъ попало, на одномъ изъ стульевъ; на спинкѣ другого стула развѣшенъ былъ простой ситцевый платокъ съ темными полосами грязи на немъ; воздухъ въ комнатѣ сильно припахивалъ чѣмъ-то „жилымъ“—не то кухнею, не то дѣтской.

Ната вдругъ спохватилась:

— Господи, чего же я жду! что не ѣду?—чуть не вслухъ вскрикнула она и вскочила со стула, но въ дверь уже влетала Елена Захаровна.

— Сейчасъ, сейчасъ, и котлеты, и чай... Ахъ, вы, милая барышня, какъ я вамъ благодарна, что вы проводили Андрейчика! Сейчасъ подадутъ.

— Но мнѣ нужно ѣхать. Я бы васъ попросила...

— Что, что? И не говорите глупостей, ни за что не отпущу.—Елена Захаровна замахала руками.—Куда теперь ѣхать, темь, туманъ!... Да къ тому же одна поѣдете съ какимъ-нибудь татариномъ. Ни за что!

— Мама будетъ очень безпокоиться, она не знаетъ.

— Вотъ еще вздоръ! вы, я полагаю, не ребеночекъ. Какая такая опека: захотѣла и пошла—захотѣла и ночевала. Охъ, я вѣдь знаю эту родительскую политику: дай имъ пальчикъ, они и руку откусятъ. Сидите-ка, сидите! Анисьюшка, поскорѣе. Лучку-то не забудь посыпать... Да гдѣ же это Андрейчикъ? А! переодѣваться ушелъ. Экой чистякъ, экая кысурка,—походя полощется,—и, наклонившись, она посмотрѣла подъ диванъ, вытащила оттуда стоптанныя туфли, шлепнула ими по ручкѣ дивана, чтобы выбить пыль и, закричавъ:—Андрейчикъ, туфли не ищи, они здѣсь!—побѣжала въ комнату, куда ушелъ Ефимовъ, и опять послышались звуки сочныхъ поцѣлуевъ.

„Что мнѣ дѣлать?“—подумала Ната, содрогаясь отъ непріятнаго и брезгливаго ощущенія, и снова, машинально сѣла. По време-

намъ ей казалось, что она спитъ и видитъ нелѣпый сонъ. Изъ дверей вышелъ Андрей Андреичъ; вымытый, свѣжій, въ элегантной тужуркѣ изъ синяго сукна, да еще при сосредоточенномъ и мягкомъ свѣтѣ лампы, онъ былъ несомнѣнно красивѣе, чѣмъ тогда, когда встрѣтился съ Натой на Исарѣ; но теперь она, поднявши глаза при его входѣ, тотчасъ же съ какимъ-то испугомъ опустила ихъ и рѣшительно не замѣтила ни красоты Андрея Андреича, ни его смущеннаго и виноватаго вида.

— Будьте любезны, скажите, чтобы мнѣ дали экипажъ,—проговорила она.

— Наталья Юрьевна!—вполголоса воскликнулъ Ефимовъ,—вы сердитесь? вы не хотите простить меня?

— Мама будетъ безпокоиться.

— Но какъ же можно ѣхать вамъ одной!... Развѣ проводить васъ?

— О, нѣтъ, нѣтъ, не надо!

— Вотъ какъ! вы ужъ боитесь меня,—съ горечью замѣтилъ Андрей Андреичъ.—Ну, все равно—я знаю—будете иначе относиться... Но ѣхать всетаки рѣшительно невозможно.

— О, пожалуйста!

— Но вы сдѣлайте такъ: пошлите записку вашей maman; я сейчасъ попрошу позвать Махмуда,—тутъ есть такой татаринъ,—и онъ мигомъ сбѣгаетъ въ N. Напишите записку.

Ната, не зная, что сказать, молчала. Вдругъ, все лицо Андрея Андреича покрылось багровымъ румянцемъ: онъ замѣтилъ корсетъ, обвязанный грязными шнурочками, увидалъ гребешокъ, нитки, выкройки, лоскутки, табакъ, окурки...

— Уговори ты ее, Андрейчикъ!—закричала Елена Захаровна, врываясь въ комнату со скатертью въ рукахъ,—эка, выдумала—ѣхать ночью, да еще вдвоемъ съ татариномъ! Или вы не знаете, что это за плотоядный народецъ.

Лицо Андрея Андреича болѣзненно искривилось.

— Здѣсь надо бы прибрать, Елена Захаровна,—сказалъ онъ, внушительно мигая ей на корсетъ и на лоскуты.

— Эка чистоплотный! эка неисправимый эстетикъ!—съ добродушнымъ смѣхомъ воскликнула Елена Захаровна.—Ужъ приберу, приберу, будь спокоенъ.—И добавила, обращаясь къ Натѣ и еще въ первый разъ посмотрѣвъ на нее внимательно:—Вы, чай, тоже изъ культурнаго прихода? Ну, простите, пожалуйста, врасплохъ застали. Это я сейчасъ!—И, быстро нагибаясь, она подобрала въ горсть окурки, схватила корсетъ съ гребешкомъ, смахнула полою капота табакъ со стола, не переставая говорить при этомъ:—И не

думайте ѣхать! Мы васъ отлично устроимъ вотъ здѣсь на диванѣ... А мамашу пріучайте; надо же завоевывать самостоятельность; „домостроевскія“ традиціи до добра не доведутъ. Не упрямьтесь, голубушка. Мы такъ рады!... Въ этой проклятой дырѣ такая скучища! Да и весь-то Крымъ, ежели по правдѣ говорить, плевка хорошаго не стоитъ. Ѣдутъ, подумаешь, издерживаются, а пріѣхали, глядь—камни да вода, да антрекотъ изъ дохлой говядины. Куда какая прелесть!... Нѣтъ, вы, пожалуйста, почаще къ намъ ходите. Любите поэзію? Вотъ вамъ Андрейчикъ по этой части что хотите: съ Пушкинымъ спитъ—Пушкинъ у него такъ и виситъ въ изголовьи. Я, признаться, придерживаюсь другихъ взглядовъ: какъ онъ былъ камеръ-юнкеришка, такъ всѣ его и стишонки на эту стать. А вотъ Андрейчикъ носится съ нимъ... Ну, уважать чужое мнѣніе, по-моему, обязательно для честнаго человѣка. Люблю свободу и трезвую самостоятельность личности, но фанатизма терпѣть не могу. Есть у насъ знакомцы—либералишки изъ рукъ вонъ; и другіе ихъ за это презираютъ; а я не такая, я съ уваженіемъ отношусь къ убѣжденіямъ. Анисьюшка! неси же тарелки! да самоварчикъ, самоварчикъ-то поскорѣе!—и умчалась въ кухню.

— Въ такомъ случаѣ я напишу записку,—сказала Ната, убѣждаясь, что нѣтъ другого исхода. Андрей Андреичъ предложилъ ей пройти къ нему въ комнату и написать, что нужно, а самъ тотчасъ же отправился послать сторожа за Махмудомъ. Ната сѣла за столикъ, накрытый бархатнымъ ковромъ, набросала нѣсколько строкъ о томъ, какъ очутилась въ Симеизѣ и у кого ночуетъ, и, заклеивъ конвертъ, съ любопытствомъ посмотрѣла вокругъ; какъ въ столовой было неряшливо, такъ въ этой крошечной комнатѣ все отличалось чистотою и комфортомъ: у постели, закрытой лохматымъ, сѣрымъ одѣяломъ, лежалъ коврикъ; на маленькомъ столикѣ блестѣлъ серебряный подсвѣчникъ съ цѣльною свѣчей; въ изголовьи, дѣйствительно, помѣщался портретъ Пушкина въ прекрасной дубовой рамкѣ; противъ стола висѣли еще портреты... изъ нихъ Ната узнала только Тургенева да графа Алексѣя Толстого и прекрасную голову молодого Гёте; на этажеркѣ въ большомъ порядкѣ были сложены книги въ изящныхъ переплетахъ; Ната прочитала на корешкахъ: Пушкинъ, Ал. Толстой, Герценъ, Taine, Марксъ, Lamartine, Фаустъ... На столѣ небрежно были брошены лайковыя мужскія перчатки, скомканный свѣжій платокъ, отъ котораго пахло тонкими духами, только что распечатанное письмо, брошюра съ помѣтою „Лейпцигъ“, газета. Только въ одномъ углу комнатки, за платянымъ шкафомъ было

нѣчто, вносящее какъ бы диссонансъ въ обстановку: это была кровать Елены Захаровны; около нея тоже лежалъ коврикъ, но какой-то замызганный, вытертый; байковое одѣяло давно уже изъ лиловаго превратилось въ рыжее, и,—увы,—злополучный корсетъ, свернутый въ трубочку, предательски выглядывалъ изъ-подъ подушки. Ната почему-то вздохнула и, захвативъ свое письмо, вышла въ первую комнату.

Когда, наконецъ, подали ужинъ и давно нечищенный самоваръ бурно зашумѣлъ и заклокоталъ на столѣ, Елена Захаровна совсѣмъ растрогала Нату своей ласковостью и своимъ безконечнымъ радушіемъ. Не бывши голодною, Ната съѣла двѣ котлеты; не чувствуя жажды, пила три стакана чаю, и во все это время доброе лицо Елены Захаровны свѣтилось такимъ непритворнымъ удовольствіемъ, влажно-пунцовыя губы ея такъ привѣтливо улыбались, такимъ простодушіемъ сіяли глаза, что Ната почти перестала испытывать неловкость отъ ея буйныхъ манеръ и безцеремонныхъ словъ, хотя попрежнему ни на одно мгновеніе не могла себѣ представить, что эта „добрая женщина"—*жена* Андрея Андреича, что онъ ея мужъ, а не жилецъ, не знакомый, не квартирантъ. Это было слишкомъ нелѣпо.

Говорила за всѣхъ опять-таки Елена Захаровна. И о чемъ только она ни говорила. И о томъ, что буфетчикъ въ Симеизѣ „отъявленный эксплоататоръ"; и о томъ, что постройки отвратительны—въ стѣны дуетъ; и о томъ, что „культурные людишки" окончательно растлили Крымъ;—что въ *Отечественныхъ Запискахъ* появилась „честная статья!"; хотя и съ ужимками по обыкновенію („не могутъ не вилять!"); что Z. „подлецъ, какихъ мало"; что благонамѣренные проекты о крестьянскомъ банкѣ „одни глупые палліативы"; что земцы поголовно „трусишки и интриганишки"; что школа народная—вздоръ, и медицина—вздоръ; что народъ удивительно хорошъ, хотя и удивительно глупъ въ то же время; что всѣ эти либеральныя идеишки—ерунда и гнусная галиматья; что патріотизмъ—предразсудокъ и что, коли ужъ говорить по совѣсти, въ Америкѣ тоже жидъ на жидѣ, а вся французская республика—сплошной скотный дворъ.

Андрей Андреичъ упорно молчалъ, нервически покручивая бородку, и отъ времени до времени поглядывалъ на Нату.

— Вы что же съ матерью здѣсь живете? Отецъ умеръ? Васъ гувернантки обучали? Въ институ-у-тѣ! Вотъ, воображаю, пичкали васъ тухлятиной! Будете учиться? Собираетесь на курсы?—спрашивала Елена Захаровна съ изумительной быстротою, забивая ватой папиросы и закуривая ихъ одну за другою.—Ежели на бе-

стужевскіе—непремѣнно поступайте на естественное отдѣленіе; всѣ эти филологіи, исторіи, философіи куда какъ хромаютъ. Да и на какой они чортъ для честнаго гражданскаго развитія,—суть не въ нихъ. Непремѣнно на естественное отдѣленіе поступайте! По крайней мѣрѣ, узнаете что-нибудь. Положимъ, и тамъ не Богъ вѣсть какое золото,—слышали, профессоръ Бутлеровъ какую штуку-то удралъ? Гласно сталъ чертовщину проповѣдовать! Ну, а всетаки не чета историческимъ. Я вамъ дамъ письма, васъ введутъ въ кружокъ... Такъ заживете—мое почтеніе!

— Вы тоже были на курсахъ?

— Я-то? Была, да не на этихъ. Я на акушерскихъ была. Но это все равно. Спросите-ка у Андрейчика, какъ мы жили. У насъ свои были курсы на квартирѣ, бывало, дебатируешь-дебатируешь—ажно отъ надсады глотка осипнетъ. Тотъ народникъ, тотъ марксистъ, тотъ радикалъ, или опять—„поспѣловцы", „наумовцы", „григорьевцы"...

— Это что же такое?

— Кружки такіе! Какая же вы, однако, невѣжественная... Ну, вотъ сцѣпятся, и пошла писать.

— Это все либеральные кружки?

— Вотъ вамъ на! Да тогда либерала-то и за деньги нельзя было посмотрѣть. Поглядѣла бы я, кто бы изъ молодежи осмѣлился быть либераломъ въ то время! Это вѣдь нынче пошло безобразіе.

— Но изъ-за чего же спорили?—наивно спросила Ната.

— Часъ отъ часу не легче. Да вы, моя дорогая, съ луны что ли? Какъ изъ-за чего? Ну, изъ-за убѣжденій, изъ-за теорій... Вы, голубушка, небось по Марго чувствительные стишки учили въ то время: „Де та тишъ деташе, повръ фёль десеше",—а я въ котлѣ кипѣла съ Андрейчикомъ.—Она съ любовной улыбкой взглянула на мужа.—Онъ-то радикалъ, марксистъ, ну, и я тогда... а тутъ все народникъ за народникомъ. Кого, бывало, ни введутъ изъ новенькихъ—вы кто?—народникъ. Сколько было шума! А какіе порывы были гражданскіе... Помню, Осиповъ Николай, говорилъ-говорилъ, пойдемъ, говоритъ, все отдадимъ, всѣмъ пожертвуемъ... да какъ вынулъ портмоне, бацъ объ полъ... Теперь товарищъ прокурора, свинья этакая!

Она наскоро пыхнула папиросой и продолжала:—А тутъ въ Женевѣ проболтались три мѣсяца, въ Парижъ ѣздили: дворецъ-то этотъ ихній, Тюильри-то, весь еще головешка-головешкой стоялъ... Все осмотрѣли.

— Какъ вамъ понравилось за границей?

— Въ гостяхъ хорошо, дома лучше. Что говорить, очень мѣстами хорошо: и свободно, и къ шивороту никто не тянется, печатаютъ, толкуютъ, читаютъ, сходятся. Иногда то̀ печатаютъ, глазамъ не вѣришь... Это, конечно. Но мерзавцевъ тоже достаточно. Эксплоататоры, піявки, интриганы такъ кишмя и кишатъ. Самъ, подлецъ, либеральную газету издаетъ—либерте, эгалите, фратерните,—а, глядишь, на биржѣ играетъ, норовитъ до нитки обобрать несчастныхъ увріеровъ; на какой-нибудь грабительской фабрикѣ паи у него. Особливо этихъ каналій взять, ну, какъ ихъ—опортунисты! Вотъ тоже народецъ! Да всѣ они... Видѣли Гамбетишку ихняго, порядочный тоже гусь. Республиканцы! На улицѣ показаться нельзя, озорники-гамены тычутъ пальцами, кричатъ „tiens, tiens“, а почему? не по-ихнему, изволите видѣть, одѣта.

— А были въ галлереяхъ? Вѣдь Венера Милосская, кажется, въ Парижѣ?

— Ну, не взыщите,—со смѣхомъ отвѣтила Елена Захаровна,—этихъ эстетикъ я не признаю.

— Какъ—искусство не признаете?

— Что жъ такое! Конечно, ежели искусство возбуждаетъ гражданское чувство, честныя мысли... Вотъ, напримѣръ, „Марсельеза“. Да и то много ерундищи: „патри, патри“, а скажи на милость, что такое „патри“,—неизвѣстно. Гдѣ трудящимся классамъ хорошо, тамъ и отечество,—вотъ это я какъ понимаю.

— А зачѣмъ же ты на войнѣ была? тифъ схватила въ Систовѣ?—сказалъ Андрей Андреичъ.

— Вотъ сказалъ. Тамъ человѣчество, альтрюизмъ...

— Радовалась, когда Плевну взяли?

— Думала, бойня скорѣе окончится.

— А я тебя сколько разъ уговаривалъ Кучки продать и переселиться куда-нибудь на югъ или и вовсе уѣхать изъ Россіи.

— Ну, да! Дожидайся, чтобы я Кучки продала. Это дѣло другое. Тутъ мнѣ каждая курица знакома. Тутъ я выйду въ садъ, погляжу на деревню изъ-за оврага,—у меня какъ масломъ по сердцу. Я, пожалуй, согласна, что это неразумно, пожалуй, это даже патологическое состояніе, но что же дѣлать: каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку.—Такъ вотъ я и говорю объ искусствѣ: на какого чорта я буду смотрѣть голую бабу, когда и безъ ихней галлереи я этихъ голыхъ бабъ видала на своемъ вѣку нѣтъ числа. Да и врутъ вдобавокъ: Венера-то, пишутъ, рожала, а ежели по ея бедрамъ судить...

— Ну, ужъ ты оставь объ этомъ,—съ неудовольствіемъ пре-

рвалъ ее Андрей Андреичъ,—вѣдь извѣстно и рѣшено, что ты не можешь говорить объ искусствѣ, чего еще?

— Да не буду, не буду, няньчайся ты съ своими Венерами и съ Пушкиными... А я всетаки скажу—врутъ!

Ната, сильно утомленная разговорами Елены Захаровны и вообще всѣми событіями сегодняшняго дня, тотчасъ же, какъ убрали самоваръ, попросила позволенія лечь спать; да было и поздно: 12 часовъ. Но когда она осталась одна, когда потушила свѣчу и, не раздѣваясь, легла на диванъ, ей пришлось пожалѣть, что такъ скоро оставили ее одну. Ей было душно, на сердцѣ лежала непонятная тяжесть, голова горѣла... она сбросила съ себя одѣяло, раскинула руки и, чтобы ни о чемъ не думать, стала сосредоточенно прислушиваться къ мертвой тишинѣ, стоявшей въ домѣ; и вдругъ опять эти несносно-звонкіе поцѣлуи, неясный шопотъ... Ната съ головою закуталась въ одѣяло, заткнула уши и всетаки не знала, куда дѣваться отъ жгучихъ ощущеній стыда, обиды, напрасныхъ сожалѣній и мучительной тоски. Она кусала подушку, боясь разрыдаться; истерическіе спазмы душили ее, сжимали ей горло... и вдругъ, забывъ обо всѣхъ предосторожностяхъ, о томъ, гдѣ находится, забывъ о стыдѣ, объ отчаянной неловкости своего положенія, она зарыдала громко, какъ ребенокъ. Въ сосѣдней комнатѣ задвигались, зашаркали, оттуда со свѣчой въ рукѣ вылетѣла Елена Захаровна въ одной юбкѣ, въ бѣлой кофтѣ, едва прикрывающей рыхлыя плечи.

— Что съ вами, дорогая?... Что съ вами, голубушка? Андрейчикъ! Андрейчикъ! Что это съ милой барышней?... Ахъ, безчувственный! Иди же скорѣй!... Подай воды!... захвати тамъ капли на окнѣ!... Ахъ, Господи, да вы и не раздѣты!... въ корсетѣ!... Дайте-ка я распущу шнуровочку... Милая моя! да ну же, перестаньте! Ну же, успокойтесь!...

И она гладила волосы Наты, цѣловала ее, осушала ея слезы рукавомъ своей кофты.

Андрей Андреичъ появился съ лавровишневыми каплями. Лицо его было блѣдно; онъ кусалъ губы, стараясь скрыть свое волненіе.

— Что вы пристаете?—грубо сказалъ онъ женѣ,—мало ли у кого какое горе...—и, почти съ ненавистью поглядѣвъ на нее, добавилъ:—Вы бы хоть накрылись чѣмъ-нибудь для приличія.

— Ахъ, Андрейчикъ, какое тутъ приличіе!—съ досадою возразила Елена Захаровна и продолжала гладить волосы Наты, цѣловать ее, называть ласковыми словами... и, удивительное дѣло, когда въ числѣ этихъ ласковыхъ словъ вырвались у ней:—

Ну же, милая дѣточка, ну же, *Наташенька,* успокойтесь!—Ната была потрясена до глубины души; въ избыткѣ чувствъ она поднесла къ своимъ губамъ руку Елены Захаровны, крѣпко прижалась къ ея груди... Андрей Андреичъ посмотрѣлъ - посмотрѣлъ, поспѣшно ушелъ къ себѣ и съ видомъ живѣйшаго отчаянія схватился за голову. Его душила злость, онъ чувствовалъ приступы какого-то свирѣпаго бѣшенства при мысли о томъ, что все въ немъ сковано: слова, которыя онъ желалъ бы говорить, несказанную жалость, которую онъ хотѣлъ бы выразить, ненависть, которая въ немъ кипѣла... И вотъ сиди, молчи, „покорствуй и не плачь“.

Между тѣмъ, пока все это совершалось въ маленькомъ домикѣ Ефимовыхъ, коляска, запряженная парою старыхъ и разбитыхъ на всѣ ноги клячъ, ощупью пробиралась вдоль парка. Сторожъ проводилъ ее, куда слѣдуетъ; колеса безъ шуму прокатились по песку дороги и остановились около ефимовскаго домика; изъ коляски выскочилъ высокаго роста господинъ въ мѣшковатомъ пальто и въ шляпѣ „котелкомъ“ и постучалъ въ дверь; ему отперли.

— Здѣсь обрѣтается Наталья Юрьевна Тибякина?—спросилъ онъ, весело улыбаясь Анисьѣ, отчего такъ и заблестѣли его великолѣпные зубы, а румяныя щеки отдулись, точно онѣ были подложены ватой.

— Что вамъ угодно?—сказалъ Андрей Андреичъ, выходя въ прихожую и затворяя за собою дверь.

— Вы, значитъ, и будете господинъ Ефимовъ? Такъ-съ.

— Что же вамъ угодно?

— А вотъ наслышались мы, что здѣсь дѣвица Тибякина обрѣтается.

— Ну-съ?

— Такъ ихній маманъ къ себѣ ихъ требуютъ. Вотъ и оправдательный документикъ.

И, не переставая посмѣиваться, онъ вынулъ изъ кармана и показалъ Андрею Андреичу записочку Анны Николаевны Тибякиной.

Ефимова вдругъ взорвало.

— Съ какой же стати вы изволите со мною шута разыгрывать?—воскликнулъ онъ.

— Ого! А съ какой же стати вы меня въ передней держите— я вамъ не лакей! Имѣю счастье представиться: Агаѳоклъ Цѣлокупскій, сначала духовной академіи студентъ, а потомъ санктъ-петербургскаго и иныхъ многихъ университетовъ вольнослушатель. Не помните-съ?

— Андрейчикъ!—позвала Елена Захаровна.

Ефимовъ пріотворилъ дверь, спросилъ:—Можно?—и, получивъ утвердительный отвѣтъ, сказалъ сквозь зубы, обращаясь къ Цѣлокупскому:—Прошу!

Ната съ удивленіемъ взглянула на вошедшаго Цѣлокупскаго и вдругъ ужасно испугалась: ей представилось, что съ матерью случилось какое-нибудь несчастіе.

— Ради Бога!...—вскрикнула она, бросаясь къ нему навстрѣчу.

— Не извольте безпокоиться, вотъ записочка отъ Анны Николаевны: она здорова и прислала за вами экипажъ. А я вызвался проводить васъ.

Ната торопливо разорвала конвертъ и прочитала:

„Какъ ты меня напугала, Ната! Я думала, Богъ знаетъ что. Но всетаки отлично сдѣлала, что прислала записку. Ахъ ты, неисправимая проказница! Что о тебѣ могъ подумать этотъ господинъ Ефимовъ. Во всякомъ случаѣ я нашла, что лучше послать экипажъ: мнѣ все кажется—ты будешь тамъ стѣсняться ночевать. И это такъ понятно. Впрочемъ, если весело—посиди тамъ сколько-нибудь; я все равно лягу спать, а ты повеселись, моя крошка. Агафоклъ Елисѣевичъ Цѣлокупскій былъ такъ любезенъ, что взялся проводить тебя и, конечно, съ удовольствіемъ подождетъ полчасика и даже часъ, если ты пробудешь у господъ Ефимовыхъ. A propos объ Агафоклѣ Елисѣевичѣ: я неожиданно узнала его совсѣмъ, совсѣмъ съ другой стороны; это обязательнѣйшій, умнѣйшій молодой человѣкъ и притомъ очень намъ преданный. Пожалуйста, будь съ нимъ любезнѣй и не забудь, какъ его зовутъ. Между нами говоря, имя у него нѣсколько странное. Но опять повторю: именно Господь послалъ намъ его“.

Прочитавъ это посланіе, Ната съ облегченіемъ вздохнула: она такъ была приготовлена къ худшему.

„Какая прелесть эта мама!—думала она,—навѣрное, мучилась, навѣрное, страдала, и ни одного упрека“.

Что касается до словъ Анны Николаевны о Цѣлокупскомъ, Ната тутъ рѣшительно ничего не понимала.

А. Эртель.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЧОРТОВА КУКЛА.

Жизнеописаніе въ 33-хъ главахъ.

ПЕРВАЯ.

Юруля.

Они чуть не столкнулись—оба шли такъ быстро.

Подняли другъ на друга глаза. Дѣвушка, одѣтая скромно, даже бѣдно, первая заговорила:

— Здравствуйте. Вы ли?

— Наташа! Я бы и не узналъ. Ну, да вѣдь такъ давно не видались.

— Давно... правда... Вы—точно вчера это было. Точно вамъ семнадцать лѣтъ.

— Тѣмъ лучше. А мнѣ вѣдь ужъ за двадцать. Вы здѣсь живете, въ Парижѣ?

Наташа послѣ перваго движенія какъ будто раскаялась, что окликнула его. Сказала неопредѣленно:

— Да... Вотъ и встрѣтились. Можетъ еще встрѣтимся, Двоекуровъ. А теперь я...

— Хотите проститься? Какъ хотите. Я не сталъ бы искать васъ, Наташа, говорю по правдѣ. Но ужъ встрѣтились, такъ поболтаемъ. Я забылъ и васъ, и Михаила, и другихъ, и себя немножко, какой я былъ тогда съ вами. Просто забылъ, не думалъ, о своемъ сегодняшнемъ думалъ. А вотъ случайность—встрѣтилъ васъ, и съ удовольствіемъ вспоминаю. Зачѣмъ же отталкивать пріятную случайность?

Онъ говорилъ и улыбался. Изумительная улыбка: сіяющая и умная.

Наташа тоже улыбнулась невольно.

— Я уѣзжаю опять въ Россію,—продолжалъ онъ.—Теперь ужъ надолго, вѣрно. Пожалуй, больше и не увидимся.

— Въ Россію?—задумчиво сказала Наташа.

Они медленно шли вмѣстѣ по широкому тротуару. Малонарядная и молодая толпа большого бульвара, близкаго къ Сорбоннѣ, такая живая въ этотъ часъ, толкала ихъ. Зимнія, блѣдныя парижскія сумерки свисали съ неба.

— Такъ что же, Наташа? Простимся?

Она еще помолчала.

— Нѣтъ, все равно. Пойдемте, посидимъ. Вотъ хоть въ Люксембургѣ.

И двинулась впередъ, черезъ улицу, къ рѣшеткѣ сада.

Холодный, зелено-алый ранній закатъ надъ сѣрыми тѣнями деревьевъ. Холодный стукъ голыхъ вѣтокъ,—стукъ костяшекъ. Точно поздняя ночь мая подъ Петербургомъ.

— Разскажите о себѣ,—сказала Наташа, вздрагивая отъ холода.

Они сѣли на скамейку недалеко отъ бассейна.

— Да я все тотъ же. Здѣсь занимался химіей...

— Химіей?—удивилась она.

— Да, да... А вы, вѣрно, вспомнили, что я прежде въ Германіи изучалъ философію? Химія удобнѣе, какъ я разсудилъ. Что до философіи—довольно мнѣ и своей. Ну, да это скучный разговоръ. Химія, такъ химія—не все ли вамъ равно? Ужъ я знаю, что для меня лучше.

— И ѣдете въ Россію?

— Да. Надо съ петербургскимъ университетомъ развязаться. И хочется пожить въ Петербургѣ. Вы здѣсь одна, Наташа? А Михаилъ? А... Кто тамъ еще? Гдѣ они?

Наташа помолчала.

— Не знаю...—промолвила она неопредѣленно.

— Не хотите говорить? Ну, не надо. Я, вѣдь, не любопытенъ. Для меня и они, и вы, Наташа—прошлое. Милое, пріятное, живое прошлое, оттого я и хотѣлъ вспомнить его. Но смотрю на васъ и думаю, не уйти ли. Лицо у васъ грустное, непріятное.

— Подождите. Это я по привычкѣ бояться всѣхъ такъ говорю съ вами, Юруля. А васъ нечего бояться, вы—счастливый.

— Я счастливый,—сказалъ онъ просто.

— И вы не лжете.

— Нѣтъ, непремѣнно лгу, когда нужно. Непремѣнно. Но только когда нужно.

Наташа встала.

— Милый Юруля, сейчасъ никакой радости вамъ разговоръ со мной не дастъ. Лучше простимся. Только вотъ что: вы ѣдете

въ Петербургъ? отыщите тамъ брата. Я завтра утромъ вамъ для него маленькій пакетъ пришлю. Хорошо? Гдѣ вы живете?

Юруля тоже всталъ. Онъ былъ тонкій, крѣпкій, высокій, какъ молодая елка.

— Я живу недалеко, Наташа, но пакета вы мнѣ, пожалуй, и не присылайте. Не буду искать Михаила. Онъ мнѣ не нуженъ. Не огорчайтесь, милая, мнѣ будетъ больно. Я говорю точно, какъ думаю, какъ чувствую. Если я нуженъ Михаилу—онъ меня разыщетъ, и я бѣгать отъ него не стану. Поймите, что̀ мнѣ сейчасъ за радость искать Михаила, что̀ мнѣ передавать, везти этотъ пакетъ? Это дѣло чужое, а чужія дѣла я забываю, плохо исполняю. Не сердитесь, милая.

Наташа засмѣялась. Опять сѣла. Вдругъ вспомнила его,—такого, какимъ знала когда-то, не вполнѣ похожаго на другихъ людей, ее окружавшихъ. Вспомнила, что ей всегда весело было, любопытно смотрѣть на него, слушать, что онъ говоритъ. Любили его всѣ, неизвѣстно за что; но Наташа не столько любила, сколько приглядывалась. Потомъ забылось. Ужъ очень много съ тѣхъ поръ пережито.

— Вы смѣетесь? Не сердитесь?

— Нѣтъ, нѣтъ. Ну, какая я глупая. Я съ вами встрѣтилась, точно не съ вами. Не надо никакого пакета. Я къ веснѣ тоже пріѣду въ Петербургъ. Захочется мнѣ или Михаилу—найдемъ васъ.

— Вотъ это отлично! Вотъ теперь легко съ вами стало... Нѣтъ, впрочемъ, не такъ, какъ прежде. У васъ лицо измученное. Ахъ, Наташа! Зачѣмъ? Я, вѣдь, знаю. И васъ, и Михаила.

— Что знаете?

Юрій молчалъ. Ему не хотѣлось говорить. Стало скучно. Разсказывать онъ любилъ, разсуждать избѣгалъ. Черезъ двѣ минуты послѣ встрѣчи съ Наташей онъ, припомнивъ ее и ея брата, уже представилъ себѣ съ ясностью, какіе они должны быть теперь, если учесть все съ тѣхъ поръ. Стоитъ ли говорить?

— Михаилъ прежній,—сказала Наташа.

— Ну, да, да. Можетъ, и не прежній, а живетъ попрежнему, изъ долга. Плѣнникъ.

— Что же дѣлать? Какъ жить?—тихо сказала Наташа.

— Ахъ, не знаю... Я другимъ не совѣтчикъ. Просто живите, вѣръ никакихъ не ищите. Вы—скептикъ, Наташа, но темный скептикъ, а не свѣтлый. Вы никогда ни во что не вѣрили, но злились за это на себя. Бѣдная вы, бѣдная!

Онъ съ нѣжной жалостью глядѣлъ на нее.

— Прощайте, милая. Ну, ничего, вы всетаки по-своему гармоничная, ничего.

Онъ уже спѣшилъ уйти. Уже не хотѣлось и вспоминать. Какая она невеселая... И наростала досада, было непріятно.

— Вотъ вы меня жалѣете,—сказала Наташа,—а я вамъ часто завидовала. Михаилъ—тотъ нѣтъ. А Кнорръ бранилъ и завидовалъ.

— Что-жъ?—сказалъ Двоекуровъ.—Я счастливый, потому что такъ хочу, такъ самъ выбралъ. Будь у нихъ немножко больше соображенія и заботы...

— О себѣ?—подсказала Наташа.

— О комъ же?

Наташа смотрѣла на него задумчиво. Не уходила. Кажется, не думала о томъ, что онъ говорилъ. У нея яркіе глаза, яркіе и свѣтлые, точно пустые.

— Хесю помните, Юруля?—сказала она вдругъ.

Онъ сдвинулъ брови. Сіяющая красота его вдругъ потемнѣла.

— Какая у васъ жадность вспоминать непріятное! Я съ досадой вспоминаю Хесю! Я совсѣмъ не хотѣлъ ея любви. Нисколько она мнѣ не нравилась. А, впрочемъ, до васъ это не касается. Нѣтъ, Наташа, я каюсь, что началъ разговоръ съ вами. Вы не умѣете вспоминать, не умѣете радоваться, не умѣете жить. Мнѣ съ вами скучно и досадно.

Онъ повернулся было, чтобъ уйти, но остановился и ласково положилъ ей руку на плечо.

— Не будемъ ссориться, я не хочу. Вы всѣ для меня—милое, хорошее прошлое, кусокъ жизни. Какъ я радъ, что тогда столкнулся съ вами! Помните, какое было время? И какіе всѣ тогда были живые, молодые, веселые...

— Вѣрующіе...—тихо сказала Наташа.

— Пустое! Моя вѣра и тогда была та же, что и теперь, а я былъ съ вами. И развѣ я что-нибудь скрывалъ отъ васъ? Говорилъ громкія слова, поддерживалъ ваши идеи? Развѣ обманывалъ васъ даже тогда, когда мы вмѣстѣ въ Москвѣ сидѣли, когда ни за одинъ день отвѣчать нельзя было, когда я ваши порученія исполнялъ, а вы, случалось, мои?—развѣ я старался увѣрить васъ, что я вашъ, что по гробъ жизни буду заниматься революціей, что думаю, какъ вы...

— Тогда было не до разсужденій...

— Да, а я всетаки уловилъ минуту и сказалъ вамъ и Михаилу правду. Сказалъ, что я не вашъ, а свой. Дѣлаю ваше дѣло потому, что мнѣ оно сейчасъ пріятно, увлекательно, нравится,—

и должно оно нравиться молодости. Безъ этого, еслибъ я тогда со стороны глядѣлъ, а не жилъ,—молодость была бы не полна, ну, и жизнь, значитъ, не полна. Вы это помните все.

— Помню, помню, — сказала Наташа грустно. — Что-жъ, вы правы. Но и Хеся не виновата, если ничему этому не повѣрила, полюбила васъ по-своему.

Двоекуровъ нетерпѣливо пожалъ плечами. Хотѣлъ было сказать, что да, не виновата, и что все это неважно. Не сказалъ именно отъ ощущенія неважности и скучной досады.

— Сейчасъ запрутъ рѣшетку, пора, простите,—спохватилась Наташа.—Я ухожу. И... все равно,—прибавила она рѣшительно,—я рада, что встрѣтила васъ; будьте какимъ вы есть, если нельзя иначе. Будьте счастливы.

— Буду, буду!

Онъ, улыбаясь, крѣпко пожалъ ей руку и долго смотрѣлъ вслѣдъ.

Она пошла отъ него, сѣрая въ сѣрыхъ сумеркахъ. И вся стройная, благородная, несмотря на скромную одежду, точно переодѣтая принцесса.

Юрій вышелъ на бульваръ, гдѣ теперь горѣли огни и толпа переливалась синимъ и желтымъ.

„Наташа скорѣе бы понравилась мнѣ, чѣмъ Хеся,—думалъ Двоекуровъ.—Въ ней своя гармонія... или дисгармонія какая-то. Это привлекательно. Да вотъ въ голову отчего-то не пришло“...

— Oh, le joli garçon!—крикнула ему, не останавливаясь, веселая „кофейная дѣвочка“ и блеснула глазами.

Юруля привычно улыбнулся ей, но прошелъ мимо, впередъ, все еще думая о Наташѣ, переставая думать о ней понемногу.

ВТОРАЯ.

По-студенчески.

У стараго сенатора, Николая Юрьевича Двоекурова, опустившееся, бритое лицо, безсильно злые глаза и подагра. Подагра серьезная, онъ все время почти не вставалъ съ креселъ, давно уже не выѣзжалъ.

Его забыли. Онъ это понималъ. Отъ злобы и отъ скуки онъ все что-то писалъ у себя, не то мемуары, не то какія-то записки, и не хотѣлъ даже завести секретаря.

Онъ былъ скупъ и бѣденъ, золъ и одинокъ. Къ нему, на его половину, случалось, никто не заходилъ цѣлый день, кромѣ дочери Литты.

Эта „половина“, отведенная ему графиней-тещей, была особенно мрачна; и некрасива, несмотря на молчаливую торжественность высокихъ потолковъ и темной, старой, тяжкой мебели.

Шестнадцатилѣтняя Литта жила при графинѣ-бабушкѣ. Старуха завладѣла дѣвочкой сразу, какъ только умерла ея дочь. Не прощала внучкѣ, что она—Двоекурова, но, вѣдь, всетаки это дочь ея несчастной дочери. Пусть, по крайней мѣрѣ, дѣвочка получитъ надлежащее воспитаніе.

Къ зятю, Николаю Юрьевичу, закаменѣвшая старуха питала спокойное и даже мало объяснимое отвращеніе. Не видались они по мѣсяцамъ.

Но удивительно: Юрія, сына Николая Юрьевича отъ перваго брака, старая графиня, съ годами, все больше и больше миловала. Оттого ли, что мать его, какъ она знала, тоже была, хоть и бѣдная, но „хорошо рожденная“ (удается же этакимъ „Двоекуровымъ!“), оттого ли, что самъ онъ ей весь нравился,—она благосклонно говорила съ нимъ и даже вѣрила ему.

— Décidement, ma petite, c'est un garçon très bien élevé,—говорила она послѣ каждой аудіенціи и трясла головой. Нравился Юрій.

Литта краснѣла отъ удовольствія. Еще бы не нравился! Кому это онъ можетъ не нравиться!

Случилось, что ни отцу, ни тѣмъ менѣе графинѣ, не пришло въ голову ни разу ограничить въ чемъ-нибудь свободу Юрія. Онъ взялъ ее самъ, просто, какъ неотъемлемую собственность. Мало того: съ семнадцати лѣтъ никому даже и не разсказывалъ, что дѣлаетъ, куда уходитъ, куда уѣзжаетъ. Денегъ никогда не просилъ, что графиня цѣнила, а отецъ принималъ, какъ должное, не заботясь, хватаетъ ли ему положенныхъ ста рублей.

Впрочемъ, на первую поѣздку за границу, въ Германію, и на вторую, въ Парижъ, отецъ далъ какіе-то лишніе гроши, и графиня прибавила безъ просьбы.

Въ концѣ зимы Юрій вернулся изъ Парижа, и тотчасъ же объявилъ дома, что взялъ себѣ для занятій комнату на Васильевскомъ Островѣ. Онъ не переѣзжаетъ,—только не всегда будетъ дома ночевать, вотъ и все.

Отецъ ничего не сказалъ, графиня приняла просто, Литта огорчилась, но втайнѣ. И такъ оно и пошло.

— У тебя отличная комната, настоящая студенческая,—говорилъ Левковичъ грустно.—Только вотъ никогда тебя не застанешь. И дома у тебя бывалъ,—нѣту. Сюда третій разъ прихожу, разузналъ адресъ.

— А тебѣ нужно что-нибудь?

— Да нѣтъ, я такъ. Вѣдь подумай, съ тѣхъ поръ, какъ ты вернулся, всего второй разъ тебя вижу.

Комната, можетъ быть, и отличная, но тѣсноватая. Въ углу длинный столъ занятъ какими-то банками и склянками. Юрій, въ тужуркѣ, лежитъ на клеенчатомъ диванѣ и куритъ тонкую папироску. Левковичъ снялъ шашку, но всетаки неловко тѣснится на стулѣ, поджимая ноги.

— Химія?—спрашиваетъ онъ, косясь на склянки.

— Да... Ну, здѣсь это такъ. Здѣсь развѣ серьезно можно заниматься.

Левковичъ—троюродный братъ Юрія. Ему подъ тридцать. Онъ ни дуренъ, ни красивъ. Если Юруля смахиваетъ на узкую flûte для шампанскаго, то Левковичъ, рядомъ съ нимъ, похожъ не на стаканъ, а на большую, обыкновенную рюмку изъ толстаго стекла, съ коротковатой ножкой.

Въ лицѣ что-то ребячески простое, незамысловатое. Не глупое, а именно простое. Такіе люди умѣютъ честно и сильно влюбляться.

Левковичъ—офицеръ. Но будь онъ лавочникомъ, почтальономъ, чиновникомъ—это измѣнило бы его языкъ, его привычки и отнюдь не его самого.

Они всегда встрѣчались рѣдко, но Левковичъ обожалъ Юрулю. Вѣрилъ ему, совѣтовался съ нимъ. У Юрули—заботливая и снисходительная нѣжность. Говорилъ онъ съ Левковичемъ мало, но всегда терпѣливо слушалъ и точно оберегалъ.

— Я все занятъ, Саша,—сказалъ онъ кротко.—Ты бы написалъ мнѣ строчку домой, условились бы.

— А къ намъ ты ужъ не придешь?—грустно проговорилъ Левковичъ.

И, не дожидаясь отвѣта, вдругъ заспѣшилъ:

— Ты отчего перемѣнился ко мнѣ? Ну, не перемѣнился, а что-то есть. Я рѣшилъ спросить тебя... Такъ нельзя.

— Что же спросить?

— Да вотъ... Я не знаю. Когда, послѣ твоего пріѣзда, мы увидѣлись и я сказалъ тебѣ, что женился, ты обрадовался. А узналъ, что на Мурѣ, и вдругъ говоришь: „напрасно!“ Съ тѣхъ поръ и не зашелъ ко мнѣ. А я такъ счастливъ, такъ счастливъ. Что это значило, твое восклицаніе?

— Если ты счастливъ, Саша, больше ничего и не нужно. Я ошибся. Но зная тебя и зная немножко твою жену, мнѣ казалось, что напрасно вы женились, жаль, что ты полюбилъ ее.

— Отчего жаль? Нѣтъ, ты скажи. Отчего она о тебѣ, напротивъ, такъ хорошо отзывается, такъ хорошо...

— Да и я не плохо. Зналъ ее мало, давно. Просто мнѣ казалось, что у васъ характеры разные. Саша, я только и хочу, чтобъ ты былъ счастливъ. Тебѣ не много нужно, но ты, глупый, никогда не знаешь, гдѣ тебѣ лучше, гдѣ хуже. Мнѣ досадно смотрѣть иногда, ну, вотъ я о тебѣ и забочусь.

Левковичъ улыбнулся весело.

— А я самъ свое счастье нашелъ. Любовь, братъ, она ведетъ. Тебѣ всетаки за ласку твою спасибо. Зайди къ намъ, будь милый. Увидишь, какъ намъ хорошо.

— Зайду.

— Она удивительная, Мура моя. Скажу тебѣ по секрету, я даже не ожидалъ. Такъ любитъ и... ну, такой темпераментъ, что даже меня испугало. Дѣвочка, видъ пятнадцатилѣтней, твоя сестра Литта кажется старше, и вдругъ... откуда что взялось. Любовь чудеса творитъ.

Юрій затянулся папироской.

— Отлично... Зайду,—сказалъ онъ, точно желая прервать изліянія молодожена.—Я очень радъ.

— Она черезъ двѣ недѣли къ теткѣ въ деревню погостить уѣдетъ, такъ ужъ ты не откладывай, Юруля. Ну, спасибо тебѣ. А меня это мучило. Еще бы я съ тобой поговорилъ, да тебѣ, вѣрно, некогда.

— Некогда,—согласился Юруля.—Саша, если я тебѣ понадоблюсь, ты лучше домой навѣдывайся, я тамъ чаще бываю.

Левковичъ всталъ и торопливо началъ прицѣплять шашку.

— Ты такой красивый, Юра, что будь это не ты, я бы тебя побоялся звать къ намъ,—сказалъ онъ шутливо.—Ревновалъ бы тебя.

Юрій усмѣхнулся.

— Не бойся. И за сто Мурочекъ я не захочу тебя огорчить. А жаль, что ты ревнивый. Такое это, должно быть, непріятное чувство. Варварское. Какъ всѣ страсти.

— И любовь, значитъ? Ха-ха-ха!

— Чего-жъ ты смѣешься, глупое дитя?—нѣжно сказалъ Юрій.— Конечно, и любовь, если всѣ страсти. Да иди, не разсуждай, тебя не передѣлаешь.

— Страсть—это жизнь,—важно произнесъ Левковичъ уже на порогѣ.—Что же ты, безстрастіе-безжизненность проповѣдуешь?

— Ровно я ничего не проповѣдую. Очень мнѣ нужно! А правду какъ не сказать? Зато и христіанство уважаю, что оно

боролось противъ страстей. Большая въ этомъ культурная сила. А если перехватываетъ оно...

Левковичъ слушалъ, мало понимая. Юрій торопливо перебилъ себя:

— Такъ прощай. Я зайду, милый.

Когда онъ ушелъ, Юрій взглянулъ на часы, потомъ въ окно. Небо холодное, высокое, свѣтлое. Апрѣль стоялъ сухой и вѣтреный. Заря уже не умирала.

— Дрянь дѣвчонка,—сказалъ вслухъ Юрій, собираясь выйти, ища въ столѣ какіе-то ключи.

„Да, настоящая дрянь. И притомъ дура. Досадно, жаль Сашу. И куда она свою Леонтинку дѣвала? Ужъ не къ ней ли гостить собирается?"

Впрочемъ, ни Мура, ни бывшая ея гувернантка Леонтинка, которую такъ прекрасно зналъ Юрій, не возбуждали въ немъ никакихъ дурныхъ чувствъ. „Дрянь"—это съ точки зрѣнія Левковича, а вотъ дура—досадно, потому что Юрій предвидѣлъ послѣдствія этой глупости,—Сашину бѣду.

„Конечно, и онъ глупъ,—думалъ Юруля.—Но его не передѣлаешь, а мнѣ его будетъ жаль. Ну, да шутъ съ ними пока, со всѣми".

Онъ, какъ былъ, безъ пальто, въ одной тужуркѣ, сбѣжалъ съ лѣстницы и вышелъ на пустынную улицу.

Черезъ минуту онъ уже катился на велосипедѣ, упруго вздрагивая на неровной мостовой. Поблескивали шины. Пыльный вѣтеръ овѣвалъ лицо.

Юрію предстоялъ очень долгій путь,—черезъ весь Петербургъ. Но весело чувствовать себя сильнымъ и веселымъ. Веселымъ, свободнымъ, крѣпко связаннымъ въ одинъ узелъ. Пути открыты, вотъ какъ эта пустая, широкая линія Острова передъ нимъ. И стальной руль легко-послушенъ ему, какъ его тѣло, его жизнь— послушны его мысли, волѣ, желанію, капризу, удовольствію, забавѣ.

О, какъ вчужѣ досадно иногда, что люди еще такіе глупые, еще такіе несчастные!

Ну, да пусть ихъ. Научатся жить когда-нибудь.

ТРЕТЬЯ.

Шикарные цвѣты.

На Преображенской улицѣ Юрій соскочилъ съ сѣдла у подъѣзда одного изъ новыхъ домовъ.

Въ швейцарской, какъ всегда, пусто. Юрій прислонилъ къ лѣстницѣ велосипедъ, поднялся въ третій этажъ и безшумно отворилъ большую черную дверь своимъ ключемъ.

Въ передней прислушался. Тихо. Онъ, впрочемъ, такъ и зналъ, что никого нѣтъ дома.

Передняя была большая, съ претензіей на роскошь. Женское кружевное пальто висло лентами чуть не до полу. Сдавленный воздухъ едва-едва пахъ хорошими духами и хорошей сигарой.

Не снимая фуражки, Юруля отодвинулъ темную портьеру, ловко закрывавшую маленькую дверь направо, вошелъ, и дверь за нимъ закрылась.

Въ пустой квартирѣ все такъ же было тихо. На столѣ въ гостиной, убранной съ тѣмъ безнадежнымъ безвкусіемъ, которое даетъ поспѣшность роскоши, стоялъ свѣжій букетъ розъ съ длинными стеблями. Такой же дорогой, вѣроятно, какъ его тяжелая, некрасивая ваза.

Черезъ десять минутъ Юруля, переодѣвшись, неслышно вошелъ въ гостиную, вынулъ букетъ, отставилъ вазу. Съ большой ловкостью завернулъ онъ цвѣты въ бѣлый листъ бумаги, закололъ булавками,—совсѣмъ какъ въ магазинѣ!

И потихоньку вышелъ,—но не прежней дорогой, а черезъ коридоръ и кухню, убѣдившись предварительно, что и она пустая.

Отъ черной лѣстницы у него тоже былъ ключъ.

ЧЕТВЕРТАЯ.

На кошачьей лѣстницѣ.

— Да ну его, провались онъ! Очень мнѣ нужно!—говорила Машка, фордыбачась.

На минутку остановилась на углу Казачьяго по дорогѣ изъ булочной съ Аннушкой изъ десятаго, что̀ напротивъ.

Аннушка посолиднѣе, а то, можетъ, просто вялая. Машка—вся огонь. Сѣрый платокъ у нея на одномъ плечѣ держится, даромъ, что весенній вѣтеръ, пыльный, вонючій и холодно-ѣдкій, лѣзетъ въ рукава и за воротъ, теребитъ передникъ.

Бѣлесые Машкины волосы подняты „по-модному", широкій ротъ молодо хохочетъ, сдвигаются глаза, блестя.

— При-детъ. Да хоть бы и что, вотъ не видали,—жмется она, притаптывая каблукомъ по тротуару.

Аннушка не очень вѣритъ.

— Ишь ты! Небось, заскучаешь! Вѣдь хорошенькій.

— Никогда онъ мнѣ и не нравится,—нагло вретъ Машка.— Онъ ничего, да вотъ не нравится. Ужъ ходитъ-ходитъ, и всякій разъ съ букетомъ. Да я евонные цвѣты къ барынѣ ставлю. Что мнѣ? Браслета мнѣ хотѣлось, такъ небось не подарилъ браслета. А что цвѣты-то изъ магазина таскаетъ...

— На Моховой, что ли, магазинъ?

— А я почемъ знаю! Спрашиваетъ наша кухарка разъ: что это, говоритъ, Илья Корнеичъ, какіе у васъ все цвѣты шикарные? А онъ ей: у насъ, говоритъ, магазинъ шикарный, оттого и цвѣты шикарные. А цвѣты, говоритъ, пріятнѣе всего дарить, ежели кого любишь. Наша-то кухарка съ ума по немъ сходитъ. Самовоспитанный, говоритъ, такой, и не сказать, что приказчикъ.

— Да чего, конечно, хорошенькій. А вотъ я, дѣвушка, видѣла третьеводни на Невскомъ,—барыня съ письмомъ посылала, ввечеру,—вижу, катитъ студентъ, ну, какъ есть твой Илья. И этакое ландо, и въ ландѣ содержанка. Очень похожъ, помоложе развѣ.

— Ну, ужъ студенты-то извѣстно безобразники,—равнодушно сказала Машка.—Прощай покуда, заходи...

И вдругъ обѣ визгнули тихонько и засмѣялись.

Подъ незажженымъ угловымъ фонаремъ мелькнуло веселое лицо. Кто-то снялъ новенькій картузъ и встряхивалъ недлинными, пышными волосами.

— Откуда это вы взялись?—бойко начала Маша.

— Да ужъ откуда ни взялся, а, признаться, къ вамъ пробирался. Дома ли Степанида Егоровна?

— А придете, такъ узнаете... Буду я еще съ вами по угламъ на свиданьяхъ стоять... Есть мнѣ...

И Машка, вся покраснѣвшая, вильнула прочь. Черезъ два дома кинулась въ ворота и совсѣмъ пропала.

Простившись за руку съ Аннушкой, которая вздохнула, Машкинъ обожатель пошелъ въ тѣ же ворота.

И черезъ минуту былъ уже въ просторной, свѣтлой и грязной Машкиной кухнѣ.

Онъ сидѣлъ за бѣлымъ столомъ у перегородки, чинно, вѣжливо и весело поглядывая на Степаниду Егоровну, пожилую кухарку изъ важныхъ. Она поила его чаемъ съ вареньемъ и поддерживала деликатный разговоръ. Деликатность и хорошій тонъ были коренной слабостью Степаниды Егоровны. Она считала себя знатокомъ хорошихъ манеръ, любила вѣжливость и уваженіе до такой степени, что даже извозчикамъ говорила „вы“.

Скромность, изысканную почтительность Ильи Корнеича она тотчасъ же оцѣнила и взяла его подъ свое покровительство.

Разсуждали тихо, мѣрно, разумно. Послушать Степаниду Егоровну — такъ никогда не повѣришь, что у нея строптивый и злобный характеръ, что Машкѣ отъ нея нѣтъ ни житья, ни покою.

— Ну, чего ты вертишься туда да сюда?—огрызнулась на нее кухарка.—Сѣла бы посидѣла. Вонъ опять Илья Корнеичъ чудныя розы какія принесъ. Понимаешь ты много, деревня!

— Чего вы? Я чай господскій убираю. А что они букеты носятъ, такъ мы не просимъ,—добрая воля!

И Машка опять убѣжала.

Но сердце не камень. И, понемногу приближаясь, кокетничая и дичась, какъ молодая звѣриха, она уже очутилась у черной двери, около табурета Ильи Корнеича. Хохотала чему-то, угловато вертѣлась, и каждая жилка ея большеротаго лица играла.

— Я вотъ предлагаю удовольствіе сдѣлать,—говорилъ Илья Корнеичъ.—Марью Петровну сопровождать, если имъ угодно, въ театръ. Или же на балъ, на Пороховые. У меня знакомые есть. А Марья Петровна упираются.

— Понимаетъ она много театръ!—презрительно сказала Степанида Егоровна.

— Онѣ, Степанида Егоровна, утверждаютъ, что вы имъ разрѣшенія не даете отлучиться. Позвольте мнѣ нижайше быть посредникомъ и самолично просить у васъ этого требуемаго разрѣшенія.

Приказчикъ говорилъ что-то ужъ слишкомъ витіевато, но Степанида Егоровна вся таяла, а когда, получивъ разрѣшеніе, Илья Корнеичъ всталъ и сдѣлалъ видъ, что хочетъ у Степаниды Егоровны ручку поцѣловать, она даже застыдилась, спрятала руки и была въ упоеніи. Во-первыхъ, отъ сознанія своей власти, а во-вторыхъ, отъ знакомства съ такимъ воспитаннымъ человѣкомъ.

Машка выскочила провожать его на лѣстницу.

Пахнетъ, какъ всегда, тяжелыми, холодными кошками. Блѣдный мракъ блѣдной ночи, точно паутина тянется изъ оконъ.

— Машенька, душенька, и что вы все какія сердитыя,—улыбаясь, говорилъ Илья.—И что вы все какія неласковыя...

Внизу, въ сѣняхъ, гдѣ было темно-сѣро, онъ обнялъ дѣвушку безъ дальнѣйшихъ словъ. Прижавъ ее къ стѣнѣ, цѣловалъ свѣжее, некрасивое лицо, большой ротъ.

Машка дернулась было, хотѣла что-то сказать свое, вродѣ „безъ глупостевъ нельзя ли“, „да ну-те васъ“—и ничего не сказала. Только задышала скоро-скоро подъ его летучими поцѣлуями.

— Ты моя душенька, Машенька,—шепталъ онъ, и въ шепотѣ была слышна улыбка.—Поѣдешь со мной? Ужо приду, смотри не отказывайся. А пока цвѣточки мои нюхай, меня вспоминай, глупенькая!

Наконецъ, Машка вырвалась и убѣжала наверхъ. Онъ не держалъ ея больше.

Отворилъ дверь съ блокомъ, вышелъ на сѣрый, туманный дворъ, потомъ на такую же сѣрую, посвѣтлѣе, улицу.

ПЯТАЯ.

Плѣнникъ.

Однако, итти назадъ, на Преображенскую, въ Лизочкину квартиру, нельзя: или слишкомъ поздно, или слишкомъ рано. Хотѣлъ было взглянуть на часы, да вспомнилъ, что съ нимъ нѣтъ часовъ. Онъ обыкновенно оставляетъ ихъ, потому что они золотые, очень дорогіе.

Куда жъ дѣваться? Одѣтъ онъ совсѣмъ не маскарадно, но всетаки скверное, новое и длинное пальто не по немъ, и синій картузъ страненъ на волнистыхъ кудряхъ. Нельзя поѣхать туда, гдѣ его знаютъ.

Ему было ужасно весело. Нравилась ему и Степанида Егоровна съ бонтономъ, и Лизочкины цвѣты, которые онъ упорно приносилъ Машкѣ, словно барышнѣ, и очень нравилось некрасивое, свѣжее Машкино лицо, которое онъ цѣловалъ на кошачьей лѣстницѣ.

Забавѣ своей, случайно выдуманной, онъ радовался: радовалъ его блѣдный паучій свѣтъ печальной улицы, и свернувшійся калачомъ на козлахъ горькій ванька, и уставшій, добрый городовой на безлюдномъ перекресткѣ; и радовалъ себя онъ самъ,—веселый студентъ, простой, средній человѣкъ, такъ просто и свободно живущій.

Куда бы зайти, однако? Вездѣ хорошо.

Онъ вспомнилъ про небольшой, средней руки, трактиришко въ переулкѣ съ Гороховой. Бывалъ тамъ, нравилось. Не совсѣмъ извозчичій, а такъ мелкій людъ, всякіе попадаются.

Въ трактирѣ было пустовато. Двое какихъ-то ѣли въ углу селедку, странно запивая изъ чайника. Толстый торговецъ съ обезпокоеннымъ лицомъ, за бутылкой пива, все что-то шепталъ про себя и заботливо писалъ на бумажкѣ.

Веселый Машкинъ обожатель спросилъ себѣ чаю, положилъ

картузъ на столикъ, встряхнулъ по привычкѣ волосами и сталъ оглядывать комнату.

Но почувствовалъ, что на него кто-то смотритъ, обернулся, и каріе съ золотомъ глаза его сразу встрѣтились съ другими, синими, тяжелыми.

Кто это? Не вспомнишь сразу. Кто это, въ самомъ дѣлѣ?

Одѣтъ такъ скромно, что и не поймешь, интеллигентъ ли бѣдный, или рабочій. Узкое молодое лицо съ черной бородкой, блѣдное. И вотъ эти синіе глаза...

Ага, вспомнилъ! Стало еще веселѣе. Хотѣлъ встать и подойти, но не всталъ. Во-первыхъ, старая, безсознательная привычка осторожности, связанная вотъ съ этимъ синеглазымъ; во-вторыхъ, соображеніе: вѣдь онъ, синеглазый, ему не нуженъ. Захочетъ, узнàетъ,—а узнать вовсе не трудно,—самъ подойдетъ.

Человѣкъ съ черной бородкой всталъ и не торопясь подошелъ къ столику приказчика.

— Нельзя ли къ вамъ мнѣ подсѣсть?

Тотъ встрѣтилъ его смѣющимися глазами и сказалъ, тоже не повышая голоса:

— Садись, садись. Чай будешь пить или пиво? Отъ Наташи поклонъ, если она еще не пріѣхала.

— Нѣтъ еще. Спасибо, я чай буду. Что это ты какъ?

— А что?

— Да здѣсь... И... Ты вѣдь студентъ? Отъ Наташи знаю, вы встрѣтились.

— Вотъ и съ тобой встрѣтились. Если отъ Наташи знаешь обо мнѣ, такъ ужъ, вѣрно, все знаешь. А это...

Онъ показалъ глазами на свой приказчичій картузъ.

— Это случайно... Шалости... Никакого отношенія ни къ чему не имѣетъ. Михаилъ, скажи лучше о себѣ.

— Я давно тебя хотѣлъ повидать,—проговорилъ Михаилъ, не отвѣчая на вопросъ.—Да не выходило какъ-то... Къ тебѣ не рѣшался. Радъ, что встрѣтилъ.

— Значитъ, я тебѣ нуженъ? Отъ Наташи ты долженъ знать, что я не намѣревался искать ни тебя, ни другихъ, что всѣ вы для меня—только милый, хорошій кусочекъ моего прошлаго,—только!

— Ты не связанъ,—холодно сказалъ Михаилъ.

— Я и не могу быть связанъ, я говорю это для тебя, чтобы тебѣ все было ясно. Но отъ своего прошлаго я не отказываюсь; я сказалъ и Наташѣ, что не буду бѣгать отъ тебя, если ты меня найдешь.

— Юрій, вотъ въ чемъ дѣло... Впрочемъ, нѣтъ. Я лучше приду на Островъ, если выяснится необходимость. Ты вѣдь на Островѣ теперь живешь? А я вполнѣ могу прійти. Дѣло не во мнѣ.

— Все равно. Будь добренькій, приходи на Фонтанку. Повѣрь, тамъ лучше. И скажи теперь же, когда придешь.

— Къ графинѣ? Ты и тамъ живешь? Хорошо. Черезъ десять дней приду. Шестого мая. Да! Кнорръ у тебя бываетъ?

— Кнорра я видѣлъ. Такъ, мелькомъ. Онъ хотѣлъ зайти. Я не зналъ, что вы съ нимъ продолжаете...

— Не близко. Ну, такъ прощай теперь. Яша хотѣлъ зайти сюда; поздно, должно быть, не придетъ.

— Ахъ, еще Яша! Ну, этотъ... Я радъ, что не видѣлъ его.

Михаилъ угрюмо промолчалъ.

— И ты, помню, съ Яшей не дружилъ.

— Онъ мнѣ лично не былъ симпатиченъ,—сказалъ Михаилъ.— Цинизмъ въ немъ есть, понятный впрочемъ, но я не люблю цинизма. Повторяю, это просто мое личное чувство, и я себѣ никогда не позволялъ ему поддаваться.

— Господи, Михаилъ! Что ты только говоришь. Не поддаваться... личнымъ чувствамъ... Ну, да оставимъ.

— Ты тоже циникъ...

— Однако я тебѣ не былъ антипатиченъ никогда. Вспомни.

— Это опять необъяснимый капризъ личности.

— Нѣтъ, Михаилъ, это просто, пойми: развѣ мы похожи съ Яшей? Вотъ мнѣ приходитъ въ голову какъ разъ интересная вещь, ты скажешь—парадоксъ, но послушай: я откровенно забочусь прежде всего о себѣ, но мнѣ важно дѣлать это съ наименьшимъ вредомъ для другихъ; а Якову, который, по-моему, глупѣе всѣхъ глупыхъ людей, важнѣе всего повредить; онъ воображаетъ, что это самый вѣрный путь хорошо позаботиться о себѣ. Можетъ быть, я ошибаюсь, но такое у меня впечатлѣніе.

Михаилъ насупился.

— Оставимъ и психологію, и Якова. Въ сущности ты такъ же мало его знаешь, какъ и я. Я знаю, что въ дѣлѣ Яковъ незамѣнимъ, этого съ меня довольно.

Онъ всталъ. Юруля не улыбался, лицо потемнѣло, въ глазахъ была досада.

— Подожди, Михаилъ. Еще одно слово о тебѣ. Сядь, прошу тебя. Не стоило бы, но ужъ такъ нашло на меня, хочется сказать.

— Ну, что?—нетерпѣливо и болѣзненно сказалъ Михаилъ, садясь.

— Ты мнѣ глубоко непріятенъ,—ты несчастенъ. Зачѣмъ это?

Плѣнникъ мой бѣдный, заставляешь себя думать о „свободѣ другихъ“, а самъ-то? Я понимаю, тяжело признаться, что не вѣришь въ то, чему вѣрилъ (хотя это тяжесть предразсудка)—однако есть же разумъ, есть же свобода, есть же очевидность! Не вѣришь ты больше никому и ничему! И остаешься, стиснувъ зубы, все съ тѣми же людьми,—изъ-за чего, ради чего? Ради „долга“? Что это за тупость? Весь въ веревкахъ,—да еще въ какихъ-то воображаемыхъ!

— Оставь, оставь,—строго сказалъ Михаилъ.

— И оставлю. Вѣдь я тебя не убѣждаю, не къ себѣ зову, мнѣ никого не нужно; я только совѣтую: попробуй опомниться. А это что же такое? Это безобразно. О, идеалисты! Досада, отвращеніе...

И вдругъ перебилъ себя:

— Извини, Михаилъ. Мнѣ вѣдь все равно. Увидѣлъ тебя—и сказалъ. Будь себѣ, какимъ хочешь. У меня сердце нѣжное... нѣтъ, глаза у меня нѣжные. Когда смотрю—жалко.

Они были теперь одни въ трактирѣ. Михаилъ заторопился.

— Прощай,—буркнулъ онъ.—Такъ я приду шестого. А не то черезъ Кнорра дамъ знать, когда.

Словъ Юрія онъ какъ будто и не слышалъ. Сидѣлъ задеревенѣлый.

Юрій самъ, выйдя минуты черезъ двѣ изъ трактира, уже смѣялся и удивлялся.

„Съ чего это я ему? Да ну его совсѣмъ! Какое мнѣ дѣло?“

Пошелъ пѣшкомъ на Преображенскую и уже на Невскомъ совершенно забылъ неожиданную встрѣчу.

ШЕСТАЯ.

Разнообразіе любвей.

Бѣлые до голубизны электрическіе пузыри межъ черныхъ сучьевъ, едва опушенныхъ, то надувались свѣтомъ, словно пухли, то ежились съ шипомъ. Гдѣ-то ужъ слишкомъ вверху честно желтѣетъ безполезная луна.

Злая ночь мая, петербургская, дышала ледкомъ. Небо свѣтло-сѣрое, какъ оберточная бумага, съ висящимъ ненужнымъ мѣсяцемъ, было глупо.

Внизу, напротивъ сцены, сидѣлъ за столикомъ безбородый мальчишка въ цилиндрѣ.

— Двоекуровъ!—крикнулъ онъ вдругъ.—Послушайте! Двоекуровъ!

Тотъ, высокій и тонкій въ студенческомъ мундирѣ безъ пальто, остановился равнодушно.

Оркестръ молчалъ. Слышенъ былъ песочный скрипъ подъ подошвами вялой толпы. Щелкнула гдѣ-то пробка.

— Это вы, Стасикъ?—сказалъ Юруля.—Здравствуйте.

Мальчикъ въ цилиндрѣ поспѣшно поднялся.

— Послушайте, Двоекуровъ. Послушайте, сядьте со мной. Вѣдь вамъ все равно. Вотъ у меня шампанское... Мы съ вами мало знакомы, но что жъ такое. Вѣдь вы одинъ?

Двоекуровъ сѣлъ.

— Пока одинъ. Что это вы нервничаете?—прибавилъ онъ участливо.

— Скажите правду, разъ навсегда: вы меня очень презираете?

Юруля поднялъ на него свои каріе, съ золотыми искрами, глаза, сдвинулъ со лба фуражку и улыбнулся.

— Вы, должно быть, проигрались, Стасикъ?

Стасикъ залепеталъ:

— Ну да... Откуда вы знаете? Но это все равно. Я одинъ, растерянъ. Чувствую, вся жизнь моя какъ-то гибнетъ. Всѣ меня презираютъ, я знаю... И я самъ себя презираю. Я низко палъ...

— Да будетъ вамъ,—равнодушно проговорилъ Юруля.—Не думаю я васъ презирать.

— Ахъ, Богъ мой, точно я не понимаю... Но увидѣлъ васъ... Вы такой странный. Не видишь—не помнишь, а видишь—почему-то любишь. Вы такой красивый. Не сердитесь...

— Я никогда не сержусь, Стасикъ. Но вы не кокетничайте со мной. Вашъ номеръ у меня, вы знаете, не въ ходу. А денегъ я вамъ не дамъ.

— Да развѣ я...—началъ Стасикъ.

— Нѣтъ, не дамъ.

— Еслибъ вы могли... Немного... До четверга.

— Могу, но не дамъ. Не вижу, какое мнѣ удовольствіе дать вамъ денегъ?

Стасикъ растерялся. Онъ совсѣмъ не затѣмъ позвалъ Двоекурова, чтобы просить денегъ. Совсѣмъ за другимъ. Позвалъ, но зачѣмъ—онъ не помнилъ, и какъ увѣрить, что не хотѣлъ просить денегъ—не зналъ.

Безпомощно обидѣлся, вскипѣлъ.

— Вы, пожалуйста, не оскорбляйте меня, Двоекуровъ. Я никому не позволю... Я еще не потерялъ понятія о чести...

— Охъ!—шутливо вздохнулъ Юруля.—То самоунижались безъ

мѣры, а то вдругъ польскій гоноръ заговорилъ... Экій вы глупенькій мальчикъ.

Музыка опять играла какую-то подпрыгивающую дрянь. Старые присяжные повѣренные съ женами и дамы безъ мужчинъ, въ свѣтлыхъ пальто, съ обыкновенными бабьи-продажными лицами, заходили повеселѣе.

Но было еще пустовато—было рано.

— Вонъ, кажется, Саша Левковичъ,—сказалъ Юрій, присматриваясь къ офицерскому пальто вдали.

Стасикъ взмолился:

— Двоекуровъ, не уходите еще! Лучше Левковича позовемъ, когда онъ мимо пройдетъ. Я знаю Левковича, я знакомъ...

Юрулю сталъ забавлять Стасикъ. Очень ужъ волновался.

— Развѣ такъ проигрались, что плохо приходится?

— Да нѣтъ... Не то...—началъ Стасикъ.—Конечно, проигрался. Но меня какъ-то вся моя жизнь мучитъ. И, право, не съ кѣмъ слова сказать.

— Какого же вы слова хотите?—участливо спросилъ Юруля.

— Я не знаю... Вы меня осуждаете?

— Полноте, Стасикъ. Бросьте вы. Хотите, лучше я васъ вонъ съ тѣмъ толстякомъ познакомлю?

— Я?... Зачѣмъ мнѣ? А кто это?

— Писатель, поэтъ, довольно извѣстный. Раевскій. Онъ теперь не на виду, худенькіе молодые затерли, а когда-то однимъ изъ новаторовъ считался.

— Ахъ да... Я слышалъ... Нѣтъ, нѣтъ, Двоекуровъ, подождите. Я вамъ хотѣлъ одну вещь сказать...

Знакомства Стасика были больше въ чиновничьемъ, богатомъ, кругу и среди офицерства. Въ кругъ литературный онъ какъ-то не попадалъ, не успѣлъ, хотя и считалъ себя „эстетомъ скорѣе“. Юрій легко дружилъ со всѣми. Всѣхъ зналъ и всѣ его любили.

— Вы отговариваетесь,—продолжалъ Стасикъ,—а вѣдь вы такой откровенный. Отчего вы не скажете мнѣ, вѣдь вы очень меня осуждаете? Осуждаете?

— Да,—произнесъ Юрій.

Стасикъ горько поникъ.

— Ну, вотъ, такъ я и зналъ.

— Не то, что осуждаю,—продолжалъ Юрій,—и не за то, за что вы думаете, а просто жалѣю, что вы такъ неумно живете и скверно о себѣ заботитесь.

Стасикъ удивленно взмахнулъ на него черными, можетъ быть немного подведенными, рѣсницами.

— Если бы вашъ способъ добыванія денегъ былъ вамъ пріятенъ, доставлялъ вамъ удовольствіе—вы были бы вполнѣ правы. Если бы даже онъ вамъ былъ безразличенъ—ну, куда ни шло, ничего. Но такъ какъ вы вѣчно дергаетесь, мучаетесь, нервничаете, глядите совсѣмъ въ другую сторону—то, ей-Богу, глупо такъ надъ собой насильничать. До того навинтились, что ужъ о самопрезрѣніи заговорили. А себя крѣпко любить надо. Поняли?

Мелькая черными тѣнями и бѣлесыми пятнами свѣта, подошла маленькая, стройная женщина, очень хорошо одѣтая. Лицо у нея было совсѣмъ кукольное; только у дорогихъ куколъ бываютъ такіе нѣжные черные глаза, такія ровныя, черныя брови, такіе свѣтло-бѣлокурые волосы, такой хорошенькій ротикъ. Однѣ веселыя ямочки на щекахъ были не кукольныя, а живыя.

— Лизокъ! Здравствуй!—сказалъ Юруля, улыбаясь.—Хочешь, садись къ намъ?

Она подобрала юбки и сѣла, глядя на него и тоже улыбаясь.

— Ну вотъ, ты Стасика развесели, а то онъ носъ на квинту повѣсилъ. Говоритъ, что никому не нравится.

— Стаська-то?—засмѣялась она.—Какъ же! Это такая воображалка, думаетъ, что лучше него и на свѣтѣ нѣтъ!

Она весело и просто поглядывала на Стасика, говорила добродушно, какъ незлая маленькая женщина, которая не завидуетъ другимъ, когда ей самой хорошо.

— Правда, онъ недуренъ,—продолжалъ Юрій съ серьезнымъ видомъ.—Вотъ ты, Лизочка, могла бы въ него влюбиться?

Лизочка захохотала. Качалось нѣжное бѣлое перо на ея шляпѣ.

— Въ Стасика? Ха-ха-ха!

Юрій попрежнему серьезно, но со смѣющимися глазами настаивалъ:

— Ну вотъ, Лизочка, почему нѣтъ? Онъ, я знаю, давно въ тебя влюбленъ. По крайней мѣрѣ, нравишься ты ему очень.

Лизокъ все еще смѣялась. Потомъ передохнула.

— Да ну васъ обоихъ съ пустяками.

Стасикъ, красный, волновался.

— Видите, Двоекуровъ, вотъ и она... А это несправедливо.— Это правда, Лили, прибавилъ онъ вдругъ,—вы мнѣ очень, очень нравитесь.

Лизочка, не смѣясь, передернула плечомъ.

— Да брось, глупенькій, точно я не знаю! Поумнѣе тебя.

Теперь тихонько смѣялся Юрій.

— Конечно, ты умнѣе, милая. Вотъ и я безъ тебя то же Ста-

сику доказывалъ. И хоть правда, что ты ему нравишься, однако тебя ему не видать, пока онъ не на „собственныхъ лошадяхъ" ѣздитъ.

— Да хоть бы и на собственныхъ...—начала Лизочка, ничего не понявъ.

Юрій уже съ кѣмъ-то разговаривалъ издали. Толстый Раевскій и Левковичъ подошли вмѣстѣ. Черезъ минуту Юруля подозвалъ еще двухъ: пожилого приличнаго и молодого неприличнаго.

Первый, со смуглымъ выразительнымъ лицомъ нерусскаго типа (говорили, что онъ не то изъ болгаръ, не то изъ армянъ) былъ извѣстный критикъ-модернистъ, талантливый, углубленный и запутанный, Морсовъ; второй—поэтъ „послѣдняго поколѣнія", грубый, тяжелый, небрежно одѣтый, съ толстой палкой въ рукахъ и скверными зубами во рту—Рыжиковъ.

Незнакомыхъ Юрій перезнакомилъ. Должно быть, каждый приплелся въ этотъ холодный садъ одиноко и праздно, потому что всѣ съ удовольствіемъ усѣлись за столикъ Юрули. Даже два столика составили вмѣстѣ.

Раевскій и критикъ Морсовъ спросили шампанскаго, Юрій тоже, и все подливалъ Лизочкѣ и Стасику; поэтъ съ палкой презрительно пилъ пиво, а Левковичъ не пилъ ничего, сидѣлъ, молчаливый, на углу и смотрѣлъ на скатерть.

Морсовъ уже разливался соловьемъ, напрягая голосъ, потому что въ это время на сценѣ куча толстыхъ бабъ кругло разѣвала рты въ тактъ музыкѣ, которая дубасила во всѣ тяжкія.

Морсовъ вездѣ и всегда разливался соловьемъ. У него были круглые и красивые періоды, которые катились мягко, точно разубранныя колеса. Они ласкали и баюкали слухъ, а въ концѣ еще оказывалось, что и мысль у него не лишена оригинальности, даже парадоксальности, и всегда пріятной.

Раевскій и Рыжиковъ, хотя познакомились, не сказали другъ другу ни слова. Перекидывались молчаливыми взглядами; поэтъ „конца вѣка" судилъ поэта „начала вѣка",—и обратно; оба другъ друга видимо презирали. Раевскій, „лирикъ до - революціоннаго періода", презиралъ Рыжикова за то, что онъ пьетъ пиво, скверно одѣтъ, худъ и молодъ; эстетъ „новѣйшаго періода" такъ же искренно презиралъ Раевскаго за его элегантность, непомѣрную толщину и французскія словечки. Впрочемъ, въ презрѣніе Раевскаго вмѣшивалась зависть: онъ чувствовалъ, что отъ чего-то отсталъ. И чрезмѣрность полноты его немного мучила, хотя обыкновенно онъ утѣшалъ себя сходствомъ съ Апухтинымъ.

— Я провожу удивительные вечера въ кругу молодыхъ моихъ

друзей,—продолжалъ катить Морсовъ колеса, и кивнулъ въ сторону Рыжикова.—Какъ мнѣ жаль, что поэты предыдущаго поколѣнія, поэты уже опредѣлившіеся, уже сдѣлавшіе много, вродѣ глубокочтимаго Анатолія Борисовича,—тутъ онъ кивнулъ въ сторону Раевскаго,—не помогаютъ начинающей молодежи, не соединяются съ ними, уходятъ въ уединеніе, прочь отъ литературной семьи...

Раевскій, точно, еще никогда не сдавался на приглашенія Морсова, избѣгалъ всякихъ новыхъ „литературныхъ" вечеровъ, хотя никакъ нельзя было сказать, что онъ живетъ въ „уединеніи".

— Вы, дорогой Юрій Николаевичъ, знаете наши интимные вечера прошлаго сезона, вы бывали,—не унимался Морсовъ.— Долженъ сказать, что теперь дѣла идутъ нѣсколько иначе. То, что было—было прекрасно, однако время измѣняетъ все. Притокъ новыхъ силъ и новые запросы духа...

Юрій улыбнулся, вспоминая.

— Да, запросы духа...—произнесъ онъ разсѣянно, и прибавилъ вдругъ:

— А вонъ Жюличка... Она одна? Лизокъ, позови ее къ намъ... Да нѣтъ, сама идетъ. Жужулинька! Не угодно ли присѣсть!

Подошедшая дѣвица была брюнетка, поплотнѣе Лизочки, хуже одѣта, вульгарнѣе, но тоже очень хорошенькая.

Она развязно улыбнулась всѣмъ, вдвинула стулъ между Рыжиковымъ и Морсовымъ, спросила раковъ и бѣлаго вина, отказавшись отъ шампанскаго.

Раевскій не обратилъ на новопришедшую никакого вниманія. Онъ давно уже и Морсова не слушалъ, и даже на Рыжикова не глядѣлъ: присосѣдившись къ Стасику, онъ что-то говорилъ ему вполголоса, колыхаясь мягкимъ тѣломъ. Тотъ отвѣчалъ, хотя строилъ мины, вскидывалъ рѣсницами. Порой, исподтишка, бросалъ трусливый взоръ на Юрулю, но Юруля не глядѣлъ въ его сторону.

Всѣ болтали между собою, кромѣ Морсова, который разглагольствовалъ для всѣхъ.

Пользуясь шумомъ, Юруля сказалъ Лизочкѣ почти на ухо:

— Отчего ты здѣсь?

— Воронка телефонировалъ: въ комиссіи. Будетъ во второмъ часу. Чтобъ его! Это значитъ—всю проваландается. Ты, коли надо, потихоньку.

— Ладно. Знаю. Вотъ молодецъ, что дома не высидѣла.

— Да, какъ же, буду я!—Молчи,—прибавила она тише,—вонъ

ужъ Юлька уставилась на насъ. Ѣстъ глазищами... Ей-Богу, дуру ей сейчасъ скажу...

Но Юрій сурово толкнулъ ее подъ столомъ ногой,—онъ терпѣть не могъ бабьихъ выходокъ,—и Лизочка сейчасъ же весело заговорила о пустякахъ съ Левковичемъ. Левковичъ ей, впрочемъ, почти не отвѣчалъ.

Воронка, или „дядя Воронка", про котораго Лизочка сказала: „въ комиссіи", былъ очень богатый южный помѣщикъ Воронинъ, депутатъ. Юрулѣ онъ приходился троюроднымъ дядей со стороны матери. Въ домѣ графини изрѣдка бывалъ, даже обѣдалъ; графиня къ нему благоволила. Хотя Воронину перевалило за пятьдесятъ, онъ глядѣлъ еще молодцомъ и съ Юрулей сразу вступилъ въ пріятельскія отношенія.

И такъ хорошо сошлось: у Лизочки покровитель былъ неважный, а дядя Воронка томился случайностями петербургской жизни давно. Юруля зналъ, что Лизочка ему понравится. Дѣйствительно, такъ понравилась, что дядя Воронка еще недавно, на лѣстницѣ графини, съ лукавымъ взглядомъ поблагодарилъ Юрулю, а Лизочкина квартира на Преображенской стоитъ полторы тысячи, обстановка самая новая. Всѣ остались довольны.

Морсовъ начиналъ изсякать, тѣмъ болѣе, что никто его не поддерживалъ, и приставалъ теперь, главнымъ образомъ, къ Юрулѣ.

— Вы мнѣ всегда казались художникомъ, Юрій Николаевичъ. Я знаю, вы ничего не пишете, но развѣ нужно причастіе къ какому-нибудь извѣстному искусству, чтобы быть художникомъ? Отнюдь. Съ такимъ лицомъ, какъ ваше, съ такимъ... я бы сказалъ, рисункомъ всей вашей личности, можно не написать ни одной строки, но не быть поэтомъ—нельзя. Вы занимаетесь философіей...

— Нѣтъ,—сказалъ Юруля.—Я занимаюсь химіей.

Морсовъ запнулся.

— Какъ, химіей?

— Да, у X..., въ Парижѣ. Очень серьезно. И буду продолжать.

— Химіей? Да... Ну, все равно. Развѣ химія—не та же поэзія? Важно отношеніе. Вы увлеклись химіей...

— Да нисколько я не увлекся... Простите, ради Бога, одну минуточку... Здравствуй, милый,—сказалъ онъ, вставая и подавая руку подошедшему къ нему высокому студенту, мѣшковатому, съ болѣзненнымъ, темнымъ лицомъ,

— Мнѣ надо тебя на нѣсколько словъ...

— Сейчасъ, Кнорръ. Ты спѣшишь?

— Нѣтъ.

— Ну такъ присядь къ намъ. Я вмѣстѣ съ тобой выйду. Мнѣ тоже скоро надо.

Кнорръ зналъ почти всѣхъ, а у Морсова даже бывалъ, потому что разъ написалъ цѣлую поэму. Онъ сѣлъ, залпомъ выпилъ бокалъ шампанскаго. Слегка опьянѣлъ, лицо сдѣлалось еще блѣднѣе и еще трагичнѣе.

Лизочка глядѣла на него со страхомъ и отвращеніемъ. Грубоватая Жюлька захохотала и не высунула ему языкъ только потому, что Юруля былъ съ нимъ ласковъ. Потомъ опять обернулась къ Рыжикову, съ которымъ они давно оживленно переговаривались короткими и выразительными словечками.

— Я съ удивленіемъ только что узналъ, что Юрій Николаевичъ измѣнилъ философіи ради химіи,—завелъ опять Морсовъ, обращаясь уже къ студенту Кнорру.—Я говорю, что самое разнообразіе запросовъ духа въ наше время...

Кнорръ грубо прервалъ его:

— Въ Эльдорадо за раками о запросахъ духа еще начнемъ разговаривать...

Нежданно уязвленный Морсовъ не успѣлъ отвѣтить, вмѣшался Юруля.

— Вездѣ можно разговаривать о чемъ угодно, Кнорръ, не въ томъ дѣло. Георгій Михайловичъ не дослушалъ меня. Я, дѣйствительно, химіей занимаюсь, но вовсе не потому, что особенно увлеченъ ею.

— А почему же?—съ любопытствомъ спросилъ Морсовъ.

Юруля объяснилъ просто:

— Да видите ли, я давно разсчиталъ, что къ зрѣлымъ годамъ у меня явится желаніе нѣкоторой, хотя бы просто почтенной, извѣстности, нѣкотораго уваженія... А объ этомъ надо заранѣе позаботиться. Выдающихся способностей у меня нѣтъ, на геніальныя выдумки я разсчитывать не могу. Химія, какъ я убѣдился, скорѣе всего другого позволитъ мнѣ приспособиться, сдѣлать какое-нибудь даже открытіе небольшое... Въ мѣру моего будущаго сорокалѣтняго честолюбія... За многимъ я не гонюсь, я человѣкъ средній...

Раевскій вслушался и повернулъ къ Юрію грузное тѣло:

— А-а! Blaise Pascal! Да, да, вспоминаю: „Qu'une vie est heureuse quand elle commence par l'amour et qu'elle finit par l'ambition!“

— Вотъ именно!—улыбнулся Юрій.

Въ Морсова это объясненіе, несмотря на всю его простоту, какъ-то совершенно не вошло.

Рыжиковъ неожиданно закричалъ:

— Какая поза!

Но, встрѣтивъ удивленный взглядъ Юрули, сникъ и прибавилъ:

— Это, конечно, расчетливо...

Кнорръ не слушалъ. Долго не сводилъ глазъ съ Юрія, облокотившись, положивъ голову на руку, и вдругъ сказалъ:

— Чортъ тебя возьми, какой ты красивый, Рулька!

Юрій спокойно улыбнулся.

— Счастливый. Потомъ всѣ такіе будутъ. Qu'une vie est heureuse...

— Красивые?

— Счастливые.

— Это когда мы рылами несчастными сдохнемъ?

Юрій развелъ руками.

— Ну, конечно. Надо людямъ еще очень долго умнѣть...

— Поѣхалъ на свое.

— Это не мое, а общее. И что ты съ красоты начинаешь? Ты начинай съ ума и счастья...

Кнорръ опять закричалъ капризно:

— Не хочу я въ Эльдорадо съ дѣвчонками о счастьѣ разговаривать! Не хочу! Не мѣсто здѣсь никакимъ „вѣчнымъ вопросамъ". Не желаю!

Лизочка, какъ всегда, ровно нічего не поняла, но горячо вступилась за Юрулю. Перебранка ея съ Кнорромъ дѣлалась забавна, когда Морсовъ, вдругъ осѣненный новой мыслью, принялся уговаривать Юрія непремѣнно прійти на одно собраніе черезъ десять дней.

— Новое общество „Послѣдніе вопросы"... Вы не были?... Закрытое, но очень, очень многолюдное. Приходите, приходите. Я пришлю повѣстки. Будетъ собесѣдованіе по поводу „Приговора" Достоевскаго. Приходите, говорите. У насъ всѣ говорятъ...

— Я приду,—мрачно сказалъ Кнорръ.

Морсовъ началъ приставать къ Раевскому, который не слушалъ.

— А? Что? Куда?—поднялъ онъ жирныя вѣки на Морсова.

— Вотъ, если и вы, молодой человѣкъ, интересуетесь, пожалуйста...—обратился тотъ къ Стасику.

Стасикъ взволнованно согласился, польщенный. Раевскій тоже сталъ благосклоннѣе. Юруля молчалъ, а Морсову именно его-то ужасно захотѣлось.

— Обѣщайте! Придете?

Былъ ужъ двѣнадцатый часъ. Садъ не то что оживился, но весь какъ-то двигался, за столиками почернѣло; на сценѣ, съ прорывающимся сквозь музыку шипомъ, тряслись сѣрыя тѣни, сѣрые мертвецы кинематографа.

— Посмотрите, не символъ ли это нашей сегодняшней, бѣло-петербургской, ночной жизни?—спрашивалъ Жюльку сильно подвыпившій Рыжиковъ.

Но та равнодушно отвертывалась.

— Надоѣлъ ужъ синематошка-то... Повсюду теперь это... Нашли, чѣмъ угощать.

— Мнѣ пора, господа, извините,—сказалъ Юрій, поднимаясь.— Георгій Михайловичъ, милый, если мнѣ захочется—я непремѣнно приду въ ваше общество. Не очень ихъ люблю, но иногда мнѣ весело покажется, и прихожу.

— Поразсуждай, поразсуждай о „вѣчныхъ вопросахъ“,—мрачно усмѣхаясь, сказалъ Кнорръ.

Морсовъ обѣщалъ прислать Юрію какъ можно больше повѣстокъ.

— Нѣтъ, что у насъ за аудиторія!

Раевскій тоже поднялся, тяжело, собираясь уходить. Нерѣшительно кусая розовыя губки, поднялся и Стасикъ, стоялъ поодаль.

— Саша,—тихо сказалъ Юрій, наклонясь къ Левковичу.—Что съ тобой? Какое у тебя лицо. Молчишь все время...

Левковичъ весь опустился.

— Такъ, непріятности... Заботы.

— Какія?

— Хотѣлъ сказать тебѣ. Да не стоитъ, братъ. И неудобно здѣсь, самъ видишь. Послѣ.

— Зайди ко мнѣ, Саша. Или я приду...

Левковичъ вдругъ вспыхнулъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я самъ приду, самъ.

Юрій неуловимо пожалъ плечами. Начинается досада!

Лизочка взглянула на него искоса, быстро; Юрій такимъ же быстрымъ взоромъ отвѣтилъ ей „да, да“,—и отвернулся къ другимъ.

У Лизочки времени было мало, но она еще осталась на минутку и разсѣянно слушала вѣжливыя нѣжности Морсова.

Юрій ушелъ съ Кнорромъ.

СЕДЬМАЯ.

Солома на башмакѣ.

Когда они миновали мало освѣщенную выходную аллею, Юрій замѣтилъ, у самой будки, скверно одѣтаго господина, рыжеватаго, съ веснущатымъ лицомъ и синими подглазниками.

Онъ только что входилъ въ садъ и прошелъ мимо очень быстро, но Юрій успѣлъ замѣтить, что они съ Кнорромъ переглянулись.

— Этотъ еще тутъ что дѣлаетъ?—морщась сказалъ Юрій, когда они, черезъ кучу каретъ, извозчиковъ и автомобилей выбрались на проспектъ.

— Кто?—нерѣшительно произнесъ Кнорръ.

Хмель съ него давно соскочилъ.

— Ну, кто... За тобой, что ли, слѣдитъ? Вѣрно ли порученія исполняешь?

— А ты... узналъ?

— Эту-то прелесть вашу не узнать! Всегда онъ мнѣ былъ непріятенъ.

— Отчего ты Яшу такъ...—началъ Кнорръ.

Юрій вдругъ остановился.

— Послушай, Кнорръ, у меня нѣтъ времени. Я долженъ ѣхать далеко, переодѣться и успѣть еще попасть въ одно мѣсто. Говори скорѣе, что тебѣ нужно. Ты, какъ я вижу, не отъ себя...

— Я отъ Михаила.

— Ну отлично. А всего бы лучше, оставили бы вы меня въ полномъ покоѣ! Я совершенно не интересуюсь ни вашими дѣлами, ни вашими настроеніями. Былъ бы радъ и не знать ничего. Вѣдь я вамъ не мѣшаю.

Кнорръ нервно поправилъ фуражку.

— Конечно, если ты этого хочешь... Никто не будетъ насильно... Я такъ и скажу Михаилу. Извини.

— Да говори ужъ!—досадливо крикнулъ Юрій.—Я очень жалѣю Михаила и Наташу, и если я могу что-нибудь сдѣлать для нихъ мнѣ не непріятное, я сдѣлаю. Не понимаю твоей роли. Ты, вѣдь, всегда былъ сбоку-припеку... Говори скорѣе. А то я уѣду.

— Михаилъ у тебя тогда былъ. Сказалъ, что надобность пока миновала.

— Ну? Михаилъ у меня раза три уже былъ.

— Такъ вотъ... А теперь явилась надобность. Дѣло въ Хесѣ.

— А!—холодно проговорилъ Юрій.—Тѣмъ хуже.

— Выслушай, прошу тебя! Ради меня. Я не вижу исхода, если ты... Яша говоритъ, что...

— Для Яши я ничего не сдѣлаю. Да разъ дѣло касается Хеси, то я и для Михаила тутъ ничего не стану дѣлать.

Кнорръ весь потемнѣлъ, хотя и безъ того былъ зелено-сѣрый во мглѣ дневной ночи.

— Не Яша, не Яша, — залепеталъ онъ. — И не ради дѣла, я знаю, ты отъ него ушелъ. Ради меня, просто... Ты знаешь, и я, вѣдь, къ дѣламъ ихъ не такъ ужъ близокъ. Просто... Но, конечно, если ты и слушать не хочешь... Пусть самъ Михаилъ.

— Пусть.

Они прошли молча нѣсколько шаговъ. Юрію стало жаль Кнорра: жаль той досадной, скучной жалостью, которую онъ чувствовалъ къ несчастнымъ и глупымъ. Кнорръ мѣшалъ ему, влекся за нимъ, какъ солома, приставшая къ башмаку. Хотѣлось сбросить его во что бы то ни стало—и сейчасъ.

— Кнорръ, — сказалъ Юруля кротко. — Ты объясни, въ чемъ именно дѣло. Воспоминаніе о Хесѣ мнѣ непріятно, потому что она тогда влюбилась въ меня, а мнѣ совсѣмъ не нравилась, и это создавало прескучныя исторіи. Но я ничего не имѣю противъ нея. Ты, я знаю, любишь ее, или воображаешь, что любишь. Мнѣ это все равно, но тебя я жалѣю. Скажи, въ чемъ дѣло.

Кнорръ забормоталъ:

— Въ подробностяхъ пусть ужъ Михаилъ... А я только два слова. Они ее сюда вызываютъ. Или не вызываютъ, но только она должна сюда пріѣхать на нѣкоторое время. И ей очень, очень рискованно, именно ей. Надо ее хорошо устроить. Мѣста же теперь нѣтъ такого. Съ внѣшней стороны она обезпечена, а мѣста вотъ нѣтъ...

— Что-жъ такъ обѣднѣли? — презрительно спросилъ Юрій. И добавилъ:

— Не понимаю, при чемъ я тутъ...

— Ты въ сторонѣ... Графиня...

Юрій разсмѣялся.

— Что же, я ее графинѣ въ видѣ любовницы своей представлю? Или въ своей комнатѣ на Васильевскомъ поселю?

— У тебя знакомые...

— Брось, Кнорръ, это все ребячества. Да, наконецъ, зачѣмъ я стану?...

Спохватился и опять кротко прибавилъ:

— Ну, я подумаю... Спрошу еще Михаила... А теперь прощай.

Вотъ послѣдній порядочный извозчикъ, тамъ ужъ не будетъ. И безъ того опоздалъ.

Не предлагая Кнорру подвезти его (еще согласится!), Юруля быстро вскочилъ въ пролетку и поѣхалъ на Островъ.

Только его Кнорръ и видѣлъ.

А по дорогѣ на Островъ Юрулѣ пришла вдругъ въ голову забавная мысль... Правда, почему нѣтъ? Они будутъ довольны, для Хеси это будетъ невинно-поучительно, а Юрулѣ, — и это главное,—будетъ весело. Отлично, такъ и рѣшимъ.

А пока—ну ихъ всѣхъ къ чорту, и Кнорра, и Хесю, и всѣхъ. Юруля спѣшитъ къ себѣ. Надо снять мундиръ. Неловко.

ВОСЬМАЯ.

Бай-бай.

Проходятъ, проходятъ ночные часы.

Тихій стукъ, щелкъ французскаго замка. Тихій, тише нельзя.

Кругло вспыхнулъ свѣтъ въ передней, мелькнулъ котелокъ на подзеркальникѣ, рядомъ съ бѣлыми перьями широкой шляпки, кругло вспыхнулъ свѣтъ, на полмгновенья—и сгасъ. Отворилась, затворилась внутренняя дверь. Совсѣмъ шопотомъ. Точно ничего не было. Такъ, просто тишина вздохнула.

Но кто-то чуткій слышалъ.

Прошуршали по коридору быстрые мелкіе шаги,—босыя ножки, точно мышиныя лапки. Опять отворилась та внутренняя дверь.

Лизочка просунула въ нее свою кукольно-бѣлокурую голову.

— Юрикъ, ты?—позвала чуть слышно.

На дворѣ теперь обнаженно свѣтло и страшно, потому что по-ночному мертво. Но въ комнатѣ шторы сдвинуты, горитъ граненое яйцо на потолкѣ. Юруля—въ креслѣ, усталый; какъ былъ—въ черномъ пальто, мягкую шляпу только сбросилъ.

Въ комнатѣ хорошо пахнетъ, коверъ, низкій диванъ, за блѣдной ширмой свѣжая постель.

Притворила дверь, босая, вошла, въ открытой сорочкѣ, съ продернутой въ кружева лиловатой лентой у плечъ.

— Я проститься... Дрыхнетъ Воронка. Терпѣть этого не могу, когда онъ на всю ночь располагается. Ну что?

— Все продулъ, Лизокъ.

И Юруля устало и весело улыбнулся, сладко зѣвнулъ.

Она тоже улыбнулась.

— Экій какой! А весело хоть было?

— Весело. Я тебѣ завтра разскажу. Всѣ четыреста просадилъ. А сначала—вотъ везло!

— Четыреста? Не больше?

— Откуда-жъ больше?

— То-то. Мнѣ Юлька третьеводни хвасталась... Да вретъ? Смотри, ты не ври. У Юльки ничего не бралъ?

И она вдругъ ревниво сдвинула брови, смѣшно черныя подъ кукольными волосами.

Юрій устало протянулъ руки и посадилъ ее къ себѣ на колѣни.

— Вотъ глупая! Если тебѣ веселѣе, чтобъ я твои деньги проигрывалъ, такъ зачѣмъ мнѣ лгать? Да мнѣ сегодня больше и не надо было.

Лизокъ обнимаетъ его голыми, похолодѣвшими руками и счастливо смѣется. Шершавое сукно пальто царапаетъ ей тѣло, цѣпляетъ кружева.

— Ужасно я въ тебя влюблена. Ты такой... такой...

Не нашла слова, подумала.

— Не знаю, какой. А только все бы сейчасъ тебѣ отдать и чтобъ ты былъ доволенъ. Юлька, вонъ, такъ и ѣстъ тебя глазами. Тоже! И вретъ, вретъ... Коммерсантъ, говоритъ, у меня... А сама прошлогоднія перья на шляпку нацѣпила. У ней за душой и съ коммерсантомъ всего ничего.

— Вотъ постой, я ей получше кого-нибудь найду,—шутливо сказалъ Юрій.

Лизочка вся вспыхнула, дернулась, чуть не заплакала. Юрію не захотѣлось ее дразнить.

— Ну, хорошо, хорошо,—протянулъ онъ сонно.—И Юлька славная. Ты мнѣ больше нравишься, вотъ и все. Знаешь меня, понравилась бы Юлька больше... Будь довольна тѣмъ, что есть. А теперь уходи, я спать хочу. Вотъ увидитъ еще Воронка, что тебя нѣтъ...

— Не проснется, храпитъ, какъ медвѣдь. А веселый какой пріѣхалъ, шутъ его дери, и даромъ, что прямо изъ комиссіи, ухитрился, заранѣе прислалъ цвѣтовъ, дорогіе, бѣлые, роскошнѣйшіе! Въ горшкѣ. Вотъ завтра, коли хочешь, тащи своей хамкѣ!

Лизочка знала немножко про шалости Юрія съ переодѣваніемъ. Не сердилась,—да и развѣ бы помогло?—а умирала-хохотала.

— Цвѣты? Такъ куда это я ихъ съ горшкомъ потащу?

— Оборви, да и неси! Вотъ еще!

— Ну, завтра лѣпь...

Онъ зѣвнулъ и прибавилъ опять:

— Иди же, Лилька, право! Ну, гопъ!

Она поцѣловала коричневую волнистую прядь у него на лбу и соскочила.

— Въ тебя всѣ влюблены, а вотъ ты со мной. И комната твоя у меня. А я больше всѣхъ влюблена. Ну прощай, спи и то. Небось, ужъ часъ пятый, коли не больше.

У дверей она еще обернулась.

— Спи поздно. Мой-то часовъ въ десять уѣдетъ. А мы завтракать станемъ.

— Ладно.

Она, вспомнивъ, засмѣялась.

— Какой этотъ твой потѣшный, говорунъ-то... Сегодня въ Эльдорадкѣ... Такъ и плыветъ изъ него, такъ и плыветъ... Вѣдь это онъ и есть, къ кому ты Вѣрку нашу тогда возилъ? Разспрошу ее завтра...

— Да иди ты, наконецъ!

— Ну ужъ и Кноррище этотъ... Вотъ ненавистный! Чисто чугунный! Иду, иду, спи!

Тихо, опять по-мышиному, убѣжала. Юруля съ наслажденіемъ зѣвнулъ еще нѣсколько разъ, вскочилъ, сбросилъ съ себя все, повернулъ кнопку—и огонь электричества провалился.

ДЕВЯТАЯ.

Симпозіонъ.

Утромъ дождикъ. Въ Лизочкиной столовой „подъ дубъ“, съ однимъ широкимъ надворнымъ окномъ — темновато. Завтракъ смѣшной: дорогіе сыры, закуски и фрукты изъ Милютиныхъ лавокъ, прекрасное вино, а изъ горячаго только и есть, что яйца всмятку.

Но Юрію и Лизочкѣ это нравится, имъ весело, они смѣются. Подаетъ на столъ высокая, черноватая горничная, совсѣмъ молодая еще, но худая, точно болѣзненная. У нея короткій носъ и лицо совсѣмъ не непріятное, волосы острижены и вьются.

— Вѣрка!—кричитъ ей Лизочка.—Ей Богу, вотъ смѣшной-то! Такъ и катитъ, такъ и катитъ! А видать, что ни скажи—сейчасъ повѣритъ! Дурынды они всѣ, должно быть. И выдумаетъ же этотъ Рулька, право! Въ курсистку играть!

Вѣрка смѣется, показывая тѣсные, бѣлые зубы.

— Да какъ же ты?—пристаетъ Лизочка.—Разскажи по порядку.

— Ужъ забыла, должно быть. У меня послѣ больницы, отъ тифа этого, память такая стала...

— Ну, не ври! Чего тутъ, садись съ нами. Я тебѣ икема налью. А ты разскажи. Мнѣ интересно, потому что я вчера въ Эльдорадкѣ этого Морсова все слушала. Садись, садись.

Вѣрка—давняя Лизочкина подруга. Года полтора тому назадъ, когда Юрій зналъ ее, она хорошо была пристроена, съ богатенькимъ офицеромъ и даже Лизочкѣ покровительствовала. Лизочку—тогда еще глупенькую, еще черноволосую дѣвочку, Юрій однажды у нея видѣлъ мелькомъ. Съ тѣхъ поръ дѣла повернулись. Вѣркѣ сильно не повезло. Запуталась въ какую-то глупую исторію, потомъ заболѣла воспаленіемъ легкихъ, а выздоравливая—схватила въ больницѣ тифъ. Къ веснѣ едва выписалась. Ни кола, ни двора. На улицу итти у Вѣрки свой гоноръ, да и сообраnженье есть.

Лизочка—добрая душа, а тутъ и Юрій посовѣтовалъ: „да возьми ты ее къ себѣ въ горничныя. Сама все ноешь, что съ „хамками“ не можешь сладить. Кухарку брось, дома, вѣдь, никогда не обѣдаешь, лакей у тебя при каретѣ, а съ Вѣркой отлично будетъ. И мнѣ ужъ надоѣли эти соглядайки. Не повернись“.

Такъ и устроились. Вѣрка была довольна. Она послѣ болѣзни слабая. А въ бѣломъ передникѣ дверь дядѣ Воронкѣ отворить, да съ грамофона пыль смахнуть—отдыхъ, а не работа. Онѣ обѣ—Лизочка-госпожа и Вѣрка-горничная очень естественно приняли данное положеніе. Такъ оно есть—чего же еще? Вѣрка называла Лизочку „барыней“, а Лизочка, при другихъ, говорила даже ей „вы“, какъ слѣдуетъ.

Порой онѣ ругались, Вѣрка „отвѣчала“, но не болѣе, чѣмъ настоящая горничная.

Старыя „дѣла“ Юрія съ Вѣркой рѣшительно никого не смущали. Они были забыты. Впрочемъ, Вѣрка и прежде никогда Юрію не нравилась особенно. У нея осталась къ нему послушливая преданность.

По приглашенію развеселившейся Лизочки Вѣрка, не жеманясь, сѣла за столъ, и вино выпила.

— А ты его въ гости не звала?—спросила она Лизочку про Морсова, переходя на дружеское „ты“.—Вотъ интересно, еще узналъ бы меня.

Лизочка захохотала.

— Никогда бы не узналъ! Порожѣла ты съ той поры здорово!

— Вотъ еще! Я поправлюсь,—сказала Вѣрка, нимало не обижаясь.

— Ну ладно, ты мнѣ разскажи обстоятельно! Отъ него ничего толкомъ не добьешься,—кивнула Лизочка на Юрулю.—Вонъ, сидитъ и смѣется. Ну, говоритъ, двоюродная сестра, ну курсистка, а ты что?

— Да я что? Мнѣ тоже интересно. Онъ всегда, бывало, выдумываетъ... Научилъ меня, а память у меня была хорошая...

— Ну, ну?—нетерпѣливо допрашивала Лизочка.—Чему-жъ онъ тебя научилъ? И какъ же тамъ было?

Юруля, улыбаясь лѣниво, поощрилъ:

— Да разскажи ей, Вѣрка. Я ужъ и самъ забылъ. Теперь ужъ этого и нѣтъ ничего.

— Нѣту?—спросила Лизочка съ сожалѣніемъ.—Что-жъ они? Разссорились всѣ?

— Ну, много ты понимаешь. Я говорю про тѣ вечера, на который я Вѣрку повезъ. Да тебѣ не втолкуешь. Пусть Вѣрка разскажетъ.

— А и смѣшно было, Лиза,—начала та съ одушевленіемъ.— Говоритъ онъ мнѣ вдругъ: хочешь, говоритъ, я тебя въ самое что ни на есть утонченное общество свезу? Настоящіе, говоритъ, аристократы, и ты между ними будешь. Я гляжу на него, а онъ смѣется: аристократы. Какъ? духа, что ли? Это молъ еще выше, да и забавнѣе. Наилучшіе художники и писатели, говоритъ, строго между собой собираются и утонченно по-своему веселятся, и лишняго никто не допускаютъ. А я тебя привезу.

— Ишь ты!—сказала завистливо Лизочка.—Я бы боялась. Выгнали бы еще скандально, если строго и на дому.

— Ну, я не боялась. Во-первыхъ, что какіе это тамъ такіе аристократы, точно мы ихъ не видимъ, а затѣмъ онъ меня научилъ ловко. Одѣлась я въ простую юбку и блузку бѣлую, ну поясъ кожаный, однако все новенькое. Волосы наушниками, и будто я его двоюродная сестра, курсистка изъ Москвы. И будто я тоже, не хуже ихъ, стихи могу писать, и стихи далъ на бумажкѣ, велѣлъ наизусть на случай выучить. А у меня память была о-отличная...

— Неужели помнишь?—воскликнула Лизочка.—А ну-ка, скажи! Скажи, душка!

— Теперь, послѣ больницы, ужъ не знаю... Вспомню, такъ скажу. Ты слушай по порядку.

— Ну?

— Ну вотъ, и будутъ тебя, говоритъ, звать Софія, что значитъ премудрость.

— Сонька, попросту.

— Не Сонька, а Софія. И должны тамъ всѣ, самые солидные, и господа, и дамы, надѣвать костюмы, а меня, когда мнѣ костюмъ станутъ предлагать, научилъ что̀ отвѣтить.

— Что же?

— А вотъ погоди. И должны тамъ всѣ лежать...

— Это что же?—разочарованно фыркнула Лизочка.—Сряду же и ложатся?

Юрій усмѣхнулся.

— Глупенькая! Это они за столомъ должны возлежать... Это давнымъ-давно такая мода была...

— Ну да, возлежать,—поправилась Вѣрка.—На столѣ кушанья, вино, а они вокругъ, только вмѣсто стульевъ обязательно кушетки, на нихъ и возлагаются.

— И ты возложилась?

— Погоди. Онъ научилъ меня: больше все молчать и глядѣть строго и скромно. И если, говоритъ, пакости какія увидишь,— мало ли что покажется!—не обращай вниманія, не хохочи, гляди строго, съ благоволеніемъ, и не думай чего-нибудь: это они по примѣру самыхъ благородныхъ древнихъ фамилій.

Лизочка не выдержала.

— Нѣтъ, ну и дура же ты, Господи! Ужъ я бы не попалась. Это просто онъ тебя надувательски надулъ, то и хохочетъ теперь! Просто повезъ тебя въ самое послѣднее мѣсто. Хороша!

Вѣрка смутилась было. Но Юрій, продолжая смѣяться, сказалъ:

— Не бойся, Вѣрка, не слушай! Я тебя ни капельки не обманывалъ! Настоящее было мѣсто, и аристократія настоящая.

Лизочка не унималась.

— Нѣтъ, Морсъ-то, Морсъ-то! Посмотрѣть—манеры самыя деликатныя.

— А ты на него напрасно, онъ ничего, ни-ни, вѣжливый, и все такъ гладко. И костюмъ на немъ такой длинный былъ, пестрый, ногами даже путался. Другіе многіе, дѣйствительно...

— Похабничали?

— Ну... Мнѣ что? Я гляжу да молчу. И все, милая моя, говорятъ, говорятъ... Вино въ чашкахъ. Чашку не выпьетъ, въ рукахъ держитъ, говоритъ-говоритъ, насилу опрокинетъ.

— И все стихами?

— Всяко. Я не слушаю, свои въ умѣ держу, кабы не забыть.

На головахъ вѣнки изъ цвѣтовъ, живые, ну и повяли, потому на проволокахъ.

— И ты съ вѣнкомъ?

— Нѣтъ. Я не приняла. Ты слушай. Когда это ужъ достаточно поговорили и поугощались, Юрка вдругъ встаетъ и объявилъ: Софія, говоритъ, желаетъ теперь высказать свою причину, почему она отказалась надѣть костюмъ и остается среди всѣхъ въ своемъ обыкновенномъ платьѣ.

— Такъ и объявилъ? Ухъ ты батюшки! А ты что-жъ?

— А я ужъ знала. Взяла свою чашку, подняла вотъ такъ...— Вѣрка подняла стаканъ съ икемомъ,—ну и сказала...

— Да что-жъ ты сказала?

— Вотъ забыла, какъ сказала,—вздохнула Вѣрка.—Вотъ ужъ и не сказать теперь такъ ни за что, хоть убей. Съ голосомъ учила. Я между вами, говорю, одна безъ костюма потому... потому...

— Эхъ, да ну тебя!

— Потому, молъ, что костюмъ—это... полумѣра, что ли?...

Она безпомощно взглянула на Юрулю. Но тотъ коварно молчалъ, улыбаясь.

— Однимъ словомъ, постой,—продолжала Вѣрка.—Однимъ словомъ, что они всѣ трусы, что желаютъ всѣ... да, освобожденія отъ условій и кромѣ того красоты, а что для этого,—я будто чувствую и знаю,—надо собираться совершенно обнаженно, потому что въ тѣлѣ красота, а не въ костюмѣ. И въ красотѣ чистота, и я, молъ, одна это понимаю, потому что я, вотъ, чистая дѣвушка, сейчасъ бы готова на это, но вижу, что они еще не готовы, и сижу въ своемъ платьѣ скромно, а въ костюмъ однако наряжаться не согласна, это, молъ, только себя обманывать. Не истинная красота.

Вѣрка проговорила все это однимъ духомъ, глядя на Юрулю. Тотъ покачалъ головой.

— Забыла ты, забыла,—сказалъ онъ.—Много чепухи наплела. Тогда лучше у тебя вышло.

Лизочка только руками всплеснула.

— Батюшки, срамъ-то какой! И неужели-жъ они тебя за этакія вещи объ выходѣ не попросили?

— Ничевошеньки. Я думала не то. Думала скажу—да вдругъ они все поснимаютъ. А не то закричатъ: хвастаешь, такъ раздѣвайся, а мы не въ банѣ. Мнѣ же, признаться, не хотѣлось. Однако, милая моя, ничего подобнаго, а прямо фуроръ. За мое здоровье чашками такъ и хляскаютъ, кричатъ, что я вѣрнѣе всѣхъ ска-

зала, что выше ихъ понимаю, что они, дѣйствительно, не готовы. Говорили-говорили, Морсовъ въ хламидѣ путается, другой тамъ былъ, черненькій, въ коротенькой юбченкѣ, на кушеткѣ лежитъ, кричитъ: мы старые люди, но мы идемъ къ новому! Скандалили довольно.

— Весело, значитъ, было?

— Нѣтъ, милая моя, скучища. У меня ужъ глаза повылѣзали. Да и они—поговоритъ одинъ, выпьетъ, другой объ томъ же начнетъ. Вотъ и веселье. Ну, наугощались, конечно. А такъ, чтобъ особеннаго—ничего.

— Мнѣ было забавно,—сказалъ Юрій.—Я все на Вѣрку смотрѣлъ. Вотъ важничала, курсистка.

— Наконецъ, того—сонъ меня сталъ на этой кушеткѣ клонить. А Морсъ пристаетъ: Софія, скажи стихи свои!

— На „ты" ужъ къ тебѣ?

— Всѣ на „ты", по условію. Дамы тамъ, солидныя видно, имъ тоже всѣ „ты". Ну, я сначала, конечно, ломаюсь. Послѣ говорю, хорошо, только что припомню изъ стараго. Не будьте строги. Все онъ меня научилъ, да ужъ потомъ я и сама разошлась, вижу, какъ съ ними надо.

— Неужели помнишь стихи?—спросилъ Юрій.—Помнишь, такъ скажи Лизочкѣ.

Стихи тогда Юрій самъ старательно—не сочинилъ, онъ не умѣлъ сочинять, а составилъ для Вѣрки. Составилъ съ расчетомъ и со знаніемъ какъ дѣла, такъ и вкусовъ тогдашнихъ.

Теперь Юрій, конечно, не помнилъ ни одного слова. Такъ давно это все было, такъ устарѣло. Но ему забавны казались воспоминанія Вѣрки: вѣдь для нея это приключеніе осталось свѣжимъ и важнымъ.

— Ахъ, не припомню я,—сказала Вѣрка.—Послѣ больницы ужъ не та у меня память. Погоди-ка.

Она встала въ позу, опустивъ руки, наклонивъ голову и начала нараспѣвъ, густо. Голосъ у нея былъ довольно пріятный.

Я вся таинственна,
Всегда единственна,
Я вся печаль.
И мчусь я въ даль,
Какъ бы изринута
Изъ чрева дремнаго...
Не сѣмя-ль темное
На вѣтеръ кинуто?

Въ купели огненной
Не докрещенная,
Своимъ безгибельемъ
На вѣкъ плѣненная...
Душа скитальная...

Вѣрка запнулась. И повторила безпомощно:

Душа скитальная...

— Ну? Что-жъ ты?—поощрилъ Юруля.—Вали дальше. Длиннѣе было.

Онъ тогда очень старался, чтобы стихи составить средніе, чтобы не пересолить въ пародію. И дѣйствительно, пародіи не было.

Вѣрка припоминала:

Душа скитальная...

— Такъ вотъ хоть ты что! Больше, ей-Богу, ни-ни, ничего не помню!

Лизочка была разочарована.

— Ну-у!—протянула она.—Я думала, интереснѣе что-нибудь. И такъ заунывно и говорила?

— Такъ надо.

— Что-жъ они? Понравилось?

— Должно быть, понравилось. Руки мнѣ жали и объясняли, что это значитъ.

— Что же?

— Ну, я ужъ не слыхала. Устала, бѣда! Цѣлый вечеръ на этой кушеткѣ, да гляди строго, да молчи,—оно дойметъ!

— Ишь ты, бѣдненькая!—пожалѣла Лизочка.—Я бы не выдержала. И, главное, ради чего, коли веселья никакого не было.

— Нѣтъ, въ началѣ смѣшно. Послѣ только наскучило. Ну, побаловались они еще, затѣмъ платья свои понадѣвали и по домамъ. А ужъ потомъ я не знаю, было ли у нихъ еще, нѣтъ ли.

— Можетъ, они потомъ безъ костюмовъ, Юрка, а?—спросила Лизочка.

Юрію надоѣло. Онъ зѣвнулъ.

— Не знаю. Я больше не былъ. А потомъ за границу уѣхалъ. Да нѣтъ, теперь ужъ ничего этого нѣтъ. Мода прошла. Теперь не дурачатся, теперь серьезно, лекціи читаютъ.

— Ну, лекціи...

— Ничего, ты пойди, какъ-нибудь послушай, я тебѣ билетъ дамъ.

— И мнѣ дай,—попросила Вѣрка.—Не выгонятъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, въ общей залѣ. Садитесь смирно и сидите.

— Скука?

— Еще бы. А надоѣстъ—уйдете. Вотъ, признаться, вы мнѣ теперь обѣ ужасно надоѣли. У меня къ тебѣ дѣло было, Лизокъ, да скучно, и некогда теперь. Какъ-нибудь послѣ. Отдохну и поѣду. Обѣдаю я въ одномъ мѣстѣ нынче.

Онъ всталъ и открылъ окно. Въ столовой было накурено. Вѣрка, превратившись въ горничную, принялась убирать со стола.

Въ эту минуту въ передней зазвонили.

Лизочка прислушалась и вдругъ вскочила, подхвативъ ленты своего капота.

— Вѣра, Вѣра,—зашептала она.—Живо! Все со стола вонъ! Это Воронка, я его руку знаю! Ключа-то не даю, дудки! Не иначе какъ опять забылъ что-нибудь утромъ, растеряха! Въ спальной не убрано? Ладно, я прямо въ постель, скажи, барыня еще не вставала... Юрунчикъ, прощай.

Она подскочила къ Юрію, на лету чмокнула его и исчезла.

Въ одинъ мигъ столъ опустѣлъ, какъ будто ничего на немъ никогда и не стояло. Юрій неслышно скрылся. И Вѣрка уже отворяла дверь, скромная и ловкая въ своемъ бѣломъ передникѣ, извинялась передъ бариномъ, что не сразу услыхала звонокъ, докладывала, что барыня опять започивали и не велѣли себя будить.

Дядя Воронка довѣрчиво пошелъ самъ въ спальню. Онъ только на минутку. Онъ, дѣйствительно, забылъ утромъ у Лизочки какой-то, никому кромѣ него ненужный, портфель.

ДЕСЯТАЯ.

На Фонтанкѣ.

Необыкновенно унылая квартира—квартира графини. Весь домъ унылый, старый,—ея собственный. Такіе бываютъ казенные дома, казенныя квартиры. Окна темныя, высокія, съ мелкими и будто всегда грязными стеклами.

Комнатъ непомѣрно много, половина изъ нихъ—безполезны. Какія-то буфетныя, какія-то угловыя. У графини своя гостиная, своя столовая, гдѣ съ нею обѣдаетъ Литта и двѣ чрезвычайно приличныя приживалки. Николаю Юрьевичу подаютъ особо, да, кажется, и готовятъ особо. Юрій, когда жилъ на Фонтанкѣ, обѣдалъ тоже съ сестрой и графиней.

Къ отцу Юрій чувствовалъ дружеское сожалѣніе. Онъ боленъ и въ зависимости отъ графини. Считалъ, однако, что отецъ малодушенъ и слишкомъ рано озлобился. Могъ бы, еслибъ не капризничалъ, поддерживать нѣкоторыя связи и вообще жить гораздо пріятнѣе.

Онъ ласково и шутливо выговаривалъ ему подчасъ. Николай Юрьевичъ махалъ рукой, но потомъ оживлялся и даже начиналъ доказывать себѣ и Юрію, что вовсе онъ не такъ опустился и вовсе не такъ ужъ его забыли. Врядъ ли онъ любилъ сына, однако цѣнилъ посѣщенія: они развлекали и утѣшали его. Веселый, красивый, увѣренный и здоровый Юрій ему нравился.

На дочь Литту онъ не обращалъ никакого вниманія. Графинина внучка.

Въ этотъ день Юрій пришелъ часа въ два, посидѣлъ у отца, а послѣ пилъ чай съ сестрой. Графинѣ нездоровилось, она не выходила.

— Отчего ты теперь не живешь съ нами?—спрашиваетъ Литта тихо.

Въ домѣ всѣ тихо говорятъ.

Юруля смотритъ на сестру, на ея еще по-дѣтски распущенные волосы, блѣдные, связанные чернымъ бантомъ; и улыбается.

Отъ его улыбки въ комнатѣ дѣлается уютнѣе.

— Почему не живешь съ самой заграницы?—опять спрашиваетъ Литта.

— Развѣ я не живу? Я часто ночую. Тамъ, на Островѣ, мнѣ ближе къ университету, ты знаешь. И заниматься удобнѣе.

Но Литта качаетъ головой.

— Развѣ здѣсь мѣшаютъ? Твоя комната самая хорошая. Большая. И прямо изъ передней. Ничего не слышно. Да вѣдь у насъ нигдѣ ничего не слышно.

Юруля опять улыбается.

— Скучно у васъ очень.

— Юруля, а я тебя боюсь.

— Неправда. Меня никто не боится. Это глупости.

Литта краснѣетъ и дѣлаетъ сердитое лицо.

— Да, не боюсь. Это не то. Но какъ-то я тебя не понимаю. Не знаю.

— И я тебя не знаю, сестренка. А зачѣмъ знать другъ друга?

Литта удивилась, но ничего не сказала. Помолчала, подумала.

— И отъ отца, и отъ графини—такая скука идетъ,—сказалъ Юруля искренно.—Я тутъ бы не могъ все время жить. А иногда люблю.

— Юра, мнѣ хочется въ гости къ тебѣ. Да вѣдь бабушка не пуститъ.

— Ничего, потомъ пуститъ. Ты съ кѣмъ выходишь?

— Съ ней выѣзжаю, въ Лѣтній Садъ. Или, иногда, съ Марьей Владиміровной.

Марья Владиміровна — одна изъ важныхъ графининыхъ приживалокъ.

— Прежде было лучше, когда miss Edd жила, — продолжала Литта. — Но выдумала бабушка вдругъ, — не надо гувернантокъ, порча — гувернантки, и вотъ я теперь одна-одинехонька. Только учителя и учительницы цѣлый день, приходящіе. Надоѣло ужъ.

Юруля глядѣлъ на нее и думалъ что-то свое.

— Ну, не ной, — сказалъ онъ. — Ты пока слушайся старухи. Понемножку будешь свободнѣе, со мной станетъ пускать. О гувернанткахъ не жалѣй. Графиня это не глупо выдумала — вонъ ихъ. Характеръ только портятъ.

И вдругъ добавилъ, по какому-то внутреннему сцѣпленію мыслей:

— Что, Саша Левковичъ у васъ бываетъ съ женой?

— Отчего ты спросилъ? Да, былъ разъ, еще когда ты не пріѣхалъ, когда только что женился. Ахъ, Юра! Она прехорошенькая, но ужасно странная. А ты, оказывается, давно съ ней знакомъ?

— Давно, прежде... Когда еще отецъ ея былъ живъ. Еще и Саша ея не зналъ.

— Ну, когда это давно? Ей и теперь съ виду четырнадцать лѣтъ. Бабушкѣ она не понравилась.

— А тебѣ?

— А мнѣ... Видишь ли, сначала я ужасно обрадовалась. Думаю, вотъ Саша женился, grand'maman къ нему благоволитъ, станутъ бывать у насъ, я съ ней подружусь... Она, вѣдь, такая молоденькая. Ну, а потомъ...

— Что же потомъ? Grand'maman не одобрила?

— Да нѣтъ... Не то. А она сама какая-то... Я, впрочемъ, разъ, только ее и видѣла. У нея такія манеры...

— Манеры! — засмѣялся Юрій. — Ну, милая, ты сама по-бабушкиному заговорила.

Литта вдругъ ужасно разсердилась.

— Какъ тебѣ не стыдно! Я вижу, ты ничего не понимаешь. Прежде, когда мы маленькіе были, ты понималъ, и я тебѣ все говорила, а теперь ты какъ всѣ. Вотъ и правда, что я тебя боюсь, то-есть не боюсь, а не знаю, мы какъ чужіе. Точно я

объ манерахъ забочусь! Я не про то. Но и пусть мы чужіе, если такъ. Я сама тебѣ теперь давно не все говорю про себя, и не нужно.

Юрій нѣжно притянулъ ее за рукавъ.

— Ну прости, дѣтка. Про манеры я тебѣ нарочно, это правда. И мы совсѣмъ не чужіе. Хотя я думаю, что „все про себя говорить“ никому не слѣдуетъ, и ты хорошо дѣлаешь, что не говоришь. А на меня не сердись. Лучше разскажи про Муру, что она тутъ дѣлала. Я ужъ пойму, почему она тебѣ не понравилась.

— Да не то, что не понравилась...—начала Литта, усаживаясь ближе къ Юрію и успокаиваясь.—А просто... дикая она какая-то. Вотъ пріѣхали они, grand'maman къ ней сначала ничего. И она ничего, только все вертится. Коса за спиной. Объ отцѣ ее grand, maman спрашиваетъ — помню, говоритъ, генерала,—а Мура такъ странно: „да, жалко старика!“ Потомъ вдругъ ко мнѣ. „Пойдемте, покажите мнѣ вашу комнату, познакомимся!“ Пошли.

— Ну, что-жъ тутъ такого?

— Да, ничего, я даже рада была, но grand'mère уже насупилась. Я повела ее въ классную, потомъ и въ спальню. Она шляпку сбросила, совсѣмъ гимназисткой стала, хохочетъ, по стульямъ прыгаетъ. И о тебѣ тутъ стала говорить. Что ты у нихъ бывалъ и что она тебя Юрулей звала. Поцѣлуйте, говоритъ, его отъ меня крѣпко, когда онъ пріѣдетъ, скажите, чтобъ онъ въ гости ко мнѣ приходилъ, что я теперь замужемъ. Да ты у нихъ ужъ былъ?

— Да... Разъ былъ.

— Ну, такъ она тебѣ разсказывала?

— Что? Ничего не разсказывала. Говорила, что ты хорошенькая дѣвочка, только...

— Только что?

— Ничего. Вѣдь она глупая, Мура. Вотъ и весь секретъ.

— Конечно, глупая. Ты послушай дальше. Она опять о тебѣ. Онъ, говоритъ, ужасно красивый и притомъ негодный, но оттого-то мнѣ и нравится. Я не выдержала и говорю холодно: пожалуйста, не отзывайтесь такъ о моемъ братѣ. Я къ этому не привыкла.

Юруля крѣпко поцѣловалъ ее.

— Ахъ ты, защитница моя глупенькая. Ну?

— Она никакого вниманія, хохочетъ, какъ бѣшеная, и вдругъ, нѣтъ, ты вообрази! начала меня щипать, честное слово, и пребольно! Согласись, что это... что это...

У Литты при одномъ воспоминаніи разгорѣлось ухо подъ пышными волосами.

— Дда...—протянулъ Юруля.—Какая дура! Это противно.

— Еще бы! Когда они уѣхали, grand'maman говоритъ: я очень люблю этого бѣднаго Сашу, а что касается ея... и ко мнѣ: вы, говоритъ, должны понять que ce n'est pas une amitié pour vous.

— А ты?

— Рада была. Vous avez parfaitement raison, grand'mère, d'ailleurs elle ne me plait nullement.

Она засмѣялась, вскочила со стула и сдѣлала реверансъ.

— Вотъ ты къ ней и ходи, а я не хочу! По-моему, и Саша сталъ хуже съ тѣхъ поръ какъ женился. Растерянный какой-то.

Юрій не улыбался, думалъ. Должно быть, о Левковичѣ. Съ того вечера въ Эльдорадо, гдѣ Левковичъ сидѣлъ, какъ въ воду опущенный, онъ у Юрія еще не былъ.

— Юруня, ты уходишь?—И дѣвочка тревожно на него посмотрѣла.

— Я приду къ обѣду. И вечеромъ останусь.

— Ахъ, Юра! А можно мнѣ къ тебѣ въ комнату прійти вечеромъ?

— Не знаю.

Литта огорчилась и молчала, не смѣя ничего больше спросить.

— Сестренка, ну чего ты? Вѣдь я тебя никогда не гоню. А сегодня ко мнѣ сюда кое-кто придетъ.

Она взглянула осторожно исподлобья.

— Можетъ быть, Михаилъ придетъ?

— Да, и Михаилъ тоже...

Литта вся просіяла.

— О, Юра! Ну я не говорю про сегодня, пусть я сегодня не приду, если и другіе еще у тебя, но когда Михаилъ — я такъ рада! Знаешь, я его мало видѣла, но я его еще тогда помню, еще до твоей поѣздки, еще я маленькая была, онъ къ тебѣ приходилъ. И теперь сразу узнала, хоть онъ измѣнился. Ужасно мнѣ нравится. Все молчитъ, но у него такіе глаза... такіе, точно онъ про себя молится.

Юруля усмѣхнулся.

— Ты не смѣйся. Онъ все молчитъ... И я чувствую тутъ тайну.

— А чувствуешь, такъ и не болтай. Глупо вредить людямъ. Я вотъ сейчасъ жалѣю, что ты ходила ко мнѣ и видѣла Михаила. Это, пожалуй, лишнее.

Литта покраснѣла до слезъ.

— Да развѣ я... Какъ это жестоко, Юра. Вотъ какъ ты меня не понимаешь. Я и не хочу ничего знать. А съ кѣмъ я разговариваю, болтаю, подумай? Вѣдь у меня никого нѣтъ. Какъ ты могъ, Юра!

Онъ уже опять улыбался.

— Знаешь? Ты права. Я глупость сказалъ. Зато у меня презабавная мысль, и я тебя сейчасъ утѣшу. Тебя Михаилъ занимаетъ. По-моему онъ въ жесточайшихъ ошибкахъ, которыя заразительны,—но что до того? Ты сама по себѣ, сама должна разбираться... Всякому свобода полезна. Твоя учительница математики уѣхала. Хочешь, я посовѣтую бабушкѣ будто бы своего товарища прежняго? Madame... Если я смѣю рекомендовать... quelqu'un qui est très sûr... и такъ далѣе. А это будетъ Михаилъ. Хоть ненадолго,—тебѣ удовольствіе, ему заработокъ. Онъ математикъ здоровый... Чего ты пугаешься?

— Юра... Да какъ же? А если тутъ тайна? Какъ же онъ будетъ приходить?

— Глупая ты дѣвочка. Въ этой-то могилѣ нашей—кому до кого дѣло? Папа съ кресла не встаетъ, а если графиня разокъ на него сквозь лорнетъ посмотритъ—повѣрь, ничего не увидитъ. Небось, хочется?

Конечно, Биттѣ очень хочется. Она веселая и умная дѣвочка, въ одиночествѣ перечитала всю Юрулину библіотеку. Знаетъ и понимаетъ больше, чѣмъ говоритъ. Она часто, полуневольно, наивничаетъ,—даже съ братомъ. Ей свободнѣе казаться ребенкомъ. А сама съ собою—она, хотя еще ребенокъ,—уже человѣкъ. И безсознательно женскаго въ ней уже много.

Разсказывая про Муру Левковичъ, она искренно и совсѣмъ по дѣтски возмущалась. Воспоминаніе о Михаилѣ вдругъ сдѣлало ее серьезной, взрослой.

— Хорошо, Юра. Попытайся это устроить. Я тебѣ буду очень благодарна. И скажи Михаилу, что ему нечего опасаться моей болтливости.

— Ого, вотъ мы какія серьезныя барышни! Ты, впрочемъ, не разсчитывай на него очень. Онъ съ тобой, можетъ, и слова не скажетъ ни о чемъ, кромѣ математики. Веселья не жди.

— Ничего я не жду. И съ разговорами къ нему приставать не буду. Не безпокойся.

Юруля обнялъ ее и поцѣловалъ въ голову.

— Знаешь, Улитка, еслибъ ты была братишкой у меня, а не сестренкой, мнѣ бы съ тобой весело было! А то сейчасъ графиня,

сейчасъ нельзя, и всетаки ты кое-что не поймешь никогда! Ну, ничего, будь умница. За обѣдомъ увидимся. А вечеромъ я, можетъ, успѣю Михаилу сказать словечко...

Онъ повернулся, чтобъ итти.

— Да! Вы нынче опять на Царскую дачу поѣдете? Забылъ спросить...

— Ну, конечно. И не скоро. Папа бы поѣхалъ, да grand'maman ни за что раньше, чѣмъ въ серединѣ іюня. А ты развѣ не пріѣдешь, Юра?

— Не знаю. Терпѣть не могу эту дачу. „Красный домикъ" совсѣмъ забросили.

Литта вздохнула. Она сама не любила скучную Царскую дачу. У графини была другая, въ Финляндіи, она-то и называлась „Красный домикъ". Давно, прежде, они жили тамъ. Но уже лѣтъ шесть, какъ она стоитъ пустая. Большая, старая, но еще крѣпкая, заколоченная. Тамъ умерла мать Литты, и графиня ненавидитъ дачу, хоть не продаетъ и внаймы не отдаетъ. Юрію дача нравится. Лѣтомъ во флигелькѣ живетъ сторожъ, и Юрій бывалъ тамъ года два тому назадъ. Сыро немножко, дача подъ горой у рѣчки, но пустынно, кругомъ лѣсъ. Страшно, говоритъ графиня, дичь... Мать Литты очень любила эту дачу. Стоила она дорого.

Когда Юрій тихо затворилъ за собой темную дверь, Литта подошла къ окну. Думала о чемъ-то. Облачный день, сухой, небо—какъ пыль. Едва видно его, небо. Вода въ каналѣ — какъ черная пыль. Кривая панель, рѣшетка, у рѣшетки барки тяжелыя, на баркахъ доски, доски, доски... Пахнетъ, должно быть, тамъ дегтемъ, деревомъ и гнилой водой... Должно быть, — а можетъ и нѣтъ, Литта не знаетъ, пыльное окно еще не выставили. Вонъ и ломовой трясется, вѣрно, грохочетъ—а чуть слыхать. Скука, скука...

Унылая и торжественная квартира,—квартира графини.

ОДИННАДЦАТАЯ.

Француженка.

Наташа, сестра Михаила, уже больше недѣли сидѣла въ номерѣ гостиницы на Морской, мучилась и не знала, что ей предпринять.

Положеніе было запутанное и трудное. Когда нынче зимой, въ Парижѣ, она встрѣтила Юрія Двоекурова и разговаривала съ нимъ въ Люксембургѣ, она была неискренна. Ни малѣйшей бод-

рости въ ней не было уже и тогда. Наросталъ хаосъ въ душѣ. Она медленно отдалялась отъ людей, прежде близкихъ, и вышло, что съ Михаиломъ у нея тоже прекратились связи,—по крайней мѣрѣ, она ничего о немъ уже не знала и перестала его понимать.

Это было мучительно. Почему-то казалось, что только онъ, братъ, любовь ея жизни, поможетъ ей. И хотя Юрію сказала Наташа не безъ надменности: „Михаилъ прежній",—не вѣрила, что совсѣмъ прежній. Но какой?

И явилось у нея острое желаніе, томленіе, необходимость увидать Михаила. Потомъ пусть будетъ, что будетъ — но увидаться надо. Ни въ какія дѣла она входить не станетъ, о нихъ разспрашивать не будетъ, ей нужно только видѣться съ нимъ.

Необыкновенно сложно и мучительно устроить это. Чтобы пріѣхать въ Петербургъ—ей нужна помощь людей, ставшихъ далекими. Чтобы принять эту помощь—кое-какія порученія, хотя бы минимальныя, — она должна взять на себя... Ну, пусть, все равно. Наташа должна видѣть Михаила. Она вся сузилась на этой мысли.

Устроилось и внѣшне очень неудобно. Французская гражданка m-elle Thérèse Duclos, пѣвичка, пріѣхавшая въ Россію искать ангажемента,—какъ ей принимать въ номерѣ съ піанино такого человѣка, какъ Михаилъ? Да и какъ искать его? Наташа обѣщала самой себѣ быть осторожной до щепетильности, до послѣдняго предѣла. Въ пѣвичку рѣшила—перевоплотиться. И пѣть она умѣла, и по-французски говорила, точно парижанка,—это пустое. А вотъ какъ Михаила добыть, не измѣняя своему плану осторожности „до смѣшного",—она не знала.

Ждать? Очень трудно ждать. И страшно. Для себя пріѣхала, надо быть вдесятеро осторожнѣй. Были у нея адреса, для порученій, но она никуда нейдетъ. Лучше ждать. Петербургъ ей—какъ чужой. Все измѣнилось, все другое... а что? Неопредѣлимо.

Вспомнила вдругъ Юрія. Вотъ кого легко принять во „Франціи". И адресъ графини вспомнила. Написала ему французское надушенное письмо. Подумала: „не пересаливаю ли?" Нѣтъ, пусть. По почерку узнаетъ.

И опять ждетъ. Отвѣта нѣтъ.

Каждый день Наташа долго гуляетъ по Морской. Ни одного знакомаго лица. Пристаютъ офицеры, франты. Она отбояривается рѣзко, но не сурово, чтобы не измѣнить своей роли. Вѣдь она—пѣвичка, и одѣта, какъ пѣвичка, которая не должна быть сурова.

Отвѣта все нѣтъ. Написать еще разъ? Измученная Наташа опять шла по Морской, уже ни о чемъ не думая и ни на что не надѣясь,—и вдругъ остановилась.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, у витрины перчаточнаго магазина, стоялъ хмурый, ненарядный офицеръ и глядѣлъ на перчатки, которыя явно его не интересовали.

Наташа видѣла его раза два, давно, издали,—и всетаки сейчасъ же узнала. Это родственникъ Юрія. И пріятель. Юрій показывалъ ей на него въ древнія странныя времена, на многолюдномъ собраніи, въ какой-то залѣ. Ее онъ не знаетъ. Это хорошо. Но какъ объяснить, что она его знаетъ? Положимъ, если сказать, что она уже была въ Петербургѣ... Трудно. Ну, да все равно.

— Monsieur... Je vous demande bien pardon,—начала она.

Офицеръ, не улыбаясь, обернулся и взглянулъ вопросительно.

Наташа, изо всѣхъ силъ стараясь не смущаться (не подходило къ роли), затараторила по-французски:

— Monsieur... Вы, кажется, родственникъ Юрія Двоекурова. Не знаете ли, гдѣ онъ теперь живетъ? Я недавно пріѣхала... Хотѣла съ нимъ повидаться. Мы такіе добрые друзья...

Саша Левковичъ слушалъ, не понимая отъ неожиданности, чего хочетъ эта разодѣтая дама, и хмуря брови.

Изъ перчаточнаго магазина вдругъ выскочила миленькая дѣвочка лѣтъ пятнадцати, въ круглой шляпкѣ и, поднявъ задорную мордочку, подбѣжала къ Левковичу.

Тотъ безпомощно обернулся.

— Вотъ, Мура, эта дама, кажется, француженка... Кажется, спрашиваетъ Юрія.

— Юрія?

И Мура, не теряя ни минуты, кинулась къ Наташѣ и затараторила съ ней по-французски чуть не быстрѣе самой Наташи. Мура была въ восторгѣ отъ приключенія. Къ француженкамъ она имѣла слабость. Въ одну минуту она узнала все, что Наташа ей могла сказать. То, что mademoiselle артистка, парижанка, что она здѣсь почти безъ знакомыхъ и что все это имѣетъ отношеніе къ Юрію,—привело Муру въ еще большій восторгъ.

Наташа не знала, что думать. Эта дѣвочка говорила, указывая на офицера, „mon mari“—а между тѣмъ трудно было представить себѣ, что она замужемъ. Восторженной любезности ея она тоже не понимала. Адреса Юрія она еще такъ и не узнала. „Мужъ“ офицеръ стоялъ хмуро и молчаливо.

— Да, да, онъ переѣхалъ,—заболтала Мура, когда Наташа осмѣлилась вновь спросить о Юріи.—То-есть не совсѣмъ переѣхалъ, но больше живетъ на... на другой своей квартирѣ. Я не помню точно гдѣ, вотъ бѣда! И „mon mari“ навѣрно не помнитъ.

Тутъ она бросила на Левковича значительный взоръ: молчи, дескать! И продолжала:

— Но если mademoiselle будетъ такъ любезна... мы живемъ въ двухъ шагахъ... вотъ здѣсь, этотъ переулокъ... mademoiselle зайдетъ къ намъ, выпьетъ чашку чая... И я дамъ самый точный адресъ.

Наташа растерялась, не знала, какъ ей къ этому отнестись. Но Мура прибавила вдругъ:

— Да у насъ даже есть номеръ его телефона! Мы можемъ вызвать его по телефону!

Какъ ни странно это все было, даже подозрительно,—Наташа рѣшилась. Все равно! Ужъ слишкомъ тяжко ждать.

Взяла себя въ руки. Опять сдѣлалась веселой француженкой. Мура увлекла ее, смѣясь, за собою. Разспрашивала, сколько словъ знаетъ она по-русски и вывѣдывала насчетъ Юрія.

Саша Левковичъ молчаливо слѣдовалъ за ними. Онъ очень скучный былъ послѣднее время.

ДВѢНАДЦАТАЯ.

Забава.

— Вотъ, пожалуйте, какъ разъ по телефону васъ спрашиваютъ,—сказалъ швейцаръ Двоекурову, когда тотъ спускался по лѣстницѣ.

Юрій терпѣть не могъ этихъ телефонныхъ вызововъ. Особенно изъ своей василеостровской квартиры, гдѣ телефонъ былъ внизу. И швейцару запретилъ разъ навсегда его тревожить. Но теперь ужъ все равно, идетъ мимо.

Лѣниво взялъ трубку.

— Ну, кто тамъ?

— Ха, ха, ха! Нельзя ли повѣжливѣе! C'est moi, Moura.

Юрій сдѣлалъ досадливое движеніе.

— Вы, Мура? Что такое? Саша просилъ что-нибудь сказать?

— Ахъ, Боже мой, почему Саша! Я сама имѣю вамъ нѣчто сказать!

— Что же?

— Сейчасъ. Не будьте нетерпѣливы. Comme il est grincheux!

— Я занятъ, Мура, я ухожу.

— Нѣтъ, нѣтъ! А если уходите, то пріѣзжайте къ намъ. Вотъ, въ самомъ дѣлѣ! Здѣсь вамъ сюрпризъ. M-elle Thérèse у насъ. Для нея-то я вамъ и звоню. Ей необходимъ вашъ адресъ. А на письма вы не отвѣчаете.

— Какія письма? Какая Тереза?

— Ахъ, Боже мой! Очаровательная Тереза, которая стоитъ около меня и жаждетъ васъ видѣть. Желала бы проникнуть въ нашъ разговоръ, но ничего не понимаетъ. Да пусть сама говоритъ!

Слышно было французское тараторенье Муры, и затѣмъ другой голосъ, показавшійся Юрію чуть-чуть знакомымъ, сталъ говорить, тоже по-французски, о какихъ-то письмахъ на Фонтанку, о свиданіи, о прежнемъ времени...

— Извините, я васъ не знаю...

Ему послышалось отчаяніе въ голосѣ говорившей, хотя болтала она скоро и веселыя вещи. И такъ, будто онъ давно узналъ ее и очень радъ встрѣтиться съ m-elle Thérèse.

„Мурка, очевидно, слушаетъ,—подумалъ Юрій.—Тутъ что-то не то“. И сказалъ по-русски:

— Да вы не она? Васъ просто стѣсняютъ? Вы понимаете?

— Mais oui, mais oui,—радостно зашелестѣло въ отвѣтъ.

— Вы сейчасъ у Левковичей?

Опять облегченный французскій отвѣтъ.

— Такъ подождите, я сейчасъ пріѣду. Тамъ видно будетъ. Ваше имя Thérèse Duclos?

Онъ бросилъ трубку и вышелъ изъ поѣзда. Мысли его были за сто верстъ отъ Наташи, поэтому онъ и не узналъ ея голоса. Въ чемъ дѣло? Любопытство разгорѣлось, было весело.

Онъ давно не былъ у графини, а туда, очевидно, эта фальшивая француженка и писала. Заѣхать, развѣ, за письмомъ. Не стоитъ. Такъ интереснѣе.

И вдругъ перестало быть весело. Пришло въ голову, что это не какое-нибудь забытое любовное приключеніе, а опять эти старыя „дѣла“. Ну, конечно. Какъ онъ сразу не догадался! Просто потому, что не думалъ о нихъ давно. Переодѣванья, скрыванья... Только всетаки кто же это? И почему Левковичи? И онъ, Юрій, зачѣмъ понадобился?

Ну, что-жъ дѣлать. И Юрій улыбнулся. Съ ними такъ скоро не распутаешься. Да и они недурные люди. Жаль не помочь, коли къ случаю придется.

Подъѣзжая къ дому Левковича, Юрій взглянулъ на часы. Собственно онъ торопился въ другое мѣсто. Ну, на десять минутъ. Только взглянетъ на эту загадочную знакомку.

Мура принесла Левковичу хорошее приданое, жить они могли недурно. Однако вся квартира была какая-то безалаберная, безпорядочная, все новое уже казалось старымъ. Кушетки и дива-

ны, на которыхъ валялась Мура—яркіе, глупые, подушки взлохмаченныя; нельзя было понять, живетъ ли тутъ кокотка или пять человѣкъ дѣтей.

Юрій хотѣлъ пройти къ Сашѣ въ кабинетъ, но изъ столовой вылетѣла раскраснѣвшаяся Мура.

— Ага, прилетѣли, небось! Идите, идите, скорѣе! Она—прелесть, надо признать! Мы уже подружились. Только о васъ она ничего толкомъ не разсказываетъ.

И Мура, ребячливо шумя, тянула его за рукавъ.

Вошелъ въ столовую, взглянулъ быстро—увидѣлъ стройную фигуру, старающееся улыбаться смуглое лицо подъ громадной шляпой, свѣтлые, точно пустые глаза,—и сейчасъ же узналъ, кто это. Мало того: даже какъ будто понялъ, почему на ней такая шляпа, почти догадался, зачѣмъ она здѣсь и зачѣмъ онъ, Юрій, ей нуженъ.

Опять надо чужими дѣлами заниматься. Ну, скорѣе кончить. Ничего труднаго и серьезнаго онъ дѣлать для нея не будетъ. Лучше пусть и не требуетъ.

Началась болтовня. Юрій, глядя въ Наташино лицо, сталъ бояться, чтобы она себя не выдала. А ему не хотѣлось объясняться съ Левковичами. Особенно Мура его раздражала. И надо же, такая глупая случайность! Увезти, что ли, Наташу съ собой? Нѣтъ, Мура еще хуже пристанетъ.

— А Саши нѣтъ дома?—спросилъ онъ вскользь.

— Дома! Сейчасъ его притащу!

И Мура выскочила изъ комнаты.

Въ ту же секунду Наташа быстро наклонилась къ Юрію и прошептала:

— Вы будете у меня сегодня?

— Сегодня... не могу.

— Завтра?

— Постараюсь... утромъ. Но не обѣщаю. Очень трудно завтра.

— Боже мой!

Наташѣ это казалось несчастьемъ. Неизвѣстно почему. Вѣдь ждала же она цѣлую недѣлю. Но, быть можетъ, оттого и не могла больше ждать ни дня.

— Вы знаете адресъ Михаила?

— Я? Нѣтъ, не знаю.

Она поблѣднѣла и вдругъ совсѣмъ потерялась. Слышны были раскаты Муринаго голоса вдали. Сейчасъ, конечно, придетъ.

Юрій, между тѣмъ, соображалъ, что ему дѣлать съ Наташей, какъ помочь дѣлу. Подумалъ еще—и вдругъ веселая, почти ша-

ловливая мысль пришла ему въ голову. Какой день завтра? Суббота? Отлично.

Онъ, улыбаясь, кивнулъ Наташѣ головой. Она не поняла, но ободрилась и ждала.

— Здравствуй, милый,—говорилъ Юрій Левковичу.—Ты былъ занятъ? Мурочка тебѣ помѣшала? Я тоже занятъ, сейчасъ ухожу. Только вотъ хочу сейчасъ написать у васъ рекомендательное письмо для этой очаровательной моей пріятельницы. Два слова, нужный намъ человѣкъ какъ разъ сегодня принимаетъ. Мурочка, можно у васъ?

— Конечно. Кому? Кому?

Она вскочила и побѣжала впередъ. Юрій пошелъ за ней.

— Много будете знать—скоро состарѣетесь.

Наташа осталась вдвоемъ съ Левковичемъ. Молчала. Ей почему-то непріятно было притворяться передъ нимъ, сыпать фальшивыя французскія слова. И устала отъ глупой комедіи, и жалко было этого нахмуреннаго, блѣднаго человѣка съ добрымъ лицомъ. Онъ казался не то больнымъ, не то глубоко опечаленнымъ, страдающимъ. Совѣстно лгать передъ нимъ.

Вернулась вертлявая Мура. Вскорѣ вошелъ и Юрій, держа въ рукѣ незапечатанный конвертъ.

— Вотъ письмо. Вы его прочтите. Туда же я вложилъ инструкціи вамъ, когда и какъ удобнѣе отправиться. Еще запутаетесь! Завтра или послѣзавтра непремѣнно буду у васъ. А теперь, простите, бѣгу! И такъ опоздалъ!

M-elle Duclos разсыпалась въ благодарностяхъ, мгновенно спрятала письмо и тоже встала, торопясь уйти.

Входили новые гости: толстый офицеръ и молодой, непріятно красивый штатскій, котораго Мура громко привѣтствовала.

— Борисовъ! Достали ложу?

Саша Левковичъ вышелъ за Юріемъ въ прихожую.

— Кто сей?—морщась, спросилъ Юрій.

Левковичъ не отвѣтилъ, только повелъ плечомъ.

— Приходи ко мнѣ, Саша, пожалуйста. Поговоримъ.

— Приду. Давно собираюсь. Разъ ужъ изъ дому вышелъ—воротился. Какъ съ тобой говорить, когда и самому себѣ не знаешь, что сказать.

— Ничего. Приди, милый. Я вечера нарочно буду дома сидѣть, до двѣнадцати, тебя ждать. Только въ ту пятницу занятъ, обѣщалъ на одно засѣданіе общества „Послѣдніе вопросы“ пойти. Погляжу, можетъ, рѣчь скажу.

— Да? Гдѣ это?—думая о другомъ, спросилъ Левковичъ.

Юрій назвалъ адресъ.

— Нѣтъ, ты не жди. Застану, такъ застану. Ты нарочно не жди.

Юрій посмотрѣлъ на друга съ досадливымъ сокрушеніемъ, крѣпко пожалъ ему руку и ушелъ.

ТРИНАДЦАТАЯ.

Свиданіе.

Литта жаловалась брату напрасно: въ угрюмомъ домѣ, гдѣ до нея никому не было дѣла, она жила свободнѣе, чѣмъ живутъ иныя дѣвушки. Требовалось только приспособиться къ графинѣ, слушаться ея въ мелочахъ, и это было не трудно. Никто не интересовался Литтой; съ отъѣзда послѣдней гувернантки она цѣлые дни могла быть одна, когда не приходили учительницы и учителя. Книгъ у Юрія въ комнатѣ было довольно всякихъ.

За уроками внучки графиня тоже не слѣдила. Когда брали новаго учителя, графиня посылала на первый урокъ свою скромную приживалку,—тѣмъ дѣло и кончалось.

Занятія Литты съ Михаиломъ сложились очень хорошо, хотя немного неожиданно. Михаилъ являлся утромъ, скромно одѣтый, проходилъ въ классную, сидѣлъ ровно столько, сколько было нужно. Никакихъ постороннихъ разговоровъ не происходило. Литта оказалась очень способной къ математикѣ—и они оба искренно увлеклись занятіями.

У Литты бывали минуты,—хотѣлось заговорить съ нимъ, спросить... и она робѣла. Такъ далеко и холодно, и чуждо глядѣли синіе глаза.

Въ это утро они занимались рѣшеніемъ новой, трудной для Литты задачи. Классная, большая, пустая комната, выходила окнами на дворъ. Сквозь опущенныя бѣлыя шторы солнце матово желтило воздухъ.

Дверь пріотворилась. Пожилая горничная въ бѣломъ чепчикѣ поманила Литту.

Дѣвочка нетерпѣливо пожала плечами.

— Сейчасъ!

Немного удивленная вышла въ свѣтлый коридоръ.

— Отъ Юрія Николаевича,—тихо сказала горничная.

Въ домѣ графини всѣ говорили тихо. Горничная Гликерія, степенная и вымуштрованная, такъ любила Юрія, что даже имя его произносила громче обыкновеннаго.

— Записочка вамъ отъ нихъ. И барышня тамъ ждутъ отвѣта.

— Какая барышня? Отъ Юрочки?

Литта поспѣшно разорвала конвертъ. Всего нѣсколько строкъ:

„Улитка, прими сейчасъ же подательницу этого письма. Прими въ классной, если у тебя учитель мат.—А тамъ видно будетъ. Она хорошая. Сестра. Буду скоро. Цѣлую, дѣтка. Записку порви“.

— Гликерія... Пожалуйста... Онъ пишетъ... Проводите эту барышню ко мнѣ въ классную. Тамъ учитель,—ничего... На минутку. Нѣтъ, нѣтъ,—прибавила она, увидѣвъ, что Гликерія смотритъ обезпокоенно,—Юрій здоровъ, самъ пріѣдетъ, онъ только ее просилъ передать мнѣ двѣ книжки...

Вбѣжала назадъ въ классную. Разрывая письмо на мелкіе кусочки, растерянно заговорила:

— Это братъ Юрій... Онъ всегда такъ, ничего не объяснитъ толкомъ... Но ужъ, вѣрно, нужно. Она сейчасъ сюда придетъ...

— Вы заняты?—сказалъ Михаилъ, поднимаясь.—Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ, она должна сюда именно прійти...

— Но я не могу...

Наташа уже входила. Скромно одѣтая, въ черномъ. Матовый солнечный свѣтъ желтилъ воздухъ.

Нѣсколько секундъ они съ Михаиломъ молча стояли другъ передъ другомъ. Литта, взволнованная, ничего не понимающая, глядѣла на нихъ обоихъ.

Неизвѣстно, на что бы они рѣшились, столкнувшись такъ нежданно въ чужомъ домѣ, оба осторожные, оба потрясенные,—если бы Литта не сказала наивно, не зная сама, что говоритъ:

— Юруля написалъ, чтобы въ классную... Что сестра...

— Такъ вы знаете?—быстро обернулась къ ней Наташа.

И сейчасъ же подошла къ Михаилу, крѣпко и безмолвно обняла его.

— Это мой учитель математики... Мы занимаемся математикой...—продолжала, спѣша, Литта.

Она уже поняла чутьемъ, что надо объяснять, что Юрій, по своему обыкновенію, устроилъ безъ лишнихъ словъ неожиданность.

Всетаки Наташа не знала, какъ себя держать, что говорить при дѣвушкѣ. Громадная радость видѣть Михаила вдругъ куда-то спряталась. Ну, вотъ она хотѣла—ихъ столкнули лбами. А дальше?

Записка Юрія къ Наташѣ была еще короче Литтинаго письма: „Завтра въ 11 часовъ подите съ этимъ письмомъ къ моей сестрѣ,

скажите, что ждете отвѣта, что вы отъ меня. Одѣньтесь просто, говорите по-русски“.

И все. Она, не разсуждая, исполнила. Теперь какъ же?

Выручила опять Литта.

Схватила свои тетради. Заторопилась.

— Я пойду въ комнату Юрули. Тамъ эту задачу еще посмотрю. Это рядомъ. А сюда никто не придетъ. Я сейчасъ.

Наташа взяла дѣвочку за руку и вдругъ неожиданно поцѣловала. Литта вся вспыхнула отъ радостнаго волненія, отъ внезапной увѣренности, что эта „сестра“—другъ. И тихонько выскользнула за дверь.

Наташа и Михаилъ остались одни.

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Въ чемъ грѣхъ.

Юрій не думалъ быть свободнымъ въ это утро. И ночевалъ не дома. Однако случилось, что около половины двѣнадцатаго онъ былъ неподалеку отъ дома графини; рѣшилъ заѣхать на минутку, посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Интересно, какъ справилась сестренка съ его запиской...

У него и тутъ свой ключъ.

Вошелъ незамѣтно въ свою комнату. Удивился. Сидѣла Литта, тихо, какъ мышь, съ красными отъ волненія ушами, пристально глядѣла въ книгу. Вздрогнула, когда дверь отворилась.

— Ахъ, Юруля! Ну, слава Богу!

Спѣша, запинаясь, разсказала ему все. И что они въ классной... И ужъ давно... Она не смѣетъ туда пойти... А скоро завтракъ...

Юрій нахмурился.

— Да... Лучше пусть они какъ-нибудь вечеромъ... Чего ты волнуешься? Я сейчасъ устрою.

И онъ пошелъ въ классную.

Черезъ пять минутъ вернулся, съ Наташей.

У Наташи блестѣли глаза и губы крѣпко были сжаты.

— Это моя сестренка,—сказалъ Юрій весело.—Она славная. Вы познакомились?

— Я ужъ ее полюбила...

И Наташа, свѣтясь внутреннею радостью и новой заботой, опять привлекла къ себѣ дѣвочку.

— Хорошо, а теперь, Улитка, маршъ въ классную, отпусти учителя и приходи ко мнѣ. Простилась съ Наташей?

— Ахъ, до свиданья! Вы уходите? Уходите скорѣе! Такъ васъ Наташей зовутъ?

— Не знаю,—улыбаясь, сказала Наташа.

— Да, да... Я понимаю... Только бы мы увидѣлись еще...

Въ классной она заторопилась что-то сказать Михаилу и ничего не сумѣла. Онъ глядѣлъ на нее съ нѣжной добротой и улыбался.

Литта овладѣла собой и сказала дѣловито:

— Ваша сестра, вѣрно, не здѣсь живетъ...

— Не здѣсь....

— Такъ вамъ съ ней у Юрія очень удобно видѣться. Особенно вечеромъ. Никого не бываетъ...

— Мы уже обо всемъ сговорились,—сказалъ Михаилъ.

Простился и ушелъ.

Въ комнатѣ Юрія Наташи уже не было. Юрій о чемъ-то думалъ.

— Литта,—сказалъ онъ вошедшей сестрѣ,—ты, сдѣлай милость не...

— О, развѣ я не понимаю!

— Не то, а надо тебѣ знать, что я теперь въ ихъ дѣла не вхожу, не интересуюсь, и тебѣ не совѣтую. Но, впрочемъ, какъ хочешь. Если я позволяю имъ устраивать у меня свиданія и говорю съ ними при случаѣ, то лишь потому, что помочь имъ тутъ могу, и мнѣ это легко. Не увлекайся и не дѣлай неосторожностей. Вредить другимъ можно лишь въ крайнемъ, въ самомъ послѣднемъ случаѣ.

Литта смотрѣла на него широкими глазами.

— Вредить? Да развѣ я не знаю? Никогда нельзя!

— Никогда отъ глупости, никогда отъ неосторожности. Никогда для собственнаго удовольствія. Но вотъ единственный случай: если приходится выбирать между другимъ и собой,—то надо, разумно, неизбѣжно повредить другому, а не себѣ.

— О, Юра! А если маленькій вредъ себѣ?

— Никакого. Вредъ другому—это непріятная глупость, вредъ себѣ—это, какъ бы сказать? Ну грѣхъ, что ли...

— Я не понимаю...—начала Литта рѣшительно, но Юрій перебилъ ее:

— Бросимъ. Ты достаточно поняла. Будь осторожна. А такихъ крайнихъ положеній, гдѣ можно впасть въ грѣхъ, при удачѣ легко избѣгать, и слѣдуетъ. Прощай, милая, я завтракать не останусь.

ПЯТНАДЦАТАЯ.

Сашины дѣла.

Левковичъ все не пріѣзжалъ повидаться съ Юріемъ. Зато вертлявая и хорошенькая Мурочка весело прилетѣла къ Литтѣ, не обращая никакого вниманія на кислую мину графини. Опять утащила Литту въ классную.

— Душечка, вы такъ все и сидите дома? Какая весна! Ужъ на островахъ все зелено. Я вчера туда ѣздила, вотъ было весело! Скажите брату, чтобы онъ съ нами поѣхалъ и васъ взялъ.

— Я никуда не ѣзжу,—отозвалась Литта угрюмо.

— Да плюньте вы на эту старуху! что она васъ взаперти держитъ! Юрулька не въ васъ, онъ бы не высидѣлъ! Ахъ, какой онъ смѣшной! Вы подумайте...

И она подробно разсказала случай съ красивой m-elle Duclos.

— Преизящная! Удивительнѣе же всего, что Юрій уже успѣлъ ее куда-то спрятать! Я черезъ два дня пошла въ гостиницу,— преинтересная француженка! — вообразите, говорятъ: съѣхала и адреса не оставила!

— Почему же вы думаете, что Юрій?...

— Да онъ же ей какія-то письма у насъ писалъ, давалъ... рекомендательныя, что ли... Обѣщалъ потомъ пріѣхать къ ней...

— Потомъ? Письма?

Литта задумалась и неосторожно прибавила:

— А какіе у нея глаза?

— Вы ее видѣли? Красивые глаза, свѣтлые очень.

— Гдѣ-жъ я видѣла? Я только не понимаю, при чемъ тутъ Юрій. Ну и уѣхала. Да и вы при чемъ?

Мура засмѣялась, но вдругъ сдѣлала печальное лицо.

— Боже, какіе вы всѣ несносные, скучные! Вотъ вамъ бы за моего мужа выйти, кузиночка! Онъ тоже вѣчно насупленный, вѣчно съ вопросами... Тò я не такъ, это не такъ... Претяжелый характеръ!

Литта удивленно посмотрѣла на нее.

— У Саши? У Саши тяжелый характеръ?

— Ну да! Еще бы не тяжелый!

Мура соскочила съ классного стола, гдѣ сидѣла, присосѣдилась къ Литтѣ, на широкое старое клеенчатое кресло, и начала полушопотомъ, какъ барышни секретничаютъ:

— Онъ невыносимо ревнивый, глупо ревнивый. Не могу же я

въ траппистки записаться? Я ужъ такая, какъ есть. Я не виновата, что мнѣ съ нимъ скучно.

Литта слушала ее въ неизъяснимомъ ужасѣ. Скучно! Зачѣмъ же она замужъ выходила?

— И главное, — продолжала Мура, — я такой человѣкъ, что пусть лучше онъ меня не доводитъ до крайности. Все ему выскажу и уйду. Очень нужно.

— Какъ уйдете? Да развѣ вы его не любите? — прошептала оцѣпенѣвшая Литта.

— Люблю, люблю... Не люблю... Ахъ, Боже мой...

Мурочка разсѣянно и нетерпѣливо прошлась по комнатѣ.

— Почемъ я знаю? Пусть не надоѣдаетъ. И такое непониманіе! Меня надо понимать... Вотъ Юрій—это другое дѣло...

— Юрій понимаетъ?

— Коли я плоха—какая есть! Не я себя такой сдѣлала! Ну, и нечего теперь меня учить. Хуже будетъ.

Безмолвно вошла Гликерія. Графиня рѣшила, что непріятная гостья слишкомъ засидѣлась у внучки.

— Не пойду я къ старухѣ, — заявила Мура, когда горничная вышла.—Мнѣ еще надо въ одно мѣсто... А вы, пожалуйста, Литта, Юрію этого нашего разговора не передавайте. Я такая горячая. Наболтаю всегда... А онъ...

— Такъ отчего же...—начала Литта.

— Оттого! У Юрія послѣднее время всегда я виновата! Забота, подумаешь, братецъ! Ну, я не очень боюсь!

Лицо у нея, однако, было испуганное. Литта твердо рѣшила все разсказать брату и пошла провожать гостью.

— А француженка прелестная,—болтала Мура въ передней.— Похожа немножко на m-elle Léontine, мою послѣднюю гувернантку. Только красивѣе. Ахъ, Боже мой, вотъ и Юрій Николаевичъ!

Юрій, дѣйствительно, входилъ въ переднюю. Литта испугалась: ну, теперь эта Мурочка ни за что не уйдетъ! Однако Юрій понялъ положеніе.

— Вы уходите, Мурочка? До свиданія. Спѣшу къ графинѣ.

Раздосадованной Мурѣ ничего не оставалось, какъ тоже выйти.

А Литта побѣжала за братомъ, нагнала его въ коридорѣ, спѣша, разсказала о Мурѣ и неожиданно прибавила:

— А эта француженка, Юрій, это...

Юрій разсердился:

— Какое тебѣ дѣло? Какъ это скучно и глупо! Неужели нельзя меня оставить въ покоѣ? Просто жить нельзя въ Петер-

бургѣ! На Островъ ходятъ, ноютъ, сюда приду—и здѣсь то же самое!

Литта поблѣднѣла.

— Ты несправедливъ, Юра.

Онъ уже улыбался.

— Да, я несправедливъ. Прости, сестренка. Это Сашины дѣла меня растревожили. Что-жъ, самъ онъ виноватъ...

Задумался, потомъ прибавилъ:

— Я сегодня обѣдаю у васъ. Послѣ останусь, отдохну хоть немного.

З. Гиппіусъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЭТЬЕНЪ МЭРАНЪ.

Посмертный романъ **Ипполита Тэна.**

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Мы считаемъ своимъ долгомъ предостеречь читателя отъ стремленія, которое можетъ у него явиться,—разсматривать рядъ слѣдующихъ страницъ, какъ автобіографію И. Тэна. Безспорно, авторъ широко использовалъ свои личныя воспоминанія для того, чтобы возсоздать въ своемъ романѣ среду мужского учебнаго заведенія около 1845 года и чтобы проанализировать (читатель увидитъ, съ какимъ остроуміемъ и съ какою точностью!) интеллектуальное пробужденіе подростка подъ вліяніемъ гуманитарныхъ наукъ и его пріобщеніе къ жизни идей, къ общей культурной жизни. Но достаточно будетъ сослаться на тотъ біографическій матеріалъ, который содержится въ первомъ томѣ извѣстнаго труда: „И. Тэнъ, его жизнь и переписка“ (изд. Hachette, 1902 г.), именно на страницы, гдѣ говорится о раннихъ годахъ будущаго автора „Происхожденія современной Франціи“, чтобы доказать, что ни въ семейной средѣ, ни въ событіяхъ жизни между И. Тэномъ и Этьеномъ Мэраномъ нельзя установить, и нечего искать, какой-либо связи: Этьенъ Мэранъ въ этомъ смыслѣ—не что иное, какъ герой романа.

I.

Потрясеніе.

Первое опредѣленное воспоминаніе Этьена Мэрана относилось къ тому времени, когда ему было четырнадцать лѣтъ; но это воспоминаніе всегда вставало передъ нимъ въ такомъ яркомъ, въ такомъ сильномъ освѣщеніи, что пятнадцать лѣтъ спустя, онъ видѣлъ, одну за другой, всѣ подробности этого дня такъ же ясно, какъ если бы онѣ были передъ его глазами, видѣлъ цвѣтъ предметовъ, лица людей, ихъ жесты.

Было около двухъ часовъ ночи. Вошла старая служанка и принялась расталкивать его, чтобы онъ всталъ съ постели. Онъ въ изумленіи открылъ глаза передъ этой растрепанной, перепуганной фигурой, выдѣлявшейся въ желтомъ свѣтѣ свѣчи.

— Мсьё Этьенъ, вашъ батюшка очень боленъ,—она вдругъ разрыдалась,—надѣньте брюки, идите скорѣй, священникъ здѣсь.

Онъ одѣлся машинально, на скорую руку, а она помогала ему просовывать руки въ рукава.

— Что, онъ очень боленъ?—спросилъ онъ.

Онъ не особенно понималъ, что̀ означаютъ эти слова, и сошелъ внизъ, какъ человѣкъ, котораго толкаютъ въ воду и который не знаетъ, куда онъ упадетъ.

Въ концѣ темной маленькой лѣстницы онъ вдругъ увидѣлъ комнату, наполненную свѣтомъ. Посреди—священникъ въ бѣломъ стихарѣ, рядомъ съ нимъ—мальчикъ-клирошанинъ, держащій въ одной рукѣ пузырекъ съ елеемъ, а другой—протирающій глаза, такъ какъ его также разбудили внезапно. Этотъ сельскій священникъ, этотъ ребенокъ въ грубыхъ башмакахъ и съ грязными руками были какимъ-то пятномъ въ изящной и всецѣло свѣтской комнатѣ. Отецъ Этьена остановилъ ихъ вѣжливымъ движеніемъ, попросилъ аббата не такъ безпокоиться, указалъ ему на кресло, предложилъ погрѣться и заговорилъ съ нимъ о погодѣ. Затѣмъ онъ подозвалъ Этьена, ласково улыбнулся ему и сказалъ:

— Этьенъ, постарайся не особенно печалиться. Это ни къ чему не ведетъ и только пачкаетъ носовые платки. Трудись хорошенько, мой бѣдный мальчикъ, это единственное средство покупать себѣ бифштексы и не стать чахоточнымъ. Господинъ аббатъ, позвольте мнѣ быть невѣжливымъ; я хотѣлъ бы остаться наединѣ съ Этьеномъ мою послѣднюю четверть часа. Ступай, Катерина, ты можешь зайти къ типографу и заказать карточки съ извѣщеніемъ о моей смерти.

При его изысканной любезности у него былъ до того повелительный видъ, что всѣ повиновались ему. Онъ приказалъ ребенку достать томъ Вольтера, *Задигъ*, и читать громко. Это продолжалось съ полчаса; каждый разъ, какъ Этьенъ повертывалъ страницу, онъ смотрѣлъ на своего отца и видѣлъ, какъ его легкое дыханіе подымало простыню. Читая, онъ не особенно дрожалъ, такъ какъ въ комнатѣ не было ничего печальнаго. Душистыя лепешки догорали въ вазѣ. Красныя и синія вербэны граціозно склонялись надъ каминомъ, а въ очагѣ горѣлъ веселый огонь.

Когда Этьенъ принялся за разсказъ о грифахъ, онъ замѣтилъ, что одѣяло не шевелится болѣе и что у отца глаза опущены, а

ротъ открытъ. Онъ умолкъ, боясь разбудить его. Въ это время вернулась служанка и сказала, зарыдавъ:

— Онъ умеръ.

Не то, чтобы она была особенно огорчена,—она служила всего лишь годъ,—но она громко обнаруживала свои малѣйшія эмоціи, какъ это бываетъ съ простыми людьми. Тѣмъ не менѣе она проявила настоящую доброту къ малышу, и видя, что онъ стоитъ неподвижно съ широко открытыми глазами, отвела его въ его комнату и осталась возлѣ него, пока онъ не заснулъ.

У него были странныя сновидѣнія, и онъ нѣсколько разъ кричалъ во снѣ. Утромъ, одѣваясь, онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Служанка изъ состраданія отобрала ему самую большую котлету; и сама не стала пить, какъ обыкновенно, вино изъ горлышка бутылки. Горло Этьена было сжато, и ему даже не хотѣлось пробовать ѣсть или пить. Онъ нѣсколько разъ приближался къ двери той комнаты, гдѣ находился его отецъ, но ноги его коченѣли, когда онъ достигалъ порога, и онъ не осмѣливался повернуть ручку двери, трепеща при мысли о шумѣ, который она произведетъ. Онъ долго разсматривалъ полоски потрескавшагося дерева, небольшія разсѣлины облупившагося лака, думая о томъ, что отецъ нѣсколько разъ собирался дать ее перекрасить, но не сдѣлалъ этого, опасаясь сильнаго запаха. Потомъ онъ началъ слѣдить за лѣпными украшеніями, поднимавшимися въ видѣ четыреугольника по всей дверной рамѣ, съ такимъ рвеніемъ сосредоточеннаго и невольнаго вниманія, что ему казалось, будто бы дверь подается сама по себѣ, а рама выгибается, словно свивающійся червь. Такимъ образомъ онъ въ утро нѣсколько разъ подымался и спускался по лѣстницѣ.

Около часу за Этьеномъ пришла Катерина и отвела его къ школьному учителю, у котораго онъ учился. Этотъ человѣкъ обратился къ нему съ нѣсколькими банальными фразами и догадался, наконецъ, оставить его одного въ уголку сада. Этьенъ набралъ въ пескѣ аллеи раковинокъ и разложилъ ихъ зигзагами на скамьѣ. Онъ вывелъ изъ нихъ также цифры и прозанимался такимъ образомъ, какъ идіотъ, все послѣобѣденное время. Великолѣпное голубое небо сверкало надъ его головой, а косыя стрѣлы осенняго солнца вонзались въ сырую траву, но онъ былъ обезпокоенъ и удрученъ и чувствовалъ себя такъ же плохо, какъ въ грозу, когда въ воздухѣ—громъ, а черныя тучи ползутъ низко, у самыхъ верхушекъ деревьевъ. Онъ подумалъ, не пробѣжаться ли ему, и одна мысль объ этомъ исполнила его ужасомъ. Онъ хотѣлъ разспросить учителя, но отъ этой мысли ему сдѣлалось еще боль-

нѣй. Онъ хотѣлъ заплакать и не смогъ. Вечеромъ его проводили домой, и служанка снова уложила его. Тяжесть глухихъ сновъ и томительнаго ужаса, измучившихъ его, была слишкомъ велика для его хрупкаго дѣтскаго тѣла.

Около десяти часовъ утра тѣ восемь или десять почетныхъ жителей, которымъ г. Мэранъ послалъ свою карточку по прибытіи въ городъ, вошли въ небольшую гостиную, находившуюся рядомъ съ комнатой покойнаго. Привели Этьена, и онъ увидѣлъ скучавшія лица, не смѣвшія обнаружить своей скуки. Они поклонились ему, что его удивило, такъ какъ онъ былъ еще слишкомъ малъ и ему никто никогда не кланялся. Всѣ стояли изъ приличія и не разговаривали. Время отъ времени кто-нибудь кашлялъ, чтобы придать себѣ важности, и раздавался трескъ паркета, когда онъ переносилъ тяжесть своего тѣла съ одной ноги на другую. Мэръ, толстый, свѣже выбритый и со слѣдами порѣзовъ бритвой на щекахъ, хотѣлъ заговорить съ Этьеномъ и даже высморкался, чтобы лучше разобраться въ своихъ мысляхъ; но, зная, что̀ можно сказать ребенку, ограничился тѣмъ, что кашлянулъ сильнѣе, потирая рукавъ своего фрака, на которомъ было пятно грязи. Такъ продолжалось три четверти часа. Этьенъ, неподвижный въ углу у камина, въ концѣ-концовъ опустилъ глаза, не рѣшаясь смотрѣть на такихъ большихъ и имѣвшихъ такой мрачный видъ людей. Между тѣмъ онъ старался крѣпиться, потому что сознавалъ, что ему необходимо выполнить какой-то долгъ, и среди столькихъ физическихъ впечатлѣній это было его первымъ нравственнымъ переживаніемъ.

Вскорѣ послышалось мычанье пѣвчихъ, и процессія двинулась. Школьный учитель изъ жалости взялъ Этьена за руку, и онъ далъ вести себя во время всего шествія, точно такъ же, какъ и въ церкви подымался и падалъ на колѣни всякій разъ, какъ его подталкивали. Онъ смутно сознавалъ, что съ нимъ случилось нѣчто странное, такъ какъ всѣ устремляли глаза на него. Онъ говорилъ себѣ: „У меня умеръ отецъ“, и упрекалъ себя въ томъ, что недостаточно печаленъ. Онъ понималъ, что ему слѣдовало бы плакать и что всѣ смотрѣли на его глаза, ища въ нихъ слезъ. Онъ подумалъ было вынуть свой носовой платокъ, чтобы сдѣлать видъ, что вытираетъ слезы, но пришелъ въ ужасъ отъ подобной комедіи. Впрочемъ, въ ту минуту мысли его невольно удалялись отъ покойника. Ему казалось, что серебряный свѣтъ, колыхавшійся надъ подсвѣчниками, проникалъ въ глубину его глазъ. Звонъ мѣдныхъ колокольчиковъ заставлялъ его въ страхѣ вздрагивать, а отъ запаха сырости на паперти у него захватывало дыханіе.

Тѣмъ не менѣе онъ довольно прилично держался на ногахъ и шелъ на своемъ мѣстѣ за гробомъ до того времени, когда всѣ приблизились къ кладбищу. Но тутъ вѣтеръ, шумѣвшій въ его ушахъ, слился въ одну зловѣщую гармонію съ топотомъ похороннаго шествія, съ отрывками разговоровъ, съ дребезжащими голосами, тянувшими молитвы, и вдругъ его нервы, словно поддавшись заразѣ, не выдержали. Онъ громко заплакалъ и увидѣлъ, что его сосѣди смотрятъ на него съ бо́льшимъ состраданіемъ, чѣмъ раньше. Отъ этого ему сдѣлалось стыдно, такъ какъ въ душѣ онъ не чувствовалъ себя болѣе удрученнымъ, чѣмъ прежде, въ церкви. Онъ обозвалъ себя лгуномъ и попытался замолчать, но физическій припадокъ сдѣлался сильнѣй, и, помимо своей воли, онъ сталъ кричать, спотыкаясь о камни. Большой ключъ понамаря заскрипѣлъ въ замкѣ, и засовъ, замыкавшій ворота, съ шумомъ повалился на землю. Этотъ пронзительный звукъ рѣзнулъ Этьена по́-уху; зубы его защелкали; занеся ногу на входную ступеньку, онъ упалъ, потерявъ сознаніе.

II.

Пробужденіе.

Слѣдующіе десять дней Этьенъ провелъ у школьнаго учителя, пользуясь довольно хорошимъ уходомъ и полной свободой блуждать по саду и мечтать, сколько ему хотѣлось. А мировой судья, между тѣмъ, уполномоченный судомъ, разсматривалъ дѣло о наслѣдствѣ и, за неимѣніемъ родныхъ, старался составить изъ сосѣдей семейный совѣтъ. Впрочемъ, я былъ неправъ, сказавъ, что Этьенъ мечталъ; онъ размышлялъ. Большое неожиданное потрясеніе заставило его мысль выйти изъ пеленокъ, въ которыя она была завернута. Первый разъ въ своей жизни онъ сталъ разсуждать и обдумывать и, самъ того не подозрѣвая, сдѣлался взрослымъ.

Его отецъ, умный эгоистъ, заботился лишь о томъ, чтобы пріятно истратить свое состояніе; такъ онъ прожилъ все, не высчитывая, сколько у него остается, потому что отъ счетовъ болитъ голова, и не особенно безпокоясь о своемъ сынѣ, потому что отъ безпокойства болятъ нервы. Въ дни угрызеній совѣсти онъ говорилъ себѣ, что нужно же ему жить и что, въ концѣ-концовъ, человѣкъ всегда выпутывается изъ бѣды. Такъ какъ ему было противно занятіе дядьки, то онъ, хотя и былъ человѣкомъ очень образованнымъ, не сдѣлался наставникомъ своего сына. По его

мнѣнію, наставникъ — не болѣе какъ ремесленникъ, очищающій умъ, точно такъ же, какъ савойяръ очищаетъ сапоги. Онъ предоставилъ Этьена школьному учителю, какъ ученому слугѣ, получающему тридцать франковъ въ мѣсяцъ. Въ концѣ каждаго мѣсяца онъ подзывалъ ребенка къ своей кушеткѣ, заставлялъ его открывать Цезаря, бывшаго, какъ всѣмъ извѣстно, изысканнымъ негодяемъ и завоевавшаго благодаря этому симпатіи всѣхъ честныхъ людей. Онъ заставлялъ Этьена читать сразу по-французски какую-нибудь латинскую страницу, смѣялся надъ нимъ, когда онъ запинался въ переводѣ, и говорилъ ему со своей серьезной ироніей:

— Цезарь сдѣлался маршаломъ Франціи потому, что никогда не дѣлалъ ошибокъ въ переводахъ.

Иногда онъ смѣялся, слушая о великолѣпныхъ избіеніяхъ великаго полководца, и говорилъ, что ничто не возбуждаетъ такъ восхищенія людей, какъ удары палокъ. Впрочемъ, онъ былъ кротокъ; самымъ непріятнымъ для него было — повышать голосъ. Тогда ему казалось, что онъ находится среди извозчиковъ или въ провинціальномъ трактирѣ; даже по отношенію къ своему сыну онъ считалъ необходимымъ быть вѣжливымъ. Кромѣ того, онъ не принуждалъ его вѣчно сидѣть за партой и находилъ превосходнымъ, когда тотъ выбѣгалъ на воздухъ за здоровьемъ и ощущеніями. Этьенъ пользовался свободой, а такъ какъ отъ природы онъ былъ одинокимъ и жилъ какъ маленькій дикарь, то остался *первобытнымъ*, не вѣдая расчетовъ и зависти, смущаясь въ обществѣ другихъ дѣтей, не зная бо̀льшаго удовольствія какъ шлепать ногами по подводнымъ гладкимъ камешкамъ въ рѣкѣ, или слѣдить за кроликами, которые, поднявъ хвосты, возвращались по вечерамъ въ лѣсъ.

Когда сдѣлали подсчетъ и уплатили долги, оказалось, что все наслѣдство Этьена составляютъ 1,417 франковъ и нѣсколько сантимовъ. По этому поводу онъ услышалъ много прекрасныхъ судебныхъ выраженій и разговоровъ, продолжавшихся по цѣлому часу. Онъ замѣтилъ, что въ этихъ разговорахъ по тридцати и сорока разъ повторялось одно и то же. Эти разговоры вели передъ нимъ совершенно громко, не спрашивая его ни о чемъ, такъ какъ по его безстрастному лицу и по его молчанію заключали, что онъ спитъ. Поставщики бранились за оттягиваніе платежей. Школьный учитель говорилъ своимъ высокомѣрнымъ голосомъ:

— Вѣдь вы мнѣ заплатите по сорока су въ день? За постель, за комнату, за отопленіе и за свѣчу; онъ пьетъ столько же вина, какъ и мы, хотя и кажется маленькимъ, ѣстъ какъ взрослый;

право, это не слишкомъ дорого, спросите у тётушки Миронъ, трактирщицы: она беретъ 25 су въ сутки, не считая свѣчи.

А его жена, размахивая въ видѣ подтвержденія шумовкой, говорила съ проворностью кумушки:

— Право, г. судья, сорока су намъ едва-едва хватитъ. И я не считаю времени, которое у меня уходитъ на штопку его чулокъ и на стирку его воротничковъ; одинъ Богъ знаетъ, во что обходятся эти дѣти богатыхъ родителей; но теперь-то, разъ онъ не богатъ, что-жъ онъ будетъ дѣлать? Его слѣдуетъ опредѣлить въ ученіе. Къ столяру Шодрону или къ часовщику Пьерро. Это покойныя ремесла, которыя не слишкомъ попортятъ наши ручки! И то ему едва хватитъ его 1,400 франковъ, чтобы окончить ученіе. Тѣмъ болѣе, что придется скинуть кое-что на наслѣдственныя пошлины, а правительство жретъ здорово. Затѣмъ могильщики, псаломщикъ, церковные и кладбищенскіе служащіе. Когда ему исполнится двадцать лѣтъ, ему, конечно, не на что будетъ нанять за себя рекрута. У него, пожалуй, будетъ поменьше деньжонокъ, чѣмъ у моего маленькаго Франсуа. Честное слово, я не понимаю, кчему ему еще позволяютъ носить тонкую суконную куртку и ботинки: теперь это для него слишкомъ дорого; лучше бы его одѣть въ блузу. Вы что на это изволите сказать, г. судья? Если вы согласны, то мы оставимъ за собой его красивыя вещи для нашего малыша, который какъ разъ на одинъ годъ моложе его; это у насъ будетъ платье для перваго причастія: сузимъ только рукава. Мы просимъ дать предпочтеніе намъ, г. судья: мой мужъ переписываетъ всѣ бумаги у г. мэра и у г. кюрэ, такъ что если вы согласны, то за него будетъ весь семейный совѣтъ. Мы хорошо заплатимъ, онъ намъ и такъ долженъ: это уменьшитъ его расходы. Ну, ну, мой мальчикъ, нечего такъ таращить глаза; все это я говорю для твоего же блага. Я увѣрена, что изъ тебя выйдетъ настоящій работникъ и что, хотя ты и былъ бариномъ, застругаешь рубанкомъ не хуже всякаго другого. Мой супъ-то переходитъ. Мое почтеніе, г. судья, мы еще поговоримъ объ этомъ, если позволите.

Этьенъ въ тотъ же вечеръ увидѣлъ, что онъ бѣденъ. При жизни его отца его называли мсьё Этьеномъ; послѣ похоронъ— уже просто Этьеномъ; ему стали говорить *ты*, а за столомъ подавали кушанья послѣ всѣхъ, даже послѣ маленькаго Франсуа. Когда обѣдъ былъ конченъ, жена учителя сказала ему снять куртку на минуточку и надѣла ее на Франсуа, приказавъ ему пройтись по комнатѣ. Франсуа, со своимъ краснымъ лицомъ, отвислыми ушами и курносымъ носомъ былъ похожъ на одѣтую обезьяну; его мать захлопала въ ладоши, воскликнувъ:

— Да онъ точка въ точку похожъ на барина!

Отецъ, между тѣмъ, положивъ свое перо за ухо, съ гордостью любовался своимъ сыномъ, и они оба позабыли объ Этьенѣ, который усѣлся въ уголкѣ комнаты и которому было холодно.

Тѣмъ временемъ важно вошелъ высокій и толстый человѣкъ, закутанный въ широкій сюртукъ, и съ высоко поднятой головой. У него былъ желчный цвѣтъ лица, носъ — запачканный табакомъ; что-то плотное и нездоровое было во всей его фигурѣ, но его сѣренькіе глазки блестѣли, бѣгали съ жадностью и пытливостью негоціанта. Всѣ сразу подскочили, чтобы принять его не только съ почтеніемъ, но даже съ благоговѣніемъ. Притащили большое желтое бархатное кресло, красовавшееся на самой серединѣ маленькой парадной гостиной. Его поставили передъ каминомъ, подбросили охапку дровъ на потухавшія головешки, поспѣшили освободить вошедшаго отъ шляпы и трости, стали предлагать ему всѣ извѣстные напитки, начиная съ воды, переходя черезъ сидръ и дойдя до вина. Школьный учитель, сгибая свой станъ на-двое, стоялъ около него съ нѣжной улыбкой, а его жена, порхая по комнатѣ, пыталась убѣдить его въ томъ, что онъ совсѣмъ не обѣдалъ на постояломъ дворѣ и что онъ поступилъ бы отлично, скушавъ фрикассэ изъ кролика. Оба они въ одинъ голосъ называли его „моимъ кузеномъ“ и, казалось, находили въ этомъ словѣ чарующую гармонію. Наконецъ, замѣтивъ Франсуа, забившагося подъ столъ, они схватили его за шиворотъ и силой притащили его къ высокому гостю, къ самымъ его колѣнямъ, повторяя:

— Это твой кузенъ. Мой кузенъ, это вашъ маленькій Франсуа; онъ такъ счастливъ, видя васъ.

Но кузенъ, безмятежный, какъ гомеровскій богъ, отстранилъ Франсуа, сложилъ руки на животѣ, вертѣлъ большіе пальцы и переносилъ потокъ любезностей съ ясностью человѣка, предоставляющаго водѣ протекать.

Наконецъ, онъ заговорилъ, и вы можете повѣрить, что никто не смѣлъ прерывать его. Говоря по правдѣ, онъ въ ту минуту разговаривалъ самъ съ собой, громко внося порядокъ въ свои мысли и нисколько не заботясь о четѣ, слушавшей его, разинувъ ротъ:

— Отвратительная мѣстность! Къ чему я ѣхалъ въ этотъ департаментъ балбесовъ? Никого у священниковъ, никого въ школахъ, 300 франковъ путевыхъ издержекъ; некому распространять объявленія и слѣдить за кухней. У меня будетъ скверный пріемъ учениковъ, а Маруа — мой конкурентъ, этотъ неутомимый человѣкъ, вмѣстѣ со своимъ инспекторомъ стараются во всю.

Онъ обернулся къ бѣдному школьному учителю и сухимъ, властнымъ тономъ повелѣвающаго парижанина, начальника учебнаго заведенія, человѣка богатаго, съ большимъ животомъ и съ брелоками, сказалъ ему лишь эти слова:

— Есть ли у тебя кто-нибудь?

— Что бы вамъ нужно было, мой кузенъ?

— Усерднаго мальчика лѣтъ тринадцати или четырнадцати, прилежнаго, съ хорошей памятью, знающаго латынь, готоваго изучить греческій; никакихъ родственниковъ въ Парижѣ; никакихъ отпусковъ по воскресеньямъ; никакихъ лѣтнихъ каникулъ. Если онъ получитъ двѣ награды на экзаменѣ въ концѣ года, я даю ему полный пансіонъ; обмундировку—за лишнюю второстепенную награду; десять су въ недѣлю, если онъ ихъ получитъ двѣ. Книги - награды останутся у него, и я буду доставлять ему бумагу, перья, чернила и учебники.

— Но это великолѣпно! Если бы вы согласились, Франсуа подошелъ бы вамъ.

— Франсуа—гусь.

— О, кузенъ!

— Франсуа весь въ отца. У тебя нѣтъ никого другого? Покойной ночи.

Онъ взялъ свою трость, величественно помахалъ рукой въ знакъ прощанія и вышелъ въ сопровожденіи женщины, которая, съ фонаремъ въ рукѣ, проводила его съ приличествуемымъ почтеніемъ до гостиницы.

Этьену пришлось отнять свою куртку, такъ какъ никто не думалъ о томъ, чтобы возвратить ему ее: онъ отобралъ ее машинально, до того его голова была переполнена и находилась какъ бы во власти новыхъ могучихъ мыслей. Словно удары хлыстомъ, отразились на немъ всѣ жестокія слова его хозяевъ, и онъ понялъ, что судейскіе и дѣловые люди смотрѣли на него, какъ на помѣху или какъ на добычу. Его слухъ непріятно задѣвали крики женщины; ему казалось, что онъ прожилъ недѣлю среди ворчливыхъ, злобныхъ собакъ и кошекъ. Эти крючковатыя руки, протянутыя къ добычѣ, это низкое лукавство, это то грубое, то заискивающее обращеніе, эти лица, неискреннія или обезображенныя заботами своего ремесла, это безпрерывное владычество насущнаго хлѣба и денегъ казались ему тяжелымъ и нездоровымъ сномъ: онъ думалъ о хорошенькой комнатѣ своего отца, обтянутой синимъ, освѣщенной нѣжнымъ отблескомъ лампъ, о тонкомъ насмѣшливомъ лицѣ, объ его спокойномъ голосѣ, произносившемъ такъ хорошо всѣ слова, которыя онъ слушалъ съ

удовольствіемъ даже тогда, когда они насмѣхались надъ нимъ. Онъ представилъ себѣ схватки столяровъ-подмастерьевъ, которые по вечерамъ на улицѣ пускали въ ходъ кулаки и ругань, и рѣшилъ, что нужно сдѣлать все для того, чтобы стать такимъ человѣкомъ, какъ его отецъ, и жить впослѣдствіи съ иными людьми, чѣмъ школьный учитель и подмастерья.

Онъ не спалъ всю ночь, а утромъ, въ шесть часовъ, одѣлся такъ быстро, какъ только могъ, вышелъ изъ дому, никому ничего не говоря, и отправился въ гостиницу спросить того толстаго господина, котораго видѣлъ наканунѣ вечеромъ. Сердце Этьена билось изо всѣхъ силъ, когда онъ вошелъ въ комнату, гдѣ этотъ послѣдній завтракалъ, развалившись въ креслѣ и завернувшись въ халатъ. Этьенъ приблизился къ нему, не зная, сможетъ ли онъ заговорить, ибо стѣны комнаты качались вокругъ него, а слова застревали въ горлѣ. Тѣмъ не менѣе онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и проговорилъ:

— Меня зовутъ Этьеномъ; отецъ мой умеръ десять дней тому назадъ; я хочу ѣхать въ Парижъ въ большой пансіонъ; я слышалъ то, что вы говорили вчера вечеромъ. Согласны ли вы принять меня къ себѣ?

— Гмъ... Другъ мой, знаешь ли ты что-нибудь?

— Я выучусь.

— Какъ онъ это говоритъ! Выучишь ли ты греческій языкъ въ десять мѣсяцевъ настолько, чтобы получить награду на конкурсѣ?

Этьенъ подумалъ; онъ не хотѣлъ говорить ничего лживаго или такого, въ чемъ бы онъ не былъ увѣренъ. Спустя нѣкоторое время онъ заговорилъ снова:

— Изучилъ ли кто-нибудь греческій языкъ въ десять мѣсяцевъ?

— Да, Роллэ, получившій почетную награду, изъ учебнаго заведенія Баррэ, первый ученикъ, принятый одновременно и въ нормальное и политехническое училище. Сдѣлаешь ли ты то же самое?

— Я сдѣлаю то же самое.

— Какъ можешь ты это знать?

— Я буду работать больше, чѣмъ онъ.

При этихъ словахъ г. Карпантье внимательно посмотрѣлъ на Этьена, который стоялъ прямо, высоко поднявъ голову; капельки пота блестѣли у корней его волосъ, а голосъ его сталъ дрожать, какъ у сомнамбулы. „У этого мальчика есть характеръ“,

сказалъ себѣ негоціантъ и подумалъ, что могъ бы принять предложеніе; поэтому онъ сдѣлалъ видъ, что рѣшительно отклоняетъ его.

— Все это такъ говорится, мнѣ такія слова знакомы. Что же ты знаешь?

— Отецъ заставлялъ меня читать „Цезаря"; книга у меня въ карманѣ; если хотите, я переведу вамъ.

Г. Карпантье взялъ книгу, удостовѣрился, что между строчками не было перевода, открылъ одну изъ тѣхъ страницъ, которыхъ обыкновенно не объясняютъ, и пальцемъ указалъ мѣсто. Этьенъ прочелъ фразу по-французски съ легкостью, которой у него никогда не было; ему казалось, что кто-то потихоньку подсказывалъ ему каждую фразу. Раза два или три г. Карпантье бралъ у него книгу, выбиралъ другое мѣсто для того, чтобы убѣдиться, что здѣсь не было никакого обмана. Этьенъ читалъ все такъ же бѣгло, сразу схватывая нить мыслей, угадывая смыслъ, придавая тонъ и удачно выбирая выраженія; въ первый разъ въ жизни онъ достигъ той невольной напряженности силъ и усилія, которая зовется вдохновеніемъ. Г. Карпантье подумалъ сначала, что онъ отвѣчаетъ заученный урокъ; но интонаціи Этьена были до того естественны, что ошибиться было невозможно; онъ, несомнѣнно, находилъ выраженія, по мѣрѣ того, какъ читалъ. Ничто не могло больше изумить человѣка, привыкшаго слышать учениковъ, которые однообразно мямлятъ свои переводы, словно шарманки. „Да, тутъ цѣлый складъ наградъ", сказалъ онъ себѣ и, предвкушая заранѣе великолѣпныя рекламы, которыя онъ сможетъ напечатать въ газетахъ, онъ захотѣлъ было обнять Этьена. Но дѣловые люди сдерживаются. Вмѣсто того, чтобы вскочить со своего кресла, онъ снова развалился въ немъ, не производя никакого шума, и началъ очень явно зѣвать.

— Это недурно, но есть нѣкоторыя упущенія во французскомъ языкѣ. Къ тому же у меня большіе расходы, на награду никогда нельзя разсчитывать: бываютъ ученики изъ крестьянъ, которые получаютъ награды, какъ стипендіаты, а мое правило—не подвергаться риску.

— Для васъ нѣтъ риска. Мировой судья сказалъ вчера, что у меня есть тысяча четыреста семнадцать франковъ.

Дѣло становилось совсѣмъ выгоднымъ. Г. Карпантье погасилъ блескъ своихъ сѣрыхъ глазъ, высморкался съ удовольствіемъ и отечески заговорилъ:

— Мой юный другъ, вы хорошо дѣлаете, любя науки. Что до меня, то я ихъ обожаю; куда бы я ни отправлялся, я всегда имѣю при себѣ въ карманѣ какого-нибудь классика, и вечеромъ

всегда кладу его на свой ночной столикъ, чтобы прочесть страницу на сонъ грядущій. Такъ какъ вы слышали меня вчера, то вы знаете, что я намѣренъ поощрять хорошее ученіе и что я не откажусь отъ жертвъ, если вы будете признательны!

— Я не буду вамъ признателенъ и не прошу у васъ жертвъ. За двѣ награды вы предлагаете содержать годъ въ пансіонѣ—я ихъ получу; если я ихъ не получу, то я вамъ заплачу. Во всякомъ случаѣ мы будемъ квиты.

— Итакъ, вы думаете, что пришли ко мнѣ, какъ на торгъ?

— Какъ на торгъ. Я не принимаю милостыни.

Г. Карпантье широко раскрылъ глаза; съ нимъ никогда не разговаривали такимъ тономъ; но онъ не зналъ, что̀ ему отвѣчать, потому что умѣлъ обращаться лишь съ опредѣленнымъ кругомъ людей, а Этьенъ совсѣмъ сбилъ его съ толку. Этьенъ, со своей стороны, говорилъ, какъ во снѣ, не слыша звуковъ своего собственнаго голоса, не видя ничего вокругъ себя, углубившись умомъ съ какимъ-то яростнымъ вниманіемъ въ свое намѣреніе, отдавшись всецѣло прибою мыслей, забывъ, что г. Карпантье—толстый, большой, пожилой, почтенный и исполненный почтенія къ самому себѣ. Въ то мгновеніе онъ почувствовалъ бы себя ровней съ принцемъ и обращался бы съ нимъ, какъ духъ съ духомъ. Вдругъ онъ шагнулъ къ своему хозяину, протянулъ ему руку и сказалъ:

— Итакъ, это дѣло рѣшено?

Его движеніе было до того мужественно, что тотъ оставилъ всѣ свои хитрости и положилъ свою руку въ его руку, повторивъ просто:

— Рѣшено.

Они тотчасъ же отправились къ школьному учителю, чтобы приняться за приготовленія къ отъѣзду.

— Мсьё Перро,—сказалъ ему Этьенъ,—благодарю васъ за ваше рукопожатіе въ день похоронъ. Мадамъ Перро, я пробылъ у васъ десять дней; съ сегодняшнимъ выходитъ одиннадцать; по сорока су это составляетъ двадцать два франка. Франсуа, я дарю тебѣ свою куртку; если ты собираешься броситься мнѣ на шею, то высморкай сначала носъ.

При заходѣ солнца онъ вышелъ одинъ и захотѣлъ пойти на кладбище; но когда онъ достигъ порога, имъ овладѣла прежняя тоска, и онъ остановился; на него смотрѣлъ сторожъ, и ему не хотѣлось выставлять себя на показъ. Онъ вернулся въ домъ своего отца, вошелъ въ комнату; ничего не было еще продано, все стояло на своемъ мѣстѣ. Онъ сѣлъ, но не робко, не съ смут-

ными мыслями, какъ раньше; онъ совершилъ поступокъ и ясно постигалъ свою волю. Онъ подумалъ о своемъ отцѣ, котораго до сихъ поръ скорѣе уважалъ, чѣмъ любилъ, нашелъ его добрымъ, противопоставивъ другимъ, и вдругъ издали полюбилъ его. Вечерній свѣтъ спускался на блѣдныя панно, а сверчки трещали отъ всей души въ туманѣ, на лужайкѣ. Онъ чувствовалъ приступъ слезъ, какъ вдругъ увидѣлъ г. Карпантье. Достойный негоціантъ хотѣлъ посмотрѣть, куда дѣвался его товаръ. Этьенъ кашля́нулъ и вышелъ твердымъ шагомъ, насвистывая пѣсенку.

III.

Путешествіе.

Около одиннадцати часовъ вечера они сѣли въ дилижансъ. Этьенъ предпочелъ вскарабкаться наверхъ; г. Карпантье не препятствовалъ этому, разсчитывая, что останется въ купэ одинъ и выспится въ волю.

Взобравшись на скамейку рядомъ съ кондукторомъ, Этьенъ прислушивался съ какимъ-то головокруженіемъ къ щелканью бича, къ скрипу колесъ, къ грохоту мостовой, попираемой ихъ проѣздомъ. Стекла дрожали, собаки лаяли, шалуны прицѣплялись сзади каретки, служанки выбѣгали на порогъ дверей, всѣ смотрѣли. Кондукторъ дулъ въ свой рожокъ. Этьенъ, сидѣвшій рядомъ съ нимъ, внимательно разсматривалъ надувавшіяся жилы на его шеѣ и его лицо, становившееся краснымъ. Но онъ только и дѣлалъ, что смотрѣлъ. Этотъ гамъ былъ для него до того новымъ, что онъ забылъ о печали; это похоже былъ на тотъ гамъ, который подымаютъ шарлатаны, вырывающіе зубы на подмосткахъ и заглушающіе посредствомъ шума крики и, можетъ быть, также половину боли паціента.

Понемногу холмы, къ виду которыхъ привыкли взоры Этьена, и послѣдніе заборы, гдѣ онъ таскалъ тутовыя ягоды, исчезли; при свѣтѣ луны онъ видѣлъ лишь одинъ огромный невѣдомый пейзажъ, который все уходилъ вдаль. Однообразный и рѣзкій грохотъ колесъ, запахъ кожи и дорожныхъ вещей раздражали его меньше, и онъ могъ свободно отдаться мечтамъ, ибо кондукторъ молчаливо курилъ свою трубку и, такъ какъ никогда не видѣлъ его, не подумалъ сказать ему ни одного слова. Тогда онъ почувствовалъ себя одинокимъ и угрюмымъ; ему стало казаться, что, удаляясь такимъ образомъ отъ всѣхъ знакомыхъ ему лицъ и предметовъ, онъ теряетъ лучшую часть самого себя и что онъ

выброшенъ, словно обнаженный человѣкъ въ пустынѣ. Нѣмые и темные лѣса, тянувшіеся справа и слѣва, казались ему наполненными чѣмъ-то необычайнымъ и опаснымъ, и когда онъ издали замѣчалъ на дорогѣ тѣнь дерева покрупнѣе другихъ, онъ чувствовалъ, какъ его грудь сжималась, словно отъ прикосновенія какого-то невѣдомаго существа. Экипажъ проѣхалъ съ большимъ грохотомъ черезъ нѣсколько сонныхъ селъ, и дома съ длинными согнутыми крышами, встававшіе вдругъ, словно стадо, по обѣимъ сторонамъ дороги, были похожи на живыхъ людей, неожиданно спугнутыхъ среди сна. Фонари, освѣщавшіе наискось лошадей, бросали на дорогу фантастическія тѣни, а крупная освѣщенная повозка, катившаяся среди неподвижной деревни, походила на большого разъяреннаго звѣря, пущеннаго въ тихой странѣ, чтобы наводить на нее страхъ.

Эти сильныя ощущенія улеглись понемногу; Этьенъ сталъ смотрѣть на легкій паръ, клубившійся, какъ газъ, въ ложбинахъ и на луну, отъ которой сдѣлалось бѣлымъ большое блѣдное небо. Этотъ свѣтъ тихо покоился на лужайкахъ; ни малѣйшаго вѣянья вѣтра не шевелило листьями, даже березы не дрожали. Ихъ тонкіе серебристые стволы мелькали въ неясномъ мракѣ; склоненныя подъ своими сѣроватыми султанами, онѣ казались такими нѣжными, такими прелестными, что ихъ легко можно было бы принять за ночныхъ фей. Тутъ и тамъ среди кустовъ храбро возвышались могучіе дубы. Межъ стволами виднѣлись клочки далекаго неба и его нѣжный блескъ, похожій на блескъ шелковаго пояса. Свѣжесть и благовонія поднимались вокругъ отъ отдохнувшихъ травъ, и этотъ неподвижный міръ казался гораздо счастливѣе, чѣмъ міръ людей.

Слѣва звѣзды померкли; блѣдный свѣтъ заполнилъ края неба, увеличился, сталъ ярче, а на горизонтѣ прозрачное небо стало такимъ же яснымъ, какъ перламутровая раковина. Незамѣтная краснота легла на полоску облаковъ, которыя, казалось, стелились на полфута отъ земли. Полоска загорѣлась, какъ золото, плавимое въ печи, а маленькія облачка, разсыпавшись въ лазури, засверкали, какъ рубины. Вдругъ въ концѣ равнины показалось огненное остріе; снопъ лучей брызнулъ и, скользнувъ наискось, по вспаханному полю, коснулся верхушки пригорковъ и кочекъ, посеребривъ паутины, наканунѣ разставленныя пауками во всѣхъ уголкахъ земли.

Обширное поле смѣялось; жаворонки заливались, подымаясь въ легкомъ вѣтеркѣ. Великолѣпный свѣтъ проникалъ сквозь преграду деревьевъ и будилъ множество насѣкомыхъ, скрытыхъ среди ра-

стеній. Даже старый мохъ, весь порыжѣвшій за лѣто, казалось, вновь радовался новому солнцу и искалъ въ землѣ послѣдніе соки. Это солнце, эти травы, эти поля были совершенно похожи на тѣ, что Этьенъ видѣлъ всегда, и казались такими же благотворными и радостными, какъ и прежнія. За исключеніемъ нѣсколькихъ людей, ничто не измѣнилось вокругъ него, и онъ почувствовалъ себя сильнымъ при мысли о томъ, что, гдѣ бы онъ ни очутился, онъ всегда будетъ въ одномъ и томъ же мірѣ...

Экипажъ катился такъ до вечера, но множество предметовъ въ концѣ-концовъ притупило ощущенія Этьена. Онъ сталъ видѣть предметы только глазами, а не душой. Развертывались пейзажи— онъ не замѣчалъ ихъ; онъ задумывался, чувства его молчали, а голова была переполнена.

Около шести часовъ онъ замѣтилъ, что экипажи стали многочисленнѣе и потянулись рядами. Деревья были до того покрыты пылью, что уже не казались зелеными; по боковымъ аллеямъ шли стада быковъ, а поля капусты и овощей протягивались далеко въ пространство своими однообразными грядами нездороваго цвѣта. Со всѣхъ сторонъ почву пробивали каменоломни и колеса дилижанса подвигались медленно, словно круглая паутина трудолюбиваго паука. Дома, кабаки выскакивали справо и слѣво, на тысячи мѣстахъ, безпорядочно, среди раскопанной земли, словно стая испуганныхъ птицъ, которыя ищутъ себѣ добычу. На поворотѣ дороги Этьенъ смутно увидѣлъ нѣчто такое, о чемъ онъ не имѣлъ никакого понятія,—огромную сѣроватую груду, зубчатую и выпуклую, покрывавшую равнину, долъ со всѣми его впадинами, поднимавшуюся на холмы и вонзавшую свою поблекшую бахрому въ красноватый край неба. Все было захвачено до малѣйшаго уголка; ни дерева, ни лужайки; почва исчезала подъ этимъ каменнымъ произрастаніемъ, которое, скучиваясь, все подвигалось и раскидывало свои нездоровые наросты до полей, бывшихъ еще свободными, до самаго горизонта. Начинали зажигать свѣтъ, толпились прохожіе, и экипажъ, достигшій заставы, сразу спустился внизъ по большой темной улицѣ.

Вечеръ наступилъ окончательно, и газовые рожки замерцали надъ человѣческимъ муравейникомъ. Крики, грохотъ шумныхъ колесъ врывались въ неясный, безмѣрный ропотъ. Озабоченныя лица, стремительныя движенія, высокіе дома со множествомъ прорубленныхъ оконъ, афиши и вывѣски, блистающія лавки, въ которыя входила и гдѣ кишѣла черная толпа, стеченіе экипажей, которые быстро подвигались и скрещивались, трудъ и торопливость, замѣтные—показались Этьену чѣмъ-то страннымъ и ужас-

нымъ; онъ вспомнилъ одного сосѣда, видѣннаго имъ больнымъ въ бреду; тотъ кричалъ, и глаза его были воспалены отъ жара. Все новыя и новыя улицы разстилались и пересѣкались передъ дилижансомъ. Кишмя кишѣли лица. Этьенъ не думалъ, что на свѣтѣ такъ много людей, и чувствовалъ себя погибшимъ, какъ человѣкъ въ лодкѣ, одинъ на одинъ съ морской бурей. Эта запачканная черноватая мостовая, эти свѣтлыя лужи, блестѣвшія на грязи, воздухъ, сгущенный человѣческими выдыханіями и какъ бы зараженный ими лихорадкой, газовое пламя, пятнавшее глубокій мракъ—повергли его новому потрясенію, и онъ почувствовалъ, что почти такъ же возбужденъ, что его воля напряжена такъ же, какъ наканунѣ въ тотъ часъ, когда наединѣ со своимъ учителемъ онъ рѣшилъ свою судьбу.

Они сѣли въ фіакръ и, спустя полчаса, въѣхали, одной изъ пустынныхъ улицъ Марэ, подъ длинный навѣсъ, замыкавшійся рѣшеткой. Г. Карпантье, какъ человѣкъ проворный, приказалъ тотчасъ же отнести вещи Этьена въ бѣльевую и въ дортуаръ, выдалъ ему номеръ и повелъ въ классъ.

— Г. Серве,—сказалъ онъ классному наставнику,—вотъ новый ученикъ, который поступаетъ въ третій классъ; дайте ему книги и все, что ему нужно и найдите ему мѣсто.

На второй скамейкѣ была свободная парта. Этьенъ сѣлъ за нее, ничего не говоря, и, точно такъ же, ничего не говоря, классный наставникъ принесъ ему словари и классиковъ. Ихъ какъ разъ былъ готовый подборъ, такъ какъ одинъ захворавшій и увезенный родными ученикъ оставилъ всѣ свои пожитки.

— Очень вамъ благодаренъ, мсьё,—сказалъ Этьенъ.

Когда онъ произносилъ эти слова, кротко и съ поклономъ, какъ онъ привыкъ это дѣлать при отцѣ, онъ увидѣлъ, какъ оба его сосѣда насмѣшливо покосились въ его сторону, а спустя нѣкоторое время онъ услышалъ, какъ одинъ изъ нихъ тихонько сказалъ:

— Хорошъ гусь; и говоритъ-то словно барышня!

Онъ посмотрѣлъ вокругъ себя и увидѣлъ безпокойныя, сумрачныя и брюзгливыя лица. Одни изъ нихъ сдѣлали себѣ ширмы изъ своихъ словарей, другіе прятали голову за крышкой своей парты, многіе стругали ножикомъ столъ; нѣкоторые, навалившись на грудь или на локти, съ видимымъ отвращеніемъ читали учебники, у которыхъ загибали углы. У большей части былъ такой видъ, будто они обманывали и вмѣстѣ съ тѣмъ боялись быть замѣченными въ обманѣ. Время отъ времени легкій шопотъ или

скрипъ пера по бумагѣ, или легкій трескъ вырѣзаемаго дерева нарушали молчаніе. Классный наставникъ тихо подымалъ глаза, словно подкарауливая что-то. Зазвонилъ колоколъ, и всѣ повскакали, напяливая свои картузы и сразу перекидывая обѣ ноги черезъ скамейку. Они съ большимъ шумомъ открыли дверь, одни изъ нихъ потягивали руки, другіе садились верхомъ на хребты своихъ товарищей; они толкались у двери, и добрые друзья, обмѣнявшись рукопожатіями, шли веселиться и отдыхать.

Этьенъ прошелъ за всѣми до столовой, и ему указали на мѣсто въ углу большого стола, покрытаго клеенкой, облитой виномъ и покрытой жирными пятнами. Онъ поѣлъ сомнительнаго супа, затѣмъ пожевалъ, какъ могъ лучше, кусокъ мяса, бывшаго не особенно вкуснымъ, но зато очень твердымъ. Какой-то сильный запахъ вдругъ поразилъ его обоняніе: то появились сельди, заправленныя горчицей. Онъ смотрѣлъ на свою селедку, не имѣя охоты прикоснуться къ ней вилкой, какъ вдругъ услышалъ чей-то голосъ, говорившій противъ него: „Сапожную подметку за горчичникъ". Никто не отозвался; но любитель горчичниковъ, видя, что Этьенъ не дотрагивался до своей тарелки, ловко подцѣпилъ знаменитую селедку, которую и проглотилъ въ то же мгновеніе, отсылая взамѣнъ ее сапожную подметку. Четверть часа спустя учитель пробормоталъ себѣ подъ носъ латинскую молитву, съ которой онъ торопился, какъ только могъ, въ то время какъ слушатели запихивали въ карманы куски хлѣба или складывали свои салфетки. Всѣ поднялись въ дортуаръ, а на лѣстницѣ мѣняла сказалъ Этьену:

— Если ты не любишь чернослива, то я оставляю его за собой; ты получишь мое варенье.

Этьенъ отыскалъ свою кроватъ № 169 и легъ. Онъ находилъ страннымъ и непріятнымъ спать такъ, въ компаніи. Два кенкета, поставленные въ двухъ концахъ дортуара, бросали отсвѣтъ на всѣ головы; а кроватъ учителя, стоявшая на возвышеніи, давала ему возможностъ замѣчать малѣйшее движеніе. Между тѣмъ онъ прохаживался, производя свой дозоръ, и сапоги его скрипѣли по полу. Чьи-то шептавшіеся голоса раздались изъ двухъ кроватей, бывшихъ направо отъ Этьена: учитель услышалъ ихъ и грубымъ тономъ оставилъ обоихъ провинившихся безъ отпуска.

— Тутъ, какъ въ тюрьмѣ,—сказалъ себѣ Этьенъ, и ему стало грустно. Черезъ нѣкоторое время онъ продолжалъ:—Для нихъ, можетъ быть, но не для меня, такъ какъ я самъ хотѣлъ поступить сюда, и я знаю, что все еще хочу этого.

Это гордое сознаніе возвысило его душу, и онъ почувствовалъ

себя какъ дома на этой узкой кровати, въ общей комнатѣ, подъ любопытными или враждебными взглядами и, вдругъ успокоившись, онъ заснулъ.

IV.

Пансіонъ.

Первыя недѣли показались Этьену менѣе грустными, чѣмъ онъ ожидалъ, по крайней мѣрѣ, тѣ часы, что онъ проводилъ за ученіемъ; дѣло въ томъ, что онъ работалъ изо всѣхъ силъ, прежде всего повинуясь своей волѣ, такъ какъ обѣщалъ себѣ это, но также по увлеченію и подъ вліяніемъ какого-то нервнаго страха, такъ какъ онъ боялся, что классный наставникъ можетъ отнестись къ нему гнѣвно или презрительно. Тяжелыя мысли являлись во время перемѣны; Этьену вовсе не хотѣлось играть; да, впрочемъ, и его товарищи вовсе не играли; въ настоящее время учащаяся молодежь находитъ больше удовольствія въ болтовнѣ, чѣмъ въ бѣготнѣ.

На дворѣ пансіона было три тополя, еще зеленыхъ и живыхъ, составлявшихъ яркую противоположность съ высокими стѣнами и окнами, идущими рядами словно въ казармѣ. Этьенъ подолгу смотрѣлъ на покачивавшіяся верхушки этихъ тополей и слѣдилъ за каждымъ пожелтѣвшимъ листомъ, который падалъ, кружась. Тутъ и тамъ, по группамъ, кружились по мощеной полоскѣ, шедшей вдоль строеній, ученики въ грязной формѣ. Нѣкоторые изъ нихъ садились съ южной стороны, въ углу межъ двухъ стѣнъ, чтобы погрѣться на осеннемъ солнцѣ, не безпокоясь о пыльныхъ пятнахъ. Они относились съ какимъ-то хвастовствомъ къ тому, что портили свою одежду и покрывали ее чернильными пятнами, думая, что такимъ образомъ отличаются отъ изнѣженныхъ дэнди и ведутъ себя какъ мужчины. Другіе уходили тайно курить отвратительныя сигары въ еще болѣе отвратительныя мѣста; возвращаясь откуда, они наводили тошноту на себя и на другихъ. Посреди двора находилась конура подъ навѣсомъ, а въ ней — старая женщина, державшая маленькую лавочку, краснолицая и поблекшая словно старое яблоко, съ угасшимъ взоромъ, окаменѣвшая отъ долгихъ зимнихъ бездѣлій, ставшая почти идіоткой и нѣмой, отвыкшая отъ употребленія словъ за исключеніемъ тѣхъ, которыя были ей нужны для того, чтобы назначать свои цѣны и требовать свой долгъ. Ее называли „старухой“. „Старуха, мнѣ нуженъ мячъ; старуха, мнѣ слѣдуетъ отпустить въ кредитъ ячменный сахаръ“. Она протягивала свою коричневатую, обезо-

браженную огромными выступавшими жилами руку сквозь рѣшетку, и Этьенъ изумлялся, что кто-нибудь могъ ѣсть яблоки, прошедшія черезъ подобную руку.

Два раза въ день они ходили въ коллэджъ; пары проходили одна за другой подъ надзоромъ маленькаго человѣка, проворнаго, ловкаго и чисто одѣтаго, который ежедневно, въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, подъ дождемъ, подъ солнцемъ, во время снѣга, во время каникулъ,—бѣгалъ той же рысцой, держась крѣпко на ногахъ, въ скромной шляпѣ и въ вычищенномъ платьѣ. Спустя двѣ недѣли Этьенъ узналъ всѣ дома и всѣ вывѣски. Сколько онъ ни убѣждалъ себя, ему все же казалось страннымъ видѣть ихъ постоянно на томъ же самомъ мѣстѣ. И бойкій бакалейщикъ на углу, озабоченный среди своего чернослива, и портной, который на поворотѣ улицы, поджавъ ноги, всегда вытягивалъ свою иголку, казались ему картонными машинами, и онъ смотрѣлъ на нихъ со страстнымъ вниманіемъ, выжидая все время, что что-нибудь измѣнится въ ихъ лицѣ или въ ихъ позѣ, но тщетно. Всегда, когда вновь доходили до нихъ, онъ слышалъ однѣ и тѣ же шутки; портного звали Фритце, и сосѣдъ Этьена старался, проходя мимо, при помощи свиста произнести это имя. Четырежды въ день онъ принимался за это и свистъ продолжался по пяти минутъ; чрезмѣрная скука всегда заставляетъ людей повторять одно и то же движеніе, какъ бѣлку, вертящуюся въ клѣткѣ. Когда какой-нибудь школьникъ мѣнялъ костюмъ — цѣлаго града замѣчаній хватало на три дня; жадные взгляды отдыхали на этой новинкѣ. Сосѣдъ Этьена занимался тѣмъ, что считалъ заплаты на синей курткѣ, шедшей передъ нимъ; время отъ времени на матеріи показывалась новая дыра, и они показывали на нее другъ другу пальцемъ, говоря:

— Вотъ еще звѣзда на небѣ.

Глаза разбѣгались направо и налѣво, отыскивая себѣ занятіе. Приходили въ коллэджъ; билъ барабанъ; въ галлереѣ развертывался цѣлый потокъ форменныхъ одеждъ, каждый пансіонъ стоялъ на своемъ мѣстѣ и подъ своимъ знаменемъ. Продолжительный, неясный ропотъ пробѣгалъ подъ сводами; нѣсколько безцвѣтныхъ фигуръ, въ черныхъ одеждахъ съ брыжжами, переходили черезъ дворъ, размахивая руками словно вороны—крыльями. Затѣмъ муравейникъ раздѣлялся, и каждая стая поглощалась своимъ классомъ; тѣла наваливались на скамейки безъ столовъ, тѣснимыя сзади ногами сосѣда. Начиналась рутина уроковъ и наказаній. Почти всѣ переносили ихъ съ рѣшимостью, хладнокровно, точно такъ же, какъ переносятъ дождь на улицѣ, не имѣя зонта.

Единственнымъ утѣшеніемъ для нѣженокъ служило то, что они старались свѣситься изъ своихъ скамеекъ такъ, чтобы имѣть удовольствіе прислонить свою спину къ стѣнѣ и болтать ногами. Впрочемъ, всѣ они, лѣнивые и старательные, напрягали со страстнымъ любопытствомъ свои чувства при малѣйшемъ свершавшемся событіи; люди этого возраста живутъ глазами и внѣшнимъ міромъ. Однажды по полу пробѣжала мышь: весь классъ, слѣдившій за ней въ продолженіе четверти часа, ринулся со своихъ скамеекъ, словно лавина. Не было ни одного ученика, который не зналъ бы возраста, тоги и шапочки учителя и который не замѣтилъ бы, что онъ побрился; всѣ они, до самыхъ глупыхъ включительно, могли бы изобразить его тонъ и его жесты. Къ концу ученія тетради складывались, книги завязывались, одежда застегивалась, напряженныя уши высчитывали минуты и, при первомъ звукѣ барабана, каждый рядъ подскакивалъ, стремясь покинуть свою скамейку. Снова раздавался говоръ, затѣмъ — дефилада и маршъ; и далеко впередъ, до безконечности, виднѣлась каждая недѣля съ той же свитой принужденія и скуки.

По воскресеньямъ, въ девять часовъ, послѣ большой чистки, они отправлялись въ церковь, и ихъ заботливо разставляли словно барановъ, вдоль стѣны для того, чтобы помѣшать имъ сообщаться съ посторонними. Все же невозможно было помѣшать проходить мимо время отъ времени нѣсколькимъ женщинамъ, при видѣ которыхъ болѣе взрослые застегивали перчатки и дѣлали пріятное лицо. Остальные отчаянно зѣвали потихоньку; нѣкоторые занимались выдергиваніемъ соломы изъ своихъ стульевъ. Самые смирные посасывали съ сердечнымъ сокрушеніемъ палочки ячменнаго сахара; двое или трое, любящихъ почитать, приносили вмѣсто молитвенника какую-нибудь другую книгу, и однажды возмущенный классный наставникъ поймалъ Раблэ. Этьенъ попытался слушать проповѣдь, но проповѣдникъ, по обыкновенію, разводилъ словопреніе и метафизику въ тонѣ пастырскаго посланія и въ стилѣ плохой газеты, такъ что молодые люди ничего не запоминали, кромѣ того, что онъ вспотѣлъ и что у него батистовый платокъ. Церковное пѣніе было на латинскомъ языкѣ, который они ненавидѣли; кромѣ того, это былъ скверный языкъ, до того скверный, что они сами замѣчали его смѣшныя стороны. Мистическія чувства и библейскія мысли, выражаемыя имъ, были очень далеки отъ ихъ точныхъ и насмѣшливыхъ воззрѣній. Непріятный ревъ пѣвчихъ и жалобный и однообразный напѣвъ псалмовъ, какъ будто бы сочиненныхъ для чахлыхъ монахинь, не были въ состояніи растрогать насмѣшливыхъ и проворныхъ

мальчиковъ. Этьена, кромѣ того, все это раздражало, и онъ проводилъ время за разсматриваніемъ смѣлой картины Шассеріо, обходившей вокругъ главнаго алтаря, и на которой видны были величественные пейзажи, туманные и фіолетовые горизонты и груда тѣлъ, обнаженныхъ или окровавленныхъ, подъ покровами.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ учениковъ повели группами на исповѣдь; треть класса продѣлала это пристойно; остальные взяли руководство къ грѣхамъ и списали съ нихъ свою исповѣдь; человѣкъ двадцать изъ нихъ тщательно списали слово въ слово одно и то же. На восьмомъ, разсерженный священникъ вышелъ изъ исповѣдальни и выставилъ ихъ всѣхъ за дверь. Этьенъ не пожелалъ поступить ни какъ одни, ни какъ другіе; мятежникамъ, желавшимъ переманить его въ свое стадо, онъ велѣлъ убираться и оставить его въ покоѣ, а учителю, увѣщававшему его покориться, онъ отвѣтилъ, что, въ этомъ случаѣ, онъ поступитъ по своему усмотрѣнію, а не по усмотрѣнію другихъ. Поэтому онъ показался подозрительнымъ обѣимъ сторонамъ; впрочемъ, многое въ немъ не нравилось, и онъ не разъ шокировалъ всѣхъ. Однажды, будучи разсѣяннымъ, онъ нечаянно стукнулъ ногой; онъ тотчасъ же, не отговариваясь, сознался въ этомъ и былъ за это оставленъ.

— Какой ты дуракъ,—сказали ему сосѣди,—ты бы лучше отнѣкивался.

— Я объ этомъ подумалъ, но не захотѣлъ.

— Почему? Здѣсь всѣ такъ дѣлаютъ!

— Лгутъ только слуги!

Благодаря двумъ-тремъ подобнымъ поступкамъ Этьена стали считать святошей и дурачкомъ, и однажды пополудни, когда онъ проходилъ по двору, ему бросили нѣсколько мячей въ спину. Его даже освистали; онъ ничего не сказалъ, терпѣливо удалился и постарался отыскать себѣ мѣстечко, гдѣ бы могъ оставаться въ покоѣ. Одинъ большой ученикъ второго класса, чувствуя себя въ ударѣ, подошелъ, чтобы подшутить надъ нимъ, и спросилъ, не изъ Понтуазы ли онъ. Такъ какъ Этьенъ ничего ему не отвѣтилъ, ему пришло въ голову высморкать ему носъ, какъ это дѣлаютъ груднымъ младенцамъ, говоря:

— Ну, развѣ мы не прелестны, блѣдная мамина дѣточка?

Этьенъ въ то же мгновеніе далъ ему такую сильную пощечину, что слѣдъ пяти пальцевъ остался запечатлѣннымъ на щекѣ, затѣмъ, съ необычайной ловкостью онъ проскользнулъ подъ его рукой, ударилъ его въ ребра, подножкой свалилъ его на полъ и схватилъ его за горло, упершись обѣими колѣнками въ его желудокъ. Тотъ поднялся и хотѣлъ приняться за свое; но у Этьена

были такіе глаза, что онъ испугался и ушелъ съ руганью, ничего не предпринявъ. Оба сражавшихся были наказаны, и Этьенъ, на котораго до тѣхъ поръ смотрѣли какъ на глупаго деревенскаго жителя, получилъ преимущество быть считаемымъ бѣшенымъ дикаремъ...

Этьенъ попытался завести знакомство съ наиболѣе выдающимися представителями каждаго вида; ибо отличительной чертой его ума было влеченіе ко всему рѣзкому. Сначала изъ расчета, а потомъ и сознательно, онъ пошелъ къ Луи Депретцу, первому среди *зубрилъ*; его товарищи называли его *учебникомъ*, и вполнѣ справедливо. Это былъ коренастый, тяжелый юноша, имѣвшій мужиковатый видъ и близорукіе глаза; никакой шеи, огромная голова, серьги въ ушахъ, маленькій лобъ, плоскіе, прилипавшіе волосы и ноги, стоя на которыхъ, можно выспаться. Кромѣ того, онъ имѣлъ красный, воспаленный цвѣтъ лица и грызъ пальцы до того, что на нихъ не оставалось ногтей. Другого развлеченія онъ не зналъ. Въ продолженіе всего дня, вечеромъ и утромъ, по четвергамъ и воскресеньямъ, его можно было видѣть уткнувшимъ носъ въ книги; во время перемѣнъ онъ мало разговаривалъ, совсѣмъ не игралъ, сознавая свою неловкость; такъ какъ неловкость увеличивается сама по себѣ, то онъ въ концѣ-концовъ почти совершенно покинулъ дворъ и одиноко расхаживалъ вокругъ класса въ часы отдыха. Онъ былъ бретонецъ, сынъ крестьянина; какой-то священникъ взялъ его къ себѣ, затѣмъ онъ провелъ два года въ семинаріи, отраствъ большіе длинные волосы, съ мрачнымъ взоромъ, копаясь въ латыни, какъ онъ раньше копался въ землѣ. Изъ своего происхожденія и изъ своего воспитанія онъ почерпнулъ упрямство и терпѣніе насѣкомаго. Въ его стремленіяхъ была также зависть, зависть мужика, озлобленнаго на помѣщика,—который никогда не получитъ удовлетворенія, но который никогда не устанетъ трудиться и голодать, пока не добьется высмотрѣннаго имъ участка земли. Этимъ участкомъ для Депретца была награда, особенно награда на конкурсѣ; онъ намѣтилъ себѣ эту мысль и внутренно перебиралъ ее въ свои долгіе часы молчаній; отсюда—его странный и мрачный взглядъ, порой сверкавшій подъ его высохшими вѣками.

Но за недостаткомъ ума Депретцу не суждено было когда-либо достигнуть цѣли своихъ мечтаній. Онъ умѣлъ лишь приготовлять урокъ за урокомъ, рѣшать задачи сверхъ заданнаго, переписывать избранныя выраженія, выучивать наизусть множество латинскихъ стиховъ; внѣ этого у него не было никакой изобрѣтательности; съ каждымъ годомъ онъ опускался ниже на одну

ступень среди одноклассниковъ, особенно въ наукахъ, требующихъ нѣкотораго воображенія. Понемногу онъ укрѣпился въ сухой и тернистой области сочиненія и посредственно успѣвалъ еще въ ней, благодаря большимъ запасамъ одобренныхъ и провѣренныхъ отрывковъ, которыми онъ заполнилъ свою память. Учитель хвалилъ его иногда за это и также одобрялъ его поведеніе. Онъ никогда не нарушалъ правилъ, его вещи были всегда въ порядкѣ, и, въ указанный часъ, его одежда была вычищена; оставшись одни, ученики смѣялись надъ этой древней одеждой и надъ этой квадратной, неподвижной спиной, геометрически обрисовывавшейся подъ синимъ сукномъ. Знатоки математики, глядя на его тѣло и на его голову, называли его „шаромъ, вписаннымъ въ цилиндръ". Онъ съ недовѣріемъ встрѣтилъ попытки сближенія Этьена и подумалъ, что у него хотятъ похитить одно изъ его пышныхъ выраженій; онъ посмотрѣлъ на него съ видомъ одновременно хитрымъ и безсмысленнымъ, какъ бы желая дать ему понять, что онъ не такъ глупъ и что неприлично такъ являться для выпытыванія, тихо пробормоталъ нѣсколько словъ по поводу заданнаго урока, удалился со скверной усмѣшкой и запрятался за свою парту, изъ-за которой онъ раза два поднялъ голову, чтобы исподтишка посмотрѣть на слишкомъ любопытное животное, захотѣвшее запустить лапу въ его нору.

Среди негодяевъ первое мѣсто занималъ Арманъ Фаваръ. Онъ былъ худъ, блѣденъ, съ горящими глазами и съ несчастной преждевременною зрѣлостью. Сверхъ темперамента было у него тщеславіе и, благодаря этимъ двумъ двигателямъ, онъ шелъ все дальше, до саморазрушенія, какъ истинный порочный хвастунъ. Чаще всего онъ находился гдѣ-нибудь въ углу на дворѣ и курилъ, тщательно и талантливо проглатывая дымъ или выпуская его внутрь одежды, чтобы обмануть наставниковъ. Когда ему удавалось отлучиться, по дорогѣ въ коллэджъ, онъ отправлялся пить водку и гордился тѣмъ, что могъ подъ рядъ выпивать столько-то рюмокъ. Въ его головѣ былъ репертуаръ безстыдныхъ пѣсенъ, находившихъ слушателей: половое влеченіе уже довольно значительно въ этомъ возрастѣ, а плодъ, хотя бы испорченный, кажется вкуснымъ, потому что онъ невѣдомъ и запрещенъ. Впрочемъ, Фаваръ былъ смѣлъ, дерзокъ, какъ пажъ, безсовѣстно лживъ, скоръ на слово и на наглость, способенъ на всякія выдумки и лишенъ таланта; у него была изумительная способность къ рисованію и онъ безпрестанно набрасывалъ карандашомъ карикатуры. Не разъ учитель рисованія, видя эту склонность, старался поощрять его; но изъ благородной древней статуи онъ дѣ-

лалъ смѣшную фигуру съ обнаженными мышцами; злорадные и непристойные скелеты естественно выходили изъ-подъ его пера. Онъ дошелъ до того, что сталъ изображать одни лишь распухшіе животы и впалыя груди; онъ игралъ ужасомъ, но уже могъ играть имъ лишь по временамъ: вдохновеніе измѣняло, словно изсякшій источникъ, въ которомъ остаются лишь капли. Онъ проводилъ долгіе часы, положивъ голову на руку и свѣсивъ губы; у него были отрывистыя движенія, жидкій или хриплый голосъ. Раза два или три Этьенъ, приходившій въ восторгъ отъ его рисунковъ и чувствовавшій, словно уколы дротика, его насмѣшки и его выходки, пытался завести съ нимъ разговоръ, но тотъ былъ въ мрачномъ расположеніи духа и отвѣтилъ ему:

— Ты желаешь веселенькаго представленія—тогда дай мнѣ шесть су на покупку табаку.

Въ другой разъ онъ сразу оборвалъ его слѣдующими миленькими словами:

— Дорогой мой, друзьями становятся лишь послѣ того, какъ обоихъ рвало вмѣстѣ...

Въ концѣ-концовъ искать мыслей въ подобномъ разговорѣ было все равно, что отправляться собирать су въ ручьѣ. Въ слѣдующій разъ Фаваръ подошелъ и самъ сдѣлалъ первый шагъ, но Этьенъ еще чувствовалъ отвращеніе и не смогъ ничего отвѣтить. Онъ увидалъ его снова, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ лазаретѣ, смертельно блѣднаго, съ воспаленіемъ мозга. Была ночь, и онъ, въ бреду, выскочилъ изъ кровати и пошатывался на голыхъ ногахъ, съ открытымъ ртомъ и мутными глазами, стараясь смѣяться и пытаясь рукой курить свою воображаемую трубку. Этьенъ съ удивленіемъ услыхалъ странныя полу-безсмысленныя и полу-скотскія слова, съ икотой выходившія изъ этого сжатаго горла; мгновенье спустя ноги подкосились и кости грохнулись о полъ, съ сухимъ трескомъ деревяннаго обрубка. Тѣмъ не менѣе онъ не умеръ, но его родители взяли его, а нѣсколько лѣтъ спустя онъ кончилъ въ домѣ умалишенныхъ.

Первымъ въ классѣ былъ шестнадцатилѣтній мальчикъ Максимъ Бернаръ, маленькій, хрупкій, ловкій, какъ обезьяна, съ приплюснутымъ носомъ и лицомъ сатира, всегда подвижной, всюду охотно залѣзавшій, безпрестанно виснувшій на оконныхъ перекладинахъ, прыгавшій по столамъ и ничему не учась имѣвшій видъ всезнающаго. Прежде всего въ немъ бросалось въ глаза то, что онъ нравился: въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ популяренъ среди всѣхъ; не было никого, кто бы не называлъ его услужливымъ, добрымъ малымъ; онъ покупалъ тѣмъ, кому этого хотѣ-

лось, пирожнаго и ячменнаго сахара, диктовалъ лѣнтяямъ переводы и даже дарилъ великолѣпный латинскій стихъ Депретцу, видя, какъ тотъ, подперевъ голову руками, упорствовалъ и потѣлъ надъ своей работой. Кромѣ того, онъ былъ зачинщикомъ, выдумывалъ игры, затѣвалъ шалости и храбро выставлялъ себя во главѣ всѣхъ во время маленькихъ бунтовъ. Прибавьте къ этому, что онъ блисталъ забавными словами и смѣшилъ всѣхъ, подтрунивая надъ кѣмъ слѣдовало. О Депретцѣ онъ говорилъ: „Это—говорящій волъ", а о Фаварѣ: „Это—ходячій навозъ".—„А кто же ты?"—спросилъ кто-то.—„Прыгающій мячъ". Это было очень вѣрно; его доброта, какъ и его умъ, проявлялась всегда сразу и непроизвольно; онъ хотѣлъ забавляться, вотъ и все, ничего, кромѣ этого. Когда онъ украдкой замѣчалъ, что Депретцъ что-нибудь путаетъ, съ его устъ слетало вѣрное предложеніе; эпиграммы и мысли прыгали въ немъ и выпрыгивали изъ него съ одинаковой неожиданностью и съ одинаковой силой. Пока вы развлекали его, онъ любилъ васъ; лишь только вы становились безцвѣтны или какъ только онъ использовалъ васъ, онъ отворачивался, какъ вода, теряющая склонъ. Онъ переходилъ такъ отъ одного къ другому, скользя по каждому, будучи пріятнымъ для всѣхъ и врачуя своимъ добродушіемъ маленькія царапины, которыя могло причинить его непостоянство. Однимъ словомъ, онъ доставлялъ каждому то маленькое, острое удовольствіе, въ которомъ люди общества нуждаются и которымъ удовлетворяются. Онъ всегда доставлялъ его и никогда не нарушалъ. Затѣмъ онъ никого не безпокоилъ, что всегда случается съ пылкими и глубокими натурами; онъ не былъ ни сосредоточенъ, ни ожесточенъ; работалъ онъ спустя рукава. Если онъ былъ первымъ, то благодаря врожденной точности ума и сообразительности; постигая однимъ взглядомъ смыслъ перевода, все расположеніе какого-нибудь разсужденія, онъ ловилъ налету первыя мѣста, не борясь ни съ кѣмъ и никого не обижая. Однимъ словомъ, всѣ шли къ нему, какъ къ лавочкѣ съ ячменнымъ сахаромъ: ничто не можетъ быть пріятнѣе ячменнаго сахара и его можно получить безъ хлопотъ и за одно су. Видя, что Этьенъ хочетъ сблизиться съ нимъ, онъ перелисталъ его, затѣмъ тутъ же оставилъ, какъ человѣка слишкомъ сумрачнаго.

Съ тѣхъ поръ значеніе Этьена въ классѣ было опредѣлено: рѣшено было, что онъ самъ по себѣ безвреденъ, но что его слѣдовало оставить въ покоѣ, потому что съ нимъ нечего было дѣлать. Онъ *не былъ похожъ на остальныхъ*, что всегда опасно; не зная, какъ опредѣлить его, его прозвали „чернильнымъ пузырь-

комъ". Никто не былъ на его сторонѣ—ни старательные, ни весельчаки, ни остроумцы. Зубрилы часто видѣли, что онъ, сидя за ученьемъ, смотрѣлъ по сторонамъ; онъ совсѣмъ не дѣлалъ сверхъ заданнаго ни задачъ, ни переводовъ. Повѣсы казались ему сальными, и онъ не смѣялся ихъ грубымъ шуткамъ. Онъ не умѣлъ поддерживать блестящаго разговора съ насмѣшниками и отвѣчать имъ кстати. Однимъ словомъ, онъ чувствовалъ себя чужимъ среди этихъ нравовъ. Они были для него слишкомъ тяжелы, а главное, здѣсь слишкомъ въ ходу былъ обманъ и цинизмъ; Этьенъ напоминалъ себѣ, что слуги на постоялыхъ дворахъ, въ его городкѣ, вышучивали точно такъ же тѣлесные недостатки, такъ же безцеремонно разсказывали о непристойныхъ похожденіяхъ и такъ же неблагородно лукавили, когда опасно было высказывать правду и когда нужно было ее говорить. Плохое питаніе и дурной воздухъ класса не были въ состояніи оживить или развеселить его; его щеки становились блѣдными, онъ говорилъ себѣ, что ему предстоитъ провести пять или шесть подобныхъ лѣтъ среди этихъ людей, ворочая этотъ жерновъ, и кромѣ того,—что онъ будетъ счастливъ, если, цѣной наградъ, онъ добьется права ворочать его.

Переводъ **Б. Рунтъ.**

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ПУТНИКЪ.

Психодрама въ 1 дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Юлія, дочь лѣсника.

Путникъ, лицо безъ рѣчей.

Комната въ домѣ лѣсничаго. Ненастный вечеръ. Окна закрыты ставнями. Слышенъ вой вѣтра и удары дождя. Комната плохо освѣщена керосиновой лампой. Топится печь. Стукъ въ ворота. Лай собаки.

Юлія.—*(У окна, стараясь заглянуть въ отверстіе ставня.)*

Кто тамъ?
Я не могу впустить васъ: я одна.
Идите къ мельнику, налѣво, по тропинкѣ,
Черезъ ручей... Да перестаньте такъ
Стучать. Вы просто руки обобьете!
Дверь крѣпкая, вамъ не сломать ея.
Я ни за что не отопру. А въ домѣ
Собака злая. Проходите съ миромъ.
До мельницы не болѣе двухъ верстъ.
Тамъ впустятъ васъ...

(Въ сторону.)

А онъ все знай колотитъ!

(Отходитъ отъ окна. Стукъ продолжается. Собака лаетъ.)

Юлія.—*(Возвращается къ окну, но все не открываетъ ставней.)*

Послушайте! какъ васъ? вы слышите:
Я—дѣвушка, и въ домѣ я одна,
Я васъ не знаю. Сами разсудите,
Какъ я могу впустить васъ. Обо мнѣ
Чтò будутъ говорить сосѣди, если
Со мной вы проведете ночь. Нельзя!
И, уѣзжая, запретилъ отецъ мнѣ

Кого-нибудь впускать. И нѣтъ бѣды
Вамъ двѣ версты подъ соснами пройтись.
Ну, дождь, такъ дождь! Вѣдь не совсѣмъ размочитъ.
(Молчаніе. Стукъ въ ворота. Собака лаетъ.)

Юлія.—*(Сама съ собой.)*
Стоитъ, стучитъ... Онъ, кажется, усталъ,
А, можетъ быть, и боленъ. Какъ прижался,
У косяка, такъ не отходитъ прочь,
И, какъ машина, въ доску бьетъ рукою.
Какъ онъ измокъ, бѣдняга! Онъ одѣтъ
По-городскому,—молодъ,—блѣденъ,—или
Такъ, въ темнотѣ, мнѣ кажется. Должно быть,
Не здѣшній онъ, въ лѣсу дорогъ не знаетъ...
А ну—впустить?
(Громко.)
Послушайте, скажите,
Откуда вы? Куда идете? Что
Вамъ нужно здѣсь? Да отвѣчайте! Какъ же
Впущу я въ домъ, кого сама не знаю!
Что вы воды набрали въ ротъ, какъ рыба?
Коль будете молчать, тогда—адье,
Меня вы только и видали! Стойте.
Хоть до утра, стучитесь! Ни по чемъ
Не отопру.
(Отходитъ отъ окна.)
Вотъ—важная персона!
Вотъ—принцъ какой! Не хочетъ говорить,
Зато и мокни.
(Молчаніе. Стукъ въ ворота.)
Боже мой! Онъ мнѣ
Всю ночь не дастъ покоя. Иль помретъ
Подъ дверью,—этого недоставало!
Шелъ, заблудился, франтикъ городской,
Увидѣлъ домъ,—неотойдетъ теперь.
Въ лѣсу волковъ боится. А, проклятый!
Что съ нимъ подѣлаешь.
(Идетъ опять къ окну.)
Эй, вы,—какъ васъ?—
Прохожій принцъ!—извольте показать,
Что съ вами нѣтъ оружія. Раскройте
Пальтишко! подымите руки, такъ...
Ну, ладно! мнѣ васъ жалко. Отпираю.

(Убѣгаетъ. Звукъ отодвигаемаго засова. Лай собаки. Входятъ Юлія и Путникъ, весь измокшій.)

Юлія.—Собака на цѣпи, не бойтесь. Ну
И вымокли же вы! Насквозь! Снимайте
Пальто и сапоги. На лавкѣ пледъ,—
Возьмите, пользуйтесь. Подъ лавкой туфли,—
Надѣньте. Хорошо. Теперь садитесь,
И грѣйтесь, я подкину въ печку дровъ.

Путникъ.—*(Снимаетъ пальто и сапоги, надѣваетъ туфли, закутывается въ пледъ. Юлія подбрасываетъ полѣна въ печь.)*

Юлія.—Хотите водки? Такъ и быть, берите!
(Подаетъ бутылку и наливаетъ рюмку.)

Путникъ.—*(Киваетъ головой въ знакъ благодарности и пьетъ.)*

Юлія.—А ѣсть такъ нечего, и хлѣба нѣтъ.

Путникъ.—*(Киваетъ головой отрицательно, показывая, что онъ не голоденъ.)*

Юлія.—Ну, слушайте меня. Я на ночь вамъ
Вотъ эту комнату отдамъ. Здѣсь мягкій
Диванъ, ложитесь, спите до утра.
А я,—я лягу за перегородкой.
Тамъ у меня ружье, и если вы
Къ порогу подойдете, я сейчасъ же
Влѣплю, безъ промаха, вамъ пулю въ лобъ.
Да и Полканъ не дастъ меня въ обиду!
Вы поняли? Ну, мы пока друзья.

Путникъ.—*(Киваетъ головой.)*

Юлія.—Да что же вы молчите! Отвѣчайте!

Путникъ.—*(Дѣлаетъ знакъ рукой.)*

Юлія.—Что это значитъ?

Путникъ.—*(Повторяетъ знакъ.)*

Юлія.— Я не понимаю.
Иль вы нѣмой?

Путникъ.—*(Дѣлаетъ знакъ не то утвердительный, не то отрицательный.)*

Юлія.— Не вѣрю. Этакъ вы
Хотите посмѣяться надо мной!
Эй, берегись! Въ обиду я не дамся!

Путникъ.—*(Хватаетъ руку Юліи и почтительно ее цѣлуетъ.)*

Юлія.—Ну, полно, полно, я вѣдь ничего.
Такъ ты нѣмой? Теперь мнѣ все понятно.
Вотъ почему все время ты молчалъ.
Но ты не глухъ?

Путникъ.—*(Киваетъ головой отрицательно.)*
Юлія.— Меня ты понимаешь?
Путникъ.—*(Киваетъ головой утвердительно.)*
Юлія.—Ахъ, бѣдный, бѣдный! ну, прости меня.
Пойми: отецъ съ утра уѣхалъ въ городъ,
Вернется завтра. Мельникъ—въ двухъ верстахъ,
Деревня за рѣкой, и въ цѣломъ домѣ
Нѣтъ никого: Полканъ да я. Понятно,
Что опасалась я впустить мужчину.
Но ты совсѣмъ другое дѣло. Ты—
Такой худой и блѣдный, хилый, слабый.
Должно быть, ты несчастенъ.
Путникъ.—*(Киваетъ головой утвердительно.)*
Юлія.— Но, скажи:
Вѣдь ты изъ города? ты тамъ живешь?
Путникъ.—*(Киваетъ головой отрицательно.)*
Юлія.—Не въ городѣ? такъ гдѣ же? далеко?
Путникъ.—*(Киваетъ головой утвердительно.)*
Юлія.—А какъ тебя зовутъ? Сергѣй? Иванъ?
Никита? Николай? Петръ? Александръ?
Путникъ.—*(Киваетъ головой отрицательно.)*
Юлія.—Ну, все равно. Я—Юлія. Тебя же
Я буду звать Робэръ. Мнѣ это имя
Понравилось. Итакъ, скажи, Робэръ,
Куда ты шелъ? на мельницу? иль дальше,
Въ село Отрадное? иль на усадьбу,
Къ Возницынымъ? иль и еще подальше?
Путникъ.—*(Киваетъ головой отрицательно и закрываетъ лицо руками.)*
Юлія.—Не хочешь отвѣчать? Что-жъ это—тайна?
Путникъ.—*(Киваетъ головой утвердительно.)*
Юлія.—Тайна? Ахъ, вòтъ что! какъ въ романѣ? Я
Прочла ихъ много. Года два назадъ
Жила въ Отрадномъ барышня, и мнѣ
Давала книги. У меня теперь
Еще есть двѣ: „Графиня-судомойка“
И „Черный принцъ“. Ты ихъ читалъ?
Путникъ.—*(Киваетъ головой отрицательно.)*
Юлія.— А жаль.
Я ихъ читала восемь разъ, и все-жъ,
Когда дойду до трогательной сцены,
Сейчасъ заплачу,—не могу не плакать!

Графиню дѣвочкой укралъ цыганъ,
Она не знала, что она графиня,
Росла, какъ нищая, работала,
И вдругъ...
Но, впрочемъ, не разскажешь... Иногда
Мнѣ вдругъ приходитъ въ голову: что̀, если
И я не дочь лѣсничаго, а тоже
Графиня! Только ты не смѣйся. Это
Все глупости. Ну, хочешь, выпей водки.
(Подаетъ стаканъ.)

Путникъ.—*(Киваетъ головой отрицательно.)*
(Молчаніе.)

Юлія.—Робэръ, ты знаешь, очень я несчастна!
Всю жизнь свою я провела въ лѣсу.
Мать умерла давно. Отецъ сердитый,
Все ходитъ по лѣсу, по цѣлымъ днямъ,
То на охотѣ, то по дѣлу. Гости
Бываютъ рѣдко, да и кто?—дьячокъ,
Садовникъ отъ Возницыныхъ да мельникъ...
Лишь лѣтомъ пріѣзжаютъ господа
Въ Отрадное,—но какъ я къ нимъ пойду?
Мнѣ стыдно; говорить я не умѣю
По-ихнему; они смѣются; я
Не образована... Но не могу
Я этой жизнью жить! Мнѣ скучно! скучно!
Мнѣ хочется другого. Я люблю
Наряды, роскошь. Я хочу бывать
Въ театрахъ, на балахъ. Хочу въ салонахъ
Бесѣдовать. Я знаю, я-бъ сумѣла
Быть не глупѣй любой графини. Право,
Я—красива! У меня глаза—
Большіе, маленькіе уши, ноги—
Изящныя и мраморное тѣло!
Я потягалась бы съ иной графиней,
При всѣхъ ея духахъ и притираньяхъ!
Я быстро-бъ научилась на рояли
Играть, и танцовать всѣ танцы! Есть
Врожденное изящество во мнѣ!
А кто меня здѣсь видитъ? Сосны, птицы,
Отецъ да мужики! Что здѣсь я слышу?
Лай, ругань, выстрѣлы да вой волковъ,
Когда они подходятъ къ намъ по снѣгу...

Мнѣ хочется раскинуться на креслѣ
И, чашку взявъ небрежною рукою,
Влюбленный шопотъ по-французски слушать...
А я должна—мести полы, готовить
Обѣдъ, стирать бѣлье, и нашу лошадь
Поить, и думать, что во вѣкъ, во вѣкъ
Я ничего другого не узнаю!

(Угли въ печи гаснутъ.)

Ну, замужъ выду. За кого? Конечно,
За лѣсника! Иль хуже, можетъ быть,
За мельника! И буду, растолстѣвъ,
Кули муки считать, и ночью слушать,
Какъ подъ водой шумятъ колеса... Будетъ
Меня мужъ нелюбимый въ щеки, въ губы
Тяжелыми губами цѣловать,
Порой ласкать насмѣшливо и грубо,
Порой, подвыпивъ, за косу таскать!
Родятся дѣти, буду мыть и стричь ихъ,
Варить имъ кашу, прутьями ихъ сѣчь...
И позабуду о мечтахъ дѣвичьихъ,
Какъ объ огаркахъ догорѣвшихъ свѣчъ!
Ахъ! силы нѣтъ объ этомъ даже думать!

(Молчаніе.)

Робэръ! ты думаешь, живя въ лѣсу,
Какъ дѣвки деревенскія, я честь
Свою не соблюдала? Всѣмъ святымъ
Клянусь тебѣ: никто до этихъ поръ
Не цѣловалъ меня, и никому
Я словъ любви не говорила. Я—
Чиста, какъ небо лѣтомъ, какъ родникъ.
Я ложа короля не постыдила-бъ.
Дурного про меня сказать не могъ бы
Послѣдній клеветникъ!... Чего я жду?
Не знаю. Можетъ быть, я жду того,
Что дочерью графини окажусь я,
Что нѣкій принцъ придетъ въ мою страну
И скажетъ мнѣ: тебя я въ цѣломъ мірѣ
Искалъ, и вотъ нашелъ, иди за мной
Въ роскошный мой дворецъ и будь царицей!
Я жду, проходятъ годы, я одна,
Нѣтъ радости, да и не будетъ, видно!
И, если признаваться, такъ, порой,

Того, что я была честна, мнѣ стыдно!
(Молчаніе. Въ комнатѣ все темнѣе.)
А, можетъ, быть, я жалуюсь напрасно,
И день, который я ждала, насталъ,
И это—ты былъ посланъ мнѣ, Робэръ,
Въ отвѣтъ на всѣ мои мольбы! Ждала я,
Что принцъ пріѣдетъ въ золотой каретѣ,
Съ толпою слугъ, въ сопровожденьи свиты,
А онъ пришелъ пѣшкомъ, одинъ. Ждала я,
Что будетъ онъ одѣтъ въ парчу и бархатъ,
Онъ оказался—въ курткѣ и въ пальто!
Я ожидала, что, склонивъ колѣно,
Онъ въ длинной рѣчи, страстной и любезной,
Мнѣ выразитъ свою ко мнѣ любовь,
А онъ—нѣмой!... Ну, что-жъ! не явно ль, это—
Онъ! Страшно! Отвѣчай, Робэръ! Ты понялъ,
Что посланъ былъ сюда Судьбой, ко мнѣ?
Ты—тотъ, кого я ожидала долго!
Ты—тотъ, кого Господь назначилъ мнѣ!
Мой суженый! возлюбленный! мой милый!
Да! Узнаю твои глаза, твой скорбный,
Печальный взглядъ, твоихъ красивыхъ рукъ
Точеные, изломанные пальцы!
Робэръ! Робэръ! скажи мнѣ: это—я!

Путникъ.—*(Не даетъ никакого отвѣта.)*
(Молчаніе.)

Юлія.—Ну, все равно, послушай! кто-бъ ты ни былъ,
Тотъ иль не тотъ, не все ли намъ равно!
Мнѣ не дождаться лучшаго, а гдѣ ты
Другую встрѣтишь дѣвушку, какъ я?
Вѣдь я красива? молода? донынѣ
Не цѣловала никого! Всю силу
Дѣвичьей нѣжности отдамъ тебѣ!
Тебѣ отдамъ мою невинность, словно
Ты—мой женихъ, мой мужъ, мой господинъ!
Я вѣрить буду, что ты нѣкій принцъ,
Переодѣтый, потерявшій тронъ,
До времени свое таящій имя!
Тебѣ служить я, какъ служанка, буду.
И, какъ царица, буду я тебя
Ласкать! Довѣрься мнѣ! Со мной останься!
Ты эту ночь, какъ въ сказкѣ, проведешь!

Ты самъ повѣришь, что съ тобой мы въ замкѣ,
Что надъ постелью нашей—балдахинъ
Изъ золотой парчи, что сотни слугъ
За дверью ждутъ ревниво, что довольно
Сказать намъ слово—загорится залъ
Огнемъ, и съ хоровъ грянутъ музыканты!
О, какъ тебя я буду миловать,
И нѣжить, и ласкать! Всѣ, всѣ твои
Желанья я исполню! буду страстной,
Покорной, ласковой, какой ты хочешь!
Проснувшись, утромъ, ты увидишь—дочь
Лѣсничаго, хлопочущую въ домѣ,
Она тебѣ предложитъ молока,
И ты подумаешь, что видѣлъ странный
Сонъ. Поблагодаришь, пальто надѣнешь
И навсегда уйдешь изъ нашихъ мѣстъ,
И, если хочешь, обо мнѣ забудешь...
Робэръ! мой принцъ! Мой властелинъ! возьми
Меня, какъ нѣкій драгоцѣнный перлъ,
Тебѣ бросаемый изъ глуби моря!
Возьми меня, какъ даръ безвѣстной феи,
Тебя завидѣвшей въ глухомъ лѣсу!
Возьми меня! владѣй мной! я твоя!

(Бросается къ Путнику.)

Дай мнѣ къ тебѣ прижаться! дай мнѣ губы,
Чтобъ къ нимъ припасть губами! дай мнѣ руки,
Чтобъ ихъ обвить вкругъ стана!... Ты не хочешь?

(Смотритъ пристально и вдругъ въ ужасѣ отступаетъ.)

Робэръ! Робэръ! Не можетъ быть! Онъ умеръ!

(Еще разъ наклоняется къ неподвижно сидящему въ креслѣ Путнику, потомъ въ страхѣ бросается къ окну.)

Онъ умеръ! Кто тутъ! Люди! Помогите!

Занавѣсъ.

Валерій Брюсовъ.

6—7 августа 1910 г.
Бѣлкино.

БЕЗЪ ТРУДОВЪ СПАСЕНІЕ.

Разсказъ.

Когда Цыпка, радостно сморщивъ вѣчно испуганное, старое и милое лицо, объявила своей племянницѣ Еленѣ, что поѣдетъ съ ней на „Мысокъ“ къ отцу Илларіону, Елена не почувствовала особеннаго удовольствія, но изъ благовоспитанности улыбнулась и сказала, что это прекрасно.

Въ Петербургѣ она часто видѣла отца Илларіона, нѣсколько разъ въ году говѣла у него, послѣ обѣдни заходила съ Цыпкой къ нему чай пить и долго ждала среди разношерстной публики, объединенной лишь поклоненіемъ „батюшкѣ“, пока онъ управится въ церкви, прочтетъ всѣ молитвы, которыя назначилъ себѣ, и придетъ усталый, вдохновенный и могучій. Но на его собственной землѣ, подаренной ему нѣсколько лѣтъ тому назадъ на берегу большого озера, она никогда не была. Цыпка все почему-то не могла собраться. Земли всего клочокъ, но отецъ Илларіонъ уже воздвигъ на ней церковь, дома, богадѣльню. Позволялъ строиться у себя постороннимъ и всѣхъ своихъ духовныхъ дѣтей радушно приглашалъ на „Мысокъ“.

Пока Цыпка обсуждала подробности путешествія, Еленѣ вспомнился разсказъ, много разъ слышанный ею отъ знаменитаго батюшки: „Пришелъ къ аввѣ въ пустыню юноша и попросилъ назначить ему подвигъ. Авва воткнулъ въ песокъ десять палокъ и сказалъ: „поливай эти палки каждое утро и каждый вечеръ“. Не побрезговалъ юноша назначеннымъ ему подвигомъ, не усомнилась его душа. Съ великимъ усердіемъ сталъ доставать онъ воду и поливалъ ею палки утромъ и вечеромъ, и такъ въ теченіе десяти лѣтъ. Ропота не зналъ онъ. И вотъ, послѣ десяти лѣтъ, вдругъ зазеленѣли палки, пустили ростки, и стали онѣ въ пустынѣ прекрасными миндальными деревьями. Подвигъ послушанія и смиренія получилъ награду, и съ радостнымъ сердцемъ понялъ инокъ, что спасся. Въ день, когда деревья зацвѣли, его душа, не знавшая гордости, отлетѣла къ Богу“.

Отецъ Илларіонъ всѣмъ совѣтовалъ послушаніе, которое называлъ „безъ трудовъ спасеніе“, но самая легкость этого пути не привлекала, а возмущала Елену. Выходило какъ-то слишкомъ просто: отецъ Илларіонъ будетъ приказывать, а они всѣ, его духовныя дѣти,—Цыпка, графиня Логонова, классная дама изъ института, богатые гостинодворскіе купцы,—всѣ будутъ слушаться, и спасутся.

Еленѣ иногда казалось, что ее теперь уже заставляютъ поливать сухія палки, заставляютъ отецъ Илларіонъ и Цыпка, и что болитъ согнутая ея душа. Она рѣшила, что поѣздка на „Мысокъ“ ей многое разъяснитъ, дастъ, можетъ быть, то, что она одновременно хотѣла и такъ боялась получить: смиреніе.

Цыпка дождалась Успенскаго поста,—церковь на Мыскѣ была въ честь Успенія,—разъ десять повторила тѣ же свои приказанія по имѣнію и отправилась съ Еленой. Утромъ ѣхали часа два по желѣзной дорогѣ, потомъ на пароходѣ, долго, до вечера. На пристани, пока Цыпка ждала парохода, она молилась. Вступила она на пароходъ съ трепетомъ, но вскорѣ ее кольнула легкая досада. Въ единственной каютѣ перваго класса сидѣла, тоже ѣхавшая къ отцу Илларіону, графиня Логонова. Елена знала, что Цыпка, несмотря на всю выказанную ею радость, разочарована. Той почетъ будетъ больше, Цыпка сама поможетъ устроить почетъ,—графиня съ большими связями и можетъ быть чрезвычайно полезна отцу Илларіону. Цыпка всей душой рада, что и графиня собралась на Мысокъ, но что бы ей пріѣхать попозднѣй? Тогда, при встрѣчѣ, Цыпкѣ не пришлось бы ни съ кѣмъ дѣлить свѣтлой улыбки отца Илларіона. Развѣ съ Еленой? Но Елена не въ счетъ, она при Цыпкѣ. А графиня навѣрное привезла съ собой много денегъ, и даже если она ихъ не дастъ, то всѣ знаютъ, что она богата и могла бы дать очень много. Елена, съ дѣтства привыкшая угадывать цыпкины мысли, пожалѣла ее, тѣмъ болѣе, что придется ей въ этихъ помыслахъ покаяться на духу отцу Илларіону. Но все же Цыпка прелесть, свой грѣхъ уже въ сто кратъ искупила раскаяніемъ, а признается она въ немъ такъ, что душа отца Илларіона нѣжно улыбнется ея душѣ.

Пароходъ не подъѣзжалъ къ самому Мыску. На рѣкѣ были пороги и всѣ пассажиры высаживались на конечной станціи, Городищахъ. Восемь верстъ предстояло ѣхать на лошадяхъ. Какъ только графиня съ Цыпкой и Еленой вышли на пристань, куда пестрыми камешками съ Городища, стоящаго на возвышеніи, скатились дѣти, подошелъ къ нимъ безъ шапки и сталъ низко кланяться какой-то мужчина, не то приказчикъ изъ лавки, не то подрядчикъ.

— Тарантасъ отца Илларіона здѣсь, батюшка выслалъ.

— Онъ обо всемъ подумаетъ!—сказала Цыпка графинѣ.

— Онъ вѣдь зналъ, что мы сегодня пріѣдемъ,—отвѣтила графиня.

А Цыпкѣ не хотѣлось помнить, что она извѣстила о своемъ пріѣздѣ; она не вполнѣ вѣрила, что то же сдѣлала графиня, и продолжала удивляться.

Она съ графиней помѣстилась на рессорныхъ подушкахъ, а Елена пренебрегла скамеечкой, привязанной къ передку, и сѣла на козлы рядомъ съ кучеромъ. Цыпка, замѣтивъ должно быть, что графинѣ понравилась живость Елены, улыбнулась и сказала: — Какъ тебѣ не стыдно, въ восемнадцать лѣтъ!—но не помѣшала ей.

Тройка у отца Илларіона лихая и кучеръ бойкій. Крикнулъ:— По правой, по лѣвой, коренника не тронемъ!—И помчался тарантасъ, громыхая по жесткой, пыльной дорогѣ. А съ обѣихъ сторонъ верескъ, трава сухая да низкія елочки, природа однообразная, скудная... И такъ верста за верстой,—елочки, верескъ, вдали кое-гдѣ избушки кучкой, а жизни никакой, все замерло, все спитъ.

Цыпка отъ времени до времени спрашивала:

— Что, далеко еще?

И кучеръ отвѣчалъ:

— Далече.

Далече, все далече... Елену охватило безпокойство; нѣтъ конца пути, а лошади мчатся быстро. Солнце сѣло давно, темноты еще не было настоящей. Сѣверное небо сіяло кротко, и все казалось мягкимъ и призрачнымъ. Одна дорога была крѣпкая, прямая и подбрасывала тарантасъ. Вдругъ кучеръ указалъ кнутовищемъ на кучку избушекъ чернѣвшихъ вдали:—Черемышье, откуда батюшка.—Цыпка вся заволновалась, хотѣлось ей разсмотрѣть деревушку, гдѣ началъ свое служеніе Богу отецъ Илларіонъ. Но ничего нельзя было различить, кромѣ темныхъ крышъ. Самъ кучеръ, подстегивая лошадей, замѣтилъ:—Не интересно, бѣдность одна.—Недолго прожилъ въ Черемышьѣ отецъ Илларіонъ. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ заинтересовалась молодымъ вдовымъ священникомъ, съ дивнымъ голосомъ и пламенной молитвой, старушка помѣщица, и устроила его въ Петербургѣ, гдѣ онъ быстро пріобрѣлъ огромное вліяніе во всѣхъ слояхъ общества. Деревушка промелькнула: не интересно, бѣдность одна.

У еловаго лѣсочка дорога неожиданно свернула, расширилась, и предстало цѣлое селеніе: бѣлая церковь, длинный бѣлый домъ,

зеленыя рѣшетки вокругъ расчищенныхъ садиковъ, опять дома, строящіяся зданія.

— Мысокъ! Подъѣзжаемъ,—сказалъ кучеръ и видимо былъ доволенъ произведеннымъ эфектомъ. „Вотъ, молъ, глядите, не чета той деревушкѣ!“ говорили его смѣющіеся глаза.

— И онъ все это создалъ!—шепнула Цыпка.

— Да тутъ на нѣсколько милліоновъ настроено!—сказала графиня серьезно.

Теперь виднѣлись и люди. Была приготовлена встрѣча. У подъѣзда большого дома стоялъ, безъ шляпы, съ развѣвающимися серебряными кудрями на плечахъ, въ лиловой рясѣ, отецъ Илларіонъ. Еще издали можно было разглядѣть его раскинутыя въ красивомъ жестѣ руки. Его окружали женщины въ платкахъ и дѣвушки съ непокрытыми волосами. Были и мужчины, но вся группа исчезала въ сіяніи могучаго человѣка въ лиловомъ одѣяніи. Онъ казался библейскимъ патріархомъ, и лицо его было преисполнено радушіемъ и добротой.

Онъ осѣнилъ широкимъ благословеніемъ пріѣхавшихъ, и скромно, ласково тихій, благодарный Богу, источнику всѣхъ радостей, онъ повелъ ихъ въ домъ и сдалъ на попеченіе женщинамъ.

Елена почти всѣхъ ихъ знала, но у нея при видѣ ихъ было впечатлѣніе маскарада. Неужели эта дама, въ черной кружевной косынкѣ, это Софья Петровна, такъ любившая вспоминать то время, когда съ покойнымъ мужемъ, атташе при посольствѣ, жила въ Парижѣ? Да, она. Тѣ же точеныя руки, и легкій, дѣланный смѣхъ. Но къ чему холщевое платье, простое, какъ у горничной? А это Катя Тучкова, такъ гладко зачесана... Но онѣ не главныя тутъ, важнѣй вотъ эта старушка, Татьяна Ивановна, никогда не знавшая свѣтскихъ тонкостей, вдова-купчиха; она все отдала, избрала себѣ добровольную бѣдность, и ей нуженъ за это почетъ. Толпа сообщницъ-женщинъ подталкивала къ ней пріѣзжихъ, и, поддаваясь невольному внушенію, графиня и Цыпка ей кланялись и разсыпались любезными фразами, которыхъ не смѣли говорить отцу Илларіону, зная, что пустословіе онъ порицалъ.

Елену подхватила Софья Петровна.

— Я вамъ всетаки сразу покажу комнату, которую вамъ отвели. Вы, вѣрно, очень устали.

Елена взглянула на Цыпку, но та суетилась и какъ-то посвѣжѣла. Усталости не было и слѣда. Она не хотѣла уходить изъ комнаты, гдѣ былъ отецъ Илларіонъ, и на его приглашеніе сѣсть чай пить — сейчасъ же съ радостью согласилась. Черезъ всю

комнату тянулся длинный столъ съ огромнымъ самоваромъ, стаканами, корзинами съ большими кусками нарѣзаннаго бѣлаго хлѣба. Всѣ сѣли. Цыпка—недалеко отъ батюшки, но все же не рядомъ съ нимъ; по правую его руку сѣла графиня, по лѣвую—какая-то толстая баба съ брилліантовыми перстнями на растопыренныхъ пальцахъ. Татьяна Ивановна разливала чай. Всего было человѣкъ тридцать.

— Я сейчасъ вернусь, сниму только шляпу и разложу вещи,—шепнула Елена Цыпкѣ.

Та заволновалась. Годится ли это? Можетъ быть, не почтительно. Но отецъ Илларіонъ посмотрѣлъ на нихъ и слегка улыбнулся. Разрѣшеніе было дано.

Софья Петровна тянула Елену за руку. Онѣ почти бѣгомъ прошли длинный коридоръ, въ концѣ котораго стоялъ умывальникъ, и поднялись по лѣстницѣ.

— Лучшія комнаты внизу пришлось отвести графинѣ и Снитковой, купчихѣ изъ Апраксина рынка, но вамъ наверху будетъ въ сущности лучше, гораздо спокойнѣе. Я кое-что сама устроила. Вы знаете, батюшка комфорту не признаетъ,—занавѣсокъ я не успѣла повѣсить, но есть мягкіе стулья, коврики у кроватей...

— Намъ будетъ прекрасно,—сказала Елена.—Я шляпу сниму, вымою руки...

— Я предупреждаю васъ, что шляпъ батюшка вообще не любитъ, особенно большихъ. Вы спрячьте свою совсѣмъ, все равно не придется больше носить. Вотъ умывальникъ, здѣсь въ углу, маленькій очень, mais c'est toujours cela, не у всѣхъ въ комнатѣ есть...

— Вѣдь мыться не грѣхъ?

— Конечно, но слишкомъ холить тѣло... раньше всѣ мылись внизу, въ одномъ коридорѣ женщины, въ другомъ мужчины... Но намъ здѣсь мѣшкать нельзя. Завтра много причастниковъ. Батюшка не всѣхъ еще исповѣдовалъ. Сидѣть за чаемъ будутъ не долго.

Елена пригладила волосы какъ могла, безъ зеркала, и вымыла руки.

— Я готова.

Еще на лѣстницѣ онѣ услышали тяжелые торопливые шаги, а въ коридорѣ увидѣли человѣка, быстро несущаго самоваръ, который и двоимъ поднять было бы не легко. Онѣ прижались къ стѣнѣ, чтобы дать ему пройти.

— Нѣмой! шепнула Софья Петровна.—Страшный силачъ!

Вслѣдъ за нимъ они вошли въ столовую. Елена скромно сѣла на самый конецъ стола, а Софья Петровна поближе къ отцу Илларіону.

Елена замѣтила, какъ ласково отецъ Илларіонъ улыбнулся нѣмому.

— Андрей!—сказалъ онъ, когда нѣмой поставилъ на подносъ огромный самоваръ,—видишь, часы испортились, опять стали!

Нѣмой сдвинувъ брови, взглянулъ на круглые столовые часы, взялъ стулъ, дѣловито приставилъ его къ стѣнѣ, взлѣзъ на него, открылъ стеклянную крышку, затѣмъ циферблатъ, вынулъ изъ кармана какой-то инструментъ, который Еленѣ показался простымъ гвоздемъ, и началъ ковырять имъ внутри часовъ. Дѣло у него пошло. Онъ закрылъ часы и затѣмъ съ грознымъ видомъ, глядя на Татьяну Ивановну, сталъ стучать по стеклу.

Она подняла голову на шумъ и догадалась, что нѣмой хочетъ что-то объяснить ей.

Тотъ провелъ пальцемъ по циферблату отъ стрѣлки налѣво и съ преувеличенной строгостью погрозилъ Татьянѣ Ивановнѣ; затѣмъ пальцемъ провелъ по кругу направо, улыбнулся и быстро одобрительно закивалъ.

— Знаю я, знаю, что стрѣлокъ водить назадъ не надо, а только впередъ,—отвѣтила Татьяна Ивановна.—Часы не оттого стали.

Нѣмой ей не повѣрилъ, пожалъ плечами и опять пригрозилъ. Онъ соскочилъ со стула, порывисто поставилъ его на мѣсто и убѣжалъ, не обращая вниманія на любопытные взгляды.

Отецъ Илларіонъ еще разъ свѣтло улыбнулся ему.

— Удивительный парень,—сказалъ онъ,—на всѣ руки: и каменщикъ, и столяръ, и инженеръ; неимовѣрной силы, а любитъ тонкія работы, часы чинить, чертить какіе-то планы...

— Онъ нѣмой?—спросила графиня.

— Да,—безъ всякаго оттѣнка грусти отвѣтилъ отецъ Илларіонъ.

— Нѣмой, но не глухой,—сентенціозно сообщила съ конца стола классная дама.

— Почему это такъ? онъ навѣрное не родился нѣмымъ, если слышитъ? отчего это съ нимъ случилось?—спросила Елена классную даму, но та, замѣтивъ, что отецъ Илларіонъ не продолжаетъ разговора о нѣмомъ, пожала плечами на Елену и процѣдила:

— Какъ это можно знать!

А за столомъ, послѣ представленія съ нѣмымъ, опять воцарилось сосредоточенное молчаніе, приличное въ собраніи людей, гдѣ нѣкоторые только что исповѣдались, а другіе готовились къ исповѣди. Торопливо допивали чай.

Отецъ Илларіонъ всталъ; вся фигура его выражала благоговѣніе, а загорѣлое лицо, обрамленное серебряными волосами, сдѣлалось отечески строго. Своими карими, небольшими, но удивительно ясными глазами онъ обвелъ присутствующихъ, и всѣ почувствовали себя одинаково ничтожными и маленькими передъ нимъ, его дѣтьми.

— Молитвы для причастниковъ завтра утромъ въ восемь часовъ,—сказалъ онъ отчетливо.—А теперь, кто желаетъ исповѣдоваться...

Онъ сдѣлалъ пригласительный жестъ по направленію къ сосѣдней комнатѣ.

— Онъ развѣ не въ церкви будетъ исповѣдовать?—шопотомъ спросила Елена классную даму.

— Да есть же входъ въ церковь черезъ домъ,—недовольно отвѣтила та.

Отецъ Илларіонъ поклонился, графиню и Цыпку онъ благословилъ, говоря озабоченно, нѣжно:

— Устали вы, отдохните хорошенько.

Цыпка отчаяннымъ жестомъ призвала Елену, которая и сама торопилась.

Отецъ Илларіонъ благословилъ и ее, быстро, красиво оттянулъ руку, чтобы Елена ее не поцѣловала, и пошелъ къ двери.

Разошлись молча. Цыпка вверху долго молилась, слезно вздыхала, шептала убѣдительно и жалобно, а Елена чутко спала, но до зари проснулась. Предразсвѣтное небо глядѣло въ окно безъ занавѣсокъ и ставень и, казалось, провѣряло, все ли какъ слѣдуетъ, строго и свято, въ отведенной въ святомъ домѣ комнаткѣ для пріѣзжающихъ. И Елена тоже принялась за провѣрку.

Да, строго, все строго: двѣ желѣзныя кроватки по стѣнамъ, два стула, обтянутые ситцемъ, посерединѣ столикъ съ вязаной скатертью, строго свѣтленькое платье Елены, висящее на гвоздикѣ, строго и дѣвичье бѣлье, сложенное на стулѣ, а о цыпкиномъ платьѣ и говорить нечего: оно, сорвавшись съ гвоздя, само собой приняло форму колѣнопреклоненной женщины, смиренно клавшей земной поклонъ. Строго, но свято ли? Цыпка святая, вотъ она лежитъ со скорбнымъ, заостреннымъ лицомъ, и вьются вокругъ него пряди серебристыхъ волосъ. О, эти вьющіеся волосы—сколько радости и смущенія доставляли они ей! Радости, потому что были красивы, смущенія—такъ какъ сознаніе ихъ красоты было уже грѣхомъ; а что хуже—вьющіеся волосы могли въ комъ-нибудь возбудить лукавую мысль, что завиты нарочно. Но они вились отъ природы, и знали это всѣ, зналъ и отецъ Илларіонъ

которому сообщила Цыпка о своемъ смущеніи; онъ успокоилъ ее и снялъ съ волосъ ея грѣхъ. И въ Цыпкѣ стало все свято. Помыслы ея чисты, какъ бываютъ только въ раннемъ дѣтствѣ. Они состарились и съежились вмѣстѣ съ ней, но не испачкались отъ жизни. „Въ послушаніи—безъ трудовъ спасеніе", вспомнила Елена любимое изреченіе отца Илларіона. А Цыпка всю жизнь была въ послушаніи у какого-нибудь отъ Бога даннаго ей начальства: сперва у матери, а когда мать умерла, у братьевъ, и давно уже, полная страстной вѣры, у отца Илларіона. Въ послушаніи воспитала она Елену, которую общій совѣтъ родственниковъ велѣлъ ей взять къ себѣ, когда та, совсѣмъ еще дѣвочкой, осиротѣла. И нѣтъ въ Цыпкѣ никакого грѣха; лежитъ ея тщедушное тѣло безъ нѣги, насторожившись, не грянетъ ли колоколъ, не побѣжитъ ли кто раньше ея на молитву; лежитъ, разбитое отъ частыхъ поклоновъ, и только слабымъ однообразнымъ движеніемъ пальцы ногъ ея шевелятъ одѣяло.

Сѣрое окно посвѣтлѣло, слегка порозовѣло, сдѣлалось голубымъ, и вдругъ въ немъ метнулось что-то и тотчасъ исчезло, а минуту спустя уже ясно обрисовалась, казавшаяся маленькой отъ разстоянія, чайка.

„Да, громадное озеро совсѣмъ близко", подумала Елена, и ей захотѣлось вскочить и осмотрѣть Мысокъ, пробѣжаться одной раннимъ утромъ. Солнце уже навѣрное давно встало, она не увидитъ зари, но свѣжее утро она можетъ привѣтствовать. Она одѣлась безшумно и все время поглядывала на Цыпку. Милый, изнуренный и острый профиль спящей не повернулся на подушкѣ, глубокія морщины на лбу, глубокія, правильно параллельныя и приподнятыя къ виску, не дрогнули. Даже во снѣ лицо сохраняло выраженіе испуга и безпокойства; тонкія вѣки надъ выпуклостью глазъ говорили о душевной скорби.—„Дорогая,—мысленно приговаривала Елена, осторожно завязывая юбки,—думаетъ о своихъ грѣхахъ, о своихъ крошечныхъ, надоѣдливыхъ, какъ комары, грѣхахъ: смущалась въ церкви... мало упованія на милость Божію... осужденіе, страхъ смерти..." Она цыпкинымъ слогомъ придумывала цыпкину исповѣдь и, замѣтивъ, что готова, слегка прикусывая языкъ и косясь на Цыпку, пріотворила дверь и ускользнула. По лѣстницѣ она безъ особенныхъ предосторожностей спустилась, такъ какъ снизу уже долеталъ шумъ хозяйственной возни.

На самой нижней ступенькѣ лѣстницы сидѣла женщина въ платкѣ; она оглянулась на Елену и, не вставая, подвинулась, чтобы дать ей пройти.

— Раненько встали, барышня,—сказала она, поднявъ некрасивое добродушное лицо.

Въ лѣвой рукѣ она держала сапожную щетку и энергично терла ботинку, которая торчала у ней на правой рукѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ быть локоть.

— Хочется погулять, осмотрѣть Мысокъ,—отвѣтила Елена, смутившись. Что-то въ этой женщинѣ было странное и непріятное, несмотря на улыбку.

— Посмотрите, полюбуйтесь, какъ батюшка тутъ настроилъ! А раньше ничего не было,—елки однѣ да песочекъ.

Ботинка была вычищена, женщина скинула ее на полъ, и тогда Елена увидѣла отвратительный обрубокъ тѣла. Рука послѣ сгиба локтя была длиной вершка въ три и тутъ прекращалась конусообразно, безъ всякаго намека на кисть, и самое ужасное было то, что обрубокъ двигался проворно и ловко. Женщина, не переставая улыбаться и смотрѣть на Елену, схватила другую ботинку, вдѣла ее на изуродованную руку и начала чистить. Она либо не знала, что можетъ вызвать отвращеніе, либо гордилась своимъ убожествомъ: калѣка, молъ, а работаю! казалось, говорили маленькіе, широко разставленные глаза. И рукава ея сѣраго ситцеваго платья были высоко засучены.

Елена быстро отошла. Въ коридорѣ рябая бѣлокурая горничная, петербургская Дуняша, раздувала самоваръ.

— Чайку желаете, барышня? сейчасъ поспѣетъ...—спросила она.

— Нѣтъ. Такъ рано, развѣ уже кто пьетъ?

— У насъ самоваръ всегда кипитъ; когда хотите, тогда и пейте.

Елена съ радостью смотрѣла на худыя жилистыя руки горничной. Хоть онѣ и безобразны, но все же ихъ двѣ, какъ подобаетъ.

— Что это за женщина, которая сапоги чиститъ?—спросила Елена шопотомъ.

— Паша безрукая,—не понижая голоса, отвѣтила горничная.— Она все можетъ, даромъ что калѣка, и тѣсто мѣситъ, и салфетки подрубаетъ; привыкла, съ рожденія такая.

Въ голосѣ рябой горничной не было ни малѣйшаго состраданія да и сама Паша, если разслышала, что о ней говорили, навѣрное толькое широко улыбнулась.

— Парадная дверь еще не открыта; желаете, сейчасъ открою, а то, если не побрезгаете, черезъ кухню пройдите.

— Отлично, пройду черезъ кухню,—отвѣтила Елена.

И пошла на шумъ голосовъ.

Въ огромной кухнѣ еще не начали готовить; тамъ собралось много народу, мужчинъ и женщинъ, простыхъ, но не деревенскихъ. „Изъ гостей низшаго разбора“, подумала Елена, вспомнивъ, что нѣкоторыхъ изъ нихъ она вчера видѣла за общимъ столомъ. Въ углу перемывала стаканы крошечнаго роста сестра милосердія, съ краснымъ лицомъ и бѣгающими черными глазами.

Елена прошла къ двери, не останавливаясь. Она разслышала среди общаго говора слова: „батюшка такъ приказалъ“, „надо спросить батюшку“.

До нея никому не было дѣла, и она не рѣшилась ни съ кѣмъ поздороваться и выбѣжала на крыльцо.

Мягкій, свѣжій воздухъ обдалъ ее всю, приласкалъ лицо и непокрытые волосы, приласкалъ плечи сквозь тонкую блузу. Вокругъ все было кротко, мило, чисто. Дорожки, посыпанныя пескомъ, клумбы съ цвѣтами, кое-гдѣ елочки съ крестообразными верхушками. Всюду разсѣяны домики, а напротивъ, гдѣ сѣро-голубой стѣной сливалось съ небомъ озеро, какое-то большое строеніе, недоконченное, растянуло свои прикрытыя лѣсами стѣны. Надъ нимъ вились чайки, тихо пѣли волны свою однообразную, какъ по четкамъ читаемую молитву, пѣсню. И Еленѣ показалось, что въ немъ, этомъ недоконченномъ зданіи, таится весь смыслъ, сокровенное значеніе Мыска.

Она рѣшила все осмотрѣть и обошла сперва домъ, давшій ей и Цыпкѣ пріютъ. Здѣсь жили батюшка и Татьяна Ивановна, здѣсь помѣстили графиню и главныхъ гостей. Обыкновенный помѣщичій, неособенно складный домъ. Она увидѣла съ передняго фасада широкую террасу, ведущую въ столовую, взглянула на окна, за которыми предполагала комнату батюшки, и мимо этихъ оконъ прошла особенно серьезно и чинно. Этой комнатой домъ собственно заканчивался и примыкалъ къ церкви, бѣлой оштукатуренной, съ высокимъ куполомъ. Дверь была еще закрыта. Елена перекрестилась и обошла церковь.

Жизнь начиналась на Мыскѣ. Садовникъ подрѣзывалъ цвѣты, какая-то женщина, босая, въ платочкѣ, стояла посреди дорожки и грызла розовый пряникъ. Елена подошла къ ней.

— Чей это домъ?—спросила она, указывая на причудливый деревянный шалэ.

Женщина подняла на нее кроткій испуганный взглядъ и шопотомъ сказала:

— Морозъ!

Елена вздрогнула и посмотрѣла на цвѣты и лужайки, на ласковое небо.

— Какъ морозъ?

Женщина потупилась, отгрызла кусочекъ пряника, что-то какъ будто сообразила и подала оставшійся, твердый, какъ камень, и кругомъ обглоданный пряникъ Еленѣ:

— Ты лучше всѣхъ!—радостно и робко проговорила она.

Ея пустые глаза засвѣтились на мгновеніе и сейчасъ же погасли. Она опустила руку съ пряникомъ, забывъ, что хотѣла его подарить.

Елена попятилась назадъ; она боялась подойти къ садовнику, и стояла въ недоумѣніи около мохнатой елочки, такой низкой, что зеленый крестъ макушки приходился въ уровень съ ея глазами, и даль, въ которую она глядѣла, виднѣлась ей пересѣченная крестомъ, съ приподнятой къ сторонамъ перекла́диной.

Но садовникъ самъ заговорилъ съ ней.

— Съ дурочкой Вѣрой изволили бесѣдовать? Она только и знаетъ, что „морозъ“ да „ты лучше всѣхъ“.

Онъ добродушно разсмѣялся.

— Чей это домъ?—повторила Елена свой вопросъ.

— Баронессы Бергъ. А вонъ тамъ, домъ генеральши Щегловой, а гдѣ садъ кончается, налѣво, прачечная, просвирня, богадѣльня, больница.

— Много больныхъ?

— Да никого; ни больныхъ, ни фельдшера нѣтъ.

— А въ богадѣльнѣ кто?

— Было десять старухъ, да онѣ все бѣгутъ. Осталась дурочка Вѣра да еще двѣ какія-то, Харитина и Амфія, въ параличѣ...

Елена отошла. Ея веселое настроеніе испортилось, ей становилось жутко и скучно. Къ чему было такъ рано вставать? наткнулась на калѣку и на сумасшедшую, а тутъ еще этотъ садовникъ, со злой усмѣшкой. Къ баронессѣ Бергъ еще нельзя постучаться. Надо будетъ пойти съ визитомъ, какъ слѣдуетъ, днемъ. Тамъ все лѣто гоститъ съ компаніонкой-англичанкой Катя Тучкова; будетъ, по крайней мѣрѣ, съ кѣмъ поболтать. А покамѣстъ скучно. Старуху Щеглову, мать Софьи Петровны, она давно не видѣла, а дѣвочкой побаивалась и не любила; туда тоже рано, Софья Петровна навѣрно еще спитъ. Она рѣшила осмотрѣть недоконченное зданіе, про которое забыла спросить у садовника, и пошла по прямой, необсаженной дорожкѣ, оказавшейся гораздо длиннѣе, чѣмъ она предполагала.

„Какое тутъ днемъ должно быть солнце“, невольно подумала

она, замѣтивъ, что высокихъ деревьевъ совсѣмъ не было на Мыскѣ.

Дорожка вдругъ заворачивала къ дому Щегловой; къ недостроенному зданію шла тропинка съ мокрой отъ росы травой.

„Пойти развѣ? желтые башмаки отъ сырости почернѣютъ“.

Она замѣтила, что изъ дома Щегловой вышла какая-то женщина, и по сгорбленной фигурѣ узнала Евдокію Аполлоновну, двоюродную сестру Софьи Петровны, жившую пятый годъ зиму и лѣто на Мыскѣ, со старой больной генеральшей Щегловой.

Она пошла ей навстрѣчу. Евдокія Аполлоновна приближалась, щуря близорукіе глаза.

— Елена, вотъ не ожидала! отчего такъ рано поднялись? Вы та̀къ шли, или васъ прислали за мной?

— Никто не присылалъ. А вы куда?

— Въ церковь. Я заправляю лампады, прибираю.

— Я вамъ помогу,—можно? А что это недостроенное?

Евдокія Аполлоновна вздохнула.

— Достроится, надѣемся всѣ, что скоро. Это церковь, большая будетъ церковь, временно пришлось остановить... но Господь дастъ... А теперь рабочіе разбѣжались...

— Еще церковь?—удивленно спросила Елена.—Вѣдь ужъ есть одна и, кажется, очень большая.

— Церквей слишкомъ много не бываетъ,—отвѣтила Евдокія Аполлоновна.—Ну, я спѣшу, пойдемъ...

— Я васъ догоню, только посмотрю,—сказала Елена и побѣжала по травѣ.

Теперь она понимала архитектурный замыселъ зданія. Широкое, какъ корабль, оно лежало на берегу озера, еще не ожившее, низкое, покрытое лѣсами; рядомъ съ нимъ, грудами, возвышались приготовленные кирпичи, балки, доски. Запасъ матеріала былъ большой. Елена, заложивъ руки за спину, отошла на нѣсколько шаговъ въ раздумьи: надъ безглавой широкой церковью—озеро и небо, необъятныя, равнодушныя; имъ не нужно было распростертое на берегу недоконченное и неуклюжее человѣческое сооруженіе.

По лѣсамъ послышался трескъ тяжелыхъ шаговъ. Человѣкъ пробирался съ огромнымъ грузомъ кирпича на спинѣ. Онъ шелъ медленно и твердо. Наверху онъ снялъ съ плечъ носилки и, стоя на стѣнѣ, выпрямился и потянулся; вѣрно, заломило могучую спину. Онъ повернулся лицомъ къ востоку, и напряженныя черты некрасиваго суроваго лица смягчились, прояснились.

Елена узнала нѣмого.

„Милый, онъ одинъ строитъ!“ подумала она.

Нѣмой, вѣрно, почувствовалъ, что человѣкъ видитъ его служеніе Господу. Онъ съ безпокойствомъ оглянулся по сторонамъ, затѣмъ опустилъ взоръ и замѣтилъ одиноко стоящую барышню.

Онъ пронизалъ ее своимъ острымъ, рѣжущимъ взглядомъ,—это было единственное его оружіе противъ насмѣшки людской, единственная рѣчь его души къ другимъ душамъ. А ему такъ хотѣлось быть понятымъ.

Онъ и Елена безъ улыбки смотрѣли другъ на друга, и недовѣріе исчезло въ напряженномъ взглядѣ нѣмого.

Онъ захотѣлъ объяснить ей, что̀ онъ дѣлаетъ, и широкими жестами рисовалъ въ воздухѣ. Онъ запрокинулъ голову и поднималъ руки: будетъ очень высоко! расширялъ руки и дѣлалъ округленныя движенія: это высокое—куполъ.

Она кивнула головой. А наверху—онъ поднялъ насколько могъ правую руку съ вытянутымъ указательнымъ пальцемъ,—наверху будетъ крестъ. Указательнымъ пальцемъ лѣвой руки онъ пересѣкъ правый.

Крестъ! Въ знакъ того, что она поняла, Елена повторила его жестъ, забывъ, что онъ не глухой.

Онъ улыбнулся и, плавно раскачиваясь, упирался плотно на одну только ногу, а другой двигая, будто она то нажимаетъ на доску, то отпускаетъ ее, зашевелилъ руками, дергая въ воздухѣ невидимыя веревки.

Нѣмой звонилъ въ колокола, онъ звалъ къ молитвѣ. Придутъ, придутъ. Елена напрасно думала, что церковь не нужна. По озеру приплывутъ лодки съ богомольцами, по дорожкамъ запестрѣетъ толпа. Придутъ, нѣмой ихъ созоветъ. И казалось Еленѣ, что она слышитъ мѣрный, серебристый, властный звонъ.

Онъ вдругъ остановился, безъ силъ. Его слишкомъ выразительное лицо калѣки насторожилось. А звонъ продолжался. Нѣмой перекрестился.

„Что это?“ подумала Елена, и вдругъ сообразила, что звонятъ въ другой церкви къ часамъ.

Она хотѣла проститься съ нѣмымъ, но онъ не смотрѣлъ на нее, а его окликнуть она не рѣшилась, и медленно отошла.

Послѣ обѣдни и завтрака у о. Илларіона, съ пирогомъ и заливной рыбой, Елену отозвала на террасу Катя Тучкова и жаловалась ей на свою компаньонку.

— Объясни ей, что совершенно незачѣмъ ей прикладываться

къ кресту и къ образамъ; она не православная, это совсѣмъ не нужно.

Елена пожала плечами. Обѣдня продолжалась долго, причастниковъ было много, и столько страннаго случилось, что она чувствовала себя ошеломленной. Двѣ женщины изъ простонародья во время херувимской кричали дикимъ голосомъ, пока ихъ не вывели. Послѣ окончанія службы ихъ вернули, и о. Илларіонъ долго надъ ними читалъ молитвы, во время которыхъ онѣ корчились. И всѣ знали, что эти простыя, обыкновенныя женщины—бѣсноватыя и что о. Илларіонъ ихъ исцѣлитъ. Сестра милосердія упала передъ образомъ Иверской Божіей Матери; упала, какъ бы легла, маленькая, сухонькая, съ краснымъ лицомъ и устремленными на ликъ иконы черными, неподвижными глазами. Ее не подняли, она и теперь лежитъ въ пустой церкви. Какая-то баба громкимъ шопотомъ поясняла, что, слава Богу, теперь видитъ иконостасъ, а раньше онъ закрывался отъ нея дымкой. Объ этомъ думала Елена, а въ ушахъ ея все звучалъ необыкновенный, нѣсколько носовой теноръ о. Илларіона. Онъ молился сильно все время, безъ минуты отдыха. Когда онъ не произносилъ возгласовъ и молитвъ, онъ изъ алтаря пѣлъ вмѣстѣ съ пѣвчими-любителями, велъ весь хоръ, заглушая его. Лицо его свѣтилось, искренни были всѣ его плавныя, красивыя движенія; онъ Богу справлялъ службу со всѣмъ великолѣпіемъ, какимъ только могъ, старался для него, не щадя себя. Онъ воспринималъ въ себя всю молитву, которую зажегъ въ сердцахъ прихожанъ, и возносилъ ее. Безъ него ихъ молитва была бы безкрылая.

Елена уныло смотрѣла на подругу, а та, смуглая, нервная, говорила быстро, стараясь доказать свою правоту.

Миссъ Патерсонъ догадалась, что дѣло идетъ о ней и начала защищаться.

— Я цѣлу́ю картины потому, что всѣ цѣлуютъ ихъ. У меня такой принципъ: дѣлать въ Римѣ то, что дѣлаютъ римляне,—процитировала она англійскую пословицу.

Доброе лицо ея съ голубыми глазами на выкатѣ и желтыми волосами выражало такую увѣренность, что Елена улыбнулась. Миссъ Патерсонъ была очень молода, всего лѣтъ на пять старше Елены и Кати.

— Конечно, вы правы, миссъ Патерсонъ,—сказала Елена.

— А къ кресту она прикладывается съ какимъ-то реверансомъ,—продолжала возмущаться Катя.

— Если бы это не нравилось, ей бы сказали,—шепнула ей Елена.

— Не хочетъ по добротѣ, — отвѣтила Катя, подразумѣвая о. Илларіона.

Миссъ Патерсонъ считала, что своей пословицей разрѣшила вопросъ, и съ живостью обратилась къ Еленѣ:

— Вы будете со мной дѣлать прогулки? Мнѣ надо ноги размять. Я не могу такъ жить. Тутъ рѣшетка и заборъ, тамъ озеро. Ходить можно взадъ и впередъ по дорожкамъ. Это невыносимо. Здѣсь очень мило,—прибавила она,—но однообразно. Въ теннисъ играть нельзя...

— Представь себѣ, она разъ посереди бѣлаго дня стала на колѣни около куста жасмина, передъ домомъ баронессы, и простояла четверть часа, читая романъ; и это такъ, просто, для перемѣны, потому что ходить и сидѣть надоѣло.

— Вы давно тутъ?

— Десять дней,—отвѣтила шотландка.

— Что это?—спросила Елена, указывая на приближающуюся какую-то странную, большую повозку, которую сзади толкали двѣ бѣгущія дѣвушки.

— Это Любовь Антоновна Щеглова,—отвѣтила Катя.

Повозка поровнялась съ террасой и остановилась.

Она походила на кровать, и въ ней лежала старуха въ бѣломъ капотѣ и бѣломъ чепцѣ. Лицо ея было совершенно желтое и страшное, несмотря на слѣды бывшей красоты. Круглыя черныя брови придавали испуганное выраженіе жалкимъ бѣгающимъ глазамъ, длинный носъ съ грапеныиъ кончикомъ былъ слегка искривленъ. Старуха упирала локти въ тюфякъ, а дрожащія кисти рукъ держала надъ лицомъ. Горничныя, толкавшія повозку, были обѣ красивы и молоды. Одна высокая, бѣлокурая, тонкая; другая толстенькая, яркая, съ темнымъ пушкомъ надъ губой. Раиса и Лукерія, обѣ въ платкахъ, веселыя. Онѣ рады были остановкѣ. Бѣлокурая смѣялась надъ сильно запыхавшейся толстушкой.

Елена, Катя и миссъ Патерсонъ спустились съ террасы, чтобы поздороваться.

Ближе всѣхъ случайно встала Елена, и она не знала, какъ поступить. Поймать одну изъ болтающихся надъ лицомъ страшной старухи руку или просто поклониться?

Генеральша вывела ее изъ затрудненія.

— Поцѣлуйте меня!—приказала она капризнымъ, слабымъ голосомъ.

Елена повиновалась и поцѣловала старуху въ лобъ.

Та смотрѣла на нее не моргая, все такъ же жалобно.

„Узнаетъ она меня или нѣтъ?—недоумѣвала Елена.—Я была дѣвочкой, когда въ послѣднiй разъ ее видѣла".

И самое страшное было то, что старуха взглядомъ не отпускала ея и разглядывала, какъ вещь.

— Позовите батюшку,—наконецъ, сказала старуха.

Елена обрадовалась порученiю. Она знала, что о. Илларiонъ еще сидѣлъ въ столовой съ гостями, и храбро пошла за нимъ.

Онъ разсказывалъ что-то изъ своего дѣтства, и Елена остановилась у двери, чтобы не мѣшать ему.

— ...Шло насъ десять мальчиковъ, солнце заходило, а до деревни еще далеко. Рѣшили заночевать въ полѣ. Поставили караульнаго, какъ разъ брата моего, который теперь въ Городищѣ священникомъ. Только мы заснули, и онъ заснулъ. Но безпокойно, видно,—тотчасъ же и проснулся. Видитъ—солнце на небѣ. „Вставайте, ребята, свѣтаетъ!" Мы повскакали, побрели, а солнце вмѣсто того, чтобы подняться, совсѣмъ зашло. Вотъ мы и узнали, каковъ нашъ караульщикъ! А вѣдь всѣ сперва повѣрили, что проспали всю ночь!

Батюшка добродушно смѣялся.

Всѣ слушали, съ трудомъ воображая себѣ о. Илларiона маленькимъ, совсѣмъ бѣднымъ мальчикомъ. У Цыпки даже слезы умиленiя навернулись на глаза.

— Времени не понять, когда спишь, много ли, мало ли его прошло,—робко сказалъ сидѣвшiй въ концѣ стола купецъ.

Елена быстро подошла.

— Любовь Антоновна васъ проситъ, батюшка,—сказала она почтительно.

Онъ всталъ съ той стремительностью, которая обличала въ немъ очень здороваго и сильнаго человѣка, и лицо его опять сдѣлалось серьезное и сосредоточенное. Пастыремъ добрымъ спустился онъ къ больной и широкимъ крестомъ благословилъ ее.

— Терпѣнiе! терпѣнiе!

И быстро вернулся назадъ въ столовую, опять добродушно веселый.

А Елена смотрѣла, какъ дружнымъ напоромъ обѣ дѣвушки покатили по дорожкѣ свою генеральшу.

— Что мы будемъ весь день дѣлать?—спросила Елена.

— То-то и ужасно, что ничего нельзя дѣлать,—отвѣтила миссъ Патерсонъ.

— Увидимъ, что прикажутъ,—сказала Катя.

И, дѣйствительно, приказанiя сейчасъ же пришли. Ихъ вынесла Софья Петровна.

— Вы, Елена, пойдете наверхъ. Катя, васъ ждетъ баронесса у себя на балконѣ, вѣнки плести... Вы тоже поможете, миссъ Патерсонъ. Батюшка желаетъ, чтобы завтра для водосвятія плотъ былъ украшенъ зеленью. Въ пять часовъ онъ самъ покажетъ графинѣ и всѣмъ желающимъ Мысокъ.

„Точно и ясно, всѣ поступки указаны, только съ мыслями своими надо умѣть совладать", подумала Елена, и мысли такъ и кружились въ ея усталой головѣ.

Она побѣжала наверхъ къ Цыпкѣ. Та только за тѣмъ и позвала ее, чтобы хоть сколько-нибудь излить свой восторгъ.

Цыпка не была краснорѣчива и чаще всего говорила вопросами, даже когда утверждала что-нибудь.

— Нѣтъ, ты скажи мнѣ,—спросила она, какъ-то побѣдоносно глядя на Елену,—нѣтъ, скажи, развѣ онъ не удивительный?

— Конечно,—отвѣтила Елена.

Цыпка хотѣла еще многое сказать, но слова не очень-то подчинялись ей.

— Ты завтра пріобщишься?—спросила ее Елена.

— Кажется, да,—смущенно отвѣтила Цыпка, боясь слишкомъ положительнымъ утвержденіемъ сглазить завтрашнее счастье.— Батюшка разрѣшилъ.

— И завтра и въ Успеніе,—сказала Елена и сейчасъ же пожалѣла: не надо было говорить, какъ о вѣрномъ и простомъ, о такихъ большихъ въ цыпкиной жизни событіяхъ.

— Я не знаю, я еще ничего не знаю,—взволнованно заговорила Цыпка.—А тебѣ развѣ не пора пойти къ баронессѣ гирлянды плести?

Елена уже вышла, а Цыпка ее окликнула, что дѣлала она всегда, куда бы ее ни посылала.

— Не забудь, что въ пять часовъ батюшка намъ покажетъ Мысокъ.

Елена опять вышла, постояла минутку за дверью на случай, если Цыпка позоветъ еще. Но та не позвала, и по легкому вздоху Елена узнала, что Цыпка взяла молитвенникъ и готовится къ исповѣди. Страницы книги были совершенно мягки и вялы отъ частаго перелистыванья и отъ слезъ, которыя онѣ въ себя впитали. Онѣ не шелестѣли, не откидывались; каждую изъ нихъ надо было нѣжно укладывать на предыдущую уже прочитанную страницу.

„О грѣхахъ своихъ вздыхаетъ, милая", подумала Елена.

У баронессы она застала цѣлое женское общество. Лица у всѣхъ были блѣдныя и утомленныя, глаза безъ выраженія. Си-

дѣли на балконѣ и на ступенькахъ, ведущихъ къ нему. Большой столъ и деревянная лѣстница были завалены мхомъ, зеленью брусники и черники, верескомъ. Чтобы пробраться къ баронессѣ, Еленѣ пришлось осторожно отталкивать ногой зелень. И это вызвало смѣхъ. На Мыскѣ смѣялись всякому пустяку, какъ дѣти.

— Вотъ еще помощница,—привѣтливо сказала баронесса, и усадила Елену между Софьей Петровной и Катей.

Миссъ Патерсонъ сидѣла на полу и проворно работала. Длинной зеленой змѣей лежала около нея гирлянда. Шотландка вся оживилась отъ возможности что-нибудь дѣлать и сейчасъ же предложила состязаніе. Кто сплететъ большее количество аршинъ за два часа. Рѣшили раздѣлиться на группы. Елена перебралась къ миссъ Патерсонъ и подавала ей пучочки зелени, которые та, быстро обмотавъ веревочкой вплетала въ начатую гирлянду. Катя и Софья Петровна составили другую артель, а баронесса съ тремя дѣвицами изъ купеческаго званія не принимали участія въ состязаніи и работали самостоятельно. Ихъ гирлянда была очень толста и не гнулась, что нѣсколько смущало баронессу. Еленѣ и миссъ Патерсонъ особенно полюбился свѣтлый мохъ и лакированная зелень брусники съ букетиками ягодъ, гдѣ тѣснились почти бѣлыя, розовыя и темно-красныя бусы. Катя и Софья Петровна предпочли верескъ, а помощницамъ баронессы понравились садовыя, круглыя астры, напоминающія бумажныя розы на куличахъ и пасхахъ, и онѣ старательно, съ правильными промежутками, втыкали ихъ въ зелень черники: розовую астру, затѣмъ на четверть ниже лиловую, потомъ опять розовую. И это не нравилось баронессѣ; она начинала краснѣть, но не рѣшалась помѣшать...

Работали оживленно, когда появилась всѣмъ на Мыскѣ антипатичная пріѣзжая классная дама, съ которой, именно оттого, что ея не любили, изъ христіанской добродѣтели старались обращаться любезно. Она какъ будто это угадывала и подвергала терпѣніе окружающихъ постоянному испытанію.

— А вотъ и Ольга Павловна!—вскрикнула баронесса, насколько могла радушно,—садитесь, пожалуйста.

Ольга Павловна съ минуту постояла; ея угреватое лицо и полная, хорошо сохранившаяся фигура старой дѣвственницы выражали неодобреніе.

— Да тутъ и пробраться-то невозможно,—сказала она и покосилась на миссъ Патерсонъ, широко разставившую ноги. Присутствіе иновѣрки ей показалось неумѣстнымъ. А миссъ Патерсонъ не подымала головы и не догадывалась о намѣреніи Ольги Павловны пройти или дѣлала видъ, что не догадывается. Время

дорого, когда дѣло идетъ о состязаніи, а тутъ еще ворчливая старуха пришла.

— Перешагните,—сказала Елена.

— Я собственно за вами,—сказала спокойно Ольга Павловна.—Меня ваша тетя просила васъ позвать.

Елена посмотрѣла на часы. Пять ровно. Цыпка прислала сказать, чтобы она успѣла привести себя въ порядокъ, а вотъ надо бѣжать съ грязными отъ сырыхъ стеблей руками, съ платьемъ, усыпаннымъ мхомъ и листьями.

Она вскочила.

Изъ большого дома вышелъ отецъ Илларіонъ съ цѣлой свитой. Не прилично не итти сейчасъ. Она, вновь пріѣзжая, должна осмотрѣть Мысокъ, когда онъ предлагаетъ свое руководство, и Цыпка уже навѣрное безпокоится.

Баронесса и Софья Петровна встали и отряхнули платья онѣ тоже пойдутъ съ гостями. Елена позвала Катю взглядомъ, и обѣ, сдѣлавъ легкій кругъ, стали, какъ подобало ихъ возрасту, въ задніе ряды шествія.

Началось медленное и какое-то особенное хожденіе по Мыску. Вдругъ все—каждый домикъ, пустая больница, покинутая богадѣльня, каждая дорожка, каждое деревцо—стало интересно, значительно или мило. И не отъ того, чтобы отецъ Илларіонъ возвеличилъ свою дѣятельность,—нѣтъ, промыслъ Божій все такъ устроилъ, ревностныя души помогли, иногда даже кажущаяся неудача обращалась на пользу. Сѣялось что-то, и еще пышнѣе расцвѣтетъ. Отецъ Илларіонъ всюду останавливался, объяснялъ, и ясно было, что то̀, что есть, хорошо, и будущее прекрасно.

„Я утромъ ничего не понимала“, думала Елена.

Она осмотрѣла всѣхъ этихъ людей, почти молча, восторженно нѣжно слушающихъ отца Илларіона, и ей казалось, что всѣ внѣшнія различія между ними изгладились: они стали похожи другъ на друга, будто каждый потерялъ свое „я“ и взамѣнъ получилъ что-то новое, общее всѣмъ. И тѣ рѣдкія слова, которыя они произносили, были не ихъ слова, а повтореніе какого-нибудь выраженія отца Илларіона. Создался особенный стиль, всѣми ими принятый и никому изъ нихъ не принадлежащій.

„Что это?—продолжала разсуждать съ тоской Елена,—они какъ будто выдали ему полную довѣренность мыслить, чувствовать и говорить за себя, а сами живутъ только отблескомъ накопившейся у него огромной силы. Онъ ограбилъ ихъ“.

Она заломила себѣ пальцы.

— На святомъ мѣстѣ искушеній больше. Это искушеніе. Они хорошіе, простые, а я дурная".

Ее вначалѣ утѣшало, что графиня совершенно просто и дѣловито ставила вопросы, даже спросила, нѣтъ ли на Мыскѣ школы, на что отецъ Илларіонъ отвѣтилъ кротко: „не ученіе нужно, а молитва", и привелъ удивительные примѣры вѣры и благородства среди простыхъ неученыхъ людей. Впрочемъ, вопросъ графини былъ и потому неумѣстенъ, что на Мыскѣ вообще дѣтей почти не водилось, и извѣстно было, что отецъ Илларіонъ ставитъ дѣвство выше брака.

Графиня сдалась не сразу, что̀ вызвало нѣкоторое едва уловимое охлажденіе къ ней со стороны другихъ; но вскорѣ и она стерлась, обезличилась.

Подошли къ недоконченной церкви. Теперь нѣмой нашелъ себѣ помощника. Онъ не носилъ кирпичей, а стоя наверху стѣны, плотно упершись ногами, одной рукой съ удивительной ловкостью ловилъ кирпичи, которые снизу бросалъ ему высокій коренастый парень. Странно и жутко становилось, глядя на эту работу, похожую на опасную, нарочно придуманную игру. Ошибись коренастый парень, пошли онъ невѣрно кирпичину, онъ могъ попасть въ нѣмого и проломить ему грудь или голову, разбить ногу. Повернись нѣмой неловко, онъ бы слетѣлъ со стѣны на заваленную щебнемъ и бревнами землю. Но кирпичины взлетали въ воздухъ и ловились мѣрно, разъ—два, разъ—два, съ правильностью механизма.

И тутъ отецъ Илларіонъ сказалъ только одно слово:

— Церковь!

Всѣ молча смотрѣли, нѣсколько напряженныхъ минутъ. Отецъ Илларіонъ остановилъ бросавшаго кирпичи парня. Нѣмой взглянулъ удивленно и гнѣвно, но, поймавъ взглядъ отца Илларіона, насторожился, вытянулъ шею. Онъ понялъ, что батюшка съ нимъ заговоритъ.

— Андрей, плотъ приготовилъ?

Нѣмой быстро закивалъ головой и сбѣжалъ внизъ по лѣсамъ. Поровнявшись съ отцомъ Илларіономъ, онъ начертилъ въ воздухѣ длинный прямоугольникъ и затѣмъ посерединѣ охваченнаго имъ пространства другой прямоугольникъ, меньше. Опять закивалъ головой, протянулъ руку и указалъ на озеро.

Отецъ Илларіонъ понялъ и перевелъ. Въ плоту на озерѣ нѣмой вырубилъ квадратное отверстіе.

— Покажи,—сказалъ отецъ Илларіонъ.

Нѣмой побѣжалъ, и за нимъ, но гораздо медленнѣе его, двинулись всѣ остальные. Когда они подошли къ озеру, тихому, свер-

кающему, смѣющемуся милліонами маленькихъ, имѣющихъ форму губъ волнами, нѣмой стоялъ на колѣняхъ посреди плота и указывалъ на большой люкъ, крышку котораго оттащилъ уже. Плотъ обыкновенно служилъ лодочной пристанью, но лодки были отведены и привязаны къ кольямъ, вбитымъ въ берегъ.

— Къ чему такой большой?—спросилъ отецъ Илларіонъ нѣмого, указывая на люкъ.

Лицо нѣмого судорожно заходило. Видно было, что ему предстояло объяснить что-то крайне сложное и важное, что ему тяжело до боли, что, можетъ быть, его ни о чемъ спрашивать не слѣдуетъ. Но отецъ Илларіонъ взглядомъ настаивалъ, и рукой, мягкимъ, но властнымъ жестомъ, указалъ, чтобы его не тѣснили.

Всѣ отошли не торопясь къ лодкамъ, заинтересовались ими и заговорили объ озерѣ, о прекрасномъ видѣ. Такъ слѣдовало поступить, не смотрѣть на отца Илларіона и нѣмого, не слушать, но Елена не могла повиноваться; она сознавала, что нарушаетъ приличіе, но всетаки осталась съ внимательными, широко раскрытыми глазами.

Нѣмой вдругъ рѣшился. Онъ сдѣлалъ видъ, что погружается въ люкъ и объяснялъ, что меньше его нельзя было бы сдѣлать, человѣкъ не помѣстился бы.

— Кто же бросится въ воду?—спросилъ отецъ Илларіонъ.

Нѣмой указательнымъ пальцемъ ударилъ себя въ грудь. Онъ весь дрожалъ, казалось, что у него вырывали, выматывали признаніе. Слезы, тяжелыя, крупныя, подступали къ его глазамъ. Надо объяснять дальше; онъ объяснитъ.

Стараясь подражать осанкѣ отца Илларіона, онъ сдѣлалъ видъ, что держитъ большую книгу и читаетъ изъ нея. Потомъ стремительнымъ движеніемъ поднятой къ небу руки изобразилъ полетъ чего-то сверху внизъ и пальцами пошевелилъ воду, потомъ, весь преображенный надеждой, показалъ, что онъ стремглавъ бросится въ воду, выйдетъ и... онъ приложилъ палецъ къ губамъ и зашевелилъ ими преувеличенно, дико.

Елена поняла и воображеніемъ дополнила: чтеніе Евангелія, Силоамская купель. Ангелъ возмущаетъ воду. Первый, кто окунется, исцѣленъ будетъ. Нѣмой вѣрилъ, вмѣсто ангела будетъ отецъ Илларіонъ съ его сильной, всемогущей молитвой; онъ погрузитъ крестъ въ воду, освятитъ ее, и отъ освященной воды нѣмому вернется даръ слова.

Отецъ Илларіонъ тоже понялъ, понялъ гораздо раньше ея. Отъ него нѣмой ждалъ чуда. Что скажетъ ему отецъ Илларіонъ?

Онъ печально взглянулъ на нѣмого.

— Не искушай Господа Бога твоего!

Нѣмой содрогнулся; у него, какъ бы отъ физической муки, закатились глаза. Это продолжалось секунду. Лицо его посѣрѣло, но опять сдѣлалось обыкновенное, покорное.

— Неисповѣдимы пути твои, Господи!—съ силой продолжалъ отецъ Илларіонъ.—Безъ ропота неси крестъ, данный тебѣ отъ Бога. Твоя нѣмая душа, не оскверненная грѣховными словами, въ раю воспоетъ хвалу Всевышнему. По благости своей, создавшій тебя, отстранилъ на пути твоемъ самый страшный соблазнъ. Не то, что входитъ въ уста оскверняетъ человѣка, но то, что выходитъ изъ устъ его! А ты словами не грѣшилъ. Нѣмой, благодари Господа!

Елена робко, со смиреніемъ, котораго она не ждала отъ себя, подошла къ отцу Илларіону.

— Батюшка, мы всѣ будемъ молиться, всѣ какъ умѣемъ, всей душой съ вѣрой. Вѣра двигаетъ горами. Батюшка, позвольте ему.

У ней голосъ оборвался отъ рыданія. Ей казалось, что отецъ Илларіонъ можетъ исцѣлить нѣмого и не хочетъ. Сулитъ райскія пѣсни человѣку, которому просто хочется быть какъ всѣ, заговорить. Или она богохульствуетъ? Развѣ райскія пѣсни могутъ итти въ сравненіе съ радостью человѣческой рѣчи? И гдѣ ея вѣра, когда она такъ разсуждаетъ?

А тѣ, которые стояли у лодокъ, увидѣли, что Елена подошла и говоритъ съ батюшкой, и рѣшили, что могутъ вернуться. Робко они подходили, и батюшка одобрялъ ихъ взглядомъ.

— Нѣмой,—сказалъ онъ твердо, упорно называя его не по имени, а по его убожеству,—принеси доски и сейчасъ же сдѣлай люкъ меньше, оставь только такое мѣсто, чтобы можно было свободно погрузить крестъ.

Онъ сказалъ и ушелъ. Онъ опять былъ радушнымъ хозяиномъ, бесѣдующимъ съ дорогими гостями, и смиреннымъ священникомъ, памятующимъ о служеніи своемъ.

— Вотъ наша Евдокія Аполлоновна забезпокоилась,—думаетъ, не пора ли заправлять лампады для всенощной.

— Правда, батюшка, правда,—отвѣтила Евдокія Аполлоновна.

Всѣ поняли, что батюшка отпускаетъ ихъ, и незамѣтно разбрелись приготовляться ко всенощной.

Въ церкви зазвонили колокола.

Прошла всенощная, торжественная, длинная; прочтены были молитвы къ исповѣди; по очереди исповѣдовались, долго и по-

дробно, смиренныя грѣшницы и выходили трепетныя, сваливъ съ души всѣ тяжкіе грѣхи. Теперь ихъ мучилъ страхъ искушенія. А искушенія приходили. Каждая изъ нихъ наблюдала, не дольше ли продержалъ на исповѣди о. Илларіонъ другую, чѣмъ ее; не была ли его отпускная молитва для той звучнѣе и прочувствованнѣе. Зависть, осужденіе, гордость. Все, что дѣлалъ о. Илларіонъ, было хорошо, а каждая уходящая послѣ исповѣди женщина уже грѣшила и порицала себя за грѣхъ и всю надежду на спасеніе возлагала на его же молитву. Онѣ падали, спотыкаясь о песчинку, но онъ, поддерживая ихъ, приведетъ къ вѣчному блаженству.

Прошла ночь съ тревожными снами и вздохами покаянія. Наступило кроткое утро. Цыпка проснулась рано.

— Елена,—шепнула она съ тоской, видя, что племянница сама не догадывается,—вставай, надо убрать плотъ гирляндами.

И Цыпка отвернулась, чтобы не говорить лишняго до причастія и сосредоточиться, принарядить по-праздничному, во все бѣлое, смущенную, робкую душу.

Елена быстро встала, одѣлась, приготовила цыпкины вещи, сѣрое простое платье, батистовый бантъ, тонкіе платки для слезъ умиленія и радости. Цыпка угломъ глаза слѣдила за ней, довольная, что все у ней будетъ подъ рукой и что все такъ прилично, и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпокоенная тѣмъ, что Елену тамъ у плота, можетъ быть, осуждаютъ за неусердіе.

— Иди же,—шепнула она.

На всемъ Мыскѣ, у церкви, по дорожкамъ, на лужайкахъ и у плота были богомольцы. Ихъ число поразило Елену. Они пришли изъ деревень, скрытыхъ за еловыми лѣсками, пріѣхали изъ Городища и другихъ большихъ селъ, приплыли по озеру и разлились безшумной волной въ ожиданіи службы Божіей.

На плоту отчетливо вырисовывался небольшой четыреугольникъ, подъ которымъ струилась, тихо ударяя о берегъ, вода. Заплатки изъ досокъ были сдѣланы аккуратно. Вокругъ перилъ плота вчерашнія работницы обвивали гирлянды подъ внимательнымъ взоромъ прибывшихъ богомольцевъ.

Старикъ-крестьянинъ съ повязанными, какъ будто для игры въ жмурки, глазами откидывалъ голову, стараясь разглядѣть, что̀ дѣлалось. Калѣки, еще не придавшіе своему лицу заискивающаго выраженія, не выставившіе напоказъ самымъ выгоднымъ образомъ кто съ язвами ногу, кто исковерканную, лишенную пальцевъ, руку, сидѣли или стояли на берегу и смотрѣли на господскія затѣи. „Чѣмъ больше они придаютъ важности своему празднику, тѣмъ щедрѣе будутъ ихъ милостыни“, думали они.

Въ сторонѣ, бабы-торговки на дощатыхъ подмосткахъ подъ навѣсами раскладывали баранки, пряники, конфеты круглыми палочками въ красныхъ бумажкахъ, изрѣзанныхъ на концахъ въ видѣ кисточки.

Уже было жарко. Отъ воды прибѣгала легкая свѣжесть, но къ часу, когда совершится водосвятіе, озеро, какъ зеркало, отразитъ безпощадное солнце, и они, оба тихія, прекрасныя и ужасныя, будутъ улыбаться другъ другу подъ звуки людской молитвы.

— Мы вчера всѣхъ побили,—сказала Еленѣ миссъ Патерсонъ,— наша гирлянда и лучше, и длиннѣе другихъ.

— Не все ли равно?—отвѣтила Елена.—Гдѣ Андрей?—спросила она Катю.

Катя привязывала конецъ гирлянды къ прикрѣпленной на углу плота березкѣ.

— Не знаю, его сегодня никто не видѣлъ, но онъ все приготовилъ, что нужно... Слушай, Елена, скажи миссъ Патерсонъ, что если она непремѣнно хочетъ во время крестнаго хода нести образъ, то пусть держитъ его какъ слѣдуетъ. Въ прошлый разъ она повѣсила его на пуговицу блузы и шла, размахивая руками.

— На картинкѣ была петелька, я думала, что можно повѣсить,—отвѣтила миссъ Патерсонъ.—Виситъ же въ церкви на стѣнѣ.

Елена не стала заниматься украшеніями плота, тѣмъ болѣе, что почти все было сдѣлано, и сдѣлано не ими. Не онѣ сплели столько вѣнковъ, не онѣ натыкали столько березокъ; другія невидимыя руки работали, пока онѣ молились. Вѣрно, Раису и Лукерью отпрягли вчера вечеромъ отъ повозки генеральши, и Паша помогала своей единственной рукой съ лоснящимся конусообразнымъ обрубкомъ.

У недостроенной церкви не было нѣмого. Елена обошла ее всю. За сваломъ досокъ и бревенъ она замѣтила крошечную избушку, родъ одиноко стоящаго чулана, гдѣ, вѣроятно, хранились инструменты или, быть можетъ, жилъ сторожъ. Но теперь, очевидно, здѣсь никого не было, на старой двери висѣлъ огромный замокъ. Елена подергала его. Заперто. Въ одной досщатой стѣнкѣ для свѣта было продѣлано крошечное продолговатое окошечко, какія бываютъ въ баркахъ, и рама была въ немъ, вѣроятно, оторвана отъ барки, такая же, казалось, побитая бурями. Елена поднялась на цыпочки и заглянула внутрь чулана. Сперва она ничего не разглядѣла, но вдругъ что-то большое зашевелилось. Въ чуланѣ сидѣлъ нѣмой. Онъ замѣтилъ по увеличившейся темнотѣ, что кто-то стоитъ у окна, и отвернулся.

Онъ сидѣлъ на какомъ-то ящикѣ у грубо сколоченнаго столика. Ему было не худо. На столикѣ хлѣбъ, горшокъ съ какой-то снѣдью; вѣеромъ торчалъ хвостъ рыбы. Былъ и кувшинъ съ водой... И все въ крошечномъ пространствѣ внутри чулана было опрятно. Сверкали ярко вычищенныя лопаты, топоры; ведра изъ-подъ известки бѣлѣли, выстроенныя въ рядъ. Вдоль стѣны лежала куча сѣна, прикрытая пестрымъ, сшитымъ изъ клиньевъ и четырехугольниковъ разныхъ ситцевъ, одѣяломъ. Здѣсь обзавелся хозяйствомъ нѣмой.

Елена застучала пальцами по стеклу.

Нѣмой поднялъ голову, медленно закрылъ большую книгу, которую держалъ на колѣняхъ, и положилъ ее на столикъ. По размѣру книги и по ярко-зеленому переплету Елена узнала синодальное изданіе Библіи. Нѣмой подошелъ къ окну и нагнулъ свое лицо на уровень съ лицомъ Елены.

— Кто тебя заперъ?—крикнула Елена.

Ни одинъ мускулъ на лицѣ нѣмого не шевельнулся. Онъ подошелъ, потому что она подозвала его, но объяснять ей ничего не хотѣлъ.

— Батюшка? Кивни головой, если это батюшка.

Онъ остался неподвижнымъ. Не отрицалъ и не соглашался.

— Хочешь, я выпущу тебя?—продолжала Елена, какъ будто она могла сейчасъ же безъ всякаго усилія отомкнуть замокъ.

Онъ медленно отрицательно покачалъ головой и, какъ показалось Еленѣ, скорбно и вмѣстѣ съ тѣмъ немного насмѣшливо улыбнулся.

Онъ отошелъ отъ окна и прислонился плечомъ къ двери, показывая, что если надавитъ—дверь рушится. Елена расхохоталась. Конечно, разлетится старая, тонкая дверь подъ такимъ ударомъ, какой могъ дать онъ.

— Ну, что же, ломай!—закричала она.

Но онъ сѣлъ на прежнее мѣсто у стола и больше не смотрѣлъ на нее.

Какъ глупо—думала Елена—запереть такого богатыря въ дощатый чуланчикъ, гдѣ у него, вдобавокъ, складъ ломовъ, лопатъ и топоровъ. Это не могъ приказать о. Илларіонъ. Ей опять припомнились слова: „послушаніе—безъ трудовъ спасеніе". О. Илларіонъ могъ приказать нѣмому не выходить изъ чулана, но запереть въ чуланъ онъ не могъ. Объясненіе съ нѣмымъ его сильно взволновало. Кому о. Илларіонъ довѣрилъ свой страхъ соблазна? Кто сердцемъ угадалъ этотъ страхъ? Кто преданной, глупой рукой повернулъ ключъ?

Всѣ были преданы о. Илларіону, но кому онъ вѣрилъ, кому сказалъ? Кто тихо, желая сдѣлать угодное ему, содрогаясь отъ мысли, что отъ него требуютъ чуда, пробрался къ нѣмому и заперъ его? Женщина, навѣрно. Значитъ, о. Илларіонъ мучился просьбой нѣмого, думалъ надъ ней. Если съ вѣрой сказать горѣ сей: „пойди и ввергнись въ море“, она пойдетъ; но такая вѣра сама по себѣ есть чудо, ея нельзя имѣть. Для совершенія видимаго чуда необходимо другое, предварительное, невидимое. А на это первое невидимое чудо у о. Илларіона не было силы. Но вѣдь самъ Христосъ разъ отказался совершить чудо и сказалъ: „не искушай Господа Бога твоего“. Повторилъ его слова о. Илларіонъ и объяснилъ, что чудо это было бы безполезно. Онъ исцѣлялъ истеричныхъ женщинъ, но Пашѣ руку не отростилъ своей молитвой...

У Елены застучало въ вискахъ. Развѣ есть степени въ чудесахъ?

„Блаженны не видѣвшіе и вѣровавшіе“, отвѣтила она себѣ.

Она незамѣтно для себя дошла до церкви и стала пробираться къ конторкѣ, гдѣ продавала свѣчи Евдокія Аполлоновна. На клиросѣ читалъ часы слабоумный племянникъ баронессы, Костя Тугаринъ, и сіялъ отъ радости, что ему батюшка позволилъ надѣть стихарь.

Елена купила свѣчку и сказала Евдокіи Аполлоновнѣ:

— Я сегодня нигдѣ не нашла нѣмого. Не знаете ли, гдѣ онъ?

Та простодушно отвѣтила:

— Не знаю.

И стала столбикомъ укладывать въ ящикъ конторки пятаки и пятіалтынные.

Подошла Татьяна Ивановна, неся на подносѣ груду просфоръ. Она сама пекла ихъ и страшно устала.

— Берите!—сказала она почти громко.

Чтеніе Тугарина она не считала за службу и такъ измучилась хлопотами съ ранняго утра, что ей было не до деликатности.

— Гдѣ нѣмой?—спросила Елена.

— Тамъ, гдѣ не помѣшаетъ. Нѣмой да нѣмой, только о немъ и рѣчи,—огрызнулась Татьяна Ивановна.

И по ея раздраженію и несправедливости Елена угадала, что она именно и заперла нѣмого.

Великая была любовь у этой старухи къ о. Илларіону, слѣпая, материнская любовь и вмѣстѣ съ тѣмъ благоговѣйная. Не одну медвѣжью услугу она оказала ему своимъ усердіемъ не по

разуму, но все искупила безпредѣльной любовью. Все отдала, пошла за нимъ.

Елена вышла изъ церкви и черезъ внутреннія комнаты вернулась, чтобы встать напередъ, съ Цыпкой. Она не могла и даже не хотѣла молиться. Страшная духота, запахъ ситцу и сапогъ уже наполнялъ воздухъ. Обильное кажденіе чрезвычайно пахучимъ ладаномъ кружило голову и вмѣстѣ съ тѣмъ помогало выстаивать утомительную службу. Нѣкоторыя части обѣдни, когда она слѣдила за пѣніемъ и возгласами, казались ей очень длинными, другія промелькали незамѣтно. Она впала въ какое-то забытье, но становилась на колѣни, вставала, крестилась, когда слѣдовало, со всѣми. Себя она перестала чувствовать, сдѣлалась частью общаго цѣлаго, охваченнаго молитвой.

Когда пошли крестнымъ ходомъ, она бережно держала передъ собой образокъ, опустивъ вѣки подъ палящимъ солнцемъ, и ей не странно было, что задніе ряды любителей пѣвчихъ пѣли совсѣмъ не то, что передніе, она сознавала только, что всѣ воздаютъ хвалу Богу. Нестройность и общность молитвы умиляли ее, и сама она подтягивала съ тѣми, кто былъ ближе. На образкѣ былъ изображенъ святитель Пантелеймонъ, молодой и кудрявый, одной длинной и узкой рукой указывающій на небо, а другой придерживающій ларчикъ. Но никакихъ грѣховныхъ мыслей о чьемъ-нибудь внезапномъ исцѣленіи у ней не было, жизнь тѣла не существовала для нея, и передъ расплавленнымъ золотомъ озера, подъ сіяніемъ солнца, она молилась вмѣстѣ съ тихо шевелящимися губами волнъ, съ играющими лучами; слилась съ ними такъ же, какъ и съ толпой свѣтскихъ людей, крестьянъ и калѣкъ, которыхъ перестала различать. И огромной радостью было для нея, когда о. Илларіонъ обильно окропилъ ей всю голову только что освященной водой. Озеро, съ которымъ она молилась, дало ей братское цѣлованіе.

— Елена, вамъ дурно! — испуганно шепнулъ кто-то и обхватилъ ея станъ рукой.

„Нѣтъ, ей хорошо, очень хорошо; только она стоять не можетъ. Зачѣмъ ей не дали упасть, навѣрно и это было бы пріятно, какъ все сегодня пріятно.

Но Софья Петровна отвела ее въ сторону и усадила на траву, раскрывъ надъ ней зонтикъ. Какъ всѣ добры, какъ добра Татьяна Ивановна, что заперла нѣмого. Онъ, пожалуй, испортилъ бы все это благолѣпіе низкой, корыстной молитвой. И къ чему говорить, когда душа поетъ, озеро хвалитъ Бога, чайки, кувыркаясь въ воздухѣ, веселятъ Всевышняго, какъ Давидъ пляшущій передъ

скиніей. Вотъ она сейчасъ встанетъ, отыщетъ Татьяну Ивановну и скажетъ ей что-нибудь поласковѣе...

Молебенъ былъ оконченъ. Закачались въ воздухѣ золотыя съ голубымъ хоругви, унося въ церковь частицы неба и солнца, сверкалъ большой крестъ, залогъ спасенія; шелъ въ серебристо-бѣломъ одѣяніи, съ серебряными волосами и свѣтлымъ строгимъ лицомъ о. Илларіонъ. Шелъ и пѣлъ; и пѣли за нимъ вереница молящихся, катилась повозка Щегловой съ поющими Раисой и Лукерьей; шла пестрая толпа съ поднятыми загорѣлыми лицами и широко раскрытыми глазами; плелись, сильно взмахивая костылями, хромые; слѣпые крѣпко держались за плечо провожатыхъ. Елену захватила толпа и кинула въ церковь.

Кончился духовный пиръ, тихо стали на мѣста, встрепенувшись передъ иконостасомъ, хоругви, на налояхъ легли изображенія святыхъ. Разбрелись по Мыску богомольцы-пришельцы, отдохнули, поѣли и потекли по дорогамъ, уплыли по озеру.

А въ большомъ домѣ радость, подкрѣпленная многолюдной молитвой, продолжалась; обѣдали всѣ вмѣстѣ, всѣ равные, братья и сестры, подъ любовнымъ взглядомъ пастыря, духовнаго отца. И онъ еще возросъ, еще посвѣтлѣлъ, вся сила молитвы, которую онъ внушалъ толпѣ, какъ бы сгустилась въ немъ. Его глаза сверкали, а глаза его духовныхъ дѣтей смотрѣли кротко, невинно— пустыя окна чистыхъ пустыхъ жилищъ.

Елена весь день была въ сладостномъ оцѣпенѣніи. Смѣялась легкимъ глупымъ смѣхомъ, когда смѣялся рядомъ съ ней кто-нибудь, не говорила и не думала. Обѣдъ продолжался долго, было душно и жарко. Еще сидѣли за столомъ, когда пробило четыре часа.

— Вы очень устали,—сказала ей черезъ столъ сидѣвшая противъ нея миссъ Патерсонъ,—ускользните потихоньку.

— Не знаю, устала ли я,—отвѣтила Елена.

Она потеряла сознаніе времени, и понимала одно: дѣлать какъ всѣ.

Когда встали и задвигались къ двери, она столкнулась съ Татьяной Ивановной, и вдругъ острая мысль шевельнулась въ ея головѣ.

— Выпустили нѣмого?—спросила она.

Татьяна Ивановна пощупала ключъ въ карманѣ и отвѣтила, нисколько не удивляясь, на вопросъ Елены:

— Нѣтъ еще, не успѣла.

Она чутьемъ угадала, что Елена теперь не мудрствуетъ лукаво. А Елена вполнѣ равнодушно узнала, что нѣмой все еще запертъ.

Дѣла ни у кого не было въ этотъ великій праздникъ, оставалось только ждать всенощной, не торжественной всенощной для толпы молящихся, а смиренной, скромной, для однихъ жителей Мыска, благодарственный вечерній лепетъ тихой радостью наполненныхъ душъ. Предъ самымъ сномъ. Начнется всенощная поздно, въ десятомъ часу, и разойдутся послѣ нея, безъ словъ, безъ грѣха, на мирныя ложа.

А теперь о. Илларіонъ ушелъ къ себѣ, и все на Мыскѣ замерло. Палило безпощадное солнце. Казалось, что вокругъ мохнатыхъ елочекъ съ крестообразными верхушками курился кадильный дымъ.

Ждали сумерекъ. Дремотно переговаривались, дремотно ходили по горячимъ тропинкамъ, дремотно пили чай. Ждали призыва къ молитвѣ; и, наконецъ, легъ на Мысокъ темный покровъ, освѣжилъ поникшія головы, и безъ благовѣста, будто счастье немноголюдной молитвы слѣдовало цѣломудренно скрыть, собрались въ скудно освѣщенную церковь, размѣстились по угламъ и возлѣ стѣнъ; горѣло лишь нѣсколько лампадъ, и тонкія свѣчи передъ ликомъ Спасителя и Богоматери казались огненными цвѣточками на бѣлыхъ стебелькахъ. Очертанія о. Илларіона почти не было видно; спокойное лицо, благовѣщавшія губы, серебряные волосы на плечахъ, верхъ эпитрахили. А темная ряса и темный клобукъ сливались съ окружающей темнотой. Онъ произносилъ слова, какъ всегда, внятно и проникновенно, но не громко и пѣлъ вполголоса. Всенощная должна была закончиться акаѳистомъ Дѣвѣ Маріи, благодареніемъ Матери за безчисленныя милости, оказанныя Сыномъ, и отъ этого съ самаго начала служба была проникнута какой-то нѣжностью. „Къ тебѣ прибѣгаемъ, Владычица Богородица", звучало во всѣхъ сердцахъ; ты какъ-то ближе, доступнѣе, прими негромкую молитву. Въ церкви были почти однѣ женщины, и онѣ ждали съ особеннымъ умиленіемъ акаѳиста къ Дѣвѣ Маріи, не страшной, ласковой.

Всенощная приближалась къ концу.

— Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!—съ силой проговорилъ о. Илларіонъ.

И радостный вздохъ пронесся по церкви.

Елена стояла на колѣняхъ у стѣны, и при возгласѣ о. Илларіона ей показалось, что темная середина церкви освѣтилась.

„Что это, заря? Они, какъ древніе христіане, встрѣчали въ церкви восходъ солнца? Нѣтъ, не можетъ быть, до разсвѣта еще далеко; это сверкаетъ зарница послѣ душнаго дня. А свѣтъ былъ,

онъ не показался ей, онъ становится сильнѣй, онъ наполнилъ церковь, освѣтилъ фигуры по угламъ и вдоль стѣнъ, уродливо скрючилъ ихъ.

Пожаръ!

Заполошились всѣ, и тѣни отъ крестящихся рукъ вдругъ огромныя сливались какъ бы въ борьбѣ. Затопали въ церкви, стуча, безтолковые шаги, незнаючи кидались тѣла. О. Илларіонъ служилъ, а молящіеся разбѣгались.

— Гдѣ горитъ? Что горитъ?

Елена схватила за руку Цыпку, но та отдернулась, осталась.

„Пусть, вѣдь горитъ не здѣсь", сообразила Елена, и она бросилась къ двери, толкнула кого-то, сама получила сильный ударъ въ плечо, опять очутилась внутри церкви, ее стиснули какіе-то люди, другіе сзади напирали, и она, держа въ судорожно сжатыхъ пальцахъ чей-то головной платокъ, вылетѣла на паперть. Такъ мало казалось народу въ церкви, и вдругъ такая давка! На ступеняхъ она упала, потомъ поднялась и побѣжала нѣсколько шаговъ. Горѣло не близко, они всѣ были въ безопасности; горѣла у озера новая церковь. Какъ костеръ, пылали сухіе лѣса и груды запасныхъ досокъ и балокъ. Пламя расширялось, присѣдало бѣгая и шаря повсюду, и вдругъ вытягивалось длинными языками, желая оторваться отъ земли; опять присѣдало, опять прыгало дико, упорно.

— Слава Богу, не жилье, тамъ никого нѣтъ!

— Тамъ нѣмой, тамъ онъ запертъ въ лачугѣ, онъ могъ задохнуться раньше, чѣмъ проломилъ дверь!

И рядомъ съ собой она увидѣла сѣрую всклокоченную голову Татьяны Ивановны; это съ нея она стянула платокъ. Елена потрясла ее за плечи, и ужасно закачалась старая голова, съ широкимъ беззубымъ ртомъ.

— Дайте ключъ, если не поздно!

Она сама шарила въ карманѣ холщеваго платья, вынула четки, швырнула ихъ на землю вмѣстѣ съ платкомъ и ощупала ключъ.

Изъ церкви донесся голосъ о. Илларіона:

— „Благодарственную восписуемъ ти, Богородице!"

Онѣ съ секунду постояли другъ противъ друга, и Елена отскочила съ ненавистью отъ Татьяны Ивановны и побѣжала, держа ключъ.

— Откройте ему, откройте, — прошамкала старуха безпомощно, — откройте.

Она подняла четки, повязала голову платкомъ и вернулась

въ церковь. Она знала, чего стоило о. Илларіону его спокойствіе, знала сердцемъ и гордилась имъ. А онъ зналъ, что она вернется, и что если грозитъ ему опасность, она, старая, маленькая, спасетъ его.

Она стала у самаго иконостаса поправлять фитиль лампады, и когда онъ вышелъ изъ алтаря, шепнула, будто молясь:

— Горятъ лѣса на новой церкви.

Онъ слышалъ и перекрестился. Кто-то рыдалъ. Самыя вѣрныя, которыя не ушли, застыли въ ужасѣ, думая, что умираютъ съ нимъ. Кто ушелъ, кто остался—не знали; другъ друга не узнавали. Татьяна Ивановна, тихо шлепая, шла отъ одной къ другой.

— Господь сохранитъ, Господь спасетъ, горитъ далеко...

Но ужасъ не уходилъ.

— Горитъ сосѣдняя деревня...

Вздохнули облегченно.

А на Мыскѣ суетились, странно прыгая, хватая и толкая другъ друга, какіе-то люди. Елена во весь духъ мчалась и не переставая кричала, пронзительно кричала, и отъ ея крика дикій страхъ охватывалъ людей. Они было успокоились: горитъ не жилье, горитъ въ сторонѣ стоящая пустая и недоконченная церковь. Вѣтра нѣтъ. Отчего этотъ дикій крикъ, и кто это кричитъ? и многіе, заражаясь, тоже вопили. Какая-то женщина загородила Еленѣ дорогу; Елена рукой оперлась о мягкую грудь и отшатнулась.

— Ты лучше всѣхъ!—испуганно шепнула женщина.

— О, Боже, только бы мнѣ спасти его,—взмолилась Елена; она перестала кричать, слова безумной ей показались предсказаніемъ. Если спасетъ его, то она, дѣйствительно, лучше другихъ.

Она побѣжала еще. Страшнымъ жаромъ пахнуло на нее, нельзя ближе подойти, жара лижетъ языками все ея тѣло, какъ прыгающее пламя лизало обгорѣвшія стѣны. И къ чему итти? Уже кончено. Бревна и доски всѣ сгорѣли, чулана нѣтъ.

Елена закачалась и упала бы, если бы не поддержала ея Паша, очутившаяся рядомъ съ ней.

— Багоръ! Тащи багоръ!—закричалъ страшный ревущій голосъ.

Елена и Паша переглянулись и замерли.

Нечеловѣческій голосъ.

Возились тамъ, съ той стороны, люди. Елена и все еще поддерживающая ее Паша кинулись къ озеру.

Шумно скатилась въ воду огромная пылающая балка и зашипѣла, задымилась. Работали, растаскивая доски, человѣкъ де-

сять. Впереди нѣмой рубилъ топоромъ лѣса и вдругъ выпрямился, обернулся лицомъ къ менѣе отважнымъ помощникамъ.

— Багоръ!

Паша искалѣченной рукой поправила платокъ на головѣ и такъ и застыла, глядя изъ-подъ обрубка, розоваго и лоснящагося, на Елену. Быстро, лѣвой рукой перекрестилась и зашептала:

— Великая милость твоя, Господи; нѣмой заговорилъ!

Елена два дня пролежала въ сильномъ бреду. Ее лѣчила настойками изъ травъ Евдокія Аполлоновна. На Мыскѣ не было доктора. И Цыпка, всегда такая мнительная, не рѣшилась просить, чтобы послали въ городъ. Евдокія Аполлоновна ставила градусникъ Еленѣ и, передъ тѣмъ, какъ показать его встревоженной Цыпкѣ, встряхивала его. Маленькій жаръ. Совсѣмъ безпокоиться незачѣмъ. Всѣ знали на Мыскѣ, что Елена скоро поправится, и, дѣйствительно, на третій день она проснулась здоровая.

На креслѣ у ея постели сидѣла Цыпка, худенькая, легонькая, сморщенная. И, втянувъ подбородокъ, поверхъ слишкомъ большихъ очковъ, смотрѣла на Елену.

„Читала, должно быть, въ сотый разъ Авву Варсонофія", подумала Елена,—и вдругъ припомнила пожаръ и все что было.

— Цыпка,—вскрикнула она,—вѣдь правда, вѣдь это не показалось мнѣ, нѣмой заговорилъ?

Цыпка встала и нагнулась надъ Еленой:

— Ты теперь здорова, ничего не болитъ?

— Здорова,—отвѣть мнѣ.

Цыпка засіяла, но смутилась.

— Да, Елена, нѣмой исцѣлился. Пока въ церкви молился о. Илларіонъ, совершилось великое чудо. Но,—она понизила голосъ,—онъ запретилъ объ этомъ говорить. И онъ все такой же ласковый, снисходительный, заботится о всѣхъ. И когда упоминаютъ о чудѣ, онъ только крестится и говоритъ: надо благодарить Господа.

— Но кто же напоминаетъ, если онъ запретилъ?

Цыпка хитро улыбнулась.

— Ты представить себѣ не можешь, сколько народу здѣсь перебывало. И ждутъ много знатныхъ гостей. Я боюсь даже,—продолжала она печально,—что намъ нельзя будетъ долго оставаться. Понадобится наша комната. Баронесса предлагаетъ переѣхать къ ней, но батюшка этого не допуститъ; онъ такой добрый, будетъ настаивать, чтобы мы остались, да и къ баронессѣ пріѣдутъ... И пожертвованія будутъ большія, новая церковь скоро отстроится...

— А нѣмой гдѣ?

— Да не говори же о немъ,—испуганно зашептала Цыпка и тотчасъ прибавила:—его здѣсь нѣтъ. Батюшка послалъ его, кажется, въ монастырь на нѣсколько недѣль, чтобы онъ никого не смущалъ и не возгордился бы... Да, великое совершилось чудо.

Елена откинулась на подушку. Въ ея пустой головѣ звенѣло.

— Великое чудо...

Пришла Евдокія Аполлоновна, прищурила добрые близорукіе глаза, потрогала лобъ и руки Елены.

— Что я вамъ говорила! Здорова, совсѣмъ здорова!

— Я ужасно ѣсть хочу,—сказала Елена.—Одѣнусь и пойду внизъ чай пить.

— Ну, это, пожалуй, слишкомъ скоро. Днемъ можно встать, а теперь полежите. А молока кипяченаго вамъ сейчасъ принесутъ. Ну, а я въ церковь. Сегодня у насъ о. діаконъ имениникъ.

Старушки ушли. Еленѣ ѣсть хотѣлось. Мысль о чудѣ постоянно вертѣлась въ ея мозгу, но какъ-то глухо. Она думала о кипяченомъ молокѣ. Принесутъ ли кувшинъ, или одинъ стаканъ только, не полный, чтобы не разлилось, и дадутъ ли къ молоку сухарей? О. діаконъ имениникъ. Вотъ, должно быть, пекутъ и варятъ у него.

Тихо постучали въ дверь. Вошла съ подносомъ въ рукахъ миссъ Патерсонъ. И такъ все мило было устроено на подносѣ. Красный кувшинчикъ съ молокомъ, высокій граненый стаканъ, ломтики поджареннаго бѣлаго хлѣба, салфеточка съ хорошо распутаной бахромой. Елена пришла въ умиленіе.

Миссъ Патерсонъ ловко поправила ей подушки, взяла другую подушку съ цыпкиной кровати, засунула ее Еленѣ за плечи и устроила подносъ на ея колѣняхъ.

Елена съ наслажденіемъ ѣла.

— Ваши нервы были очень потрясены. Пожаръ и удивительный случай съ нѣмымъ. Тутъ, конечно, никто ничего не изслѣдовалъ, но я думаю, что онъ въ дѣтствѣ, отъ сильнаго испуга, очень вѣроятно во время пожара, потерялъ способность говорить, и что подобный испугъ вылѣчилъ его. Я такъ за него рада, такой смышленый ловкій человѣкъ.

— А знаютъ ли, отчего произошелъ пожаръ?—спросила Елена. Ея первый голодъ былъ утоленъ, и она опять стала мыслить.

— Какой-то мужикъ легъ на стружкахъ у самаго чулана и заснулъ съ папиросой въ рукѣ. Я часто говорила Катѣ, что надо кому-нибудь распорядиться убрать эти стружки; къ счастью, меня не послушались.

— Да, къ счастью,—повторила Елена.—Итакъ, причина пожара совершенно достовѣрна?

Она чувствовала, какъ сильно колотилось ея сердце.

— Кажется, нѣтъ сомнѣній,—отвѣтила миссъ Патерсонъ.

И замѣтивъ, что Елена глубоко съ облегченіемъ вздохнула, она разсмѣялась.

— Какая вы впечатлительная! Вотъ Катя запрещаетъ мнѣ говорить съ ней о пожарѣ и о нѣмомъ; но я думала, что васъ это интересуетъ. И баронесса машетъ на меня руками, чтобы я молчала. А ни съ кѣмъ другимъ я не могу говорить; съ ними я сама, какъ еще недавно Андрей, могу объясняться только пантомимой, но я не владѣю этимъ искусствомъ, какъ онъ. Помните, какъ онъ выразительно жестикулировалъ; онъ навѣрное еще не скоро разучится.

— А гдѣ онъ теперь?

— Я не знаю; я же вамъ сказала, что со мной о немъ ни Катя, ни баронесса не говорятъ. Смѣшныя такія, но очень, очень милыя!

„Нѣтъ не смѣшныя,—подумала Елена,—а послушныя, чистыя. А вотъ она не послушалась, не остановила миссъ Патерсонъ, хотя знала о запрещеніи о. Илларіона.

Она отдала подносъ миссъ Патерсонъ.

— Вы устали, дорогая,—сказала шотландка,—я уйду. Поспите.

Сомнѣнія? Полно, теперь ли только они подкрались? не было ли у ней всегда, во всемъ сомнѣнія, тамъ, гдѣ нужна вѣра, не было ли ужасныхъ, темныхъ мыслей? Даже когда ей привелось видѣть чудо, она не увѣровала. Есть зачерствѣлыя души, которыхъ ничто не можетъ тронуть. „Даже если кто изъ мертвыхъ воскреснетъ, не увѣруютъ“, припоминала она слова Писанія; это о ней сказано, къ ней относится.

Милая, ясная миссъ Патерсонъ не усмотрѣла въ исцѣленіи нѣмого чуда, и это невѣріе было ни грѣхомъ, ни несчастіемъ; а для нея, Елены, невѣріе было грѣхомъ и несчастіемъ, ставило ее въ разрядъ людей, которые очами не видѣли и ушами не слышали. Отстраняло ее отъ чего-то великаго и радостнаго. Она была негодной кирпичинкой въ строившемся какомъ-то высокомъ зданіи. Валялась въ сторонѣ, выброшенная, одна.

Но кому строился храмъ изъ послушныхъ душъ? Богу или о. Илларіону?

Она до боли сжала себѣ голову.—Какія приходятъ мнѣ мысли!

Она не могла оставаться въ своей комнатѣ, физически страдала отъ одиночества; медленно съ большими роздыхами одѣлась

и спустилась на террасу. Обѣдня кончилась, и много было тамъ народу, знакомаго и незнакомаго ей. И новыя лица уже походили на старыя, внѣшнія отличія исчезали за общностью и мысли и интересовъ.

Софья Петровна усадила Елену, всѣ обращались съ ней привѣтливо, не знали, что она одна, далекая и безпокойная.

О. Илларіонъ благословилъ ее и радовался ея выздоровленію. И тихо за обычнымъ бездѣльемъ, прерваннымъ только ѣдой, протекали часы. Въ сумерки опять сидѣли на террасѣ. Всенощной не было, и легкое недоумѣніе легло на всѣхъ.

О. Илларіонъ, всегда любящій толпу хоть бы безмолвную, но внимательно слѣдящую за нимъ, подбодренную его взглядами и рѣдкой дивной улыбкой, ходилъ одинъ взадъ и впередъ по дорожкѣ. И всѣ почувствовали, что подходить къ нему нельзя. И только, по мѣрѣ того какъ онъ удалялся, о немъ заговаривали самые близкіе.

— Ему, можетъ быть, холодно? ряса у него тонкая.

— Онъ не боится холода.

И замолкали, когда онъ проходилъ мимо.

— Принести ему другую рясу?

— Оставьте, его нельзя тревожить.

Нельзя тревожить! Елена это слышала, но встала и пошла за нимъ.

Онъ услыхалъ ея шаги и, отходя отъ террасы, остановился, чтобы дать ей поровняться съ нимъ, и затѣмъ медленно, примѣняясь къ ея шагу, продолжалъ ходить взадъ и впередъ по длинной дорожкѣ. Было такъ тихо и такъ прекрасно сіяло вечернее небо, что у Елены на душѣ все смолкло въ торжественномъ молчаніи. Она смотрѣла передъ собой и боялась о чемъ-нибудь подумать, чтобы не разсѣять своего вниманія отъ того, что ей сейчасъ откроется. Все ей казалось не настоящимъ, не существующимъ, но какъ завѣса передъ чѣмъ-то, и вотъ завѣса раздвинется, и она узнаетъ. Но прошло, пролетѣло мимо ожидаемое откровеніе или посѣтило кого-нибудь другого. Торжественная минута пронеслась, а Елена все молча шла по дорожкѣ съ о. Илларіономъ. И вдругъ на дальнемъ поворотѣ дорожки онъ ей сказалъ:

— Вѣрую, Господи, помози моему невѣрію!

Да, онъ читалъ въ ея душѣ и говорилъ ей, что, даже охваченной сомнѣніями, ей отходить не надо.

У ней горло сжалось отъ волненія, и она взглянула на него снизу вверхъ, умоляюще, и тутъ она замѣтила, что онъ тоже похудѣлъ за эти два дня, и ей стало его жалко.

„Помози моему сомнѣнію, если вѣрую, и если не вѣрую“, съ тоской подумала Елена. И онъ опять угадалъ ея мысль.

— Вѣра есть даръ.

— Даръ свободно дается,—отвѣтила Елена.—Что же мнѣ дѣлать, если я не получила его?

— Молитесь,—отвѣтилъ о. Илларіонъ,—просящему дастся.

Елена опустила голову. Просить. Всю жизнь безъ вѣры просить о вѣрѣ? О Боже, онъ велитъ ей палки поливать, чтобы онѣ передъ ея смертью расцвѣли въ миндальныя деревья. Но расцвѣтутъ ли?

Они опять были на самомъ концѣ дорожки, и вдругъ о. Илларіонъ неожиданно кротко, по-человѣчески просто и грустно, сказалъ ей:

— Помолитесь обо мнѣ, Елена.

Она поняла, что онъ прощается съ ней, отпускаетъ ее одну и проситъ не поминать его лихомъ. Даже если она еще долго пробудетъ на Мыскѣ, то всетаки съ о. Илларіономъ она разсталась. Глубокое горе и вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то опустошающее обличеніе потрясло ее всю. Она сложила руки для принятія благословенія и съ любовью поцѣловала осѣнившую ее широкимъ крестомъ руку о. Илларіона и вернулась на террасу, сѣла на ступеньку у ногъ Цыпки.

Цыпка склонилась надъ ней, радуясь, что видитъ ее такой взволнованной, гордясь тѣмъ, что батюшка такъ долго говорилъ съ ней.

— Не правда ли, удивительный человѣкъ, о. Илларіонъ?—шепнула она.

— Да,—отвѣтила Елена,—удивительный человѣкъ!

Иванъ Странникъ.

Изъ исторіи политической борьбы въ 80-хъ годахъ. [1]

VII.

„Добровольная охрана“ и „Священная дружина“ [2].

Рисуя весьма мрачными красками положеніе Россіи въ эпоху Лорисъ-Меликова и одобряя всѣ принятыя затѣмъ правительствомъ мѣры для „возстановленія порядка“, г. Левъ Тихомировъ считалъ „необходимымъ припомнить и еще одно обстоятельство, относящееся къ началу царствованія Александра III“.

Обстоятельство это такое:

„Полиція, еще до графа Лорисъ-Меликова заявившая себя крайне неудовлетворительно, была при немъ окончательно скомпрометирована въ общественномъ мнѣніи. Патріотическое чувство, глубоко пораженное злодѣйствомъ 1 марта, возбудило мысль *общественной* (курсивъ г. Тихомирова) охраны государя императора. Государь, въ виду общаго разочарованія въ полиціи, не счелъ нужнымъ пресѣкать это выраженіе заботливости преданныхъ ему вѣрноподданныхъ, хотя, понятно, что въ принципѣ всякія частныя общества съ такими цѣлями составляютъ формальное нарушеніе правильнаго теченія государственной жизни. Но въ мартѣ 1881 года нельзя было быть слишкомъ требовательнымъ въ отношеніи *формальнаго порядка*“ [3]).

Значитъ, максимальный упрекъ, который можно было сдѣлать лицамъ, принявшимъ на себя указанную г. Тихомировымъ миссію,—это нарушеніе ими „формальнаго порядка“, но и такое нарушеніе, какъ утверждаетъ г. Тихомировъ, вполнѣ простительно, такъ какъ вызывалось условіями переживаемаго момента.

---

[1]) *Русская Мысль*, кн. IV, V, VIII, IX, 1910 г.

[2]) Небольшая часть изъ этой главы была помѣщена нами въ 1909 году въ газетѣ *Рѣчь*.

[3]) „Конституціоналисты“, стр. 99.

Чѣмъ же въ дѣйствительности была „общественная охрана“ и какими цѣлями она задавалась?

Совершенно опредѣленный отвѣтъ на эти вопросы даютъ въ неоднократно цитировавшейся нами „Хроникѣ“ дѣятели департамента полиціи съ генераломъ Шебеко во главѣ.

Изображая положеніе вещей въ 1881 году, составители „Хроники“ пишутъ:

„Доведенная до отчаянія ужаснымъ преступленіемъ *группа мужественныхъ добровольцевъ* рѣшила организовать *съ оружіемъ въ рукахъ* тайный крестовый походъ противъ враговъ порядка; цѣлью этого похода было *вырѣзать анархистовъ*—родъ тайныхъ судилищъ въ средніе вѣка. Другой кружокъ добровольцевъ, со спеціальнымъ намѣреніемъ помочь суду и полиціи въ ихъ розыскахъ и сыскной дѣятельности какъ въ Россіи, такъ и за границей, дѣйствительно, сорганизовался; въ его составъ вошли лица, *занимающія самыя высокія положенія въ столицѣ;* эта ассоціація носила имя „дружины“ и функціонировала до осени 1882 г.“ [1]).

Чтобы пролить свѣтъ на дѣйствія этихъ „добровольцевъ“, среди которыхъ одну изъ самыхъ видныхъ ролей игралъ К. П. Побѣдоносцевъ, мы обратимся прежде всего къ опубликованнымъ четыре года тому назадъ письмамъ знаменитаго оберъ-прокурора святѣйшаго синода.

Мы говоримъ о напечатанныхъ въ майской книжкѣ *Русскаго Архива* за 1907 годъ 12 письмахъ К. П. Побѣдоносцева къ Е. Ѳ. Тютчевой, изъ которыхъ первое датировано *1-мъ марта*, а послѣднее *1-мъ мая 1881 года.* Письма эти представляютъ собою въ высшей степени важные историческіе документы и, помѣщая ихъ, редакція *Русскаго Архива* имѣла полное основаніе дать имъ общій заголовокъ „Первыя недѣли царствованія Александра III“.

Къ письмамъ Побѣдоносцева редакція сдѣлала такое примѣчаніе: „По кончинѣ Екатерины Ѳедоровны Тютчевой письма эти были возвращены К. П. Побѣдоносцеву. 3 марта 1906 года онъ позволилъ намъ списать ихъ для помѣщенія въ *Русскомъ Архивѣ, когда писавшаго въ живыхъ не будетъ*“ [2]).

По смерти Побѣдоносцева на этомъ основаніи письма эти и были опубликованы названнымъ журналомъ.

Корреспонденткѣ Побѣдоносцева Е. Ѳ. Тютчевой, скончавшейся въ мартѣ 1882 года, князь В. П. Мещерскій посвятилъ тогда же такія прочувствованныя строки:

„Сегодня узналъ о кончинѣ одной изъ ярко-свѣтлыхъ личностей въ средѣ нашего высшаго общества. Личность эта—третья дочь покойнаго

---

[1]) „Хроника соціалистическаго движенія“, стр. 189.

[2]) *Русскій Архивъ*, 1907 г., май, стр. 89.

поэта Ѳ. И. Тютчева, дѣвица Екатерина Ѳедоровна Тютчева. Она жила въ Москвѣ. Петербургъ ей какъ будто претилъ своей атмосферой, зараженной неправдой. Личность ея была замѣчательная личность. Второй такой, подходящей даже близко къ ней, я не помню. Отъ нея благоухало правдою, и своеобразность ея священнаго огня въ соединеніи съ большимъ и острымъ умомъ и большою начитанностью представляла какое-то чарующее явленіе". [1])

Вотъ этой-то особѣ и писалъ Побѣдоносцевъ изъ Петербурга въ Москву, начиная съ 1 марта и по 1 мая, т.-е. вплоть до того времени, когда составленный имъ въ глубокой тайнѣ отъ другихъ министровъ манифестъ 29 апрѣля былъ опубликованъ.

Въ письмѣ отъ 1 марта Побѣдоносцевъ писалъ:

„Сегодня вечеромъ, въ 12 часу ночи, бѣдный сынъ и наслѣдникъ съ рыданіемъ обнялъ меня. О, какъ мнѣ жаль его! *Ахъ, и себя жаль*, милая Екатерина Ѳедоровна. Что теперь будетъ? Спаси насъ, Господи!"

Въ письмѣ отъ 3 марта:

„Боже, какъ мнѣ жаль его, новаго Государя! Жаль, какъ бѣднаго, больного, ошеломленнаго ребенка. Боюсь, что *воли не будетъ у него*. Кто же поведетъ его? Покуда все тотъ же фокусникъ Л.-Меликовъ. Теперь по всѣмъ признакамъ онъ его опутываетъ, ибо у него ключи въ рукахъ, и онъ хранитель безопасности".

Эту роль „хранителя безопасности" надо было изъ рукъ Лорисъ-Меликова вырвать, и уже въ томъ же письмѣ Побѣдоносцевъ сообщаетъ Тютчевой, что „сегодня" онъ написалъ Государю о Барановѣ (который черезъ нѣсколько дней и былъ назначенъ петербургскимъ градоначальникомъ), но что онъ „не надѣется, чтобы Государь выразилъ свое объ этомъ рѣшеніе". „Вы видите положеніе, что тутъ дѣлать? Душа моя преисполнена подозрѣній и опасеній".

Того же *3 марта* Побѣдоносцевъ отправилъ Тютчевой *второе* письмо, въ которомъ писалъ:

„Я не могу освободиться отъ трепета и опасеній всякаго рода. Новому царю опасность грозитъ отовсюду. „Бѣды отъ разбойникъ, *бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ лжебратіи*". Сохрани его, Господи. Сохрани, Господи, вѣчную сироту свою, несчастную Россію".

Въ письмѣ отъ 6 марта:

„Изъ церкви я прошелъ къ Сергѣю и Павлу (великимъ князьямъ), которые только что пріѣхали (изъ Рима) разбитые, смущенные, исполненные тревоги. Они обрадовались мнѣ. Сергѣй горячо передавалъ мнѣ свой ужасъ отъ всего того, что дѣлалъ и куда велъ въ послѣднее время Лорисъ-Меликовъ,—5 марта предполагалось уже издать указъ о пред-

---

[1]) „Дневникъ кн. В. П. Мещерскаго за 1882 г.". Спб., 1883 г., стр. 87.

ставительствѣ!—и свое опасеніе, что будетъ и на что рѣшится Государь. Потомъ пріѣхалъ старикъ гр. Строгановъ. Онъ въ волненіи. Но сегодня нетерпѣніе взяло меня, и я написалъ Государю большое письмо. Мой планъ, между прочимъ, объявить Петербургъ на военномъ положеніи, *перемѣнить людей* и затѣмъ оставить Петербургъ, это проклятое мѣсто, покуда очистится, уѣхать въ Москву, если нельзя еще дальше. Совѣсть моя не терпитъ молчать. Кого онъ спрашиваетъ, съ кѣмъ совѣтуется?..“

11 марта Побѣдоносцевъ сообщилъ Тютчевой о знаменитомъ засѣданіи „особаго совѣщанія“ 8 марта. Онъ не считалъ еще тогда свою игру вполнѣ выигранной.

Настроеніе огромнаго большинства на этомъ засѣданіи, а также самого императора Александра III было вполнѣ опредѣленное, тѣмъ не менѣе *формальнаго рѣшенія* принято не было: говорили даже объ учрежденіи новой комиссіи для пересмотра вопроса, говорили, что „дѣло это слишкомъ сложное и важное, чтобы рѣшать его теперь“, и т. д.

Сообщая поэтому Тютчевой о засѣданіи 8 марта, Побѣдоносцевъ пишетъ письмо еще тономъ неполнаго побѣдителя.

„Въ то же утро, послѣ засѣданія, — прибавляетъ онъ, — Государь принималъ Баранова и назначилъ его петербургскимъ градоначальникомъ. Барановъ въ восторгѣ отъ этого свиданія. Онъ теперь кипитъ день и ночь въ работѣ. Л.-Меликовъ въ ярости. Боюсь, что онъ теперь задумываетъ?“

Лорисъ-Меликовъ „задумывалъ“, какъ извѣстно, *очень мало,* зато Побѣдоносцевъ задумалъ вотъ что:

„Вчера я сидѣлъ по обыкновенію дома,—писалъ онъ Тютчевой *15 марта* [1]).—Барановъ явился, едва держась на ногахъ. Со дня назначенія онъ еще не отдыхалъ ни днемъ, ни ночью. Ночью происходитъ у него главная работа. Ну, завтра,—сказалъ онъ,—будетъ страшный день. Какъ Богъ вынесетъ! *Готовится покушеніе на Государя и на принца прусскаго въ четырехъ мѣстахъ по дорогѣ;* въ одномъ мѣстѣ па Невскомъ соберутся люди, переодѣтые извозчиками, съ тѣмъ, чтобы открыть перекрестные выстрѣлы. *У него въ рукахъ уже весь планъ предположенныхъ дѣйствій.* Вчера кронъ-принцъ получилъ изъ Берлина шифрованную телеграмму объ этомъ и прислалъ ее Баранову. Но Барановъ имѣлъ уже свой планъ въ рукахъ. „Что отъ человѣка зависитъ,—сказалъ онъ,—все сдѣлано, но кто знаетъ, что еще есть? Вы не спали бы ночь, если бы я разсказалъ вамъ все, что обнаружено въ эти дни, что сдѣлано ими и приготовлено. *Теперь изъ 48 человѣкъ, которые должны дѣйствовать, 19 у меня въ рукахъ.* Сейчасъ ѣду дѣлать аресты. Въ эту ночь, что еще открою, неизвѣстно. Представьте поло-

---

[1]) День похоронъ Александра II.

женіе бѣднаго Государя, который непремѣнно долженъ былъ ѣхать сегодня въ крѣпость, зная, что на каждомъ шагу его можетъ ждать смерть. „О себѣ я не безпокоюсь, *говорилъ онъ Баранову*, но тревожусь только за императрицу и дѣтей". Передъ Зимнимъ дворцомъ, противъ Салтыкова подъѣзда, роютъ по распоряженію Баранова, канаву; *при этомъ успѣли перерѣзать 17 проволокъ отъ мины*".

Нужно ли говорить читателю, что эти сообщенія Побѣдоносцева— сплошная выдумка *отъ слова до слова?* Въ секретной хроникѣ генерала Шебеко по поводу разсказываемыхъ Побѣдоносцевымъ якобы событій нѣтъ *ни одного слова*. Нѣтъ о томъ ни одного звука и въ ежегодныхъ „Обзорахъ" департамента полиціи, хотя въ нихъ перечисляется рѣшительно все, относящееся къ революціонному движенію до какой-нибудь гектографированной прокламаціи включительно [1]). Нѣтъ объ этомъ ни намека ни въ одномъ политическомъ процессѣ, ни въ литературѣ русской или заграничной, ни въ одномъ изъ многочисленныхъ, опубликованныхъ мемуаровъ революціонеровъ того времени. Никогда ничего подобнаго никому не инкриминировалось, да и не могло инкриминироваться, ибо для всякаго, сколько-нибудь знакомаго съ силами и средствами революціонеровъ того времени, это звучало бы крайнимъ абсурдомъ. Мы знаемъ уже изъ предыдущаго, какими силами располагали въ дѣйствительности народовольцы, какъ ютился ихъ центръ въ мартовскіе дни 1881 года, за неимѣніемъ другихъ помѣщеній, въ самыхъ ненадежныхъ квартирахъ, мы знаемъ все это, и потому само собою рождается вопросъ: кто же и зачѣмъ такъ лгалъ? Побѣдоносцевъ или Барановъ?

Барановъ былъ лгунъ и авантюристъ отъявленный. Будучи, вульгарно выражаясь, отколоченъ во время своего губернаторства въ Нижнемъ-Новгородѣ нѣкіимъ Владиміровымъ, Барановъ,—какъ объ этомъ со всѣми данными въ рукахъ печатно разсказалъ В. Г. Короленко,— *измыслилъ* яко бы фактъ покушенія на его жизнь этимъ самымъ Владиміровымъ [2]), но все таки *такъ* лгать Барановъ, очевидно, Побѣдоносцеву бы не рѣшился. Вѣдь, по словамъ Побѣдоносцева, Барановъ сообщилъ ему, какъ уже *о совершившихся фактахъ*, о 17 перерѣзанныхъ проволокахъ отъ мины подъ Зимній дворецъ, о 19 уже находящихся въ его рукахъ лицахъ изъ тѣхъ 48, которыя будто бы назначены были для совершенія 15 марта покушеній на жизнь императора Александра III и кронъ-принца прусскаго, и т. п. небылицахъ. *Такъ* лгать Барановъ не могъ и потому, что Побѣдоносцевъ, котораго онъ былъ непосредствен-

---

[1]) Извлеченія изъ этихъ „Обзоровъ" были помѣщены въ 1906 и 1907 годахъ въ *Быломъ*. Полностью нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны въ изданіяхъ *Русской Исторической Библіотеки*.

[2]) *В. Г. Короленко:* „Покушеніе на генерала Баранова въ 1890 году". *Минувшіе Годы*, 1908 г., августъ, стр. 159—170.

нымъ ставленникомъ на постъ градоначальника, имѣлъ полную возможность уличить его во лжи, узнавши истину отъ самого императора. Выходитъ же такъ, что Барановъ доложилъ обо всемъ этомъ, какъ *о фактахъ*, и Государю.

На основаніи такихъ соображеній можно рѣшительно утверждать, что львиная доля лжи, и *лжи сознательной,* принадлежала тутъ не Баранову, а Побѣдоносцеву.

Барановъ, дѣйствительно, окапывалъ въ поискахъ за минами дворцы,—онъ дѣлалъ еще и не то,—но, разумѣется, совершенно безрезультатно.

„Эратическій ходъ дѣла продолжается, и изъ драмы порою *переходитъ въ комедію,*—писалъ 23 марта 1881 г. въ своемъ дневникѣ Валуевъ.—*Окапываются дворцы,* запрещаютъ ходить по панелямъ".

„Горизонтъ болѣе и болѣе хмурится,—писалъ онъ же 24 марта,—кавалерійскій кордонъ кругомъ города и заставы. Безуміе!"

И вотъ, въ то время, когда Барановъ продѣлывалъ всѣ эти вещи, Побѣдоносцевъ шагъ за шагомъ велъ „свою линію", ибо, какъ обмолвился онъ правдою въ первомъ же изъ цитированныхъ нами его писемъ къ Тютчевой, ему было *„и себя жаль"*.

Зачѣмъ Побѣдоносцевъ выдумалъ столько несуществовавшихъ „фактовъ", зачѣмъ пустилъ онъ въ обращеніе такую массу сознательной лжи?

Расчетъ ясенъ: необходимо было во что бы то ни стало сгустить атмосферу до чрезвычайной степени и тѣмъ доказать необходимость самой репрессивной политики правительства. Расчетъ былъ построенъ на томъ, что получавшая въ мартѣ постоянно письма „изъ абсолютно-достовѣрнаго источника",—да какъ же было и не считать такимъ источникомъ находившагося въ тѣсномъ общеніи съ самимъ Государемъ Побѣдоносцева,—Екатерина Тютчева должна была разгласить въ высшихъ кругахъ московскаго общества о столь сенсаціонныхъ „фактахъ" и тѣмъ, разумѣется, еще болѣе подготовить почву для сознанія, въ виду столь явной опасности, необходимости прогнать Лорисъ-Меликова, Милютина, Абазу и другихъ „либераловъ"—по характерному выраженію Побѣдоносцева, *„перемѣнить людей"*,—а вмѣстѣ съ тѣмъ, начать для борьбы съ столь могущественною „крамолою" организацію „кружковъ мужественныхъ добровольцевъ".

Онъ выигралъ игру, и вечеромъ же *29 апрѣля*, въ день изданія написаннаго имъ знаменитаго манифеста, писалъ Тютчевой:

„По Петербургу пущенъ слухъ, что будетъ какое-то единое министерство, управляющее Россіей по большинству голосовъ, и Лорисъ первый министръ. Но у Государя чутье вѣрное. Ему не понравилось, что говорили (на засѣданіи 8 марта) Лорисъ, Абаза и Милютинъ, о чемъ *онъ написалъ мнѣ* на другой день послѣ засѣданія, которое произвело на него *самое грустное впечатлѣніе*".

Все относящееся къ манифесту 29 апрѣля совершалось въ такой тайнѣ, что даже Валуевъ еще 27 апрѣля ничего объ этомъ не зналъ. Этимъ днемъ у него въ дневникѣ датированы такія слова: „Вообще на здѣшней сценѣ все спутано. Туманныя картины. Точнѣе — dissolving views".

2 мая онъ записалъ: „Dessous de cartes слѣдующій: Побѣдоносцевъ выписалъ себѣ на помощь изъ Москвы Каткова. Манифестъ написанъ ими. Заодно съ ними градоначальникъ Барановъ и Островскій, который очень доволенъ манифестомъ".

Но возвратимся къ мартовскимъ днямъ.

Тотчасъ же послѣ событія перваго марта въ *Новомъ Времени, Петербургской Газетѣ* и другихъ газетахъ того времени было напечатано слѣдующее извѣстіе о будто бы происшедшемъ въ концѣ февраля покушеніи на жизнь Александра II, посредствомъ присылки изъ-за границы взрывчатаго вещества въ формѣ пилюль.

„Пилюли были посланы по почтѣ изъ Парижа, прямо на имя Государя. На нихъ находился этикетъ съ надписью доктора „Juste", и онѣ были завернуты въ обертку съ обыкновенными рекламами о произведенныхъ ими излѣченіяхъ и о способѣ принимать ихъ; особенно рекомендовались эти пилюли противъ одышки и ревматизма. Пилюли прибыли по адресу, не возбудивъ никакихъ подозрѣній, и Государь, всегда очень интересовавшійся всякими средствами, передалъ ихъ Боткину. Вернувшись домой, Боткинъ снялъ обертку и нашелъ, что пилюли завязаны ниточкой, два кончика которой немного торчали: онъ дернулъ за одинъ кончикъ, и раздался мелкій трескъ, какъ отъ обыкновенной хлопушки. Боткинъ подумалъ, что это просто шутка, и такъ какъ получилъ пилюли изъ рукъ самого Государя, то не могъ подозрѣвать въ нихъ ничего опаснаго и отложилъ ихъ въ сторону. Только испугъ Государя, когда на вопросъ о пилюляхъ Боткинъ передалъ ему о взрывѣ, заставилъ обратить серьезное вниманіе на пилюли; онѣ были переданы графу Лорисъ-Меликову, и по тщательномъ химическомъ изслѣдованіи, оказалось, что затѣвалось новое покушеніе, задуманное съ дьявольскою хитростью. Пилюли содержали такое большое количество динамита, что взрыва его было достаточно, чтобы убить двухъ-трехъ, стоящихъ поблизости, человѣкъ. Боткинъ, открывавшій пилюли, обязанъ спасеніемъ жизни только счастливой случайности; должно быть механизмъ, приводившійся въ движеніе торчащими кончиками ниточекъ и производившій взрывъ, какъ-нибудь отсырѣлъ или попортился, такъ что не могъ оказать требуемаго дѣйствія".

И этотъ „фактъ" принадлежитъ, видимо, къ области тѣхъ же измышленій, которыми такъ богаты письма Побѣдоносцева къ Тютчевой. Ни при разбирательствѣ дѣла 1 марта, ни въ книгѣ Шебеко, ни въ ме-

муарной литературѣ революціонеровъ, словомъ, нигдѣ и никогда о немъ не упоминается.

Изъ какихъ же сферъ онъ изошелъ?

2 марта князь Мещерскій, описывая свое посѣщеніе въ этотъ день Зимняго дворца, написалъ въ своемъ дневникѣ такія строки: „слышалъ тутъ также разсказъ о какихъ-то разрывныхъ пилюляхъ, *будто бы* полученныхъ почившимъ государемъ за нѣсколько дней назадъ и переданныхъ государемъ для разсмотрѣнія не открытыми".

Вотъ, значитъ, *гдѣ* былъ сфабрикованъ этотъ слухъ, которому опроверженія такъ и не послѣдовало.

Между тѣмъ, въ газетныхъ сообщеніяхъ, какъ мы видѣли, о событіи этомъ разсказывается довольно подробно, называются имена доктора Juste'а, Лорисъ-Меликова, Боткина, словомъ, сообщенія эти носятъ видимость достовѣрности.

Что могло это означать?

Мы ниже увидимъ, какъ стремилась уличить впослѣдствіи „Священная дружина" лейбъ-медика Боткина въ томъ, что онъ состоитъ членомъ... Исполнительнаго Комитета Партіи Народной Воли...

Перваго мая 1881 года Побѣдоносцевъ писалъ Тютчевой:

„Государь прислалъ мнѣ прочесть письмо, имъ полученное. Оно такъ энергично написано (прислано *безъ имени* изъ Сѣдлецкой губерніи), что я выписываю вамъ начало (конечно, *только* для васъ). По всѣмъ признакамъ писано духовнымъ лицомъ.

„Ты возвѣстилъ Россіи, что пойдешь по пути дѣда твоего и отца твоего; но послѣ того вдругъ смутился и сталъ въ нерѣшительности. Есть и отъ чего! Послѣ смерти отца твоего со всѣхъ сторонъ шлются на выставку людской молвы разные хвалебные пѣсни и гимны, строятся часовни, церкви, человѣколюбивыя заведенія и другія общества въ память великихъ дѣлъ и любви къ отцу твоему, а каѳедра Исаакіевскаго собора, не задумавшись въ своемъ самообольщенномъ ослѣпленіи, представляетъ на картинѣ отца твоего мученикомъ, святымъ, душа котораго несена ангелами въ рай. О, государь мой, призываю во свидѣтели истину Божію, сколько лжи, сколько лицемѣрія, сколько коварства во всѣхъ этихъ похвалахъ дѣламъ и правленію отца твоего! Злые, подлые люди хотятъ, чтобы *и твое правленіе было слабо*, чтобы рука твоя была для нихъ такъ же милостива, добра, снисходительна, какъ и отца твоего, и подучаютъ простодушныхъ людей трубить о великихъ будто бы дѣлахъ, совершонныхъ въ правленіе отца твоего; а сами втихомолку, подъ звуки сладкой пѣсенки, *усыпляютъ правительство твое, подготовляютъ для всѣхъ орудія смерти.* Посуди самъ, сравни: эти великія дѣла и вдругъ не неожиданная, не случайная смерть, а ужъ давно твоимъ отцомъ со страхомъ ожидаемая. Какимъ образомъ корень зла, корень яда уже

давно и всѣми замѣченъ, а отецъ твой, имѣвшій всяческую власть, не только не вырвалъ этого корня, но далъ и себя и другихъ отравить имъ? Отецъ твой и не мученикъ, и не святой, потому что пострадалъ не за церковь, не за крестъ, не за христіанскую вѣру, не за правое дѣло, а за то единственно, что *распустилъ народъ*, и этотъ распущенный народъ убилъ его. Это *безначаліе*, эта распущенность, это *хищсніе казны*, это страшное обѣднѣніе народа *отъ пьянства*, безнаказанность грабежей, воровства, разврата—вотъ внутренность, вотъ сердце великихъ дѣлъ, совершонныхъ отцомъ твоимъ". [1])

Такъ писалъ прямо Александру III нѣкій сѣдлецкій анонимъ, и Государь письмо это получилъ, прислалъ прочесть его Побѣдоносцеву, а тотъ „энергичное" начало письма сообщилъ къ свѣдѣнію Тютчевой („конечно, *только* для васъ"...).

Но какъ, однако, похоже это письмо и на рѣчь Побѣдоносцева въ „Особомъ совѣщаніи" 8 марта, гдѣ онъ также говорилъ и о безначаліи, и о народномъ пьянствѣ, и т. д., и на написанный Побѣдоносцевымъ же манифестъ 29 апрѣля, гдѣ уже прямо говорится о необходимости, на-ряду съ „искорененіемъ крамолы", и искорененія „хищеній"...

Какъ поразительно совпали мысли и даже самыя выраженія Побѣдоносцева съ мыслями и выраженіями сѣдлецкаго анонима!

Между тѣмъ, о томъ, что̀ происходило на засѣданіи 8 марта, тогда изъ простыхъ смертныхъ еще никто ничего не зналъ, а манифестъ 29 апрѣля во время написанія письма къ Государю сѣдлецкимъ анонимомъ еще не появлялся...

Этотъ фактъ не мѣшаетъ сопоставить съ слѣдующимъ.

Мы уже говорили вскользь о письмѣ Л. Н. Толстого къ Александру III, въ которомъ великій писатель русской земли умолялъ новаго императора помиловать цареубійцъ. Письмо это Толстой не имѣлъ возможности отправить непосредственно Государю и потому передалъ письмо Н. Н. Страхову съ просьбою вручить его (при особомъ письмѣ) Побѣдоносцеву для передачи по назначенію. Прочтя письмо, Побѣдоносцевъ отказался исполнить просьбу Толстого. Тогда Страховъ передалъ письмо профессору Бестужеву-Рюмину, который вручилъ его великому князю Сергѣю Александровичу. „Льву Николаевичу извѣстно,—говоритъ его біографъ,—что письмо было передано царю, но о дальнѣйшей судьбѣ его онъ ничего не знаетъ".

Уже 15 іюня 1881 года, т.-е. черезъ два съ половиною мѣсяца послѣ казни цареубійцъ, Побѣдоносцевъ написалъ Толстому письмо слѣдующаго содержанія:

„Не взыщите, достопочтеннѣйшій графъ Левъ Николаевичъ, во-пер-

[1]) *Русскій Архивъ*, 1907 г., май, стр. 101—102.

выхъ, за то, что я оставилъ до сего времени безъ отвѣта письмо ваше, врученное мнѣ Н. Н. Страховымъ. Это произошло не изъ неучтивости или равнодушія, а отъ невозможности опознаться въ той суетѣ и путаницѣ мыслей и заботъ, которая одолѣла и не перестаетъ еще одолѣвать меня послѣ 1 марта.

„Во-вторыхъ, не взыщите за то, что я уклонился отъ исполненія вашего порученія. Въ такомъ важномъ дѣлѣ все должно дѣлаться *по вѣрѣ*. А прочитавъ письмо ваше, я убѣдился, что ваша вѣра одна, а моя и церковная другая, и что нашъ Христосъ—не вашъ Христосъ. Своего я знаю мужемъ силы и истины, исцѣляющимъ разслабленныхъ, а въ вашемъ показались мнѣ *черты разслабленнаго, который самъ требуетъ исцѣленія*. Вотъ почему я *по своей вѣрѣ* и не могъ исполнить ваше порученіе. Душевно уважающій и преданный вамъ *К. Побѣдоносцевъ*". [1])

Такъ дѣйствовалъ вездѣ и во всемъ Побѣдоносцевъ „по вѣрѣ своей"...

Но если столь трудно было имѣвшему большія связи Толстому доставить письмо по назначенію, то *анонимное* письмо изъ Сѣдлецкой губерніи, по свидѣтельству Побѣдоносцева, попало въ руки императора безъ всякихъ затрудненій...

There are more things in heaven and earth, Horatio,
Than are dreamt of in your philosophy...

Да, именно,—есть много, другъ Гораціо...

Но что, впрочемъ, сѣдлецкій анонимъ, когда въ то же время произошло и такое событіе:

Въ русскія дѣла, повидимому, ни съ того, ни съ сего, вмѣшивается будущій сподвижникъ генерала Буланже, парижскій префектъ Андріе и присылаетъ изъ Парижа русскому правительству слѣдующее поученіе:

„Государь,—писалъ Андріе,—долженъ издать манифестъ, въ которомъ будетъ объявлено, что онъ желаетъ дать народу гарантіи благосостоянія и спокойствія не только строгимъ сохраненіемъ существующихъ законовъ, но также реформами и постепенно расширяемой свободой подобно тому, какъ это дѣлалъ его усопшій родитель. Но передъ убійствами и угрозами нигилистовъ всѣ его намѣренія останавливаются. Никакое правительство не должно уступать передъ насиліемъ. Онъ тоже не уступитъ. Пока заговорщики не будутъ стерты съ лица земли русской и не будутъ отсѣчены отъ ея тѣла, какъ члены, пораженные гангреной, всѣ законы отмѣняются и начинается преслѣдованіе безъ пощады. Есть раны, которыя требуютъ раскаленнаго желѣза, и ниги-

---

[1]) Письмо К. П. Побѣдоносцева къ Л. Н. Толстому напечатано съ подлинника въ книгѣ П. И. Бирюкова „Біографія Л. Н. Толстого". Томъ II. Изд. „Посредника". Глава XVII (Событіе 1 марта 1881 г.), стр. 373—374.

лизмъ изъ числа такихъ ранъ. Для страшной болѣзни нужны страшныя лѣкарства. Террористовъ слѣдуетъ укрощать, какъ укрощаютъ дикихъ звѣрей. *Иначе правительство падетъ, потому что въ Россіи уже сильна соціальная революція.* Слѣдуетъ прибѣгнуть также и къ силѣ денегъ. Купленный продастъ и сообщниковъ. У насъ, во Франціи, сумма тайныхъ расходовъ очень велика". [1])

Что это еще могло обозначать? Почему вмѣшался французскій полицейскій? Откуда сіе?

Дѣло, можетъ быть, станетъ понятнымъ, если принять во вниманіе то обстоятельство, что въ числѣ заграничныхъ „дѣятелей" основавшейся въ то время „Священной дружины", какъ это было недавно опубликовано въ французскихъ газетахъ, состоялъ нѣкто m-r Bint, начавшій въ Парижѣ свою „карьеру" при Андріе...

О г. Bint'ѣ въ газетѣ *Matin* были помѣщены такія строки:

„M. Bint est le plus ancien fonctionnaire de cette fameuse police secrète. En 1881, après l'assassinat d'Alexandre II, les hauts personnages de l'empire, décidèrent, pour prevenir le renouvelement des semblables attentats, de se constituer en une „Sainte Ligue" (c'est le nom que prit cette assossiation) et de réunir des fonds pour organiser la surveillance des terroristes refugiés dans les autres pays de l'Europe. Il fut decidé que le siège de cette police serait établit à Paris. Le procureur de Saint-Synode M. Pobedonostzeff *fut nommé tresorier de cette organisation.* C'est M. Bint qu'on chargea de constituer la nouvelle police secrète, se groupper autour de lui le personnel neccessaire et d'en prendre la direction". [2])

Это была та самая организація „мужественныхъ добровольцевъ", о которой повѣствуетъ въ своей, предназначавшейся для особо избранныхъ, „Хроникѣ" полицейскій генералъ Шебеко.

Парижскій префектъ, сверхъ всего прочаго, говорилъ о большой силѣ „соціальной революціи" въ Россіи и о неизбѣжности, если противъ „нигилистовъ" не будутъ приняты безпощадныя мѣры, „паденія правительства". Это было опять-таки именно то, что и нужно было Побѣдоносцеву и другимъ истинно подпольныхъ дѣлъ мастерамъ.

Но кто же такіе „нигилисты", кто стоялъ во главѣ ихъ могущественнаго заговора?

Обратимся еще разъ къ письмамъ Побѣдоносцева Тютчевой.

Уже *3 марта* Побѣдоносцевъ писалъ своей московской пріятельницѣ: „Вчера одинъ изъ *простыхъ людей* прибѣжалъ ко мнѣ со словами: „Ради Бога, скажите Государю, что прежде всего надо выслать отсюда

---

[1]) „Конституція Лорисъ-Меликова". Петерб. изд., стр. 49—51. Документы для этого изданія были переданы доктору Бѣлоголовому самимъ Лорисъ-Меликовымъ.

[2]) *Matin*, 13 Juillet. 1909. № 9268.

Константина и княгиню Юрьевскую [1]). *Я писалъ ему сегодня,* писалъ, что ему необходимо заявить какъ можно скорѣе свою личную твердую волю, что *народъ кричитъ о Мраморномъ дворцѣ,* писалъ, что надо думать о безопасности. Онъ пишетъ въ отвѣтъ простое слово, въ которомъ видна душа простая и добрая: „Отъ всей души благодарю васъ за ваше задушевное письмо. Молюсь и на одного Бога надѣюсь. Онъ не оставитъ насъ и нашу дорогую Россію". *Но воли не видно.* Константинъ на выходахъ смотритъ звѣремъ". [2])

Вотъ, значитъ, кто были вожди „нигилизма"...

Откуда Побѣдоносцевъ взялъ эту дикую клевету на великаго князя Константина Николаевича?

Клевета эта происхожденія давняго и ведетъ свое начало отъ шестидесятыхъ годовъ, отъ эпохи „дѣятельности" предсѣдателя слѣдственной комиссіи по Каракозовскому дѣлу, приснопамятнаго графа М. Н. Муравьева-Виленскаго, ненавидѣвшаго, подобно многимъ другимъ членамъ „дворянской партіи", Константина Николаевича за его энергичную работу въ пользу освобожденія крестьянъ [3]).

Тогда была сочинена такая сказка:

Въ русскихъ законахъ о престолонаслѣдіи говорится, что престолъ наслѣдуетъ старшій сынъ *императора.* Александръ Николаевичъ родился въ то время (1818 г.), когда Николай Павловичъ не только не былъ императоромъ, но и не считался наслѣдникомъ престола. Старшимъ же сыномъ *императора* Николая Павловича былъ Константинъ Николаевичъ (род. въ 1827 г.), который на этомъ основаніи будто бы и предъявлялъ свои права на тронъ.

Созданъ былъ миѳъ и о существованіи особой въ этомъ смыслѣ „партіи великаго князя Константина".

Муравьевъ если не былъ самъ авторомъ этихъ миѳовъ, то, во всякомъ случаѣ, проникся ими вполнѣ, какъ реальностями, и велъ слѣдствіе по дѣлу о покушеніи Каракозова на жизнь Александра II 4 апрѣля 1866 года такъ, чтобы припутать къ нему Константина Николаевича.

Объ этомъ существуетъ прямое свидѣтельство лица, Муравьевымъ тогда допрашивавшагося.

---

[1]) Кн. Юрьевская, урожденная княжна Долгорукая, была, какъ извѣстно, морганатической супругой императора Александра II.

[2]) *Русскій Архивъ,* 1907 г., май, стр. 89—90.

[3]) Въ письмѣ отъ 1 января 1860 года Тургеневъ писалъ Герцену: „также просятъ тебя очень щадить вел. кн. Константина Николаевича въ твоемъ журналѣ (*Колоколъ*), потому что, между прочимъ, онъ, говорятъ, ратоборствуетъ, какъ левъ, въ дѣлѣ эмансипаціи противъ *дворянской партіи*". (*Письма Кавелина и Тургенева къ Герцену* стр. 132). Роль же Муравьева, котораго „дворянская партія" всегда противопоставляла Ростовцеву, въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ хорошо извѣстна. Этотъ прославленный спаситель русскаго дѣла былъ злѣйшій крѣпостникъ.

Лицо это—извѣстный въ свое время писатель Леонидъ Петровичъ Блюммеръ, эмигрировавшій въ шестидесятыхъ годахъ за границу, издававшій тамъ журналы *Вѣсть, Европеецъ* и *Свободное Слово,* а затѣмъ вернувшійся въ Россію, добровольно отдавшійся въ руки правительства, осужденный и сосланный въ Сибирь. [1])

Уже по возвращеніи изъ Сибири Блюммеръ напечаталъ въ издававшейся въ Саратовѣ газетѣ *Волга* свои воспоминанія, подъ заглавіемъ: „На допросѣ у Муравьева".

Мы приведемъ изъ воспоминаній Блюммера слѣдующія строки, замѣтивъ при этомъ, что самъ онъ относился въ это время къ Муравьеву безъ малѣйшаго злобнаго чувства:

— „Пріѣхавъ по требованію правительства въ Россію на судъ и кару, положившись только на великодушіе Государя,—началъ Муравьевъ,—вы дѣломъ доказали свое отрѣшеніе отъ прежнихъ своихъ заблужденій. Государь не оставитъ безъ вниманія вашей вѣры въ него. Но вы можете заслужить его милость. У васъ есть на это случай.

— Я искренно готовъ на это,—отвѣчалъ я.

— Знаете ли вы про страшное преступленіе, которое было адски задумано противъ него, и, къ счастью Россіи, не удалось.

— Слышалъ.

— Такъ скажите откровенно все, что знаете. Вы пять лѣтъ жили за границей, были членомъ революціонной партіи, многихъ видѣли. Говорите же все, не стѣсняясь свѣдѣніями о лицахъ, *какъ бы высоко они ни стояли* (курсивъ подлинника). Не бойтесь мести этихъ лицъ: *вашимъ защитникомъ буду я, будетъ Государь.* Теперь всякій порядочный человѣкъ долженъ употребить послѣднія свои усилія, чтобы избавить Россію отъ повторенія подлой попытки.

— Прежде всего отвѣчу по совѣсти,—сказалъ я,—что ничего, буквально ничего, не знаю по этому дѣлу.

— Не можетъ быть!—энергично возразилъ Муравьевъ.

— Смѣю подтвердить сказанное мною.

— Почему же васъ *причисляютъ къ партіи Вк—нина*? [2]).

— Если такая партія существуетъ, въ чемъ я сомнѣваюсь, то именно къ ней я не принадлежалъ и никто изъ ея сторонниковъ мнѣ не извѣстенъ.

---

[1]) О дѣлѣ Блюммера въ газетахъ того времени было помѣщено всего нѣсколько строкъ. Онѣ воспроизведены въ книгѣ В. Я. Богучарскаго „Изъ прошлаго русскаго общества", стр. 392—395. О заграничныхъ журналахъ Блюммера см. въ книгѣ Богучарскаго „Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ", стр. 193—196.

[2]) Сокращеніе по цензурнымъ условіямъ того времени: „партіи великаго князя Константина"! *В. Б.*

— Развѣ вы не знаете, что *онъ* считаетъ себя *обойденнымъ и имѣющимъ свои права?*

— Не слыхалъ.

— Будто?

— Во всякомъ случаѣ я ничего не знаю.

— Не боитесь ли?—недовольно спросилъ Муравьевъ.

— По совѣсти,—нѣтъ". [1])

Вотъ съ этой-то муравьевской злостной сказкой въ рукахъ и оперировалъ въ 1881 г. его достойный преемникъ по баснословію и интригамъ, Побѣдоносцевъ.

Привели ли усилія Побѣдоносцева и въ этомъ отношеніи къ цѣли?

21 апрѣля 1881 года гр. Валуевъ занесъ въ свой дневникъ такія строки:

„Великій князь Константинъ Николаевичъ мнѣ прямо высказалъ, что ему „приказано уѣхать", но для избѣжанія скандала позволено пока дождаться закрытія сессіи Государственнаго Совѣта. [2])

16 іюля: „Великій князь Константинъ Николаевичъ уволенъ отъ начальства надъ морскимъ вѣдомствомъ и предсѣдательства въ Государственномъ Совѣтѣ и другихъ учрежденіяхъ... Fait accompli"... [3]).

Такимъ образомъ Побѣдоносцевъ и здѣсь оказался побѣдоноснымъ...

Кн. Юрьевская уѣхала за границу.

Въ 1882 году въ Базелѣ вышла книжка „Alexandre II, Détails inédits sur sa vie et sa mort", par Victor Laferté.

Говоря о ней, г. Тихомировъ называетъ ее „очень партійною" и „посвященною апологіи того кружка, который всецѣло обступилъ императора Александра II при гр. Лорисъ-Меликовѣ", но тутъ же прибавляетъ, что свѣдѣнія автора идутъ изъ самыхъ компетентныхъ источниковъ". [4])

Объ этомъ же произведеніи Laferté Лорисъ-Меликовъ писалъ въ письмѣ отъ 8 мая 1882 г., что „вся книга составлена со словъ княгини N.", и характеризовалъ ее, какъ „правдивую, но изложенную въ высшей степени неумѣло и тенденціозно". [5])

Наконецъ, гр. Валуевъ прямо называетъ произведеніе Лафертэ „книгой княгини Юрьевской" [6]). Всякій, знакомый съ этой книгой, знаетъ, что, будучи въ извѣстной степени „либеральною", она наполнена въ то же время проклятіями по адресу революціонеровъ.

---

[1]) *Волга*, 1 января 1884 г., № 1.

[2]) „Послѣ перваго марта 1881 г.", стр. 296.

[3]) „Гр. П. А. Валуевъ въ 1881—1884 гг.", „Сборникъ о минувшемъ", стр. 424.

[4]) „Конституціоналисты въ эпоху 1881 г.", стр. 68.

[5]) Изъ писемъ Лорисъ-Меликова, доставленныхъ редакціи *Освобожденія* кн. Гр. Волконскимъ. *Освобожденіе*, 1904 г., № 25.

[6]) „Гр. П. А. Валуевъ въ 1881—1884 гг.". Сборникъ „О минувшемъ", стр. 448.

Это не помѣшало, разумѣется, Побѣдоносцеву и К° усматривать очагъ революціи именно въ наиболѣе „высокихъ сферахъ“.

Вспомните уже цитированное нами прошлый разъ мѣсто изъ письма Побѣдоносцева къ Тютчевой: „Новому царю опасность грозитъ отовсюду“. „Бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ *сродникъ,* бѣды отъ *лжебратіи*“.

Скромный инокъ святѣйшаго синода любилъ говорить текстами...

Само собою разумѣется, что и по отношенію къ княгинѣ Е. М. Долгорукой слова Побѣдоносцева въ письмѣ къ Александру III были такою же клеветою, какъ и по отношенію къ великому князю Константину Николаевичу. Едва ли кн. Юрьевская даже подозрѣвала о касавшихся ея строкахъ въ письмѣ Побѣдоносцева къ Александру III,—иначе это чѣмъ-нибудь сказалось бы въ книгѣ Лафертэ. Она была очень невысокаго мнѣнія о Побѣдоносцевѣ, находилась на сторонѣ скромныхъ лорисъ-меликовскихъ преобразованій, — мы это сейчасъ увидимъ,—и мечтала объ одномъ: когда преобразованія эти станутъ совершившимся фактомъ и такимъ образомъ „la Russie, parvenu *au point culminant* des réformes administratives, n'eût plus en rien à envier *aux États les plus franchement constitutionnels*“ [1]), Александръ II отречется отъ престола, передавши его своему старшему сыну, и уѣдетъ съ княгиней Юрьевской изъ Россіи куда-нибудь въ Каиръ доживать дни свои частнымъ человѣкомъ. [2])

Но если кн. Юрьевская имѣла, видимо, столь слабое представленіе о существѣ реформы Лорисъ-Меликова, что готова была квалифицировать ее какъ такую, послѣ которой „Россіи не въ чемъ будетъ болѣе завидовать самымъ свободнымъ конституціоннымъ государствамъ“, то все же несомнѣнно, что она, кн. Юрьевская, находилась на сторонѣ лорисъ-меликовскихъ начинаній, и этого уже было достаточно, что „по вѣрѣ своей“ Побѣдоносцевъ взвелъ и на Юрьевскую самую безсмысленную клевету. Это можетъ показаться невѣроятнымъ, но мы уже цитировали по этому поводу письмо къ Тютчевой *самого Побѣдоносцева,* и предъ лицомъ такихъ документовъ непреложной исторической достовѣрности всякія сомнѣнія должны исчезнуть.

Противъ начинаній Лорисъ-Меликова Побѣдоносцевъ боролся всѣми силами еще въ концѣ царствованія Александра II, но тогда ему не удалось развернуть свои „таланты“ во всей той полнотѣ, въ какой онъ это сдѣлалъ въ гораздо болѣе для того благопріятную эпоху Александра III.

---

1) Alexandre II. Détails inédits sur sa vie intime et sa mort, p. 58.

2) „Le rêve qu'elle (кн. Юрьевская) caressait dans sa pensée, c'était de le (Александра II) voir installé avec elle au Caire, mais ce beau rêve ne pouvait être réalisé que par suite de l'abdication du pouvoir suprême, et son époux reconnaissait qu'un tel acte eût été prématuré“. И кн. Юрьевская „aspirait avec ardeur à l'instant où son époux abdiquerait“. (*Ibid.*, p. 59.)

Вотъ что читаемъ мы объ этомъ въ томъ же произведенiи Лафертэ, которое, какъ мы уже говорили, графъ Валуевъ называетъ „книгой княгини Юрьевской“. Читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы приведемъ здѣсь довольно длинную выписку на французскомъ языкѣ т.-е. словами самого автора цитируемой книги:

„Disons quelques mots de M-r Pobedonotseff, ministre des cultes en Russie. Ce personnage, imbu de bigoterie, a le caractère tracassier, l'humeur bilieuse, la santé chétive; c'est un des hommes qui se sont montrés les adversaires avoués du progrès et des réformes introduites en Russie, sous le règne d'Alexandre II.

„Aucune fonction importante ne lui avait été confiée par feu l'empereur, jusqu'à l'époque où, lors de l'éloignement du comte Tolstoï du Ministère de l'instruction publique, il fût résolu de séparer de ce ministère l'administration des affaires du culte de l'Etat. A cette époque seulement M-r Pobedonotseff fut nommé procureur-général du Saint-Synode russe; et, par cette nomination, devint le chef laïque de l'administration de la religion orthodoxe.

„En lui confiant un poste en rapport avec ses idées, ses goûts et ses aptitudes (M-r Pobedonotseff est issu de la classe des prêtres), Alexandre II pensa, que dans l'accomplissement de ses nouvelles fonctions, ce personnage trouverait des aliments propres à calmer sa fougue intempestive en matières religieuses, et qu'il cesserait de prendre souci de diverses questions n'étant point de son ressort.

„Cet espoir du feu souverain fût déçu: après sa nomination M-r Pobedonotseff devint membre du conseil des ministres; ce fut alors que, loin de travailler à établir la concorde générale pour favoriser les réformes du pays, il s'en montra le plus ardent adversaire, ses actes et ses tendances n'ayant pour but que de contrecarrer les grandes idées libérales du comte Loris-Mélikoff, dont il combattait, *sans relâche et secrètement*, les opinions élevées et civilisatrices.

„Peu de temps avant la mort d'Alexandre II, il circula, dans le public, le bruit que l'on travaillait en haut lieu à l'élaboration d'une constitution russe, devant être proclamée dans un bref délai. *Quelqu'un* usa alors de tous moyens, tels *que lettres placées sous les yeux du monarque,* afin de l'initier aux prétendues idées qui dominaient dans les provinces de l'empire; avec l'intention de lui prouver que la proclamation d'un manifeste impérial, octroyant à la Russie le régime constitutionnel, deviendrait l'étincelle électrique qui amènerait la révolution dans l'empire, pour le précipiter vers la ruine. En outre, on disait qu'il fallait fermer les écoles de village et laisser le paysan russe à son état primitif d'ignorance, afin que les lumières de la civilisation ne pussent parvenir jusqu'à lui, ces lumières étant propres à créer les nihilistes“ [1]).

[1]) Alexandre II p. 148—151.

Такъ дѣйствовалъ въ концѣ царствованія Александра II „quelqu'un" (не сѣдлецкій ли анонимъ?), а когда это не удалось, то Побѣдоносцевъ и написалъ то вышецитированное нами письмо къ новому императору, въ которомъ указывалъ, что „прежде всего надо выслать Константина и княгиню Юрьевскую".

Вотъ противъ такой-то могущественной „крамолы" съ ея, занимающими столь высокое положеніе, лидерами и рѣшено было организовать „кружки мужественныхъ добровольцевъ".

Лозунгъ къ этому далъ тотъ же Побѣдоносцевъ въ заключительныхъ словахъ его рѣчи на засѣданіи особаго совѣщанія 8 марта.

Заявивши, что „всѣ мы виноваты въ томъ, что въ бездѣятельности и апатіи нашей не сумѣли охранить жизнь праведника", Побѣдоносцевъ закончилъ рѣчь такими словами:

„Государь, въ такое ужасное время надобно думать не объ учрежденіи новой говорильни, въ которой произносились бы новыя растлевающія рѣчи, а о дѣлѣ. Нужно дѣйствовать!..."

Лозунгъ былъ услышанъ.

4 апрѣля Валуевъ записалъ въ своемъ дневникѣ:

„Гр. Воронцовъ выступилъ въ новой роли охраннаго „maire du palais", въ Гатчинѣ. Ему подчинены по части охраны Высочайшихъ особъ всѣ власти".

Въ это же время происходили, подъ предсѣдательствомъ градоначальника Баранова, засѣданія знаменитаго „Совѣта 25-ти", или такъ называвшагося тогда въ обществѣ „бараньяго парламента". Эти „двадцать пять" были *выборными* отъ домовладѣльцевъ и квартирантовъ г. Петербурга, но избраніе происходило съ тою отъ обычныхъ выборовъ разницею, что всѣмъ выборщикамъ предписано было сидѣть дома (выборы должны были быть начаты и окончены въ одинъ день) и ждать у себя представителей городской думы и полиціи для врученія имъ избирательныхъ бюллетеней. Первымъ по числу полученныхъ голосовъ попалъ въ „бараній парламентъ", бывшій петербургскій оберъ-полицеймейстеръ генералъ Треповъ, вторымъ—гр. Воронцовъ-Дашковъ. Мы, конечно, не будемъ останавливаться здѣсь на „дѣятельности" нашего истинно-самобытнаго „парламента", имѣвшаго своею задачею помогать Баранову въ осуществленіи его „предначертаній", ибо описаніе того, что тамъ происходило, достойно лишь таланта Щедрина, но отмѣтимъ, что призывъ Побѣдоносцева къ тому, чтобы „дѣйствовать", нашелъ себѣ въ „парламентѣ", разумѣется, самый горячій откликъ.

„Къ числу первыхъ мѣръ, принятыхъ новымъ градоначальникомъ,—писалъ въ своемъ дневникѣ кн. Мещерскій,—принадлежитъ проектъ образованія *артели дворниковъ*. Создается для введенія этого особая коммиссія. Независимо отъ сего образована другая комиссія, подъ предсѣда-

тельствомъ гр. Воронцова-Дашкова, для устройства особой почетной тѣлохранительной стражи для государя". [1])

Такимъ образомъ, „maire du palais", въ Гатчинѣ, гр. Воронцовъ-Дашковъ сталъ главою организаціи, принявшей названіе „Добровольная охрана".

Задача этой организаціи состояла въ охранѣ личности государя; лишь впослѣдствіи, принявши названіе „Священной дружины", она занялась и другими дѣлами, о которыхъ у насъ рѣчь будетъ ниже; но названія „Добровольная охрана", „Священная дружина", а иногда и „Св. лига", употреблялись нерѣдко одно вмѣсто другого.

Такъ Валуевъ писалъ 19 сентября:

„Revers de medaille современныхъ фразъ о вѣрноподданническихъ восторгахъ. Въ Москвѣ на пути Высочайшихъ выѣздовъ или проѣздовъ ближайшій „народъ" былъ составленъ изъ избранныхъ „Св. дружиною" шести тысячъ временныхъ охранителей". [2])

Эти охранители состояли, главнымъ образомъ, изъ старообрядцевъ, которымъ за это обѣщана была та свобода ихъ вѣроисповѣданія, которой они не могутъ добиться и до настоящаго времени.

Въ средѣ „мужественныхъ добровольцевъ" были разныя „теченія", и было бы несправедливо возлагать на нихъ на всѣхъ, въ томъ числѣ и на упоминаемыхъ въ настоящей статьѣ лицъ, отвѣтственность за всѣ дѣянія „охраны" и „дружины"; но не подлежитъ сомнѣнію, что среди нихъ было и то „террористическое" теченіе, о которомъ упоминается даже и въ книгѣ генерала Шебеко, прямо напечатавшаго, что цѣлью одного изъ кружковъ „мужественныхъ добровольцевъ"—было „вырѣзать анархистовъ".

Легко, однако, сказать—„вырѣзать анархистовъ", но кого же именно? Въ Россіи ихъ не найдешь, оставалось поискать за границей. Въ качествѣ эмигранта за границей издавна дѣйствовалъ кн. П. А. Крапоткинъ (хотя къ народовольчеству онъ никакого отношенія не имѣлъ), а изъ иностранцевъ наиболѣе вреднымъ лицомъ, писавшимъ въ своемъ *Intransigeant* о русскомъ правительствѣ всякіе „пасквили", былъ Анри Рошфоръ.

На этихъ-то лицъ предки Юскевичей-Красковскихъ и обратили свое просвѣщенное вниманіе.

Помѣщаемъ два слѣдующихъ, никогда не бывшихъ еще въ печати, письма къ П. А. Лаврову извѣстнаго доктора Н. А. Бѣлоголоваго. [3])

„Дорогой Петръ Лавровичъ! Сейчасъ получилъ письмо изъ Висбадена

[1]) *Кн. В. П. Мещерскій:* „Дневникъ за 1881 г.", стр. 237—238.

[2]) Гр. В. А. Валуевъ въ 1881—1884 гг. Сборникъ „О минувшемъ", стр. 444.

[3]) Помѣщаемъ письма съ подлинниковъ. Письма эти переданы въ наше распоряженіе лицами, имѣющими на то всѣ юридическія и моральныя права.

и спѣшу передать вамъ его сущность. „Св. дружина" наняла какого-то искуснаго дуэлиста и бреттера, чтобы оскорбить Рошфора и затѣмъ убить его на дуэли. Такимъ же образомъ предполагается поступить и съ Кропоткинымъ. Ежели сойдутъ эти два устраненія благополучно, то пойдутъ и дальше. Во всѣхъ предпріятіхъ дружины принимаютъ живѣйшее участіе Д. (вызвался давать дружинѣ по 15 тысячъ руб. ежемѣсячно) и оба Ш. [1]). Вы видите, дѣло такъ серьезно, что слѣдуетъ немедленно предупредить и Рошфора, и Кропоткина, но непремѣнно слѣдовало бы сдѣлать такъ, чтобы Рошфоръ не разболталъ въ газетѣ подробности о дружинѣ, потому что тогда легко будетъ доискаться, откуда идутъ эти свѣдѣнія, а погубить С. было бы жестоко. Кромѣ того, желательно было бы такъ подвести махинацію, чтобы поймать убійцъ во-время и доказать солидарность ихъ съ... Мы оба (т.-е. Бѣлоголовый и его жена) находимся еще до такой степени подъ впечатлѣніемъ этого извѣстія, что я ни о чемъ другомъ не распространяюсь".

Лавровъ отнесся нѣсколько недовѣрчиво къ этому сообщенію, о чемъ и увѣдомилъ Бѣлоголоваго. Вслѣдствіе этого Бѣлоголовый написалъ ему еще такое письмо:

„Я къ „Дружинѣ" потому отношусь серьезно, что таково отношеніе къ ней С. [2]), а онъ стоитъ у самаго источника подробныхъ свѣдѣній о ней. Онъ пишетъ намъ часто и въ каждомъ письмѣ говоритъ о „Дружинѣ" и, видимо, желалъ бы, чтобы свѣдѣнія о ней были бы сообщены

---

[1]) Въ подлинникѣ полныя фамиліи.

[2]) С.,—какъ любезно сообщилъ въ письмѣ къ пишущему эти строки соредакторъ Бѣлоголоваго по *Общему Дѣлу* А. Х. Христофоровъ,—М. Е. Салтыковъ-Щедринъ. Въ *Общемъ Дѣлѣ* помѣщались извѣстія о Св. дружинѣ на основаніи сообщеній Салтыкова. Тамъ же, *Общее Дѣло*, № 46, было напечатано вырѣзанное изъ *Отечественныхъ Записокъ* одно изъ „Писемъ къ тетенькѣ" Салтыкова („Клубъ взволнованныхъ лоботрясовъ"), въ которомъ покойный сатирикъ вывелъ именно дѣятелей „Дружины". (Инниціаторомъ клуба является Поздревъ, „составившій проектъ обращенія за содѣйствіемъ къ обществу, изъ глубины котораго на его вопросъ, что дѣлать, послышалось одно-единственное слово „жарь"! Поздревъ остался, однако, этимъ недоволенъ, такъ какъ слово „жарь" имѣетъ въ себѣ нѣчто принудительное, почти революціонное. Оно декретируетъ цѣлую систему и притомъ устами такихъ людей, которые „ѣли изъ одного корыта съ поросятами". Притомъ сегодня они кричатъ „жарь", а завтра, пожалуй, станутъ кричать „довольно жарить". Поэтому Поздревъ рѣшилъ поступить иначе.) *Avis* — біографамъ Салтыкова. Объ участіи Бѣлоголоваго въ *Общемъ Дѣлѣ* см. ст. А. Х. Христофорова *Общее Дѣло*, помѣщенную въ первой книжкѣ *Освобожденія*. Штутгартъ, 1903 года, стр. 24—50.

Кстати: изданіе за границею книги „Конституціи Лорисъ-Меликова" приписывалось сначала покойному М. И. Семевскому, а потомъ доктору Бѣлоголовому. Первое совершенно невѣрно, второе вѣрно только отчасти. Документы для этой книги Н. А. Бѣлоголовый получилъ *непосредственно отъ Лорисъ-Меликова* и передалъ ихъ для изданія одному и понынѣ здравствующему русскому ученому, который документы проредактировалъ и на средства котораго книга и была издана.

въ западныя газеты. Я думаю, что напечатать о ней въ общихъ чертахъ, безъ подробностей (о Д., Ш. и т. д.), было бы безопасно и не навело бы на слѣдъ источника потому, что, во-первыхъ, темные намеки о существованіи „Дружины“ встрѣчаются въ одномъ № *Порядка* и, во-вторыхъ, мнѣ пишутъ изъ Женевы, что тамъ получено сообщеніе съ юга Россіи, извѣщающее объ организаціи „Дружины“. Стало быть, глухой слухъ о ней бродитъ уже въ обществѣ и сообщеніе въ западныхъ газетахъ вовсе не указало бы на источникъ, особенно, если сдѣлать, какъ я уже сказалъ, безъ оглашенія подробностей“.

Въ своихъ „Запискахъ революціонера“ П. А. Крапоткинъ пишетъ:

„Когда Александръ III вступилъ на престолъ, то для охраны его была основана тайная лига. Офицеровъ различныхъ чиновъ соблазняли тройнымъ жалованьемъ поступать въ эту лигу и исполнять въ ней добровольную роль шпіоновъ, слѣдящихъ за разными классами общества. Бывали, конечно, комическіе эпизоды. Два офицера, напримѣръ, не зная, что они оба принадлежатъ къ одной и той же лигѣ, вовлекали другъ друга въ вагонѣ въ революціонную бесѣду, затѣмъ арестовывали другъ друга и къ обоюдному разочарованію убѣждались, что напрасно потеряли время“.

„Еще болѣе тайная организація — священная лига — основалась въ то же время, чтобы бороться съ революціонерами всякими средствами,— между прочимъ убійствомъ тѣхъ эмигрантовъ, которые считались вождями недавнихъ заговоровъ. Я былъ въ числѣ намѣченныхъ лицъ. N. рѣзко выговаривалъ офицеровъ, членовъ лиги, за трусость и выражалъ сожалѣніе, что нѣтъ никого, который взялся бы убить такихъ эмигрантовъ. Тогда одинъ офицеръ, который былъ камеръ-пажемъ въ то время, какъ я находился въ корпусѣ, былъ выбранъ лигой, чтобы привести этотъ планъ въ исполненіе.

...„Что касается смертнаго приговора, который мнѣ вынесла священная лига, то предупрежденіе о немъ я получилъ изъ Россіи отъ одного очень высокопоставленнаго лица. Мнѣ стало извѣстно даже имя той дамы, которую послали изъ Петербурга въ Женеву, гдѣ она должна была стать душою заговора. Поэтому я ограничился тѣмъ, что сообщилъ фактъ и имена женевскому корреспонденту *Times*'а съ просьбою огласить ихъ, если что-нибудь случится со мной. Въ этомъ смыслѣ помѣстилъ я также замѣтку въ *Revolté*. Послѣ этого я больше не думалъ о приговорѣ. Жена моя, однако, не такъ легко отнеслась къ дѣлу, точно такъ, какъ и добрая крестьянка madame Сансо, у которой мы занимали въ Тононѣ квартиру со столомъ. Она узнала о заговорѣ другимъ путемъ (черезъ свою сестру, служившую бонной въ семьѣ русскаго агента) и окружила меня трогательною заботливостью.

...„Когда Игнатьевъ сталъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ, по

совѣту бывшаго парижскаго префекта Андріе, напалъ на новый планъ. Онъ послалъ рой своихъ агентовъ въ Швейцарію, гдѣ одинъ изъ нихъ сталъ издавать газету, стоявшую за нѣкоторое расширеніе земскаго самоуправленія. Главная же задача заключалась въ борьбѣ съ революціонерами и въ группировкѣ вокругъ него всѣхъ эмигрантовъ, отрицательно относившихся къ террору. То было, конечно, средство посѣять раздоръ. Затѣмъ, когда почти всѣхъ членовъ исполнительнаго комитета арестовали въ Россіи, и только два или три изъ нихъ бѣжали въ Парижъ, Игнатьевъ послалъ агента, чтобы предложить имъ перемиріе. Онъ обѣщалъ, что больше казней по поводу заговоровъ, составленныхъ въ царствованіе Александра II, не будетъ, даже если бѣжавшіе попадутъ въ руки правительства; что Чернышевскаго выпустятъ изъ Вилюйска и что назначатъ комиссію для пересмотра положенія всѣхъ сосланныхъ административнымъ путемъ въ Сибирь. Съ другой стороны, Игнатьевъ требовалъ, чтобы исполнительный комитетъ не дѣлалъ покушеній, покуда не состоится коронація. Быть можетъ, упоминались реформы, которыя Александръ III собирался сдѣлать въ пользу крестьянъ. Договоръ былъ заключенъ въ Парижѣ". [1])

Въ вышедшихъ послѣ 1 марта 1881 года *Листкѣ Народной Воли* № 1 (22 іюля 1881 года), *Народной Волѣ* № 6 (23 октября 1881 года) и *Народной Волѣ* № 7 (23 декабря 1881 г.)—о „Священной дружинѣ" (она же лига) ничего не упоминается.

Очевидно, о существованіи ея народовольцамъ не было извѣстно. Лишь въ *Народной Волѣ* № 8—9 (отъ 5 февраля 1882 г.) содержится замѣтка подъ заглавіемъ „Лига добровольцевъ-шпіоновъ"; въ замѣткѣ этой сообщается, что „мысль объ этомъ учрежденіи зародилась во время *лѣтняго* путешествія Александра III... Временная затѣя такъ понравилась В., что превратилась въ постоянное учрежденіе—„Лигу", которая поставила своею цѣлью борьбу съ крамолою и искорененіе всѣхъ недостаточно легальныхъ проявленій русской жизни. Въ центрѣ новаго тайнаго общества стоятъ В., А—й, Воронцовъ-Дашковъ, Игнатьевъ, Побѣдоносцевъ, Демидовъ-Санъ-Донато, Шуваловъ, банкиръ Гинцбургъ, Бобринскій и бывшій начальникъ департамента шпіоновъ Шульцъ. Въ Москвѣ — Катковъ и Аксаковъ. Контингентъ агентовъ вербуется изъ гвардейскихъ офицеровъ, золотой молодежи, отличающихся приказчиковъ и пр. Приглашенія за подписью Воронцова-Дашкова разсылаются въ большомъ количествѣ и очень многихъ ставятъ въ безвыходное по-

---

[1]) *П. А. Кропоткинъ:* „Записки революціонера". Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей автора. Лондонъ, 1902 г., стр. 412, 413, 416, 421 и 422. О переговорахъ въ Парижѣ Кропоткинъ зналъ, повидимому, лишь изъ вторыхъ рукъ и потому сообщаетъ о нихъ неточныя свѣдѣнія.

ложеніе. Дѣятельность Лиги пока ни въ чемъ не проявляется, кромѣ дворцовыхъ интригъ". [1])

Въ самомъ началѣ настоящей статьи мы уже приводили выписку изъ дневника гр. Валуева о „Св. дружинѣ". Теперь, дабы разсѣять всякія сомнѣнія о томъ, кто же именно стоялъ во главѣ этого учрежденія, приведемъ изъ дневника того же Валуева еще такую запись, помѣченную 8-мъ ноября 1881 года.

„Былъ у великаго князя по случаю его именинъ. Какъ всегда—любезенъ. Изъ разговора съ нимъ могъ замѣтить, что trio, по его выраженію, Игнатьева [2]), Островскаго [3]) и Побѣдоносцева не пользуется его расположеніемъ, что онъ не поклонникъ „Св. Дружины" [4]).

Итакъ, если бы мы и не имѣли другихъ свѣдѣній по занимающему насъ въ данную минуту вопросу, то уже изъ этой записи въ дневникѣ Валуева ясно совершенно, что Побѣдоносцевъ входилъ въ число того „trio", которое послѣ отставки Лорисъ-Меликова, Милютина и другихъ стало вершителемъ всѣхъ дѣлъ на Руси и стояло въ то же время во главѣ „Священной дружины".

„Дружинники" рѣшили организоваться,—первое собраніе происходило въ домѣ одного ультра-высокопоставленнаго лица,—„по образцу Исполнительнаго комитета, а такъ какъ о дѣйствительной организаціи этого комитета, кромѣ сказокъ, дружинники абсолютно ничего не знали, то вспомнили про знаменитые нечаевскія „пятерки" и рѣшили остановиться на системѣ этихъ „пятерокъ" [5]). Члены „Дружины" обязаны были называться „братьями", но каждый изъ „братьевъ" долженъ былъ знать только организатора „пятерки", которому присвоивалось названіе „старшаго брата", и никого болѣе. Все должно было быть покрыто непроницаемой тайной и въ донесеніяхъ чиновъ „пятерокъ" своимъ „старшимъ братьямъ". Каждый братъ долженъ былъ фигурировать подъ на-

---

[1]) *Народная Воля*, № 8—9. И въ этомъ случаѣ, говоря о томъ, что лига возникла послѣ „лѣтняго путешествія" государя и пр., народовольцы обнаружили свою слабую о ней освѣдомленность, но въ общемъ замѣтка истинѣ все же вполнѣ отвѣчаетъ.

[2]) Игнатьевъ былъ уже министромъ внутреннихъ дѣлъ.

[3]) Островскій—министръ государственныхъ имуществъ.

[4]) Графъ В. А. Валуевъ въ 1881—1884 гг. *Историческій Сборникъ*, „О минувшемъ", 1909 г., стр. 430.

[5]) Дабы иной читатель не подумалъ, что мы фантазируемъ, сошлемся хотя бы на такую запись въ дневникѣ Валуева, относящуюся къ тому времени (7 декабря 1882 г.), когда „Дружинѣ" приходилъ конецъ: „Вчера былъ здѣшній вице-губернаторъ Волковъ. По его словамъ, „Свящ. дружина" распущена или распускается. Онъ самъ отпущенъ и его „*пятерка*" упразднена". (Графъ В. А. Валуевъ въ 1881—1884 гг. *Сборникъ*, „О минувшемъ", стр. 449).

значеннымъ ему псевдонимомъ или номеромъ. [1]) Организація задалась цѣлью покрыть своею сѣтью всю Россію, и „донесенія“ должны были стекаться отовсюду къ единому абсолютно законспирированному центру. При пріемѣ членовъ принималась особая присяга. [2])

„Дружина“ явилась великолѣпнымъ учрежденіемъ, въ которомъ ловкимъ людямъ представлялась полная возможность „make money“, а еще болѣе устроить свое благополучіе на служебномъ поприщѣ. Многіе удивились бы, если бы узнали, что нѣкоторые изъ нынѣшнихъ высшихъ государственныхъ сановниковъ получили первоначальный импульсъ по дорожкѣ къ власти „донесеніями“ своимъ „старшимъ братьямъ“ объ „общественномъ настроеніи“ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они тогда жили совсѣмъ небольшими сошками, и т. п. „заслугами“ передъ „Дружиною“, членами которой они состояли.

Желающихъ „поработать“ въ этомъ направленіи оказалось вскорѣ такъ много и „сообщенія“ представлялись такими различными путями, что центръ „Дружины“ издалъ слѣдующій (гектографированный) циркуляръ своимъ „братьямъ“: „Въ видахъ осмотрительности и увеличивающагося числа сообщеній, братья „Священной дружины“ симъ извѣщаются, что въ С. Д. С. будутъ передаваемы только тѣ сообщенія и заявленія, которыя будутъ адресованы на имя *Ф. К. Холма*, Спб., Невскій проспектъ, д. № 7, или на имя *Алексѣя Егоровича Войны,* Спб., Галерная, д. № 38“.

Но въ чемъ же проявилась, главнымъ образомъ, дѣятельность центра „мужественныхъ добровольцевъ?“

---

[1]) Наиболѣе законспирированные дружинники имѣли двойные номера. Такъ, гр. Воронцовъ-Дашковъ носилъ №№ 6 и 106, гр. Шуваловъ—8—108, кн. Щербатовъ—18—228 bis, Дурново—21—221, гр. Левашовъ—10—7 и т. д.

[2]) Текста этой присяги въ нашихъ документахъ, къ сожалѣнію, не имѣется, но что таковая при пріемѣ „братьевъ“ приносилась, объ этомъ намъ извѣстно изъ нѣсколькихъ источниковъ. Вотъ одинъ изъ нихъ: членомъ „Дружины“ состоялъ предсѣдатель одной золотопромышленной компаніи нѣкто Базилевскій. Въ этой компаніи служилъ въ Сибири одинъ извѣстный русскій писатель, пріѣзжавшій время отъ времени по дѣламъ компаніи въ Петербургъ. „Пріѣхавши въ Петербургъ въ 1881 году,—сообщаетъ мнѣ въ личномъ письмѣ упомянутый писатель,—я узналъ отъ самого Базилевскаго, что онъ состоитъ членомъ „Дружины“, къ которой принадлежалъ г. Шуваловъ, кн. Санъ-Донато и др. Базилевскій не былъ активнымъ членомъ „Дружины“, съ него, какъ и со многихъ другихъ богатыхъ людей, просто брали деньги, и на этомъ его дѣятельность ограничивалась. Принадлежность къ „Дружинѣ“ не мѣшала Базилевскому быть со мной въ очень хорошихъ отношеніяхъ (авторъ письма былъ раньше политическимъ ссыльнымъ). Онъ далъ мнѣ даже прочесть довольно длинный *текстъ присяги*, которую приносили члены „Дружины“ при вступленіи. (На практикѣ, очевидно, тайны „Дружины“ не такъ-то строго соблюдались ея членами). Содержаніе этого текста улетучилось теперь изъ моей памяти, помню лишь, что къ ней былъ приложенъ адресъ для сбора пожертвованій недавно умершаго биржевого маклера Холма“.

Намѣреніе „вырѣзать анархистовъ“, о которомъ свидѣтельствуетъ въ своей книгѣ генералъ Шебеко, было достояніемъ не всей „Дружины“, а лишь нѣкоторыхъ изъ наиболѣе „мужественныхъ добровольцевъ“, и замыслы по отношенію къ Крапоткину и Рошфору въ исполненіе приведены не были. Устройство маскарадовъ изъ „народа“, о чемъ засвидѣтельствовалъ въ своемъ дневникѣ графъ Валуевъ, требовало много силъ и средствъ, но само по себѣ было занятіемъ довольно скучнымъ, дружинникамъ же хотѣлось чего-нибудь болѣе яркаго; и вотъ, рядомъ съ офиціальными учрежденіями по „искорененію крамолы“, создались другія, начавшія широко практиковать, употребляя современный терминъ, „пинкертоновщину“. Возникли „попечительства“, „бюро“, „кружки“ какъ для уловленія „крамольниковъ“, такъ и для освѣдомленія центра „Дружины“ о состояніи умовъ въ столицахъ и провинціи. Представители золотой молодежи принимали на себя обязанности филеровъ и развѣдчиковъ,—имъ давалъ въ этомъ дѣлѣ авторитетныя указанія „членъ центра „Дружины“ бывшій дѣятель III отдѣленія Шульцъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Игнатьевъ находился съ вожаками дружины въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ и предписалъ политической полиціи слушаться во всемъ указаній членовъ „Дружины“, которые во всякое время дня и ночи имѣли право требовать отъ полиціи производства у указанныхъ ими лицъ обысковъ и даже ихъ арестовъ. На такомъ пути, какъ это мы увидимъ въ свое время, когда у насъ будетъ рѣчь о борьбѣ, предпринятой противъ дружинниковъ Толстымъ, происходили весьма любопытныя вещи.

Но въ „дѣятельности“ своей дружинники встрѣтили соперниковъ въ лицѣ „профессіоналистовъ“ въ этой области и, въ частности, имѣвшаго „свои виды“, извѣстнаго въ свое время Судейкина.

Исполняя въ точности предписанія дружинниковъ (Судейкинъ тоже называлъ ихъ „лигистами“), Судейкинъ дѣлалъ это со скрежетомъ зубовнымъ, такъ какъ предписываемые „лигистами“ аресты нерѣдко противорѣчили его собственнымъ „планамъ“ по части все того же, конечно, „искорененія крамолы“, а черезъ то и достиженію „степеней извѣстныхъ“.

Существуетъ любопытная исповѣдь г-жи О—й подъ заглавіемъ: „Нераскрытое дѣло“. Въ ней О—я разсказываетъ, какъ, рѣшившись убить Судейкина, она согласилась на сдѣланное имъ, Судейкинымъ, предложеніе стать въ число его агентовъ и какъ Судейкинъ, смотря уже на нее, какъ на свою „сотрудницу“, не стѣсняясь, отзывался ей о „лигистахъ“ самымъ нелестнымъ для нихъ образомъ.

— Это такое учрежденіе, съ которымъ нужно бороться не меньше, чѣмъ съ террористами,—со злобою говорилъ о „лигистахъ“ своей собесѣдницѣ Судейкинъ.—Больше даже! Революціонеры—это *люди* (кур-

сивъ подлинника), люди идеи, а это скопище... Банда! Но эта банда подъ покровительствомъ. *Мнѣ мѣшаютъ невозможно.* Дѣлаютъ доносы, требуютъ арестовъ, когда это не нужно. Средствъ расходуется масса. Жандармское отдѣленіе тратитъ много, но мы тратимъ на *дѣло* (курсивъ подлинника) и наши расходы ничто въ сравненіи съ ихъ расходами. Тамъ милліоны выбрасываются и все понапрасну—нажива какимъ-то..." [1])

Когда былъ арестованъ членъ Исполнительнаго комитета Савелій Златопольскій, О—я спросила у Судейкина: кто это арестованъ?

Отвѣтивши на вопросъ, Судейкинъ сопроводилъ свой отвѣтъ такимъ комментаріемъ:

— Это не я, а лигисты и поусердствовала московская полиція. Я бы еще не арестовалъ этого субъекта, онъ мнѣ былъ нуженъ на волѣ. *Эти проклятые добровольцы всегда мнѣ мѣшаютъ.* [2])

Судейкинъ, какъ увидимъ дальше, принялъ участіе въ поведенной уже во время министерства Толстого противъ „Священной дружины" кампаніи, въ результатѣ которой „Дружина" была закрыта по личному распоряженію императора Александра III. Но теперь намъ важно отмѣтить тотъ фактъ, что „Дружина" и жандармская полиція не сотрудничали, а конкурировали.

Вскорѣ „Дружина" обрѣла себѣ дѣятельнаго „сотрудника" въ лицѣ покойнаго Корнилія Александровича Бороздина. Онъ не былъ даже и членомъ „Дружины", а состоялъ лишь ея „агентомъ", но онъ явился въ этой организаціи ея „литературной силой", ея теоретикомъ. Сначала донесенія Бороздина „Дружинѣ" ничѣмъ не отличались отъ самыхъ обыкновенныхъ доносовъ политическаго характера. Они были весьма подробны, но, разумѣется, и весьма фантастичны. Такъ, 29 мая 1882 г. Бороздинъ составилъ донесеніе „о квартирѣ Карпова, Кульчицкомъ и другихъ". Для ознакомленія съ характеромъ дѣятельности „Дружины" донесеніе это можетъ имѣть свое значеніе, и потому приведемъ изъ него одну-двѣ цитаты:

„Карповъ Георгій Андреевичъ, корнетъ веймарскаго гусарскаго полка, служитъ на товарной станціи николаевской жел. дороги въ 4 отдѣлѣ отъ правленія новоторжской жел. дор., живетъ по Коломенской ул., въ домѣ № 15, кв. № 34, при немъ жена Федосья Петровна. Не подлежитъ сомнѣнію, что означенная квартира Карпова есть одна изъ конспиративныхъ квартиръ соціально-революціонной партіи; ежедневно ее посѣщаютъ до 20 человѣкъ студентовъ, постоянно совѣщаются, при-

---

[1]) *О—я:* „Нераскрытое дѣло". *Историческій Сборникъ*, „Наша страна", Спб., 1907 г., стр. 308.

[2]) Ibid., стр. 316.

носятъ и выносятъ свертки бумагъ, которые въ условленныхъ пунктахъ (въ Александровскомъ скверѣ, въ Петровскомъ паркѣ, близъ памятника Екатерины) передаются другимъ лицамъ. При передачѣ эти господа въ постоянной тревогѣ, оглядываются раньше чѣмъ подойти къ лицу ожидающему, долгое время ходятъ по дорожкамъ сквера и, только убѣдившись, что никто не слѣдитъ за ними, передаютъ свертки".

Дальше идетъ перечисленіе всѣхъ жильцовъ дома, приложена ихъ „вѣдомость", съ отмѣтками, примѣчаніями и пр.

Еще болѣе „обстоятельное" донесеніе послалъ Бороздинъ „Дружинѣ" о состояніи умовъ въ Петербургѣ.

„Положеніе въ высшей степени натянутое,—писалъ Бороздинъ.— Въ обществѣ открыто говорятъ, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ начнется рядъ террористическихъ дѣйствій, направленныхъ къ разрушенію существующаго порядка. Цареубійство ставится, конечно, на первомъ планѣ.

„Свѣдѣнія эти идутъ преимущественно изъ-за границы и на-дняхъ пріѣхалъ въ Петербургъ корреспондентъ американской газеты, *New-York Herald*, Жанъ де-Вестине, котораго прислалъ сюда редакторъ, извѣстный Бенетъ, съ тѣмъ, чтобы не пропустить ни одного момента готовящейся драмы.

„Если поэтому въ Америкѣ съ такою положительностью предугадываютъ событія, то, надо полагать, тамъ имѣются несомнѣнныя свѣдѣнія о готовящемся проявленіи террора въ Россіи.

„И когда присмотришься ко всему совершающемуся у насъ, невольно приходишь къ тому убѣжденію, что что-то готовится неблагополучное.

„Въ Стрѣльнѣ и Сергіевской пустынѣ бродитъ шайка нигилистовъ, очень подозрительная: это большею частью хохлы изъ партіи Драгоманова. Наблюденіе за этой группой производится и ведетъ лишь къ заключенію, что эти личности затѣваютъ что-то. Они всѣ между собою видятся и ведутъ переговоры.

„Въ Мозинѣ, на Гатчинской линіи живетъ одинъ изъ верховниковъ-соціалистовъ, *профессоръ Тархановъ*, и около него идетъ дѣятельное подпольное движеніе. Наблюденіе надъ этимъ гнѣздомъ самое плохое, такъ какъ агенты тамъ живущіе давно узнаны, и имъ нельзя уже ничего добиться.

„Въ редакціи газеты *Улей*, издающейся на деньги бывшаго интендапта рущукскаго отряда Г. Моисеева, собрался кружокъ темныхъ личностей, во главѣ которыхъ стоитъ извѣстный н...й Зарудный. За мошенничество лишенный правъ и сосланный въ Самарскую губернію, онъ былъ помилованъ вслѣдствіе энергичнаго ходатайства за него гр. Лорисъ-Меликова и тотчасъ же по полученіи гражданства въ Петербургѣ занялся изданіемъ газеты подъ фирмою редактора Эвальда, самаго ни-

чтожнаго нѣмчика, мелкаго гешефтъ-маклера, занимавшагося до того выборкою изъ нѣмецкихъ газетъ для редакціи *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей.* Зарудный деньги нашелъ у здѣшнихъ мелкихъ евреевъ, представителемъ которыхъ явился полицейскій сыщикъ Бинъ. [1])

„Говорятъ даже, зять Трепова, гр. Иродъ помогъ матеріально Зарудному. Про газету эту составлено такое мнѣніе, что она сама по себѣ ничтожна, такъ какъ перепечатываетъ лишь статьи изъ другихъ газетъ; но если это съ перваго раза кажется вѣрнымъ, то съ другой стороны, когда всмотришься въ газету, то яснымъ становится, что тутъ дѣло состоитъ не въ самостоятельныхъ оригинальныхъ статьяхъ, а лишь въ подборѣ ихъ изъ другихъ газетъ въ такомъ направленіи, которое болѣе всего нравится либеральствующей части общества. Лозунгъ редакціи поэтому—конституція, и к-нія *Мокшеевъ, Зарудный, Ярмонкинъ* и т. д. открыто толкуютъ о неизбѣжности возвращенія гр. Лорисъ-Меликова на постъ перваго министра съ его программою. Для достиженія же этихъ идеаловъ составъ редакціи не остановится ни передъ какими подпольными дѣйствіями. Число подписчиковъ въ теченіе 7 или 8 мѣсяцевъ дошло до 3,000.

„Но если такая мелкая газета, какъ *Улей*, стремится мутить общественный смыслъ, то такія двѣ газеты, какъ *Порядокъ* и *Моск. Телеграфъ*, издающіяся—первая на деньги еврея Полякова, а вторая на деньги б. Гинцбурга—идутъ съ опредѣленными цѣлями, какъ органы еврейско-польскіе. Въ особенности серьезно ведется въ этомъ направленіи *Порядокъ. Стасюлевичъ, Спасовичъ, Коршъ* (ополяченные), *Пыпинъ, Кавелинъ*, а въ связи съ ними стоящіе крупные чины изъ польской партіи—*Ленскій, Деспотъ-Зсновичъ, Оленскій* и другіе—составъ подобный органа дѣлаетъ его подозрительно-вреднымъ. *Порядокъ* цитируетъ за границей *Набатъ*, а въ *Порядкѣ* съ изысканною вѣжливостью и осторожностью пропагандируется ученіе *Набата.* Всѣ названные заправители этой газеты крайне опытные, осторожные іезуиты, чтобы самимъ лично выступать непосредственными дѣятелями агитаціоннаго движенія; они всегда будутъ какъ бы въ сторонѣ, а подъ рукой ихъ стоитъ легіонъ еврейчиковъ и полячковъ, готовыхъ въ огонь и въ воду по ихъ указанію.

„Внушаетъ сильное подозрѣніе складъ сыровъ Верещагина на Гороховой, въ д. 53. Тутъ торговля на второмъ планѣ, а потому нельзя не принимать въ соображеніе, что въ подобномъ мѣстѣ, какъ Гороховая, подкопъ—дѣло разсчитанное. Впрочемъ, тутъ идетъ наблюденіе“.

---

[1]) Не о m-r ли „Bint“, начавшемъ тогда же играть въ парижскомъ отдѣленіи „Священной дружины“ видную роль, идетъ здѣсь рѣчь?... Или это только совпаденіе именъ двухъ разныхъ „политическихъ сыщиковъ“?...

Такое усердіе Бороздина не могло, конечно, не обратить на него вниманія центра „Дружины“, и вотъ Бороздинъ принимается за другое дѣло: онъ пишетъ „Дружинѣ“ цѣлую докладную записку о революціонномъ движеніи въ Россіи.[1]) Правда, онъ и въ ней обнаруживаетъ очень плохое знакомство съ предметомъ, поминутно путаетъ фамиліи революціонеровъ, даты событій и пр., но для дѣятелей „Священной дружины“ и это былъ цѣлый кладъ. Бороздинъ начинаетъ встрѣчаться съ кн. А. П. Щербатовымъ, гр. П. П. Шуваловымъ и, наконецъ, съ самимъ гр. И. И. Воронцовымъ-Дашковымъ, тогда уже министромъ двора, главою „Свящ. дружины“, носившимъ среди „братьевъ“, кромѣ №№ 6 и 106 еще и псевдонимъ „*Набольшаго*“.

„Дружинники не вѣрятъ полиціи, они ищутъ „настоящихъ“ членовъ Исполнительнаго комитета „Народной воли“, подозрѣваютъ въ качествѣ таковыхъ членовъ *лейбъ-медика Боткина, профессора Манасеина, Д. В. Стасова, московскаго доктора Бокова* и другихъ, но, видя, что всѣ ихъ поиски не приводятъ къ цѣли, рѣшаются, принявши обличье будто бы возникшей въ Россіи организаціи конституціоналистовъ, носящей названіе „*Земская лига*“, попытаться отъ имени ея вступить въ переговоры съ Исполнительнымъ комитетомъ и такимъ образомъ проникнуть въ его нѣдра. Для этого они нашли нѣкоего доктораНнвинскаго (нашли не черезъ Бороздина, а черезъ другое лицо,—Бороздинъ игралъ роль во вторыхъ переговорахъ, ведшихся черезъ Н. Я. Николадзе), на котораго и возложили порученіе отправиться въ Парижъ и вступить тамъ въ сношенія отъ имени „Земской лиги“ съ П. Л. Лавровымъ.

Объ этихъ переговорахъ, какъ и о переговорахъ, ведшихся „Священной“ же „дружиной“ черезъ Н. Я. Николадзе, мы будемъ ниже говорить подробно, а теперь остановимся еще нѣсколько на характерѣ дѣятельности „Дружины“ въ самомъ Петербургѣ.

Въ своихъ мемуарахъ С. А. Ивановъ разсказываетъ такой эпизодъ: „Вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Петербургъ въ 1882 году М. Ю. Ашенбреннеръ получилъ нежданно-негаданно черезъ вторыя-третьи руки предложеніе отъ совершенно незнакомыхъ людей доставить ему мѣсто петербургскаго полицеймейстера съ прекраснымъ, конечно, окладомъ, причемъ это предложеніе облекалось въ такія формы, будто полицейская служба Ашенбреннера можетъ содѣйствовать какимъ-то благимъ замысламъ. Для дальнѣйшихъ переговоровъ его приглашали посѣтить квартиру одной княгини, фамилію которой я сейчасъ не помню. Изумленный и встревоженный такимъ страннымъ и подозрительнымъ предложеніемъ, Ашенбреннеръ попросилъ одну знакомую, имѣвшую большое знакомство въ Петербургѣ, разузнать о личности этой княгини. По на-

[1]) Записка эта напечатана въ октябрьской книжкѣ *Былого* за 1907 г., стр. 123—167.

веденнымъ справкамъ оказалось, что въ ея квартирѣ собирается очень темное и подозрительное общество, въ которомъ фигурируетъ очень разнообразная публика: офицеры, полицейскіе, жандармы, даже студенты и курсистки. Наводившую эти справки знакомую Ашенбреннера прямо предупреждали, что вся эта компанія находится въ связи съ Судейкинымъ и его присными. Получивъ такія свѣдѣнія, Ашенбреннеръ, разумѣется, не пошелъ на этотъ зовъ. Вскорѣ онъ получилъ новое приглашеніе отъ литератора С., лично ему совершенно незнакомаго, посѣтить его для переговоровъ о дѣлѣ, чуть ли не о томъ же самомъ, т.-е. о мѣстѣ полицеймейстера. На совѣщаніи петербургскаго военнаго центральнаго кружка, до свѣдѣнія котораго Ашенбреннеръ довелъ объ этихъ зазываніяхъ, было рѣшено, что подъ именемъ Ашенбреннера къ С. отправится другой офицеръ, чтобы произвести рекогносцировку и по возможности выяснить истинную подкладку этихъ подозрительныхъ предложеній. Но какъ только этотъ офицеръ, явившись къ С., отрекомендовался ему подполковникомъ Ашенбреннеромъ, С. заявилъ: „Вы вовсе не Ашенбреннеръ, я васъ знаю, вы такой-то“ (послѣдній тоже не былъ знакомъ съ С.). Этимъ разговоръ ихъ и кончился, но въ результатѣ все же выяснилось, что С. и другія подозрительныя личности имѣли надлежащія точныя свѣдѣнія, до знакомства съ наружностью включительно, объ офицерахъ и не только петербургскихъ, но и пріѣзжихъ изъ провинціи съ приблизительной характеристикой ихъ политическаго направленія, безъ чего имъ трудно было бы останавливать свой выборъ на томъ или на другомъ лицѣ. Изъ какихъ источниковъ могли они получать подобныя свѣдѣнія, можно говорить только предположительно. Но естественно мысль останавливается на томъ, что источникомъ этимъ являлись полицейско-сыскныя сферы“. [1])

Безъ сомнѣнія, сыскныя. Но какія именно? Для насъ совершенно ясно, что Ашенбреннеръ столкнулся въ этомъ случаѣ не съ „судейкинцами“, значеніе которыхъ очень преувеличиваютъ, а именно съ „дружинниками“. И ясно намъ это вотъ почему:

Въ своихъ воспоминаніяхъ самъ Ашенбреннеръ разсказываетъ, какъ допрашивавшій его генералъ Середа задалъ ему вопросъ „совершенно непонятный“:

„— А въ Одессѣ вы не были знакомы съ генераломъ Ширинкинымъ?

„Я ему отвѣчалъ, что въ первый разъ слышу эту фамилію. Онъ всталъ и откланялся со словами: „будьте откровеннѣе, будьте откровеннѣе!“

Затѣмъ Ашенбреннера допрашивали извѣстные Добржинскій и Богдановичъ. Тутъ же присутствовалъ Судейкинъ.

---

[1]) *С. А. Ивановъ:* „Къ характеристикѣ общественныхъ настроеній въ Россіи въ началѣ 80-хъ годовъ“. *Былое,* 1906 г., сентябрь, стр. 202.

„— Скажите, г-нъ Ашенбреннеръ, зачѣмъ вы были такого-то числа во дворцѣ?

„Я, дѣйствительно, заходилъ раза два въ Аничковъ дворецъ, гдѣ жилъ у отца морякъ Ювачевъ изъ морской академіи.

„Ну,—подумалъ я,—значитъ, Ювачевъ попался. Отвѣтъ на вопросъ я далъ удивительный.

„— Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга мнѣ хотѣлось побывать въ Эрмитажѣ. Тамъ мнѣ сказали, что безъ билета изъ дворцовой конторы посѣтители не допускаются, я и отправился во дворецъ...

„Мое объясненіе Добржинскій прервалъ веселымъ и громкимъ смѣхомъ.

„— Ха-ха-ха! Какая ложь! Какая ложь!

„А Богдановичъ замѣтилъ:

„— Но дворцовая контора вовсе не во дворцѣ.

„— Я этого не зналъ,—отвѣтилъ я.

„Богдановичъ вышелъ, а Добржинскій, заложивъ руки въ карманы, сталъ прохаживаться. Потомъ они съ Судейкинымъ подошли ко мнѣ, и Добржинскій спросилъ меня:

„— Можетъ быть, вы искали во дворцѣ генерала Ширинкина?

„— Я совершенно не знаю генерала Ширинкина. *Меня почему-то второй разъ спрашиваютъ о Ширинкинѣ.*

„— Ширинкинъ можетъ дать очень хорошее мѣсто! Можетъ быть, вы хотѣли просить его о мѣстѣ.

„— Нѣтъ, ничего подобнаго!—отвѣчалъ я". [1])

Необходимо добавить къ этому, что показанія Ашенбреннера доставлялись для прочтенія непосредственно Александру III.

„На первомъ допросѣ,—пишетъ въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же воспоминаній Ашенбреннеръ,—меня опрашивали прокуроръ Богдановичъ, впослѣдствіи губернаторъ (уфимскій), и ротмистръ Лютовъ; послѣдній былъ въ полной парадной формѣ и просилъ меня писать поразборчивѣе, потому что мое показаніе онъ сейчасъ же отвезетъ Государю". [2])

Наконецъ, надо принять во вниманіе и еще одно обстоятельство: Въ 1883 году въ заграничномъ журналѣ *Общее Дѣло,* однимъ изъ активнѣйшихъ участниковъ и даже редакторовъ котораго состоялъ, какъ мы уже говорили, докторъ Бѣлоголовый, былъ напечатанъ весьма характерный правительственный документъ. Документъ этотъ—составленная въ департаментѣ полиціи записка, носящая названіе „О противоправительственныхъ сообществахъ не столь вредныхъ". [3]) Любопытный

---

[1]) *Былое,* іюль 1906 г., стр. 16 и 18.

[2]) Ibid., стр. 116.

[3]) Объ этомъ документѣ мы еще будемъ говорить подробнѣе.

во многихъ отношеніяхъ, документъ этотъ явно имѣетъ въ виду *скомпрометировать* „Священную дружину“ ея связями... съ революціонерами. [1])

Мы уже видѣли, какъ относился Судейкинъ къ „Дружинѣ“. Съ тою же злобою относился къ ней и департаментъ полиціи, видѣвшій въ организаціи высокопоставленныхъ охранниковъ своего конкурента, только отбивающаго у „порядочныхъ людей“ хлѣбъ.

Во главѣ „Дружины“ стоялъ гр. Воронцовъ-Дашковъ (Наибольшій). Настойчивые разспросы у Ашенбреннера о Ширинкинѣ станутъ понятны послѣ того, какъ читатель узнаетъ, что Ширинкинъ былъ однимъ изъ центральныхъ членовъ „Дружины“. [2])

Очевидно, Судейкинъ, провѣдавши о тѣхъ заигрываніяхъ съ Ашенбреннеромъ темныхъ личностей, о которыхъ разсказываетъ Ивановъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о посѣщеніи Ашенбреннеромъ Аничкова дворца, связалъ эти два факта въ нѣчто единое. Отсюда и указанія допрашивавшихъ Ашенбреннера лицъ на то, что „Ширинкинъ можетъ давать *хорошія мѣста*“. Вѣдь темныя личности предлагали Ашенбреннеру именно „хорошее мѣсто“ (полицеймейстера) да еще и „съ благими цѣлями“. Ясно, стало быть, что это были именно дружинники, а Середа, Судейкинъ и К° хотѣли воспользоваться этимъ фактомъ для того, чтобы „скомпрометировать“ въ глазахъ Государя Ширинкина, а черезъ него и всю „Дружину“ ея связями съ революціонерами...

Не мѣшаетъ упомянуть, что „литераторъ С.“, игравшій въ этомъ дѣлѣ столь темную роль,—когда-то большой либералъ и даже гораздо больше того,—нынѣ, какъ водится, состоитъ членомъ одной изъ „патріотическихъ“ организацій...

Такъ жила „Дружина“ до осени 1882 года, занимаясь устройствомъ, гдѣ нужно, маскарадовъ изъ „народа“ да всякаго рода сыскомъ, а министерскихъ членовъ Исполнительнаго Комитета открыть все не удавалось. Между тѣмъ вліяніе министра внутреннихъ дѣлъ гр. Д. А. Толстого все болѣе упрочивалось, а это было вліяніе человѣка, недовольнаго игнатьевскими „колебаніями“ (ему и то, что происходило, все еще казалось „колебаніями“), озлобленнаго всеобщей къ нему ненавистью, пріобрѣтенною имъ за время его продолжительной дѣятельности въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія, ненавистью, сказавшеюся въ цѣломъ рядѣ ея проявленій („христосовались этой новостью“, писали въ газетахъ, когда отставка Толстого стала совершившимся фактомъ; когда отставленный

---

[1]) *Общее Дѣло*, 1883 г., іюль, № 54.

[2]) Ширинкинъ носилъ въ „Дружинѣ“ №№ 30 и 59. Онъ остался и послѣ того, какъ „Дружина“ была по высочайшему повелѣнію распущена, начальникомъ дворцовой полиціи и охраны. Когда гр. Воронцовъ-Дашковъ сдѣлался намѣстникомъ на Кавказѣ, Ширинкинъ переѣхалъ туда же на должность начальника всей кавказской полиціи.

Толстой пожелалъ баллотироваться въ почетные мировые судьи, то былъ забаллотированъ и т. д.), поддерживаемаго изъ Москвы всею мощью,—тоже дружинника,—но готоваго всегда промѣнять „хорошее" на „лучшее", М. Н. Каткова.

Приближалась и коронація, откладывать которую еще и еще становилось уже прямо невозможнымъ.

Въ это-то время и задумала „Дружина" начать непосредственные переговоры съ Исполнительнымъ Комитетомъ, оборотившись въ „Земскую Лигу". Подходящій посредникъ, какъ мы уже упоминали, былъ найденъ въ лицѣ нѣкоего доктора Нивинскаго, котораго, какъ это читатели увидятъ изъ приводимаго нами ниже, еще никогда не бывшаго въ печати, документа, дружинники самого считали первоначально за подосланнаго къ нимъ Исполнительнымъ Комитетомъ революціонера, но потомъ увѣрились въ его благонадежности и возложили на него серьезное порученіе.

Въ печати, если не ошибаемся, фамилія доктора Нивинскаго была упомянута въ первый разъ въ книгѣ на польскомъ языкѣ г. Склявуса „Królobójcy" (царсубійцы),—но какъ это уже было отмѣчено въ редакціонномъ примѣчаніи къ помѣщенной въ сентябрьской книжкѣ журнала *Былое* статьѣ Н. Я. Николадзе „Освобожденіе Чернышевскаго",—книга г. Склявуса столь глубоко невѣжественна (въ ней говорится, между прочимъ, что „нигилисты" поставили гр. Воронцову-Дашкову однимъ изъ условій принятія его предложеній освобожденіе... *Добролюбова!* стр. 357), что на нее не стоило бы ссылаться, если бы,—говорила редакція *Былого,*—„мы не слышали объ упоминаемой въ ней фамиліи г. Нивинскаго, какъ лица, являвшагося посредникомъ между гр. Воронцовымъ-Дашковымъ и нѣкоторыми русскими эмигрантами, и изъ другихъ болѣе солидныхъ источниковъ". [1])

Опубликованіе фамиліи Нивинскаго въ русской печати послужило поводомъ къ тому, что В. К. Дебагорій-Мокріевичъ припомнилъ эту же фамилію, носимую „докторомъ", котораго онъ самъ, по рекомендаціи Драгоманова, отвезъ въ Парижъ и познакомилъ съ Лавровымъ. И Дебагорій-Мокріевичъ прислалъ въ *Былое* статью „Къ вопросу о переговорахъ „Исполнительнаго Комитета Народной Воли" съ „Добровольной охраной". Статья эта была напечатана въ апрѣльской книжкѣ *Былого* за 1907 годъ. Въ ней Дебагорій-Мокріевичъ вспоминаетъ, какъ, вызванный изъ Парижа въ Женеву телеграммой отъ Драгоманова „по очень важному дѣлу", онъ пріѣхалъ туда и познакомился съ докторомъ Нивинскимъ, который, назвавши себя посланцемъ организаціи, во главѣ

---

[1]) Пишущій эти строки слышалъ фамилію Нивинскаго, какъ „посредника", отъ П. А. Лаврова и нѣкоторыхъ другихъ эмигрантовъ.

которой стоялъ графъ Шуваловъ, сказалъ, что желаетъ имѣть доступъ къ „Исполнительному Комитету“ для вступленія въ нѣкое соглашеніе. (Дебагорій-Мокріевичъ пишетъ, что организацію, членомъ которой рекомендовался Нивинскій, онъ называлъ „Добровольной охраной“; но тутъ, несомнѣнно, Дебагорію-Мокріевичу измѣняетъ память: такого термина нѣтъ въ оставшихся послѣ переговоровъ бумагахъ Лаврова, о которыхъ у насъ будетъ рѣчь ниже; нѣтъ его и въ документахъ по этому поводу „Дружины“. Тамъ и здѣсь употребляется названіе „Земская лига“.) Нивинскій сказалъ, кромѣ того, Мокріевичу, что организація, къ которой онъ принадлежитъ, имѣетъ своею цѣлью добиться введенія въ Россіи конституціоннаго режима и вотъ объ этомъ и нужно переговорить съ Исполнительнымъ Комитетомъ. Не имѣя туда путей, организація остановилась, какъ на посредникахъ между собою и Комитетомъ, на Драгомановѣ, Лавровѣ и Мокріевичѣ; но они,—пишетъ Мокріевичъ,—„ошибались относительно меня: прямыхъ сношеній съ „Исполнительнымъ Комитетомъ“ у меня не было. Поэтому вмѣсто себя я предложилъ ввести въ переговоры Марину Никаноровну (Марію Николаевну Оловенникову), а для этого нужно было мнѣ обратно ѣхать въ Парижъ. Переговоривши обо всемъ съ Драгомановымъ, мы такъ и рѣшили сдѣлать; въ тотъ же день съ вечернимъ поѣздомъ докторъ (Нивинскій) и я отправились въ Парижъ“. [1])

Въ Парижѣ Мокріевичъ свелъ „доктора“ съ Лавровымъ и Оловенниковой и самъ присутствовалъ на первомъ совѣщаніи, на которомъ „докторъ“ много говорилъ о реформаторскихъ стремленіяхъ ихъ организаціи; затѣмъ онъ уѣхалъ въ тотъ же день изъ Парижа, и чѣмъ переговоры кончились, въ точности не знаетъ.

Минуя здѣсь вызванную статьею Мокріевича, также напечатанную въ *Быломъ*, замѣтку извѣстнаго польскаго писателя Л. Василевскаго-Плохоцкаго „Еще къ вопросу о переговорахъ „Исполнительнаго Комитета Народной Воли“ съ „Добровольной охраной“ [2]), такъ какъ въ замѣткѣ этой не заключается существенно важныхъ для настоящей статьи данныхъ, мы перейдемъ теперь къ тѣмъ матеріаламъ по этому же вопросу, которые близкія къ Лаврову лица доставили редакціи *Былого* изъ архива покойнаго Петра Лавровича и которые были вслѣдъ затѣмъ въ *Быломъ* напечатаны. Это очень важные въ историческомъ отношеніи матеріалы. Они написаны всѣ рукою самого Лаврова и напечатаны *Былымъ* съ подлинниковъ [3]). Напечатанное въ *Быломъ* мы дополнимъ здѣсь и нѣкоторыми новыми данными.

---

[1]) *Былое*, 1907 г., апрѣль, стр. 56.

[2]) *Былое*, 1907 г., августъ, стр. 125—127.

[3]) „Документы и матеріалы къ исторіи переговоровъ Исполнительнаго Комитета съ Священной дружиной“. *Былое*, 1907 г., сентябрь, стр. 208—214.

Мы уже говорили, что первое совѣщаніе Нивинскаго съ Лавровымъ и Оловенниковой происходило въ присутствіи Дебагорія-Мокріевича. Затѣмъ Мокріевичъ уѣхалъ изъ Парижа, а Лавровъ и Оловенникова продолжали вести переговоры. Нивинскій требовалъ, чтобы исполнительный комитетъ гарантировалъ безопасность предстоящей коронаціи, о чемъ онъ обязуется издать отъ своего имени прокламацію, а взамѣнъ отъ имени „земской лиги" исхлопотать освобожденіе Чернышевскаго, подготовить болѣе или менѣе полную амнистію политическимъ преступникамъ, болѣе или менѣе полную свободу печати и созывъ земскаго собора.

Лавровъ долженъ былъ изложить пункты соглашенія на бумагѣ и заготовить проектъ упомянутой прокламаціи.

То и другое Лавровъ исполнилъ, и въ его бумагахъ сохранились нижеслѣдующіе, писанные его рукою, по этому поводу черновики:

I.

„Немногіе члены исполнительнаго комитета, находящіеся за границей и съ которыми я успѣлъ снестись, передали мнѣ слѣдующее:

„Есть пункты, относительно которыхъ они могутъ говорить за всѣхъ своихъ товарищей, и другіе, по которымъ имъ необходимо снестись съ Россіею. Они довѣряютъ мнѣ начать переговоры на тѣхъ основаніяхъ, относительно которыхъ они безусловно увѣрены въ согласіи своихъ товарищей. Именно:

„1. Они требуютъ прежде всего какого-нибудь ручательства, что переговоры идутъ съ людьми, дѣйствительно, серьезными, а не выдающими себя за имѣющихъ право вести подобные переговоры.

„2. За основаніе переговоровъ должно быть принято письмо исполнительнаго комитета къ Александру III отъ 10 марта 1881 г. и въ предѣлахъ условій этого письма они могутъ ручаться за согласіе ихъ товарищей еще и въ настоящее время.

„3. Если разъ лица, съ которыми начаты переговоры, могутъ считаться компетентными во всемъ, касающемся ихъ, то надо, чтобы нѣкоторыя предварительныя дѣйствія со стороны правительства ручались за искренность его въ этомъ случаѣ.

„4. Они могутъ поручиться, что.

„a) если по предыдущимъ тремъ пунктамъ произойдетъ удовлетворительное соглашеніе, то до коронаціоннаго манифеста Александръ III будетъ огражденъ отъ всѣхъ попытокъ, организованныхъ или организуемыхъ комитетомъ;

„b) если исполнительный комитетъ увидитъ изъ ряда дѣйствій правительства, что оно серьезно приступило къ исполненію условій согла-

шенія, то, насколько эта увѣренность будетъ длиться, исполнительный комитетъ не предприметъ ничего противъ Александра III.

„И если русскимъ соціалистамъ будетъ обезпечено право мирно распространять свои идеи, то онъ рѣшительно откажется отъ всякой террористической дѣятельности.

„Въ виду развитія со времени 10 марта взглядовъ, которые прежде не имѣлись въ виду, лица, съ которы—*(неразборчиво)*, сочли нужнымъ сказать въ поясненіе сказаннаго въ письмѣ къ Александру III отъ 10 марта о выборахъ въ народное собраніе, что ихъ товарищи понимаютъ это собраніе, какъ созывъ представителей всѣхъ классовъ общества съ преобладаніемъ настоящаго рабочаго элемента и съ необходимымъ участіемъ представителей интеллигентныхъ группъ (университетовъ, прессы и т. д.) для устройства новаго государственнаго порядка и для экономическихъ преобразованій, которыя обезпечили бы благосостояніе рабочаго класса".

II.

Прелиминарныя условія.

„I. Земская лига обязуется прежде всего (доказать) выяснить свою *силу* (подчеркнуто въ подлинникѣ) и (полную благонадежность своихъ намѣреній) свои цѣли, для этого:

„a. *Земская лига* выхлопочетъ амнистію Чернышевскаго или

„b. облегченіе участи политическихъ каторжныхъ (въ Сибири).

„c. Сверхъ того *земская лига* дастъ возможность *обстоятельнаго* (подчеркнуто въ подлинникѣ) ознакомленія со своими средствами и цѣлями (наиболѣе желательно посредствомъ принятія въ составъ своихъ членовъ) какому-либо лицу, которое бы пользовалось довѣріемъ *земской лиги* и исполнительнаго комитета. Лицо это выбирается по соглашенію обѣихъ сторонъ. Если это лицо находится въ ссылкѣ, то должно быть предварительно амнистировано.

„Исполнительный комитетъ не требуетъ отъ этого лица сообщенія какихъ-либо секретовъ *земской лиги* и довольствуется *общимъ* (подчеркнуто въ подлинникѣ) его удостовѣреніемъ въ томъ, что силы и цѣли *земской лиги* позволяютъ исполнительному комитету вступать съ нею въ соглашеніе.

„II. Немедленно по полученіи означеннаго ручательства исполнительный комитетъ обязуется опубликовать прокламацію, къ сему прилагаемую, и пунктуально соблюсти данныя въ ней обѣщанія.

„III. *Земская лига* должна сообщить теперь же, въ какіе приблизительно сроки она считаетъ возможнымъ (при пассивномъ содѣйствіи исполнительнаго комитета) подготовить:

„a) болѣе или менѣе полную амнистію;

„b) доставить русской прессѣ и русскому обществу возможность (свободно) подготовиться къ земскому собору путемъ (болѣе или менѣе) достаточно свободнаго обсужденія русскихъ общественныхъ вопросовъ;

„c) подготовить, наконецъ, созывъ самого земскаго собора, который (какъ кондиція sine qua non) долженъ быть *непремѣнно всенароднымъ* (подчеркнуто въ подлинникѣ), долженъ быть избранъ при вполнѣ свободной агитаціи и долженъ имѣть права учредительнаго собранія.

„IV. Въ случаѣ, если бы *земская лига* въ означенные ею самой приблизительные сроки оказалась безсильной исполнить принятыя на себя обязательства, исполнительный комитетъ тѣмъ самымъ освобождается отъ всякихъ обязательствъ къ самой лигѣ“. [1])

Далѣе идетъ проектъ прокламаціи, въ которой повторяется, что если правительство стало бы на путь реформъ, то „исполнительный комитетъ съ радостью отказался бы отъ прежнихъ пріемовъ“ и обѣщается неприкосновенность Александра III до коронаціоннаго манифеста. [2])

Въ проектѣ договора, составленнаго Нивинскимъ, фигурируетъ почему-то уже терминъ не „земская лига“, а „партія либеральныхъ земцевъ“ и гласитъ онъ слѣдующее: [3])

„Партія либеральныхъ земцевъ“ обратилась черезъ своего уполномоченнаго Н. къ Л., желая черезъ послѣдняго вступить въ переговоры съ исп. ком. партіи нар. в. на слѣдующихъ основаніяхъ:

„1. Партія либ. зем. признаетъ, что ея непосредственныя цѣли, вообще говоря, совпадаютъ съ ближайшими цѣлями партіи нар. в., какъ онѣ высказаны въ условіяхъ, поставленныхъ исполнительнымъ комитетомъ Александру III въ письмѣ отъ 10 марта 1881 г., условіяхъ, при исполненіи которыхъ исполнит. ком. отказывается впредь отъ насильственнаго противодѣйствія правительству, санкціонированному народнымъ собраніемъ.

„2. Именно: партія либ. земцевъ имѣетъ цѣлью замѣну самодержавнаго произвола въ Россіи правовымъ государственнымъ порядкомъ; полагаетъ, что орудіемъ для этого долженъ быть созывъ учредительнаго собранія изъ представителей всѣхъ группъ русскаго народа съ преобладаніемъ рабочаго элемента и съ непремѣннымъ участіемъ предста-

---

[1]) Все это текстуально воспроизведено въ вышеназванной статьѣ, помѣщенной въ октябрьской книжкѣ *Былого* за 1907 г., стр. 208—210. Сверхъ этихъ пунктовъ съ Нивинскимъ шла рѣчь о томъ, что „земская лига“ обязуется положить въ банкъ крупную денежную сумму, какъ залогъ серьезности ея намѣреній, въ случаѣ неисполненія каковыхъ сумма эта можетъ быть исполнительнымъ комитетомъ конфискована.

[2]) Ibid„ стр. 210—212.

[3]) Этотъ документъ, какъ и всѣ за нимъ слѣдующіе, въ печати еще никогда не были приводимы дословно.

вителей интеллигентныхъ группъ (прессы, университетовъ и т. п.); полагаетъ, наконецъ, что цѣлесообразный созывъ подобнаго собранія возможенъ лишь при подготовленіи его въ продолженіе нѣкотораго времени свободною агитаціей въ прессѣ и общественныхъ собраніяхъ.

„3. На этомъ основаніи партія либеральныхъ земцевъ предлагаетъ партіи нар. воли слѣдующій договоръ для достиженія этихъ цѣлей, поставленныхъ, какъ ближайшія цѣли, самимъ исп. комитетомъ въ письмѣ отъ 10 марта 1881 г., причемъ договоръ нисколько не ограничиваетъ дѣятельности обѣихъ партій, не входящей въ область этого договора.

„4. Партія н. в. пріостановитъ въ *теченіе года* (подчеркнуто въ подлинникѣ) со дня заключенія договора всякія террористическія дѣйствія противъ Александра III и лицъ его управленія, что не распространяется на мѣры, которыя могли бы быть приняты для освобожденія членовъ партіи н. в., находящихся въ ссылкѣ, въ тюрьмахъ, на каторгѣ и т. п.

„5. Въ этотъ промежутокъ времени партія либеральныхъ земцевъ попытается своими средствами достичь упомянутыхъ цѣлей, т.-е. созванія учредительнаго собранія при обозначенныхъ условіяхъ.

„6. Въ этотъ промежутокъ времени партія либеральныхъ земцевъ обязуется оказывать свое содѣйствіе всѣмъ предпріятіямъ партіи народной воли, не входящимъ въ сферу пункта 4.

„7. Партія либеральныхъ земцевъ обязуется, если будетъ имѣть преобладаніе въ учредительномъ собраніи, имѣющемъ быть созваннымъ, провести въ немъ мѣры, обезпечивающія соціалистамъ свободу мирной пропаганды ихъ идей.

„7 [1]). Партія либеральныхъ земцевъ, понимая, что пріостановка на годъ той дѣятельности партіи народной воли, которая наиболѣе привлекаетъ къ ней приверженцевъ и сочувствующихъ, можетъ нанести ей матеріальный ущербъ, и желая выразить свою готовность содѣйствовать цѣлямъ партіи народной воли, насколько онѣ не суть дѣйствія террористическія, предоставляетъ въ распоряженіе партіи народной воли въ продолженіе года, на который распространяется договоръ, сумму минимумъ въ 40,000 по 10,000 рублей въ мѣсяцъ.

„8. Для того, чтобы исполнительный комитетъ былъ увѣренъ, что имѣетъ дѣло съ серьезною группою, партія либеральныхъ земцевъ предложитъ ему списокъ 10 лицъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ, уму и честности которыхъ исполнительный комитетъ имѣлъ бы основаніе довѣрять, даже не имѣя съ ними прежде сношеній. Партія либеральныхъ земцевъ познакомитъ это лицо съ своими силами и средствами дѣйствій. Договоръ будетъ заключенъ лишь въ томъ случаѣ, если это лицо поручится честнымъ словомъ исполнительному комитету, что партія либе-

[1]) Цифра 7 здѣсь снова повторяется, очевидно, по ошибкѣ.

ральныхъ земцевъ дѣйствительно стремится къ цѣлямъ, обозначеннымъ въ § 2 и дѣйствительно имѣетъ возможность достигнуть этихъ цѣлей своими средствами.

„9. Въ теченіе года, на который заключенъ договоръ, партія либеральныхъ земцевъ, по мѣрѣ своихъ силъ, обязуется провести:

„а) облегченіе участи политическихъ каторжанъ и ссыльныхъ;

„б) подготовленіе болѣе или менѣе полной амнистіи;

„в) облегченіе для легальной русской прессы обсужденія основаній дѣятельности будущаго учредительнаго собранія и для цѣлесообразнаго его созыва;

„г) удаленіе изъ управленія особенно вредныхъ личностей;

„N. B.—Въ окончательномъ договорѣ будутъ установлены приблизительно сроки, въ которые партія либеральныхъ земцевъ надѣется доставить (списокъ) предварительныхъ мѣръ для цѣли, обозначенной въ пунктѣ 2.

„10. Если въ теченіе года партія либеральныхъ земцевъ не достигнетъ цѣлей, обозначенныхъ въ пункѣ 2, то договоръ прекращаетъ свое дѣйствіе, причемъ исполнительный комитетъ обязывается не публиковать ничего изъ дѣятельности партіи либеральныхъ земцевъ, относительно которой онъ могъ узнать въ продолженіе своихъ сношеній съ ними.

„11. Въ случаѣ неисполненія условій по пунктамъ 6 и 9, назначается совѣщаніе уполномоченныхъ обѣихъ партій, и разрывъ договора произойдетъ лишь при невозможности ихъ соглашенія.

„12. Расходы, необходимые для скорѣйшаго заключенія договора, партія либеральныхъ земцевъ принимаетъ на себя“.

Проектъ „договора“, какъ видитъ читатель, составленъ весьма обстоятельно...

Все это происходило въ августѣ 1882 года. Одно изъ писемъ Нивинскаго къ Лаврову обозначено такъ: Hotel Richmond, 4/16 августа.

Письмо это гласитъ:

„Многоуважаемый Петръ Лавровичъ! Меня крайне безпокоитъ ваше молчаніе. Не желая стѣснять васъ посѣщеніемъ безъ вашего на то разрѣшенія, беру смѣлость письменно просить васъ успокоить меня такимъ путемъ, какой найдете для себя удобнымъ. Скука меня одолѣваетъ. Хоть бы барыня приказала сопутствовать ей въ какія-либо увеселенія. Окажите мнѣ въ этомъ протекцію. По первому призыву явлюсь въ указанный часъ и пунктъ къ Ея услугамъ“ [1]).

Примирите увѣреніе въ высокомъ уваженіи и преданности.

Э. Нивинскій“.

---

[1]) Такъ почтительно отзывается Нивинскій (онъ пишетъ даже „Ея“ съ большой буквы), вѣроятно, о ведшей вмѣстѣ съ Лавровымъ съ нимъ переговоры М. П. Оловенниковой.

Въ слѣдующемъ письмѣ Нивинскій писалъ:

„Многоуважаемый Петръ Лавровичъ! Оба ваши письма я получилъ; весьма благодаренъ и съ моей стороны постараюсь исполнить всѣ ваши порученія. Я забылъ вамъ сообщить, что передатчикомъ свѣдѣній изъ государственной полиціи революціонной партіи считается какой-то Николай Ивановичъ, на слѣды котораго будто бы напали. Я не могъ объ этомъ сообщить въ Петербургъ, потому что никого теперь не имѣю знакомаго въ партіи, *которая немало теряетъ за неимѣніемъ сношеній со мной*. Затѣмъ, быть можетъ, до свиданія.

Весь вашъ *Э. Нивинскій*".

Наконецъ, еще такое письмо:

„Многоуважаемый Петръ Лавровичъ! Завтра уѣзжаю въ Питеръ, и черезъ двѣ недѣли пріѣду опять. Во всякомъ случаѣ, *когда бы я ни понадобился* (подчеркнуто въ подлинникѣ), потрудитесь дать мнѣ на мой счетъ депешу слѣдующаго содержанія: Votre commande prête. Подпись—Charrière. Адресъ мой: Petersbourg, 11, Znamenskaya, Docteur Nivinsky. Съ высокимъ уваженіемъ и преданностью

Э. Нивинскій".

Нивинскій предъявилъ сверхъ того Лаврову полученную имъ изъ Петербурга бумагу, объясняющую его внезапный туда отъѣздъ. Бумага эта гласила слѣдующее:

„Съ полученіемъ сего, просятъ васъ объяснить тѣмъ личностямъ, съ которыми вы находитесь въ переговорахъ, что главное управленіе земской лиги, которая вѣдаетъ и тою отраслью, къ которой вы принадлежите, потребовало васъ въ Петербургъ для личныхъ объясненій и что вы вернетесь черезъ двѣ недѣли съ болѣе подробными инструкціями".

Подписи бумага не имѣетъ никакой. Датирована 14 августа 1882 г.

Нивинскій уѣхалъ, а Лавровъ обратился къ находившемуся тогда въ Парижѣ одному извѣстному русскому ученому,—говоримъ на основаніи разсказа пишущему эти строки самого и нынѣ здравствующаго этого ученаго,—принять на себя роль того довѣреннаго съ одной стороны исполнительнаго комитета, а съ другой—земской лиги, о которомъ велись разговоры съ Нивинскимъ. Ученый отнесся весьма недовѣрчиво къ самому существованію „земской лиги", такъ какъ по его связямъ въ земскомъ мірѣ, подобное явленіе не могло бы быть ему неизвѣстнымъ,—и потому предложеніе Лаврова онъ отклонилъ. Тогда Лавровъ сказалъ: „ну, если вы отказываетесь, мы обратимся къ Л. Н. Толстому".

Нивинскому подъ условнымъ псевдонимомъ „Charrière" Лавровъ отправилъ въ Петербургъ на французскомъ языкѣ записку, черновикъ которой сохранился въ его бумагахъ. Записка эта гласила:

„Monsieur le docteur!

„Votre commande éprouve malheureusement des retards inattendus.

Les conditions d'exécution restent les mêmes et j'espère que Vous serez content de l'appareil. Mais il y a un arrêt de travail qui peut durer quelques jours, comme il peut durer plus d'un mois. Dès que le travail sera de nouveau en train, je me ferai un plaisir de vous le faire savoir.

„Agréez, Monsieur le docteur, l'expression de ma toute considération.

Charrière".

Но что же все это обозначало въ дѣйствительности? Съ кѣмъ вели переговоры Лавровъ и Оловенникова? Что это была за „земская лига", отъ имени которой дѣйствовалъ докторъ Эдуардъ Ипполитовичъ Нивинскій?

На всѣ эти вопросы читатель получитъ весьма опредѣленные отвѣты изъ нижепомѣщаемаго ультра-секретнаго документа „Священной Дружины". Это донесеніе центру „дружины" того „брата", который послалъ Нивинскаго въ Парижъ, убѣдивши его въ существованіи организаціи, называющейся „земская лига". Донесеніе изобилуетъ, по обыкновенію, совершенно фантастическими свѣдѣніями о дѣятельности „Народной Воли",—но теперь не въ этомъ, конечно, его главнѣйшій интересъ. Онъ заключается въ томъ, что донесеніе даетъ намъ ключъ къ познанію разнообразныхъ махинацій „священной дружины" и, въ частности, отвѣты на вышепоставленные вопросы касательно переговоровъ съ народовольцами доктора Нивинскаго, истинная роль котораго во всей этой исторіи все еще остается не вполнѣ ясной. Затѣмъ такіе же переговоры (съ Тихомировымъ) повела та же дружина черезъ Н. Я. Николадзе, но объ этомъ мы будемъ говорить ниже, а теперь приведемъ *дословно* содержаніе упомянутаго донесенія. Вотъ его буквальный текстъ:

„Докторъ Э. [1]) былъ мнѣ указанъ братомъ № 8 [2]), какъ личность, могущая по связямъ своимъ съ народовольческой партіей быть мнѣ полезенъ.

„Хотя докторъ Э. не согласился бы служить агентомъ, но готовъ помогать либеральной конституціонной партіи въ Россіи въ борьбѣ противъ террористовъ.

„Въ сущности, докторъ Э. подозрѣвался, какъ личность, подосланная исполнительнымъ комитетомъ народовольческой партіи для разузнанія силъ и дѣйствій священной дружины.

„При ближайшемъ ознакомленіи съ докторомъ Э. я усмотрѣлъ, что онъ *склоненъ вѣрить въ существованіе земской либеральной лиги въ Россіи* и полагалъ, что братья 6 [3]), 8 и я принадлежимъ къ этому союзу, стремящемуся къ водворенію въ правленіи выборнаго начала, но именно

---

[1]) Т.-е. докторъ Эдуардъ Нивинскій.

[2]) Какъ уже сказано выше, № 8 носилъ въ дружинѣ графъ П. П. Шуваловъ.

[3]) Графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ.

въ этихъ видахъ борющемуся съ терроромъ. *Я укрѣпилъ доктора Э. въ этомъ мнѣніи, придавши ему всякаго рода вымышленныя подробности.* Послѣ долгихъ разговоровъ съ докторомъ Э. я пришелъ къ убѣжденію, что онъ желалъ бы быть агентомъ для личныхъ своихъ выгодъ, но, что, во-первыхъ, по старымъ своимъ связямъ съ революціонной партіей, а во-вторыхъ, вслѣдствіе нѣкоторой оставшейся у него совѣстливости, онъ могъ согласиться быть агентомъ лишь партіи либеральной, и такимъ образомъ въ собственныхъ глазахъ своихъ извинить свою агентурную дѣятельность. Кромѣ того, такой пріемъ ставитъ его въ безукоризненное положеніе по отношенію къ народовольцамъ. Дѣло въ томъ, что докторъ Э. явится не агентомъ-измѣнникомъ своимъ старымъ единомышленникамъ, а посредникомъ *между двумя либеральными антиправительственными партіями.*

„Черезъ нѣсколько дней, въ серединѣ мая, докторъ Э. сообщилъ мнѣ, что исполнительный комитетъ отнесся къ польскому эмиграну Врублевскому (бывшій генералъ парижской коммуны) съ просьбою доставить въ Петербургъ нѣсколько человѣкъ, такъ называемыхъ, жандармовъ-вѣшателей и кинжальщиковъ польской революціи 1863 г. По мнѣнію народовольцевъ, такого рода личности, пріѣхавши подъ фальшивыми паспортами въ Россію, могли бы быть полезны для террористическихъ дѣйствій, не навлекая подозрѣнія и притомъ обладая въ злодѣйствѣ не малымъ опытомъ. Доктору Э. предложили поѣхать за границу для переговоровъ по этому поводу въ Варшавѣ съ Пагурнымъ (служитъ въ банкѣ польскомъ), въ Краковѣ съ ксендзомъ Заіончикомъ и въ Женовѣ съ докторомъ Мильковскимъ. Такъ какъ всѣ названныя личности, принадлежа къ польской революціонной партіи, могутъ своимъ вліяніемъ или помочь эмигранту Врублевскому, или воспротивиться вмѣшательству польской партіи въ дѣла русскихъ террористовъ, то доктору Э. было предложено убѣдить ихъ въ сочувствіи народовольческой партіи и подвинуть ихъ къ дѣятельной помощи и содѣйствію. [1]) Изложивъ все выше сказанное, докторъ Э. предложилъ мнѣ черезъ его посредство войти въ переговоры со старѣйшинами народовольческой партіи, указавъ на слѣдующее: соціализмъ и соціалистическія теоріи вовсе не составляютъ цѣль борьбы народовольцевъ, земскій соборъ и при этомъ свобода прессы удовлетворила бы ихъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ соціалистическая пропаганда приняла бы характеръ мирнаго ученія и т. д. При такой обстановкѣ дѣла между земской либеральной лигой и народовольцами существуетъ только различіе въ средствахъ и орудіяхъ, а не въ цѣляхъ. Земская

---

[1]) Нужно ли говорить, что всѣ эти сообщенія о „жандармахъ-вѣшателяхъ", „кинжальщикахъ" и пр. составляютъ плодъ чистѣйшаго вымысла. Надо полагать, что Пивинскій выдумывалъ все это для придавія въ глазахъ своего собесѣдника большей важности собственной особѣ. Онъ, видимо, преслѣдовалъ чисто личныя цѣли.

либеральная лига дѣйствуетъ, вліяя на высшія придворныя и правительственныя сферы, народовольцы—терроромъ. Между тѣмъ орудіе народовольцевъ, т.-е. терроръ, тяжело отзывается на главаряхъ народовольцевъ; проливать кровь, притомъ не достигая данной цѣли, вообще, тягостно. И что ежели бы имъ представилось бы иное средство, то, конечно, они съ радостью воспользовались бы земской либеральной лигой.

„Я совершенно согласился съ мнѣніемъ доктора Э., возразивъ, что практическіе пріемы по соглашенію состояли бы въ слѣдующемъ: 1) исполнительный комитетъ высылаетъ намъ депутатовъ для дальнѣйшихъ переговоровъ. 2) Исполнительный комитетъ печатаетъ въ *Народной Волѣ* манифестъ о прекращеніи террора. 3) Типографія и редакціонныя силы „Народной Воли“ поступаютъ подъ нашу охрану и совмѣстное управленіе съ исполнительнымъ комитетомъ.

„Съ другой стороны мы предлагаемъ исполнительному комитету какія угодно условія въ видѣ гарантіи, причемъ предупреждаемъ, что земская лига могла бы исходатайствовать амнистію указаннымъ исполнительнымъ комитетомъ эмигрантамъ, кромѣ цареубійцъ и участниковъ оныхъ (Гартманъ, Крапоткинъ и другіе).

„*Наружная филировка за границей обнаружила* [1]), что докторъ Э. изъ Женевы пріѣхалъ въ Парижъ съ извѣстнымъ эмигрантомъ Дебагоріемъ-Мокріевичемъ и что въ Парижѣ, въ квартирѣ Лаврова, онъ видѣлся съ разными лицами.

„На случай, если бы наружная филировка за границей была открыта докторомъ Э., то и это обстоятельство не могло бы имѣть дурного вліянія на дѣло, потому что, ведя переговоры съ Э. въ Петербургѣ, я будто бы въ порывѣ откровенности сообщилъ ему, *что помимо насъ существуетъ еще „священная дружина“*, цѣль которой заключается въ слѣдующемъ: 1) въ сыскѣ всѣхъ эмигрантовъ и 2) въ убійствѣ всѣхъ приверженцевъ террора и укрывателей цареубійцъ и что мы, „земская лига“ удерживаемъ еще „священную дружину“ отъ этого, но что если терроръ не остановится, то мы ни за что не отвѣчаемъ.

„Я просилъ доктора Э. предупредить объ этомъ исполнительный комитетъ и эмигрантовъ.

„Докторъ Э. возвратился. Онъ еще въ бытность свою въ Парижѣ переписывался со мной. Итогъ моихъ сношеній съ докторомъ Э. можно выразить въ слѣдующихъ пунктахъ:

„Письма, привезенныя докторомъ Э. отъ эмиграпта Лаврова свидѣтельствуютъ: 1) что совѣщанія происходили и что къ этимъ совѣщаніямъ вызывались различныя лица; 2) на этихъ совѣщаніяхъ соста-

---

[1]) Дружина послала наблюдать и за Нивинскимъ филеровъ.

влены прелиминарныя условія; 3) что эти совѣщанія должны повториться въ первыхъ числахъ сентября.

„Представляя при семъ условіе, составленное на этомъ совѣщаніи, а равно и черновой манифестъ, долженствующій послѣ соглашенія появиться въ *Народной Волѣ*, присовокупляю, что возразилъ доктору Э., что выборъ личности, указанной въ § 1, т.-е. посредника, довѣреннаго какъ нашего, такъ и исполнительнаго комитета, крайне труденъ и что, по моему мнѣнію, слѣдуетъ указать его главарямъ народовольчества.

„Докторъ Э. мнѣ сказалъ, что на совѣщаніи у Лаврова прежде всего предлагалъ посредникомъ *лейбъ-медика Боткина*, но оказалось, что въ настоящее время онъ, по какимъ-то неизвѣстнымъ обстоятельствамъ, утратилъ довѣріе народовольцевъ. Затѣмъ докторомъ Э. на совѣщаніи были предложены слѣдующія лица: *присяжный повѣренный Стасовъ* (по словамъ доктора Э., одинъ изъ серьезныхъ главарей всего движенія), *московскій докторъ Боковъ* (повидимому, наивліятельнѣйшая личность московскаго отдѣла исполнительнаго комитета), *Помпей Васильевичъ Пассекъ* (проживаетъ въ Петербургѣ) и *редакторъ „Дѣла“ Шелгуновъ;* что члены совѣщанія, видимо, склонны на Стасова и Бокова, не считая остальныхъ достаточно посвященными въ дѣла народовольческой партіи. Когда же я спросилъ доктора Э., почему, во-первыхъ, они сами не указываютъ на такого посредника, а во-вторыхъ, почему на совѣщаніяхъ онъ не назвалъ *профессора Манассина,* то докторъ Э. отвѣтилъ мнѣ на первое, что исполнительный комитетъ уклоняется самъ назвать такого посредника, потому что этимъ слишкомъ явно былъ бы указанъ одинъ изъ членовъ исполнительнаго комитета, хотя при этомъ ясно, что, соглашаясь на какое-нибудь лицо и входя съ нимъ въ сношенія, исполнительный комитетъ всетаки отчасти себя обнаруживаетъ. На второе,— докторъ Э. не указалъ на профессора Манассина, такъ какъ профессоръ Манассинъ занимаетъ весьма второстепенное положеніе въ народовольческой партіи. Затѣмъ относительно денежной гарантіи, указанной въ условіи, я замѣтилъ доктору Э., что земская лига не затруднилась бы, конечно, внести и подобную гарантію, но что практическое исполненіе меня затрудняетъ. Такъ, напримѣръ, кому внести—частному лицу или учрежденію банковому? И въ случаѣ неисполненія нами условій—кто и по какому чеку получитъ эти деньги.

„Относительно манифеста я замѣтилъ доктору Э., что земская либеральная лига преисполнена уваженія къ монархическому началу и къ личности Государя Императора и потому редакція этого манифеста насъ не удовлетворяетъ, и лига не можетъ согласиться на напечатаніе его даже въ подпольномъ изданіи. Докторъ Э. возразилъ, что тамъ приготовлены редакціонныя измѣненія и только измѣненный нами манифестъ, по соглашенію съ исполнительнымъ комитетомъ, будетъ напечатанъ. Я

замѣтилъ доктору Э., что въ приведенныхъ имъ условіяхъ ничего не сказано о передачѣ подъ нашу охрану и совмѣстное съ исполнительнымъ комитетомъ веденіе редакціей *Народной Воли*. Докторъ Э. сказалъ, что въ принципѣ это рѣшено, а дальнѣйшія подробности могутъ быть установлены при окончательномъ соглашеніи.

„Вышеизложенный агентурный пріемъ представляется, конечно, весьма труднымъ, но полезные результаты его, мнѣ кажется, очевидны. Слѣдуетъ его вести съ большой осторожностью и, буде возможно, переговоры и сношенія затягивать; вѣроятно, что, если сношенія продолжатся, мы откроемъ что-либо существенное, но еще важнѣе, это та нерѣшительность и раздвоеніе, которыя могутъ быть водворены въ самыхъ нѣдрахъ народовольческой партіи.

„Если же вообще этотъ пріемъ окажется неудобнымъ, то всегда можно отговориться тѣмъ, что я лично превысилъ данныя мнѣ полномочія.

„Прошу снабдить меня дальнѣйшими приказаніями".

Послѣ этого документа уже не можетъ оставаться сомнѣній, что̀ это была за „земская лига", которая вела переговоры съ Лавровымъ и Оловенниковой и какія именно цѣли она при этомъ преслѣдовала, но для полноты картины приведемъ еще слѣдующія, имѣющіяся у насъ по этому предмету данныя:

1) 7 сентября 1882 года въ священной дружинѣ было разсмотрѣно и утверждено особое „*Положеніе о земской лигѣ*".

2) 11 сентября отъ „петербургскаго попечительства" поступило въ правленіе дружины такое донесеніе:

„Докторъ Э., съ надлежащаго разрѣшенія, командированъ за границу попечительствомъ *будто бы отъ земской либеральной лиги* для переговоровъ съ крамольниками исполнительнаго комитета".

3) „Смыслъ дѣла съ докторомъ Э.,—писалъ тотъ самый „братъ", длинное донесеніе котораго мы привели выше,—заключается въ томъ, что черезъ эти переговоры можно выяснить мало-по-малу всѣ личности, которыя считаютъ себя въ правѣ вести отъ имени „народной воли" переговоры".

Такъ напрягали свои силы многіе высшіе сановники въ государствѣ для борьбы съ въ то время *уже почти совершенно несуществовавшей народовольческой партіей,* такъ изощрялись они, чтобы уличить въ принадлежности къ народовольчеству лейбъ-медика Боткина, профессора Манассеина и другихъ столь ужасныхъ крамольниковъ, но съ другой стороны Лавровъ и Оловенникова такъ и умерли, не узнавши истины о „земской либеральной лигѣ", съ которой они вели переговоры [1]).

[1]) „Единственные переговоры съ *либералами,*—писала М. П. Оловенникова,—имѣвшіе характеръ взаимныхъ уступокъ (съ нашей стороны фиктивныхъ) происходили

Чтобы покончить съ этимъ эпизодомъ, скажемъ еще, что Пивинскій снова появился въ Парижѣ, но не черезъ двѣ недѣли, какъ обѣщалъ, а въ октябрѣ того же 1882 г.

По прибытіи въ Парижъ онъ послалъ Лаврову такую, датированную 23-мъ октября 1882 г., записку:

„Многоуважаемый Петръ Лавровичъ! Не писалъ вамъ и не телеграфировалъ, потому что *положительно невозможно* (подчеркнуто въ подлинникѣ). Много, очень много есть новаго и крайне интереснаго. Напишите, когда могу быть у васъ. Преданный всей душой *Н.*"

На свиданіи, которое, очевидно, вскорѣ послѣ этого состоялось, Пивинскій, видимо, сообщилъ Лаврову о затруднительномъ положеніи, въ которомъ находилась „земская лига" вслѣдствіе мѣръ, принимавшихся все усиливавшимся Толстымъ, а затѣмъ, вѣроятно, уже въ концѣ ноября и, вѣроятно, письменно (этого письма въ бумагахъ Лаврова, къ сожалѣнію, не сохранилось) о томъ переполохѣ, который произошелъ въ „лигѣ" (на самомъ дѣлѣ въ „дружинѣ") вслѣдствіе опубликованія въ *Новомъ Времени* одного документа, о которомъ у насъ еще будетъ рѣчь. Пивинскій тогда же, видимо, увѣдомилъ Лаврова о томъ, что переговоры по этой причинѣ прерываются.

На это Лавровъ отвѣчалъ Пивинскому такимъ (сохранившимся въ двухъ черновыхъ варіантахъ) письмомъ:

„Любезный Эдуардъ Ипполитовичъ!

„Очень жалѣю, что наши переговоры, изъ-за которыхъ вы мнѣ доставили удовольствіе знакомства съ вами, не привели ни къ какому результату. Но вы могли замѣтить, что я и мои друзья съ самаго начала относились къ нимъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, а извѣстія, привезенныя вами изъ Петербурга, подтверждаютъ, что изъ нашихъ переговоровъ едва ли и могло что-либо выйти. Лица, съ которыми вы видѣлись въ Петербургѣ, можетъ быть въ отдѣльности и прекрасные и весьма дѣльные люди, но можно ли ожидать отъ нихъ, какъ *группы*, чего-нибудь рѣшительнаго и послѣдовательнаго, если они пугаются всякаго вздора, написаннаго въ какой-то ничтожной газетѣ? Эта газета здѣсь не обратила на себя вовсе вниманія, ходятъ слухи, что ея источникъ весьма подозрителенъ; ни я, ни мои друзья не придаемъ ей никакого значенія, и свѣдѣній отъ насъ она никогда не получала и получить не можетъ. Я долженъ сознаться, что едва мелькомъ видѣлъ кое-какіе номера ея. Само собою разумѣется, что друзья мои не имѣютъ никакого основанія искать содѣйствія группы, въ переговоры съ которой они вошли вовсе

за границей въ 1882 году". („Къ исторіи партіи народной воли". Значительною частью напечатано въ іюньской книжкѣ *Былого* за 1907 г. Мы цитируемъ по болѣе полной рукописи.)

не по своей иниціативѣ и которая съ первыхъ же шаговъ выказала столь мало стойкости. Что касается до меня лично, то, конечно, я имѣю столь же мало поводовъ, какъ и мои друзья, ожидать тутъ чего-либо серьезнаго, но я поставилъ себѣ правиломъ выслушивать мнѣнія и предложенія, съ какой бы стороны они ни приходили, предоставляя себѣ затѣмъ поступать согласно обстоятельствамъ. А потому, если бы кто-либо изъ вашихъ петербургскихъ знакомыхъ, гр. Ш. или кн. Щ. пожелали вступить въ личныя сношенія со мною, то я не только не отказался бы, но съ такимъ же удовольствіемъ повидался съ ними для простого обмѣна мыслей или для болѣе дѣлового разговора, съ какимъ познакомился съ вами по такому же поводу.

„Примите увѣреніе въ всегдашней готовности къ услугамъ

П. Л.“.

Лавровъ продолжалъ, повидимому, надѣяться на возобновленіе переговоровъ и набросалъ слѣдующій проектъ соглашенія все съ той же „земской лигой“:

„Уполномоченный исполнительнаго комитета русской соціалъ-революціонной партіи, выслушавъ предложенія, обращенныя со стороны уполномоченнаго земской лиги, предлагаетъ слѣдующія основанія для соглашенія:

„I. Для ручательства въ своемъ дѣйствительномъ вліяніи лига вызоветъ:

„Освобожденіе Чернышевскаго и возвращеніе его въ Петербургъ или въ крайнемъ случаѣ въ одинъ изъ университетскихъ городовъ Европейской Россіи.

„Амнистію безъ всякихъ условій и всякихъ съ ихъ стороны прошеній Кравчинскому, Вѣрѣ Засуличъ и Мокріевичу.

„Арестъ этихъ лицъ въ Россіи, или преслѣдованіе, или отдача кого-либо изъ этихъ лицъ подъ надзоръ полиціи ведетъ за собою немедленное прекращеніе всякихъ соглашеній.

„II. Извѣстіе объ этомъ освобожденіи и амнистіи должно быть напечатано въ русскихъ газетахъ вслѣдъ за объявленіемъ этихъ распоряженій соотвѣтствующимъ лицомъ.

„III. Исполнительный комитетъ издаетъ немедленно слѣдующую прокламацію. [1])

„III. Въ продолженіе первыхъ пяти мѣсяцевъ перемирія должно быть облегчено положеніе политическихъ заключенныхъ и ссыльныхъ, въ особенности же лицъ, находящихся на Карѣ, которыя должны быть переведены въ Красноярскъ или другіе удобные города.

[1]) Прокламація не приложена. Вѣроятно, подразумѣвается ея прежній текстъ. На этомъ мѣстѣ въ черновикѣ стоитъ NB

„Въ слѣдующіе пять мѣсяцевъ, если не ранѣе, должны быть удалены наиболѣе ненавистныя личности (Толстой, Судейкинъ и т. д.), а пресса должна быть поставлена въ возможность свободно обсуждать созывъ законодательнаго народнаго собранія.

„Ранѣе конца послѣднихъ пяти мѣсяцевъ созывъ этого собранія долженъ совершиться при условіяхъ, которыя сдѣлали бы этотъ созывъ серьезнымъ".

Этому проекту уже не пришлось фигурировать ни въ какихъ переговорахъ. Но дѣло съ переговорами, однако, еще не кончилось. Только поведены они были уже не черезъ Лаврова, а черезъ Тихомирова.

В. Богучарскій.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

„Венеціанскій купецъ“ и „Кольцо Нибелунга“.

Посвящается Джессикѣ.

1.

Среди многочисленныхъ драмъ Шекспира довольно четко выдѣляется группа, объединенная и внѣшними, и внутренними признаками, и, между прочимъ, отрицательнымъ къ ней отношеніемъ большинства читающей и посѣщающей театры публики; я назвалъ бы ее группой „возрожденскихъ драмъ“. Ихъ фабула обыкновенно мало запечатлѣвается въ памяти, несмотря на замысловатость интриги въ нѣкоторыхъ изъ нихъ— или, быть можетъ, именно благодаря ей: можно быть хорошимъ знатокомъ Шекспира и всетаки затрудниться разсказать содержаніе „Напрасныхъ усилій любви“ или „Какъ вамъ угодно“. Дѣйствіе обыкновенно происходитъ въ Италіи, въ той блестящей Италіи ранняго и зрѣлаго ренессанса, о которой свидѣтельствуютъ итальянскіе новеллисты, начиная съ Боккачіо, и художники особенно венеціанской школы. Передъ нами какой-нибудь городской дворецъ или же одинокая вилла, вродѣ той, куда удалились на время флорентійской чумы разсказчики и разсказчицы Декамерона. Здѣсь наслаждается жизнью избранный рой счастливцевъ, призванныхъ къ этому своимъ происхожденіемъ и своимъ достаткомъ. Жизнь эта—непрерывный рядъ праздниковъ въ раззолоченныхъ залахъ и лоджьяхъ дворца или въ озаренныхъ факелами улицахъ, или въ тѣнистыхъ аллеяхъ парка подъ тихое журчаніе фонтана. Кавалеры, дамы—ихъ много, и отъ ихъ разноцвѣтныхъ шелковъ и бархатовъ такъ же пестритъ передъ глазами, какъ и на любой картинѣ Бонифаціо или Паоло Веронезе. Красота, богиня Возрожденія, создаетъ ту общую имъ всѣмъ стихію, въ которой они живутъ всѣ; кто ею не запечатлѣнъ, тотъ чувствуетъ себя отверженцемъ этой возрожденской жизни. Ему въ ней не мѣсто—послѣ краткаго, жалкаго въ ней прозябанія онъ ею снова выдѣляется къ вящшей радости всѣхъ призванныхъ и избранныхъ, награждающихъ его беззаботнымъ смѣхомъ за его бе-

зумное притязаніе. Вѣнецъ же этой жизни—это рука прекраснѣйшей изъ прекрасныхъ, богатой наслѣдницы дворца или виллы. Ради нея всѣ праздники и пріемы, ради нея вся игра остроумія—этого особеннаго возрожденскаго остроумія, которое совсѣмъ почти перестало намъ быть понятнымъ. Призванныхъ много, избранъ будетъ одинъ; и вотъ это избраніе, его подготовленіе—это и есть содержаніе драмы. Избранъ будетъ одинъ—слѣдуетъ ли другимъ отчаиваться? Нѣтъ: на небѣ много звѣздъ, не всѣмъ быть первой величины. Всѣмъ одинаково сіяетъ свѣтъ Возрожденія, всѣмъ пріятенъ блескъ остроумной бесѣды въ роскошной залѣ или шопотъ любви, подъ защитой маски, при невѣрномъ свѣтѣ факела. И вотъ почему драма обыкновенно кончается счастіемъ не одной только четы, а нѣсколькихъ—счастіемъ всѣхъ, кто только достоинъ счастія. А достоинъ счастія, по возрожденскимъ понятіямъ, тотъ, тѣло и душу котораго благословила богиня Возрожденія—красота.

Таковъ общій фонъ драмъ, о которыхъ идетъ рѣчь; въ немъ заключается ихъ и художественное, и культурно-историческое значеніе. Рядомъ съ нимъ, какъ уже было сказано, не удерживается въ памяти содержаніе каждой изъ нихъ въ отдѣльности; не все ли равно, въ самомъ дѣлѣ, по какимъ мудренымъ путямъ ведетъ поэтъ свою интригу, чтобы доставить конечное торжество заранѣе намѣченному избраннику? Достаточно, если мы разбираемся въ этихъ путяхъ во время самаго чтенія или смотрѣнія; затѣмъ мы ихъ забываемъ, какъ забываемъ ходы шахматной игры, сколько бы удовольствія она намъ ни доставила. И не только дѣйствіе, также и дѣйствующія лица не прочно держатся каждое въ своей обстановкѣ, и наша память невольно, по прошествіи времени, переноситъ ихъ изъ одной драмы въ другую. И не удивительно: всѣ они прекрасны, остроумны, счастливы, всѣ запечатлѣны благодатью богини Возрожденія, на всѣхъ одинаково покоится ея милостивый взоръ. Никто не перенесетъ Яго въ „Гамлета“ или леди Макбетъ въ „Короля Лира“; но въ области возрожденскихъ драмъ наша память и не такъ требовательна, и не такъ надежна.

Только одна изъ нихъ изъята изъ общей участи, одна не расплывается въ общемъ блестящемъ фонѣ разноцвѣтныхъ шелковъ и бархатовъ возрожденскихъ драмъ. Прочно и незыблемо держатся въ нашей памяти ея образы. Это потому, что среди роскошнаго роя ея кавалеровъ и дамъ поэту угодно было вывести фигуру, облаченную въ желтый плащъ зависти и безобразія—фигуру Шейлока.

2.

Его имя произнесено—и вмѣстѣ съ нимъ врѣзается въ нашу фантазію цѣлый потокъ мыслей и чувствъ, чуждый строгой объективности

художественнаго произведенія, какъ таковаго, и насквозь проникнутый ядомъ той тенденціи, въ которой и здравыя мысли, и здравыя чувства одинаково тонутъ. Я не совсѣмъ точно выразился, объявляя желтый плащъ Шейлока символомъ зависти и безобразія: онъ его характеризуетъ прежде всего, какъ еврея.

Да, Шейлокъ—еврей, и какъ таковой онъ вноситъ въ возрожденскую драму еврейскій вопросъ—эту хроническую болѣзнь европейскаго человѣчества. И всякій, кто когда-либо этой болѣзнью страдалъ—а кто ею не страдалъ?—именно съ той точки зрѣнія, на которую она его поставила, склоненъ судить о нашей драмѣ, опредѣляя этимъ своимъ сужденіемъ и свое отношеніе къ отдѣльнымъ ея лицамъ.

Что же, должны ли и мы подчиниться этому теченію? Долженъ ли и надъ нашимъ сужденіемъ властвовать этотъ вѣковой еврейскій недугъ? Посмотримъ.

Много времени послѣ Шекспира самый замѣчательный еврей въ европейской литературѣ, Генрихъ Гейне, среди многихъ занялся и этой драмой Шекспира; нечего говорить, что Шейлокъ сталъ для него центральной фигурой во всемъ, что происходитъ кругомъ него. Вотъ его слова о немъ и о прочихъ:

„Право, Шекспиръ написалъ бы сатиру на христіанство, если бы онъ его представителями выставилъ этихъ людей, враждебныхъ Шейлоку, и все же недостойныхъ развязать ремень у обуви его... Какъ бы мы ни ненавидѣли Шейлока, мы все же не могли бы даже съ его стороны найти страннымъ, если бы онъ этихъ людей немного презиралъ, что онъ, вѣроятно, и дѣлалъ... Право, за исключеніемъ Порціи, Шейлокъ во всей драмѣ самая почтенная личность. Онъ любитъ деньги, да, онъ не скрываетъ этой любви, онъ выкрикиваетъ ее на публичной площади. Но всетаки есть нѣчто, что онъ еще болѣе любитъ; и это—удовлетвореніе для его оскорбленнаго сердца, справедливое воздаяніе за безчисленныя обиды. Ему предлагаютъ сумму вдесятеро больше той, которую ему должны,—онъ отказывается отъ нея, ему не жаль трехъ тысячъ, даже тридцати тысячъ дукатовъ, если онъ можетъ купить за нихъ фунтъ мяса отъ сердца своего врага“ („Дѣвы и женщины Шекспира“).

Другіе ухватились за это сужденіе поэта о поэтѣ; не зная прочихъ возрожденскихъ драмъ Шекспира, не зная его собственнаго умственнаго, нравственнаго и художественнаго облика, не зная, наконецъ, подавно и среды, въ которой онъ жилъ—а безъ нея и его понять нельзя, это ясно,—они серьезно подумали, что Шекспиръ, какъ филосемитъ, намѣренно изобразилъ все возрожденское общество пустымъ и мелочнымъ и всѣ лучи своей симпатіи сосредоточилъ на мрачной фигурѣ своего Шейлока. Получилось нѣчто обратное намѣренію поэта—и стоитъ ли говорить, что отъ этого весь замыселъ его драмы погибъ? Желтое пятно

расплылось и заполнило все художественное сознаніе его критиковъ, и въ этомъ желтомъ морѣ потонули всѣ разноцвѣтные шелка и бархаты кавалеровъ и дамъ возрожденской драмы.

3.

Горе тому, кто лжетъ. Еврейскій вопросъ насквозь пропитанъ ложью, и эта ложь естественно заражаетъ собой все, во что онъ вносится, не исключая и художества. „Венеціанскій купецъ“—только одинъ примѣръ среди многихъ.

Для безпристрастнаго читателя этой драмы не можетъ быть спора о томъ, что ея авторъ раздѣлялъ то мнѣніе о евреѣ Шейлокѣ, которое онъ высказываетъ устами Антоніо и его друзей; у знатока его прочихъ возрожденскихъ драмъ никогда не возникнетъ вопроса о томъ, чтобы его симпатіи могли находиться гдѣ-либо, кромѣ того радостнаго круга возрожденскаго общества, въ которомъ такъ охотно витаетъ его умъ,—о томъ, чтобы его любимцемъ могъ быть не Антоніо, а Шейлокъ. Наконецъ, человѣку, знакомому со средой нашего поэта, Шекспиръ-филосемитъ справедливо покажется чудомъ выше всякаго чуда.

Конечно, какъ поэтъ, Шекспиръ постарался выяснить себѣ психологію также и этого своего героя; этой поэтической потребностью объясняются тѣ немногія апологетическія фразы, на которыя такъ любятъ ссылаться тѣ, кто изображаетъ его филосемитомъ. Противъ этого слѣдуетъ, однако, замѣтить, что самый методъ использованія этихъ ссылокъ неоснователенъ. Своему Ричарду III поэтъ тоже влагаетъ въ уста апологетическія тирады, очень эфектныя и убѣдительныя; а между тѣмъ стоитъ ли доказывать, что его симпатіи были не на сторонѣ короля-изверга, а всецѣло на сторонѣ его жертвъ?

Все же, отвергая положеніе о филосемитизмѣ Шекспира, я хотѣлъ бы въ то же время положить предѣлъ всякимъ злоупотребленіямъ его именемъ въ томъ или другомъ рѣшеніи еврейскаго вопроса, если кому угодно заниматься его рѣшеніемъ. Точка зрѣнія Шекспира, человѣка XVI вѣка, для насъ, людей XX вѣка, совершенно необязательна—это, кажется, ясно. Но это только половина правды. Вся же правда заключается въ слѣдующемъ: *для интересующаго насъ здѣсь міровой вопроса еврейство Шейлока—такой же символъ, какъ и его желтый плащъ.*

Чтобы убѣдиться въ этомъ, перенесемся мыслью и чувствомъ уже не просто въ возрожденское общество, такъ занимавшее думы нашего поэта, а спеціально въ то, которое онъ изобразилъ въ этой самой радостной изъ его возрожденскихъ пьесъ. То, что мы увидимъ, выяснитъ намъ многое.

4.

Участвующія въ драмѣ лица сами собою раздѣляются на три стана. Первый станъ—это и есть то, что я назвалъ возрожденскимъ обществомъ; къ нему принадлежитъ, съ одной стороны, „царственный купецъ“ Антоніо и его друзья, съ другой—красавица Порція и ея дворъ. Второй станъ заполняетъ въ своемъ одинокомъ величіи мрачная фигура Шейлока. Между этими двумя станами контрастъ рѣзокъ, безусловенъ, непримиримъ: тамъ—боги, здѣсь—дьяволъ. Третій станъ—это тѣ, которые отъ Шейлока переходятъ къ возрожденцамъ, переходятъ потому, что имъ невыносимо душно въ атмосферѣ мрака и ненависти, потому, что ихъ неудержимо тянетъ къ свѣту, къ радости, къ красотѣ. Ихъ двое: Ланселотъ и Джессика.

Начнемъ съ перваго стана: Антоніо, Бассаніо, Граціано, Лоренцо... право, становится немного обидно на поэта за эти безцвѣтныя имена. Увы, Шекспиръ чувствовалъ Венецію, но не зналъ ея—ни самаго города, ни его исторіи. Но мы знаемъ Венецію, знаютъ ее даже и тѣ, кто никогда въ ней не былъ, до того плѣнительна атмосфера чудесной царицы лагунъ. Мы ищемъ шекспировскихъ героевъ среди славныхъ именъ, запечатлѣвшихъ собою исторію блеска Венеціи; Антоніо, этотъ „царственный купецъ“,—какъ его звали въ дѣйствительности? Барбариго? Лореданъ? Или, пожалуй, онъ—Корнéръ, тотъ Корнéръ, дочь котораго была королевой Кипра и отказалась затѣмъ отъ своего вѣнца въ пользу своей державной родины? Мы ищемъ ихъ среди владѣльцевъ тѣхъ величественныхъ дворцовъ, фасады которыхъ выходятъ на Каналь-Гранде, чтобы принять заслуженную дань радости отъ плывущихъ по немъ украшенныхъ гондолъ. Бассаніо, блестящій Бассаніо—не былъ ли онъ нѣкогда владѣльцемъ самаго роскошнаго изъ этихъ роскошныхъ дворцовъ—смѣющейся въ убранствѣ своихъ узоровъ Cà Doro?

Всмотримся въ Антоніо... нѣтъ, подождемъ: онъ, царь Возрожденія, еще слишкомъ великъ. Всмотримся сначала въ его друга, молодого Бассаніо, въ которомъ для Порціи сосредоточено все обаяніе Венеціи... Но и тутъ намъ мѣшаютъ: увлекающійся своимъ Шейлокомъ Гейне не пощадилъ и его. „Бассаніо,—говоритъ онъ,—типичный fortunehunter, по выраженію англійскаго критика; онъ беретъ деньги въ долгъ, чтобы нарядиться пороскошнѣе и добыть богатую невѣсту, жирное приданое; ибо, говоритъ онъ своему другу:

Антоніо, не безъизвѣстно вамъ,
Какъ сильно я дѣла свои разстроилъ,
Живя пышнѣй, чѣмъ позволяли мнѣ
Мои совсѣмъ неважные ресурсы.
Я не скорблю о томъ, что не могу

Жить долѣе такъ весело и пышно,
Но главная забота у меня—
Какъ выплатить долги мои большіе,
Въ которые я мотовствомъ своимъ
Былъ вовлеченъ“. [1])

Да, это, безъ сомнѣнія, легкомысленный человѣкъ, и я вполнѣ понимаю добродѣтельное негодованіе дѣловитаго англичанина, на котораго ссылается Гейне... хотя, говоря откровенно, нахожу отзывъ самого Гейне не лишеннымъ нѣкоторой доли лицемѣрія. Но вопросъ въ томъ, было ли поведеніе Бассаніо столь же предосудительно съ точки зрѣнія той веселой старой Англіи (merry old England), представителемъ которой былъ Шекспиръ, и особенно съ точки зрѣнія той возрожденской Венеціи, которую онъ изображалъ? И тутъ я осмѣлюсь сказать: Бассаніо, беззавѣтно промѣнявшій свой унаслѣдованный металлъ на блескъ и роскошь жизни, поступалъ именно по завѣтамъ этого Возрожденія. Прошу не пугаться, не ставить удивленнаго вопроса: какъ, неужели въ этихъ праздникахъ, пріемахъ, выходахъ,—неужели въ нихъ цѣнность жизни? Цѣнность возрожденской жизни—въ радости, и въ этомъ заключается ея вѣчное значеніе; а праздники, пріемы, выходы—это только преходящіе символы этой радости. Какая важность имъ придавалась тогда—объ этомъ свидѣтельствуютъ современныя хроники и письма; онѣ даютъ намъ право сказать: да, поступая, какъ поступалъ онъ, Бассаніо дѣйствовалъ въ духѣ возрожденскихъ нравовъ и давалъ своему богатству именно то назначеніе, которое оно имѣло въ глазахъ возрожденцевъ. Такъ судили и до него въ ту эпоху, возрожденіемъ которой было великое Возрожденіе,—въ эпоху античную, и спеціально въ то счастливое ея время, которое предшествовало персидскимъ войнамъ. Мы судимъ о ней, главнымъ образомъ, по твореніямъ ея послѣдышей—Пиндара и Вакхилида. И эта эпоха цѣнила богатство, но лишь постольку, поскольку оно служитъ красотѣ и славѣ. Домъ, открытый для гостей, побѣда въ Олимпіи или Дельфахъ, празднованіе этой побѣды роскошными пиршествами, ея прославленіе пѣсней вдохновенныхъ пѣвцовъ, и во всѣхъ случаяхъ—праздники, праздники и праздники съ ихъ подъемомъ, съ ихъ радостнымъ самочувствіемъ—вотъ высшая цѣль жизни. Этимъ заранѣе намѣчена чисто служебная роль богатства. „Если бы у меня было богатство,—говоритъ Пиндаръ,—я бы имъ воспользовался, чтобы добыть славу“. Вотъ, значитъ, правильное употребленіе; что же касается другого,—„кто копитъ въ подвалахъ богатство и смѣется надъ людьми, тотъ не думаетъ о томъ, что онъ готовитъ для потомковъ безславную жизнь“...

---

[1]) Выдержки изъ „Венеціанскаго купца“ приводятся въ переводѣ П. И. Вейнберга, остальныя—въ моемъ.

„Все отдай для радости"—вотъ девизъ Возрожденія. И только тотъ, кто инстинктивно понялъ этотъ девизъ,—тотъ достоинъ радости и ея царицы, Порціи. Вотъ почему прозорливый старецъ, отецъ Порціи, поставилъ ея судьбу въ зависимость отъ разгадки смысла трехъ ларчиковъ—золотого, серебрянаго и свинцоваго—и ихъ таинственныхъ надписей. Помните эти надписи? Золото говоритъ:

Кто выберетъ меня, тотъ все добудетъ,
Чего желаетъ множество людей.

Соображеніе расчетливое: получить все за ничто или за немногое. Серебро говоритъ:

Кто выберетъ меня—пріобрѣтетъ
Все то, чего заслуживаетъ онъ.

Тоже расчетливо: равное за равное. Но расчетливость не въ духѣ Возрожденія. Погнавшійся за золотомъ получитъ смерть... да, отъ проклятаго золота исходитъ смерть, это вѣрно. Погнавшійся за серебромъ получитъ дурацкій колпакъ, какъ награду за свое самомнѣніе, что онъ самого себя счелъ цѣнностью равной высшей наградѣ. А свинецъ

болѣе грозящій, чѣмъ манящій
Надеждой—

свинецъ, искушая, говоритъ:

Кто выберетъ меня, все долженъ дать
И всѣмъ рискнуть, что только онъ имѣетъ.

Вотъ это—девизъ Возрожденія. Понимаетъ это только Бассаніо, онъ, въ комъ жива душа Возрожденія: „Все отдай для радости". И въ свинцовомъ ларчикѣ онъ находитъ портретъ царицы радости и Возрожденія—Порціи.

Какъ далеко мы ушли отъ „авантюриста" почтеннаго англійскаго критика и его соратника Гейне! Надобно, однако, замѣтить, что Гейне здѣсь удивительно непослѣдователенъ. Дѣйствительно, покрывая клеймомъ своего презрѣнія все возрожденское общество, онъ почтительно останавливается передъ Порціей и для нея одной дѣлаетъ исключеніе. Но Порція неотдѣлима отъ Бассаніо. Онъ для нея уже давно—до своего прибытія—предметъ и цѣль ея дѣвичьихъ мечтаній. Когда ея подругаприслужница Нерисса поетъ его славу, она коротко и знаменательно отвѣчаетъ: „Я хорошо помню его и помню, что онъ заслуживаетъ твою похвалу". Но стоитъ ему самому явиться, стоитъ ему взглянуть на нее огненнымъ взоромъ своихъ глубокихъ, радостныхъ, возрожденскихъ глазъ—и возрожденскій девизъ „все отдай для радости" оживаетъ и въ ней:

Ахъ,
Проклятіе глазамъ чудеснымъ вашимъ
Они меня околдовали всю

И на двѣ половины раздѣлили:
Одна изъ нихъ вамъ вся принадлежитъ,
Другая—вамъ... мнѣ, я сказать хотѣла.
Но если мнѣ, то также вамъ—итакъ,
Вамъ все мое принадлежитъ.

Она желала бы, чтобы онъ отложилъ на нѣсколько дней роковой выборъ, могущій кончиться для обоихъ разлукой. Но это лишь мимолетное малодушіе. Слишкомъ ясна улыбка богини Возрожденія надъ ея избранникомъ—чутье его не обманетъ, и онъ найдетъ въ свинцовой оболочкѣ царицу радости—Порцію.

5.

Коснемся вкратцѣ и прочихъ возрожденцевъ—особенно Граціано и Лоренцо. Изъ нихъ первый—вѣрный спутникъ Бассаніо; онъ относится къ нему, какъ беззаботное веселіе относится къ вдохновенной радости, какъ сатиръ относится къ Діонису. Охотно и сознательно требуетъ онъ для себя роли шута въ драмѣ жизни; думаю, что и имя ему поэтомъ подобрано съ намекомъ на Грасіозо—шута испанскихъ комедій.

Правда, враги возрожденцевъ и его старались уронить, придираясь къ словамъ Бассаніо, въ которыхъ Бассаніо характеризуетъ сущность его души: „Ни одинъ человѣкъ во всей Венеціи не умѣетъ произнести такое безчисленное множество ничего не значащихъ словъ, какое произноситъ Граціано. Его разсужденія—точно два зерна пшеницы, спрятанныя въ двухъ мѣрахъ соломы. Чтобы найти ихъ, нужно искать цѣлый день, а найдешь—окажется, что они не стоили поисковъ“. Да, это конечно такъ—все таки за трапезой Возрожденія чего-то недоставало бы, если бы за ней не было и этого добродушнаго, непритязательнаго весельчака. Природа расточительна, когда она полна творческихъ силъ; она охотно окружаетъ свои плодоносные побѣги красивыми, хотя и неплодными завитушками. Одна изъ этихъ завитушекъ—Граціано; если бы онъ ничего другого не доказывалъ—онъ доказывалъ бы творческую силу природы Возрожденія, которая велѣла ему жить и слѣдовать за Бассаніо, какъ его тѣнь.

И вотъ почему онъ, другъ Бассаніо, равный ему по рожденію, но подчиненный въ той службѣ радости, которая обоимъ назначаетъ ихъ роли по ихъ достоинству—становится женихомъ Нериссы, веселой подруги-прислужницы царственной Порціи. А затѣмъ—довольно о немъ.

Все же Граціано своей безобидностью снискалъ сравнительно снисходительное къ себѣ отношеніе враговъ нашихъ возрожденцевъ; напротивъ Лоренцо, похититель Джессики, вызвалъ противъ себя всѣ перуны ихъ гнѣва. „Что касается Лоренцо,—говоритъ Гейне,—то онъ соучастникъ самаго гнуснаго воровства, и по прусскому праву его присудили

бы къ пятнадцати годамъ каторги и сверхъ того онъ съ клеймомъ на лбу былъ бы приставленъ къ позорному столбу". Признаться, меня передернуло, когда я прочелъ эти слова: Гейне, восторженный почитатель Наполеона, Гейне, авторъ „Германіи"—онъ здѣсь относится къ поэтическимъ произведеніямъ съ точки зрѣнія прусскаго права. Вотъ до чего слѣпая ненависть доводитъ людей!

Конечно, намъ было бы пріятнѣе, если бы Лоренцо похитилъ Джессику безъ червонцевъ ея отца и не вступилъ бы въ конфликтъ съ прусскимъ правомъ—поэту ничего бы не стоило изобразить своего героя человѣкомъ достаточнымъ. Но тогда не было бы поразительной сцены отчаянія Шейлока, не было бы его истерическихъ криковъ: „мои червонцы и моя дочь!", не было бы его леденящаго нашу душу возгласа: „я желалъ бы, чтобы она была похоронена у моихъ ногъ, и чтобы червонцы лежали въ ея гробѣ". Нѣтъ, не будемъ поправлять Шекспира: онъ зналъ прекрасно, что дѣлалъ. Не будемъ также, упаси насъ Боже, поправлять и прусскаго уголовнаго права; не будучи съ нимъ знакомъ, я охотно допускаю, что это также въ своемъ родѣ совершенство. Но не будемъ ихъ путать одного съ другимъ.

А всетаки не хорошо, что Лоренцо похищаетъ съ Джессикой и червонцы Шейлока; что же, слѣдуетъ ли отсюда, что Шекспиръ хотѣлъ уронить своего Лоренцо, изобразить его безнравственнымъ, неопрятнымъ? Да вѣдь этому противорѣчитъ вся прочая его характеристика! Лоренцо, на привѣтственныя слова котораго

Я—Лоренцо,
Твоя любовь—

Джессика отвѣчаетъ:

Лоренцо—это такъ,
Моя любовь—дѣйствительно: на свѣтѣ
Я никого такъ сильно не люблю.

Лоренцо, которому Порція ввѣряетъ свой домъ на время своей фантастической поѣздки,—этотъ Лоренцо, конечно, не могъ представляться поэту иначе, какъ въ самомъ идеальномъ свѣтѣ.

Но почему же онъ похищаетъ или, говоря правильнѣе, принимаетъ похищенные Джессикой червонцы ея отца? Если бы могли спросить объ этомъ Шекспира,—я думаю, онъ отвѣтилъ бы: „да вѣдь это естественное приданое Джессики, не знаю, насколько законное съ гражданско-правовой точки зрѣнія, но вполнѣ законное въ моемъ поэтическомъ царствѣ. Церемониться же съ этими червонцами было нечего, такъ какъ они были ростовщическіе, т.-е., по-моему, то же самое, что краденые".

Нѣтъ, не будемъ портить нелѣпыми правовыми придирками поэтическаго образа венеціанскаго юноши, котораго поэтъ нарекъ однимъ изъ самыхъ священныхъ именъ Возрожденія. Онъ—достойный носитель его

завѣтовъ: мягкій и мечтательный, онъ относится къ пылкому и блестящему Бассаніо, какъ мѣсяцъ относится къ солнцу. Быть можетъ, не случайно и то, что онъ преимущественно ночью передъ нами выступаетъ. Ночью похищаетъ онъ Джессику и уплываетъ съ ней на гондолѣ по облитымъ луннымъ сіяніемъ лагунамъ; ночью пируетъ онъ съ нею въ Генуѣ, причемъ она легкомысленно промѣниваетъ на веселье добрую часть червонцевъ своего отца; ночью, наконецъ, слышимъ мы его и ея любовный шепотъ въ сказочномъ бельмонтскомъ паркѣ:

Въ такую ночь, какъ эта,
Когда зефиръ деревья цѣловалъ,
Не шелестя зеленою листвою,—
Въ такую ночь...

6.

Стоитъ ли говорить о другихъ, которыхъ мы находимъ въ свитѣ Антоніо—Саларино, Соланіо, Салеріо,—лицъ, столь же похожихъ другъ на друга, какъ и ихъ имена, и до того безцвѣтныхъ, что мы даже не знаемъ навѣрное, было ли ихъ трое или только двое, такъ какъ путаница въ оригинальномъ изданіи допускаетъ одинаково и то и другое разрѣшеніе? Шекспиръ и не думалъ надѣлять ихъ характерами; это—просто носители повѣствованія, черезъ которыхъ публикѣ сообщаются необходимыя для нея свѣдѣнія, чисто техническія фигуры, наподобіе „вѣстниковъ“ древней трагедіи. Мы могли бы смѣло обойти молчаніемъ этихъ „друзей Антоніо и Бассаніо“, какъ они названы въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ: но такъ какъ для Гейне этого обозначенія было достаточно для того, чтобы и ихъ облить ядомъ своей насмѣшки, то и намъ придется ими заняться—тѣмъ болѣе, что это дастъ намъ поводъ разъяснить одинъ интересный драматургическій вопросъ.

„Что касается другихъ благородныхъ венеціанцевъ, которые выступаютъ товарищами Антоніо, то они, повидимому, тоже не очень ненавидятъ деньги, но для своего бѣднаго друга, впадшаго въ несчастье, они согласны тратить только слова, чеканенный воздухъ. Нашъ добрый піетистъ Францъ Горнъ дѣлаетъ по этому поводу слѣдующее очень водянистое, но совершенно правильное замѣчаніе: „Здѣсь можно по праву поставить вопросъ: какимъ образомъ Антоніо могъ дойти до такой степени несчастья? Вся Венеція его знала и цѣнила, его добрые знакомые знали отлично о страшномъ векселѣ, а также о томъ, что еврей не допуститъ ни на іоту его измѣненія. Все же они даютъ проходить дню за днемъ, пока трехмѣсячный срокъ не истекаетъ и не исчезаетъ всякая надежда на спасеніе“. Для этихъ добрыхъ друзей, цѣлыми стаями окружающихъ царственнаго купца, было бы, кажется, нетрудно собрать

сумму въ три тысячи червонцевъ, чтобы спасти человѣческую жизнь— и притомъ такую жизнь; но это всетаки немножко неудобно, и поэтому наши милые добрые друзья или, если угодно, полудрузья или трехчетвертные друзья не дѣлаютъ ничего, паки ничего, совсѣмъ ничего. Они сожалѣютъ о прекрасномъ купцѣ, который давалъ имъ нѣкогда такіе блестящіе праздники, очень сожалѣютъ, но со всѣмъ требуемымъ комфортомъ (?); они ругаютъ Шейлока всѣми силами сердца и языка, что также не сопряжено съ опасностью, и повидимому полагаютъ всѣ, что исполнили долгъ передъ другомъ до конца".

Тутъ я уже не рискнулъ бы обратиться за разъясненіемъ къ Шекспиру, такъ какъ знаю его отвѣтъ напередъ; онъ будетъ гласить: „оставьте меня въ покоѣ!". Дѣйствительно, не трудно убѣдиться, что упреки Гейне и его піетиста относятся не къ Соланіо и прочимъ, а исключительно къ поэту. Ни одинъ разумный поэтъ не характеризуетъ путемъ умолчанія; если бы Шекспиръ представлялъ себѣ друзей Антоніо наподобіе друзей-лицемѣровъ Тимона Аоинскаго, то онъ употребилъ бы тѣ же средства характеристики, что и тамъ. Почему Антоніо передъ наступленіемъ рокового дня не обращается ни къ кому изъ своихъ друзей и не получаетъ отъ нихъ отказа? Почему онъ въ сценѣ суда ни однимъ словомъ не обмолвился, что онъ покинутъ своими друзьями? Очевидно, потому, что они ни въ чемъ передъ нимъ виновны не были. Но если такъ, то какъ объяснить указанное критиками Шекспира противорѣчіе?

Для этого попытаемся изобразить фабулу драмы.

Въ Бельмонтѣ, недалеко отъ Венеціи—повидимому, въ одной изъ роскошныхъ виллъ на берегу Бренты въ венеціанской terra ferma—живетъ прекрасная, умная и богатая наслѣдница Порція. Согласно послѣдней волѣ отца она можетъ выйти лишь за того, кто угадаетъ, въ какомъ изъ трехъ ларчиковъ находится ея изображеніе, руководимый какъ символическими металлами ящика, такъ и загадочными надписями на нихъ; но само участіе въ состязаніи обусловлено тяжелымъ условіемъ— отказомъ, въ случаѣ неудачи, отъ всякихъ радостей супружества и впредь.

Попытать счастья рѣшаетъ молодой венеціанецъ Бассаніо; но, чтобы явиться достойнымъ женихомъ Порціи, ему нуженъ приличный штатъ, а денегъ на таковой у него нѣтъ. Онъ обращается за ними къ своему другу, богатому „венеціанскому купцу" Антоніо. У того, однако, тоже денегъ въ наличности не оказывается—онѣ всѣ въ оборотѣ; и вотъ они вмѣстѣ идутъ къ богатому еврею-ростовщику Шейлоку. Тотъ ссужаетъ Бассаніо требуемыя три тысячи червонцевъ на три мѣсяца съ тѣмъ, чтобы поручителемъ былъ Антоніо, и чтобы въ случаѣ просрочки Шейлокъ имѣлъ право, въ видѣ неустойки, вырѣзать у Антоніо фунтъ мяса

„поближе къ сердцу“. Антоніо нимало не колеблется подписать вексель, вполнѣ увѣренный, что задолго до истеченія срока вернутся въ Венецію его корабли съ товарами и дадутъ ему возможность выкупить страшный документъ.

Бассаніо ѣдетъ въ Бельмонтъ. Послѣ обычныхъ празднествъ, сопряженныхъ со сватовствомъ, онъ приступаетъ къ роковому выбору ларчика. Его чутье подсказываетъ ему вѣрное рѣшеніе: онъ получаетъ красавицу-невѣсту и ея богатство. Но въ самомъ началѣ его и ея счастье омрачается полученнымъ отъ Антоніо извѣстіемъ: всѣ его корабли погибли, срокъ векселя истекъ, неисправнаго поручителя заключили въ тюрьму, уплата страшной неустойки неизбѣжна. По предложенію Порціи Бассаніо ѣдетъ въ Венецію, чтобы предложить Шейлоку за его вексель двойную, тройную сумму; но и у самой Порціи планъ спасенія готовъ.

Пользуясь своимъ знакомствомъ со знаменитымъ падуанскимъ юристомъ Белларіо, она получаетъ отъ него довѣрительныя грамоты и, переодѣтая мужчиной, является въ Венецію въ самый день суда надъ Антоніо. Всѣ съ почтеніемъ относятся къ молодому юрисконсульту, рекомендуемому самимъ Белларіо, и дожъ поручаетъ Порціи составленіе приговора. Приговоръ гласитъ: вексель присуждаетъ Шейлоку фунтъ мяса, но ни капли крови Антоніо; если онъ, вырѣзывая свой фунтъ, прольетъ хоть каплю крови, то онъ будетъ казненъ, какъ убійца. При этихъ условіяхъ Шейлокъ отказывается отъ неустойки. Но Порція идетъ дальше: такъ какъ заключеніе коварнаго условія было косвеннымъ посягательствомъ на жизнь венеціанца, то по венеціанскимъ законамъ половина имущества Шейлока должна быть конфискована въ пользу казны, другая—въ пользу потерпѣвшаго. Все же присутствующіе настроены мягко: дожъ прощаетъ Шейлоку уплату половины казнѣ, Антоніо свою половину превращаетъ въ приданое для похищенной дочери Шейлока, Джессики, подъ условіемъ, однако, чтобы самъ Шейлокъ принялъ христіанство. Разбитый Шейлокъ соглашается. Бассаніо исполненъ благодарности къ мудрому судьѣ. Порція, однако, отказывается отъ всѣхъ предлагаемыхъ подарковъ и требуетъ лишь кольца, которое она же какъ невѣста ему подарила. Бассаніо смущенъ. Все же благодарность беретъ верхъ. Порція получаетъ обратно свое кольцо—и это кольцо служитъ въ ея рукахъ доказательствомъ своего тождества съ мудрымъ судьей въ веселой сценѣ признанія, которой кончается вся драма.

Такова, повторяю, фабула. Она сама по себѣ не принадлежитъ Шекспиру: она была достояніемъ новеллы, прежде чѣмъ стать содержаніемъ драмы. Новелла же не считается съ большимъ персоналомъ; для нея вовсе не важенъ вопросъ, были ли друзья у несостоятельнаго поручителя или нѣтъ, и если да, то почему они не могли или не хотѣли ему

помочь. Драма, конечно, взыскательнѣе по части психологическаго и обстановочнаго правдоподобія, и вотъ почему сплошь и рядомъ при превращеніи новеллистическаго сюжета въ драматическій получаются несообразности по части фабулы. Отъ искусства поэта зависитъ ихъ преодолѣть; удастся ему это—тѣмъ лучше, не удастся—будемъ винить его неумѣлость или безпечность, если такъ намъ угодно, но не будемъ пользоваться этими несообразностями для характеристики дѣйствующихъ лицъ. А между тѣмъ такъ именно поступилъ Гейне; оттого ли, что онъ былъ плохимъ драматургомъ, или оттого, что тенденціозное желаніе очернить возрожденское общество сдѣлало его нечувствительнымъ къ драматической техникѣ, это особый вопросъ.

Какъ же быть, однако? Преодолѣлъ Шекспиръ указанную несообразность? Попробуемъ для этого—хоть это неблагодарный и мелочный трудъ—установить хронологію драмы. Вексель былъ заключенъ на три мѣсяца; какъ и чѣмъ заполняется этотъ промежутокъ?

Въ вечеръ того же дня, когда вексель у нотаріуса подписывается и деньги выдаются Бассаніо, послѣдній приглашаетъ Шейлока и другихъ къ себѣ на ужинъ. Шейлокъ нехотя идетъ; пользуясь его отсутствіемъ, Лоренцо похищаетъ Джессику. Пиръ, однако, отмѣняются по случаю попутнаго для Бассаніо вѣтра: онъ ѣдетъ въ Бельмонтъ. На этомъ пунктѣ кончается шестая сцена второго дѣйствія. Въ седьмой сценѣ передаются событія ночи отплытія Бассаніо и побѣга Джессики; мы, значитъ, утромъ слѣдующаго дня.

Первая сцена третьяго акта переноситъ насъ на нѣсколько дней впередъ—отъ семи до десяти. Тубалъ по просьбѣ Шейлока успѣлъ побывать въ Генуѣ и узнать тамъ о веселой ночи Лоренцо и Джессики. Съ другой стороны, какъ видно изъ разговора венеціанцевъ съ Шейлокомъ, о побѣгѣ Джессики въ „купеческомъ мірѣ“ говорятъ какъ о новости — итакъ, онъ еще довольно свѣжъ. Къ этому времени, значитъ, Антоніо—такъ разсказываютъ и Саларино и Тубалъ — потерялъ одинъ корабль: только одинъ.

Слѣдующая сцена — въ Бельмонтѣ. Бассаніо счастливо выбираетъ ящикъ, отдающій ему Порцію, но радость молодой четы омрачается полученіемъ письма отъ Антоніо, изъ котораго Бассаніо узнаетъ, что Антоніо потерялъ всѣ свои корабли, что срокъ уплаты векселя Шейлоку истекъ; итакъ, между первой и второй сценой третьяго дѣйствія промежутокъ приблизительно въ три мѣсяца. О томъ, что случилось въ теченіе этихъ трехъ мѣсяцевъ, Шекспиръ намъ ровно ничего не говоритъ. Не связанный требованіемъ единства времени, поэтъ попросту пропустилъ весь тотъ срокъ, который былъ заполненъ стараніями Антоніо добыть деньги для уплаты векселя ростовщику, такъ какъ эти старанія ничего благодарнаго въ поэтическомъ отношеніи не представляли.

А поступая такъ, онъ уклонился отъ отвѣта на вопросъ, почему друзья Антоніо не помогали ему въ его затруднительномъ положеніи. Вотъ почему я высказалъ выше догадку, что онъ не особенно милостиво принялъ бы тѣхъ, кто сталъ бы съ ножомъ къ горлу настаивать на этомъ отвѣтѣ.

Итакъ, скажутъ, во всей композиціи драмы есть крупная ошибка? Это мы могли бы утверждать лишь въ томъ случаѣ, если бы отвѣтъ на поставленный вопросъ оказался невозможнымъ. Этого, однако, сказать нельзя; Шекспиръ, уклоняясь отъ него самъ, всетаки предоставилъ въ наше распоряженіе достаточно данныхъ, чтобы мы могли его найти. Постараемся же воспользоваться этими данными.

Прежде всего припомнимъ успокоительныя слова Антоніо въ сценѣ съ Бассаніо и Шейлокомъ (дѣйств. I, сц. III):

Еще
Два мѣсяца—такъ стало быть, до срока
За тридцать дней—и долженъ получить
Я вдесятеро болѣе той суммы,
Что мы займемъ.

Стало быть, въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ можно было и не заботиться. Лишь къ истеченію второго должна была вернуться часть кораблей Антоніо; со дня на день сталъ онъ ждать ихъ возвращенія. Вѣдь не забудемъ, что объ ихъ гибели онъ узналъ лишь послѣ истеченія срока, да и то это извѣстіе, какъ показываетъ пятое дѣйствіе, оказалось невѣрнымъ. Съ другой стороны, понятно, что Антоніо до послѣдней минуты откладывалъ сообщеніе въ купеческомъ мірѣ извѣстія, которое заставило бы признать его банкротомъ; даже когда срокъ наступилъ, онъ предпочитаетъ молчать, надѣясь, какъ доказываетъ сцена съ тюремщикомъ (дѣйст. III, сц. III), уговорить Шейлока отсрочить ему вексель.—Но почему же не беретъ онъ требуемой суммы у своихъ близкихъ друзей, Соланіо и др.? Еще вопросъ, были ли они въ состояніи ему ее ссудить. Три тысячи дукатовъ — сумма не малая: на вѣсъ золота около 20,000 рублей, а если принять во вниманіе измѣнившуюся его цѣнность, то даже много больше. Къ тому же мы знаемъ, какъ Антоніо пріобрѣталъ своихъ друзей—тѣмъ, что давалъ имъ деньги безъ процентовъ. Очень вѣроятно, что и перечисленныя лица, подобно Бассаніо, были должниками Антоніо, а въ такомъ случаѣ ихъ финансовая безпомощность объяснятся безъ всякой натяжки.

Это, полагаю я, вполнѣ возможный и естественный отвѣтъ. Но Шекспиръ, повторяю, самъ намъ его не далъ: онъ предоставилъ своимъ привередникамъ-критикамъ по-своему разбираться въ мелкихъ узорахъ его поэтической концепціи—и прекрасно сдѣлалъ.

8.

Наконецъ, мы подходимъ къ обоимъ главамъ возрожденскаго общества — къ Антоніо и Порціи. Ихъ сближаетъ одна общая черта, и эта черта — высшее, что, по понятіямъ Возрожденія, можно сказать про человѣка. Про Порцію Бассаніо говоритъ, характеризуя ее своему другу Антоніо:

Знай—Порція ей имя,
И Порція, Катона дочь и Брута
Жена, ничѣмъ не превзошла ее.

А про Антоніо тотъ же Бассаніо говоритъ слѣдующее, описывая его своей невѣстѣ Порціи:

Добрѣйшій человѣкъ съ честнѣйшимъ сердцемъ,
Съ душой, не устававшей одолжать;
Въ комъ доблесть древнихъ римлянъ такъ блистаетъ,
Какъ ни въ одномъ живущемъ на землѣ
Италіи.

Этими двумя столь сходными характеристиками Шекспиръ поставилъ обоихъ героевъ на самую вершину возрожденской жизни. О Порціи можно не распространяться: такъ какъ она — красавица, то ей повезло даже у безпощаднаго Гейне, и онъ не затруднился признать въ ней истую дочь Возрожденія; но по отношенію къ мужчинамъ у придирчиваго поэта-критика масштабъ иной. Что бы ни говорилъ про своего Антоніо Шекспиръ — Гейне знаетъ его лучше. Хотите услышать, какъ онъ отражается въ умѣ Гейне? Вотъ его характеристика, безподобный образецъ предвзятости и злобы: „Банкротъ (!) Антоніо—дряблая душа безъ энергіи, безъ силы ненависти (!) и стало быть (!) безъ силы любви; его сердце — тусклое сердце червя; его мясо дѣйствительно только и годится, что для приманки рыбъ“. Мы допустили бы крайнюю несправедливость къ обычному остроумію Гейне, если бы сочли его выходку, подсказанную его болѣзненной шейлокоманіей, достойной обстоятельнаго опроверженія.

Каково же отношеніе Антоніо къ возрожденскому обществу? Это сводится къ другому вопросу: каково его отношеніе къ блестящему Бассаніо, его самому яркому представителю? И объ этомъ мы читаемъ замѣчательныя по своей глубинѣ слова, въ разговорѣ тѣхъ двухъ венеціанцевъ, которые составляютъ какъ бы хоръ нашей драмы

САЛАРИНО.

Я видѣлъ какъ они
Съ Бассаніо прощались. „Постараюсь“,
Бассаніо сказалъ ему, „скорѣй
„Вернуться“. “Нѣтъ“, Антоніо отвѣтилъ,
„Не торопись изъ-за меня; пускай

„Отъ времени твое созрѣетъ дѣло.
„А векселемъ, что выдалъ я жиду,
„Не затрудняй влюбленный мозгъ; будь веселъ
„И мысли всѣ всецѣло посвяти
„Любезностямъ и тѣмъ изъ доказательствъ
„Твоей любви, которыя сочтешь
„Приличными и нужными“. И это
Проговоривъ, съ слезами на глазахъ
Отворотясь, пожалъ онъ другу руку
Съ глубокою горячностью души—
И такъ они разстались.

СОЛАНІО.

Мнѣ кажется,
Что къ жизни онъ привязанъ лишь однимъ
Бассаніо.

Но къ этой коренной чертѣ Антоніо, къ его культу радости, воплощенной въ Бассаніо — мы должны прибавить еще одну, чтобы вполнѣ его оцѣнить. Этой второй чертой поэтъ такъ дорожитъ, что рѣшилъ съ нею прежде всего насъ познакомить; съ нею онъ выводитъ Антоніо при первомъ же его появленіи:

Признаться, я и самъ не понимаю,
Чего я такъ печаленъ. Грусть и васъ
Томитъ, какъ вы сказали мнѣ; но, право,
Я все еще узнать стараюсь, какъ
Я эту грусть поймалъ, нашелъ и встрѣтилъ,
И изъ чего она сотворена,
И чье она произведенье. Просто
Я сдѣлался какимъ-то дуракомъ,
И самъ себѣ почти неузнаваемъ.

Его друзья стараются объяснить эту грусть заботами, которыя навѣваютъ на Антоніо его грандіозныя торговыя предпріятія; но онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отклоняетъ это объясненіе: „Совсѣмъ не оттого, повѣрьте мнѣ“. Самъ онъ подъ конецъ дастъ объясненіе, которое въ сущности ничего не объясняетъ,—объясненіе, къ слову сказать, стоическое,—а именно, что онъ считаетъ нашъ жалкій міръ

Подмостками, гдѣ роль играть всѣ люди
Обязаны, а мнѣ досталась роль
Печальная.

И только.

Эта печаль Антоніо не мало затрудняла толкователей Шекспира; не нахожу, чтобы они сумѣли ее объяснить. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли: Антоніо, этотъ поклонникъ, этотъ зодчій возрожденской радости, только ею и привязанный къ міру, Антоніо печаленъ! Подъ его сѣнью, какъ беззаботныя птички, порхаютъ и щебечутъ всѣ эти прекрасные, веселые члены возрожденскаго общества—и онъ печаленъ!

Мнѣ думается, я нашелъ разгадку этой органической печали, омрачающей душу зодчаго радости. Навела меня на нее другая трагедія, съ давнихъ поръ любимая мною — „Волшебникъ Мерлинъ“ Иммермана. Здѣсь мы находимъ нашего царственнаго купца въ лицѣ короля Артура; и онъ—покровитель и зодчій радости; подъ его сѣнью бьются паладины, награждаемые за свою храбрость улыбкой на устахъ прекрасныхъ дамъ; онъ создалъ всю эту радостную службу чести и любви, рыцарскимъ символомъ которой сталъ для людей его Круглый Столъ. Расцвѣтомъ этой радостной службы долженъ былъ быть назначенный имъ на день Троицы блестящій турниръ—и именно тогда неотразимая, непонятная грусть обуяла душу Артура:

Смѣется пажъ, смѣется дама—
Взоръ короля блеснулъ слезой...

Отчего эта слеза? Самъ Артуръ объясняетъ ее слѣдующимъ образомъ:

Въ веселья волнахъ
Внезапно щемящій объялъ меня страхъ:
Почудилось мнѣ
Страшилище смерти на чаломъ конѣ.
Вотъ—первіемъ Голодъ вкругъ тѣла обвитый;
Вотъ—грозный владыка стрѣлы ядовитой,
Безжалостный Моръ;
Вотъ смотритъ въ упоръ
Отчаянья пристально-гложущій взоръ.
И рвпуться жаждутъ исчадія тьмы
На рыцарей, дамъ, на весь сонмъ нашъ прекрасный,
За то, что такъ ясны,
Такъ царственно горды и радостны мы.

Повидимому, и Антоніо могъ бы произнести эти слова, глядя на тотъ безпечный міръ — Бассаніо, Лоренцо и другихъ,—который жилъ и любилъ подъ золотой дымкой возрожденской радости. Нѣкогда онъ и самъ беззаботно веселился подъ ея теплымъ покровомъ; это было время его счастливой молодости. Но молодость прошла, и онъ мало-по-малу переросъ эту золотую дымку. И когда онъ ее переросъ, тогда онъ увидѣлъ то, чего не видѣли другіе, и это зрѣлище превратило въ печаль его веселье. Онъ увидѣлъ того, кто готовилъ уничтоженіе ему и его друзьямъ именно за то, что они были такъ ясны, такъ царственны горды и радостны; увидѣлъ врага и ненавистника возрожденской красоты и радости—въ желтомъ плащѣ зависти и безобразія.

8.

Мы дали объясненіе трагической грусти Антоніо, но это объясненіе почти что разрываетъ цѣпи, сдерживавшіе „Венеціанскаго купца“ въ предѣлахъ чисто человѣческой трагедіи. Вмѣстѣ съ Антоніо и его про-

тивникъ Шейлокъ доростаетъ до размѣровъ исполина; это—уже не презрѣнный ростовщикъ, собирающійся ужалить въ пяту топчущаго его человѣка; это — великій врагъ и ненавистникъ радости вообще, всего свѣтлаго и прекраснаго, что содержитъ міръ; это — Чернобогъ, готовящій гибель ясному царству легкоживущихъ бѣлыхъ боговъ.

И тутъ мы оставимъ на время обстановку шекспировской трагедіи. Идя дальше по намѣченному только что направленію, додумывая затронутыя мысли, мы дойдемъ до величайшей „божественной комедіи“ новѣйшихъ временъ—до „Кольца Нибелунга“ Рихарда Вагнера.

На вершинахъ поднебесныхъ горъ—царство радости и любви. Здѣсь живутъ въ вѣчномъ блаженствѣ прекрасные бѣлые боги, охраняемые несокрушимымъ копьемъ своего владыки Вотана, рунамъ котораго покорны всѣ силы земли. Не сходитъ румянецъ съ ихъ щекъ, не бороздятъ морщины ихъ чела: ежедневно обновляютъ они свою молодость, вкушая волшебныя яблоки своей сестры, Фреи, богини юности и красоты.

А тамъ, глубоко, на днѣ голубого Рейна, спитъ сномъ невинности ясное золото. Никто не простираетъ къ нему жадныхъ рукъ; только русалки, дочери рѣчного старца, рѣзвятся при его туманномъ свѣтѣ, когда затерявшійся въ глубинѣ лучъ солнца ласкаетъ его гладкую поверхность.

Все же и надъ нимъ нависъ рокъ. Наслѣдіе міра обрѣтетъ тотъ смѣльчакъ, кто скуетъ себѣ перстень изъ его сверкающаго металла. Но врядъ ли такой найдется: только тому удастся попытка, кто проклянетъ любовь. А какая живая тварь на это пойдетъ? Не любовью ли живетъ все, что живетъ и на поверхности и въ нѣдрахъ земли?

И всетаки такой нашелся. Чернобогъ-Альберихъ, завистливый и безобразный, отверженный царствомъ красоты и любви, отрекается отъ тѣхъ, кто отвергъ его. Онъ добываетъ себѣ золото; гаснетъ навѣки невинный свѣтъ, озарявшій игру невинности въ рѣчной глубинѣ, и отверженецъ-похититель спускается въ свое подземное царство, чтобы сковать себѣ кольцо, которое сдѣлаетъ его властелиномъ міра.

Кольцо сковано, подземные карлики суетятся, извлекая изъ всѣхъ жилъ земли золото для своего неласковаго господина. Съ удивленіемъ видитъ Вотанъ, посѣтившій своего могучаго противника, его растущее богатство. Но къ чему все это здѣсь?

Что проку въ златѣ тебѣ?
Здѣсь нѣтъ отрады,
Не купитъ богачъ ничего.

Но Чернобогъ знаетъ, что онъ дѣлаетъ.

Злато создать мнѣ
И злато сберечь мнѣ—
Сможетъ подземная ночь.

Въ нѣдрахъ земли
Пусть лишь выростетъ кладъ—
Съ нимъ чудеса сотворю я:
Весь этотъ міръ
Станетъ добычей моей.
Вы, что мягкимъ вѣтеркомъ
Обласканы тамъ
Въ красѣ и любви!
Васъ, боги, я всѣхъ
Поймаю злата когтями.
Какъ я отрекся отъ любви—
Все, что живетъ,
Ее да проклянетъ.
Лишь золота пѣснь
Звенѣтъ надъ жадными будетъ.
Въ сіяньи зари
Вы въ нѣгѣ блаженной
Проводите вѣкъ;
Меня, Чернобога,
Презрѣлъ ты, счастья владыка.
Страшись!
Страшись!
Васъ, мужи, власти
Своей подчиню;
Красавицъ же женъ,
Что̀ отвергли меня,
Услады неволей вкушу я,
Коль нѣтъ любви для меня.
Ха, ха! Ха, ха!
Ты слышишь, Вотанъ?
Страшись!
Страшись моей рати ночной,
Когда изъ безмолвныхъ нѣдръ
Взойдетъ мое злато на свѣтъ!

Его торжество однако преждевременно. Его умъ еще не поспѣлъ за его силой; его вяжутъ, и, чтобы вернуть себѣ свободу, онъ долженъ передать Вотану вмѣстѣ со своимъ златомъ и залогъ своей власти, роковое кольцо. Одно у него осталось—сила ненависти и злобы, выросшая подъ вліяніемъ неслыханной обиды.

Какъ проклятьемъ ты мнѣ данъ,
Будь проклятъ, перстень мой!

И Вотану не удается удержать его кольцо: оно идетъ на выкупъ Фреи—богини молодости и любви, которой исполины требовали наградой за постройку Вальгаллы, твердыни боговъ, залога ихъ власти. Вездѣ одна и та же дилемма: либо любовь, либо власть. Откажись отъ любви, коли мила тебѣ вла́сть.

Но нѣтъ; теперь, какъ будто, роковая дилемма побѣждена: Фрея вер-

нулась къ богамъ, и Вальгалла стоитъ. Кто можетъ быть счастливѣе Вотана? Увы, онъ одинъ себя счастливымъ не чувствуетъ. Пусть другіе боги, избранное племя, пируютъ и любятъ подъ улыбкой Фреи въ шумныхъ залахъ Вальгаллы; для него нѣтъ болѣе радости съ тѣхъ поръ, какъ онъ слышалъ смѣхъ завистливаго торжества изъ устъ своего врага Нибелунга, Чернобога-Альбериха. Онъ знаетъ: противъ его власти, твердой и неизмѣнной, воздвигнута другая, пока лишь зародышевая, но способная вырасти до исполинскихъ размѣровъ.

Еще опасность далеко: роковымъ кольцомъ обладаетъ змѣй-исполинъ; онъ мирно дремлетъ надъ нимъ, упиваясь мечтаніями о своей безпредѣльной, но неосуществленной власти. Но что будетъ, когда жадный и хитрый Чернобогъ вновь добудетъ свое исконное достояніе? Вотанъ вспоминаетъ незабвенныя, ужасныя слова:

Страшись!
Страшись моей рати ночной,
Когда изъ безмолвныхъ нѣдръ
Взойдетъ мое злато на свѣтъ!

Этому онъ воспрепятствовать не въ силахъ: его власть основана на договорѣ, руны котораго высѣчены на древкѣ его копья; въ силу этого договора Фрея нѣкогда досталась исполинамъ, въ силу того же договора теперь и кольцо осталось во власти дремлющаго надъ нимъ змѣя. И вотъ передъ умомъ Вотана сверкнула новая идея—идея меча. Если бы ему удалось создать сына, который, унаслѣдовавъ его силу, не унаслѣдовалъ бы его связанности договоромъ; если бы его мечъ разрубилъ копье съ рунами договора...

Онъ спускается къ смертной; онъ отдаетъ будущее своему и ея отпрыску, богочеловѣку. Если бы этотъ богочеловѣкъ совершилъ то, чего онъ отъ него ждетъ—тогда „немощи боговъ“, Götternot, наступилъ бы конецъ, тогда надъ обломками копья и его застывшимъ договоромъ засіяло бы солнце чистой, безпредѣльной власти, власти меча.

Но и этой мечтѣ препятствуетъ договоръ. Какъ нѣкогда подъ сѣнью его рунъ роковое кольцо перешло къ врагамъ, такъ теперь, опираясь на него, божественная супруга Вотана заключаетъ въ предѣлы закона его рвущуюся на волю мысль:

Я коснулся перстня врага,
Жадно я злато сжималъ!
Отъ проклятья бѣжалъ я—
Меня ловитъ оно.
Я покинуть любимаго долженъ,
Желаннаго долженъ сгубить,
Предать коварно,
Кто вѣритъ мнѣ! (Съ отчаяніемъ.)
Прости же во вѣкъ,

Гордый восторгъ!
Божественной нѣги
Спесивый позоръ!
Мое творенье
Въ прахъ распадись!
Усталъ созидать я!
Одна ты мнѣ мила,
Погибель!
Погибель! (Задумчиво.)
Ахъ! А съ погибелью
Альберихъ ждетъ!
Теперь я понялъ
Нѣмую мысль
Слова вѣщаго Валы:
„Когда мрачный врагъ любви
„Въ гнѣвѣ сына родитъ,—
„Блаженныхъ погибель
„Грянетъ вслѣдъ“:
О Ниблунгѣ странной
Вѣсти я внялъ:
Жены отвѣдалъ уродъ,
Любовь за злато купилъ.
Такъ злобы плодъ
Лелѣетъ она
И зависти мощь
Во чревѣ ростить.
Исполнилось чудо
Отверженцу ласки!
А мнѣ любовная нѣга
Свободнаго дать не смогла! (Бѣшено.)
Прими же привѣтъ мой,
Нибпунга сынъ!
Постылую ношу
Тебѣ я дарю:
Боговъ безсущный блескъ
Пусть зависть гложетъ твоя!

Такъ-то и Чернобогъ послѣдовалъ примѣру своего свѣтлаго противника: тамъ на Рейнѣ, въ замкѣ могучаго Гибиха, рядомъ съ его собственными дѣтьми растетъ плодъ жадности его жены и ненависти ея соблазнителя—Гагенъ, мрачный сынъ Нибелунга. Мало-по-малу въ его рукахъ соединяются нити событій. Свѣтлый Зигфридъ убилъ змѣя и добылъ кольцо; но, добывъ его, онъ его безпечно подарилъ своей вѣщей невѣстѣ, имъ же освобожденной валькиріи Брингильдѣ. Теперь онъ вторично за нимъ ѣдетъ: обольщенный чарами Гагена, онъ забылъ о невѣстѣ и влюбился въ сводную сестру сына Нибелунга, а прежнюю, забытую невѣсту онъ хочетъ добыть для его своднаго брата, Гунтера. Еще нѣсколько часовъ—и роковое кольцо сверкнетъ въ непосредствен-

ной близости съ сыномъ того, кто имъ нѣкогда владѣлъ. Въ эту ночь Альберихъ во снѣ является своему сыну, чтобы напомнить ему о подвигѣ, для котораго онъ его создалъ:

АЛЬБЕРИХЪ.

Спишь ты, Гагенъ, мой сынъ?
Ты спишь, не внемлешь ты мнѣ,
Отверженцу сна и покоя?

ГАГЕНЪ.

Я внемлю злобному богу;
Что скажешь сну моему ты?

АЛЬБЕРИХЪ.

Чтобы вспомнилъ о силѣ,
Что̀ тебѣ служитъ,
Если такъ храбръ ты,
Какъ мать мнѣ тебя родила!

ГАГЕНЪ.

Пусть отъ матери храбръ я—
Не добромъ помянута будетъ,
Что ковнямъ твоимъ отдалась.
Въ юности старъ и блѣденъ
Радость отвергъ я,
Не смѣюсь никогда.

АЛЬБЕРИХЪ.

Гагенъ, мой сынъ,
Радость отвергни!
Меня, что̀ горемъ
Взысканъ безъ мѣры,
Ты любишь, какъ долженъ любить!

Да, вѣрность сына обезпечена отцу. Тѣснѣе и тѣснѣе стягивается сѣть коварства надъ головою беззаботнаго сына радости, свѣтлаго Зигфрида; вотъ онъ уже палъ жертвой ревности той, которая его полюбила болѣе всего на свѣтѣ. Но тщетно старается Гагенъ добыть его наслѣдіе, кольцо Нибелунга: его беретъ прозрѣвшая Брингильда и, взявъ, бросаетъ обратно въ Рейнъ. Прыгнувшій вслѣдъ за нимъ Гагенъ тонетъ, увлеченный въ бездну подплывшими русалками, дочерьми рѣчного старца. Опять искупленное золото будетъ освѣщать своимъ сіяніемъ ихъ невинныя игры; Вальгалла же съ ея богами сгораетъ въ волнахъ пожара, поднявшагося съ костра Зигфрида.

9.

Мы взяли изъ богатой содержаніемъ миѳодрамы Вагнера только одну черту—правда, одну изъ самыхъ существенныхъ. Это—антагонизмъ между свѣтлымъ царствомъ радости и мрачнымъ царствомъ основанной на зо-

лотѣ власти. Есть ли это въ то же время антагонизмъ между радостью и золотомъ? Нѣтъ. Золото, по первоначальному своему назначенію—слуга радости, украшеніе красоты. Это—состояніе невинности человѣчества. Его роковой, гибельный смыслъ открылся тому, кто впервые понялъ, что оно—залогъ власти или, вѣрнѣе, застывшая власть. Но обратить его въ таковую можетъ лишь тотъ, кто отрекся отъ любви и сопутствующихъ ей красоты и радости. Лишь врагъ любви скуетъ себѣ кольцо, долженствующее добыть ему безмѣрную власть—вотъ тайна Нибелунга.

Мы должны были прослѣдить развитіе этой мысли у того поэта, у котораго она доросла до своихъ естественныхъ размѣровъ, чтобы понять ее у того, который ее лишь намѣтилъ. Идеи имѣютъ свои условія зарожденія и роста; кто это знаетъ, тому не покажется страннымъ, что Шекспиръ не смогъ дать полное развитіе той идеѣ, которую смутно чуяла его душа, и что далъ ей его Вагнеръ, ничуть не завися въ этомъ отъ Шекспира. И подобно тому, какъ мы лучше поймемъ почку розы, изучивъ ея распустившійся цвѣтокъ, такъ точно мы только теперь, когда передъ нашими глазами прошла трагедія Вотана и Нибелунга, можемъ разобраться въ зародышевыхъ исканіяхъ Шекспира—въ его „Венеціанскомъ купцѣ“.

А теперь вернемся окончательно къ этому послѣднему.

Мы выше постарались дать отвѣтъ на вопросъ о причинѣ трагической грусти Антоніо; теперь мы можемъ дать ей и имя. Это—та же „немощь боговъ“, Götternot. Какъ Вотанъ не можетъ наслаждаться безпечнымъ блаженствомъ живущихъ подъ его сѣнью боговъ, хозяевъ счастливой Вальгаллы, такъ и Антоніо перестало быть доступнымъ счастье его беззаботныхъ друзей, мирно веселящихся подъ властью прекрасной царицы морей, Венеціи. Обоимъ страшный призракъ отравляетъ радость. Вотанъ не можетъ забыть угрожающихъ словъ, крикнутыхъ ему нѣкогда, въ предвкушеніи близкаго торжества, его злобнымъ врагомъ:

Страшись!
Страшись моей рати ночной,
Когда изъ безмолвныхъ нѣдръ
Взойдетъ мое злато на свѣтъ!

Не можетъ и Антоніо забыть заклятаго врага радостной и любящей Венеціи—Шейлока.

Имъ должны мы заняться теперь—и для этого опять-таки предварительно очистить почву отъ того тумана, который на него навелъ своими тенденціозными объясненіями Гейне.

Извиняюсь, что удѣляю столько мѣста критикѣ критики знаменитаго поэта; всетаки не думаю, чтобы этотъ мой трудъ былъ излишнимъ. Передо мной прекрасное иллюстрированое изданіе русскаго Шекспира

подъ редакціей С. А. Венгерова; здѣсь введеніе къ „Венеціанскому купцу“ написано моимъ дорогимъ коллегой, нынѣ покойнымъ Л. Ю. Шепелевичемъ. И вотъ Шепелевичъ во всемъ слѣдуетъ Гейне, на все смотритъ его глазами—вмѣстѣ съ нимъ онъ уничтожаетъ возрожденское общество, вмѣстѣ съ нимъ возвышаетъ Шейлока, ставя его на пьедесталъ, отъ котораго онъ самъ бы навѣрное отказался.

Съ Шейлока начинаетъ Гейне свою характеристику „Когда я смотрѣлъ на представленіе этой драмы въ театрѣ Друри-Ленъ, за мной въ ложѣ стояла прекрасная блѣдная британка, которая къ концу четвертаго акта сильно плакала и много разъ повторяла: The poor man is wronged („бѣднягу обидѣли“)! Это было лицо съ благороднѣйшими греческими чертами, у нея были большіе черные глаза. Я никогда не могъ ихъ забыть, этихъ большихъ черныхъ глазъ, проливавшихъ слезы о Шейлокѣ“.

Повидимому Гейне придаетъ большое значеніе тому, что почитательница Шейлока была красавицей съ большими черными глазами; но этимъ самымъ онъ даетъ намъ право критиковать свое отношеніе къ ней. И вотъ мнѣ думается, что онъ поступилъ совсѣмъ нехорошо. Ему слѣдовало доказать ей, что она невнимательно прислушивалась къ разговорамъ дѣйствующихъ лицъ, если ей показалось, что Шейлокъ такъ уже черезчуръ обиженъ. Дѣйствительно, до приговора Порціи, спасительнаго для Антоніо, не можетъ быть и рѣчи объ обидѣ Шейлока: ему нѣсколько разъ предлагали многократное возмѣщеніе суммы, которую у него взяли въ долгъ, и онъ отъ нея отказался, всему предпочитая свою месть;—не ему теперь сѣтовать, что ему отказываютъ въ томъ, отъ чего онъ такъ упорно отказывался самъ. Но вотъ вторая часть приговора: ему объявляется, что за покушеніе на жизнь гражданина Венеціи

часть его имѣнья
Идетъ тому, кому онъ угрожалъ
Погибелью; другую-жъ половину
Беретъ казна республики. А жизнь
Виновнаго отъ милосердья дожа
Зависитъ вся.

Да, это дѣйствительно жестоко; но вѣдь до этого дѣло и не доходитъ. Дожъ сразу отпускаетъ ему не только жизнь, но и половину его состоянія, довольствуясь штрафомъ; что же касается Антоніо, то вотъ его слова:

Коли хотятъ свѣтлѣйшій дожъ и судъ
Не брать съ него законной половины
Имущества его—согласенъ я
Съ тѣмъ, чтобы мнѣ другую половину
Онъ далъ взаймы, съ условьемъ возвратить

Ее, когда онъ кончитъ жизнь, синьору,
Который дочь похитилъ у него.

Онъ отлично зналъ, что Шейлокъ свою бѣглую дочь лишитъ наслѣдства; желая по мѣрѣ своихъ силъ спасти его для нея, онъ соглашается оставить его у себя до смерти собственника, но лишь какъ взятую въ долгъ сумму. Итакъ, до конца своей жизни Шейлокъ сохраняетъ все свое состояніе, владѣя одной половиной на правахъ собственника и получая проценты съ другой. Вотъ и вся обида—какъ видно, не Богъ вѣсть какая.

Правда, Антоніо ставитъ одно условіе, которое для нашихъ ушей, дѣйствительно, звучитъ непріятно:

чтобы сейчасъ
Крестился онъ.

Но именно только для нашихъ. Мы говоримъ вмѣстѣ съ А. олстымъ:

Не влѣзешь силой въ совѣсть никому,
И никого не вгонишь въ рай дубиной.

И слава Богу, что мы до этого дошли... или, вѣрнѣе, стыдъ и срамъ тѣмъ среди насъ, которые все еще до этого не дошли. Но есть же и нѣчто, называемое исторической перспективой; Антоніо безусловно былъ увѣренъ, что, дѣлая Шейлока христіаниномъ, онъ оказываетъ ему этимъ величайшее благодѣяніе—и я сильно подозрѣваю, что Шекспиръ это его мнѣніе раздѣлялъ.

Нѣтъ, радостная Венеція и тутъ не уронила своего достоинства: не настаивая на своемъ векселѣ, она беззаботно выпустила изъ рукъ своего врага. Но это вопросъ побочный; главный—что такое Шейлокъ по мнѣнію Шекспира?

Послушаемъ опять Гейне. „Геній Шекспира возвышается надъ мелочными дрязгами двухъ вѣроисповѣдныхъ партій, и его драма собственно не показываетъ намъ ни евреевъ, ни христіанъ, а угнетателей и угнетенныхъ и бѣшено-страдальческое ликованіе этихъ послѣднихъ, когда они съ лихвой могутъ заплатить своимъ надменнымъ мучителямъ за испытанныя отъ нихъ обиды". Я понимаю, что это объясненіе могло понравиться въ Германіи въ реакціонную эпоху; но я не нахожу, чтобы въ немъ была хоть малѣйшая доля истины. Это Шейлокъ-то угнетенный? Угнетенный въ Венеціи? Посмотримъ.

По истеченіи срока Антоніо заключили въ тюрьму: онъ выпрашиваетъ себѣ возможность поговорить съ Шейлокомъ. Тотъ набрасывается на тюремщика:

Дивлюсь тебѣ, дрянной тюремщикъ—ты
Ужъ черезчуръ мягкосердеченъ: только
Попроситъ онъ—сейчасъ же изъ тюрьмы
Выходишь съ нимъ (д. III, сц. III).

Да что тюремщикъ!

Онъ (Шейлокъ) день и ночь не отстаетъ отъ дожа:
Онъ говоритъ, что отказать ему
Въ рѣшеніи правдивомъ—значитъ явно
Свободу государства оскорбить.

Джессика бѣжала. Что дѣлаетъ Шейлокъ? Это намъ скажетъ Соланіо (д. II, сц. VIII):

Мерзавецъ-жидъ съ постели поднялъ дожа
Стенаньями и криками—и дожъ
Отправился съ нимъ вмѣстѣ осмотрѣть
Корабль Бассаніо—

чтобы убѣдиться, не съ нимъ ли вмѣстѣ уѣхали Лоренцо и Джессика.

Положительно, кажется, что самъ глава республики на побѣгушкахъ у Шейлока. И этого-то Шейлока Гейне считаетъ угнетеннымъ!

Нѣтъ, разумѣется, дѣло не въ этомъ. И вовсе не своего угнетателя видѣлъ и ненавидѣлъ Шейлокъ въ Антоніо. Правда, въ лицо ему онъ жалуется на презрительное съ нимъ обращеніе венеціанскаго патриція, но именно только въ лицо, когда онъ кривитъ душою, чтобы заманить его въ свою ловушку. Про себя же и другимъ онъ говоритъ совершенно иное—и нечего доказывать, что тамъ-то онъ и высказываетъ истинное мнѣніе своей души. Итакъ, за что же ненавидитъ Шейлокъ Антоніо?

Онъ говоритъ намъ это въ первой же сценѣ, въ которой встрѣчается съ Антоніо; поэтъ такъ дорожилъ этой мотивировкой, что сдѣлалъ намъ ее извѣстной путемъ довольно недраматичнаго монолога, который Шейлокъ произноситъ „въ сторону“ при приближеніи своего противника.

Шейлокъ (въ сторону).
Его за то такъ ненавижу я,
Что онъ христіанинъ—

Ну, этимъ грѣхомъ была грѣшна вся Венеція; послушаемъ дальше:

Но вдвое больше
Еще за то, что въ гнусной простотѣ
Взаймы даетъ онъ деньги безъ процентовъ
И роста курсъ сбиваетъ между нами
Въ Венеціи.

Въ этомъ дѣйствительно вся суть. Оттого-то въ дѣловомъ своемъ разговорѣ съ Антоніо онъ ссылается на примѣръ библейскаго Іакова, чтобы оправдать свой проклятый псалмопѣвцемъ промыселъ. Оттого-то онъ при первомъ извѣстіи о постигшемъ Антоніо несчастіи ликуетъ: „Онъ всегда давалъ взаймы деньги за христіанскую любезность—пусть же не забудетъ своего векселя“ (д. III, сц. VII). Оттого-то онъ Тубалу въ той же сценѣ говоритъ: „Если Антоніо просрочитъ, я вырѣжу у него сердце.

Не будетъ его въ Венеціи—никто не станетъ мѣшать моей торговлѣ". Оттого-то онъ при встрѣчѣ съ Антоніо-узникомъ говоритъ тюремщику (д. III, сц. III):

Смотри за нимъ, тюремщикъ. О пощадѣ
И слушать я не стану. Это вотъ
Тотъ дуралей, что деньги безъ процентовъ
Даетъ взаймы. Смотри за нимъ, тюремщикъ.

Достаточно ли ясно далъ намъ поэтъ понять, въ чемъ истинная причина непримиримой вражды Шейлока къ Антоніо?

10.

И конечно, столь ясно выраженная и подчеркнутая поэтомъ мотивировка не смогла бы остаться тайной для его критика, если бы не одно соображеніе, о которомъ мы, правда, можемъ только догадываться. Повидимому, идея кровавой ненависти, вызванной безпроцентными ссудами, показалась слишкомъ мелочной и прозаической; куда благороднѣе было превратить Шейлока изъ озлобленнаго конкурента въ угнетеннаго, мстителя за обиды свои и заодно всѣхъ угнетенныхъ всего міра.

Благороднѣе, пожалуй. Но все же я понимаю, что Шекспиръ заранѣе поблагодарилъ своихъ будущихъ критиковъ за такое благородство. Онъ врядъ ли былъ склоненъ отдать за тривіальный и избитый мотивъ мести угнетеннаго ту поразительно вѣрную и поразительно глубокую идею, которая лежитъ въ основаніи его драмы.

Я еще и еще разъ прошу припомнить весь смыслъ шекспировской Венеціи—или, что одно и то же, Венеціи Тиціана, Паоло, Пальмы, Тинторетто, Бонифаціо, этой симфоніи цвѣтовъ, этого моря блеска и радости. Здѣсь раньше, чѣмъ гдѣ-либо, теплая сѣнь законности пріютила измученное человѣчество; здѣсь, подъ этой теплой сѣнью, роскошнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, расцвѣла радость жизни. Гости со сказочнаго востока—они не только доставляли богатую прибыль „царственнымъ купцамъ"; они въ такой же мѣрѣ тѣшили взоръ и окрыляли фантазію, заставляя ее въ окружающей средѣ осуществлять чаянную сказку заморскихъ странъ. Гдѣ карнавалъ былъ веселѣе, роскошнѣе, безумнѣе, чѣмъ въ Венеціи шестнадцатаго вѣка? Этотъ Canal Grande, широкой тесьмой извивающійся между обѣими половинами чудеснаго города,—чѣмъ былъ онъ, какъ не священной дорогой радости? Эти нарядные дворцы, всѣмъ своимъ фасадомъ выходящіе на эту влажную дорогу,—для чего они выстроились, какъ не для того, чтобы принять и возвратить привѣтъ радости? У ихъ дверей разноцвѣтные столбы—сюда къ вечеру будутъ привязаны гондолы, привезшія своихъ господъ на одинъ изъ шумныхъ праздниковъ царицы морей. Тогда каналъ озарится огнями, тогда ликующей музыкѣ

въ золоченыхъ залахъ отвѣтятъ пѣсни—пѣсни радостной, ликующей любви. А тамъ умолкнутъ звуки праздника, луна взойдетъ надъ сонной лагуной, и опустѣетъ серебряная тесьма; лишь изрѣдка въ извилинахъ канальчика замечтавшійся гондольеръ затянетъ свою пѣсенку:

O Venezia benedetta!

И такъ до утра, пока не раздастся задумчиво-радостный благовѣстъ св. Марка, не начнется новая работа въ предвкушеніи новыхъ праздниковъ, новой радости и любви.

И въ этой Венеціи вдругъ—Шейлокъ. Что ему Венеція, и что онъ ей? Не онъ въ узорчатой лоджіи будетъ привѣтствовать подъѣзжающія гондолы и благодарить за звонкую дань радости изъ устъ наряженныхъ пѣвцовъ; не его обласкаетъ своимъ взоромъ въ церкви S. M. Formosa св. Варвара, вѣнчанная красавица рая; не для него гудятъ въ поднебесной высотѣ колокола св. Марка. Что ему Венеція, и что онъ ей? Онъ чувствуетъ себя отверженнымъ этой радостью, которой пропитана вся атмосфера Венеціи, и притомъ отверженнымъ навсегда. „Я готовъ продавать съ вами, покупать съ вами, разговаривать съ вами, прогуливаться съ вами и такъ далѣе; но я не стану ни ѣсть съ вами, ни пить съ вами, ни молиться съ вами“, такъ отвѣчаетъ онъ, когда его приглашаютъ на одинъ изъ венеціанскихъ праздниковъ. Но если такъ, то къ чему жить? Къ чему покупать и торговать, когда все равно не купишь радости, не купишь праздника? Къ чему Шейлоку торговать въ Венеціи?—Къ тому, чтобы ее купить—и, купивъ, разрушить.

Да, твердъ и незыблемъ законъ въ Венеціи—не болѣе незыблемы и руны договора на копьѣ Вотана. Подъ охраною этого закона, исключающаго деспотизмъ и насиліе, расцвѣла венеціанская радость, выросли мраморные дворцы Большого канала. Но подъ охраною того же закона, какъ гадъ подъ лучами солнца, развивается и ростовщическій промыселъ Шейлока, совершается постепенный и неизбѣжный переходъ венеціанскаго золота въ его подвалы. И онъ знаетъ незыблемость этого закона, онъ опирается на него, какъ на гранитную скалу:

Тотъ мяса фунтъ, котораго теперь
Я требую, мнѣ очень много стоитъ;
Онъ мой, и я хочу имѣть его.
Откажете—я плюну на законы
Венеціи: въ нихъ, значитъ, силы нѣтъ.

Венеція связала себя своими законами; она не въ силахъ спасти отъ гибели своихъ сыновъ. Ты хочешь радости и ея внѣшнихъ знаковъ—убранства, пріемовъ, выходовъ, праздниковъ? На это нужно золото; золото тебѣ дастъ Шейлокъ, но ты при возвратѣ дашь ему больше. И вотъ это „больше“, все накопляясь и накопляясь, образуетъ

сотни червонцевъ, тысячи,—десятки, сотни тысячъ. И такъ изъ года въ годъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Въ подвалахъ Шейлока, въ нѣдрахъ его мрачнаго дома растетъ та золотая тяга, которая, доросши до положенныхъ размѣровъ, сдвинетъ Венецію съ ея желѣзныхъ устоевъ.

И вотъ, незримо для взора обыкновенныхъ гражданъ, сталъ блуждать по улицамъ и вдоль каналовъ Венеціи призракъ—страшный призракъ въ желтомъ плащѣ. Онъ доходилъ до вершины Ріальто, всматривался въ серебряную тесьму священной дороги радости и посылалъ ей свой глухой, неслышный для уха обыкновеннаго гражданина привѣтъ:

„Горе тебѣ, веселая рѣка, горе твоимъ украшеннымъ гондоламъ, твоимъ огнямъ и пѣснямъ! Твои огни потухнутъ, твои пѣсни умолкнутъ, и одни только грузы наживы будутъ скользить по твоимъ порабощеннымъ волнамъ. Горе вамъ, юноши и дѣвы, ловящіе шепотъ любви подъ шаловливой маской карнавала! Вы изноете подъ обузой безцѣльнаго, не увѣнчаннаго радостью труда. Горе вамъ, нарядные дворцы, вдыхающіе вѣтерокъ радости вашими открытыми узорчатыми окнами! Спадетъ позолота вашихъ залъ, не слышно будетъ въ нихъ шумнаго говора гостей, одинъ только хриплый крикъ стяжанія будетъ оглашать конторы и склады, которые мы устроимъ подъ вашей кровлей. Горе тебѣ, святая Варвара, вѣнчанная красавица рая! Тебя сорвутъ съ алтаря твоей роскошной церкви, и мерзость запустѣнія водворится въ ея оскверненныхъ стѣнахъ. Горе вамъ, беззаботные обыватели, столь гордо вознесшіе свои головы подъ кроткой властью вашего прославленнаго закона! Мнѣ отдадите вы все, что зовете своимъ, и сохраните жизнь подъ условіемъ обѣта—ненавидѣть веселье, не смѣяться никогда. Горе тебѣ, задумчиво-радостный благовѣстъ святого Марка! Ты умрешь навѣки, спѣвъ свою послѣднюю пѣснь по послѣднемъ венеціанцѣ. Горе тебѣ, Венеція, чудо морей!

Страшись моей рати ночной,
Когда изъ безмолвныхъ нѣдръ
Взойдетъ мое злато на свѣтъ!“

11.

Никто изъ обыкновенныхъ гражданъ не видѣлъ желтаго призрака, не слышалъ его словъ; видѣвшимъ и слышавшимъ былъ одинъ только Антоніо. Онъ переросъ своей могучей головой золотую дымку, подъ которой веселились и любили его молодые друзья, сыновья благословенной Венеціи, и ему открылось то, что было тайной для остальныхъ.

Съ этого времени радость покинула его. Во всякомъ блескѣ смѣющихся глазъ, во всякомъ взрывѣ звонкаго молодого смѣха онъ видѣлъ и слышалъ работу того заступа. который рылъ могилу всему, что было

прекраснаго на землѣ. Почва любимой Венеціи колебалась подъ его поступью.

Но онъ былъ молодъ; онъ рѣшилъ принять вызовъ и бороться. Нужно было отбить грядущую власть у Чернобога, отнять у него то кольцо Нибелунга, которое онъ себѣ добылъ своимъ отреченіемъ отъ радости и любви. И вотъ корабли Антоніо уплыли въ даль—въ Индію, въ Триполи, въ Мексику; они вернулись нагруженные товарами, эти товары открыли путь золоту въ его узорчатый дворецъ на Большомъ Каналѣ. Да, золото полилось туда обильной струей, но не для того, чтобы тамъ остаться, не для того, чтобы создать дѣтей и внуковъ, именуемыхъ процентами и процентами на проценты. Это золото было для Антоніо оружіемъ въ борьбѣ съ Шейлокомъ,—а насколько эта борьба была успѣшна, объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельство врага (дѣйств. III, сц. I): „Онъ ругался надо мной, сдѣлалъ мнѣ убытка на полмилліона". Вотъ во сколько исчисляетъ ростовщикъ тѣ проценты, которые отъ него отошли благодаря великодушному вмѣшательству его противника. И вотъ на что Антоніо нужны были его деньги. Самъ онъ былъ неженатымъ, бездѣтнымъ, безъ потребностей, съ римски простой и строгой душой; онъ сталъ зодчимъ радости для другихъ. Стоило какому-нибудь Бассаніо попасть въ бѣду—тотчасъ Антоніо приходилъ ему на помощь, давалъ ему денегъ, не требуя процентовъ и не очень напоминая о капиталѣ. И если бы мы спросили другихъ—Соланіо, Саларино и пр.,—навѣрное, мы бы и ихъ нашли въ числѣ должниковъ Антоніо. Безъ него они пошли бы къ Шейлоку, заложили бы ему свое имущество, свои дворцы—Антоніо ихъ спасъ. Итакъ, веселись, беззаботная, блестящая синьорія: за тебя бодрствуетъ тотъ, кто цѣною собственной радости продлилъ твою.

Продлилъ—надолго ли?

Вѣдь въ этомъ-то и состоитъ роковой залогъ силы Шейлока, что при его оборотахъ капиталъ самъ себя умножаетъ, между тѣмъ какъ при образѣ дѣйствія Антоніо требуется постоянный притокъ извнѣ. Торговля Шейлока покоится на гранитномъ кряжѣ венеціанскихъ законовъ, между тѣмъ какъ торговля Антоніо зависитъ ото всѣхъ случайностей вѣтровъ и волнъ, которымъ ввѣрены его корабли. Онъ ищетъ обезпеченія своимъ оборотамъ въ ихъ грандіозности:

Не ввѣренъ мой товаръ
Единственному судну или мѣсту,
Не отдано имущество мое
Въ зависимость отъ нынѣшняго года.

Да, пока гибнетъ только одно судно или два, убытокъ выносимъ; но что если ихъ погибнетъ нѣсколько—если погибнутъ всѣ? Тогда Шейлокъ, подъ охраной венеціанскихъ законовъ, глубоко запуститъ

свой ножъ въ сердце своему ненавистному врагу. Не станетъ того, кто, по его словамъ, мѣшалъ его торговлѣ, и золото венеціанской знати снова, подъ охраной все тѣхъ же венеціанскихъ законовъ, будетъ безпрепятственно переходить въ подвалы злѣйшаго врага Венеціи.

А тамъ—не черезъ одно, не черезъ два поколѣнія, а позже... кто знаетъ, когда? Тамъ наступитъ время, когда накопленное въ подвалахъ золото снова взойдетъ на свѣтъ дня, чтобы превратиться въ то, символомъ чего оно было до тѣхъ поръ. Тогда только будетъ познана страшная сила безмолвнаго врага, и Венеція задохнется въ тискахъ обхватившей ее золотой цѣпи.

Понятна теперь ненависть Шейлока къ тому, кто „давалъ деньги взаймы безъ процентовъ“, кто „мѣшалъ его торговлѣ“, становясь венеціанскому золоту поперекъ дороги къ его подваламъ? Понятно, почему фунтъ мяса „поближе къ его сердцу“ былъ для него дороже, чѣмъ три тысячи, шесть тысячъ, шестьдесятъ тысячъ червонцевъ? Понятно, почему эта тема—борьба радости съ безрадостнымъ золотомъ—была для Шекспира драгоцѣннѣе, чѣмъ тривіальный въ своей неопредѣленности мотивъ борьбы угнетенныхъ съ угнетателями?

Но гдѣ же исходъ этой борьбы? Вѣдь для каждаго ясно, что образъ дѣйствія Антоніо несетъ самъ въ себѣ залогъ своей кратковременности, что поддерживаемому извнѣ капиталу Антоніо суждена гибель отъ самоувеличивающагося капитала Шейлока. Пускай теперь остроумная Порція побила Шейлока его же оружіемъ, вырвала Антоніо изъ его рукъ—что-жъ, другой разъ онъ будетъ осторожнѣе. Онъ не забудетъ выговорить себѣ, кромѣ фунта мяса, и соотвѣтственную мѣру крови; не забудетъ приписать и благоразумную клаузу римскаго права: si plus minusve secassit, se fraude esto. И тогда не только Порція, но и самъ мудрый Белларіо ничего не придумаетъ: незыблемый венеціанскій законъ смиренно отдастъ Антоніо на закланіе Шейлоку, смиренно выроетъ ту пропасть, которая поглотитъ современемъ и его вмѣстѣ съ его Венеціей.

Нѣтъ, ясно, что на этомъ пути спасенія нѣтъ. Спасительницей Венеціи будетъ не Порція, а Джессика.

12.

Правда, по отношенію къ Джессикѣ я долженъ оговориться: она еще въ значительной степени дѣвчонка, молоденькая, „едва оперившаяся“—такъ про нее говорятъ венеціанцы,—она не сразу можетъ освоиться съ этой атмосферой радости, которая охватила ее внезапно, послѣ долгаго заключенія въ мрачномъ домѣ ея отца. Атмосфера эта ее опьяняетъ. Она прокучиваетъ въ Генуѣ восемьдесятъ червонцевъ изъ тѣхъ, которые она взяла изъ подваловъ своего отца; это, разумѣется, не по-

хвально. Еще менѣе похвальна слѣдующая ея черта... Но о ней послушаемъ самого Шейлока, такъ какъ это мѣсто—единственное, гдѣ искра нѣжности вырывается изъ жесткаго сердца стараго ростовщика (дѣйств. III, сц. I):

Тубалъ. Одинъ изъ нихъ (генуэзскихъ кредиторовъ Антоніо) показалъ мнѣ кольцо, которое твоя дочь отдала ему за обезьяну.

Шейлокъ. Будь она проклята! Ты терзаешь меня, Тубалъ. Это моя бирюза. Мнѣ подарила ее Лія, когда я еще былъ холостъ. Я не отдалъ бы этого кольца за цѣлый лѣсъ обезьянъ.

Кто такая эта Лія? Очевидно, жена Шейлока—и, разумѣется, жена покойная, такъ какъ теперь хозяйкой его дома является Джессика, и онъ ей отдаетъ ключи, когда отлучается. Лія подарила Шейлоку это кольцо, когда онъ былъ еще холостъ,—другими словами, когда она была его невѣстой. Это воспоминаніе Шейлока—быстрый лучъ свѣта, озарившій его прошлую жизнь; мы желали бы, чтобы этотъ лучъ промедлилъ: жизнь Шейлока для насъ очень интересна. Передъ нами простое, но неубогое убранство зажиточнаго еврейскаго дома. Отецъ Ліи, пріискивая жениха для своей дочери, остановился на немолодомъ уже, но дѣловитомъ Шейлокѣ: этотъ человѣкъ цѣной долгаго, упорнаго труда, во всемъ себѣ отказывая, удесятерилъ скромное отцовское наслѣдіе, онъ сумѣетъ сберечь и умножить и капиталы тестя. И вотъ Шейлокъ получаетъ позволеніе навѣстить обѣщанную ему дѣвушку. Любитъ ли она его или онъ ее? Довольно того, что отецъ и женихъ пришли къ соглашенію; привычка, обиходъ сдѣлаютъ остальное. Со стыдливымъ румянцемъ на лицѣ даритъ невѣста Шейлоку залогъ себя самой—бирюзовое кольцо. Понятно, что послѣдній навѣки запомнилъ этотъ даръ: онъ сталъ для него первенцемъ среди даровъ, которыми его щедрѣе, чѣмъ кого-либо, осыпала милость Іеговы. Съ тѣхъ самыхъ поръ золото широкой струей полилось въ его ларцы: тысячи, десятки тысячъ, сотни тысячъ червонцевъ... Прибавивъ капиталы тестя къ своимъ, онъ получилъ возможность дѣлать грандіозные обороты. Обильнѣе и обильнѣе богатства веселой Венеціи стали скопляться въ его подвалахъ; онъ нажилъ бы цѣлый милліонъ—кабы не Антоніо.

Нѣтъ, положительно, я не оправдываю Джессики: спустить кольцо Шейлока за обезьяну! И у Зигфрида было въ рукахъ кольцо Нибелунга, которое онъ тоже едва не подарилъ легкомысленно на опушкѣ лѣса, любуясь на шаловливыхъ дочерей Рейна. Но все же не за обезьяну!

Мы забѣжали впередъ; хотѣлось бы представить себѣ понагляднѣе свадьбу Шейлока. Свадьба Шейлока! Какъ-то трудно связать другъ съ другомъ эти два представленія; но, конечно, она должна была быть отпразднована и, конечно, просто и строго, безъ всякой роскоши и убран-

ства. Не на разукрашенной гондолѣ привезли Шейлоку его невѣсту, не гремѣла музыка надъ колышущими волнами Большого Канала: къ веселью христіанъ строгій домъ Ліи питалъ такое же отвращеніе, какъ и Шейлокъ... Нѣтъ, мы ошиблись: были и гондолы, и музыка, и пѣсни на Большомъ Каналѣ, только онѣ были не для Шейлока, а для одного изъ его нынѣшнихъ недруговъ и будущихъ жертвъ, справлявшаго какой-то свой праздникъ, одинъ изъ безчисленныхъ венеціанскихъ праздниковъ. Не мало труда стоило черной гондолѣ, везшей Лію, пробраться черезъ пестрые ряды украшенныхъ цвѣтами гондолъ, подъ градомъ плоскихъ остротъ, напутствующихъ „жидовку" и ея свадьбу. И тщетно старались молодые, когда они остались одни, завѣситься отъ потѣшныхъ огней, схорониться отъ гремящей подъ ихъ окнами музыки. Всю ночь напролетъ гремѣла эта музыка, всю ночь слышались ликующіе звуки венеціанской пѣсни:

O Venezia benedetta!

Эти звуки проникали во всѣ скважины, во всѣ щели; никакіе ставни, никакія подушки не могли отъ нихъ уберечь: они ловили слухъ, завораживали сердце, подчиняли волю. Лія не могла защищаться. Таинство свершилось—неизбѣжное, непонятное: двѣ крѣпкія нити строго-еврейскихъ традицій, сплетенныя между собой, были разсѣчены шаловливыми звуками венеціанской пѣсни.

Такъ въ еврейской семьѣ была зачата венеціанка—Джессика.

13.

Разумѣется, все это фантазія, но по крайней мѣрѣ фантазія въ духѣ поэта и его поэмы.

Можно ли сказать то же самое о фантазіи, которой Гейне заключилъ свои очерки о „Венеціанскомъ купцѣ"? Онъ переносится духомъ въ венеціанскую синагогу; тамъ онъ слышитъ раздирающій плачъ. „И этотъ голосъ мнѣ показался знакомымъ; мнѣ показалось, будто я его уже разъ слышалъ, когда онъ также раздирающе стоналъ: „Джессика, дитя мое!"

„Джессика, дитя мое"... У Шекспира этихъ словъ нѣтъ, но я охотно вѣрю, что Гейне ихъ слышалъ,—быть можетъ, въ томъ же Друри-Ленскомъ театрѣ, гдѣ британка о черныхъ глазахъ проливала слезы о причиненной Шейлоку обидѣ. Я ихъ тоже слышалъ. Дѣло въ томъ, что сцена побѣга Джессики по актерской традиціи—не знаю, насколько древней,—представляется слѣдующимъ образомъ.

Шейлокъ, приглашенный на ужинъ къ Бассаніо, прощается съ Джессикой, оставляя въ ея рукахъ ключи. Ему не хочется уходить, его мучитъ дурное предчувствіе. Присутствующій Ланселотъ, посланецъ Бас-

саніо, настаиваетъ на приглашеніи и мимоходомъ сообщаетъ, что предполагается маскарадъ. Эта перспектива окончательно выводитъ Шейлока изъ себя:

Какъ, маскарадъ? Ну, Джессика, послушай,
Что я скажу: всѣ двери ты запри,
И если стукъ услышишь барабана
Иль мерзкій пискъ искривленной трубы—
Не смѣй взлѣзать на окна и не суйся
На улицу, чтобъ милыхъ христіанъ
Съ раскрашенными рожами увидѣть.
Нѣтъ, уши ты въ моемъ дому заткни,—
Я разумѣю окна: пусть въ жилище
Почтенное шумъ глупой суеты
Не проскользнетъ.

Давъ дочери этотъ строгій наказъ и обмѣнявшись нѣсколькими словами съ ней и съ Ланселотомъ, онъ уходитъ, сопровождаемый этимъ послѣднимъ. Джессика удаляется въ домъ. Вскорѣ затѣмъ слышится веселая музыка, сначала издали, затѣмъ все ближе и ближе; появляются огни, маски; онѣ пляшутъ, кувыркаются. Вотъ приходятъ приглашенные Лоренцо друзья, Саларино и Граціано, съ факелоносцами. Наконецъ, Лоренцо. Музыка въ полномъ разгарѣ. По зову Лоренцо въ окнѣ дома появляется Джессика. Узнавъ Лоренцо—

Лоренцо—это такъ;
Моя любовь—дѣйствительно: на свѣтѣ
Я никого такъ сильно не люблю;

она бросаетъ ему ящикъ съ червонцами, затѣмъ идетъ въ подвалъ за другими, и, наконецъ, въ костюмѣ мальчика, выходитъ изъ дому. Музыка попрежнему гремитъ. Лоренцо торопитъ свою милую: идемъ, насъ ждутъ. Они уходятъ, вслѣдъ за ними и остальные съ огнями. Музыка удаляется; ее слышно все меньше и меньше; наконецъ, она умолкаетъ совсѣмъ. Нѣкоторое время на сценѣ полное безмолвіе и темнота. Наконецъ, появляется Шейлокъ. Онъ стучитъ; отвѣта нѣтъ. Стучитъ вторично и зоветъ Джессику—все молчитъ. Онъ толкаетъ дверь—она отворяется сама. Въ крайнемъ волненіи онъ бросается въ домъ, бѣжитъ вверхъ, мы слышимъ отчаянные крики: „Джессика, Джессика!“, слышимъ какой-то грохотъ, паденіе чего-то тяжелаго; затѣмъ у дверей вновь появляется Шейлокъ, шатается, падаетъ у порога своего дома: „Джессика, дитя мое!“ Занавѣсъ опускается.

Я ничуть не оспариваю драматической эфектности этой постановки и вполнѣ понимаю, что актеры ею дорожатъ; мало того: я готовъ согласиться, что на эту тему: „Джессика, дитя мое!“ можно написать трагедію не менѣе сильную и не менѣе правдивую, чѣмъ наша; но фактъ тотъ, что всей сцены вторичнаго появленія Шейлока у Шекспира нѣтъ.

Прибавлю: и не могло быть. Почему не могло? Потому что это „Джессика, дитя мое!“ изъ устъ разбитаго горемъ старика-отца было бы осужденіемъ всего побѣга съ его веселой музыкой. А этого осужденія Шекспиръ не хотѣлъ; не хотѣлъ потому, что онъ этому побѣгу сочувствовалъ.

Нѣтъ, Джессику уноситъ вихрь венеціанской пѣсни и ея радости; она исполняетъ то, для чего была создана. А чтобы мы ей вполнѣ сочувствовали, чтобы наша радость не омрачалась мыслью о покинутомъ ею отцѣ, для этого намъ нѣсколько позднѣе приводятся возгласы этого отца, его подлинные возгласы, съ которыми онъ преслѣдовалъ свою далекую дочь. Что это были за возгласы? „Джессика, дитя мое“? Ничуть не бывало:

По улицамъ неистово вопилъ онъ:
О дочь моя! Червовцы! Дочь моя!
Ушла съ христіаниномъ! О, червонцы,
У христіанъ добытые! Законъ,
Правдивый судъ, отдайте мнѣ червонцы
И дочь мою!

А кому этихъ возгласовъ мало, тотъ пусть вникнетъ въ смыслъ страшныхъ словъ, которыя онъ говоритъ Тубалу: „я хотѣлъ бы, чтобы моя дочь лежала мертвою у моихъ ногъ съ драгоцѣнными камнями въ ушахъ; хотѣлъ бы, чтобы она была похоронена у моихъ ногъ, и чтобы червонцы лежали въ ея гробѣ“.

Нѣтъ, напрасны старанія Гейне увѣрить насъ, что Шейлокъ любилъ свою дочь больше своихъ червонцевъ. Онъ думалъ сдѣлать намъ Шейлока симпатичнымъ этой чертой—на самомъ дѣлѣ онъ ею только испортилъ удивительно цѣльный въ своемъ мрачномъ величіи образъ Чернобога. Шейлокъ никого и ничего на свѣтѣ не любитъ больше своихъ червонцевъ; они у него на первомъ планѣ, дочь и прочее на второмъ. И такъ быть должно. Не забудемъ, что для Шейлока червонцы—залогъ будущаго могущества его рода, залогъ его власти надъ этой ненавистной Венеціей съ ея радостью, любовью и—суетой. Дочь—да, конечно, и ей принадлежала роль въ его жизненной драмѣ. Она была его наслѣдницей и, стало быть, носительницей его богатствъ. Онъ уже station-іищетъ для нея жениха — быть можетъ, этого самаго Тубала, котораго онъ посылаетъ искать ее. Онъ выдастъ за него Джессику, такъ же, какъ нѣкогда его покойный тесть выдалъ Лію за него — по строгому расчету, по старому обряду. Такъ, черезъ Джессику, его капиталы соединятся съ капиталами Тубала. Дѣла пойдутъ еще быстрѣе, и уже не вырваться Венеціи изъ золотой пучины этихъ соединенныхъ двухъ потоковъ. Какъ таковую онъ, дѣйствительно, любилъ свою дочь—какъ послушную исполнительницу его великихъ, мрачныхъ замысловъ.

И какъ Чернобогъ-Альберихъ твердилъ своему сыну, чтобы онъ ненавидѣлъ радостныхъ, чтобы не радовался никогда:

Hasse die Frohen,
Freue dich nie!

такъ и Шейлокъ твердилъ Джессикѣ, чтобы она не смѣла приближаться къ окну, когда появятся ряженые венеціанцы, чтобы она заперла уши его почтеннаго жилища отъ шума глупой суеты.

14.

Глупой суеты... А между тѣмъ, къ ней, къ этой глупой суетѣ и тянуло бѣдную Джессику всю ея жизнь. Почему у дочери Шейлока такая странная черта? Какъ знать! Видно въ минуту ея рожденія возрожденская Радость витала надъ Венеціей; она коснулась своими устами новорожденной и сказала ей: „ты будешь венеціанкой“.

Этотъ типъ „дочери еврея“ не единичный. Мнѣ вспоминается старинная нѣмецкая пѣсенка—сообщена у Эрка въ его Liederhort (№ 98)—приблизительно того же времени. „То была гордая еврейка, восхитительная женщина; у нея была красавица-дочка: ея волосы были гладко заплетены, къ пляскѣ была она готова“.

Es war eine stolze Jüdin,
Ein wunderschönes Weib.
Die hatt' eine schöne Tochter:
Ihr Haar war glatt geflochten,
Zum Tanz war sie bereit.

Объ этой пляскѣ строгая мать и слышать не хочетъ; пѣсня влагаетъ ей въ уста наивный отвѣтъ: „это было бы позоромъ на всю еврейскую землю, если бы ты пошла плясать“.

Es wär ja eine Schande
Für's ganze jüdische Lande,
Wenn du zum Tanz wolltst gehn.

Тотъ же конфликтъ, что и тамъ: молодую, прекрасную дѣвушку неотразимо тянетъ къ тому, что ей строго запрещаетъ законъ родительскаго дома, — къ „пляскѣ“, къ суетѣ, къ радости. И такъ же какъ и тамъ стремленіе къ радости отдаетъ дѣвушку-еврейку во власть жениха-христіанина. „Тебѣ слѣдуетъ креститься; наречена будешь Сусанной и станешь милой моей“.

Du musst dich lassen täufen:
Susanne sollst du heissen,
Mein Eigen sollst du sein.

Да, въ этомъ существенная разница между „кольцомъ Нибелунга“ и „Венеціанскимъ купцомъ“. Тамъ сынъ Чернобога соблюлъ вѣрность

до конца, отъ его руки погибъ намѣченный рокомъ спаситель царства боговъ, и въ пламени костра убитаго сгорѣла Вальгалла. Здѣсь въ самомъ домѣ Чернобога зародилось сѣмя протеста противъ него; вскормленное теплыми лучами возрожденской радости, оно выросло и, выросши, спасло Венецію.

Интересно видѣть, какъ постепенно оскудѣваетъ царство Чернобога. Веселый шутъ Ланселотъ — первый примѣръ. Онъ служитъ Шейлоку, ему старый ростовщикъ поручаетъ охрану своего дома въ свое отсутствіе. Живется ему хорошо въ богатомъ домѣ—сытъ, одѣтъ, обутъ; и все же его тянетъ оттуда, тянетъ къ бѣдному дворянину Бассаніо. Почему? Потому что тамъ — радость. Правильно раздѣляетъ онъ между своими старымъ и новымъ хозяиномъ англійскую пословицу. У одного— Божья благодать, у другого — довольно. Побѣгъ Ланселота — прелюдія къ побѣгу Джессики; адъ ея родительскаго дома сталъ еще мрачнѣе послѣ того, какъ его оставилъ этотъ единственный „веселый бѣсъ".

Сильнѣй и сильнѣе жгутъ лучи радости — за Ланселотомъ бѣжитъ и Джессика. Правда, ея побѣгъ—только первый шагъ къ ея обращенію. Мы видѣли вѣдь: она еще дѣвчонка, ее опьяняетъ та атмосфера радости, въ которую она окунулась такъ внезапно послѣ долгаго прозябанія въ безотрадномъ мракѣ отцовскаго дома. Вначалѣ она — точно вырвавшійся на свободу рабъ, которому хочется уничтожить слѣды своихъ цѣпей. Но именно только вначалѣ. Послѣ безумной ночи въ Генуѣ молодая чета возвращается въ землю св. Марка. Случай ихъ сводитъ съ Бассаніо и Порціей въ Бельмонтѣ. Здѣсь, въ обществѣ этой истой венеціанки и дочери Возрожденія, Джессика сбрасываетъ остатки своего рабства; въ Порціи она видитъ свой образецъ. Безъ сомнѣнія, она дорастетъ до него; за это намъ порукой ея чудная, игриво-мечтательная бесѣда съ Лоренцо „въ такую ночь".

15.

И что бы ни случилось отнынѣ — за Венецію намъ не страшно. Прочно стоитъ наше счастье тамъ, гдѣ мы связали силу нашего врага; еще прочнѣе тамъ, гдѣ мы заворожили его волю. Въ лицѣ Джессики воля Чернобога признала себя побѣжденной блескомъ и красотой его враговъ и перешла, ликуя, въ ихъ станъ. Вальгалла погибла, потому что не смогла внушить любви къ себѣ отпрыску своего заклятаго супостата; Венеціи это удалось, и она была спасена.

Вальгалла, Венеція... Теперь для всѣхъ ясно, что это лишь символы, и если кто раньше могъ сомнѣваться въ правильности моего замѣчанія въ началѣ этой статьи, что для насъ и еврейство Шейлока—такой же символъ, какъ и его желтый плащъ,—тотъ теперь, надѣюсь,

возьметъ свои сомнѣнія обратно. Вѣдь не былъ же евреемъ Альберихъ—Чернобогъ Вальгаллы.

Вальгалла, Венеція... не попытаться ли намъ отбросить эти символы и высказать ясными словами то ученіе, которое въ нихъ заключено? Конечно, оговорка необходима: символъ—не то же, что аллегорія, онъ всегда гораздо богаче того отвлеченнаго содержанія, которое мы изъ него извлекаемъ. Это слѣдуетъ помнить: мы не должны и помышлять о томъ, чтобы отвлеченное разсужденіе могло исчерпать содержаніе такой богатой драмы, какъ наша. Но внутри оговоренной области наша попытка будетъ дозволенной и законной.

Назовемъ же его собственнымъ именемъ то начало, ту идею, символомъ которой была для насъ возрожденская Венеція Шекспира, какъ живая носительница радости, красоты и любви. Въ этомъ имени не можетъ быть колебанія, разъ мы правильно назвали эту Венецію—возрожденской: она вѣдь была возрожденіемъ античнаго *эллинизма*.

Въ эллинизмѣ впервые предстала передъ человѣчествомъ, связаннымъ имъ же скованными узами, упоительная троица—радость, красота и любовь, какъ высшая цѣнность жизни. Предстала для чего? Для того ли, чтобы погибнуть подъ натискомъ его враговъ? Враговъ было много—и на западѣ, и на востокѣ, и на сѣверѣ.

Первымъ проснулся врагъ на западѣ. Пока въ беззаботной Элладѣ жизнерадостная рыцарская знать VII и VI вв. добывала трофеи радости въ Олимпіи и Дельфахъ, пока въ V вѣкѣ рѣзецъ Фидія осуществлялъ на землѣ идеалъ жизненной красоты, пока въ IV вѣкѣ величайшій поэтъ Платонъ посвящалъ своихъ учениковъ въ таинства истинной, зиждительной любви—тамъ далеко на западѣ расчетливый Римъ въ своихъ дымныхъ атріяхъ, камень за камнемъ, строилъ зданіе своей мрачной власти надъ міромъ, постепенно расширяя свою державу, присоединяя къ ней послѣдовательно Лаціумъ, Самнитскія горы, равнину Тарента, Сицилію. Дошла очередь и до Эллады; встрѣтились на полѣ битвы два неравныхъ врага: закованные въ мѣдныя латы легіонеры и неудачливыя вольницы греческихъ городовъ. Близкой казалась гибель,—и все же она не наступила. Съ виду восторжествовалъ Римъ, на дѣлѣ же—его чарующая противница,

Побѣдившая красою
Побѣдителя въ бою.

Эти ча́ры оказались неотразимыми; ими плѣнилась Джессика въ домѣ суроваго западнаго властителя; благодаря кружку Сципіона Младшаго, Римъ пріобщился греческой культурѣ, всосалъ, претворилъ ее въ себѣ и лишь тогда сталъ властителемъ міра, когда его сыны сами согласились быть носителями идей покореннаго врага—эллинской радости, эллин-

ской красоты, эллинской любви. Радостный вѣкъ Августа завершилъ это развитіе.

Вторымъ проснулся врагъ на востокѣ—и тутъ, пожалуй, мы можемъ оставить за Шейлокомъ его племенной колоритъ. Находясь на межѣ двухъ цивилизацій и одинаково ненавидя обѣ, суровый юдаизмъ второго Іерусалима терпѣливо строилъ изгородь вокругъ своего мрачнаго закона, старательно оберегая его отъ вторженія трехъ эллинскихъ прелестницъ. Въ то же время онъ впускалъ свои шипы въ тѣло своему врагу въ видѣ общинъ своего „разсѣянія", собиралъ вокругъ этихъ общинъ все растущія и растущія кольца прозелитовъ, уча ихъ изгонять соблазнъ эллинскихъ прелестницъ, „ненавидѣть радостныхъ, не смѣяться никогда..." Близкой казалась побѣда—и все же она не наступила. Опять въ домѣ Шейлока выросла строптивая Джессика, давшая себя очаровать эллинской радости, красотѣ и любви. Міровую власть отъ юдаизма приняло христіанство, то эллинизированное христіанство, которое стало учителемъ новаго міра.

Третьимъ проснулся врагъ на сѣверѣ — дикія германскія племена, ударявшіе о римскій „рубежъ" все учащающимся и усиливающимся прибоемъ. Долго держался рубежъ; наконецъ, онъ былъ прорванъ. Неудержимымъ потокомъ хлынула варварщина на благословенныя нивы Италіи, все затопляя и опустошая на своемъ пути. На своемъ пути, да; но стоило разрушительному потоку остановиться, стоило варварамъ пристальнѣе всмотрѣться во все то, что они намѣрены были стереть съ лица земли—и опять въ ихъ средѣ нашлась впечатлительная Джессика; она отошла отъ нихъ, забыла о законахъ своихъ отцовъ и всей душой отдалась красотѣ опустошаемаго ими міра! Какъ ее звали? Не все ли равно? Теодорихъ, Альфредъ, Карлъ Великій—всѣ они, и много другихъ, были носителями ея завѣтовъ, всѣ тѣ, благодаря которымъ золото Шейлока было отдано на службу тому отраженію эллинской красоты, которое еще сіяло на землѣ.

И стоитъ ли говорить о томъ, сколько разъ это зрѣлище съ тѣхъ поръ повторялось въ исторіи новаго міра? Всѣ возрожденія, періодически очищавшія атмосферу европейской культуры,—что можемъ мы въ нихъ видѣть, какъ не ту же Джессику, оставляющую домъ своего мрачнаго отца въ поискахъ эллинской красоты, радости, любви? Правда, и Шейлоки возрождаются подъ разными именами и личинами: средневѣковая церковь, пуританизмъ разныхъ оттѣнковъ, матеріализмъ, псевдонаціонализмъ, утилитаризмъ. Но это не должно насъ смущать: до сихъ поръ не было Шейлока, который не имѣлъ бы своей Джессики.

Выводъ отсюда ясенъ. Пусть насъ страшитъ нашъ врагъ грозой своей ночной рати, пусть онъ предвкушаетъ торжество того дня, когда его сила съ безмолвныхъ нѣдръ, въ которыхъ онъ ее копитъ теперь,

взойдетъ на Божій свѣтъ — мы не будемъ съ нимъ бороться его оружіемъ. На эту борьбу у насъ силъ не хватитъ, и всякая попытка будетъ безполезной тратой времени. Нѣтъ; но мы будемъ усердно, не покладая рукъ, строить зданіе нашей радости, нашей красоты, нашей любви. Мы должны его сдѣлать такъ ослѣпительно прекраснымъ, чтобы имъ плѣнилась Джессика, плоть отъ плоти нашихъ враговъ, чтобы она стала нашей, обезпечивая этимъ и свое счастье, и прочность нашего дѣла.

Еще и еще разъ: намъ не страшно за Венецію. Ея вѣчность была обезпечена въ тотъ моментъ, когда пустота воцарилась въ мрачномъ домѣ на Ріальто, и когда тамъ, на берегу лагуны, торжественно загудѣлъ, освящая союзъ венеціанца и его благословенной бѣглянки, задумчиво-радостный благовѣстъ св. Марка.

Ѳ. Зѣлинскій.

Левъ Толстой.

Левъ Толстой—самое выдающееся явленіе русской жизни XIX столѣтія. Были художественные геніи бо́льшаго калибра: Пушкинъ, Гоголь. Были, быть можетъ, и болѣе выдающіеся люди,—геніи жизни; только имена этихъ людей часто скрыты о̀тъ насъ; часто ихъ мы не знаемъ вовсе; они, если были, унесли въ молчаніе съ собой тайну жизни. Встрѣчались и общественные дѣятели, вокругъ которыхъ складывались, можетъ быть, болѣе значительныя движенія. Но удѣлъ художественнаго генія—прельщать глубиной и проникновеніемъ отраженной дѣйствительности безъ умѣнія часто истолковать и осмыслить отражаемую глубину жизни. Въ художественномъ геніи развивается своего рода медіумизмъ; такого рода геніальность—рецептивна; и величайшіе геніи подчасъ поражаютъ чуткостью чисто женственной, гибкостью души необычайной, не умѣя въ то же время мужественно осуществить созерцаемую красоту, ни даже къ ней подойти. Болѣе того: реально созерцаемое и переживаемое въ душѣ рѣзче подчеркиваетъ для нихъ несоотвѣтствіе съ реально созерцаемымъ и переживаемымъ въ жизни. Человѣческій геній въ творческомъ ростѣ надламывается между искусствомъ и жизнью; сколько имѣемъ мы примѣровъ искалѣченной жизни художниковъ-геніевъ. Между тѣмъ, въ глубочайшей основѣ художественнаго творчества лежитъ потребность осознавать это творчество, какъ дѣятельность, направленную къ преображенію дѣйствительности; въ глубочайшей основѣ того вниманія, которымъ окружаемъ мы художника-генія, лежитъ явная или тайная надежда въ творчествѣ разгадать загадку нашего бытія, гармоніей и мѣрой красоты успокоить безмѣрную дисгармонію нашей жизни, лишь разложимой въ познаніи, но не осмысленной до конца. И мы прислушиваемся къ генію, какъ будто мы знаемъ, что источники художественнаго творчества и творчества жизни одни; но при этомъ забываютъ количественное несоотвѣтствіе творческаго напряженія въ художникѣ слова и въ художникѣ жизни при ихъ качественной однородности. Пути великихъ свѣточей жизни начинаются тамъ, гдѣ кончаются спеціальные

пути искусства, какъ ремесла; а искусство безъ ремесла есть *форма безъ формы,* то-есть абсурдъ. Гдѣ кончается Данте, тамъ начинается Францискъ Ассизскій; а гдѣ начинается въ Франциске поэтъ, тамъ Франциискъ уже теряетъ для насъ свой подлинный смыслъ; то, что у творца-художника есть центръ (словесное выраженіе, краски, ноты), то для творца жизни есть периферія; и часто обратно: то, что для творца жизни лежитъ въ центрѣ (воплощеніе въ поступкахъ глубины переживанія), для художника часто является средствомъ выраженія въ формѣ (въ словѣ, въ ритмѣ, въ краскѣ).

Мы можемъ себѣ представить геніальную жизнь, протекающую въ нѣмотѣ; но мы отказываемся признать геніальнаго поэта, не написавшаго ни единой геніальной строки, какъ не можемъ мы представить себѣ творца жизни, у котораго отсутствуетъ личная жизнь. Но какъ бы мы ни преувеличивали количественно разстояніе, отдѣляющее Франциска отъ Данте, качественно души обоихъ изъ единой субстанціи творчества. И хотя бы сферы двухъ видовъ творчества не совпадали бы вовсе, все же окружности обѣихъ сферъ соприкасаются хотя бы въ одной точкѣ; эта точка касанія и опредѣляетъ наше тайное стремленіе искать въ жизни художника-генія красоту или видѣть геніальную жизнь, открывающуюся въ геніальномъ словѣ. Вотъ присутствіе этой-то точки и обусловливаетъ возможность разрѣшенія трагедіи жизни въ художественномъ творчествѣ, какъ и обратно: разрѣшенія трагедіи творчества въ жизни. Я бы сказалъ болѣе: эта теоретически допустимая точка опредѣляетъ и обусловливаетъ самый смыслъ геніальной жизни, какъ жизни, разсказанной для другихъ, или смыслъ геніальнаго слова, какъ слова, дѣйствительно пережитаго. И оттого-то подлинно наше стремленіе читать творчество жизни въ творчествѣ слова или просить слова у творческой жизни. Но мы забываемъ, что искомая возможность есть рѣдчайшее совпаденіе: это, такъ сказать, геніальность второго порядка; и когда она открывается намъ, самое русло культуры мѣняется; мы въ сущности хотимъ видѣть въ художникѣ-геніи Конфуція, Магомета, Будду. И мы жестоко обманываемся; передъ воплощеннымъ уже художественнымъ геніемъ открывается новая задача; найти точку, соединяющую слово и плоть дѣйствительности: найти слово въ жестахъ своей жизни, превратить самый жестъ въ прекрасно спѣтую пѣснь.

Но совершенно то же встрѣчаетъ насъ въ другомъ случаѣ. Геніально переживаемая жизнь часто оказывается нѣмой жизнью; геніальное переживаніе можетъ имѣть бездарное словесное выраженіе. Острота и глубина переживанія можетъ присутствовать и у бездарнаго поэта, стихотворенія котораго летятъ въ корзинку во всѣхъ редакціяхъ. Болѣе того: углубляемая жизнь чутко слышитъ несоотвѣтствіе обычно выражаемыхъ въ словѣ переживаній съ самимъ словомъ. Когда мы го-

воримъ *„люблю“*, сколько оттѣнковъ, не имѣющихъ между собой ничего общаго, заключаетъ это слово! Обогащаясь внутренней жизнью, мы видимъ только блѣдное отраженіе нашего богатства въ словѣ, геніальность въ насъ проявляется лишь въ томъ, что она питается *„ключами жизни“* безъ возможности заключить эти ключи въ мраморную оправу словесной формы; а безъ этой оправы въ словахъ загрязняются ключи жизни. Тутъ Тютчевъ правъ:

Взрывая, возмутишь ключи;
Питайся ими—и молчи.

Тутъ—*„мысль изреченная“* есть только ложь. Углубленіе внутренней жизни начинается съ великаго опыта *„молчанія“*. Недаромъ о молчаніи такъ внятно говорятъ различныя школы опыта; и у Рэйсбрука, и у Метерлинка, и въ восточной школѣ Церкви, и у индусовъ въ молчаніи начало того пути личнаго усовершенствованія, который потомъ ведетъ къ проповѣди. И діапазонъ молчанія разнообразенъ; для иныхъ ростъ внутренней жизни навсегда заключенъ въ молчаніе; оттого-то подчасъ поученія геніевъ жизни, проходящихъ школу молчанія, такъ скудны, безкрасочны, чуть ли не безсодержательны; и часто мы вовсе проходимъ мимо тѣхъ, кто зорче насъ видитъ смыслъ отъ насъ ускользающей жизни. Путь геніевъ обоего рода пересѣкаетъ сверкающее великолѣпіе красокъ и образовъ одинаково; но въ то время, какъ художникъ слова вырабатываетъ себѣ особую способность передачи посредствомъ слога, стиля, ритма, инструментовки словъ и средствъ изобразительности, какъ своего рода мастерства, и тѣмъ самымъ дольше останавливается на каждомъ образѣ,—художникъ жизни, не останавливаясь, въ молчаніи, спѣшитъ дальше и дальше; слова перваго генія опережаютъ его; слова второго—далеко отстаютъ. Но для обоихъ наступаетъ моментъ, когда съ молчаніемъ встрѣчается слово; это роковой моментъ въ жизни геніевъ; геній вступаетъ въ борьбу съ самимъ собой; слово начинаетъ просить жизни; жизнь—слова; словесное творчество осознаетъ свою подлинную цѣль: стать творчествомъ жизни; а для этого нужна наличность подлинной жизни у себя. Тутъ художникъ слова не можетъ не осознать всю ремесленную сторону своего творчества, какъ бремя, тормозящее стремительность творчески переживаемой жизни; и наоборотъ: художникъ жизни осознаетъ сокровища своего опыта, какъ достояніе человѣчества; онъ ищетъ возможности передать свое богатство, отречься отъ него для себя, ибо онъ уже себя осознаетъ лишь въ связи со всѣмъ міромъ; и онъ обращается къ слову. Это моментъ, когда великій писатель начинаетъ молчать, а великій молчальникъ—говорить. Слова одного гаснутъ, становятся строже, суше или даже изсякаютъ вовсе; молчаніе другого разрывается словами, потрясающими міръ. Художника часто тогда перестаютъ понимать, поступкамъ его дивятся; вокругъ же мол-

чальника собираются толпы; одному грозитъ разрывъ съ окружающими, другому—измѣна себѣ.

Въ геніи есть одна темная точка, непонятная для окружающихъ: преодолѣть себя, какъ генія, во имя высшей, людямъ далеко не понятной, геніальности: вершина горы, у подножія которой селятся люди, вдругъ превращается въ дѣйствующій вулканъ: то, что привычно плѣняло, начинаетъ ужасать. Эта темная точка есть вершина самой геніальности; это—стремленіе сочетать слово о жизни съ жизнью, для которой уже нѣтъ обычныхъ словъ; нѣмота начинаетъ говорить; слово превращается въ знаменіе. Не всѣ геніи поднимаются къ вершинѣ своей геніальности. Не далеко отъ собственной вершины они гибнутъ; здѣсь погибъ Ницше, мучился Гоголь, изнемогалъ въ эпилепсіи Достоевскій.

На этой вершинѣ недавно стоялъ передъ лицомъ вселенной Левъ Толстой; его художественный геній заставилъ его сказать въ первую половину своей жизни то, что немногіе говорили до него; и сказалъ онъ такъ, какъ говорили немногіе. Но мудрость его жизни погасила въ немъ прежній художественный геній; и вторую половину жизни онъ уже не говорилъ о томъ, о чемъ сказалъ намъ „Войной и миромъ" и „Анной Карениной"; никогда уже болѣе онъ *такъ* не говорилъ: *онъ—молчалъ.* И, конечно, произведенія второй половины его жизни не выражали сущности того, о чемъ замолчалъ Толстой. Я не стану оспаривать многихъ послѣдователей Толстого, доказывающихъ философскую глубину или этическую высоту его *предпослѣднихъ* словъ; все это такъ: но тутъ молчитъ уже художественный геній Льва Толстого, пугаетъ, давитъ насъ своимъ молчаніемъ; и наоборотъ, все сказанное имъ за этотъ періодъ не превосходитъ того, что уже въ этомъ же родѣ было сказано до него; и не спроста онъ обращается къ составленію своего „Круга чтенія". Онъ становится нѣмъ; слово его становится намѣренно неуклюжимъ; и когда насъ плѣняетъ красота этого неуклюжаго, какъ бы косноязычнаго слова, насъ плѣняетъ титаническая сила толстовскаго молчанія, какъ бы безсловесный громъ приближающаго вулканическаго изверженія. Левъ Толстой стремится къ простотѣ; онъ хочетъ ясности; но эта ясная простота и намѣренное непониманіе всего утонченнаго въ утонченнѣйшемъ человѣкѣ своего времени есть самая большая непростота опростившагося Толстого, самая отчаянная неясность дѣтски ясныхъ его словъ. Въ этомъ сочетаніи ясно высказаннаго съ неприводимой къ ясности глубинѣ самой его замолчавшей художественной стихіи—все величіе трагедіи Толстого,—трагедіи генія, преодолѣвающаго свою собственную человѣческую геніальность во имя бо́льшей, невыразимой, намъ едва ли понятной геніальности. Левъ Толстой во вторую половину своей жизни—молчальникъ, самыя поученія котораго едва ли выражаютъ тысячную часть того, для чего у него уже не было словъ. Самая его ясность и простота

таитъ въ себѣ множество переносныхъ смысловъ; онъ становится тутъ живой загадкой человѣческаго творчества; съ нимъ спорятъ всѣ, опровергаютъ толстовство,—эту блѣдную тѣнь живого Толстого,—въ сотый разъ доказываютъ несостоятельность самого Толстого, но къ нему влекутся; не слова его, а онъ самъ—магнитъ, притягивающій весь міръ. Все многообразіе умственныхъ, нравственныхъ и художественныхъ теченій, шумно оспаривающихъ другъ друга,—и Левъ Толстой, молчаливо засѣвшій гдѣ-то въ поляхъ за „Кругомъ чтенія". Какая несоизмѣримость!

Магнетическая сила, исходившая года изъ „Ясной Поляны" и сдвигавшая съ своего пути рядъ теченій, вовсе не заключалась въ словахъ или въ явныхъ поступкахъ Толстого, она заключалась въ его молчаніи; молчаніе краснорѣчиво выразилось въ томъ, что третьимъ геніальнымъ своимъ произведеніемъ онъ считалъ выборки изъ мудрецовъ всего міра, пресловутый „Кругъ чтенія". Это ли не нѣмота? Но это не была нѣмота смерти, оцѣпенѣнія, то была нѣмота послѣдней трагической борьбы; и борьба тянулась года. Она-то притягивала, влекла, манила къ Толстому; и Толстой восхищалъ, сердилъ, пугалъ и давилъ своимъ сидѣніемъ въ „Ясной Полянѣ". Многіе испытывали силу Толстого, свѣтъ, отъ него исходившій; многихъ, наоборотъ, Толстой ужасалъ. Онъ, повидимому, не хотѣлъ просвѣтленности, достижимой легко: онъ хотѣлъ послѣдней побѣды, послѣдняго просвѣтлѣнія; и потому, когда говорилъ о свѣтѣ, самъ еще не былъ въ свѣтѣ. Глухая, земная тяжесть еще пребывала въ немъ. Такимъ онъ казался мнѣ въ далекіе годы юности, когда приходилось его видѣть. Здѣсь невольно напрашивается одно личное воспоминаніе о встрѣчѣ съ Толстымъ; впослѣдствіи я не разъ вспоминалъ эту встрѣчу. Разъ когда мы, подростки, играли въ прятки въ толстовскомъ домѣ, въ Хамовникахъ, кому-то изъ дѣтей пришла мысль забраться въ кабинетъ къ Льву Николаевичу, чтобы отыскивавшая насъ Александра Львовна не могла никого найти; и вотъ, въ кабинетѣ Толстого, въ темнотѣ, мы развалились кто на диванѣ, кто на полу, кто подъ столомъ въ самыхъ непринужденныхъ позахъ. Вдругъ въ комнату быстро вошелъ Толстой со свѣчой въ рукахъ, угрюмо подошелъ къ столу, сѣлъ и молчалъ; а мы, дѣти, точно застигнутые врасплохъ, остались въ тѣхъ вольныхъ позахъ, въ какихъ насъ засталъ Толстой; но мы застыли; минуту длилось *тягостное молчаніе;* потомъ Толстой обратился къ кому-то съ вопросомъ, какъ бы не замѣчая нашего смущенія, какъ бы не желая его разогнать.

Впослѣдствіи, когда я уже не имѣлъ случая увидать Толстого, а мысль мучительно обращалась съ недоумѣніемъ къ нему, минута *тягостнаго молчанія* насъ, дѣтей, вокругъ великаго старца мнѣ казалась всегда символической; не то же ли тягостное для насъ молчаніе слышалось за

всѣми ясными, громкими на весь міръ словами *толстовства?* Не та ли *непростота* звучала въ его простотѣ. Великій старецъ собралъ дѣтей вокругъ, говорилъ съ ними ясно и просто, а все какъ-то чувствовалось, что этой ясностью что-то *нѣмое, бездонное* въ Толстомъ *заговариваетъ зубы:* чѣмъ проще, тѣмъ бездоннѣе; ясно—а дна нѣтъ: только *ясность глубины.* И вотъ блещущей поверхностью воды, опрощающей предметы, а не самой глубиной, дномъ Толстого, казались мнѣ всѣ разсужденія Толстого этого періода; ясно, какъ Божій день, что его легко опровергнуть; вотъ только что странно: послѣ опроверженій ученія Толстого,—это ученіе представало лишь въ болѣе привлекательномъ свѣтѣ. Было ясно, что дѣло не въ немъ, а въ самомъ Толстомъ: художникъ-геній въ Толстомъ намѣренно замолчалъ; его замѣнилъ проповѣдникъ-философъ; но толстовская проповѣдь говорила не тѣмъ, чѣмъ она хотѣла быть, чѣмъ она себя выдавала; говорила не явнымъ, а тайнымъ; не словомъ, а молчаніемъ; молчала же въ Толстомъ тайна его жизненнаго творчества. Геніальна ли жизнь Толстого, есть ли самъ Толстой художественное произведеніе—тогда мы не знали, мы не могли знать, какъ не знаемъ мы подчасъ молчаливо укрытыхъ отъ насъ геніальныхъ переживаній жизни; мы только жалѣли, что художникъ слова въ Толстомъ себя убиваетъ; и для чего убиваетъ? Нуженъ былъ знакъ, жестъ безъ словъ, но говорящій бо́льше, чѣмъ слова. Этотъ-то жестъ отрицали мы въ Толстомъ. А теперь стало намъ ясно, что самое молчаніе его художественнаго генія было лишь углубленіемъ геніальности, мучительнымъ достиженіемъ высшей, послѣдней точки; творчество Толстого, показавъ многое въ словѣ, еще краснорѣчивѣй говорило молчаніемъ въ немъ; а слова, которыми покрывалось молчаніе, оказались непроизвольнымъ аскетическимъ подвигомъ.

И вдругъ это молчаніе разорвалось; разорвался покровъ толстовства; геніальный художникъ слова оказался геніальнымъ творцомъ собственной жизни въ эту длительную эпоху молчанія. Слово стало плотью: геній жизни и геній слова соединились въ высшемъ единствѣ; двѣ сферы творчества соприкоснулись. „Ясная Поляна“ дѣйствительно стала „ясной“, какъ бы озаренной молніей послѣдняго соединенія. Толстой всталъ, пошелъ въ міръ—и умеръ. Своимъ уходомъ и смертью гдѣ-то въ русскихъ поляхъ онъ освѣтилъ свѣтомъ скудныя поля русскія. Въ этихъ поляхъ доселѣ мчалась жуткая гоголевская „тройка“, гуляла метель, бродило горе-гореваньице; самыя эти пространства русской жизни, гдѣ народъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ и Гоголемъ видитъ нечисть, куда русская интеллигенція идетъ умирать и гдѣ русское чиновничество въ лицѣ Побѣдоносцева такъ же усматриваетъ „лихого человѣка“,—самыя эти пространства теперь черезъ Толстого, хотя бы на мгновеніе, стали *полянами ясными.* Великій русскій художникъ явилъ намъ идеалъ святости,

перекинулъ мостъ къ народу: религія и безрелигіозность, молчаніе и слово, творчество жизни и творчество художественное, интеллигенція и народъ,—все это вновь встрѣтилось, пересѣклось, сливалось въ геніальномъ, послѣднемъ, краснорѣчивомъ жестѣ умирающаго Льва Толстого. Другіе русскіе писатели оказывались на пьедесталѣ, когда читали лекціи, проповѣдовали, страдали. Умирали же они какъ-то въ четырехъ стѣнахъ, про себя, въ молчаніи. Толстой читалъ, проповѣдовалъ то же. Но величайшимъ пьедесталомъ оказалась—смерть; онъ взошелъ на этотъ, едва доступный для смертныхъ пьедесталъ и палъ, на глазахъ у всѣхъ, въ *ясныхъ поляхъ*—умеръ; его уходъ и смерть есть лучшая проповѣдь, лучшее художественное произведеніе, лучшій поступокъ жизни. Жизнь, проповѣдь, творчество сочетались въ одномъ жестѣ, въ одномъ моментѣ. Этотъ нынѣ Толстымъ освѣщенный жестъ геніальности есть та темная точка въ геніи, приближеніе къ которой убило Ницше, свело Гоголя въ могилу и искалѣчило жизнь Достоевскаго. Приближеніе къ послѣдней тайнѣ художественнаго творчества производило взрывъ. И только въ Толстомъ просіяла эта темная точка геніальности свѣтомъ яснымъ и благодатнымъ. Центръ художественной дѣятельности, пронизанный свѣтомъ личности Толстого, намъ показалъ разъ навсегда и безповоротно, что этотъ центръ есть периферія религіознаго творчества: конецъ оказался началомъ. И послѣдній творческій жестъ Толстого есть первое его религіозное дѣйствіе, первый лучъ восходящаго надъ русской землей солнца жизни.

Дѣятельностью Толстого какъ бы искупается бездѣятельность наша; свѣтомъ его нынѣшнихъ дней снимается съ насъ ужасъ послѣднихъ лѣтъ. Нынѣшніе дни да будутъ первыми весенними днями: во имя Толстого должны мы это сказать.

Не Петербургъ, не Москва—Россія; Россія и не Скотопригоньевскъ, не городокъ Передонова, Россія—не городокъ Окуровъ, не Лиховъ. Россія—это *Астапово,* окруженное пространствами; и эти пространства—не лихія пространства: это *ясныя,* какъ день Божій, *лучезарныя поляны.*

Андрей Бѣлый.

Письма о національностяхъ и областяхъ.

Еврейство и его настроенія.

Неуспѣхъ освободительнаго движенія сильнѣе и болѣзненнѣе, чѣмъ во всей остальной Россіи, отразился въ еврейской средѣ. Нигдѣ полетъ революціонной грезы не достигалъ такой высоты и нигдѣ не оказалось такъ ужасно пробужденіе.

Незадолго до 17 октября 1905 г. одинъ писатель, объѣздившій передъ тѣмъ Литву, заявилъ на какомъ-то митингѣ, что „въ чертѣ осѣдлости диктатура пролетаріата стала фактомъ“. Дѣйствительно, пріѣзжій наблюдатель имѣлъ всѣ основанія сдѣлать въ то время такой выводъ. Тогда казалось, что успѣхи еврейскихъ соціалистическихъ партій, главнымъ образомъ Бунда, въ смыслѣ захвата вліянія на всѣ круги общества оставили далеко за собою всѣ и западные, и русскіе образцы. Тому было много причинъ; вотъ главныя. Еврейскій рабочій, въ огромномъ большинствѣ, занятъ въ мелкой промышленности; его классовый противникъ, еврейскій лавочникъ или ремесленникъ, представляетъ изъ себя существо въ экономическомъ отношеніи неустойчивое, въ политическомъ—безправное и въ психологическомъ—забитое и робкое. Съ такимъ врагомъ было несравненно легче бороться, чѣмъ съ европейскимъ фабрикантомъ или съ крупнымъ заводчикомъ внутренней Россіи. Это оказалось такъ легко, что въ самой партійной средѣ стали раздаваться предостерегающіе голоса: какъ бы не выродилась экономическая борьба въ дешевый стачечный спортъ. Одинъ изъ съѣздовъ Бунда еще въ 1901 г. выразилъ эти опасенія въ резолюціи, рекомендовавшей не увлекаться стачками даже при перспективѣ вѣрной удачи. Эти успѣхи сильно взвинчивали самосознаніе еврейской рабочей среды; обычная въ этихъ случаяхъ склонность переоцѣнивать свои силы, благодаря юношескому составу этой среды—а можетъ быть, и благодаря особенностямъ племенного темперамента,—выливалась у еврейскаго пролетаріата, при сношеніяхъ съ другими группами еврейства, въ крайне рѣзкихъ формахъ. Все это, съ одной стороны, раздражало, но съ другой—и импо-

нировало робкой, непривыкшей къ такому задору еврейской массѣ предмѣстій и мѣстечекъ, и успѣхи рабочихъ въ борьбѣ съ хозяевами невольно внушали ей высокое мнѣніе также о политическихъ силахъ еврейскаго пролетаріата. Обыски, аресты, ссылки, зубатовщина и другіе знаки большого вниманія, удѣлявшагося еврейской крамолѣ мѣстными властями, еще больше укрѣпляли это лестное мнѣніе. Но до апогея возросъ въ глазахъ массы политическій престижъ еврейскаго рабочаго именно въ тотъ моментъ, когда во всей Россіи началась острая стадія освободительнаго движенія. Евреи вѣрили въ побѣду этого движенія, вѣрили, что оно принесетъ имъ желанное равноправіе, и видѣли въ своемъ революціонномъ пролетаріатѣ главнаго посредника между ними и новой Россіей, того homo regius, который одинъ только въ состояніи, при новыхъ условіяхъ, позаботиться и присмотрѣть, чтобы, одѣляя подарками всю Россію, не забыли и про евреевъ. Поэтому, если всюду въ тѣ памятные дни публика ломала шапки передъ „его величествомъ пролетаріемъ всероссійскимъ", въ еврейской средѣ это внѣшнее преклоненіе въ тотъ моментъ естественно приняло чудовищные размѣры. Немудрено, что проѣзжій наблюдатель вынесъ впечатлѣніе диктатуры пролетаріата.

И все это смело и снесло бурей гораздо раньше, чѣмъ въ остальной Россіи. Ударъ за ударомъ посыпались на еврейскую голову, и каждый изъ нихъ въ то же время расшатывалъ въ глазахъ массы престижъ еврейскаго рабочаго движенія. Первымъ ударомъ былъ самый манифестъ 17 октября, гдѣ разочарованная еврейская масса не нашла ни намека на равноправіе. Сейчасъ же за тѣмъ послѣдовала полоса страшныхъ погромовъ, доказавшихъ еврейству, что оно совершенно одиноко, беззащитно, всѣми покинуто, что ни собственныя силы еврейскаго пролетаріата, ни его якобы огромное вліяніе на всю революціонную Россію не помѣшали рѣзнѣ, и никто не заступился... Назавтра послѣ погромовъ была провозглашена вторая всеобщая забастовка, какъ протестъ противъ контръ-революціонныхъ попытокъ—и въ перечнѣ этихъ новыхъ грѣховъ абсолютизма даже не было упомянуто о погромахъ. Еврейская масса, еще оглушенная страшнымъ ударомъ, еще ослѣпленная кровью, что залила лицо, все же болѣзненно замѣтила этотъ пробѣлъ—и въ тотъ моментъ поняла впервые, что ея дѣло не такъ легко и не такъ просто разрѣшится даже въ обновленной Россіи. Фонды еврейскаго пролетаріата мгновенно упали, его вліяніе быстро пошло на убыль и ко времени первыхъ выборовъ въ Думу уже совершенно не ощущалось. Нигдѣ въ Россіи проповѣдь бойкота первой Думы не провалилась такъ оглушительно, какъ именно въ Вильнѣ, главномъ революціонномъ центрѣ архи-революціонной Литвы: изъ еврейскихъ избирателей на выборы явилось до 97 процентовъ. Во второй избирательной кам-

ніи эта потеря вліянія и популярности сказалась еще ярче—въ ничтожномъ количествѣ выборщиковъ, которыхъ удалось провести еврейскимъ соціалистическимъ партіямъ въ чертѣ осѣдлости. Точной статистики нѣтъ, но число выборщиковъ-соціалистовъ не достигало и 5 проц. общаго числа выборщиковъ-евреевъ. Это произошло въ то самое время, когда остальная Россія послала во вторую Думу 113 депутатовъ-соціалистовъ.

Но эта убыль обаянія снаружи была ничто въ сравненіи съ той переоцѣнкой цѣнностей, которая сама собой совершилась внутри, въ самомъ сознаніи еврейскихъ пролетарскихъ партій. Многое выяснилось изъ ихъ перекрестныхъ споровъ, остальное подсказала и раскрыла сама жизнь. Приблизительно съ 1903 г. на-ряду съ Бундомъ, представлявшимъ до тѣхъ поръ единственную еврейско-соціалистическую организацію, возникли новыя группы, главнымъ образомъ, выдѣлившіяся изъ сіонизма. Ихъ дѣйствительное вліяніе на рабочую массу врядъ ли было велико, но онѣ оказались сравнительно богаты интеллектуальными силами и внесли много цѣннаго въ смыслѣ анализа еврейской экономики. Во времена единовластія Бунда его публицисты не признавали въ этой экономикѣ никакихъ существенныхъ особенностей вообще и не задавались этимъ вопросомъ. Споры между соперничавшими партіями впервые развернули предъ рабочей молодежью всю специфическую сложность еврейской экономической проблемы. Многое въ этихъ спорахъ было непродумано, преувеличено; врядъ ли ихъ участники обладали, въ концѣ-концовъ, достаточной эрудиціей для разработки этой проблемы; но догадками и намеками въ нихъ нащупывалась правда, и жизнь ее подтвердила. Когда на сцену активно выступилъ пролетаріатъ внутреннихъ губерній и Польши, еврейскому рабочему не могла не броситься въ глаза огромная разница въ политическомъ и соціальномъ вѣсѣ между этими выступленіями „коренныхъ“ его сосѣдей и его собственными. Русскій или польскій пролетаріатъ былъ куда тяжелѣ на подъемъ, но, разъ поднявшись, онъ однимъ ударомъ останавливалъ кровообращеніе въ важнѣйшихъ экономическихъ артеріяхъ страны, непреодолимо вовлекалъ въ борьбу вліятельнѣйшіе экономическіе верхи, колебалъ до основанія все государственное хозяйство. Между тѣмъ еврейская забастовка, создать которую было всегда несравненно легче, сводилась къ закрытію бакалейныхъ лавчонокъ, мелкихъ мастерскихъ, много-много — аптекарскихъ и парфюмерныхъ складовъ. Карликовый характеръ еврейскаго хозяйства, о которомъ до 1903 г. вожди еврейскаго рабочаго движенія какъ-то забыли, ярко и выпукло сказался въ день рѣшительной борьбы и совершенно обезцѣнилъ всю огромную революціонную энергію еврейскаго пролетаріата. Въ воинственной рукѣ оказался картонный мечъ; машина, пущенная изо всѣхъ силъ, оказа-

лась вертящейся всѣми своими колесами въ пустомъ воздухѣ, ничего не двигая, ни за что не зацѣпляя.

Оставалась другая иллюзія: если еврейскій пролетаріатъ не представляетъ политической силы самъ по себѣ, то его сила—въ заражающемъ вліяніи на „коренныя“ массы; еврейскій революціонеръ—это спичка, поджигающая горючій матеріалъ, и т. д. Отчасти это такъ и было; но, съ другой стороны, именно въ чертѣ осѣдлости православное населеніе не только не увлеклось революціоннымъ примѣромъ мѣстнаго еврейства, а напротивъ — обнаружило совершенно исключительную склонность къ реакціоннымъ и антисемитическимъ лозунгамъ. Всѣ столпы крайней правой, во всѣхъ трехъ Думахъ, посланы оттуда—изъ черты осѣдлости. Первое время пытались это объяснить вліяніемъ искусственной агитаціи, но мало-по-малу даже крайнимъ оптимистамъ пришлось внутренно признать, что дѣло не такъ просто. Очевидно, еврейскій ферментъ есть зелье обоюдоострое, и его второе дѣйствіе—отталкивающее — ярче всего сказалось на ближайшихъ сосѣдяхъ боевого еврейства. — Не въ такой степени, но по существу то же самое повторилось и въ остальной Россіи. Все черносотенное движеніе шло подъ антисемитскимъ флагомъ. Противъ многочисленныхъ лозунговъ революціи, такихъ, казалось бы, заманчивыхъ для здороваго народнаго чутья, какъ свобода, политическое самоуправленіе, аграрная реформа, — уличная реакція выставила почти исключительно этотъ одинъ кличъ; и, странное дѣло, кличъ этотъ всетаки собралъ вокругъ себя значительныя группы—настолько значительныя, что офиціальной реакціи ужъ было, по крайней мѣрѣ, на кого опереться. Такимъ образомъ, еврейскій налетъ на освободительномъ движеніи былъ широко и успѣшно использованъ реакціей, какъ контръ-революціонное средство. При видѣ всего этого иногда въ душѣ самаго непримиримаго изъ еврейскихъ революціонеровъ вставалъ горькій вопросъ: на что въ бо́льшей мѣрѣ пошла еврейская кровь—на топливо для революціи или на пищу для реакціи?

Переоцѣнка коснулась и еще болѣе глубокихъ идейныхъ основъ еврейскаго рабочаго движенія: его *соціалистической* цѣнности. Въ перекрестномъ спорѣ партій главною нотой было указаніе на экономическую безпочвенность соціализма въ границахъ еврейскаго хозяйства. Мелкая торговля, мелкое производство, агонизирующее по Марксу (на еврейской улицѣ оно агонизируетъ не только по Марксу, но и въ дѣйствительности), не можетъ играть никакой творческой соціальной роли; какъ работодатели, такъ и наемные рабочіе въ этомъ хозяйствѣ одинаково удалены и отрѣзаны отъ большой дороги, по которой совершается шествіе соціальнаго прогресса; этотъ „пролетаріатъ“ не есть пролетаріатъ въ настоящемъ смыслѣ слова, онъ можетъ обладать субъ-

ективно соціалистическимъ настроеніемъ, но не можетъ быть въ объективномъ смыслѣ носителемъ началъ будущаго строя, и ни тренія между нимъ и его работодателями, ни даже его побѣды надъ послѣдними не представляютъ никакой цѣнности въ смыслѣ накопленія классовой мощи настоящаго пролетаріата. Въ общихъ чертахъ такова была теорія, выдвинутая въ разгарѣ споровъ. Жизнь, опять-таки, многое въ этой теоріи подтвердила. Въ концѣ-концовъ еврейскій работодатель, лавочникъ или ремесленникъ, почти всегда въ сущности такъ же бѣденъ, какъ и его рабочіе, только въ придачу обремененъ семьею, тогда какъ среди еврейскихъ рабочихъ человѣкъ старше 25 лѣтъ—рѣдкостное исключеніе. Содержать взрослаго, семейнаго рабочаго еврейское хозяйство, повидимому, не въ силахъ. Къ 25 годамъ, когда рабочій женится, онъ заводитъ на мѣдные гроши собственную лавчонку или мастерскую и въ свою очередь превращается въ работодателя. Эта зыбкая текучесть состава сама по себѣ въ корнѣ подрывала представленіе о еврейскомъ пролетаріатѣ, какъ особомъ замкнутомъ классѣ. Столь же шаткимъ оказалось представленіе объ отчетливой противоположности интересовъ въ этомъ тщедушномъ хозяйствѣ. Недаромъ съѣздъ Бунда еще въ 1901 г. совѣтовалъ не увлекаться экономическими стачками даже при шансахъ на побѣду: горькая практика уже тогда успѣла показать, что жизнь часто смѣется надъ этими побѣдами. Вырвать у хозяина согласіе на повышеніе платы или сокращеніе рабочаго дня было не трудно; но черезъ мѣсяцъ оказывалось, что хозяинъ при новомъ порядкѣ не сводитъ концовъ съ концами, и ему оставалось одно изъ двухъ: или закрыть лавочку и эмигрировать въ Америку, оставивъ рабочихъ безъ заработка, или предложить имъ добровольное возвращеніе къ statu quo ante. Злоупотреблять экономическими стачками нельзя и въ крупной индустріи; но здѣсь, начиная борьбу, приходилось думать не столько о побѣдѣ, сколько о томъ, какъ бы, упаси Боже, не опрокинуть самого „капиталиста“ и не остаться вмѣстѣ съ нимъ на улицѣ. Понятно, что въ то горячее время такая осторожность, несмотря на совѣтъ бундовскаго съѣзда, рѣдко соблюдалась, и результаты видны до сихъ поръ. Признавая съ полнымъ уваженіемъ всѣ заслуги и весь героизмъ еврейскихъ пролетарскихъ партій, справедливый наблюдатель долженъ, однако, съ горечью отмѣтить роковую роль, сыгранную ими въ неслыханномъ еврейскомъ разореніи послѣдняго десятилѣтія. Страшно порѣдѣли ряды еврейскихъ предпріятій въ самыхъ многолюдныхъ центрахъ еврейства, цѣлыя отрасли потерпѣли крушеніе, и трудно опредѣлить, кто больше доконалъ: погромы ли, экономическій ли бойкотъ окружающаго населенія (въ связи съ кооперативнымъ движеніемъ), или внутренній кризисъ на почвѣ безплодной и безнадежной войны между нищимъ трудомъ и нищенскимъ „капиталомъ“. Общимъ результатомъ

всей этой разрухи, въ которомъ потонули и перемѣшались всѣ оттѣнки и различія, былъ колоссальный ростъ эмиграціи, именно въ эти годы подъема (свыше 350,000 за 1905—7 гг.). Въ междупалубной тѣснотѣ океанскаго парохода встрѣтились, сбитые въ одну кучу, вчерашніе „рабочіе“ со вчерашними „хозяевами...“

Конечно, разгромъ постигъ въ то же время и русское, и польское рабочее движеніе. Но разница громадна. Русскій и польскій рабочій разочаровался въ своихъ вожакахъ и въ рекомендованныхъ ими способахъ борьбы; онъ научился осторожности въ оцѣнкѣ своихъ силъ и средствъ; онъ, наконецъ, могъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ перенести свое разочарованіе и на самый идеалъ, во имя котораго сплотили его эти провалившіеся вожаки, и открыть доступъ въ свою среду реакціоннымъ теченіямъ. Но съ еврейскимъ рабочимъ движеніемъ произошло нѣчто болѣе трагическое: здѣсь, повидимому, обнаружилось безсиліе не случайное, не временное, не обусловленное ошибочнымъ методомъ, а органическое, фатальное, неизбѣжное при любомъ методѣ борьбы, коренящееся въ самыхъ условіяхъ еврейскаго національнаго бытія, въ его основной ненормальности. Вотъ почему и разочарованіе проявилось на еврейской соціалистической улицѣ несравненно рѣзче. Сначала оно выразилось въ небываломъ еще взрывѣ общественнаго цинизма—въ эпидеміи „экспропріацій“, которая въ чертѣ осѣдлости, особенно на югѣ, свирѣпствовала, какъ нигдѣ въ остальной Россіи. Начали съ богатыхъ, перешли къ зажиточнымъ и кончили, по линіи наименьшаго сопротивленія, мелкими грабежами у бѣдняковъ. Сначала дѣлались еще попытки оправдать этотъ новый курсъ идеологически,—а подъ конецъ просто махнули рукой на идеологію и удовольствовались однимъ безпросвѣтнымъ цинизмомъ... Это была первая стадія; что касается до другихъ ея проявленій, главнымъ образомъ—эротизма, который одно время увлекалъ русскую молодежь,—то въ еврейской средѣ они, повидимому, ощущались гораздо слабѣе. Это „направленіе“, предполагающее способность къ жизнерадостному разгулу, очевидно, не вяжется съ разсудочностью и нервностью современной еврейской натуры. Зато въ чемъ опять остался рекордъ за евреями,—это во второй стадіи общественнаго отлива, въ той стадіи, лозунгомъ которой сталъ чистый, безпримѣсный индиферентизмъ и которая прочно держится еще до сихъ поръ. Русская лѣвая интеллигенція, отхлынувъ отъ активнаго соціализма, хоть пыталась заполнить пустоту суррогатами вродѣ неомистицизма, пробовала заняться профессіональными союзами и кооперативами и продолжала, позѣвывая, слѣдить за дальнѣйшими перипетіями спора объ ортодоксальности, эмпиріомонизмѣ, эмпиріокритицизмѣ, махизмѣ... Въ соотвѣтствующей еврейской средѣ почти не замѣчалось аналогичныхъ явленій. Здѣсь воцарился индиферентизмъ абсолютный;

„спасайся, кто можетъ“—стало единственной формулой жизни. Исключенія можно перечесть по пальцамъ. Вчерашніе дѣятели, вожди, президенты республикъ и т. п. съ макушкой ушли въ женитьбу и семью, въ торговлю, въ погоню за дипломами; старое поколѣніе рабочихъ, пережившее 1905 годъ, наполовину уже вышло въ тиражъ погашенія, т.-е. или эмигрировало, или обзавелось собственными лавчонками; новое поколѣніе носитъ, говорятъ, дешевыя колечки и ходитъ усердно въ танцклассъ. Развѣ только въ заграничныхъ студенческихъ колоніяхъ, переполненныхъ евреями, еще копошится изрѣдка что-то съ обрывками старыхъ флаговъ; кромѣ того, отъ времени до времени слышится по угламъ вялый разговоръ о томъ, что слѣдовало бы предпринять большую культурную работу на основѣ разговорно-еврейскаго жаргона—и замолкаетъ. Невѣроятно опустѣла и обезчадѣла еврейская соціалистическая „биржа“, еще такъ недавно многолюдная, самоувѣренная, жизнерадостная, трепетавшая ощущеніемъ собственнаго могущества и близкой побѣды. Ничего не слышно, ничего не видно, хоть шаромъ покати. Люди ушли, время не выдвигаетъ никакихъ задачъ, некому и не на что откликаться.

На другихъ идейныхъ группировкахъ еврейства, не соціалистическихъ, крахъ освободительнаго движенія отразился, конечно, гораздо меньше: въ этомъ у насъ полная аналогія съ русскимъ и польскимъ обществомъ. Если оставить въ сторонѣ Польшу и сравнивать еврейскія партіи только съ русскими, то за первыми окажется даже преимущество. Существованіе кадетовъ или октябристовъ чувствуется только въ Думѣ; за порогомъ Думы, въ повседневной жизни населенія оно никакъ не ощущается. Объ уцѣлѣвшихъ еврейскихъ партіяхъ этого нельзя такъ рѣшительно сказать. Разница объясняется многими причинами, на которыхъ мы не будемъ останавливаться; впрочемъ, поскольку рѣчь идетъ о старѣйшей и крупнѣйшей изъ этихъ партій—вѣрнѣе, о единственной, къ которой примѣнимо теперь имя „партія“—о сіонизмѣ,—причина сравнительно бо́льшей жизнеспособности легко понятна. Сіонистическая партія въ Россіи есть только часть (приблизительно треть) организаціи, развѣтвленной по разнымъ странамъ, и главныя цѣли ея лежатъ внѣ Россіи; такимъ образомъ эта партія въ духовномъ смыслѣ какъ бы экстерриторіальна и менѣе другихъ чувствительна къ спеціально русскимъ событіямъ. Тѣмъ не менѣе и на ней эти событія глубоко отразились,—сначала въ смыслѣ углубленія міросозерцанія и расширенія программы, потомъ, послѣ краха, въ смыслѣ растерянности и апатіи.

Въ развитіи сіонизма были тѣ же этапы, что и въ развитіи всякаго народнаго движенія: сначала наивный утопизмъ, вѣра въ легкое и быстрое осуществленіе идеала, творческія попытки съ голыми руками, дипломатическіе переговоры съ монархами и министрами при отсутствіи

всякой реальной почвы для успѣха... Только постепенно сложилась болѣе органическая концепція сіонизма; въ ея развитіи сыграли большую роль нѣкоторыя внутреннія переживанія организаціи, изложеніе которыхъ вывело бы насъ за естественные предѣлы этого очерка; но въ значительной мѣрѣ сказалось (спеціально среди россійскихъ сіонистовъ) также и воспитательное вліяніе развернувшейся предъ ними грандіозной картины освободительнаго движенія. Оно имъ уяснило взаимную роль личностей и массъ и въ то же время распахнуло предъ ними новые горизонты непосредственнаго національнаго творчества.

Въ то же время многому научились сіонисты у своихъ противниковъ, пролетарскихъ и непролетарскихъ. Бундъ еще съ 1901 года, въ противовѣсъ сіонистической агитаціи, выставилъ требованіе „національно-культурной автономіи“, понимаемой какъ право самоопредѣленія въ дѣлахъ школы и языка. Около того же времени теорію еврейскаго автономизма подробно развилъ въ рядѣ статей популярный историкъ Дубновъ. Въ 1903 году состоялась конференція интеллигентской группы „Возрожденія“; въ отчетѣ объ этой конференціи, произведшемъ большое впечатлѣніе въ еврейскихъ партійныхъ кругахъ, сіонизму ставилось въ упрекъ отсутствіе Gegenwartsprogramm—программы для культурной, экономической и политической работы на мѣстѣ, въ Россіи, какъ звена въ общемъ планѣ національнаго возрожденія. Изъ этой группы вскорѣ выдѣлилась фракція, извѣстная подъ названіемъ „сеймовцы“; она расширила бундовскій лозунгъ автономіи до размѣровъ „полнаго“ самоуправленія, съ „сеймомъ“, вѣдающимъ не только школьное дѣло, но и вообще всѣ стороны національной жизни [1]). На ту же точку зрѣнія, приблизительно, сталъ возникшій въ 1904 году въ Петербургѣ органъ россійскихъ сіонистовъ, называвшійся тогда *Еврейская Жизнь* (нынѣшній *Разсвѣтъ*), а также и остальная пресса партіи въ Вильнѣ, Варшавѣ и Одессѣ; но въ офиціальную программу эти новые лозунги вошли только въ 1906 году, на III съѣздѣ партіи въ Гельсингфорсѣ. Одинъ изъ лидеровъ съѣзда такъ опредѣлилъ его задачу: „Первоначальная концепція сіонизма была такова: въ одинъ прекрасный день мы, проснувшись, узнаемъ, что наши вожди получили у султана *чартеръ* на Палестину, и намъ останется только сѣсть на пароходы и поѣхать. Такъ исторія не дѣлается, скачковъ не бываетъ. Мы собрались сюда ликвидировать катастрофальную концепцію сіонизма и формулировать сіонизмъ эволюціонный“.

Согласно гельсингфорсской программѣ, идеалъ сіонизма—созданіе са-

---

[1]) Бывшіе теоретики Бунда, продолжая свою идейную эволюцію и послѣ распада организаціи, тоже значительно приблизились теперь къ этому расширенному пониманію еврейской автономіи: см. сборникъ на жаргонѣ „Zajtfragen“, III выпускъ, Вильна, 1910.

моуправляющаго еврейскаго общежитія на исторической территоріи еврейскаго народа—можетъ быть осуществленъ только путемъ систематическаго накопленія національныхъ силъ какъ въ самой Палестинѣ, такъ и въ странахъ разсѣянія. Работа партіи въ Палестинѣ должна преслѣдовать двоякую цѣль: съ одной стороны, укрѣпить въ краѣ еврейскія позиціи, еврейское вліяніе, а съ другой—развить край экономически, чтобы сдѣлать изъ него постепенно страну „естественной“ иммиграціи значительныхъ еврейскихъ массъ. Работа въ странахъ діаспоры должна разсматриваться, какъ организація всего мѣстнаго еврейства для „національнаго самоуправленія“, т.-е. для рѣшенія всѣхъ вопросовъ, вытекающихъ изъ еврейской жизни, въ томъ числѣ и обѣихъ главныхъ проблемъ сіонизма—національно-культурной и эмиграціонной. Поэтому въ Россіи партія, присоединяясь къ лозунгамъ конституціонно-демократическихъ группъ, требовала, кромѣ того, признанія еврейской національности какъ единаго цѣлаго, съ правами самоуправленія и самообложенія, затѣмъ требовала правъ для обоихъ языковъ (древне-еврейскаго и жаргона) въ школѣ и въ публичной жизни, пропорціональнаго представительства и т. д. Основнымъ лозунгомъ былъ созывъ учредительнаго національнаго собранія.

Надъ всѣмъ этимъ жизнь горько посмѣялась, и ошеломленная партія надолго осталась при однихъ словахъ о мѣстной работѣ. Впрочемъ, на выборахъ во вторую и третью Думу сіонисты, выступая въ качествѣ отдѣльной партіи, развили большую агитацію и провели относительное большинство выборщиковъ. Практическаго значенія эти избирательные успѣхи, однако, не имѣли, за общимъ проваломъ прогрессивныхъ кандидатуръ почти во всей чертѣ осѣдлости. Въ смыслѣ же творческой работы въ населеніи — организаціи общинной жизни, национализаціи школъ, насажденія экономической самопомощи и т. п.—партія, какъ таковая, ничего не сдѣлала, даже ничего не предприняла. До революціи, когда еще не было спеціальной программы „мѣстной работы“, всетаки кое-что въ этомъ смыслѣ дѣлалось; главнымъ образомъ, широко развились такъ называемые „образцовые хедерà“, представлявшіе изъ себя свѣтскія начальныя школы съ преподаваніемъ на древне-еврейскомъ языкѣ. Но по мѣрѣ того, какъ стала вырисовываться заманчивая перспектива—национализировать всю еврейскую жизнь сразу, сверху, черезъ всемогущее „національное собраніе“,—„малыя дѣла“ были заброшены. Послѣ краха большихъ мечтаній въ партіи не нашлось людей, которые сумѣли бы сразу вернуть ее на трезвую почву реальной работы, какъ это сумѣли, напримѣръ, сдѣлать поляки.

Такимъ образомъ, вся энергія россійскаго сіонизма устремилась на чисто-палестинскія задачи. Въ этомъ отношеніи за послѣдніе 4 года были, дѣйствительно, достигнуты нѣкоторые осязательные результаты:

въ Палестинѣ возникло нѣсколько новыхъ промышленныхъ предпріятій, въ колоніяхъ появились еврейскіе рабочіе (до недавнихъ поръ батраки были почти исключительно изъ арабовъ), начало функціонировать спеціальное общество землеустройства и парцелляціи, съ 1911 года будетъ приступлено къ учрежденію первой кооперативной колоніи по проекту и подъ руководствомъ Ф. Оппенгеймера (автора „Siedelungsgenossenschaften"); особенно замѣтно шагнуло впередъ школьное дѣло: древнееврейскій языкъ сталъ разговорнымъ, удалось создать и упрочить въ Яффѣ первую еврейскую гимназію, въ Хайфѣ начата постройка зданія для высшей технической школы и т. д.,—и во всемъ этомъ значительная, иногда и главная роль принадлежитъ новымъ выходцамъ изъ Россіи или сотнямъ тысячъ рублей, собраннымъ въ разныхъ слояхъ россійскаго еврейства. Но, благодаря всему этому, работа рядового сіониста свелась за послѣдніе годы почти исключительно къ сбору денегъ подъ разными наименованіями; интеллигенція и молодежь все громче жалуются на отсутствіе практической, національно-созидательной дѣятельности тутъ, на мѣстѣ, между тѣмъ какъ возможность такой работы несомнѣнна, интересъ къ еврейскимъ культурнымъ цѣнностямъ значительно возросъ и въ массахъ, и среди интеллигенціи, и дѣло стало только за доброй волей и умѣніемъ... Конечно, въ большей мѣрѣ виноваты и полицейскія условія, господствующія въ чертѣ осѣдлости. Собранія немыслимы, непосредственный обмѣнъ мнѣній съ единомышленниками невозможенъ, центральный комитетъ и его пресса почти совершенно отрѣзаны отъ партійной массы, съѣзды происходятъ разъ въ 2 года, за границей, на спѣхъ, за 2—3 дня передъ общимъ конгрессомъ.

Резюмируя все это, приходится сказать, что творческая роль сіонизма, какъ партіи въ россійскомъ еврействѣ, въ настоящій моментъ очень незначительна—меньше, чѣмъ даже въ эпоху освободительнаго движенія, когда сіонисты и въ чертѣ осѣдлости, и въ столицѣ шли во главѣ національныхъ элементовъ еврейства, были руководящей группой на съѣздахъ „союза полноправія" и имѣли въ первой Думѣ 5 депутатовъ. Теперь, оставшись на полѣ брани почти безъ соперниковъ, въ качествѣ единственной уцѣлѣвшей организованной партіи, россійскій сіонизмъ не сумѣлъ ни использовать преимущества этого новаго положенія, ни даже сохранить однажды завоеванныя позиціи. Если въ ближайшемъ будущемъ партія не выдвинетъ силъ, способныхъ повести движеніе по новому руслу, ей не избѣжать тяжелаго внутренняго кризиса.

Остальныя фракціи, уцѣлѣвшія на зыбяхъ еврейской общественности, врядъ ли могутъ притязать на званіе „партій". Это скорѣе идейныя группы, мало развѣтвленныя по городамъ, часто совсѣмъ не организованныя. Дѣятельность ихъ обычно сосредоточивается въ одномъ пунктѣ (Петербургъ, Кіевъ) и по содержанію своему охватываетъ бо-

лѣе тѣсный кругъ задачъ. Послѣднія носятъ главнымъ образомъ практическій характеръ; на широкое идейное руководство, на воспитаніе общественнаго міровоззрѣнія эти группы, очевидно, не претендуютъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, и не проявляютъ никакихъ признаковъ агитаціонной дѣятельности. Тѣмъ не менѣе работа ихъ, каждаго въ своей сферѣ, замѣтна и опредѣленнымъ образомъ отражается на еврейской общественности.

Старѣйшая изъ этихъ группъ—такъ называемые территоріалисты. Въ 1903 году Чемберлэнъ предложилъ покойному Герцлю, основателю сіонистической организаціи, колонизировать Уганду (въ Восточной Африкѣ). VII конгрессъ сіонистовъ въ 1905 году громаднымъ большинствомъ отклонилъ это предложеніе, подтвердивъ, что объектомъ стремленій партіи можетъ быть только Палестина. Тогда меньшинство отложилось и образовало „еврейскую территоріалистическую организацію“. Территоріализмъ ставитъ себѣ задачею созданіе еврейскаго автономнаго общежитія въ любой незаселенной странѣ, которая по своимъ политическимъ и естественнымъ условіямъ окажется подходящей. Отъ сіонизма территоріалистовъ отдѣляетъ довольно глубокое различіе міровоззрѣнія. Они не настаиваютъ на историческомъ характерѣ еврейскаго національнаго движенія, не придаютъ особеннаго значенія идеологической преемственности; задача имъ рисуется въ простыхъ, практическихъ формахъ. Медленное накопленіе національныхъ силъ въ діаспорѣ и въ намѣченной территоріи, политическая борьба за признаніе еврейской національности какъ путь къ возсозданію еврейскаго общежитія—ко всему этому территоріалисты относятся болѣе чѣмъ равнодушно, въ Россіи иногда даже враждебно. Послѣ 1905 года они въ Россіи проявляли нѣкоторую агитаціонную дѣятельность; въ то же время ихъ лондонское правленіе, съ Зангвилемъ во главѣ, развивало большую энергію въ смыслѣ поисковъ подходящей территоріи. До сихъ поръ эти поиски не имѣли успѣха. Въ связи съ этимъ въ Россіи прекратилась агитація; было нѣсколько попытокъ издавать партійный органъ на русскомъ языкѣ, но органъ не выжилъ.

Зато теперь территоріалисты съ большой энергіей занимаются регулированіемъ еврейской эмиграціи въ С. Америку. Какъ извѣстно, эмиграціонный потокъ направляется почти исключительно въ Нью-Іоркъ и осѣдаетъ въ сѣверо-восточныхъ штатахъ. Получается нѣкоторое переполненіе трудового рынка, и уже давно говорятъ о необходимости отвлечь хотя бы часть еврейскихъ эмигрантовъ къ другимъ портамъ Соединенныхъ Штатовъ. Территоріалисты намѣтили для этой цѣли портъ Гальвестонъ, главный торговый городъ штата Техасъ. Дѣйствительно, имъ удалось отправить туда небольшими партіями свыше двухъ тысячъ человѣкъ, большинство которыхъ, опять-таки подъ руководствомъ орга-

низаціи, устроилось въ южныхъ и западныхъ штатахъ. Хотя это только 1 процентъ всей еврейской эмиграціи въ Америку, однако польза предпріятія очевидна. Менѣе очевидно, при чемъ тутъ самый территоріализмъ; впрочемъ, на этотъ вопросъ территоріалисты обыкновенно отвѣчаютъ, что хотятъ „овладѣть эмиграціоннымъ аппаратомъ" въ ожиданіи момента, когда получатъ возможность использовать этотъ аппаратъ для колонизаціи своей будущей территоріи.—На послѣднемъ сіонистическомъ конгрессѣ, въ декабрѣ 1909 года, группа территоріалистовъ заявила о своемъ возвращеніи въ ряды сіонизма; но симптоматичное ли это явленіе, или просто случайное, судить еще нельзя.

Въ концѣ 1906 года возникла въ Петербургѣ „еврейская народная группа", съ гг. Винаверомъ и Сліозбергомъ во главѣ. Въ нее вошли вліятельные круги столичнаго еврейства, хорошо извѣстные и провинціи по покойному журналу *Восходъ*, вокругъ котораго они группировались до революціи, по работѣ въ „Обществѣ для распространенія просвѣщенія между евреями", по многочисленнымъ ходатайствамъ въ защиту еврейскихъ интересовъ предъ властями до-революціонной эпохи. Въ первый годъ своего существованія „группа" развивала извѣстную агитаціонную дѣятельность, главнымъ образомъ по борьбѣ съ кандидатурами и вообще политическими выступленіями сіонистовъ. По своей программѣ „группа", однако, довольно близка къ гельсингфорсскимъ лозунгамъ сіонистовъ: требуетъ признанія еврейской національности, еврейскаго языка въ школѣ, автономіи общинъ и представительства меньшинства. Крайне сильный антагонизмъ „группы" по отношенію къ сіонизму объясняется, очевидно, тѣмъ, что въ однѣ и тѣ же политическія формулы можно вкладывать разное содержаніе. Сіонистическая печать опредѣляетъ направленіе „группы" терминомъ: „націоналъ-ассимиляторы", т.-е. ассимиляторы de facto при націоналистической фразеологіи. Это вѣрно не по отношенію ко всѣмъ дѣятелямъ „группы", но, несомнѣнно, въ сознаніи ея главарей „національзмъ" рисуется скорѣе, какъ нѣкое отвлеченное настроеніе, отнюдь не требующее конкретнаго перехода отъ чужой культуры къ собственной. Впрочемъ, въ своемъ органѣ *Новый Восходъ* группа тщательно выдерживаетъ національно-еврейское направленіе во всѣхъ вопросахъ—культурныхъ, экономическихъ и политическихъ—и протестуетъ противъ ассимиляціи.

Цѣнность „еврейской народной группы" не въ идейной ея индивидуальности (тѣмъ болѣе, что попытки агитаціи въ широкихъ кругахъ она давно оставила), а въ политической дѣятельности ея петербургскихъ лидеровъ. Еще больше, быть можетъ, подошелъ бы терминъ „политическая дипломатія", такъ какъ, за слабостью еврейскаго представительства въ Думѣ (всего два депутата), „политика" сводится къ кабинетнымъ переговорамъ съ представителями партій и сферъ. Такъ

какъ лидеры „группы“ обладаютъ въ этихъ кругахъ большими связями, а въ прогрессивныхъ партіяхъ даже вліяніемъ, то недооцѣнивать этотъ родъ дѣятельности не слѣдуетъ. Но принесетъ ли онъ какіе-нибудь осязательные результаты,—это, конечно, другой вопросъ. Въ послѣднемъ итогѣ курсъ еврейской политики правительства зависитъ отъ факторовъ, которые даже для вліятельной „группы“ находятся за предѣлами досягаемости.

Первоначально „группа“ носилась съ планомъ широкой организаціи еврейскихъ общественныхъ силъ. Предполагался даже созывъ съѣзда выборщиковъ. Теперь эти планы, очевидно, оставлены; есть даже свѣдѣнія, что лидеры „группы“ недружелюбно относятся къ самой идеѣ такой организаціи, главнымъ образомъ изъ опасенія майоризаціи со стороны элементовъ болѣе рѣшительной національной окраски. Въ прошломъ году „группа“ выхлопотала у правительства разрѣшеніе созвать небольшой съѣздъ въ Ковнѣ; участники съѣзда были по большей части просто приглашены, и все дѣло было, очевидно, затѣяно для того, чтобы дать петербургскимъ вожакамъ „группы“ нѣкоторое подобіе всенародной санкціи. Такъ и случилось: съѣздомъ былъ избранъ для веденія „еврейской политики“ комитетъ, въ который вошли всѣ лидеры „группы“. Этотъ „ковенскій комитетъ“ функціонируетъ и по сей день; съ нимъ совѣщаются по всѣмъ вопросамъ оба еврейскихъ депутата; въ комитетѣ участвуетъ также нѣсколько сіонистовъ и безпартійныхъ, но фактически все дѣло въ рукахъ „группы“. Общественнаго и идейнаго значенія, какое имѣли въ 1905 г. съѣзды „союза полноправія“—теперь распавшагося—ковенскій съѣздъ не имѣлъ.

Совершенно неорганизованную группу представляетъ собою такъ называемая Volkspartei. Программа ея, выработанная въ 1906 г. при ближайшемъ участіи Дубнова, отца идеи еврейскаго автономизма, содержитъ очень полное и послѣдовательное развитіе этой идеи. Но и въ 1906 г. группа эта не сдѣлала никакихъ попытокъ организоваться, войти въ живую связь съ массами. Въ настоящее время это теченіе группируется вокругъ своего еженедѣльнаго органа *Еврейскій Міръ* (въ Петербургѣ). Національзмъ ихъ болѣе рѣшителенъ, отрицаніе ассимиляціи ближе доведено до конечныхъ выводовъ, чѣмъ у „группы“; цѣлью ихъ является автономный и самобытный еврейскій народъ въ демократической и федеративной Россіи; не признавая сіонизма, какъ идеала, они сочувствуютъ палестинской колонизаціи, какъ попыткѣ создать новый очагъ еврейской національной культуры. Въ обществѣ и въ массахъ, особенно въ чертѣ осѣдлости, это направленіе въ сущности имѣетъ множество сторонниковъ, и недаромъ его организаціонное безсиліе наводитъ многихъ на мысль, что средній еврейскій обыватель, тотъ, который не захваченъ крайними лозунгами—сіонизмомъ или соціализмомъ, вообще не поддается политической организаціи.

Большое и полезное участіе принимаютъ націоналисты типа „Volkspartei" во всѣхъ нововозникшихъ культурныхъ предпріятіяхъ, какъ еврейское литературное общество, общество еврейской народной музыки и т. д. Иниціатива созданія этихъ обществъ тоже въ большой части принадлежитъ имъ. Общества эти уже довольно широко развѣтвлены; кое-гдѣ они проявляютъ оживленную дѣятельность, внося много новаго въ психику еврейской интеллигенціи, которая такъ привыкла чураться и стѣсняться всего еврейскаго, да и теперь, особенно на югѣ, очень, очень медленно отвыкаетъ...

Въ сторонѣ отъ всѣхъ этихъ партій, фракцій, группъ, теченій и направленій живетъ то большое, то главное, что не есть ни интеллигенція, ни „общество", ни пролетаріатъ, а есть именно самый народъ, девяносто девять сотыхъ всего еврейскаго населенія Россіи. Это та сѣрая, долгополая масса, которая ходитъ въ синагогу, не ѣстъ трефной пищи, справляетъ по традиціонному уставу Пасху и праздникъ Кущей, голодаетъ, поставляетъ главную массу человѣческаго матеріала для эмиграціи и выноситъ на себѣ главную тяжесть всѣхъ погромовъ, и острыхъ, и затяжныхъ. О ней можно повторить то, что сказалъ русскій поэтъ о „глубинѣ Россіи": „тамъ вѣковая тишина". Еврейское простонародье очень интересуется политикой, но ко всякимъ идеаламъ, программамъ и теоріямъ относится съ большимъ скептицизмомъ, въ глубинѣ души думая, что каждый изъ спорящихъ по-своему правъ—и всѣ они вмѣстѣ фантазеры... Даже въ дни свободы эта масса ни на моментъ не отдала своего сердца какой-либо изъ популярныхъ тогда партій. Одно время она вѣрила, что еврейскіе соціалисты „выхлопочутъ" ей у русскихъ соціалистовъ равноправіе, но и тогда, въ глубинѣ души, ни на часъ не перестала считать этихъ еврейскихъ соціалистовъ расшалившимися дѣтьми, которыя собственно въ серьезной, настоящей жизни ничего не понимаютъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ она къ этимъ самымъ дѣтямъ ходила тогда судиться, рѣшать тяжбы, словно къ раввину—просто по привычкѣ признавать капраломъ того, кто палку взялъ. Зато въ эпоху первыхъ сіонистическихъ конгрессовъ масса была сильно, почти поголовно захвачена этимъ движеніемъ—но не благодаря тому дѣйствительно цѣнному, что̀ есть въ сіонизмѣ, а благодаря его тогдашнимъ ошибкамъ. Герцлю и его первымъ послѣдователямъ казалось, что чудо вотъ-вотъ должно свершиться, что черезъ 5—10 лѣтъ еврейскій народъ будетъ спасенъ—и эта наивная вѣра и была главной причиной невѣроятной популярности тогдашнихъ лозунговъ сіонизма. Но по мѣрѣ того, какъ сіонизмъ углублялъ свою концепцію и на мѣсто идеи „скорой помощи" выдвигалъ идею длительнаго, систематическаго накопленія силъ,—по мѣрѣ того измѣнялось и отношеніе народной массы. Конечно, эта масса

глубоко, органически національна, Палестина и смутная вѣра въ возрожденіе Израиля для нея—неотдѣлимые элементы національнаго сознанія; она и теперь съ жадностью прислушивается ко всякой вѣсти о культурныхъ успѣхахъ молодого палестинскаго еврейства, и изъ ея грошовой лепты ежемѣсячно собираются тысячи рублей на сіонистическія цѣли. Но прежняго непосредственнаго энтузіазма этой массы „эволюціонный" сіонизмъ, да и никакое другое движеніе, разсчитанное на долгосрочное усиліе, вызвать не можетъ. Еврейскій народъ исторически отвыкъ сознательно творить свою жизнь, пріучился пассивно выжидать событій, и партіи, которая хотѣла бы играть въ его массахъ руководящую роль, пришлось бы раньше заняться ихъ перевоспитаніемъ, привить имъ—не только „пролетарскому" юношеству, но и отцамъ—инстинктъ политическаго творчества, талантъ длительнаго напряженія воли. Ни одна изъ еврейскихъ партій еще не обнаружила ни пониманія этой задачи, ни умѣнія справиться съ нею. Ибо ни одна изъ этихъ партій, въ сущности, для массы и внутри массы ничего прочнаго и осязательнаго не насаждаетъ.

Въ этомъ главное горе всѣхъ еврейскихъ теченій въ Россіи: ихъ абстрактный, теоретическій, разговорный характеръ. Только Бундъ въ свое время дѣйствительно созидалъ, перестраивалъ бытъ въ доступномъ ему уголкѣ. Теперь всѣ партіи сами по себѣ, а жизнь россійскаго еврейства сама по себѣ. Послѣ 1905 г. не осталось ни одной сколько-нибудь сплоченной группы въ этомъ еврействѣ, которая не примкнула бы къ лозунгамъ національзма; ассимиляція, какъ политическій лозунгъ, совершенно исчезла съ поверхности (кромѣ Польши), а между тѣмъ фактически, въ жизни, руссификація идетъ гигантскими шагами, несмотря даже на то, что въ русскую школу почти нѣтъ доступа. По переписи 1897 г. еще 97% россійскихъ евреевъ показали своимъ природнымъ языкомъ жаргонъ; въ настоящее время врядъ ли полныхъ 80% еще пользуется въ обиходѣ жаргономъ. И по этому поводу печать на разныхъ языкахъ жалуется и скорбитъ, партіи, фракціи, группы и т. д. громятъ другъ друга, но ничего практическаго не видно. У поляковъ была Матица, покрывшая было край сѣтью польскихъ школъ. У евреевъ почти ничего подобнаго, почти не слышно даже о попыткахъ въ этомъ направленіи.

Между тѣмъ евреямъ это далось бы легче. Съ незапамятныхъ временъ уцѣлѣлъ у нихъ рудиментъ національной школы—„хедеръ"; по даннымъ, собраннымъ корреспондентами петербургскаго комитета ЕКО [1]) и относящимся къ началу истекшаго десятилѣтія, 90% всѣхъ еврей-

---

[1]) Еврейское колонизаціонное общество, основанное въ 1891 г. на средства бар. Гирша. Главный комитетъ въ Парижѣ.

скихъ учащихся мужского пола обучаются въ „хедерахъ“. Но преподаванiе въ „хедерѣ“ исключительно религiозное, обстановка самая нездоровая, педагогическая сторона дѣла ниже критики. Всякая серьезная попытка реформировать эти „хедера“, ввести преподаванiе общеобразовательныхъ предметовъ, превратить ихъ въ настоящiя нацiональныя школы была бы съ радостью встрѣчена населенiемъ. Это доказалъ въ свое время успѣхъ „образцовыхъ хедеровъ“, устраивавшихся сiонистами и потомъ заброшенныхъ. Не только масса, но и извѣстная часть интеллигенцiи теперь, подъ влiянiемъ многихъ причинъ, пошла бы навстрѣчу всякому конкретному начинанiю, утверждающему еврейскую культуру въ противовѣсъ ассимиляцiи. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ „еврейское литературное общество“ въ Кiевѣ или Одессѣ было бы немыслимо. Никогда еще такъ широко не расходилась еврейская пресса. Тиражъ еврейской печати на русскомъ языкѣ повысился, сравнительно съ лучшими временами *Восхода*, раза въ три; возникла жаргонная пресса, общiй тиражъ которой далеко переходитъ за сотню тысячъ; на древнееврейскомъ языкѣ издаются четыре органа—ежемѣсячный, еженедѣльный и два ежедневныхъ. И древне-еврейская, и жаргонная литература переживаютъ большой подъемъ, выдвигаютъ имена, которыя сдѣлали бы честь любой изъ старыхъ европейскихъ литературъ; книги на древнееврейскомъ языкѣ, прежде обыкновенно издававшiяся (кромѣ религiозныхъ произведенiй) для немногихъ, теперь сплошь и рядомъ перепечатываются вторымъ и третьимъ изданiемъ; особенно возросъ спросъ на учебники языка и книги для дѣтскаго чтенiя; наконецъ, чего никогда не бывало, кое-гдѣ слышится уже на улицахъ и дома древне-еврейскiй языкъ въ качествѣ разговорнаго. И все это дѣлается какъ-то само собою, отдѣльными людьми, безъ участiя партiй и фракцiй, и потому носитъ добровольческiй характеръ, не концентрируется, не фиксируется, и многое черезъ годъ или пять лѣтъ можетъ пойти на убыль. А рядомъ съ этимъ пробужденiемъ сознанiя шагъ за шагомъ подвигается впередъ безсознательная руссификацiя, опираясь на внушительныя реальныя силы. Сказывается во всемъ этомъ еврейская склонность къ умозрѣнiю вмѣсто дѣла, громадная житейская непрактичность этого якобы практичнаго племени. Характерная мелочь: въ вышедшей недавно книгѣ „Формы нацiональнаго движенiя“ обо всѣхъ другихъ народностяхъ Россiи подробно разсказывается, какъ онѣ устраивали школы и издавали книжки на родномъ языкѣ,—а въ статьѣ о евреяхъ главное мѣсто, на 8 страницахъ, занимаетъ сравнительная таблица нацiонально-политическихъ программъ восьми (!) еврейскихъ партiй...

Сильно осложняется нацiональная позицiя россiйскаго еврейства благодаря „спору о языкахъ“. Два года тому назадъ въ Черновцахъ (Буковина) состоялся съѣздъ писателей и дѣятелей изъ разныхъ странъ,

провозгласившій жаргонъ единственнымъ національнымъ языкомъ еврейства. Съ другой стороны, древне-еврейскій языкъ имѣетъ непримиримыхъ защитниковъ, которые, наоборотъ, не придаютъ жаргону никакого національнаго значенія. Разобраться въ этомъ спорѣ—задача непосильная для настоящаго очерка; но необходимо указать, что каждая изъ сторонъ располагаетъ сильными доводами въ свою пользу. Жаргонисты указываютъ на то, по ихъ мнѣнію, рѣшающее обстоятельство, что жаргонъ является фактически разговорнымъ языкомъ милліоновъ россійскаго, австрійскаго, венгерскаго, румынскаго и американскаго еврейства—не менѣе трехъ четвертей всего еврейскаго населенія на земномъ шарѣ; жаргонъ обладаетъ обширной письменностью, начатки которой восходятъ къ XV столѣтію и въ которой теперь подвизается цѣлая плеяда выдающихся прозаиковъ и поэтовъ; на жаргонѣ издается множество газетъ и журналовъ, есть уже кой-какая научно-популярная литература, есть театръ, репертуаръ котораго удостоивается даже перевода для лучшихъ европейскихъ сценъ.—Съ другой стороны, гебраисты указываютъ на то, что понятія „разговорнаго" и „національнаго" языка не всюду обязательно совпадаютъ. Въ Италіи, кромѣ Рима и Флоренціи, литературный итальянскій языкъ нигдѣ не является разговорнымъ, даже въ средѣ интеллигенціи: говорятъ на мѣстныхъ діалектахъ, діалекты эти обладаютъ даже богатѣйшей литературой, театромъ, прессой, и, однако, „національнымъ" считается итальянскій языкъ и преподаваніе въ школахъ ведется исключительно на немъ. То же самое и въ нѣмецкой Швейцаріи. Ибо „національный" языкъ есть тотъ, на которомъ создана національная культура. Жаргонъ не обнимаетъ даже сотой доли того, что называется „еврейской культурой", и къ величайшимъ ея цѣнностямъ, къ тому, что составляетъ міровую славу еврейскаго духа, онъ не имѣетъ никакого касательства. Древне-еврейскій языкъ и понынѣ широко распространенъ среди тѣхъ же элементовъ еврейства, среди которыхъ распространенъ и жаргонъ; даже новѣйшая его литература качественно богаче жаргонной (напр., Бяликъ). Жаргонъ не можетъ считаться связующимъ звеномъ между евреями разныхъ странъ, такъ какъ онъ совершенно чуждъ и еврейству западной Европы, и особенно евреямъ Ближняго Востока, имѣющимъ свой жаргонъ—эспаньольскій; между тѣмъ піэтетъ къ древне-еврейскому языку сохранился и въ этихъ группахъ, а среди эспаньоловъ языкъ библіи даже сравнительно много распространенъ. Притомъ, и сама говорящая на жаргонѣ масса не считаетъ его ни національнымъ языкомъ, ни языкомъ своей культуры, и, напротивъ, очень дорожитъ знаніемъ древне-еврейскаго языка—а этотъ психологическій фактъ, по мнѣнію гебраистовъ, парализуетъ все значеніе жаргона, какъ фактически разговорнаго нарѣчія. Наконецъ, въ Палестинѣ—единственной странѣ, гдѣ оказался пока возможнымъ опытъ

созданія чисто-еврейской школы, языкомъ „національнымъ"—языкомъ школы и культуры—сдѣлался древне-еврейскій, и этотъ прецедентъ, совпадающій къ тому же и съ исторической традиціей, и съ народнымъ сознаніемъ, долженъ сыграть рѣшающую роль въ вопросѣ.

Таковы, приблизительно и за вычетомъ крайностей, воззрѣнія обѣихъ сторонъ. Не видно пока, чтобы та или другая склонялась къ уступкамъ. Въ программахъ еврейскихъ партій вопросъ этотъ недостаточно выясненъ или даже не затронутъ: онѣ составлялись до того, какъ возгорѣлся этотъ споръ. Впрочемъ, въ гельсингфорсской программѣ сіонистовъ проводится различіе между языкомъ „національнымъ" и „разговорнымъ", а пролетарскія партіи при жизни своей подъ терминомъ „еврейскій языкъ" разумѣли, повидимому, жаргонъ. Рѣшить этотъ споръ будетъ очень трудно, а между тѣмъ, если не создастся единогласіе въ этомъ вопросѣ, немыслимо будетъ даже при лучшихъ политическихъ условіяхъ говорить серьезно о признаніи еврейскихъ національныхъ правъ. Признать права національности значитъ, прежде всего, допустить ея языкъ въ школу и въ дѣлопроизводство мѣстныхъ учрежденій. Какой же языкъ?...—И самое, быть можетъ, печальное въ этомъ спорѣ опять таки то, что обѣ стороны пока ограничиваются словами, доказывая въ печати свою правоту и понося противниковъ, а для реальнаго насажденія и укрѣпленія языковъ съ обѣихъ сторонъ очень мало дѣлается, даже на куцый масштабъ русскихъ полицейскихъ возможностей.

Все это—настоящее. Вопросъ о будущемъ—совершенно другой вопросъ. О будущности еврейскаго національзма такъ же трудно судить по количеству творческой энергіи, проявляемой нынѣ еврейскими націоналистами, какъ о будущности россійской конституціи по количеству энергіи, проявляемой нынѣ россійскими конституціоналистами. Будущее складывается изъ множества факторовъ, гдѣ наша энергія—только одинъ, и не самый важный. Вопросъ о томъ, суждено ли россійскому еврейству ассимилироваться, или суждено развиваться, какъ особой національности, зависитъ главнымъ образомъ отъ общаго вопроса о томъ: куда ведутъ пути развитія Россіи—къ національному государству или къ „государству національностей"? Въ одноязычномъ государствѣ племенное меньшинство, въ особенности разсѣянное, неизбѣжно ассимилируется раньше или позже. Совершенно иначе сложится его судьба въ такой странѣ, гдѣ свободно развивается нѣсколько національностей, нѣсколько языковъ.

Въ Россіи (кромѣ Польши) евреи живутъ массами среди малороссовъ, бѣлоруссовъ, поляковъ, литовцевъ, молдаванъ; меньше всего приходятъ они въ соприкосновеніе именно съ великороссами [1]). Такимъ

---

[1]) Если когда-нибудь и падетъ „черта осѣдлости", эта карта разселенія врядъ ли много измѣнится. Подробно мотивировать это мнѣніе здѣсь не мѣсто; ограничусь ука-

образомъ, даже воспринимая обрусеніе, евреи въ сущности ассимилировались бы не съ окружающимъ ихъ большинствомъ, а съ народомъ, который въ чертѣ осѣдлости самъ составляетъ количественно слабое, разбросанное меньшинство и теперь преобладаетъ только благодаря государственному насилію. При ликвидаціи послѣдняго мѣстныя національныя культуры, развиваясь и соперничая, заставятъ и еврейство окончательно отмежеваться въ особую культурную группу. Тутъ будетъ дѣйствовать не только заразительность примѣра и не только собственный національный импульсъ,—который, впрочемъ, и теперь у евреевъ сказывается гораздо ярче, нежели у ихъ перечисленныхъ сосѣдей (кромѣ поляковъ), и тѣмъ болѣе скажется при измѣненіи политическихъ условій: тутъ будетъ дѣйствовать импульсъ необходимости, чутье политическаго самосохраненія. Въ такой смѣшанной средѣ, какую представляетъ изъ себя каждая губернія черты осѣдлости, примкнуть къ какой-либо одной изъ сосѣдскихъ культуръ значило бы провоцировать антисемитизмъ среди остальныхъ сосѣдей; еще опаснѣе было бы взять на себя роль почти единственныхъ на весь край носителей великорусской культуры — это было бы равносильно вызову, брошенному сразу всему мѣстному населенію. Уже и теперь украинская печать рѣзко протестуетъ противъ руссификаторской роли, которую безсознательно играетъ ассимилированная еврейская интеллигенція въ городахъ юго-западнаго края; поляки и литовцы прямо обвиняютъ евреевъ въ руссификаціи Вильны, и въ этомъ много правды. Въ моментъ, когда всѣ эти народности получатъ свою долю вліянія на краевыя дѣла, даже убѣжденнымъ еврейскимъ ассимиляторамъ, если найдутся такіе, придется бить отбой и, если не изъ непосредственнаго убѣжденія, то путемъ исключенія остановиться на единственномъ мыслимомъ выходѣ—на отмежеваніи еврейства въ особую культурную единицу. Если по этому пути пойдутъ остальныя народности Россіи, будутъ вовлечены въ общее русло и евреи. Весь вопросъ въ томъ, куда ведетъ исторія народы, составляющіе вмѣстѣ государство Россійское.

На этихъ страницахъ П. Б. Струве неоднократно высказывалъ, что считаетъ Россію государствомъ національно-русскимъ. Въ этомъ очеркѣ не мѣсто спорить о такомъ сложномъ вопросѣ; но считаю нужнымъ кратко оговорить, что стою на рѣзко противоположной точкѣ зрѣнія. Примыкаю къ тѣмъ, которые не закрываютъ глазъ на статистику и помнятъ, что народность, языкъ которой называется русскимъ, составляетъ, по несомнѣнно преувеличеннымъ даннымъ переписи 1897 года, всего 43 про-

———

ваніемъ на выводы Я. Лещинскаго въ любопытной монографіи „Der jidischer Arbajter" и ссылкой на примѣръ Австріи. Въ Австріи евреи пользуются правомъ повсемѣстнаго жительства, но еврейскія массы всетаки попрежнему скоплены въ Галиціи.

цента населенія имперіи. Это много, но этого недостаточно для того, чтобы остальные, „инородцы" добровольно согласились на роль безплатнаго приложенія къ великорусской народности. Относясь съ глубочайшимъ уваженіемъ къ этой народности и къ ея могучей культурѣ, желая съ ней жить и дальше въ тѣсной близости духовнаго обмѣна, они, однако, полагаютъ, что естественной вотчиной этой культуры являются предѣлы этнографической Великороссіи, и если теперь оно не такъ, то причина, главнымъ образомъ, въ вѣковомъ насиліи и безправіи. Мы, „инородцы", предвидимъ только одну изъ двухъ возможностей: или въ Россіи никогда не будетъ свободы и права, или каждый изъ насъ сознательно использустъ свободу и право прежде всего для развитія своей самобытной національной личности и для эмансипаціи отъ чужой культуры. Или Россія пойдетъ по пути національной децентрализаціи, или въ ней немыслимо будетъ ни одно изъ оснований демократіи, начиная со всеобщаго избирательнаго права. Для Россіи прогрессъ и Nationalitätenstaat—синонимы, и всякая попытка перескочить черезъ эту истину, утвердить въ государствѣ прочный порядокъ наперекоръ волѣ и сознанію трехъ пятыхъ населенія кончится крахомъ. Такъ полагаютъ „инородческіе" націоналисты, и не только они; а кто правъ, отвѣтитъ будущее [1]).

Вл. Жаботинскій.

---

[1]) См. въ этомъ номерѣ ниже редакціонный отвѣтъ автору въ замѣткахъ *П. Б. Струве* „На разныя темы".—*Ред.*

Старое и новое въ физикѣ.

Рѣчь, читанная въ годичномъ засѣданіи Общества Испытателей Природы 3 октября 1910 года.

Мм. Гг.!

Когда Пиѳагора спросили, чего онъ достигаетъ размышленіемъ, то онъ, по преданію, отвѣтилъ: „*способности ничему не удивляться*".— Если бы въ настоящее время кто-нибудь во что бы ни стало хотѣлъ добиться этой почтенной способности, то ему можно было бы присовѣтовать одно: *сдѣлаться физикомъ*. Ибо физики, повидимому, должны были привыкнуть ко всѣмъ неожиданностямъ послѣ того, что развернула исторія послѣднихъ двухъ десятковъ лѣтъ. За этотъ не особенно длинный промежутокъ времени физики пережили открытіе электрическихъ волнъ и послѣдовавшій за этимъ открытіемъ переворотъ въ оптикѣ: пережили крахъ общепринятой раньше теоріи, которая исходила изъ представленія о свѣтоносной средѣ,—о міровомъ эѳирѣ, какъ о весьма тонкомъ и весьма упругомъ твердомъ тѣлѣ, и видѣли расцвѣтъ новой, раньше непризнанной, „электромагнитной" теоріи свѣта; далѣе они были свидѣтелями возникшаго живѣйшаго интереса къ катоднымъ лучамъ и сроднымъ явленіямъ; видѣли открытіе тѣхъ особенностей, которыя свойственны свѣту намагниченнаго источника по сравненію съ свѣтомъ, исходящимъ изъ источника ненамагниченнаго; присутствовали при открытіи радія, при установленіи родословной какъ самого радія, такъ и родословной его многочисленнаго потомства; участвовали въ возбужденной этими открытіями переоцѣнкѣ цѣнностей въ воззрѣніяхъ на природу матеріи и на законы движенія; наконецъ, въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ физики являются свидѣтелями возникновенія новаго грандіознаго принципа, настолько универсальнаго, что если онъ окончательно окрѣпнетъ (а къ этому онъ имѣетъ значительные шансы), то его на іерархической лѣстницѣ основныхъ началъ можно будетъ поставить рядомъ съ принципомъ сохраненія энергіи и выше принципа энтропіи (какъ имѣющаго

не столь всеобщее значеніе). Я имѣю въ виду такъ наз. *принципъ относительности*, согласно которому законы физическихъ явленій совершенно одинаковы какъ для неподвижнаго наблюдателя, такъ и для наблюдателя, находящагося въ равномѣрномъ поступательномъ движеніи; въ частности, измѣреніе скорости свѣта какъ неподвижнымъ наблюдателемъ, такъ и наблюдателемъ движущимся дастъ всегда одинаковый результатъ—300,000 километровъ въ секунду [1]). Отсюда вытекаетъ, что находясь на той или другой планетѣ,—живя въ той или другой солнечной системѣ, мы не имѣемъ рѣшительно никакого средства опредѣлить, находимся ли мы въ равномѣрномъ поступательномъ движеніи или нѣтъ. Изъ принципа относительности выводится еще множество другихъ слѣдствій; нѣкоторыя изъ этихъ слѣдствій совсѣмъ переворачиваютъ привычныя понятія. Я укажу нѣсколько наиболѣе поразительныхъ результатовъ. 1) Оказывается, что ни при какихъ обстоятельствахъ нельзя наблюдать въ природѣ движенія болѣе быстраго, чѣмъ распространеніе свѣтового луча. 2) Всякое тѣло, движущееся относительно наблюдателя равномѣрно поступательно, укорачивается въ своемъ размѣрѣ, взятомъ по направленію движенія. Правда, укороченіе вообще чрезвычайно мало: при относительной скорости, равной 400 километровъ въ секунду (скорость кометы Галлея въ перигеліи), это укороченіе составляетъ всего одну милліонную долю размѣра тѣла. Однако, чѣмъ больше скорость, тѣмъ больше и укороченіе. По мѣрѣ приближенія скорости движенія разсматриваемаго тѣла къ скорости свѣта, продольные размѣры тѣла стремятся къ нулю: тѣло стремится превратиться въ тонкую пластинку. 3) Если въ тѣлѣ, движущемся по отношенію къ наблюдателю, происходитъ какой-нибудь процессъ, то наблюдателю этотъ процессъ всегда представляется замедленнымъ—тѣмъ больше, чѣмъ скорѣе движется тѣло. Если скорость тѣла почти равна скорости свѣта, процессъ покажется почти остановившимся. Иллюстрирую эту мысль такимъ фантастическимъ примѣромъ. Пусть съ какой-нибудь звѣзды выѣзжаетъ двадцатилѣтній юноша-пассажиръ и движется по отношенію къ намъ съ скоростью 280,000 километровъ въ секунду. Тогда спустя 40 лѣтъ путешествія ему стукнетъ шестьдесятъ; но если мы слѣдили за нимъ все время, то по нашей оцѣнкѣ ему будетъ въ этотъ моментъ только 33 года. (Такимъ образомъ можно считать, что найдено вѣрное средство не только казаться, но быть

---

[1]) Наибольшая роль въ установленіи принципа относительности принадлежитъ тремъ лицамъ: знаменитому нидерландскому физику Гендрику Антону Лоренцу, подготовившему почву для новаго принципа своими работами по электрооптикѣ; профессору физики въ Базелѣ Альберту Эйнштейну, въ 1905 г. впервые высказавшему принципъ во всей его общности; и, наконецъ, скончавшемуся въ 1909 году нѣмецкому математику Герману Минковскому, который привелъ принципъ относительности съ его слѣдствіями въ стройную математическую систему.

съ извѣстной точки зрѣнія моложе своего настоящаго возраста.) 4) Температура тѣла, движущагося по отношенію къ наблюдателю, покажется ему болѣе низкой, чѣмъ какою представляется она наблюдателю, по отношенію къ которому это тѣло находится въ покоѣ; охлажденіе происходитъ въ томъ же отношеніи, въ какомъ идетъ укороченіе пространственныхъ и временныхъ признаковъ. Такимъ образомъ раскаленное, но очень быстро движущееся небесное тѣло представится намъ тѣломъ холоднымъ: мы не увидимъ его въ свои телескопы. Этимъ можетъ объясняться явленіе такъ наз. „угольныхъ мѣшковъ", беззвѣздныхъ участковъ небеснаго свода.

Всѣ эти идеи имѣютъ весьма странный видъ; и недаромъ въ послѣднее время кое-кто начинаетъ, въ связи съ принципомъ относительности, разсматривать нашъ міръ какъ неэвклидовъ,—какъ міръ Лобачевскаго. Однакожъ указанныя мною странныя соображенія могутъ быть сближены съ одною вещью, которая чрезвычайно проста, всѣмъ извѣстна, никого не удивляетъ, а между тѣмъ принадлежитъ къ той же категоріи. Вообразите нѣкоторое движущееся тѣло, обладающее, кромѣ того, запасомъ внутренней энергіи: это можетъ быть, напримѣръ, тепловая энергія. Пусть это тѣло наблюдаютъ два лица, изъ которыхъ одно движется вмѣстѣ съ тѣломъ, а другое—нѣтъ. Когда зайдетъ рѣчь о полной энергіи тѣла, то второй наблюдатель скажетъ, что разсматриваемое тѣло, кромѣ извѣстнаго запаса внутренней энергіи U, имѣетъ еще опредѣленное количество энергіи кинетической K,—итого $U+K$; первый же наблюдатель не замѣтитъ, что онъ вмѣстѣ съ тѣломъ движется (подобно тому, какъ мы не замѣчаемъ движенія земли), и по его оцѣнкѣ энергія тѣла будетъ состоять только изъ одного члена U. Такимъ образомъ съ двухъ точекъ зрѣнія получится разный результатъ; и разница K между двумя оцѣнками будетъ при обычныхъ для насъ скоростяхъ движенія такъ же мала, какъ разницы въ линейныхъ размѣрахъ и въ длительности промежутковъ времени: ибо внутренняя энергія U по сравненію съ кинетическою энергіею K будетъ въ этомъ случаѣ весьма велика.

Я укажу еще нѣкоторыя замѣчательныя слѣдствія принципа относительности. Такъ, 5) оказывается, что всякая *энергія* обладаетъ извѣстной, пропорціональной или какъ бы эквивалентной ей, *инерціей* или *массой;* такимъ образомъ, если нѣкоторая часть пространства (занятая веществомъ или пустая—все равно) содержитъ энергію, равную E эрговъ, то это равносильно тому, какъ если бы этой части пространства была присуща масса, равная $\frac{E}{9\times10^{20}}$ граммовъ. Поэтому если извѣстное тѣло пріобрѣтаетъ, напр., тепловую энергію, то и масса его соотвѣтственно возрастаетъ; наоборотъ, потеря энергіи тѣломъ равносильна убыли его массы. Правда, эта убыль совершенно ничтожна: 1 кило-

граммъ воды, охлаждаясь отъ 100° до 0°, теряетъ въ своей массѣ половину одной стомилліонной доли грамма.

Наконецъ, 6) еще одно слѣдствіе принципа относительности, особенно чреватое выводами: оказывается, что въ то время какъ данный электрическій зарядъ сохраняетъ одну и ту же величину и для покоящагося наблюдателя, и для наблюдателя движущагося,—электрическая или магнитная сила даннаго поля является величиною неопредѣленной. Отсюда естественно напрашивается такой выводъ: электрическій зарядъ есть нѣчто абсолютное,—дѣйствительная реальность; наоборотъ, электромагнитное поле—лишь вспомогательное представленіе; это есть лишь нѣчто кажущееся, вродѣ „небесной сферы", о которой мы говоримъ въ астрономіи, но которая въ дѣйствительности не существуетъ, потому что радіусъ ея есть величина неопредѣленная. Но если электромагнитное поле—не реальность, то теряетъ права на существованіе и та среда, роль которой была—служить субстратомъ электромагнитнаго поля: *мы должны отказаться отъ признанія реальности свѣтового эѳира.* Чтобы ярче обрисовать быстроту эволюціи научныхъ идей въ наше время, позвольте мнѣ привести цитату изъ рѣчи, произнесенной осторожнымъ ученымъ 20 лѣтъ тому назадъ: „Слово *эѳиръ* уже идетъ на помощь слову *электричество* и скоро сдѣлаетъ его излишнимъ. Механика эѳира... уже заступаетъ мѣсто и старозавѣтной теоріи *электрическихъ жидкостей* и позднѣйшаго *ученія объ электромагнитныхъ силахъ.* Разрѣшитъ ли механика эѳира и другія загадки космоса—это болѣе гадательно: быть можетъ, здѣсь чередъ наступитъ не такъ скоро. Но для *электричества* уже занялась заря эѳирной механики: для этой обширной науки XX вѣкъ будетъ вѣкомъ эѳира". Такъ говорилъ проф. Столѣтовъ на VIII съѣздѣ естествоиспытателей въ 1890 году; а въ 1907—8 мы уже сваливаемъ эѳиръ въ тотъ же археологическій музей, куда раньше попали флогистонъ, теплородъ, магнитныя жидкости и тому подобныя отжившія древности. И правду сказать: нынѣшнее развѣнчаніе эѳира происходитъ не безъ нѣкотораго злорадства. Ужъ очень неподатлива въ концѣ-концовъ оказалась эта среда ко всѣмъ стараніямъ физиковъ втиснуть ее во вселенную; точно кто-нибудь силился бы часть шаровой поверхности наложить на плоскость: придавилъ здѣсь—тамъ образовалась складка; прижалъ тамъ—тутъ получился разрывъ. Я укажу нѣсколько примѣровъ противорѣчій, къ которымъ приводила гипотеза эѳира. По расчету лорда Кельвина, плотность эѳира могла быть въ милліоны милліоновъ разъ меньше, чѣмъ плотность легчайшаго газа—водорода: по В. Бьеркнесу плотность эѳира составляетъ примѣрно одну стомилліонную долю плотности воды; наконецъ, по Лоджу эѳиръ выходитъ въ 100 милліардовъ разъ плотнѣе свинца. Вотъ другой контроверзный пунктъ: по Френелю, свѣтовыя колебанія въ поляризованномъ

лучѣ перпендикулярны къ плоскости поляризацiи; по Ф. Нейману, плоскость колебанiй совпадаетъ съ плоскостью поляризацiи. Наконецъ, важнѣйшимъ и наиболѣе рѣзкимъ противорѣчiемъ, связаннымъ съ допущенiемъ эоира, является слѣдующее: явленiе аберрацiи свѣта заставляетъ признать, что эоиръ находится въ абсолютномъ покоѣ, а земля движется по отношенiю къ нему; но, съ другой стороны, знаменитый интерференцiонный опытъ Майкельсона-Морли, согласно съ множествомъ другихъ опытовъ, показываетъ, что земля не обнаруживаетъ относительнаго движенiя по отношенiю къ эоиру.

Но можно спросить: если выбросимъ эоиръ, то чѣмъ же всетаки будетъ передаваться лучистая энергiя чрезъ огромныя пространства, которыми отдѣлены другъ отъ друга небесныя тѣла? Этотъ вопросъ въ новѣйшее время рѣшается радикально. Чтобы разъяснить предъ вами генезисъ новѣйшихъ воззрѣнiй на распространенiе лучистыхъ формъ энергiи, позвольте мнѣ предварительно остановить ваше вниманiе на той общей эволюцiи, какую испытало понятiе энергiи. Основное опредѣленiе энергiи, какъ извѣстно, гласитъ: энергiя матерiальнаго тѣла есть механическiй эквивалентъ тѣхъ внѣшнихъ дѣйствiй, которыя осуществляются, когда разсматриваемое тѣло изъ даннаго состоянiя переходитъ въ нѣкоторое состоянiе, которое мы по произволу называемъ „нормальнымъ“.

Это основное опредѣленiе является въ высшей степени абстрактнымъ. По смыслу этого опредѣленiя энергiя матерiальнаго тѣла (или системы тѣлъ) есть просто нѣкоторое число—число эрговъ или килограмметровъ; это—нѣкоторая математическая функцiя (Wirkungsfunktion по Кирхгофу). Попробуемъ поставить вопросъ: *гдѣ находится* энергiя такого-то тѣла? Тогда тотъ, кто строго держится произнесеннаго мною опредѣленiя, скажетъ: *нигдѣ*—потому что гдѣ же можетъ находиться число?—Если хотите,—на доскѣ, на бумагѣ. Въ крайнемъ случаѣ, если мы будемъ ужъ очень настойчивы въ своемъ желанiи во что бы ни стало локализировать энергiю, то, пожалуй, намъ это удастся—но только весьма парадоксальнымъ образомъ: а именно, естественно допустить, что энергiя находится тамъ, гдѣ она *проявляется;* но она проявляется *внѣшними дѣйствiями;* слѣдовательно, выходитъ, что энергiя тѣла имѣетъ мѣстопребыванiе *внѣ* этого тѣла. Это парадоксально, но абсурднаго въ такомъ взглядѣ нѣтъ ничего.—Теперь я укажу другое возможное пониманiе энергiи. Извѣстно, что энергiя системы тѣлъ не зависитъ отъ вида того превращенiя, посредствомъ котораго система переходитъ отъ состоянiя даннаго къ состоянiю нормальному. Это—такъ наз. принципъ Майера-Гельмгольца. Изъ этого принципа вытекаетъ, что энергiя системы за время происходящаго въ ней превращенiя уменьшается на величину, равную механическому эквиваленту произведенныхъ внѣшнихъ дѣйствiй; а если за время превращенiя никакихъ внѣшнихъ дѣйствiй не произо-

шло (значитъ, происходили лишь внутреннія), то энергія системы остается безъ перемѣны. Это—законъ сохраненія энергіи; и онъ открываетъ возможность, такъ сказать, конкретизировать энергію. Мы можемъ разсматривать энергію тѣла какъ нѣкоторый запасъ, или, по выраженію К. Неймана, *капиталъ,* который имѣетъ мѣстопребываніе *внутри* этого тѣла (а не внѣ), который можетъ тратиться на производство внѣшнихъ дѣйствій и можетъ возрастать па счетъ извѣстнаго прихода извнѣ. Такое пониманіе является чрезвычайно простымъ и удобнымъ благодаря аналогіи съ матеріей, которая также обладаетъ этимъ свойствомъ. Можно продолжить эту аналогію дальше, и уже не только локализировать энергію въ тѣлахъ и элементахъ тѣлъ, но приписывать энергіи способность принимать различныя *формы* (подобно тому, какъ вещество является намъ въ разныхъ формахъ); можно говорить о превращеніи энергіи изъ однѣхъ формъ въ другія (подобно превращеніямъ вещества); наконецъ, можно поставить и рѣшать трудный вопросъ о *движеніи энергіи въ пространствѣ,* какъ это впервые сдѣлалъ въ 1874 году нашъ глубокоуважаемый президентъ Н. А. Умовъ. Всѣ эти воззрѣнія, благодаря своей наглядности, болѣе или менѣе быстро привились, и можно сказать, что такимъ образомъ энергія *матеріализовалась;* такъ что если Оствальдъ не былъ неправъ, заявляя въ 1895 году въ надѣлавшей много шума рѣчи, что энергія есть вещь болѣе основная, чѣмъ матерія,—зато онъ былъ абсолютно неправъ, называя свою рѣчь „Преодолѣніемъ научнаго матеріализма“; ибо защищаемое имъ научное теченіе по существу какъ разъ состояло въ созданіи мірового инваріанта, аналогичнаго матеріи, построеннаго по ея образцу; развиваясь далѣе, это теченіе привело, наконецъ, къ тому, что мы теперь, какъ я говорилъ, всякому количеству энергіи приписываемъ извѣстную массу или инерцію. А что такое инерція? Вѣдь это—главнѣйшій, характернѣйшій признакъ матеріи. Итакъ, можно сказать, что въ XX вѣкѣ энергія стала матеріей. Какъ хотите,—здѣсь „научный матеріализмъ“ является скорѣе преодолѣвающей, чѣмъ преодолѣваемой стороной.—И вотъ я опять подхожу къ вопросу объ эѳирѣ и говорю: покуда энергія (въ частности лучистая энергія) была только цифрой,—нуженъ былъ эѳиръ, чтобы въ немъ воображать процессы, дающіе этой цифрѣ физическій смыслъ; но когда она матеріализовалась, то уже нѣтъ никакихъ основаній держать на службѣ особый видъ матеріи, служащій ея передатчикомъ на пути отъ солнца или неподвижныхъ звѣздъ къ намъ. И такимъ образомъ эѳиръ теряетъ право на существованіе. [1])

---

[1]) Небезынтересно привести слѣдующую пророческую цитату изъ извѣстной книги Пуанкаро „Наука и Гипотеза“, появившейся еще въ 1902 году: „Эѳиръ, безъ сомнѣнія, нѣкогда окажется безполезнымъ представленіемъ и будетъ отвергнутъ“. (Рус. перев. подъ ред. А. Бачинскаго, стр. 231).

Въ послѣдніе годы теорія самостоятельнаго существованія и самостоятельнаго движенія лучистой энергіи черезъ пустоту межзвѣздныхъ пространствъ получаетъ еще новое развитіе. Германскій физикъ Планкъ въ рядѣ изслѣдованій развилъ теорію, по которой лучистая энергія, подобно матеріи, подобно электричеству, состоитъ изъ отдѣльныхъ мелкихъ индивидуумовъ, атомовъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію Планка, свѣтъ распространяется въ видѣ частицъ. Если эта (еще не вполнѣ разработанная) теорія привьется, то мы до извѣстной степени возвратимся къ Ньютоновой теоріи свѣтовыхъ истеченій.

Этотъ рядъ бѣглыхъ указаній говоритъ вамъ, что если физики, сильные своимъ оптимизмомъ, непрерывно и въ широкихъ размѣрахъ продолжаютъ теоретическое строительство, то во всякомъ случаѣ новое творчество сопровождается безпощаднымъ разрушеніемъ стараго. Приходится сжигать, чему такъ недавно поклонялись, не исключая и того, по выраженію современнаго ученаго и поэта (Н. А. Морозова), „вездѣсущаго и единственно вѣчнаго вещества, которое является источникомъ всякой жизни, всякой перемѣны во вселенной",—міровового эѳира.—Завидная участь—жить въ такія эпохи, когда достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта мощность научнаго строительства; когда совершенно новые теоретическіе принципы возникаютъ, чтобы упорядочить хаосъ фактовъ, не поддающихся объясненію. Подобный трепетъ познающаго духа переживали люди XVI вѣка, когда Коперникъ остановилъ солнце и бросилъ землю и планеты кружиться въ необозримыхъ безднахъ, а Галилей созидалъ законы новой механики па развалинахъ воззрѣній Аристотелевой школы.—Но не всѣ съ равнымъ оптимизмомъ смотрятъ на цѣнность научныхъ теорій: иные полагаютъ, наоборотъ, что быстрая смѣна господствующихъ научныхъ воззрѣній ведетъ къ выводу о „банкротствѣ науки". Конечно, наукѣ, чтобы защитить себя, достаточно указать на столь явныя доказательства своей мощи, какъ летательныя машины, безпроволочные телеграфы, электрическія печи; но хорошо, если и въ теоретической области можно будетъ указать столь же незыблемыя пріобрѣтенія, твердо стоящія среди урагана научныхъ переворотовъ. Да, такія пріобрѣтенія есть; и я, чтобы вы не ушли отсюда съ чувствомъ неувѣренности, перейду теперь къ одному изъ нихъ.

Вы знаете, въ чемъ заключаются основныя идеи кинетической теоріи вещества.

По этой теоріи, всякое вещество—въ частности газообразное—состоитъ изъ молекулъ—изъ отдѣльныхъ тѣлецъ, которыя въ тысячу разъ мельче мельчайшихъ бактерій. Численность молекулъ невообразимо громадна: такъ, пузырекъ воздуха, прилипающій къ стѣнкамъ стакана съ холодной водой, содержитъ такое число молекулъ, которое во много тысячъ разъ больше, нежели число звѣздъ, различаемыхъ на небесной

сферѣ съ помощью сильнѣйшихъ телескоповъ; если бы все населеніе земного шара занималось тѣмъ, что день и ночь считало бы молекулы въ 1 кубическомъ сантиметрѣ воздуха, по 3 штуки въ каждую секунду, то для окончанія счета понадобился бы промежутокъ времени въ 200 лѣтъ. Молекулы не находятся въ покоѣ, но быстро движутся—тѣмъ быстрѣе, чѣмъ горячѣе тѣло; движеніе ихъ и есть то, что мы зовемъ теплотой. Молекулы кислорода и азота въ воздухѣ этой аудиторіи летаютъ съ скоростью пушечнаго снаряда: такимъ образомъ можно сказать, что вокругъ насъ и въ нашихъ легкихъ постоянно бушуетъ буря, которая втрое стремительнѣе сильнѣйшихъ урагановъ природы; и лишь потому она не причиняетъ разрушительныхъ послѣдствій, что скачка молекулъ есть явленіе совершенно неупорядоченное, хаотическое: однѣ изъ нихъ летятъ скорѣе, другія медленнѣе: однѣ—сюда, другія—въ противоположную сторону; поэтому онѣ больше всего сталкиваются другъ съ другомъ, и сравнительно мало сталкиваются съ тою оболочкой, внутри которой онѣ заключены. Такъ какъ движеніе молекулъ есть явленіе хаотическое, то оно и регулируется законами хаоса, т.-е. законами случайныхъ событій. Эти законы устанавливаются въ той вѣтви математики, которая извѣстна подъ именемъ теоріи вѣроятностей. Примѣненіе этихъ воззрѣній къ газамъ позволило необыкновенно наглядно объяснить ихъ физическія свойства, а также дало намъ возможность получить тѣ свѣдѣнія о размѣрахъ, численности и движеніи молекулъ, которыя я только что имѣлъ честь напомнить вамъ.

Начало кинетической теоріи газовъ было положено въ первой половинѣ XVIII вѣка выдающимся математикомъ и физикомъ Даніиломъ Бернулли; но періодъ наиболѣе быстраго развитія ея соотвѣтствуетъ третьей четверти XIX вѣка. Можно сказать, что въ настоящемъ своемъ видѣ эта теорія является созданіемъ трехъ знаменитыхъ ученыхъ. Германецъ Рудольфъ Клаузіусъ, старшій изъ трехъ (1822—1888) первый сумѣлъ привлечь къ кинетической теоріи газовъ всеобщій интересъ. О немъ мнѣ придется сегодня говорить еще по другому поводу. Геніальный шотландецъ Джемсъ Клеркъ Максуэлъ (1831—1879) примѣнилъ къ теоріи газовъ статистическій методъ и между прочимъ нашелъ законъ, по которому между молекулами распредѣляются различныя величины ихъ скоростей. Дѣло въ томъ, что если тѣло (напримѣръ, газъ) находится въ стаціонарномъ состояніи, то одна изъ этихъ скоростей—наивѣроятнѣйшая—встрѣчается всего чаще; другія, или превышающія эту наивѣроятнѣйшую, или меньшія сравнительно съ ней, встрѣчаются рѣже, но все же встрѣчаются, какъ бы велики или малы онѣ ни были. Максуэловъ законъ распредѣленія молекулярныхъ скоростей аналогиченъ закону распредѣленія случайныхъ погрѣшностей, возникающихъ при многократномъ повтореніи одного и того же опыта, напримѣръ, при

стрѣльбѣ въ цѣль искуснаго стрѣлка: чѣмъ больше случайныя отклоненія отъ цѣли, тѣмъ рѣже они встрѣчаются. Наконецъ, австрійскій нѣмецъ Лудвигъ Больцманъ (1844—1906) посвятилъ всю свою жизнь усовершенствованію кинетической теоріи и въ частности выясненію той связи, въ какой стоитъ понятіе вѣроятности съ понятіемъ энтропіи. Содержаніе установленнаго Клаузіусомъ принципа энтропіи можно передать такъ. Въ мірѣ есть основная цѣнность—энергія; человѣчество заимствуетъ ее, гдѣ можетъ, для своихъ цѣлей: такъ, оно пользуется энергіей каменнаго угля и кислорода для приведенія въ дѣйствіе своихъ паровыхъ машинъ. Исчезни каменный уголь—и возможность дальнѣйшаго существованія человѣческой культуры становится проблематичной,—вовсе не потому, чтобы на землѣ малъ былъ запасъ энергіи; напротивъ, онъ такъ огроменъ, что можетъ быть названъ неисчерпаемымъ: я приведу одинъ примѣръ—теплоту океановъ; если бы всѣ океаны земного шара охладились на совершенно незамѣтную величину, на $^1/_{1000}$ долю градуса, то при этомъ освободилось бы столько тепла, сколько получается отъ сгоранія 150 милліардовъ тоннъ угля. Но подите, получите это тепло: это—задача неосуществимая. Неосуществимость обусловливается тѣмъ, что тепловая энергія океановъ равномѣрно разсѣяна, разрознена между невообразимой массой молекулъ. Позвольте мнѣ употребить шуточное сравненіе.

Сто рублей представляютъ сумму, которая можетъ на нѣкоторое время замѣтно скрасить существованіе отдѣльнаго лица. Вы слышали, конечно, анекдотическій совѣтъ, какъ всякій легко и навѣрняка можетъ осуществить у себя въ кошелькѣ сто рублей: нужно взять взаймы по рублю у ста человѣкъ знакомыхъ. Едва ли кто откажетъ въ такой суммѣ; значитъ, способъ—вѣрный; но вы никакъ не согласитесь, чтобы онъ былъ дѣйствительно легокъ. Такъ вотъ: подобно тому какъ капиталъ теряетъ, какъ бы сказать, свою созидательную цѣнность, когда онъ маленькими суммами разсѣвается или размѣнивается между множествомъ лицъ, такъ и энергія можетъ разсѣваться, распыляться и тѣмъ обезцѣниваться. Степень распыленія энергіи въ какомъ-нибудь тѣлѣ характеризуется математической функціей, которую Клаузіусъ назвалъ энтропіей. Обезцѣненіе энергіи имѣетъ мѣсто, напримѣръ, всякій разъ, когда смѣшиваются два количества газа или жидкости, нагрѣтыя въ неодинаковой степени: мы въ этомъ случаѣ скажемъ, что послѣ смѣшенія энтропія увеличилась. Теплота имѣетъ стремленіе переходить, какъ показываетъ всеобщій опытъ, отъ тѣлъ теплыхъ къ тѣламъ холоднымъ. Если бы въ мірѣ вся теплота распредѣлилась равномѣрно, то это соотвѣтствовало бы максимальному значенію энтропіи: это было бы возвращеніе къ хаосу,—это былъ бы конецъ міра. Клаузіусъ въ статьѣ, напечатанной въ 1865 году, какъ разъ пророчитъ вселенной такой конецъ,

говоря: хотя энергія вселенной остается постоянной, но энтропія вселенной стремится къ максимуму.

Больцманъ, стоя на почвѣ кинетической теоріи, далъ цѣнныя дополненія къ принципу энтропіи. Онъ свелъ идею энтропіи къ идеѣ вѣроятности. Энтропія какого-нибудь тѣла или системы тѣлъ тѣмъ больше, чѣмъ болѣе вѣроятно то состояніе, въ которомъ мы воображаемъ данныя тѣла. Представимъ себѣ газъ, въ которомъ какая-нибудь причина произвела теченія и который затѣмъ былъ предоставленъ самому себѣ. Дѣлая подсчетъ молекулярныхъ движеній, мы находимъ въ высшей степени вѣроятнымъ, что теченія черезъ нѣсколько времени погаснутъ и газъ придетъ въ наиболѣе для него вѣроятное стаціонарное состояніе: а паралельно этому увеличится его энтропія.—Но самая большая вѣроятность еще не есть полная достовѣрность, и я приведу примѣръ, противъ котораго вы едва ли станете спорить. Можно математически доказать, что игрокъ, который при всякомъ удобномъ случаѣ играетъ въ азартныя игры на большія для его состоянія суммы, *почти навѣрное* потеряетъ все, что имѣетъ; и вы, конечно, видѣли на практикѣ подтвержденіе этого. Но въ этой математической теоремѣ утверждается не полная достовѣрность, не неизбѣжность, а лишь весьма большая вѣроятность извѣстнаго исхода; не лишено вѣроятности и то, что этотъ игрокъ разбогатѣетъ. А разъ это хоть сколько-нибудь вѣроятно, то значитъ это возможно.

Подобно этому, если мы имѣемъ газъ при опредѣленной температурѣ въ стаціонарномъ состояніи, то въ высшей степени мало вѣроятно, чтобы онъ самъ собою раздѣлился на двѣ половины—горячую и холодную; но это вполнѣ мыслимо и—скажу—возможно. Потому что вѣдь въ газѣ есть молекулы болѣе быстрыя (т.-е. болѣе горячія) и менѣе быстрыя (т.-е. болѣе холодныя); распредѣленіе ихъ всегда случайно, какъ случаенъ выигрышъ въ игрѣ; стоитъ случайно собраться всѣмъ быстрымъ молекуламъ въ одномъ углу (все равно, что игроку выиграть много разъ кряду)—и вотъ газъ самъ собою раздѣлился на горячую и холодную часть.

Можно привести еще болѣе разительный примѣръ. Пусть вы ставите воду въ сосудѣ на очагъ. Является въ высочайшей степени вѣроятнымъ, что вода закипитъ; но возможенъ и иной, правда, чрезвычайно маловѣроятный исходъ: обмѣнъ скоростей между сталкивающимися молекулами воды и сосуда, сосуда и очага можетъ происходить такъ, что кинетическая энергія молекулъ воды передается очагу, и вода на огнѣ замерзнетъ. Если бы такой фактъ случился, онъ не представился бы чудомъ для физика: этотъ фактъ вошелъ бы цѣликомъ въ область закономѣрностей природы. Теорія можетъ даже сказать вамъ, какое невообразимо огромное число разъ надо ставить воду на очагъ,

чтобы наконецъ этотъ необыкновенный фактъ осуществился. Можно примѣнять соображенія этого рода ко всей вселенной или къ отдѣльнымъ уголкамъ ея—къ отдѣльнымъ солнечнымъ системамъ, и говорить: въ природѣ вообще господствуетъ тенденція къ болѣе вѣроятнымъ состояніямъ, т.-е. къ увеличенію энтропіи; и такъ какъ время текло уже безконечно въ прошедшемъ, то природа, *какъ цѣлое,* уже во всякомъ случаѣ находится въ наиболѣе вѣроятномъ состояніи, т.-е. въ состояніи стаціонарномъ,—не нарушаемомъ яркими событіями,—въ состояніи смерти. Но это не исключаетъ того, что время отъ времени то здѣсь, то тамъ произойдетъ по законамъ случайностей весьма мало вѣроятное событіе: разрозненная энергія однообразныхъ хаотическихъ массъ сконцентрируется, образуя солнечную систему, содержащую въ себѣ разнообразные виды вещества, дающую поле различнымъ яркимъ и красочнымъ процессамъ, въ частности,—процессу жизни. Съ этой точки зрѣнія наша солнечная система является примѣромъ такого маловѣроятнаго событія, перешедшаго въ реальность. Пусть черезъ милліоны лѣтъ погаснетъ солнце: гдѣ-нибудь за квадрильоны миль опять вспыхнетъ новая звѣзда и зародитъ и разовьетъ жизнь кругомъ себя. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что по новымъ взглядамъ, о которыхъ я имѣлъ честь вамъ говорить, энергія обладаетъ массой; и есть основанія думать, что масса эта—не только инертная, но и тяготѣющая; а тяготѣніе элементовъ энергіи другъ къ другу есть сила, противодѣйствующая ея разсѣянію. Можно сказать болѣе: если число элементовъ мірозданія (напримѣръ, атомовъ) конечно, то въ теченіе безконечнаго времени уже безконечное число разъ были исчерпаны всѣ возможныя комбинаціи этихъ элементовъ, и тогда все, что происходитъ и произойдетъ, есть необходимо повтореніе того, что уже было; такъ что и мнѣ уже безконечное число разъ приходилось говорить предъ вами въ этой аудиторіи. Такъ приходимъ мы къ идеѣ Палингенезиса или Вѣчнаго Возвращенія, въ пользу которой высказывалось столько древнихъ и новыхъ мыслителей.

Но позвольте мнѣ вдругъ оборвать эти мечтанія и поставить трезвый вопросъ: насколько вѣрны или насколько вѣроятны данныя самой кинетической теоріи? Вѣдь съ ними стоятъ и падаютъ всѣ наши широкія перспективы: вопросъ, какъ видите, весьма насущный и въ разное время разно рѣшавшійся. Да, кинетическая теорія испытала превратности судьбы: въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія многіе хотѣли было ее похоронить; и Оствальдъ, главный ея врагъ, отзывался о ней въ цитированной мною рѣчи наполовину съ презрѣніемъ, наполовину съ сожалѣніемъ. Но XX вѣкъ, который уже столько вещей расшаталъ и ниспровергъ, оказался особенно благопріятенъ къ молекулярно-кинетической теоріи. Можно сказать, что онъ перевелъ молекулы

изъ разряда вещей умопостигаемыхъ въ разрядъ вещей ощущаемыхъ. Это доказано изслѣдованіемъ *Броунова движенія*.

Явленіе это названо такъ по имени англійскаго ботаника Броуна, который его впервые наблюдалъ (въ 1827 году); но истинная природа явленія была открыта много позже. Въ проложеніи на экранъ явленіе имѣетъ слѣдующій видъ: на болѣе свѣтломъ фонѣ мы замѣчаемъ множество болѣе темныхъ шариковъ,—нѣчто вродѣ негативной картины звѣзднаго неба. Но шарики эти, какъ видите, движутся: замѣтьте какіе-нибудь 3 или 4 изъ нихъ, которые составляли бы треугольникъ или четыреугольникъ; и вы увидите, что въ теченіе непродолжительнаго времени эта фигура деформируется, измѣняя свои очертанія. Движенія эти—совершенно безпорядочныя, хаотическія. Въ чемъ тутъ дѣло? У насъ между предметнымъ и покровнымъ стеклышками микроскопическаго препарата помѣщена капелька эмульсіи, приготовленной изъ воды и небольшого количества гуммигута—извѣстной желтой краски. Можно было бы взять какую-нибудь другую эмульсію—это все равно. Шарики—это увеличенныя изображенія ничтожныхъ, микроскопически-мелкихъ зернышекъ гуммигута; а дрожатъ и пляшутъ они оттого, что находятся подъ постояннымъ воздѣйствіемъ толчковъ со стороны окружающихъ ихъ молекулъ воды. Будь наши зернышки побольше (размѣромъ, напримѣръ, въ $^1/_{10}$ миллиметра), тогда въ каждое мгновеніе они получали бы такъ много толчковъ отъ окружающихъ молекулъ, что эти толчки, по закону большихъ чиселъ, навѣрно уравновѣсили бы другъ друга: такъ трансатлантическій пароходъ совершенно нечувствителенъ къ ударамъ отдѣльныхъ волнъ о его борта; но лодка чувствуетъ равнодѣйствующую этихъ ударовъ; такъ и наши зернышки, благодаря малости своихъ размѣровъ, подаются то въ ту, то въ другую сторону. Надо только замѣтить, что тѣ прыжки, которые мы замѣчаемъ у этихъ зернышекъ, совершенно не даютъ понятія объ истинной быстротѣ ихъ движенія. Молекулы воды при обыкновенной температурѣ движутся въ среднемъ съ скоростью пули или пушечнаго снаряда. Наши зернышки, хотя они и гораздо массивнѣе, всетаки скачутъ такъ быстро, что собственно за ихъ скоростью въ каждый данный моментъ мы не въ состояніи услѣдить. Но такъ какъ движеніе здѣсь происходитъ по законамъ хаоса, то для каждаго зернышка, благодаря обмѣну скоростей, наступаетъ время, когда оно приходитъ въ состояніе почти что покоя: тогда-то мы его и услѣживаемъ. Слѣдовательно то, что кажется намъ однимъ прыжкомъ такого зернышка, есть на самомъ дѣлѣ сложная зигзагообразная линія, изъ которой мы усматриваемъ только начало и конецъ.—Итакъ, я говорю, что эти Броуновы движенія доказываютъ намъ существованіе молекулъ и реальность молекулярныхъ движеній въ такой же мѣрѣ, въ какой существованіе Нептуна доказывалось произво-

димыми имъ возмущеніями въ то время, когда еще ничей глазъ не усматривалъ этой планеты, или въ какой мѣрѣ затменія Алголя доказываютъ, что у Алголя есть темный спутникъ. Никакой другой причиной, кромѣ молекулярныхъ толчковъ, Броуново движеніе не можетъ быть объяснено. Къ этому надо добавить, что за послѣдніе годы много ученыхъ занимались точными подсчетами перемѣщеній Броуновыхъ зернышекъ, изучали распредѣленіе самихъ зернышекъ и распредѣленіе ихъ перемѣщеній,—и оказалось, что всѣ эти признаки имѣютъ какъ разъ ту самую численную величину, какая должна быть, если молекулы дѣйствительно существуютъ. Такимъ образомъ Броуново движеніе служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ правильности кинетической теоріи. Можно даже сказать, что само Броуново движеніе есть движеніе молекулярное: это такъ же вѣрно, какъ то, что ультракрасные лучи суть свѣтъ.

Такимъ образомъ, улаживается важный этапъ нашихъ соображеній. Оправданіемъ кинетической теоріи и примѣняемаго въ ней статистическаго метода прочно кладется фундаментъ для дальнѣйшихъ выводовъ. Я бѣгло указалъ, въ какомъ отношеніи стоятъ эти выводы къ рѣшенію сложнѣйшаго и труднѣйшаго вопроса, какой только задавало себѣ человѣчество: вопроса о началѣ и концѣ міpового процесса. Вы видѣли, въ чемъ состоитъ отвѣтъ, опирающійся на новѣйшія научныя данныя: можно говорить о началѣ и концѣ отдѣльныхъ фазъ—но міровой процессъ, какъ цѣлое, вдвойнѣ безконеченъ—въ прошедшемъ и въ будущемъ. Клаузіусъ 45 лѣтъ тому назадъ отвѣчалъ иначе. Вотъ два различныхъ рѣшенія вопроса. Каждое изъ нихъ посейчасъ имѣетъ сторонниковъ; это, конечно, показываетъ, что ни то, ни другое не обладаетъ такимъ общеобязательнымъ значеніемъ, какъ геометрическія теоремы или какъ принципъ сохраненія энергіи; оба не достовѣрны, а въ извѣстной мѣрѣ вѣроятны. Тотъ, кто отдаетъ предпочтеніе одному рѣшенію предъ другимъ, руководится какими-нибудь основаніями; въ томъ числѣ могутъ играть роль личные вкусы разнаго рода. Желая выразиться кратко, я скажу, что есть элементъ *вѣры* въ нашемъ отношеніи къ подобнымъ отвѣтамъ, еще не получившимъ общеобязательной силы. Можетъ быть, мнѣ кто-нибудь скажетъ, что вѣрѣ нѣтъ мѣста въ наукѣ, что настоящая наука изыскиваетъ лишь истины общеобязательныя, истины безусловно доказуемыя—какъ геометрія. На это я скажу, что если бы тому отношенію, которое я назвалъ *вѣрой*, въ наукѣ не было мѣста, то изъ сферы вѣдѣнія науки пришлось бы выкинуть цѣлый рядъ вопросовъ, напримѣръ, тотъ же вопросъ объ эѳирѣ. Этотъ вопросъ какъ будто всетаки еще не окончательно рѣшенъ; все еще думается: а можетъ быть въ отрицательномъ рѣшеніи, которое я имѣлъ честь вамъ излагать, не все принято въ расчетъ? вѣдь возрождались же теоріи

забытыя и похороненныя, напримѣръ, теорія электрическихъ жидкостей, теорія свѣтовыхъ истеченій. Однако вопросъ объ эфирѣ *нужно* рѣшать такъ или иначе: профессоръ, читающій курсъ оптики, или будетъ употреблять слово эфиръ или нѣтъ: тутъ-то онъ и покажетъ, въ какую сторону клонится его вѣра. Но теперь я могу обернуть вопросъ и сказать: если въ выводахъ науки есть мѣсто вѣрѣ, то очевидно и наоборотъ: всѣ тѣ утвержденія, про которыя иногда говорятъ, что въ сферу научной компетенціи они не входятъ,—всѣ положенія, которыя, какъ говорится, бываютъ на вѣру приняты (или отвергнуты), *подлежатъ* научной критикѣ. Другими словами: нѣтъ такихъ вопросовъ, относительно которыхъ наука не могла бы произнести свое вѣское слово; на всякій вопросъ она можетъ дать отвѣтъ, причемъ, конечно, надо оговориться, что иногда этотъ отвѣтъ будетъ заключаться въ отрицаніи смысла за самымъ вопросомъ. Въ однихъ случаяхъ этотъ отвѣтъ будетъ болѣе полнымъ, въ другихъ—менѣе полнымъ и менѣе категорическимъ; дѣло будущаго — усовершенствовать въ этомъ отношеніи недостающее. Мы увѣрены, что рано ли, поздно ли—это будущее наступитъ.

А. Бачинскій.

Психологическій кризисъ.

Письмо изъ Италіи.

I.

Наканунѣ только что закончившагося XI конгресса соціалистической партіи печать всѣхъ направленій съ большимъ усердіемъ старалась предсказать, чѣмъ кончится съѣздъ: побѣдой ли трезваго реформизма, торжествомъ ли конвульсивнаго революціонизма. Всѣ предсказанія исходили, конечно, изъ опредѣленія состоянія, переживаемаго итальянской соціалистической партіей,—отсюда то разнообразіе мнѣній, которое было высказано, тотъ кавардакъ сужденій, въ которыхъ разобраться человѣку со стороны было не такъ-то легко.

Соціалистическая партія и соціалистическое движеніе переживаютъ кризисъ; съ этимъ фактомъ считаются и сами соціалисты всѣхъ теченій: Турати, Моргари и непримиримый Лаццари. Но что это за кризисъ, каковъ его характеръ? Есть ли это кризисъ теоретическій, или это кризисъ практики движенія?

Наиболѣе правильное сужденіе высказалъ профессоръ Робертъ Михельсъ. По его мнѣнію, грандіозныя организаціи, созданныя соціалистическими партіями, не даютъ права говорить о кризисѣ практики [1]), ибо именно практически соціализмъ преуспѣваетъ. И нѣтъ кризиса теоретическаго, ибо синдикализмъ соединяетъ-де нынѣ „холодное сознаніе и научную общественность съ борьбой классовъ, какъ та была дана Марксомъ“ плюсъ „этическое постиженіе“, которымъ-де синдикализмъ дополнилъ ученіе Маркса. И если почтенный профессоръ нѣсколько преувеличиваетъ роль синдикализма, призваннаго нести „святой огонь юности“ и „идеи воплощать въ дѣйствіе“ (ужъ не по примѣру ли пресловутаго Пато?), Михельсъ несомнѣнно правъ, утверждая, что теперешній кризисъ соціализма есть прежде всего кризисъ „психологическій“.

---

[1]) См. *Rivista italiana de Sociologia,* Fasc. III — IV, 1910, pag. 375, 376 и слѣд.

Еще конгрессъ „молодыхъ соціалистовъ“, имѣвшій мѣсто въ сентябрѣ текущаго года во Флоренціи, предсказывалъ, какъ трудно будетъ излѣчить серьезную болѣзнь всего соціалистическаго движенія. „Молодые соціалисты“ видѣли, что партія—какъ она понималась 15 лѣтъ назадъ—гибнетъ и стоитъ уже на краю гибели. Они хотѣли вдохнуть жизнь въ разлагающееся тѣло... Но—увы!—кромѣ старыхъ фразъ и нудныхъ проектовъ ничего выдумать не могли. Не гибнетъ ли партія отъ того, что соціалисты оставили антимилитаристскую пропаганду? Да, да! Они ухватились за это предположеніе и цѣлый день несли околесицу о вредѣ милитаризма и патріотизма, совершенно не разбираясь въ понятіяхъ „шовинизмъ“, „милитаризмъ“ и „патріотизмъ“, ругая „родину“, которая погубила соціализмъ. Родина... „родина—пустой синонимъ“, ибо имѣются „родина эксплоататоровъ и родина эксплоатируемыхъ“. А всѣ [1]) офицеры и чиновники, служащіе родинѣ, только—„эпилептики“. И ораторы „молодыхъ соціалистовъ“, въ возрастѣ отъ 30 до 50 лѣтъ, полагали, что открываютъ Америку, ругая родину.

Или, быть можетъ, причиной упадка партіи служитъ масонство, помогающее соціалистамъ во время выборовъ? Отыскалась вторая причина: цѣлый день бранили масоновъ и разложеніе, вносимое ими въ партію, рекомендуя въ концѣ-концовъ „выгнать“ всѣхъ масоновъ изъ нѣдръ этой послѣдней.

Или, быть можетъ, виноваты христіанскіе соціалисты, съ которыми партія вошла въ блокъ на прошлыхъ парламентскихъ выборахъ? Конечно, христіанскіе соціалисты, руководимые Р. Мурри, люди хорошіе и соціалисты стойкіе, но они... вѣруютъ въ Бога, слѣдовательно, находятся „въ явномъ противорѣчіи“ съ соціалистической церковью (чего не говорилъ до сихъ поръ и Каутскій). А посему... исключить изъ партіи всѣхъ „молодыхъ соціалистовъ“, которые религіозны, и порвать съ модернистами. Кромѣ того, съѣздъ „молодыхъ“ соціалистовъ „констатировалъ“, что „религіозное чувство—предразсудокъ“. Еслибъ среди молодыхъ и старыхъ горлановъ были дѣйствительно вѣрующіе соціалисты, можно было бы сказать, что они сами высѣкли себя этимъ „констатированіемъ“. Къ несчастью, стойкихъ и убѣжденныхъ соціалистовъ на этомъ эпилептическомъ конгрессѣ (прибѣгаемъ къ терминологіи „молодыхъ соціалистовъ“) не было.

Но главной причиной упадка партіи является... спортъ. О, молодые соціалисты не такъ наивны, какъ думаетъ читатель, они смотрятъ въ корень вещей. Дѣло обстоитъ такимъ образомъ [2]).

„Принимая во вниманіе, что: а) спортъ, какъ онъ существуетъ те-

---

[1]) См. *Avanti* и другія итальянскія газеты отъ 20 сентября 1910 г.

[2]) Цитирую *дословно*, см. №№ итальянскихъ газетъ отъ 21 сентября 1910 г.

перь, не способствуетъ физическому развитію человѣческаго тѣла (словно *тѣло* несетъ функціи *моральнаго* развитія—П. Р.), напротивъ того, ослабляетъ его, губитъ и частью дегенерируетъ; b) что... этотъ спортъ служитъ только для промышленныхъ спекуляцій болѣе или менѣе демократическихъ, но всегда лавочническихъ (*botteglie*), чтобы вдохнуть въ молодежь абсурдный націонализмъ; c) что въ вѣкъ механическаго и электрическаго (!) дѣйствія можно болѣе легко и раціонально озаботиться физическимъ воспитаніемъ, чѣмъ (велосипедными) гонками по Италіи или безумными мараѳонскими бѣгами и т. д., и т. д.

„Конгресъ постановилъ предостеречь рабочихъ отъ того вида спорта, который разрушаетъ ихъ физическое здоровье и мораль; отказать въ правѣ гражданства всѣмъ спортивнымъ секціямъ, ибо наши идеалы не нуждаются въ рекламѣ“.

Даже официальный органъ партіи *Avanti* отчиталъ эту борьбу со спортомъ, ядовито посовѣтовавъ „молодымъ“ соціалистамъ не заниматься прежде всего спортомъ... соціалистическимъ.

Слово оставалось за взрослыми соціалистами. И, дѣйствительно, за двѣ недѣли до миланскаго конгресса появился „манифестъ“ революціонныхъ соціалистовъ—остатковъ непримиримыхъ ферріанцевъ и бѣлыхъ синдикалистовъ, еще не вышедшихъ изъ партіи и не примкнувшихъ къ основанной Лабріола „анархо-синдикалистской“ партіи. Манифестъ, для поднятія „умирающей партіи“ энергично, въ тонѣ магистерскомъ, рекомендуетъ: 1) полную враждебность по отношенію къ буржуазіи; 2) указать границы, за которыми кооперативы перестаютъ быть полезными для соціалистическаго движенія; 3) полное отдѣленіе отъ демократическихъ партій во время выборовъ, и 4) абсолютную оппозицію ко всѣмъ кабинетамъ со стороны парламентской фракціи соціалистовъ.

Характерно, что манифестъ былъ подписанъ только тремя извѣстными соціалистами: Лаццари, Лерда, Тодескини. А далѣе—какіе-то Борали, Бергамаско, Колли и пр., столь же извѣстные итальянскимъ соціалистамъ, какъ и русскимъ, нѣмецкимъ или китайскимъ. Еще болѣе характерно, что революціонеры—въ огромномъ большинствѣ—южане, въ то время, какъ реформизмъ черпаетъ силы всегда и только—на сѣверѣ.

Уже бѣглое ознакомленіе съ манифестомъ и спискомъ подписавшихъ его лицъ говоритъ за то, что между Югомъ и Сѣверомъ идетъ борьба. Конгрессъ въ Миланѣ и оказался по существу „конгрессомъ Юга и Сѣвера“, гдѣ боролись между собой ненавидящія другъ друга части Италіи; соціалистическая партія оказалась зараженной локальной враждой, какъ и прочія партіи. И 2-й пунктъ революціонной программы, трактовавшей о полезности кооперативовъ, былъ направленъ Югомъ противъ Сѣвера.

Конечно, не отдѣльныя лица или партія въ цѣломъ своемъ пишетъ исторію страны. Соціализмъ въ Италіи пріобрѣлъ всѣ національныя свои

черты, ибо въ народъ онъ проникъ и съ самой жизнью столкнулся: а жизнь роковой чертой отдѣлила Югъ отъ Сѣвера.

Природа дополнила то разъединеніе, которое совершила исторія. Если мы обратимся къ отличной работѣ Маріани [1]), увидимъ, что ирригація Сѣвера (въ частности Ломбардіи) является поистинѣ классической со временъ средневѣковья.

Объединенная Италія увидѣла, что наиболѣе сложнымъ вопросомъ ея жизни является вопросъ южный,—и вотъ уже 50 лѣтъ бьется въ проектахъ „цивилизовать" Югъ, тратитъ сотни милліоновъ, но результаты получаетъ сравнительно небольшіе: „насадить" культуру гораздо труднѣе, чѣмъ полагаютъ южане, во всѣхъ своихъ бѣдахъ обвиняющіе Сѣверъ страны.

Соціалистическая партія, съ момента своего основанія, стала „партіей Сѣвера". Прежде всего, это была партія *пролетарская,* въ первоначальномъ значеніи этого слова,—партія индустріальныхъ рабочихъ. И именно революціонные марксисты противились проектамъ реформистовъ работать среди крестьянъ, чтобы поднять ихъ матеріальное положеніе и защищать ихъ интересы. Слѣдовательно, „теорія" отогнала соціалистическую молодежь отъ деревни, и та пошла въ городъ, къ рабочимъ, которыхъ сама судьба предназначала будто бы явиться объектомъ для ортодоксальныхъ экспериментовъ. Промышленность Италіи была (какъ и теперь) сконцентрирована на Сѣверѣ,—и волей судебъ соціалисты развили свою пропаганду *только* на Сѣверѣ.

Первая полоса исторіи соціалистической партіи была полосой политической. Съ момента основанія партіи до смерти короля Умберта I, т.-е. въ продолженіе 8 лѣтъ, жизнь всей страны была сосредоточена вокругъ вопроса, придворная ли партія сломитъ парламентаризмъ, или палата депутатовъ завоюетъ положеніе вершителя дѣлъ страны.

Вокругъ какихъ вопросовъ вращалась тогда соціалистическая мысль? Главнымъ образомъ, если не исключительно, вокругъ вопросовъ чистой политики, ибо приходилось бороться за свободу союзовъ и собраній, за полноправіе парламента. И соціалистическія группы, руководимыя интеллигентами, не могли, разумѣется, заняться экономической организаціей рабочихъ, ибо на очереди стоялъ вопросъ о *политическомъ* просвѣщеніи послѣднихъ. Такимъ образомъ создалась и *политическая* революціонность соціалистовъ, какъ міросозерцаніе, какъ психологія.

Крутой переломъ въ событіяхъ произошелъ въ 1904 г. Призванные къ власти искренніе либералы обезпечили странѣ прочность конституціонныхъ гарантій и всемогущество парламента, а Джіолитти пошелъ

---

[1]) *Dott. Angelo Mariani:* „Geografia economica sociale dell'Italia". Manuali Hoepli Milano, 1910; см. Parte III.

еще дальше и протянулъ руку рабочимъ, зовя ихъ представителей содѣйствовать ему въ управленіи страной.

Новыя событія породили и новую тактику. Приходилось похерить политику—въ старомъ значеніи этого слова—и приняться за экономическую организацію пролетаріата. Три основныхъ причины опять-таки двинули соціалистовъ на Сѣверъ:

1) промышленность развивалась въ сѣверныхъ провинціяхъ, тамъ были сосредоточены кадры рабочей арміи;

2) предварительная работа шла на Сѣверѣ, и „политическая" эпоха партіи уже подготовила сѣверянъ ко второй эпохѣ—„экономической".

3) историческія условія, выработавшія еще въ началѣ среднихъ вѣковъ духъ единенія среди сѣверянъ; зародыши политическихъ союзовъ и экономическихъ товариществъ облегчили работу соціалистамъ: почва была уже воздѣлана, соціалистамъ оставалось лишь *оформить* то, что было создано исторіей.

Но работа по организаціи рабочихъ въ экономическіе союзы немедленно же обнаружила, что пролетаріи имѣютъ необходимость въ союзѣ *по промысламъ*. Идея „конфедераціи труда" явилась идеей рабочей и имѣла огромный успѣхъ. Конечно, сплошь и рядомъ конфедерація труда не соглашалась съ соціалистической партіей, желавшей господствовать и диктовать рабочимъ линію ихъ поведенія. И скоро лидеры партіи убѣдились, что пролетаріатъ не вмѣщается въ соціалистическую партію, его требованія и желанія продиктованы насущными нуждами, а не мечтами о „конечной цѣли"; что конфедерація труда—экономическая организація пролетаріата, а политическія партіи (и соціалистическая—въ томъ числѣ) очень слабо представляютъ рабочихъ. И, наконецъ, флорентинскій конгрессъ (1908 г.) соціалистической партіи призналъ, что конфедерація труда—хозяинъ положенія, а соціалистическая партія—только политическій его представитель, который долженъ запрашивать конфедерацію о предпринимаемыхъ имъ шагахъ, не смѣя вмѣшиваться въ экономическую жизнь [1]).

Рабочее движеніе, реформистскій синдикализмъ побѣдилъ соціалистическую интеллигенцію.

Дальнѣйшій путь соціалистической партіи опредѣлялся самъ собой. Правовѣрные марксисты могли остаться непримиримыми; въ такомъ случаѣ они лишились бы рабочихъ и, сохранивъ свой „революціонный" обликъ, варились бы въ собственномъ соку: нѣсколько тысячъ адвокатовъ, учителей, врачей и пр. не были бы широкой партіей, а группой интеллигентовъ, безъ вліянія и поддержки.

Балансировать не приходилось: вершители судебъ партіи—рефор-

---

[1]) См. „Письмо изъ Италіи", *Русск. Мысль*, 1908 г., декабрь.

мисты, какъ и парламентская фракція, подчинились постановленіямъ флорентинскаго конгресса и взялись за кропотливую работу. Какой она могла быть? Каковой она была въ дѣйствительности? Рабочіе требовали немедленно приняться за осуществленіе неотложныхъ реформъ, которыхъ они ждали десятилѣтіями,—и парламентская фракція настояла и провела черезъ палаты законы объ охраненіи труда малолѣтнихъ и женщинъ; о воспрещеніи ночного труда пекарей (которыхъ въ Италіи 70 т. человѣкъ); о „кассахъ для матерей“-работницъ; о субсидіяхъ рабочимъ кооперативамъ и пр., и пр. Теперь Италія находится наканунѣ проведенія закона о страхованіи отъ старости и инвалидности.

Всѣ эти законы имѣли въ виду *Сѣверъ*, т.-е. индустріальныхъ рабочихъ. Волей судебъ *Юга* они касались въ незначительной степени. И тогда-то интеллигенты-соціалисты (группы *Юга* сплошь состоятъ изъ интеллигентовъ, какъ вкратцѣ я указывалъ въ началѣ статьи), тѣ самые „непримиримые“, которые до недавняго времени презирали „мелкихъ буржуа“—крестьянъ, вдругъ подняли крикъ. Соціалисты-де ратуютъ только за Сѣверъ, а крестьянскій Югъ не хотятъ замѣчать. Реформисты занялись „реформочками“, ублажаютъ рабочихъ, помогаютъ кооперативамъ и способствуютъ тому, что рабочіе замыкаются въ свои „корпоративныя“ учрежденія и превращаются въ рабочую аристократію.

Такъ началась и идетъ борьба Сѣвера съ Югомъ. Она шла всегда, жизнь страны вертится неизмѣнно вокругъ этого рокового антагонизма, ибо таковъ результатъ исторіи, раздѣлившей страну на югъ и сѣверъ. И соціалистическая партія подверглась участи буржуазныхъ; въ ея средѣ кипитъ теперь война между сѣверянами и южанами. И что всего примѣчательнѣй,—ортодоксальные марксисты съ пѣной у рта защищаютъ мелкое крестьянство,—иронія судьбы! Впрочемъ, защищаютъ *свое* крестьянство, а не Сѣвера, ибо сѣверяне-де—буржуа. Такъ соціалистическая партія разбилась на двѣ фракціи: южанъ-интеллигентовъ-„революціонеровъ“ (согласно ихъ же опредѣленію) и сѣверянъ-рабочихъ-реформистовъ.

И на съѣздѣ въ Миланѣ безпощадно боролись Югъ съ Сѣверомъ, интеллигенты съ рабочими, непримиримые съ реформистами. Къ своимъ впечатлѣніямъ о миланскомъ конгрессѣ я и перейду.

II.

Грандіозный залъ миланской камеры труда, какъ и все это помѣщеніе, занимающее цѣлый кварталъ, свидѣтельствовали, что рабочіе какъ бы демонстрируютъ свою силу. Это первое впечатлѣніе какъ нельзя полнѣе подтвердилось.

Конгрессу приходилось обсудить полтора десятка докладовъ за пять

дней. Но четыре дня ушло на дебаты лишь по одному докладу, совершенно исчерпывающему всѣ прочіе вопросы: по докладу Турати. Генеральные критеріи"—или „Политическая работа соціалистической партіи"—таково названіе доклада. Основная мысль Турати выражена ясно: до 1900 г., до момента завоеванія населеніемъ политическихъ правъ, не было настоящей соціалистической работы: она началась лишь съ 1900 г., когда можно было приняться за революцію безъ *bluff*, за „*революцію въ движеніи*". Турати осуждаетъ импульсивность итальянцевъ, отсутствіе задерживающихъ центровъ, а это не говоритъ за серьезность ихъ—итальянцевъ. Серьезное же обсужденіе необходимо для разрѣшенія серьезныхъ вопросовъ.

Итакъ, соціализмъ пересталъ быть партіей „сантиментальной филантропіи"; онъ превратился въ защитника и выразителя пролетаріата. Съ этой точки зрѣнія и надлежитъ разсматривать жизнь. Переходя къ отдѣльнымъ пунктамъ, Турати замѣчаетъ, что о *прекращеніи* военныхъ расходовъ нечего и мечтать, такъ какъ вопросъ этотъ имѣетъ характеръ интернаціональный; достаточно и того, чтобы задержать процессъ роста военнаго бюджета. Это будетъ крупнымъ успѣхомъ, ибо докажетъ силу итальянскаго пролетаріата: вѣдь реформы завоевываются въ соотвѣтствіи съ силой партій, ихъ добивающихся.

„Въ эклектизмѣ вещей" всякій методъ имѣетъ свой часъ. Имѣлъ свой часъ и революціонизмъ, когда боролся съ *правительствомъ*. Теперь этотъ часъ прошелъ; борьба съ правительствомъ изъ *принципа*—абсурдъ, ибо „*для* свободы надо разрушать; *при* свободѣ—создавать". И политика „все или ничего" есть политика диллетантовъ, „Монте-Карло политики".

Докладчикъ намѣчаетъ 4 реформы, которыя надо осуществить:

1. Всеобщее избирательное право (для лицъ обоего пола) при пропорціональномъ представительствѣ, вознагражденіи депутатамъ и пр.

2. Пріостановленіе абсолютнаго роста военныхъ расходовъ и соотвѣтствующее (?) ихъ уменьшеніе.

3. Развитіе работы государства, мѣстныхъ учрежденій (т.-е. провинціальныхъ и городскихъ), соціалистическихъ партій и рабочихъ организацій въ вопросѣ школьномъ и вопросѣ „пролетарской культуры".

4. Соціальныя страхованія, начиная со страхованія старости и инвалидности *всѣхъ* (курсивъ мой—П. Р.) рабочихъ.

Чтобы дать отпоръ реформистамъ, революціонеры изготовили нѣсколько докладовъ на основаніи матеріаловъ приблизительно 70-хъ гг. Старый Лерда, многое забывшій, но ничему не научившійся, въ своемъ докладѣ „Поддержка направленій правительства и участіе во власти" говоритъ, напримѣръ, что, несмотря на „всѣ теоретическіе доводы", ничто „не помѣшало партіи пойти на компромиссы" съ буржуазіей. И

потому она потеряла свой „боевой и классовый характеръ“, что „было главной, если не исключительной причиной ея первоначальнаго развитія“. Самъ того не понимая, Лерда подтверждаетъ только мысль Турати о „политическомъ“ періодѣ партіи.

Въ противность Лерда, теперешній вождь революціонеровъ Лаццари ничего не забылъ; и, подобно Лерда, ничему не научился.

Казалось бы, ясно, что депутаты, которыхъ онъ считаетъ простыми посланцами партіи обязаны только „протестовать“, такъ какъ нельзя „создавать законы“. Но Лаццари дѣлаетъ скачокъ и требуетъ, чтобы депутаты-соціалисты „поддерживали законы, которые выработаны, какъ показатели преобразованія государства въ смыслѣ, желательномъ соціалистической волѣ (стиль королевскихъ декретовъ!), не принимая ухаживаній министерствъ...“

Но и въ средѣ самихъ реформистовъ назрѣлъ расколъ. Не теоретическія разногласія были тому причиной, а локальныя. Уже изъ доклада на конгрессѣ профессора Сальвéмини „Всеобщее избирательное право“ можно было видѣть, что суть распри опять-таки въ южномъ вопросѣ. Профессоръ—вѣрный реформистъ, но прежде всего—сициліецъ, для котораго интересы родного острова превыше всего. Его конекъ—всеобщее избирательное право, но съ оговоркой: Сальвемини только за такое всеобщее право агитируетъ, при которомъ право голоса получаютъ *всѣ* граждане и гражданки, въ томъ числѣ и неграмотные.

На иномъ пути стояла революціонная группа.

Лерда поноситъ „реформочки“, хотя мечтаетъ о реформахъ, которыя явятся сами собой. А Лаццари видитъ кругомъ измѣну. Была прекрасная бумажка, и священнымъ шрифтомъ была начертана программа соц.-демократіи. Но появились хитрые люди и коварно измѣнили програму, хотя не отреклись отъ нея офиціально.

Но если забыть о страшныхъ словахъ и перейти къ разсмотрѣнію порядка дня, представленнаго „непримиримыми революціонерами“, мы увидимъ, что они мало чѣмъ отличаются отъ реформистовъ. Порядокъ дня—въ двѣ печатныхъ страницы! — начинается бравурно: тутъ и революціонная пропаганда, и тираннія, и непримиримость въ связи съ борьбой со всякимъ министерствомъ. И кончается порядокъ дня также очень бравурными фразами, которыя мы читали еще въ резолюціяхъ... Э. Ферри. А въ срединѣ вкраплено: нужно завоевать... все то, что имѣется въ порядкѣ дня Турати и путемъ реформистскимъ — черезъ парламентъ.

Реформистамъ приходилось дать отвѣтъ по тремъ пунктамъ обвинительнаго акта: 1) по вопросу о „защитѣ интересовъ Сѣвера“, кооперативной своей болѣзни и поощреніи „корпоративизма въ ущербъ соціализму“; 2) по пункту о поддержкѣ министерствъ; 3) наконецъ, оправдаться отъ обвиненія въ превращеніи соціалистической партіи въ рабочую.

Депутатъ Петръ Кіеза (рабочій) защищаетъ кооперативы, которыми соціалисты занялись по завоеваніи ими публичныхъ правъ. Онъ объясняетъ, какую могучую роль играютъ кооперативы, помогая стачечникамъ и объединяя рабочихъ, отнюдь не способствуя развитію въ нихъ „эгоизма". И если Югъ протестуетъ,—онъ правъ, но виновата въ этомъ не партія, а вся исторія: Югу нужны школы и дать ему грамоту—обязанность соціалистовъ. Всѣ же революціонныя фразы могутъ свидѣтельствовать лишь объ одномъ: „прошлое еще господствуетъ надъ душой массъ; и пролетарская психологія нуждается въ преобразованіи посредствомъ школъ".

Депутатъ Кабрини защищаетъ соціальное законодательство, конекъ парламентскихъ соціалистовъ. Реформы завоевываются шагъ за шагомъ, одинъ законъ является слѣдствіемъ другого; „пріостановить" же эту работу означало бы пріостановку всего рабочаго движенія.

Глава „Генеральной конфедераціи труда"—истинный вершитель судебъ партіи—Ригола, беретъ быка за рога. Для него слова „идеалы, непримиримость и марксизмъ" пусты, если не имѣютъ содержанія, а только произносятся для красоты. „Отъ реальнаго къ идеалу"—Ригола вполнѣ бернштейніанецъ, онъ предлагаетъ соціалистамъ находиться въ области реальнаго. Въ жизни произошла огромная перемѣна: 15—20 лѣтъ назадъ противъ пролетаріата было правительство. Нынѣ правительство выражаетъ идею государства и прекратило преслѣдованія пролетаріевъ.

Появленіе на трибунѣ депутата Биссолатти предвѣщало, что реформисты наносятъ врагамъ послѣдній ударъ. И, дѣйствительно, ясность и рѣшительность словъ Биссолатти обнаружили, что реформизмъ рѣшилъ поставить точки надъ всѣми „і". Онъ прямо говоритъ, что соціалисты въ парламентѣ будутъ за министерство при радикальныхъ кабинетахъ; и не для чего путаться въ словахъ; или—полная непримиримость, или туратіанскій реформизмъ; или интеллигентскій соціализмъ—или рабочая политика. Партія соціалистическая есть партія труда, съ этимъ фактомъ надо считаться. Соціалистамъ надо измѣнить свой характеръ, пріобрѣтенный ими въ началѣ 90-хъ годовъ, въ періодъ борьбы за свободы; декадансъ партіи и заключается въ ея архаическомъ характерѣ.

Слабость революціонныхъ теченій была обнаружена на конгрессѣ въ Миланѣ съ убійственной ясностью. Въ заключительномъ своемъ словѣ докладчика—Турати правильно указалъ, что „ихъ (непримиримыхъ) революція—та, которая желается, наша (реформистовъ)—которая дѣлается".

Три порядка дня — два реформистскихъ и одинъ революціонный—разбили голоса. Необходимо замѣтить, что соціалисты Романьи требовали отъ конгресса спеціальныхъ рѣшеній, исключительной непримиримости въ отношеніи республиканской партіи. Въ Романьѣ кипитъ вражда между половниками-республиканцами и батраками-соціалистами. Спе-

ціальнымъ порядкомъ дня конгрессъ по инициативѣ реформистовъ, осудилъ „штрейкбрехерство“ республиканцевъ, но для романьцевъ того мало: они хотѣли бы объявить войну республиканцамъ и, не найдя союзниковъ среди реформистовъ, отдали свои голоса революціонерамъ. Этой случайной причиной и объясняется, что революціонеры получили относительно много голосовъ. Но и при этихъ условіяхъ порядокъ дня Турати получилъ абсолютное большинство:

голосовало за порядокъ дня непримиримыхъ .	6,058
„ „ „ „ диссидентовъ . .	4,574
„ „ „ „ Турати	12,991
воздержалось	932

Вообще же, реформистская тенденція собрала 17,500 голосовъ противъ 6,000 революціонныхъ вотовъ.

Партія, какъ и два года назадъ во Флоренціи, обнаружила желаніе не порывать съ Генеральной конфедераціей труда и защищать *рабочую* политику. Будущіе шаги соц. партіи намѣчаются въ такомъ смыслѣ: парламентская работа въ союзѣ съ радикальными кабинетами, соціальное законодательство и развитіе кооперативнаго движенія.

Образовавшійся лѣвый центръ въ палатѣ депутатовъ былъ непроченъ, такъ какъ нельзя было предвидѣть, какъ отнесутся къ его главамъ—Джіолитти и Луццатти—соціалисты. Теперь сказано рѣшающее слово: политика личныхъ недоразумѣній оставлена, соціалисты являются „министеріальными“ и въ критическій моментъ отразятъ консерваторовъ и сонниніанцевъ въ ихъ попыткахъ свалить демократическій кабинетъ.

Такъ властной рукой сама жизнь измѣнила физіономію итальянской соціалистической партіи. Произошелъ большой сдвигъ влѣво въ жизни народа, сдвигъ „вправо“ произошелъ и въ соціалистической партіи. „Вправо“ въ кавычкахъ, ибо формы жизни выработали новые методы борьбы; какіе были „лѣвыми“, какіе—„правыми“, въ свое время скажетъ исторія. Этотъ общій сдвигъ понятъ рабочимъ классомъ, который, подъ вліяніемъ практики, измѣнилъ свою психологію,—вѣрнѣе, послѣдняя измѣнилась подъ вліяніемъ происходящаго.

...„Былъ тогда мистическій періодъ соціализма“...

„Съ того времени многое измѣнилось. Пути, которые казались правильными, закрылись; другіе, о которыхъ не подозрѣвали, открылись. Старые методы уступили мѣсто методамъ новымъ, обязывая насъ къ упорной критической работѣ и перестройкѣ внутренней“. Такъ говоритъ [1]) въ своемъ посвященіи А. Кулишевой, Иваноэ Бономи. Да, многое перестроено, и Бономи, Турати, Биссолатти, Кулишева и прочіе

[1]) „Le vie nuove del socialismo“, 1907, Ed. Remo Sandron.

главы реформизма во́-время оцѣнили и поняли событія. „Критическая работа“ совершена огромная, и привела она къ тому, что реформизмъ остался съ рабочими.

Лѣвое—революціонное теченіе также все больше, шагъ за шагомъ, идетъ къ рабочимъ. Но трудно ему отрѣшиться отъ старыхъ скрижалей, однимъ ударомъ порвать съ прошлымъ. Идетъ медленная ломка, постепенное измѣненіе старыхъ взглядовъ, прежнихъ методовъ. Глубокій психологическій кризисъ итальянскаго соціализма, конечно, не такъ скоро закончится: еще будутъ призывы къ возврату къ „программѣ“, къ божественному листу бумаги. Но все слабѣе раздаются и будутъ раздаваться эти призывы, пока не замолкнутъ среди безучастія тѣхъ, къ кому апеллируютъ. Съ каждымъ годомъ таютъ ряды старой гвардіи правовѣрнаго марксизма; новые ряды не появляются,—кризисъ все полнѣе охватываетъ революціонные ряды,—умираетъ традиціонный „революціонизмъ“, но крѣпнетъ рабочее движеніе.

Петръ Рыссъ.

На перевалѣ.

VIII. Трусливая недобросовѣстность.

Бывшій „меньшевикъ“, нынѣ „ликвидаторъ“ г. Потресовъ находится въ очень тяжеломъ положеніи. Подлинными „марксистами“ онъ лишенъ званія „товарищъ“, и къ его имени присоединяется только одіозная буква „г“. Самъ „отецъ русскаго марксизма“ г. Плехановъ не только именуетъ г. Потресова „пресловутымъ“, но и считаетъ всѣ его изданія „неприличнымъ мѣстомъ“, въ которое и самъ не желаетъ и своимъ ученикамъ строго-настрого запрещаетъ „ходить“. Однимъ словомъ, г-ну Потресову объявленъ бойкотъ... Нужна реабилитація и, какъ я уже указалъ въ № 8 *Русской Мысли* („Вѣхистъ“ среди марксистовъ“), г. Потресовъ пробуетъ отыграться при помощи ругани по адресу *Вѣхъ*. Я указалъ ему на всю безнадежность такого „страхованія“, такъ какъ въ „ликвидаторской“ проповѣди безспорно много чисто „вѣхистскихъ“ мотивовъ.

Г. Потресовъ отвѣтилъ мнѣ въ № 8—9 *Нашей Зари* статьей, которой пытается побить рекордъ неприличія даже среди столь обильной неприличными выходками полемической литературы русскихъ марксистовъ. Всякій, кто читалъ мою статью въ августовской книжкѣ *Русской Мысли*, долженъ признать, что въ ней нѣтъ ни одного некорректнаго слова. Отвѣтъ же г. Потресова переполненъ сплошной руганью: „юркій человѣкъ“, „наглость“, „шутовство“, „юркнуть въ подворотню“, „мародеръ публицистики“, „беззастѣнчивый фальсификаторъ“ и т. д., и т. д.—словомъ, цѣлый потокъ полемическихъ эксцессовъ. Къ грубой ругани со стороны радикальныхъ публицистовъ мнѣ не привыкать стать; но все же иной разъ сквозь эту ругань въ писаніяхъ марксистовъ проглядывали идеи, обсужденіе которыхъ представляло извѣстный общественный интересъ. Потресовская ругань лишь свидѣтельство жалкой слабости.

Эта слабость и трусость побуждаютъ г. Потресова къ ряду литературныхъ дѣйствій, которыя я, несмотря на нежеланіе прибѣгать къ рѣзкостямъ, не могу назвать иначе, какъ недобросовѣстными. Вся его статья построена на намѣренномъ измышленіи, будто я хочу воспользоваться распрей между большевиками и Плехановымъ, съ одной стороны, и ли-

квидаторами—съ другой, для того, чтобы „пролѣзть въ пріоткрывшуюся щель". Между тѣмъ въ моей статьѣ я очень опредѣленно отгородилъ себя отъ всѣхъ этихъ группъ. Ни одна изъ нихъ меня не привлекаетъ, ни въ одну изъ нихъ я „пролѣзть" не желаю. Я писалъ не для партійныхъ группокъ враговъ или друзей г. Потресова, до которыхъ, какъ таковыхъ, мнѣ очень мало дѣла. Я писалъ для читателей *Русской Мысли* и на примѣрѣ г. Потресова „со стороны" демонстрировалъ имъ извѣстное общественное явленіе, проникновеніе „вѣхистскихъ" настроеній въ соціалъ-демократическую интеллигенцію. Большевики съ другой точки зрѣнія и совершенно съ другими цѣлями дѣлали то же самое, и, какъ г. Потресовъ ни сердится, фактъ и мною, и ими, т.-е. съ двухъ *противоположныхъ* сторонъ очерченъ *одинаково*. Нелѣпое и явно недобросовѣстное измышленіе г-на Потресова, будто я желаю „пролѣзть" въ его „духовное жилище", понадобилось г. Потресову только для того, чтобы закончить свою статью дѣйствительно „наглой", говоря его же словами, выходкой по моему адресу: „пожалуйте вонъ!" Я къ вамъ не ходилъ, г. Потресовъ, и съ вами никакого знакомства не вожу; я только демонстрировалъ васъ передъ своими читателями. Этого права вы у меня отнять не можете и словеснымъ терроромъ не запугаете. Отравивъ атмосферу руганью, вы надѣетесь, что заставите меня впредь воздерживаться отъ анализа вашихъ эволюцій. Напрасная надежда! Если онѣ будутъ представлять общественный интересъ, я и впредь не перестану отмѣчать ихъ и ставить точки надъ і тамъ, гдѣ ваша трусливая мысль напускаетъ туману...

Основная мысль моей августовской статьи сводилась къ слѣдующему. Указаніе г. Потресова, что главная цѣль *Вѣхъ*—„борьба съ соціализмомъ"—простой полемическій пріемъ. „Наиболѣе здоровая часть *Вѣхъ*" имѣетъ внѣпартійное значеніе, направлена одинаково какъ противъ соціалистовъ-революціонеровъ и соціалъ-демократовъ, такъ и противъ кадетовъ, она борется съ гегемоніей интеллигенціи, какъ начала чисто и исключительно раціоналистическаго. И на примѣрѣ г. Потресова я показывалъ, какъ происходитъ такая же борьба противъ гегемоніи интеллигенціи въ узкомъ кругу партійныхъ марксистовъ. „Борьба съ соціализмомъ",—писалъ я,—„полное опроверженіе соціализма"—этимъ, пожалуй, и теперь занимаются гг. Восторговы и Айвазовы, такъ какъ имъ за это платятъ деньги и они этимъ кормятся. Но людямъ, умѣющимъ разбираться въ историческомъ ходѣ вещей, смѣшно и нелѣпо бросать такого рода обвиненія". Этой моей фразой г. Потресовъ пользуется для того, чтобы обвинить меня въ желаніи прикрыться „соціализмомъ", „подрумянить *Вѣхи*" соціализмомъ и т. д. Сначала я искренно подумалъ, что г. Потресовъ сдѣлался жертвой забавнаго недоразумѣнія. Но когда ближе всмотрѣлся въ его работу, убѣдился, что и тутъ имѣю дѣло не

съ непониманіемъ, а съ недобросовѣстностью. Г. Потресовъ изъ моей фразы тщательно выковырялъ поставленныя мною въ ироническія кавычки слова „полное опроверженіе соціализма“ и указаніе, что „Айвазовымъ и Восторговымъ за это платятъ деньги“—и, возмущаясь моимъ якобы желаніемъ „пролѣзть“ въ жилище г. Потресова, восклицаетъ: „гдѣ, спрашивается, былъ г. Струве и какъ не доглядѣлъ“ и т. д. И г. Потресовъ приводитъ цитаты изъ разныхъ авторовъ *Вѣхъ* въ подтвержденіе ихъ отрицательнаго отношенія къ соціализму. Въ посрамленіе Изгоева приводится, напримѣръ, такая фраза изъ статей Струве: „Соціализмъ, разлагаясь, поглощается соціальной политикой“. Если бы у г. Потресова было хоть на гранъ добросовѣстности, то онъ изъ той же самой моей августовской статьи, по поводу которой онъ изливаетъ потоки своей ругани, могъ бы привести такія, напр., мѣста: „По мѣрѣ того, какъ соціализмъ разлагается на рядъ осуществимыхъ практическихъ реформъ, онъ вывѣтривается, какъ религіозная вѣра. Стимуломъ соціальнаго развитія въ очень большой степени является организованный пролетаріатъ, въ большинствѣ государствъ организовавшійся подъ знаменемъ соціализма... Соціализмъ превратился въ соціальное движеніе организованнаго пролетаріата“ и т. д. *Это буквально то же самое, что говорилъ* въ *Вѣхахъ* и въ другихъ мѣстахъ *П. Б. Струве,* и г. Потресовъ совершенно напрасно обращался къ нему съ лицемѣрной жалобой...

„Соціализмъ разлагается на рядъ осуществимыхъ практическихъ реформъ“—и съ этой точки зрѣнія „полнымъ опроверженіемъ его“ могутъ заниматься только гг. Восторговы и Айвазовы, получающіе за это деньги. Эта реформистская часть соціализма воспринята многими какъ заграничными, такъ и русскими не-соціалистическими партіями, она есть общее достояніе культуры. Но соціализмъ, какъ религіозная вѣра, вывѣтривается—это у меня сказано съ ясностью, не допускающей никакихъ сомнѣній. Вездѣ въ Европѣ, гдѣ существуетъ подлинная организація настоящаго пролетаріата, этотъ процессъ если не завершился, то сталъ очевиднымъ для всѣхъ. Въ Россіи, гдѣ организованнаго подлиннаго пролетаріата еще нѣтъ, а его именемъ говоритъ интеллигенція, этотъ процессъ менѣе замѣтенъ, но происходитъ онъ и у насъ. Соціализмъ, какъ я писалъ въ другомъ мѣстѣ, не является уже идеаломъ, двигающимъ волю на крупныя дѣла. Такими двигающими силами являются анархизмъ, синдикализмъ, въ значительной мѣрѣ пропитанный анархизмомъ, и т. д.—но соціализмъ пересталъ быть идеаломъ, онъ разложился на рядъ соціальныхъ реформъ. Вотъ моя мысль, которую г. Потресовъ такъ извратилъ. А почему? Да потому, что по существу онъ спорить не можетъ, что онъ самъ, какъ ему вполнѣ правильно указали большевики, въ сущности давно отпалъ отъ единоспасающаго, цѣлостнаго соціализма,—соціализма, какъ вѣры, что практически онъ и другіе „ликвидаторы“ про-

повѣдуютъ тредъ-юніонизмъ и проводятъ „ревизіонизмъ". Но они жалко трусятъ, боятся назвать вещи своими именами. Поэтому онъ такъ грубо обрушился на меня. Неудивительно, что рядомъ съ грубѣйшими ругательствами онъ пытается отдѣлаться отъ вопроса фразой, что легальная организація пролетаріата по планамъ „ликвидаторовъ" дастъ „не тотъ курсъ тепловатой соціальной политики", который грезится мнѣ, а „старый испытанный курсъ непримиримаго интернаціонала".

„Непримиримаго", г. Потресовъ... Но съ бернштейновскимъ ревизіонизмомъ, съ легіеновской профессіональной политикой (отношеніе, наприм., къ первомайскому празднику), съ хожденіемъ соціалъ-демократовъ „ко двору", съ вотированіемъ за бюджетъ, съ англійскими тредъ-юніонами, съ бельгійскими кооперативами, съ австралійской рабочей партіей? И кого, г. Потресовъ, вы своею „непримиримостью" провести хотите? Ни Ленина, ни Плеханова вы не провели. Отлично знаю и я цѣну вашей „непримирости". Нѣтъ зрѣлища болѣе печальнаго, чѣмъ человѣкъ, изъ слабости или трусости заметающій слѣды своей собственной мысли!...

Указывая, что г. Потресовъ рисуетъ цѣлый планъ перевоспитанія марксистской соціалъ-демократической интеллигенціи въ смыслѣ отказа отъ „гегемоніи" надъ рабочимъ классомъ и перехода къ „обслуживанію его", я спрашивалъ его: „Что же, въ своей программѣ г. Потресовъ видитъ тактическій рецептъ, годный для поворота въ 24 часа, или же это идейная программа, разсчитанная на кропотливую долголѣтнюю работу, требующую воспитанія новыхъ дѣятелей, понимающихъ грѣхи „стараго" и способныхъ ихъ преодолѣть?" По своей идейной трусости г. Потресовъ, конечно, на поставленный въ упоръ вопросъ прямого отвѣта не далъ. Онъ, выражаясь его полемическимъ жаргономъ, „юркнулъ въ подворотню". Формулѣ будто бы *Вѣхъ* „хорошая интеллигенція, но плохія идеи" г. Потресовъ противоставляетъ свою „обратную формулу": „хорошія идеи, но плохая интеллигенція, или точнѣе сказать: идеи хороши, но плохо то, что онѣ были восприняты и использованы по преимуществу одной интеллигенціей".

Такъ, г. Потресовъ? А гдѣ же вашъ „марксизмъ", „историческій матеріализмъ" и проч.? Вѣдь, если „идеи были восприняты по преимуществу одной интеллигенціей", значитъ ей одной онѣ и соотвѣтствовали, значитъ для нея одной онѣ и были „хороши", а для пролетаріата, не усвоившаго ихъ, несмотря на признаваемую вами „громадную пропагандистскую и агитаціонную роль" интеллигенціи, „идеи"-то эти были не совсѣмъ ужъ „хороши".

Но въ другомъ мѣстѣ г. Потресовъ хочетъ пребыть вѣрнымъ „матеріализму" и попадаетъ въ новый тупикъ. Когда я говорилъ о „перевоспитаніи" соціалъ-демократической интеллигенціи, я имѣлъ въ виду опредѣленные реальные факты. Чтобы „обслуживать", напр., профес-

сіональные союзы, надо обладать большой выдержкой и массой техническихъ спеціальныхъ знаній, а ни того, ни другого у марксистскихъ интеллигентовъ пока нѣтъ. Извѣстна, напр., бакинская исторія. Тамъ въ теченіе почти двухъ лѣтъ были довольно большіе рабочіе союзы, рабочая печать, относительно сносныя внѣшнія условія—и интеллигенты-руководители своей бездарностью и невѣжествомъ все это загубили... Теперь налицо только жалкіе остатки. Нужны, значитъ, люди.

Но г. Потресовъ презрительно отвертывается отъ „перевоспитанія". „Я считалъ бы безнадежнымъ,—гордо заявляетъ онъ,—все дѣло соціалъ-демократіи, если бы думалъ, что его будущее находится въ зависимости отъ того, сумѣетъ или захочетъ ли интеллигенція перевоспитываться". Итакъ, естественный ходъ вещей. Отлично! Но для кого, скажите, г. Потресовъ пишете вы хотя бы въ *Нашей Зарѣ*? Для естественнаго хода вещей, для пролетаріата, совершенно не читающаго вашихъ статей и не понимающаго вашихъ полемикъ, или для интеллигентовъ, которыхъ вы хотите убѣдить въ справедливости вашей точки зрѣнія, хотите „перевоспитать"? Для кого, наприм., предназначена такая ваша тирада: „надо же понять, наконецъ, что то старое, которое собираются „возстановлять", разрушается теперь не только подъ вліяніемъ репрессій... что оно и раньше страдало органическимъ порокомъ и д. т.". Кто же долженъ „понять", г. Потресовъ,—естественный ходъ вещей или тѣ интеллигенты, которые собираются „возстановлять" старыя организаціонныя формы с.-д. партіи, и которыхъ вы пытаетесь убѣдить въ тщетѣ такого занятія? Что въ странѣ съ развитой капиталистической промышленностью рабочій классъ рано или поздно найдетъ формы своей организаціи,—это, конечно, безспорно. Но когда и какъ это произойдетъ, будетъ ли имѣть эта форма видъ германской или австралійской партій, англійскихъ тредъ-юніоновъ или французскихъ синдикатовъ,—это въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ дѣятельности интеллигенціи. Всѣ мы, пишущіе въ журналахъ, пишемъ для интеллигенціи, желаемъ воздѣйствовать на нее, и когда г. Потресовъ отказывается отъ этого, онъ только свидѣтельствуетъ, что заблудился въ трехъ соснахъ, что не можетъ связать концы съ концами, что не отдалъ даже себѣ отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ, для кого пишетъ.

Что г. Потресовъ пишетъ для интеллигенціи и пытается убѣдить ее, это, конечно, лежитъ внѣ спора и его отрицаніе этого факта только смѣшно. Но это комическое отрицаніе и даетъ ему возможность увильнуть отъ поставленнаго ему въ упоръ вопроса: Когда вы пишете для марксистской интеллигенціи и желаете переубѣдить ее, вы предлагаете ей „тактическій рецептъ, годный для поворота тактики въ 24 часа" или же „идейную программу, разсчитанную на кропотливую долголѣтнюю работу, требующую воспитанія новыхъ дѣятелей?"

Отъ отвѣта на этотъ вопросъ г. Потресовъ и „юркнулъ въ подворотню", постаравшись при этомъ такъ отравить атмосферу полемическими непристойностями, чтобы отбить у меня охоту въ дальнѣйшемъ разбираться въ его писаніяхъ.

Къ сожалѣнію, я не могу оказать ему снисхожденіе, такъ какъ его печальная одиссея имѣетъ извѣстное общественное значеніе. По ней можно судить, какое искажающее вліяніе на развитіе рабочаго движенія оказываетъ нашъ „мнимо-конституціонный строй". Я убѣжденъ, что попытка нашихъ „ликвидаторовъ" кончится неудачей, что они или останутся невліятельной литературной группой, или вовсе сойдутъ со сцены, или колѣнопреклоненно будутъ просить прощенія у Плеханова и Ленина, на которыхъ вздумали дерзновенно возстать. [1]) И что всего характернѣе—къ покорности вынудятъ ихъ не только большевики собственной силой. Ликвидаторовъ погонитъ въ соціалъ-демократическую Каноссу русское правительство, вся политика котораго направлена на то, чтобы профессіональныя организаціи рабочихъ не разростались, не становились богатыми. Вся исторія міроваго рабочаго движенія, между тѣмъ, учитъ насъ, что чѣмъ сильнѣе и богаче рабочія организаціи, тѣмъ менѣе онѣ „революціонны", тѣмъ болѣе — органически связаны съ „существующимъ" соціальнымъ строемъ. Но, конечно, настоящее рабочее движеніе несовмѣстимо съ возстановленіемъ абсолютизма.

Идейная трусость г. Потресова тѣмъ и обостряется, что онъ предвидитъ свою горькую судьбу. По человѣчеству его надо пожалѣть... И мнѣ дѣйствительно жаль его, осмѣяннаго и выгнаннаго своими вчерашними друзьями, тѣми, кому онъ старался такъ преданно служить. Но въ карающей немезидѣ, обрушившей свою тяжелую руку на г. Потресова и его друзей, нельзя не видѣть отчасти и справедливаго наказанія за идейную трусость, за желаніе казаться не тѣмъ, что человѣкъ есть на самомъ дѣлѣ. Вѣдь г. Потресовъ когда-то усиленно помогалъ Ленину и Плеханову затравить „экономистовъ", „рабочедѣльцевъ" и другихъ, идеи которыхъ онъ теперь повторяетъ. И теперь, будучи на дѣлѣ „ликвидаторомъ", „легалистомъ", „профессіоналистомъ", онъ старательно рядится въ одежду „непримиримаго". Приступъ словеснаго бѣшенства, овладѣвшій г. Потресовымъ при чтеніи моей статьи и выразившійся въ потокѣ грубой ругани, есть только одно изъ многихъ проявленій снѣдающаго его страха передъ большевиками и Плехановымъ.

А. С. Изгоевъ.

---

[1]) Въ № 10 *Нашей Зари,* г. Потресовъ подъ видомъ полемики пытается оправдаться передъ г. Плехановымъ, ссылаясь на его старыя статьи. Конечно, г. Плеханову не будетъ стоить ни малѣйшаго труда доказать, что онъ говорилъ „то, да не то". Желаніе г. Потресова прикрыть свою позицію плехановскими цитатами—первый шагъ къ отступленію.

Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры[1]).

I. Неизданное письмо Н. В. Гоголя.

(Къ княжнѣ В. Н. Репниной.)

Августъ, 24. Неаполь.

Письмо было начато такъ:

Я буду Васъ просить теперь Княжна самимъ убѣдительнѣйшимъ образомъ—но я знаю и весь свѣтъ знаетъ Вашу доброту.

Потомъ Гоголь, очевидно, рѣшилъ, что неловко такъ начинать письмо, зачеркнулъ эти строки и поверхъ ихъ началъ письмо, какъ слѣдуетъ здѣсь.

Вы меня опечали очень Вашимъ письмомъ Княжна. Я уже думалъ что здоровье Княгини совершенно востановлено. Но—Богъ милостивъ и я твердо увѣренъ что это случится въ скоромъ времени.—Теперь къ Вамъ убѣдительнѣйшая просьба. Я знаю ваше сердце. Вы неоткажитесь вѣрно быть въ этомъ дѣлѣ моею предстательницею.—Мнѣ тяжело смущать васъ подобной докучной просьбой и я бы желалъ чтобы ясность души вашей незнала ни какихъ заботъ совершенно. Вотъ главное дѣло: Въ слѣдствіе полученныхъ теперь мною разныхъ извѣстій, въ Парижѣ мнѣ будетъ нужна сумма денегъ около 1500′: полторы тысячи франковъ. Я незнаю вышлетъ ли мнѣ въ займы ее Валентини хотя онъ меня довольно знаетъ и я увѣренъ что еслибы я будучи въ Римѣ обратился лично къ нему онъ бы мнѣ неотказалъ но заглазами это вовсе другое дѣло. Приложите съ Вашей стороны просьбу къ Кривцову чтобы онъ переговорилъ объ этомъ съ Валентини и былъ бы моимъ поручителемъ въ несомненности моего платежа. Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ я самъ вручу эти деньги Валентини тѣмъ болѣе что ожидаемые мною въ этомъ мѣсяцѣ деньги и безъ того придутъ къ нему въ руки—я черезъ него получаю векселя мои. Чтобы Валентини написалъ къ тому Банкиру котораго онъ

---

[1]) Въ этомъ отдѣлѣ, въ редактированіи котораго примутъ участіе В. Я. Брюсовъ, М. О. Гершензонъ и А. А. Кизеветтеръ, будутъ помѣщаться неизданные стихи, письма и мемуары писателей и общественныхъ дѣятелей конца XVIII и XIX столѣтія.—*Ред.*

болѣе знаетъ и съ кѣмъ въ сношеніи онъ въ Парижѣ выдать мнѣ означенную сумму а адресъ его прислалъ бы мнѣ въ письмѣ на имя извѣстной Вамъ Жозефины Турингеръ. Я беру все эти предосторожности напуганный разными могущими случиться мошенничествеми. Я къ Кривцову прилагаю при этомъ записку но я все этимъ недоволенъ и несовершенно могу быть увѣренъ. Душа моя будетъ тогда только покойна когда Вы приложите отъ себя Вашу просьбу и напишите къ нему строки двѣ. Этимъ я вамъ буду сильно... но вы можете понимать безъ этихъ пошлыхъ словъ какъ велика можетъ теплиться въ моемъ сердцѣ къ вамъ благодарность. Вы ее знаете или въ противномъ случаѣ вы мое сердце ставите въ рядъ обыкновенныхъ сердецъ.—

Весь желавшій бы служить Вамъ всею своею жизнью.

Н. Гоголь.

Еслибы Валентини могъ мнѣ прислать эти деньги въ Парижъ сколько можно скорѣе.

Еще прошу васъ покорнѣйше послать Кривцову адресъ M-me Турингеръ а также его мнѣ потому что я никакъ не отыщу своего.

Объ успѣхѣ этого дѣла напишите мнѣ маленькую записочку въ Парижъ и небуду ли я такъ счастливъ что вмѣстѣ съ этимъ получу какую нибудь вашу порученность.—Если Вамъ случится время два слова черезъ Марикари о здоровьѣ Княгини и вашемъ.

Слѣдуетъ при этомъ Кривцову письмо.

На оборотѣ—адресъ:

„alla sua Eccellenza Signora Princepessina Repnin a Castel'a mare“.

Письмо писано въ 1838 году при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Гоголь въ началѣ іюля переѣхалъ изъ Рима въ Неаполь, гдѣ разсчитывалъ прожить два мѣсяца и въ концѣ августа вернуться въ Римъ. Здѣсь, въ Неаполѣ, онъ въ половинѣ августа получилъ письмо отъ своего друга Данилевскаго изъ Парижа; Данил. звалъ его на свиданье въ Парижъ и при этомъ сообщалъ, что сидитъ безъ денегъ, такъ какъ какой-то мошенникъ перехватилъ вексель, присланный ему изъ Россіи. Письмо это чрезвычайно взволновало Гоголя; онъ рѣшилъ ѣхать въ Парижъ, и рѣшилъ выручить Данилевскаго. На то и на другое ему нужны были деньги. И вотъ 20-го августа онъ пишетъ Погодину, не упоминая о своемъ намѣреніи ѣхать въ Парижъ, просьбу о займѣ двухъ тысячъ рублей: „Мои обстоятельства денежныя плохи, и всѣ мои родные терпятъ тоже“... Онъ ни словомъ не упоминаетъ, что деньги ему нужны для помощи Данилевскому; напротивъ, онъ даетъ понять, что онѣ нужны ему самому, чтобы довести до конца свою работу. Въ тотъ же день, 20-го августа, онъ пишетъ самому Данилевскому крайне тревожное письмо: онъ хочетъ ѣхать, но такъ какъ письмо Данилевскаго дошло до него съ большимъ опозданіемъ, то онъ не увѣренъ, что еще застанетъ его въ Парижѣ. Мысль о свиданіи—для него радость, за друга ему больно: „Какъ я воображу себѣ, что ты одинъ, одинъ сидишь безъ денегъ, полубольной и подъ вліяніемъ скуки и тоски смертельной“... Онъ еще не пишетъ опредѣленно, ѣдетъ ли, и требуетъ, чтобы Данил. немедленно написалъ ему два письма—одно въ Неаполь, другое въ Марсель poste restante. Очевидно, его рѣшеніе зависѣло отъ того, удастся ли ему *въ ближайшіе дни* достать нужную сумму. Къ этому-то моменту и относится вышеприведенное письмо. Репнины

жили въ Кастелламаре, въ двухъ часахъ отъ Неаполя; тамъ же жилъ и Гоголь, по письмо онъ посылаетъ (со слугой или оказіей) изъ Неаполя. Дата „24 августа“ передѣлана изъ *23*. Слова: „вслѣдствіе полученныхъ теперь мною разныхъ извѣстій въ Парижѣ мнѣ будетъ нужна сумма денегъ около 1500 франковъ“, прямо указываютъ на то, что эти деньги ему нужны были для Данилевскаго. Валентини былъ римскій банкиръ, Пав. Ив. Кривцовъ—знакомый Гоголя, начальникъ русскихъ художниковъ въ Римѣ.—Какъ извѣстно, въ Парижъ Гоголь поѣхалъ и засталъ тамъ Данилевскаго. Деньги отъ Валентини онъ въ Парижѣ, повидимому, получилъ, а по возвращеніи въ Римъ получилъ и 2000 отъ Погодина, собранныя въ Москвѣ складчиною, въ которой участвовали Аксаковъ, Погодинъ, Баратынскій и др. Онъ скрылъ отъ Данилевскаго, что *просилъ* этихъ денегъ отъ Погодина; 31 декабря, изъ Рима, онъ снова посылаетъ Данилевскому деньги, и пишетъ при этомъ: „Трогаетъ меня сильно твое положеніе. Видитъ Богъ, съ какою готовностью и радостью помогъ бы тебѣ, и радость эта была бы мое большое счастье, но, увы!... что дѣлать? Дѣлюсь по крайней мѣрѣ тѣмъ, что есть: посылаю тебѣ билетъ въ 100 франковъ, который у меня долго хранился. Я не трогалъ его никогда, какъ будто зналъ его пріятное для меня назначеніе. На-дняхъ я перешлю тебѣ черезъ Валентини франковъ, можетъ быть, 200. Ты, по полученіи этого письма, навѣдайся къ банкиру Ружемонту; отъ него ихъ получишь. Я, пріѣхавши въ Римъ, нашелъ здѣсь для меня 2,000 франковъ отъ добраго моего Погодина, который, не знаю, какимъ образомъ, пронюхалъ, что я въ нуждѣ, и прислалъ мнѣ ихъ. Они мнѣ были очень кстати,—тѣмъ болѣе, что дали возможность уплатить долгъ Валентини, который лежалъ у меня на душѣ, и переслать эту бездѣлицу къ тебѣ“. Долгъ Валентини—это и были, безъ сомнѣнія, 1,500 фр., полученные Гоголемъ подъ поручительство П. И. Кривцова. Во всей этой маленькой исторіи Гоголь проявилъ много любви и рѣдкую деликатность, трогательную особенно по той хитрости, съ какою онъ старался скрыть ее и самую свою помощь отъ попавшаго въ бѣду друга. См. объ этомъ „Письма“ Гоголя, п. ред. В. И. Шенрока, т. I, стр. 519—523 и 554; его же „Матеріалы для біографіи Гоголя“, т. II, стр. 235—240.

II. Неизданное стихотвореніе Н. П. Огарева.

Похороны.

Ужъ тѣло въ церкви. Я взошелъ
Разсѣянно. Толпа народа!
Покойникъ зрителей навелъ
Какъ падаль вороновъ.—У входа
Дерутся нищіе; тайкомъ
Попы о деньгахъ въ жадномъ спорѣ.
Одинъ вопросъ у всѣхъ кругомъ:
„Кто это умеръ?“—Въ каждомъ взорѣ
Смѣшное любопытство.—Я
Досадовалъ; мнѣ гадко стало
И злоба тайная меня
Въ душѣ взбѣшенной волновала...
О! люди, люди!... Мнѣ на умъ
Пришли покойнаго пороки
И про себя, средь тяжкихъ думъ,

Я вымышлялъ ему упреки.
Взглянулъ на гробъ его потомъ...
Мнѣ стало грустно... Тощій, блѣдный,
Лежалъ покойникъ тихо въ немъ
Съ улыбкой горькой. Бѣдный! Бѣдный!
Мнѣ стало жаль его, и я
Ему сказалъ: „Спи, мертвый, съ Богомъ!
Тревожить не хочу тебя
Ни въ помыслахъ, ни въ словѣ строгомъ".
И долго, долго на него
Смотрѣлъ я съ тихимъ сожалѣньемъ...
Когда-жъ въ могилу гробъ его
Мы опустили съ грустнымъ пѣньемъ,—
Я бросилъ горсть земли туда,
„Прощай!" шепнулъ ему уныло,—
„Ступай же съ миромъ".—Но куда?...
Не знаю,—глухо за могилой.

III. Письмо Н. П. Огарева изъ Берлина.

(Отрывокъ-копія, снятая рукою его жены, Маріи Львовны.)

27 Decembre V. S. Berlin—1842.

. . . .

Что мнѣ сказать о себѣ? если скажу, что я веселъ, я совру. Ps. triste que jamais. Но духомъ я поднялся, я чувствую себя шире и чище. Сквозь тоску просвѣчиваетъ чувство покоя, какой-то внутренней силы и вѣры, какъ давно не было. Среди страданій есть такое состояніе духа, гдѣ кажется, что обстоятельства жизни проходятъ мимо какъ что-то постороннее, и не возмущая свѣтлаго, внутренняго спокойствія.— Неужели это только на ту минуту, когда я тебѣ пишу? Неужели черезъ часъ я опять не буду видѣть выхода? Не знаю. Но если на минуту, и то хорошо. Я стану тебѣ говорить въ порядкѣ о всѣхъ вопросахъ, тревожащихъ твоего друга.

Во-первыхъ, вопросы міровые: Было время, я безъ великаго занятія вошелъ въ ученіе Гегеля и теперь выхожу изъ него также безъ великаго занятія. Въ Берлинѣ точка зрѣнія мѣняется. Школа Гегеля заключила міръ въ логическую формулу. Жизнь абстрактной идеи она назвала жизнью міра. Въ этомъ и была ошибка. Міръ, казалось, прояснился въ строгомъ логическомъ развитіи. Такъ все было закончено, что ужъ и въ исторіи нечего было прибавить. Богъ былъ логическое бытіе, которое перешло въ другое—въ природу и возвращалось къ себѣ въ человѣческомъ сознаніи. Человѣкъ велъ сознаніе Бога и не существо-

валъ самъ по себѣ. Логическая необходимость господствовала. Свобода человѣческая исчезла. Это былъ пантеизмъ. Шеллингъ назвалъ это отрицательной философіей. Отрицательной потому, что бытіе было только абстрактное, логическое, а не положительное, не дѣйствительное. Шеллингъ этимъ не сказалъ ничего, что бы не существовало въ требованіяхъ новѣйшаго поколѣнія. Всѣмъ становилось душно въ очерченной системѣ, изъ которой выходъ казался преступленіемъ; формализмъ становился тяжелъ. Но многое разработалось, метода прояснилась. Гегелизмъ свершилъ свое дѣло и принесъ плодъ. Теперь Шеллингъ начинаетъ переходъ отъ отрицательной философіи въ положительную. *Разумъ*, полагаетъ онъ, не можетъ ни до чего дойти кромѣ самого себя; т.-е. только до бытія логическаго, абстрактнаго, отрицательнаго. Чтобы дойти до бытія положительнаго, дѣйствительнаго ему надобно выступить изъ самого себя, подняться до созерцанія дѣйствительнаго бытія, дѣйствительнаго Бога. Потомъ онъ говоритъ: *положимте*, что мы дошли до такого созерцанія—и на этой гипотезѣ строитъ. Тутъ ясно, что его Богъ—Deus ex machina—Богъ знаетъ откуда взялся. Но Шеллингъ проситъ его дослушать до конца, тогда его система оправдается.

Онъ пришелъ съ претензіей человѣка, предназначеннаго провидѣніемъ высказать остальную философію. Онъ долго молчалъ, и теперь, когда король призвалъ его въ Берлинъ, онъ созналъ призваніе, иначе онъ бы отказался. Но кажется у старика нѣтъ силъ для великаго дѣла: онъ хочетъ выдумать новое и возвращается къ Спинозизму и своей старой Abhandlung über die Freiheit des Menschen. Изложеніе его вяло. Гегелемъ онъ подавился и не можетъ проглотить его. Студентами онъ частью принятъ грубо; третьяго дня онъ опоздалъ, извинился, хотѣлъ просидѣть 10 минутъ послѣ звонка; студенты зашаркали. Это свинство. Шеллингъ много сдѣлалъ и заслуживалъ бы болѣе уваженія. Но вотъ настоящія требованія: выйти изъ абстрактности, выйти изъ формализма, выйти изъ пантеизма; отдать человѣку свободу воли. Я не мало мучился этими вопросами, хотя Славянская лѣнь мѣшала строго заняться ими. Мое собственное безволіе, безволіе моего характера клонили меня отрицать волю человѣка и все подчинить закону необходимости. Но вѣдь это ложь. Надо спасти волю, иначе всякое нравственное начало исчезнетъ. Есть требованіе на личное безсмертіе. Есть вѣра въ примиреніе съ этими вопросами. Но теперь я въ хаосѣ, какъ и всѣ, и тяжело, и душа ропщетъ. За вопросами умозрительными слѣдуютъ соціальные. Потомъ вопросъ личнаго блаженства. Но надо видѣться, чтобъ говорить объ этомъ—на бумагѣ нѣтъ ни мѣста, ни времени. Но я боленъ, я глубоко страдаю этими вопросами. Часто спокойствіе оставляетъ меня; я мучусь и рвусь и все безплодно. Вездѣ какіе-то снѣга, скалы, которыхъ ни перелѣзть, ни разломать нельзя, и тяжело становится.

Душно, душно! Вообще есть вѣра разрѣшить и эти задачи, но до сихъ поръ ничего не разрѣшилось. А потребность выхода съ каждымъ часомъ ощутительнѣе и гнетъ съ каждымъ часомъ нестерпимѣе. Много силы надо, чтобъ жить. А надо жить. Самоубійство невозможно. Для него надо еще болѣе безсилія. Вѣра въ жизнь и резигнацію—вотъ мой девизъ... А тяжела резигнація... Dahin, Dahin.

IV. Н. М. Сатинъ и его отношенія къ Огареву и Герцену.

1.

Поэтъ, переводчикъ Шекспира, со студенчества близкій другъ Герцена и Огарева, Н. М. Сатинъ былъ одновременно съ ними арестованъ и сосланъ въ 1834 г.; позднѣе, въ 40-хъ годахъ, онъ женился на Еленѣ Алексѣевнѣ Тучковой, сестра которой, Наталія Ал., была нелегальной (при жизни первой жены) женою Огарева. Этотъ незаконный бракъ навлекъ на Огарева обвиненіе въ „фурьеризмѣ": дѣло было вскорѣ послѣ революціи 1848 года; въ 1850 г. по этому дѣлу были арестованы Огаревъ, его тесть А. А. Тучковъ и Сатинъ.

Въ 1858 году Сатинъ обратился къ московской полиціи съ просьбой о выдачѣ заграничнаго паспорта. Получивъ отказъ, онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ посредничеству вліятельнаго родственника—Павла Алексѣевича Тучкова, дяди своей жены. Нижеслѣдующій документъ содержитъ: 1) записку, которую Сатинъ очевидно передалъ Тучкову для сообщенія министру вн. дѣлъ Тимашеву, и 2) отвѣтъ Тимашева на ходатайство Тучкова по дѣлу Сатина. Подлинникъ писанъ собственноручно Сатинымъ (безъ сомнѣнія,—копія съ обѣихъ бумагъ, снятая имъ для себя).

Коллежскій регистраторъ Николай Михайловичъ Сатинъ, будучи еще студентомъ, подвергся въ 1834-мъ году обвиненію въ вольномъ образѣ мыслей и былъ посланъ на службу въ г. Симбирскъ.

Въ 1840-мъ году Высочайше разрѣшено ему было возвратиться въ Москву.

Въ 1850-мъ году пало на него вторично подозрѣніе, также для него совершенно неожиданное, но по разсмотрѣніи его дѣла въ 3-мъ Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, Сатинъ былъ вполнѣ оправданъ.

Съ того времени онъ жилъ почти постоянно въ своихъ имѣніяхъ, посреди многочисленнаго семейства, занимаясь хозяйствомъ и управленіемъ фабрики и заводовъ.

Нынѣ Сатинъ, къ крайнему огорченію, узналъ, что полицейскій надзоръ не только не былъ снятъ съ него въ то время, какъ его признало правительство невиннымъ, но и теперь, когда милосердіемъ великодушнаго Государя даже тысячи виновныхъ избавлены отъ этого тяжелаго затрудненія въ жизни.

Сатинъ проситъ распространить и на него Монаршую милость.

Отвѣтъ.

Секретно.

Милостивый Государь
Павелъ Алексѣевичъ,

Вслѣдствіе письма Вашего Превосходительства отъ 18 Апрѣля имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, что я представилъ оное Г. ген.-ад. кн. Долгорукову. Его Сіятельство изволилъ отозваться, что коллежскій регистраторъ Сатинъ еще въ январѣ 1857 года освобожденъ отъ надзора; но какъ имѣются причины, по коимъ въ отношеніи лицъ, подобныхъ г. Сатину, правительство считаетъ необходимымъ продолжать нѣкоторое наблюденіе, то увольненіе его за границу было бы неудобно.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ истинномъ моемъ почтеніи и совершенной преданности.

А. Тимашевъ.

№ 865.
26 Апрѣля 1858.

Дальнѣйшія ходатайства П. А. Тучкова, повидимому, имѣли результатомъ условное согласіе шефа жандармовъ, вслѣдствіе чего Сатинъ счелъ нужнымъ лично обратиться къ послѣднему.

2.

(Черновое, собственноручно. Адресовано шефу жандармовъ, главноуправляющему III Отдѣленіемъ, кн. В. А. Долгорукову.)

Ваше Сіятельство,
князь Василій Андреевичъ,

Вашему Сіятельству угодно было обусловить мой отпускъ за границу подпискою въ томъ, чтобы я не видался съ Герценомъ и Огаревымъ. Мы находимся въ близкомъ родствѣ съ Огаревымъ и имѣемъ общія денежныя дѣла, отъ окончанія которыхъ зависитъ мое собственное благосостояніе. Если бы я и далъ такую подписку и, желая строго исполнить ее, вопреки собственнымъ интересамъ избѣгалъ бы свиданія съ Огаревымъ, то никакъ не могу ручаться за Огарева, чтобы онъ поступалъ такъ же. И въ такомъ случаѣ, при встрѣчѣ съ нимъ могу ли я отворотиться отъ человѣка, съ которымъ знакомъ 30 лѣтъ, хотя бы этотъ человѣкъ былъ не только изгнанникомъ, но даже и преступникомъ? Ваше Сіятельство конечно не потребуете отъ меня такого поступка, столь противнаго общечеловѣческому чувству. Къ чему же послужитъ эта подписка, когда исполненіе ея зависитъ не отъ одной моей воли? Самое мое несогласіе дать подобную подписку можетъ служить Вашему Сіятельству убѣдительнымъ доказательствомъ моей добросовѣстности и моей твердой рѣшимости возвратиться въ Россію не запятнаннымъ ни малѣйшимъ подозрѣніемъ. Я охотно дамъ подписку въ

томъ, что не буду имѣть никакихъ политическихъ и литературныхъ сношеній съ Герценомъ и Огаревымъ, что не повезу ни къ нимъ, ни отъ нихъ никакихъ статей и свѣдѣній, и даю Вашему Сіятельству честное слово и найду за себя достойныхъ поручителей, что я со всею строгостью исполню мое обѣщаніе.

Ваше Сіятельство! Еще разъ осмѣливаюсь утруждать Васъ убѣдительнѣйшею просьбою, доставить мнѣ возможность излѣчить больную жену мою и кончить нѣкоторыя денежныя дѣла, отъ которыхъ зависитъ благосостояніе моего семейства. Я не компрометирую себя и довѣрія, которое Ваше Сіятельство окажете моему честному слову, и сдѣлаю это не изъ страха какого-либо наказанія, но изъ чувства собственнаго самоуваженія.

Смѣю надѣяться, что Ваше Сіятельство не откажете приказать дать мнѣ отвѣтъ.

Разрѣшеніе было дано, и Сатинъ изъ Германіи ѣздилъ въ Лондонъ на свиданіе съ Герценомъ и Огаревымъ.

Въ Ясной Полянѣ.

Эти записки набросаны годъ тому назадъ, на другой день послѣ поѣздки моей въ Ясную Поляну. Теперь, когда Л. Н. Толстой ушелъ отъ насъ и къ облику его прибавилось величіе смерти и высокая красота послѣднихъ дней его жизни, хотѣлось бы въ другомъ тонѣ разсказать все, что здѣсь написано. Но при такой обработкѣ легко могла бы пострадать свѣжесть первоначальныхъ впечатлѣній, для сохраненія которой я рѣшаюсь оставить мои прошлогоднія замѣтки въ нетронутомъ видѣ. Въ нихъ нѣтъ ничего литературнаго, такъ какъ для печати онѣ совсѣмъ не предназначались. Левъ Николаевичъ нѣсколько разъ говорилъ въ теченіе нашей бесѣды, что говоритъ со мной не какъ съ литераторомъ и не хотѣлъ бы, чтобы при жизни его бесѣда наша проникла въ печать. Мысль о томъ, что я могу пережить его, не приходила мнѣ въ голову, и, когда я записывала мои яснополянскія впечатлѣнія, они предназначались лишь для меня и для близкихъ друзей.

Слишкомъ сильная любовь на землѣ возвращается къ своему первоисточнику—Богу.

Ѳома Кемпійскій.

Я начну съ дней, предшествовавшихъ моему посѣщенію Льва Николаевича. Въ эти три дня, прожитые въ Тулѣ, я убѣдилась, что лучи, исходящіе отъ такого великаго очага духовнаго горѣнія, несомнѣнно, дѣйствуютъ на окрестные города и села. Я говорю не метафорически, не о гипнозѣ идей, не о власти имени. Я думаю, что просто черезъ стѣны и деревья, черезъ вѣтеръ, поля и перелѣски идетъ такой лучъ изъ Ясной Поляны и касается души телеграфиста, извозчика, самоварнаго мастера, маленькой гимназистки и будитъ, и волнуетъ ихъ,—безпредметно, но настолько властно, что выросшій или долго жившій въ Тулѣ человѣкъ, взявъ впервые „Исповѣдь" или „Въ чемъ моя вѣра",—уже будетъ готовъ понять написанное въ нихъ.

Слово „Толстой" (чаще „Левъ Николаевичъ") въ Тулѣ [1]) произносится съ особымъ оттѣнкомъ, съ какимъ не говорятъ даже зарегистри-

---

[1]) Въ то время, когда я писала это, я бы не повѣрила, что въ тульскомъ благородномъ собраніи будутъ танцовать наканунѣ погребенія Толстого, о чемъ было газетное сообщеніе.

рованные толстовцы. Говоритъ ли извозчикъ, носильщикъ или ребенокъ,—что-то настороженное, общее всѣмъ, звучитъ въ голосѣ—и почитаніе, и тревожность. Чувствуется въ этотъ мигъ, что шире, чѣмъ обыкновенно, открываются глаза души, дальше, чѣмъ обыкновенно, хочетъ уйти взоръ, всколыхиваетъ душу обязанность усилія душевнаго—если не теперь, то во имя этого же имени—завтра, черезъ годъ, „въ седьмой, въ девятый часъ", какъ въ притчѣ о виноградаряхъ.

Дѣти семьи, гдѣ я жила, волновались за меня, представляя мою встрѣчу съ Львомъ Николаевичемъ. Когда я уѣзжала, меня провожали съ такими лицами, съ какими, быть можетъ, въ средніе вѣка напутствовали отправлявшихся въ крестовые походы.

Телеграфисты, у которыхъ я справлялась о поѣздахъ, останавливающихся въ Козловкѣ или Ясенкахъ, узнавъ по названію станцій, что я ѣду ко Льву Николаевичу, сразу измѣнили свои лица; у одного было съ косымъ глазомъ, сердитое и замученное скукой лицо, у другого—совсѣмъ нехорошее, съ дурашливыми и циничными гримасами. И вдругъ оба лица стали человѣческими, строгими, съ оттѣнкомъ той благородной зависти, какая нѣкогда была, вѣроятно, на лицахъ тѣхъ изъ пяти тысячъ, которымъ достался хлѣбъ и рыба, а заповѣди блаженства не донеслись и ликъ Учителя остался не увидѣннымъ, такъ какъ оттѣснили ихъ далеко, къ самому подножію горы.

— Можно позавидовать вамъ, что ко Льву Николаевичу довелось собраться,—почтительнымъ тономъ сказалъ юноша съ косымъ глазомъ, который за пять минутъ до этого, мстя за свою скуку, сердито и дерзко говорилъ, что „закрытыхъ бланковъ не только у него нѣтъ, но и въ продажѣ ничего подобнаго не можетъ быть".

— Бываютъ счастливцы,—вздохнувъ, проговорилъ его товарищъ.—Мы вотъ съ тобой, Мотя, пятый годъ собираемся, да вотъ не собрались.

— Ну, не видалъ еще Левъ Николаевичъ телеграфнаго народа,—печально сказалъ тотъ, кого звали Мотя.

— Графъ тѣмъ и отличаются, что каждаго принимаютъ. Нищій приди, и тому, говорятъ, слово скажетъ,—сурово вмѣшался въ разговоръ сѣдой сторожъ, до этого молча возившійся въ углу надъ какими-то бумагами.

— Да вѣдь къ нему съ вопросами надо итти,—съ горечью сказалъ телеграфистъ.—А у насъ вѣдь какіе вопросы? Самые микроскопическіе.

Я рѣшила ѣхать на лошадяхъ, такъ какъ поѣзда не подходили къ назначеннымъ мнѣ Львомъ Николаевичемъ часамъ (отъ 7—10).

Въ пять часовъ извозчикъ заѣхалъ за мной, и мы тронулись въ путь по тихой холмистой улицѣ, обвѣянной облаками вьюги, съ низенькими домиками въ формѣ избушекъ (ихъ ряды прерываются изрѣдка старинными барскими домами съ антресолями и колоннами).

Когда мы выѣхали изъ города, метель, оказалось, превратила небо

и поля въ какую-то новую невѣдомую стихію, въ бѣлый хаосъ грозныхъ и враждебныхъ человѣку Началъ. То здѣсь, то тамъ на мигъ обозначался кто-то косматый съ широкими рукавами или стая заклубившихся, сплетенныхъ для общей гибели, дико воющихъ оборотней, головы, крылья, руки, хвосты... Возникали, грозя исполинскою рукою, гиганты въ развѣвающихся мантіяхъ, сразу съ бѣшеною радостью по чьему-то мановенію возвращающіеся въ хаосъ. Омофоры, епитрахили злыхъ силъ, отпѣвающихъ ихъ буйную гибель, взмахивали надъ самымъ лицомъ, разсыпаясь надъ санями колючими искрами.

Въ этихъ поляхъ выросъ и жилъ Левъ Николаевичъ Толстой, эти стихіи первыя, быть можетъ, зародили въ немъ весь ужасъ его передъ Хаосомъ, всю покорность его передъ Хозяиномъ.

Тотъ „чернобыльникъ", о которомъ онъ такъ страшно пишетъ въ „Хозяинѣ и работникѣ",—не то вѣтки кустовъ, не то уцѣлѣвшій отъ осени сухой бурьянъ по сторонамъ дороги—метался, какъ мечутся въ агоніи, когда умираютъ, какъ умиралъ Иванъ Ильичъ,—до того предѣльнаго мига, когда онъ прошепталъ: „Кончена... смерть..."

— Оторопь беретъ,—прокричалъ извозчикъ изъ-подъ своего рядна.

— Можетъ быть, лучше вернуться.

— Три рубля—заработокъ,—жутко прозвучало сквозь вой хаоса и тонкій плачъ телеграфныхъ проволокъ.

— Можно завтра поѣхать.

— Я не къ тому, барыня... Выѣхали,—значитъ, воля Божья.

И такую покорность Хозяину выразила его согнутая спина подъ ряднομъ, которымъ онъ терпѣливо и неторопливо завертывался отъ вьюги, каждую минуту съ побѣднымъ возгласомъ срывавшей эту жалкую защиту съ дрогнущей покорно спины.

— Это еще что,—по шоссе ѣдемъ; а вотъ какъ по бездорогѣ поѣдемъ!—страннымъ эпическимъ голосомъ добавилъ старикъ, ловя край рядна.—Ну, да ничего, я тамъ вожжи брошу, лошадь по слѣду найдетъ.

И такъ ясно стало, что человѣку нечего противопоставить бѣснующемуся хаосу, кромѣ покорности, кромѣ предѣла покорности, того послѣдняго, гдѣ боль—радость и тьма—свѣтъ.

Конечно, пока есть другія надежды,—кровъ, тепло, завтрашній день,—можно безъ нея обойтись и утверждать свою волю и помнить свои человѣческія цѣли—близкія и далекія. Но когда станетъ лошадь и надъ санями начнетъ расти сугробъ и онѣмѣвшіе пальцы откажутся поправить съѣхавшее рядно, тогда—хотѣла бы я знать—можетъ ли кто-нибудь обойтись безъ покорности, закрыть глаза и застыть „просто", какъ засыпаетъ муха, какъ замерзаетъ въ первые морозы запоздалое былье.

— Пуще всего не усните,—сонъ долить почалъ,—возвѣщаетъ голосъ изъ-подъ рядна, и даже какъ будто радостно.

И правда, покорность незамѣтно и сладко начинаетъ превращаться въ сонъ.

Дорога спускается въ оврагъ. Сразу становится тише, онѣмѣвшая отъ холода рука съ той стороны, откуда вѣтеръ, покрывается множествомъ мелкихъ уколовъ.

— Правда ли, что его сіятельство не велитъ, чтобы его звали „его сіятельствомъ"?—спрашиваетъ извозчикъ.

Я отвѣчаю, что, вѣроятно, правда, и объясняю, почему это не можетъ нравиться Толстому. Но извозчикъ не согласенъ.

— Такого человѣка и величать,—говоритъ онъ.—А что же, прости Господи, другой и охальникъ, можетъ быть, а его величаютъ, а Левъ Николаевичъ, слыхать, кому нужно корову—возьми, нужно лошадь—лошадь даетъ, и всегда съ наставленіемъ.

— Да дѣло въ томъ, что ему почетъ человѣческій не нуженъ,—говорю я.

— Ему не нуженъ, а намъ кого же и почитать? Я четыре раза въ Ясную Поляну ѣздилъ и четыре раза графа видѣлъ. Снимешь шапку, и онъ шапку снимаетъ... Вы, барыня, съ графомъ знакомство водите?

— Нѣтъ, я первый разъ ѣду. Никогда его не видала.

— Скажу я вамъ правду,—таинственно понизивъ голосъ, сказалъ онъ:—и въ метель ѣхать—стоящее дѣло. Англичане пріѣзжаютъ: у нихъ, говорятъ, въ англійской землѣ, такихъ людей нѣтъ. Слышно, первый человѣкъ графъ послѣ Бога.

— А развѣ, по-вашему, не царь послѣ Бога первый?

— Царь, онъ царь, какъ слѣдоваетъ быть. А про Льва Николаевича говорятъ,—онъ праведной жизни.

— Кто же говоритъ это?

— Изъ сѣдоковъ говорили. И по городу слышно. Вы что, барыня, мекаете? Кабы не графиня, Софья Андреевна, говорятъ, графъ въ монахи бы пошелъ, имущество бы роздалъ мужикамъ. А хозяйка-то не допускаетъ... Характерная, говорятъ... А графъ, извините, какъ мастеровые: въ блюзѣ одѣвши, безъ пинжака и въ сапогахъ ходитъ... А какъ посмотритъ—тутъ душа взыграетъ... вѣдь бываетъ же такой глазъ...

Оврагъ, высокая пологая гора миновали, пошла дорога лѣсомъ, замелькали занесенныя снѣгомъ дачи. Поворотъ къ „бездорогѣ". Бросилъ извозчикъ вожжи, но лошадь смущается, а, можетъ быть, выбилась изъ силъ, ныряя въ сугробахъ. Стала. И извозчикъ сталъ. И показалось, что такъ уже было когда-то: я и покорный извозчикъ подъ изодраннымъ рядномъ, и продрогшая лошадь въ саванѣ изъ инея—вотъ такъ стояли, и на насъ безучастно смотрѣлъ мѣсяцъ сквозь снѣжную мглу, чернобылъ и черныя деревья. А вьюга насъ хоронила долго-долго,—малень-

кихъ, покорныхъ... Что это было? Гдѣ это было? Или это про „Хозяина и работника“?

Платокъ, пледъ, воротникъ стоятъ лубкомъ,—повернуться трудно.

— И неподалеку тутъ графъ,—бормочетъ извозчикъ, неподвижно стоя,—а поворотовъ не видать. А поворотъ—первое дѣло. Поворота не знать—до утра простоишь.—И вдругъ онъ вскрикиваетъ:—Вѣхи! вонъ, тамъ, вѣхи!

Въ оцѣпенѣніи своемъ онъ не переставалъ всматриваться въ снѣжную муть и замѣтилъ вѣхи.

— Да это такъ, можетъ быть, чернобылъ какой,—говорю я.

— Нѣтъ, вѣхи, я ужъ вижу; на нихъ вѣнчики соломенные.

Подъѣзжаемъ—правда, вѣха, другая. И значеніе ихъ—показывать путь къ Ясной Полянѣ—дѣлаетъ эти бѣдные сухіе прутья такими важными и странно живыми.

Насъ догоняютъ дровни изъ графской усадьбы; везутъ какіе-то боченки—съ керосиномъ, вѣрно, съ масломъ. Пахнуло укладомъ барской усадебной жизни, гдѣ не нужно видѣть каждый день магазиновъ, вывѣсокъ, не нужно покупать, считать деньги, провѣрять сдачу. Закупается помногу, надолго, и жизнь освобождается отъ тиранніи многихъ мелочей и, главное, всегда на это хватаетъ на все, и не нужно, какъ Достоевскому, взывать къ жестокосердымъ издателямъ: „у жены теплой юбки нѣтъ, на молоко, на лѣкарство,—на завтрашній день уже нѣтъ!...“

Ворота съ двумя толстыми, низкими, коническими столбами, сторожки, сторожевая собака; она выбѣгаетъ съ лѣнивымъ лаемъ и прячется отъ вьюги въ будку. Сани, скрипя, ѣдутъ между царственныхъ елей въ пышныхъ парчевыхъ ризахъ. Столѣтнія липы, дубы чернѣютъ сквозь серебряную пелену снѣговой пыли. Въ концѣ аллеи виднѣется большая терраса у двухъэтажнаго, небольшого по первому впечатлѣнію, дома. Она пустая, заметенная снѣгомъ; окна въ домѣ освѣщены тускло и только немногія.

Извозчикъ знаетъ, гдѣ подъѣздъ, заворачиваетъ за уголъ и останавливается у небольшого крыльца, по сторонамъ котораго два скупо освѣщенныхъ окна.

— Пріѣхали, благодаря Бога,—говоритъ онъ съ облегченіемъ и даже крестится.

И, выгружая меня изъ саней, прибавляетъ неожиданно:

— Дай вамъ Богъ у графа наставиться!

Потомъ онъ идетъ къ окну и энергично стучитъ кнутовищемъ въ стекло. Оказывается, звонка нѣтъ. Онъ долго стучитъ въ одно окно и въ другое—наконецъ, дверь отворяется, и высовывается бѣлокурая, чинно причесанная голова лакея въ сѣромъ съ золотыми пуговицами. Онъ разсказываетъ извозчику, какъ ему проѣхать въ людскую, а меня

начинаетъ съ безстрастно-почтительнымъ лицомъ освобождать отъ снѣговыхъ платковъ, превратившихся въ ледяную кору.

— Вамъ ко Льву Николаевичу или къ кому именно угодно?

Я говорю, что Левъ Николаевичъ назначилъ мнѣ эти часы. Лакей легко уносится наверхъ, доложить обо мнѣ. А мнѣ кажется,—какъ всегда въ важныя минуты это кажется, — что, съ одной стороны, это сонъ, а съ другой стороны, что это было уже такъ, и въ чемъ-то иначе, и хочется припомнить—какъ иначе? И незамѣтно, какъ воздушныя, преодолѣваются ступени и какъ несуществующія, пошатнувшись, пропадаютъ какія-то комнаты.

— Левъ Николаевичъ въ своемъ кабинетѣ,—говоритъ провожающій лакей.—Вотъ, сюда пожалуйте.

И вотъ, это жуткое чудо—воплощеніе, вочеловѣченіе,—во времени и пространствѣ, лицомъ къ лицу появленіе того, кто донынѣ былъ только названіемъ великаго творческаго начала, создавшаго творенія, болѣе реальныя, болѣе живыя, чѣмъ иныя человѣческія существованія, пережившаго такія великія исканія, познавшаго, можетъ быть, то, что отъ смертныхъ скрыто.—И вотъ, это лицо, этотъ голосъ...

— Здравствуйте, садитесь. Чѣмъ я могу вамъ служить?

Прекрасное старческое лицо, безъ старческой дряхлости, съ живыми, но свѣтски-завѣшенными глазами; взоръ подъ голубой дымкой, внимательный, но далекій. Мягкій голосъ, сдержанный, почти холодный. Осанка свѣтскаго человѣка, и даже не это, а скорѣе осанка царя, который рѣшилъ быть доступнымъ. Но въ голосѣ что-то плѣнительное, что-то до того родное, знакомое, что опять колышутся воспоминанія: кто такъ говорилъ? Кто могъ такъ говорить? Такой же величавый и такъ же таинственно-близкій? И говорилъ и былъ нѣмъ въ то же время. Проносится въ памяти статуя Микель-Анджеловскаго Моисея. По силѣ, по затаенной грозности, по той тишинѣ, которая рождается только бурями, невыносимыми для простыхъ смертныхъ,—это братскія лица. И не было бы удивительно, если бы лучи, какіе рисуютъ надъ головой Моисея, засіяли бы и надъ головой великаго старца.

На вопросъ его я отвѣтила, что мнѣ давно хотѣлось видѣть его, что встрѣча съ нимъ, даже помимо словъ его о жизни, какія мы знаемъ уже изъ его книгъ, не можетъ не имѣть важнаго значенія для каждой человѣческой души. (Свои слова я предпочитаю передавать въ конспективномъ видѣ.)

— У васъ какіе-нибудь вопросы?—пытливо, искоса бросивъ взглядъ, быстро спросилъ онъ. Прочитавъ на моемъ лицѣ, что дѣло не въ вопросахъ для меня, онъ быстро прибавилъ, чуть улыбнувшись, съ свѣтской любезностью:

— Если нѣтъ,—тѣмъ лучше.

Въ первый часъ нашей бесѣды свѣтскость почти не покидала его, глаза почти все время были завѣшены голубоватой дымкой, отчуждающей властно и спокойно, безъ обиды для гостя—потому что голосъ его все время звучалъ мягко и заинтересованно.

И только, когда онъ далъ мнѣ для прочтенія вслухъ письма солдатъ, и я неожиданно для него подняла на него глаза, я встрѣтила уже не свѣтскій, а пытливый, строгій взглядъ судьи и учителя жизни. Въ первый часъ онъ говорилъ о своемъ пониманіи религіи—это было совсѣмъ, какъ въ его книгѣ, тѣми же выраженіями. Говорилъ о тѣхъ силахъ, какія заложены въ народѣ; о пробужденіи религіознаго сознанія; о томъ, что интеллигенція никуда не годится, разъ она дошла до такой мерзости, какъ „декадентство"; сурово совѣтовалъ (все съ тѣмъ же холоднымъ взоромъ) не читать книгъ, кромѣ Евангелія, Ведъ, Конфуція, Лао-Тзе.

— Это, какъ если бы вы шли пѣшкомъ и по вашему пути ѣхалъ автомобиль и подвезъ бы васъ. А читать Джемсовъ разныхъ—это или на одномъ мѣстѣ топтаться, или, еще хуже, отъ своего пути въ сторону на тысячу верстъ скакать.

Въ книгѣ Джемса [1]) его заинтересовала выдержка изъ „Ведъ". Но книга была не разрѣзана, и мы не могли найти этой выдержки.

Зашла рѣчь о стихахъ, между прочимъ о стихахъ Сологуба, о которыхъ онъ отозвался съ рѣзкимъ осужденіемъ.

Я стала защищать тѣ стихотворенія этого поэта, которыя мнѣ нравятся.

— Прочтите что-нибудь вслухъ, что помните,—сказалъ Левъ Николаевичъ.

Мнѣ пришло на память одно изъ давнихъ стихотвореній:

Я люблю мою темную землю,
И въ предчувствіи вѣчной разлуки
Не одну только радость пріемлю,
Но смиренно и тяжкія муки.
Только Воля Господня и есть...

Докончить мнѣ не удалось. Левъ Николаевичъ сердито и морщась въ то же время, какъ отъ боли, прервалъ меня вопросомъ:

— Что это значитъ „темная земля", когда надъ нею свѣтитъ солнце? И почемъ онъ знаетъ, что разлука „вѣчная". И потомъ—эти пошлыя кражи изъ „Отче нашъ". Нѣтъ, нѣтъ—избавьте меня отъ вашихъ Сологубовъ. Вы живете въ этомъ мірѣ. Вамъ это что-то говоритъ. А я

---

[1]) Тогда только что былъ оконченъ мною переводъ книги Джемса „Многообразіе религіознаго опыта", которую я рѣшила повезти въ даръ Льву Николаевичу, въ чемъ глубоко раскаиваюсь, такъ какъ послѣсловіе этой книги разсердило его и совершенно измѣнило тонъ бесѣды.

знаю, что тутъ ничего нѣтъ. Да я стиховъ и вообще не люблю,—добавилъ онъ, нѣсколько успокоившись.—Одно на тысячу, нѣтъ, на 10,000, да и не на 10,000, одно на 100,000 стихотвореніе годно для прочтенія. Напримѣръ:

„Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день"...

По странной случайности дорогой, когда начиналъ одолѣвать сонъ, у меня все время подъ пѣнье метели звучали эти строки въ головѣ, и я прочла вслухъ это стихотвореніе. Левъ Николаевичъ слушалъ со смягченнымъ лицомъ, съ заблестѣвшими глазами. Онъ самъ заканчивалъ нѣкоторыя строчки. Когда же я останавливалась, чтобы послушать его, онъ произносилъ слово и смотрѣлъ выжидательно, пока я не догадывалась продолжать стихотвореніе. Послѣдній куплетъ: „И съ отвращеніемъ читая жизнь мою, я трепещу и проклинаю", Л. Н. произнесъ два раза съ торжественно скорбнымъ выраженіемъ.

— Это стихи,—сказалъ онъ;—и такихъ стиховъ пять, много десять на всемъ свѣтѣ... Да и можетъ ли быть иначе? Я по себѣ знаю, какая тонкая вещь—мысль и какъ она высѣкается. Какъ нужно бережно, съ какими усиліями, съ какимъ трудомъ нужно каждое слово высѣкать. А тутъ вдругъ — риѳма, — извольте выбирать непремѣнно вотъ изъ этого десятка, нѣтъ, пятка, словъ; морозы, розы, грезы, слезы, козы.

Я возразила, что у поэта мысль рождается изъ мелодіи, которая звучитъ уже почти готовыми музыкальными созвучіями.

— Такъ это у одного изъ 100,000. Да для этого есть, кромѣ того, музыка, — сказалъ Левъ Николаевичъ. И при словѣ „музыка" опять смягчился. Доброе старческое умиленіе разлилось по его суровымъ чертамъ.

— Музыка на меня страшно дѣйствуетъ,—сказалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, точно ослабѣвшимъ отъ воспоминанія о силѣ пережитыхъ впечатлѣній.

Я вспомнила, какъ разсказывали въ Тулѣ, что къ нему недавно пріѣзжалъ французскій оркестръ старинныхъ инструментовъ; играли tarantell'у и tambourin, и morceaux de ballet, а Левъ Николаевичъ все время плакалъ. И, уѣзжая, одинъ изъ музыкантовъ сказалъ: „мы не думали, что такой человѣкъ есть на землѣ".

Левъ Николаевичъ спросилъ, что заставило меня взять такой трудный трудъ и такой непріятный, какъ чтеніе рукописей. Я сказала, что, помимо моего интереса и симпатіи къ этому журналу [1]), у меня была и есть необходимость заработка.

— Вамъ это, вѣрно, покажется страннымъ, а, по-моему, вы, именно вы, могли бы и на 20 рублей жить.

---

[1]) Въ то время я помогала вести беллетристическій отдѣлъ въ *Русской Мысли*.

Я сказала, что у меня нѣтъ этого искусства.

— Да, въ большомъ городѣ, — согласился онъ, — на 20, пожалуй, трудно. Но на 30 уже можно.

— Мнѣ было бы трудно,—сказала я.—Трудно, когда плохая комната, скверная ѣда.

— Зачѣмъ же скверная? Главное, вѣдь это наряды, и если желать за модой тянуться,—вотъ главные расходы.

Ко второму часу нашей бесѣды онъ сталъ ласковѣе, ближе. Говоря о мертвыхъ точкахъ въ жизни человѣка и о подъемахъ „на новый гребень волны" (это его слова), онъ заволновался; взоръ его сталъ дѣтски довѣрчивымъ.

— Я понялъ, недавно, на-дняхъ только, понялъ, что это необходимо— упадокъ и подъемъ, ложбинка между волнами; на самое дно ея упасть и опять на гребень взобраться. Это законъ движенія. Покоя не можетъ быть, довольства не должно быть. Блаженство достигнутое, — только мигъ... Послѣ него снова тягота, снова усилія. „Царствіе Божіе берется силою".

— И еще вотъ мы о вашихъ занятіяхъ говорили. Я сейчасъ думаю,—это я вотъ сейчасъ, сейчасъ только понялъ, что желать перемѣны, да еще во внѣшнемъ,—это значитъ оскорблять Хозяина. Мы не болѣе, чѣмъ работники. Воля одна, и воля Его, а не наша. Если вы роетесь, какъ вы говорите, въ мусорѣ мысли человѣческой и ничего другого для журнала не дѣлаете, — значитъ это такъ нужно. Но пишетъ скверныя рукописи не кто иной, какъ человѣкъ. И вотъ, въ отношеніи къ нему, въ живомъ отношеніи, какое можетъ рукописей не касаться, и будетъ живое дѣло.

Потомъ онъ спросилъ меня, есть ли у меня дѣти. Я разсказала ему въ короткихъ словахъ, какъ сложилась моя личная жизнь.

— Это избранничество, это большое счастье, что нѣтъ дѣтей, нѣтъ семьи,—торжественно сказалъ онъ съ суровымъ и вдохновеннымъ взоромъ, уже безъ свѣтской завѣсы, глядя прямо въ глаза.—Одиночество — благо, которое люди еще не оцѣнили. Если, конечно, мы не одиноки, оставаясь наединѣ съ собой, и знаемъ, „какого мы духа".

Съ проникновенно ласковымъ и умиленнымъ лицомъ, онъ всталъ неожиданно съ кресла и прошелъ мимо меня къ столу. Выдвинулъ ящикъ и досталъ тетрадку дневника. Благоговѣйно взявъ ее, я прочла, на указанной имъ страницѣ, записанныя наканунѣ безконечно трогательныя слова о сомнѣніи и колебаніи его, о недостаткѣ „твердости" въ вѣрѣ, о сознаніи удаленности отъ Бога.

— Такъ знаменуется каждая новая ступень,—сказалъ онъ съ волненіемъ.—Теперь я уже знаю, что именно это и есть ступень кверху, а довольство—остановка. А раньше я доходилъ до такого отчаянія, что

мечталъ о смерти, какъ объ избавленіи,—въ такія минуты. Теперь ужъ я не „вѣрю", а „знаю", что это такой путь, такой законъ, и иначе быть не можетъ. И какъ все новое узнаешь каждый день, какъ дивишься тому, что было еще вчера, что вотъ этого не зналъ, вотъ такъ-то могъ подумать, ужасаешься своимъ заблужденіямъ, что вчера еще за истину принималъ. Думаешь: да неужели *я* могъ такъ это подумать, такъ это почувствовать?

Онъ говорилъ еще о близости своего „ухода".

— Мнѣ 82 года,—сказалъ онъ.—Мнѣ скоро уходить (онъ еще раза два въ теченіе бесѣды употребилъ это слово „уходить" вмѣсто „умирать"), и я не увижу, что изъ всего этого выйдетъ (говорили о современномъ ходѣ событій въ Россіи).

— Но думаю, что въ народѣ много религіозныхъ силъ. Вижу это и по письмамъ, вотъ такимъ, какъ отъ этого солдата, и самъ наталкиваюсь на такихъ людей. На нихъ вся моя надежда.

Съ глазами, радостно блеснувшими, онъ снова взялъ письма солдатъ.

— Это—люди,—сказалъ онъ,—это настоящіе люди, и вотъ этотъ пишетъ, что его религіозный переворотъ произошелъ отъ „Круга чтенія". А когда слышишь о всякихъ насиліяхъ и когда близкіе терпятъ отъ нихъ,—вотъ Хирьякова засадили, Гусева моего милаго отъ меня взяли. Я учусь говорить: „Прости имъ! Не вѣдаютъ что творятъ"!

Я сказала о себѣ, что для меня съ дѣтства всегда были отдѣльными и лишь формально связанными исторіями — распятіе Христа и воины, игравшіе въ кости, и даже тотъ, кто ударилъ Христа копьемъ. И гнѣва противъ мучителей Христовыхъ при всей страстной религіозности моей я ни разу не испытала.

Левъ Николаевичъ оживился; свѣтъ прихлынулъ къ его лицу, такъ что трудно было вынести силу этого свѣта, напряженность этого внутренняго видѣнія. Въ этотъ мигъ, казалось, онъ былъ на Голгоѳѣ и былъ Богоматерью у креста, и любимымъ ученикомъ Христовымъ, и воиномъ, поднявшимъ копье.

— Да, это важно, — съ чудесно сверкающими глазами, повторилъ онъ,—это очень, очень важно... Вѣдь безъ воиновъ, безъ сотниковъ, безъ Іуды, не совершилась бы и жертва Христа... да, это такъ, это такъ!

Во время разговора дочь Льва Николаевича, Александра Львовна, нѣсколько разъ входила съ письмами, съ вопросами, — не меньше четырехъ разъ, и, наконецъ, озабоченно сказала:

— Можетъ быть, вы хотите пройти къ намъ! Вы посидите съ нами, а папа выйдетъ къ чаю.

Левъ Николаевичъ старчески-добродушно улыбнулся.

— Она всегда такъ оберегаетъ меня. Но я совсѣмъ не усталъ. Мы такъ разговаривали, что я не усталъ,—тономъ, отстраняющимъ возможную настойчивость въ заботливости о немъ, уже безъ улыбки, добавилъ онъ.

Александра Львовна ушла странно легкой, при ея полнотѣ, безшумной походкой.

Боясь усталости для него, я встала со словами:

— Я, правда, пойду, Левъ Николаевичъ.

Онъ мягко-повелительно сказалъ:

— Сядьте,—и прибавилъ уже съ раздраженіемъ: — Я сказалъ уже, что я не усталъ.

Левъ Николаевичъ заговорилъ опять о письмахъ солдатъ, не желавшихъ принять присяги, о ихъ мученичествѣ за образъ Божій въ себѣ, о счастьи мученичества.

Я согласилась, что мученичество — высшее счастье, возможное въ этомъ мірѣ, но не могла не прибавить, что себѣ и близкимъ мы рѣдко осмѣливаемся желать этого счастья.

— Это только по дурному качеству той любви, какой мы любимъ себя и такъ называемыхъ близкихъ, — сдвинувъ брови, взволнованно перебилъ меня Левъ Николаевичъ.—Ни въ чемъ такъ не слѣпъ человѣкъ и такъ не далекъ отъ разумнаго пониманія того, что ему нужно желать, какъ въ томъ, когда дойдетъ дѣло до такъ называемыхъ близкихъ. А тамъ, гдѣ кровь молчитъ, слышнѣе, виднѣе, что нужно...

Потомъ рѣчь зашла о тщеславіи, о тѣхъ неожиданныхъ, тончайшихъ формахъ, какія оно можетъ иногда принять, о несвободѣ отъ тщеславія самыхъ чистыхъ душъ.

— Быть не просто хорошимъ, а лучшимъ, чѣмъ другіе; не просто итти, куда зоветъ голосъ Разума, а непремѣнно другихъ опередить; не просто волю Отца исполнять, а въ исполненіи еще красоту, красивость соблюсти,—это искушеніе большое, и рѣдко кого оно минуетъ,—а между тѣмъ, если поддаться ему, всѣ плоды душевнаго совершенствованія обратятся въ гниль и мерзость — а главное, человѣкъ такъ отъ настоящей дороги отобьется, что и слѣдъ травой зарастетъ,—горячо говорилъ онъ, и дивный царственно-строгій поворотъ пророчески-озаренной головы его снова напомнилъ Микель-Анджеловскаго Моисея.

Я сказала, что еще легче поддаться совсѣмъ незамѣтно этому соблазну тщеславія, когда существуетъ у человѣка досадная способность вѣчно смотрѣть на себя со стороны, ни на минуту не упускать себя изъ виду. Тутъ всегда какъ будто что-то на сценѣ происходитъ, гдѣ ты и актеръ, и зритель, которому нужно, чтобы актеръ игралъ хорошо и чтобы пьеса удалась.

— Я думаю, что это такъ у каждаго художника,—сказалъ, улыбаясь

мягко и свѣтло, Левъ Николаевичъ.—И съ этимъ ничего не подѣлаешь—актеръ и зритель такъ и останутся на своихъ мѣстахъ,—но можно приказать актеру, чтобы игралъ лишь то, къ чему онъ по настоящему призванъ, а зрителю внушить, что какъ бы актеръ свою роль ни выполнялъ, особенно любоваться на него не стоитъ, такъ какъ все это до безконечности далеко отъ того, для чего каждый изъ насъ призванъ.

Послѣ этого онъ досталъ книгу „На каждый день"—іюль—и сталъ горячо хвалить ее. На глазахъ у него были слезы.

— Эта книга спасаетъ меня. Эта книга — лучшее изъ всего, что я написалъ. Я каждый день ее читаю. Я радуюсь каждый день, какъ спасенію, тѣмъ мыслямъ, что въ ней. Это—настоящее, настоящее...

Я долго думала потомъ, на обратномъ пути, чѣмъ такъ могутъ быть нужны отрывки чужихъ мыслей ему, генію, чьи орлиныя очи не мигая смотрятъ 82 года въ глаза правдѣ; не играютъ ли эти мысли на каждый день роль той привычной реальности, того символа реальнаго, чѣмъ можно откреститься отъ искушенія безумія при слишкомъ большой напряженности душевныхъ силъ? Или, можетъ быть, душа его должна, какъ въ водолазный снарядъ, одѣваться въ родственныя, чистыя мысли, чтобы не захлебнуться въ злѣ міра сего, которымъ очищенной душѣ не подъ силу дышать, какъ дышимъ мы, еще во многомъ „чада праха"?

Еще когда мы были въ канцеляріи, Левъ Николаевичъ сильно и, какъ мнѣ показалось, сердито постучалъ въ стѣну изъ своего кабинета. Съ встревоженнымъ лицомъ Александра Львовна бросилась на стукъ.

Раздались слова „Вильямъ Джемсъ". Всѣ начали искать англійскій экземпляръ Джемса, англійскій словарь.

Къ чаю Левъ Николаевичъ вышелъ хмурый, недобрый.

— Я прочиталъ послѣсловіе, и этого для меня достаточно,— рѣшительно, съ мрачнымъ раздраженіемъ сказалъ онъ. — Очень слабо. Поверхностно. И потомъ, что это за языкъ „экзистенціальный"? Развѣ не стыдно было такъ уродовать языкъ?

Я пояснила, что такой условный терминъ требуется, чтобы быть ближе къ Джемсу.

— И „сублиминальный" требуется? Кто слышалъ когда это слово? Я 82 года живу и не слыхалъ. И что можетъ оно значить, такое поганое слово?

— Подсознательный.

— Что это значитъ „подъ"? Я понимаю — вотъ стулъ подо мной. Развѣ нельзя было сказать „внѣсознательный"? И еще это слово „переживанія" (онъ произнесъ „пережеваніе"). Это *Вѣхи,* кажется, выдумали. Развѣ это по-русски? Развѣ ухо когда-нибудь съ этимъ помирится? Напустили туману, притворились, что это и есть главное, чтобы

позаковыристѣе выразиться, чтобы никто ничего и прежде всего они сами—ничего чтобы не поняли.

Это не было старческое брюзжаніе, а скорѣе цѣлая гроза. Брови надвинулись тучами.

— За что же вы меня браните, Левъ Николаевичъ,—сказала я,—я тоже не люблю такихъ словъ, какъ „экзистенціальный“.

Но это не умилостивило его. Онъ уже меня не слышалъ. Быстрыя молніи сверкали подъ навѣсами тучъ, и отъ гнѣвнаго волненія онъ не могъ сидѣть на мѣстѣ.

Наканунѣ мы говорили съ писателемъ Н. о нелѣпости въ примѣненіи къ Льву Николаевичу того, что сказалъ Андрей Бѣлый:

„Лихой старикъ, обвѣянный пургою“,—

но тутъ вдругъ эти строчки сами пронеслись въ умѣ...

Онъ ушелъ въ кабинетъ, но быстро вернулся и положилъ на столъ передо мной книгу.

— Навѣрное, не читали,—сказалъ онъ съ негодованіемъ.—Сологубовъ у васъ въ Москвѣ читаютъ, и Джемсовъ, а это кому же нужно? Какой-то Пименъ Карповъ! А вотъ у него именно и поучиться бы, какъ писать и что писать. Отослали ему письмо мое?—сердитымъ тономъ кинулъ онъ дочери.

Оказалось, что отослали, но перепутали. Надписали вмѣсто „Карпову“—„Краснову“. Левъ Николаевичъ заволновался. Но его успокоили, объяснивъ, что эта ошибка поправима.

— Чудесная книга это „Говоръ зорь“. Вы прочтите непремѣнно,—уже ласково сказалъ онъ.

Потомъ устало и огорченно, тономъ просьбы, страннымъ въ устахъ царя царствующихъ въ литературѣ, Левъ Николаевичъ напомнилъ мнѣ о рукописи Елисѣева, которую передалъ для *Русской Мысли*.

— Вы ужъ, пожалуйста, мнѣ не откажите; не забудьте про Елисѣева; сдѣлайте тамъ, что нужно, и ему напишите и мнѣ.

Я стала прощаться. Лицо Льва Николаевича оставалось отчужденнымъ и мрачнымъ отъ потока мыслей, которыя будили въ немъ глухой гнѣвъ. Ясно было, что онъ весь охваченъ ими, и что ему стоитъ усилія оставаться въ границахъ привѣтливости. Но когда онъ узналъ, что я ухожу не только изъ столовой, а уѣзжаю въ Тулу, онъ заволновался отеческой заботливостью и съ оттѣнкомъ укора спросилъ домашнихъ:

— Развѣ не предложили В. Г. ночевать?

Я сказала, что непремѣнно хочу уѣхать, что метель улеглась, что я не боюсь ночного путешествія.

— Ну, смотрите же,—сказалъ Левъ Николаевичъ,—если хоть немного мететъ, вы непремѣнно возвращайтесь.

Это послѣднія слова, какія я отъ Льва Николаевича слышала.

Но у меня обиды не было.

Я видѣла его душу и по младенческой свѣжести, по силѣ и правдѣ исканія, равной ей не знаю. А что душа эта заключена въ грозныя стихіи, которымъ ей самой то и дѣло нужно говорить: „умолкни! перестань!“ — этого я до встрѣчи не представляла такъ ясно, какъ теперь знаю... Но въ этомъ для меня была новая красота, напоминавшая титаническій библейскій образъ Іакова, боровшагося съ Богомъ. Іаковъ съ Богомъ борется въ этой мощной душѣ, непрерывно, всю долгую жизнь его, и не только Іаковъ, но и Богъ бываетъ иногда хромъ въ этой борьбѣ. И все живъ Іаковъ, все буйствуетъ,—то гнѣвомъ, то властностью, то гордыней возстаетъ на Бога. И зрѣлище этой борьбы, такъ трогательно незащищенное отъ глазъ окружающихъ Льва Николаевича,— одна изъ самыхъ поучительныхъ страницъ въ Библіи человѣчества.

Въ снѣжныхъ поляхъ, когда я возвращалась ночью въ Тулу, подъ напѣвы метели все думалось о томъ, что любовь, о которой говоритъ Толстой, не та, которая грѣетъ, а та, которая имѣетъ уже право радоваться смерти замерзающаго работника. И вспоминались тѣ слова, которыя я, кажется, забыла записать, слова изъ нашего разговора (какое чудесное лицо было у него тогда!).

— Никто ничего нужнаго вамъ не скажетъ, кромѣ васъ самой; царствіе Божіе только внутри; Лао-Тзе, Будда,—они только попутчики, они могутъ подвезти. Но нѣтъ такого, чего вы, частица Божественнаго Разума, не знали бы, а что Лао-Тзе бы зналъ. Вы все знаете, вы все можете, вы, говорю, т.-е. каждый, кто думаетъ, какъ вы сейчасъ сказали, что онъ далекъ отъ Лао-Тзе. Если мы чувствуемъ, что мы отъ чего-то далеки, то это значитъ мы далеки только отъ самихъ себя, а не отъ Лао-Тзе.

И такая любовь звучала въ этихъ словахъ, — но не къ ближнему любовь, а къ дальнему,—къ образу Божію, отъ котораго такъ далекъ еще образъ человѣческій.

В. Г. Малахіева-Мировичъ.

Парламентскіе выборы.

Письмо изъ Англіи.

I.

Выборы еще не совсѣмъ закончились, но результатъ ихъ для всѣхъ уже ясенъ. Либералы если еще не въ лучшемъ, то во всякомъ случаѣ будутъ не въ худшемъ положеніи, чѣмъ послѣ январскихъ выборовъ 1910 года, и, судя по заявленіямъ вождей либеральной партіи, эти выборы слѣдуетъ считать рѣшительными по вопросу о палатѣ лордовъ. Больше либералы къ странѣ не будутъ обращаться по этому вопросу, а проведутъ во что бы то ни стало свой билль объ отмѣнѣ права veto лордовъ. Конечно, подъ такимъ заявленіемъ подразумѣвается само собою согласіе короля на созданіе, если потребуется, новаго большинства въ палатѣ лордовъ посредствомъ назначенія новыхъ членовъ ея. Что такое согласіе будетъ дано, въ этомъ никто не сомнѣвается. Король въ Англіи есть лишь исполнитель воли народа. Эта воля, по установившемуся порядку, воплощается въ парламентскомъ большинствѣ, которое выражается исключительно количественно. Каково бы ни было по характеру это большинство, составилось ли оно изъ коалиціи разныхъ партій или изъ однородной массы, для короля безразлично. Для него „британскій" народъ—всѣ подданные, начиная съ „коренныхъ" англичанъ и кончая „инородцами" ирландцами. И парламентское большинство, особенно такое крупное, какъ нынѣшнее, въ 120 или 130 голосовъ, не можетъ встрѣчать никакихъ препонъ со стороны того, кто призванъ блюсти волю народа и далъ клятву дѣйствовать согласно „парламентскимъ статутамъ, законамъ и обычаямъ конституціоннымъ". Когда еще до выборовъ, передъ роспускомъ парламента, въ умы нѣкоторыхъ англичанъ закралось сомнѣніе, получилъ ли наконецъ Асквитъ „гарантіи", т.-е. обѣщаніе короля пожаловать титулъ перовъ какому угодно числу лицъ, чтобы создать нужное большинство, разъ Асквитъ опять окажется у власти,—*Daily News* заявила, что объ отказѣ короля не можетъ

быть и рѣчи. „Развѣ можно себѣ представить, чтобы король поступилъ противъ воли народа, ясно выраженной на общихъ выборахъ!“—писала эта газета, и прибавляла, что о такомъ невозможномъ случаѣ она и разсуждать не хочетъ. Да не только либеральная *Daily News*, но и архиконсервативный *Spectator* писалъ 12 ноября: „Не забудьте, что правительству вовсе и не надо такого большинства, какимъ оно теперь пользуется. Оно можетъ потерять значительное число голосовъ и все же остаться съ большинствомъ, достаточнымъ для того, чтобы конституція была къ его услугамъ, потому что слѣдуетъ отбросить всякую мечту, какъ совершенно праздную, о томъ, что король можетъ оказать противодѣйствіе требованіямъ министерства. Каково бы ни было рѣшеніе народа, оно обязательно для короля. Хорошо или дурно, но британскій народъ управляется самъ собою и не потерпитъ, чтобы ему сказали, будто онъ не можетъ дѣлать, что хочетъ, изъ-за того, что король думаетъ или можетъ думать иначе“.

Вопросъ поэтому объ отмѣнѣ права лордовъ не утверждать биллей, принятыхъ въ палатѣ общинъ два раза, можно считать теперь, послѣ заканчивающихся выборовъ, рѣшеннымъ. Возможно, что для облегченія дѣла и во избѣжаніе необходимости созданія новыхъ титуловъ Асквитъ допуститъ какія-либо несущественныя поправки къ своему „парламентскому биллю“. Но будетъ ли пилюля позолочена или нѣтъ, палата лордовъ ее проглотитъ, и на пути прогресса въ Англіи окажется однимъ камнемъ меньше.

Въ настоящемъ письмѣ, однако, выборы интересуютъ насъ не столько съ точки зрѣнія ихъ ближайшихъ политическихъ результатовъ, сколько съ ихъ народно-психологической и обще-политической стороны. Всякіе парламентскіе выборы въ Англіи, гдѣ роспускъ парламентовъ всегда происходитъ на почвѣ какого-либо спорнаго вопроса, а не въ силу лишь одного истеченія законнаго срока полномочій, это—своего рода зарницы, освѣщающія темный горизонтъ. Вспыхивая, онѣ разряжаютъ накопившееся чувство и разрѣшаютъ хотя бы лишь временно достигшіе извѣстной степени напряженности политическіе вопросы. Въ то же время онѣ бросаютъ яркій свѣтъ на многое, что раньше пряталось въ тѣни и покрывалось мракомъ. И поэтому, говоря о только что происходившихъ выборахъ, остановимся здѣсь на тѣхъ сторонахъ ихъ, которыя выступили въ особенно яркомъ свѣтѣ.

II.

Раньше всего бросалось въ глаза полное отсутствіе критики правительства Асквита. Рѣчь шла не о прошломъ, а о будущемъ; выборы были не расчетомъ, а контрактомъ, не расплатой, а обязательствомъ.

Нужно сказать, что вообще парламентскіе выборы въ Англіи имѣютъ всегда осью своей, главнымъ образомъ, законодательныя программы въ будущемъ, а не дѣйствія правительства въ прошломъ. Но всетаки и въ Англіи бываютъ случаи, когда на выборахъ выдвигаются больше административные промахи правительства въ прошломъ, чѣмъ его программа въ будущемъ, особенно если это на руку противникамъ. Такъ, на выборахъ 1906 года огромную роль въ разгромѣ уніонистской партіи сыграли обвиненія кабинета Бальфура въ административной неспособности и въ нарушеніи обѣщаній, а также въ ничегонедѣланіи. Даже на прошлыхъ январскихъ выборахъ критика администраціи не совсѣмъ отсутствовала, и оказавшаяся въ оппозиціи консервативная партія изо всѣхъ силъ старалась доказывать, что правительство либеральной партіи пренебрегло морской защитой и, будто бы, отстало въ постройкѣ военныхъ судовъ. На этотъ же разъ и такой, явно-придуманной, попытки не было сдѣлано. О флотѣ уже и не говорили и вообще придраться рѣшительно не къ чему было. Или если и было къ чему придраться, то во всякомъ случаѣ не съ точки зрѣнія уніонистской партіи. Спорили горячо о референдумѣ, о палатѣ лордовъ, о гомрулѣ, но правительство, какъ исполнительный органъ, министры, какъ слуги государства, стоящіе во главѣ разныхъ вѣдомствъ, совершенно и не затрогивались. Если принять во вниманіе ту страстность, съ которой вообще ведется въ Англіи всякая предвыборная борьба, когда противники рады ухватиться за малѣйшую возможность обвиненія другъ друга, то полное умолчаніе о характерѣ работы административной машины является, конечно, лучшимъ свидѣтельствомъ государственнаго благоустройства. Какъ правовой организмъ, Англія почти не знаетъ ни злоупотребленій властью, ни бездѣйствія власти. Какъ хорошо поставленная мельница, правительственная власть гладко работаетъ всѣми своими жерновами, и рѣчь можетъ только итти о родѣ зерна, которое ей слѣдуетъ перемалывать.

Нечего говорить, что когда вниманіе народа не разбрасывается на мелочи управленія и ему не приходится тратить время и силы на исправленіе недостатковъ функціи исполнительной, онъ съ тѣмъ бо̀льшей силой и увлеченіемъ можетъ отдаться во время избирательной кампаніи вопросамъ высшаго порядка. Экономія его политическихъ силъ оказывается тогда огромной, и то, что въ другой странѣ могло бы казаться слишкомъ сложнымъ и отвлеченнымъ, для освобожденнаго отъ мелочей ума англичанина оказывается легкимъ и доступнымъ. И во всякомъ случаѣ избирательная кампанія дѣлается самой широкой и лучшей каѳедрой для разныхъ политическихъ ученій, имѣющихъ глубокій теоретическій интересъ. Вмѣсто того, чтобы заниматься, напримѣръ, вопросомъ о томъ, какъ сдѣлать, чтобы стражники не били народъ за

невзносъ податей, или чтобы губернаторы не засаживали въ вонючія тюрьмы ненравящихся имъ редакторовъ, или чтобы урядники не врывались въ чужіе дома во время богослуженій, или чтобы министры не разсылали циркуляровъ, отмѣняющихъ законы, избиратель свободенъ заниматься вопросами о референдумѣ, двухпалатной системѣ и т. д. И въ этомъ отношеніи, т.-е. какъ школу для политическихъ ученій, нынѣшніе выборы въ Англіи слѣдуетъ считать наиболѣе важными. Никогда раньше вопросы, имѣющіе прежде всего теоретическій интересъ и очень слабо задѣвающіе практическую жизнь, не преподносились въ такомъ чистомъ, принципіальномъ видѣ, какъ теперь. Рѣчь шла не, какъ въ прошлый разъ, о бюджетѣ, о дѣлѣ, близкомъ всякому плательщику налоговъ, или о „тарифной реформѣ", врѣзывающейся самымъ острымъ клиномъ въ дѣловую жизнь страны, не о расширеніи правъ народа, какъ въ годы избирательныхъ реформъ, даже не о палатѣ лордовъ, объ этомъ весьма большомъ препятствіи на пути англійскаго прогресса. Нѣтъ! Вопросъ шелъ исключительно о томъ, нужны ли двѣ палаты, а если нужны, то въ какихъ онѣ должны быть взаимныхъ отношеніяхъ и слѣдуетъ ли ввести въ Англіи референдумъ, дѣйствующій въ Швейцаріи и другихъ странахъ. Какого бы мнѣнія кто ни былъ о степени полезности или вредности референдума и однопалатной или двухпалатной системы, но можно навѣрное сказать, что особаго значенія въ англійской жизни та или другая форма опроса населенія не можетъ имѣть. Тамъ, гдѣ и безъ того почти все взрослое населеніе (хотя бы и одного мужского пола) участвуетъ въ подачѣ голосовъ и гдѣ общественное мнѣніе составляетъ для правительства и законодательныхъ учрежденій высшій контроль, народъ всегда, при референдумѣ или безъ него, при двухъ или при одной палатѣ, будетъ вершителемъ судебъ государства, т.-е. насколько вообще можно говорить о народѣ, а не его вождяхъ, какъ о вершителѣ судебъ.

Но откуда вдругъ взялся на выборахъ такой чисто, для англичанъ, теоретическій вопросъ, какъ вопросъ о референдумѣ?

III.

Внезапное появленіе вопроса о референдумѣ на выборахъ составляетъ одинъ изъ самыхъ любопытныхъ признаковъ общественнаго настроенія въ Англіи. И если происходившіе выборы что-либо съ несомнѣнностью освѣтили, такъ это—поразительный ростъ демократическаго чувства, съ одной стороны, и вѣру въ консерватизмъ народа—съ другой. Референдумъ вдругъ всплылъ по инициативѣ консервативной партіи. Это она выдумала его, какъ якорь спасенія. Сознавая безполезность отстаиванія наслѣдственной палаты лордовъ въ виду полнаго изживанія принциповъ

феодализма, не находящихъ никакого отклика въ современной жизни, консервативная партія бросилась въ другую крайность и сдѣлалась болѣе демократичной, чѣмъ признанные представители демократіи. И въ этомъ сказался глубокій расчетъ. Англійская консервативная партія глубоко вѣритъ въ права народа, потому что она знаетъ всѣ недостатки народа. Это можетъ показаться парадоксомъ, но это тѣмъ не менѣе составляетъ ядро англійскаго консерватизма, съ такой глубиной и силой построенное Дизраэли и затѣмъ поддержанное его замѣчательнымъ преемникомъ, лордомъ Солисбери, и теперь развиваемое дальше племянникомъ послѣдняго Бальфуромъ. Дизраэли первый научилъ англійскихъ торіевъ соединять консерватизмъ съ демократизмомъ. Онъ первый указалъ имъ на опасность и полную безполезность борьбы съ теченіями, которыхъ остановить невозможно, и, наоборотъ, совѣтовалъ воспользоваться этими теченіями для поддержанія именно консервативныхъ идеаловъ. Народъ, въ общемъ, по представленіямъ англійскихъ консервативныхъ вождей, слишкомъ консервативенъ и слишкомъ невѣжественъ, чтобы опасаться его. Напротивъ, чѣмъ больше правъ у него, чѣмъ громче его голосъ, тѣмъ прочнѣе и обезпеченнѣе принципы консервативной партіи.

Быстрое усвоеніе всей консервативной партіей идеи плебисцита (референдума), какія бы ни скрывались за нею въ умахъ вождей цѣли, свидѣтельствуетъ, конечно, о глубокомъ демократическомъ чувствѣ народа, и если нынѣшніе выборы что-либо доказали, такъ это сильный уклонъ всего англійскаго народа въ сторону радикализма. Выборы, насколько они выразились голосованіемъ рядового избирателя, всегда чуждаго скрытымъ цѣлямъ и судящаго лишь по тому, что ему говорятъ вожди, представляли собою не борьбу противоположныхъ идеаловъ, а *состязаніе въ достиженіи одного и того же идеала*. Если это состязаніе выразить въ видѣ бѣга, то рабочая партія оказывается впереди, либералы посрединѣ, а консерваторы позади. Но въ то же время замѣчается быстрое приближеніе либераловъ къ рабочей партіи, и ряды ихъ начинаютъ смѣшиваться. Многіе изъ соціалистовъ полагаютъ, что не либералы догоняютъ рабочую партію, а что послѣдняя просто отстаетъ въ своемъ дѣлѣ. Однако, ни программы партій, ни цифры голосованія этого не доказываютъ, и для болѣе точнаго опредѣленія силы разныхъ политическихъ теченій мы теперь и перейдемъ къ нѣкоторымъ наиболѣе интереснымъ цифровымъ результатамъ заканчивающейся нынѣ избирательной кампаніи.

IV.

Уже на выборахъ въ прошломъ январѣ замѣчалась довольно большая солидарность между рабочей и либеральной партіями. Правда, и тогда рабочая партія не постѣснилась выставить свыше 20 кандидатовъ

своихъ въ такихъ участкахъ, въ которыхъ у либераловъ и безъ того оказывались соперники въ лицѣ кандидатовъ консервативной партіи, и въ четырехъ мѣстахъ либералы проиграли именно потому, что часть ихъ голосовъ отошла къ кандидатамъ рабочей партіи. Но уже и тогда кандидаты рабочей партіи поддерживали тѣ же мѣры, что и либералы, защищая бюджетъ и свободу торговли, тогдашніе главные предметы борьбы, и воздерживались отъ всякихъ заявленій, которыя имѣли бы характеръ нападокъ на кабинетъ Асквита. Теперь же не только своими рѣчами, но и на дѣлѣ, своими кандидатурами, рабочая партія воздерживалась отъ ослабленія либеральной партіи вездѣ, гдѣ былъ третій соперникъ въ лицѣ консерватора. Съ другой стороны, и либералы во многихъ участкахъ отказывались отъ собственной кандидатуры, уступая ее рабочей партіи. Такимъ образомъ, напримѣръ, на прошлыхъ январскихъ выборахъ въ лондонскомъ участкѣ Bow and Bromley и въ юго-западной части Манчестера побѣдили консерваторы, потому что рядомъ съ либералами имѣла своихъ кандидатовъ и рабочая партія. Въ этотъ же разъ либералы отказались отъ борьбы въ Bow and Bromley, а рабочая партія—въ юго-западномъ Манчестерѣ, и въ результатѣ обѣ партіи выиграли: рабочая въ Лондонѣ, а либералы въ Манчестерѣ; первая съ большинствомъ 863 голосовъ, а вторые съ большинствомъ 259 голосовъ. Но что еще замѣчательнѣе, какъ признакъ солидарности, это—поддержка кандидата рабочей партіи въ Bow and Bromley, Джорджа Ленсбюри, канцлеромъ казначейства Ллойдомъ Джорджемъ, который на митингѣ тамъ заявилъ, что хотя онъ и расходится въ нѣкоторыхъ вопросахъ съ рабочей партіей, всетаки желаетъ успѣха ея кандидату, какъ человѣку, который искренно и честно служитъ интересамъ народа. Чтобы оцѣнить эволюцію, происшедшую въ рядахъ либеральной партіи по отношенію къ рабочей, достаточно напомнить, что года четыре тому назадъ такая поддержка вождемъ либеральной партіи кандидата рабочей партіи, извѣстнаго соціалиста, была бы не только невозможна, но, наоборотъ, нынѣшній членъ министерства, а тогдашній секретарь шотландской группы либераловъ или, какъ онъ называется, „загонщикъ“ (whip), Мэррей, говоря 25 августа 1906 г. о рабочей партіи, объявилъ ее прямо враждебной, съ которой необходимо вступить въ „открытую войну“.

Безспорно, и рабочая партія тоже измѣнилась. Въ парламентѣ она какъ бы отшлифовалась и потеряла тѣ рѣзкости и острые выступы, которые обыкновенно характеризуютъ партіи и группы, стоящія внѣ практической парламентской работы. Но тутъ мы касаемся вопроса крайне сложнаго. Происходитъ ли дѣйствительно отшлифовка или это—отборъ? Мѣняется ли въ парламентѣ психологія депутатовъ, или уже на порогѣ парламента происходитъ отборъ болѣе умѣренныхъ самимъ избирате-

лемъ? Повидимому, *происходитъ именно послѣднее.* По крайней мѣрѣ текущіе выборы дали поразительные примѣры того, какъ общая избирательная масса боится крайностей и отвергаетъ все то, что химерично, мелко или безразлично для главнаго прогрессивнаго теченія. Такъ, Викторъ Грейзонъ, бывшій членъ парламента, выступившій на этотъ разъ независимымъ соціалистомъ крайней школы, получилъ всего 408 голосовъ, въ то время какъ его соперникъ, кандидатъ либераловъ, получилъ 3,565, а консерваторъ—3,510. Но еще характернѣе оказались результаты выступленія кандидатовъ „женской" партіи. Этихъ кандитатовъ было немного, всего двое или трое. Они выступили со знаменемъ женскихъ избирательныхъ правъ, въ то же время объявляя себя либералами или консерваторами по другимъ политическимъ вопросамъ. И въ результатѣ одинъ изъ кандидатовъ въ Лондонѣ изъ поданныхъ 7,000 голосовъ получилъ 22, а другой, въ провинціи, изъ 10,000 получилъ 36.

Въ общемъ заканчивающіеся выборы можно считать торжествомъ здраваго смысла практическаго англійскаго народа.

С. И. Рапопортъ.

Лондонъ, 2 (15) дек.

На разныя темы.

Толстой и „мы“.—Толстой и „соціальная революція“.—Жестокая поговорка и извращенная психологія.—Что же такое Россія? (по поводу статьи В. Е. Жаботинскаго.)

Хотѣлось бы уловить смыслъ и силу того дѣйствія, которое смерть Толстого произвела на русское общество. Было ли тутъ длительное и глубокое дѣйствіе, которое пробудило работу сознанія, или то былъ просто какой-то особенный, ворвавшійся въ нашу жизнь фактъ, насъ поразившій, даже потрясшій, но нами не воспринятый въ глубины нашей душевной жизни, не усвоенный и не понятый? Я знаю, что многіе задаютъ себѣ этотъ вопросъ, задумываясь надъ тѣмъ испытаніемъ, которому Толстой и смертью своей подвергъ современниковъ.

Все яснѣе и яснѣе обнаруживается, въ какой мѣрѣ Толстымъ владѣла религіозная мысль, въ какой мѣрѣ онъ дѣйствительно жилъ религіей. И этимъ фактомъ, основнымъ фактомъ душевной жизни Толстого, объясняется та простая вещь, что безрелигіозная интеллигенція, несмотря на все впечатлѣніе, произведенное на нее смертью Толстого, по выраженію одного моего собесѣдника, внутренно растерялась и ничего не смогла выразить. Говоря о торжественномъ собраніи въ память Толстого, устроенномъ шестнадцатью петербургскими обществами, г. Пѣшехоновъ, вѣроятно, въ качествѣ очевидца, пишетъ:

„Оно прошло... вяло, безцвѣтно, безъ малѣйшаго подъема. Устроители и ораторы какъ будто больше были озабочены не тѣмъ, чтобы дать исходъ имѣвшимся у публики чувствамъ, а тѣмъ, чтобы не выйти за предѣлы, поставленные градоначальникомъ. Но и въ самихъ собравшихся не оказалось достаточно теплоты, чтобы въ атмосферѣ риторическаго холода и безсодержательнаго паѳоса, въ которую ихъ окунули, слиться въ общемъ чувствѣ. Никто не вспыхнулъ,—и человѣческій матеріалъ, собранный въ залѣ, остался не объединеннымъ. Каждый остался при своемъ чувствѣ, и ни въ чемъ, быть можетъ, оно сейчасъ больше не проявится“ [1]).

Фактъ переданъ, повидимому, совершенно вѣрно [2]), но причемъ тутъ

---

[1]) „Гора и море“. *Русское Богатство*, ноябрь, стр. 17.

[2]) Я не пошелъ въ это собраніе, но все, что я слышалъ, всецѣло подтверждаетъ характеристику его, даваемую Пѣшехоновымъ.

„предѣлы, поставленные градоначальникомъ"? Полицейская власть, конечно, можетъ многое сдѣлать съ устами, но надъ духомъ она не властна. И „атмосферу риторическаго холода и безсодержательнаго паѳоса" создала, конечно, не полицейская власть: ее принесли съ собой тѣ, кто ею—по свидѣтельству г. Пѣшехонова—наполнилъ залу собранія.

Обращаясь къ отклику самого г. Пѣшехонова, я нахожу въ немъ не „риторическій холодъ и безсодержательный паѳосъ". Напротивъ того, въ немъ есть „теплота" и даже—„вспышка". Но эта „теплота" какъ-то идетъ мимо подлиннаго Толстого, эта „вспышка" происходитъ по другому поводу. Съ Толстымъ, какъ религіознымъ мыслителемъ, ни теплота, ни вспышка г. Пѣшехонова не имѣютъ ничего общаго.

Я не желаю сейчасъ вести литературнаго спора, и не полемическія цѣли преслѣдуютъ мои строки. Фактъ „растерянности" по отношенію къ подлинному Толстому, который обнаружился такъ ярко и въ самомъ сильномъ литературномъ откликѣ нашей безрелигіозной интеллигенціи на смерть Толстого, въ статьѣ г. Пѣшехонова, интересуетъ меня вовсе не полемически. Я не только не упрекаю, напр., г. Пѣшехонова за эту „растерянность", но, наоборотъ, въ ней я склоненъ видѣть скорѣе свидѣтельство, безсознательное и тѣмъ болѣе, быть можетъ, цѣнное, о томъ, что смерть Толстого можетъ явиться толчкомъ для какой-то глубокой внутренней работы сознанія въ нашей интеллигенціи. И тотъ „откликъ, который нашла смерть Толстого въ академической молодежи", замѣчателенъ, конечно, не внѣшнимъ „стремленіемъ выйти на улицу", а *внутреннимъ* движеніемъ, которое коснулось молодежи не какъ „массы", не „растолкало" ее, какъ заспавшуюся „толпу", а затронуло и потрясло въ ней каждаго человѣка въ отдѣльности, т.-е. какъ-то разбудило *религіозную* личность...

Меня сильно поразило слѣдующее характерное признаніе г. Пѣшехонова:

„Я пробѣгаю въ своей памяти жизнь этого человѣка и вспоминаю цѣлый рядъ моментовъ, когда онъ казался особенно большимъ, особенно близкимъ, особенно важнымъ. Встаетъ въ моей памяти рядъ другихъ моментовъ, когда онъ *становился какъ бы невиднымъ, казался неважнымъ и даже неинтереснымъ* (курсивъ мой. П. С.). И странное дѣло! Получается такое впечатлѣніе, что онъ *вставалъ передъ нами, когда мы опускались*, и *скрывался, когда мы поднимались* (курсивъ мой. П. С.). Какъ будто его путь и нашъ путь—двѣ волнистыя линіи, не совпадавшія, а чередовавшіяся своими изгибами. Напоминаю два—три такихъ момента.

„Въ концѣ 70-хъ годовъ, когда мы бодро и быстро, хотя и небольшой кучкой, взбирались на гору, мечтая, что вотъ-вотъ достигнемъ перевала, Толстого вовсе не было видно на общественномъ горизонтѣ. Настали 80-е годы, годы общественнаго упадка, унынія и апатіи,—и Толстой со своими религіозными исканіями и моральною проповѣдью занялъ чуть не весь небосклонъ.

„Настала потомъ другая полоса общественнаго подъема, еще болѣе значительнаго, и

вотъ, когда мы были наверху—въ 1905—6 гг.—Толстого совсѣмъ почти было не видно и не слышно. Послѣ того мы скатились, попали въ какую-то глубокую яму, въ которой сидимъ, оглушенные и парализованные,—и вновь Толстой, какъ никогда еще великій, всталъ передъ нами. Не смерть, не случайность привлекла сейчасъ къ нему общественное вниманіе; всѣ взоры обратились въ его сторону уже въ тотъ моментъ, когда онъ уѣхалъ изъ Ясной Поляны. И тогда же мы почувствовали, что онъ сталъ еще больше, чѣмъ какимъ мы его до сихъ поръ знали“ [1]).

Итакъ, когда „мы“ поднимались, онъ „становился какъ бы невиднымъ, казался неважнымъ и даже неинтереснымъ“, конечно, для „насъ“. Когда „мы“ „опускались“, онъ, наоборотъ, „вставалъ передъ нами“. Г. Пѣшехоновъ совершенно искренно и вѣрно изобразилъ соотношеніе между религіознымъ мыслителемъ Толстымъ и безрелигіозной русской интеллигенціей. Но если это вѣрно, то что же это соотношеніе означаетъ? Какой смыслъ имѣетъ это историческое констатированіе? Становясь лучше, поднимаясь выше, „мы“ забывали о Толстомъ, „мы“ его не видѣли, имъ не интересовались; онъ „намъ“ „казался неважнымъ“.

Изъ этого „констатированія“ можно сдѣлать два вывода, которые одинъ исключаетъ другой.

Одинъ выводъ таковъ. Если, забывая о Толстомъ, имъ не интересуясь, „мы“ становились лучше и выше,—значитъ, онъ для нашего подъема вовсе не былъ нуженъ. И безъ Толстого, и безъ его „идей“ все обстояло хорошо въ нашемъ внутреннемъ мірѣ и въ нашемъ дѣланіи.

Но можно сдѣлать и другой выводъ, прямо противоположный. Если въ религіозной мысли Толстого было нѣчто цѣнное и нужное „намъ“, то не значитъ ли это, что не интересуясь имъ, забывая о немъ, какъ о „неважномъ“, „мы“ на самомъ дѣлѣ пренебрегали цѣннымъ и важнымъ? И, стало быть, не значитъ ли это устанавливаемое г. Пѣшехоновымъ соотношеніе между Толстымъ и „нами“, что наши „подъемы“, въ которые „передъ нами... онъ (Толстой) скрывался“, были поражены глубокимъ внутреннимъ порокомъ, и что когда нашъ путь своимъ изгибомъ не совпадалъ съ путемъ Толстого, у насъ, т.-е. внутри насъ, не было чего-то важнаго, большого, цѣннаго?

Альтернатива, которую я не сочинилъ для полемическихъ цѣлей, а вывелъ изъ собственныхъ утвержденій г. Пѣшехонова, неотразима. И, конечно, въ этой альтернативѣ пріемлемъ для меня лишь второй выводъ. Онъ указуетъ все огромное расхожденіе между религіозной мыслью Толстого и безрелигіозной мыслью нашей интеллигенціи.

Пусть Толстой былъ враждебенъ и даже грозенъ духу офиціальной, государственной и церковной, Россіи (это безспорно); пусть онъ былъ народникомъ (это тоже безспорно въ извѣстномъ смыслѣ),—этимъ не

[1]) Цит. статья, стр. 27.

только не исчерпывается, но даже не опредѣляется ни его духъ, ни его путь. Его духъ былъ напоенъ мыслью о Богѣ, его путь былъ путь религіознаго исканія.

И теперь меня занимаетъ мысль: то общее, не общественное, а общее и въ то же время чисто личное, интимное возбужденіе, которое произвела въ „людскомъ морѣ“ кончина Льва Толстого, сблизитъ ли оно „насъ“ съ его духомъ? Сможетъ ли это возбужденіе означать начало внутренняго духовнаго переворота въ жизни нашей интеллигенціи, болѣе того: въ жизни всей сознательной Россіи?

Вотъ о чемъ мы думаемъ, чего мы страстно желаемъ, на что надѣемся.

Толстой, дѣйствительно, не былъ „вождемъ интеллигенціи“. Скорѣе онъ былъ борцомъ противъ ея духа. Какъ бы ни были велики разногласія религіозно-настроенныхъ людей съ Толстымъ, имъ онъ близокъ, какъ живое воплощеніе въ русской жизни религіознаго начала. И когда отъ лица русской „интеллигенціи“ г. Пѣшехоновъ заявляетъ, что „евангеліе у насъ (т.-е. у него и его товарищей) было общее“ съ Толстымъ“—я хотѣлъ бы радоваться этому заявленію, какъ серьезному исповѣданію новой вѣры.

Но я боюсь, что исповѣданіе это, какъ оно ни искренно, не вполнѣ продумано и что въ немъ сглаживается то глубокое принципіальное расхожденіе, которое мимовольно, быть можетъ, но тѣмъ болѣе сильно подчеркнулъ самъ г. Пѣшехоновъ. И въ этомъ убѣжденіи меня утверждаетъ еще другое признаніе того же автора. Говоря объ уходѣ Льва Толстого изъ Ясной Поляны и характеризуя этотъ уходъ словами Свентоховскаго, какъ послѣдній геніальный аккордъ жизни Толстого, онъ признается:

„Я не знаю, испытывали ли бы мы теперешнія чувства (къ Толстому), если бы этого аккорда Толстымъ взято не было... примѣсь опасенія, какая была въ нашемъ чувствѣ, исчезла; осталось одно восхищеніе“.

Да, конецъ Толстого былъ прекрасенъ. Но развѣ его „идея“ нуждалась для того, чтобы явить свою правду, въ этомъ конечномъ „подвигѣ“? И развѣ въ немъ, въ этомъ подвигѣ—въ особенности въ томъ земномъ смыслѣ, въ какомъ его понимаетъ г. Пѣшехоновъ—мѣрило и оправданіе идеи Толстого? Боюсь, что, присоединяясь къ толстовскому „евангелію мира, братства и любви“, г. Пѣшехоновъ, самъ того, можетъ быть, не разумѣя, присоединяется къ нему внѣшне и поверхностно. Поэтому до ухода Толстого онъ чего-то „опасался“ (чего, этого онъ намъ не говоритъ), а отъ ухода вынесъ только одно чувство—восхищенія передъ личностью Толстого.

Но, конечно, 20 лѣтъ тому назадъ уходъ изъ Ясной Поляны былъ бы въ глазахъ Пѣшехонова со стороны Толстого бо́льшимъ личнымъ

подвигомъ, ибо онъ былъ бы подвигомъ земной жизни. Если Толстой въ 1910 году ушелъ изъ Ясной Поляны, то это было прежде всего и по существу дѣйствіемъ чисто религіознымъ.

Въ декабрьской книжкѣ *Русской Мысли* былъ помѣщенъ рядъ посвященныхъ Толстому статей лицъ, вовсе не раздѣляющихъ ученія Толстого. Не будучи вовсе единомышленниками Толстого ни въ его соціальномъ, ни въ его религіозномъ ученіи, мы чувствуемъ однако, каждый по своему, нашу глубочайшую и крѣпчайшую связь съ его духомъ, съ идеей, его одушевлявшей. Эта связь не въ признаніи или отрицаніи того или иного внѣшняго порядка жизни, а въ признаніи неоспоримаго первенства внутренней жизни надъ внѣшней, словомъ, въ признаніи религіозной основы личной и общественной жизни. Если была у Толстого какая-нибудь основная, ясная и непререкаемая, идея, которой онъ оставался вѣренъ во всю свою долгую жизнь, то это была именно эта идея. Насъ она подлинно и тѣсно объединяетъ съ духомъ Толстого...

Вотъ почему мы съ потрясеніемъ, вызваннымъ во множествѣ душъ его смертью, связываемъ тѣ надежды, о которыхъ рѣчь шла выше. Это—надежды на глубокое духовное просвѣтлѣніе личности, а не просто на то таяніе и колыханіе замерзшаго „народнаго моря“, о которомъ говоритъ г. Пѣшехоновъ. Вѣдь когда это море было не замерзшимъ, а бушевало во-всю, оно было глухо къ голосу Толстого. И, быть можетъ, именно тогда оно было къ нему особенно глухо, хотя г. Пѣшехоновъ и называетъ Толстого „нашей совѣстью“. Это—споръ не о томъ, кому принадлежитъ Толстой. Вопросъ тутъ ставится о томъ, въ чемъ же смыслъ „одушевлявшей его идеи“ и къ чему обязываетъ этотъ смыслъ.

Если въ статьѣ г. Пѣшехонова чувствуется добросовѣстная внутренняя растерянность передъ огромной личностью отошедшаго Толстого, всецѣло напоеннаго мыслью о Богѣ,—то попытка г. Н. И. Іорданскаго представить Толстого какъ „апостола соціальной революціи“ [1]) производитъ впечатлѣніе вовсе не растерянности. Здѣсь, наоборотъ, все очень хорошо обдумано...

Долженъ сказать, что я не представлялъ себѣ, чтобы возможна была подобная откровенная фальсификація Толстого. Толстой былъ, конечно, революціонеромъ по отношенію ко всему существующему; но онъ былъ также революціонеромъ и по отношенію ко всѣмъ тѣмъ пріемамъ и способамъ борьбы съ существующимъ общественнымъ строемъ, которые заключаются въ понятіи „соціальная революція“. Онъ не только

[1]) „Левъ Толстой и современное общество“. *Современный Міръ.* Декабрь.

не былъ пророкомъ соціальной революціи, но былъ ея непримиримымъ принципіальнымъ отрицателемъ. Хорошо это или худо, но это просто фактъ, о которомъ непристойно умалчивать и который стыдно затушевывать.

Въ сборникѣ писемъ Толстого есть въ этомъ смыслѣ нѣсколько заявленій, поразительныхъ по ясности и не оставляющихъ никакихъ сомнѣній относительно того, какъ думалъ и чувствовалъ Толстой. Толстой отрицалъ и „существующій порядокъ“ (государственный и общественно-экономическій), и „соціальную революцію“ не просто какъ факты, а въ самой ихъ идеѣ.

Нельзя поэтому, не извращая существа Толстого, говорить о томъ, что онъ стоялъ въ томъ или иномъ общественно-политическомъ лагерѣ. И если онъ былъ „народникомъ“, то только потому, что онъ—правильно или неправильно—вѣрилъ въ „народную“ душу. Подобно Тертулліану, который полагалъ, что всякая человѣческая душа есть прирожденная христіанка, онъ думалъ, что „простой народъ“ есть прирожденный христіанинъ въ его смыслѣ. Но въ проповѣди соціализма и соціальной революціи онъ видѣлъ совращеніе и развращеніе народа. Если онъ былъ „врагомъ буржуазнаго міра“, то вѣдь и соціализмъ онъ относилъ къ этому отвергаемому имъ міру.

Мы можемъ соглашаться или не соглашаться съ Толстымъ въ этомъ его отношеніи къ соціализму, это наше дѣло,—но совершенно непозволительно утаивать его истинныя мнѣнія и фальсифицировать его духъ.

Толстой хорошо видѣлъ, въ чемъ „революція“ и его проповѣдь, такъ сказать, прикасались другъ къ другу, и совершенно ясно высказался о томъ, какъ онъ понимаетъ эти „касанія“ и какъ онъ къ нимъ относится.

„По слабости своей,—пишетъ онъ въ 1906 г. нѣкоему Н. Г. С.,—я радовался на вашу работу распространенія моихъ мыслей и былъ, и есмь благодаренъ вамъ. Говорю: по слабости, потому что не беру на себя знать, нужно ли, чтобы теперь распространялись мои мысли и даже, чтобы онѣ вообще распространялись. Знаю, что мнѣ надо было выражать ихъ, но не больше. Про то же, чтобы сознательно употреблять ихъ на дѣло революціи—насилія, зла—я знаю несомнѣнно, что этого не должно. Знаю, что противовоенныя мои писанія могутъ имѣть значеніе, какъ необходимый выходъ изъ христіанскаго міровоззрѣнія, но никакъ не желаю давать имъ главное—и еще менѣе служебное значеніе для цѣлей не только чуждыхъ, но прямо противныхъ мнѣ. Само собою разумѣется, что желательно, чтобы солдаты не стрѣляли въ братьевъ и вообще въ людей, но чтобы они воздержались отъ этого ради Бога, а не для того, чтобы содѣйствовать революціи, т.-е. замѣнѣ

одной власти другою. Революціонеры не желаютъ, чтобы солдаты стрѣляли въ нихъ, но едва ли откажутся отъ того, чтобы солдаты стрѣляли въ ихъ враговъ. Они могутъ съ моими писаніями дѣлать что имъ угодно, я не могу препятствовать имъ въ этомъ, но давать или содѣйствовать имъ—это все равно, что употреблять евангеліе (книжку) на поджогъ деревни" [1]).

Въ томъ же революціонномъ 1906 году онъ пишетъ нѣкоему Н. Е. Ф.

„Судя по вашему письму, думаю, что вы и не замѣтили, какъ давно уже перешли на переводной стрѣлкѣ съ рельсовъ христіанскаго пути на рельсы революціонные и катитесь по нимъ, воображая, что вы на христіанскомъ пути, въ особенности потому, что печатаете и распространяете книги христіанскаго духа. Вы сравниваете нравственныя величины революціонеровъ и правительственныхъ людей. Но вы сравниваете одни числители (это свойство молодости), не знаменатели. А я вижу знаменатели и потому безъ всякаго сомнѣнія знаю, что солдатъ, офицеръ, чиновникъ, губернаторъ, выросшіе на этомъ, кормящіе свою семью и покоряющіеся существующему, т.-е. человѣкъ смиренный, съ крошечнымъ знаменателемъ несравненно нравственнѣе г-жи или г-на Х., твердо знающихъ, что нужно для блага Россіи, и браунингомъ достигающихъ этого блага.

„Берегитесь, милый Ф., отъ окружающаго васъ гипноза. Христіанину надо жить передъ Богомъ и своей совѣстью, а воздѣйствовать на другихъ не надо и нельзя, потому что онъ не знаетъ и не можетъ знать, что для нихъ хорошо. Вы печатаете мои книги и распространяете ихъ, мнѣ это, каюсь, пріятно, но я не знаю, хорошо ли это, и вамъ слѣдуетъ точно такъ же не знать этого и не класть на это вашихъ силъ...

„Людямъ, желающимъ итти по христіанскому пути въ наше время, повѣрка въ отношеніи къ революціи. Нынче же съ вашимъ письмомъ получилъ письмо (прежде уже было нѣсколько такихъ) отъ женщины, которая меня укоряетъ серьезно и горячо за то, что я не пишу о... войнѣ, возмущаюсь ея мученіями, не сострадаю ей. Вѣдь это ужасно. Несчастную дѣвушку, которая страшно жалка тѣмъ заблужденіемъ и развратомъ душевнымъ, который довелъ ее до хладнокровнаго убійства, требуетъ, чтобы мы жалѣли за ея физическія страданія. Да если бы она опомнилась, поняла, что она сдѣлала, она просила бы мученій, чтобы чѣмъ-нибудь загладить" [2])...

Я бы хотѣлъ, чтобы лица, прочитавшія статью г. Іорданскаго о

---

[1]) „Письма Л. Н. Толстого 1848—1910 г., собранныя П. А Сергѣенко". Москва, 1910 г., стр. 306—307.

[2]) „Письма", стр. 305—306. Письмо это напечатано, очевидно, съ погрѣшностями.

Толстомъ, какъ „апостолѣ соціальной революціи", сопоставили ея содержаніе и духъ съ подлинными заявленіями самого Толстого, заключающимися въ его „Письмахъ". [1])

Не ради полемическаго состязанія, а для разъясненія своихъ мыслей я долженъ коснуться „отклика" А. В. Пѣшехонова на мою характеристику В. В. Розанова въ ноябрьской книжкѣ *Русской Мысли.* [2])

Всѣ „полемическія красоты" этого отклика, направленныя противъ меня, я обхожу молчаніемъ. Онѣ для меня просто неинтересны. Но г. Пѣшехоновъ, снисходительно одобряющій меня за то, что я написалъ рѣзкое „изобличеніе" Розанова, двухъ самыхъ важныхъ вещей не замѣтилъ и не понялъ въ томъ, что я написалъ. Онъ не замѣтилъ моей оцѣнки Розанова, какъ литературной силы, и онъ не понялъ того настроенія, которое продиктовало мнѣ мою замѣтку.

Г. Пѣшехоновъ ничего исключительнаго въ „безстыдствѣ" Розанова не видитъ. Онъ, очевидно, не замѣтилъ и не прочувствовалъ со мной этого „исключительнаго". Но для меня Розановъ вѣдь не ординарный „нововременецъ"; для меня онъ, какъ я подчеркнулъ, „одинъ изъ первыхъ русскихъ писателей", человѣкъ, награжденный большимъ писательскимъ дарованіемъ и чисто художественнымъ прозрѣніемъ, а не первый попавшійся газетчикъ. Подобная оцѣнка литературнаго значенія не мѣняетъ тѣхъ требованій, которыя мы можемъ и должны предъявлять къ писателю, но объективно вѣдь это—обстоятельство огромной важности. „Большой писатель съ органическимъ порокомъ" объективно гораздо бо́льшая величина и бо́льшая сила, чѣмъ множество маленькихъ безпорочно-благонамѣренныхъ писателей. И потому его безстыдство есть большое горе русской литературы. Объ этомъ нѣтъ ни слова въ бойкой полемической статьѣ г. Пѣшехонова, но это достаточно ясно сказано въ моей замѣткѣ. Можетъ быть, г. Пѣшехоновъ ни въ какой мѣрѣ не раздѣляетъ моей оцѣнки дарованія Розанова. Однако именно эта оцѣнка придаетъ моей статьѣ о немъ тотъ смыслъ, который она имѣетъ для меня и должна имѣть для моихъ читателей.

Что г. Пѣшехоновъ этого въ ней не замѣтилъ,—пожалуй неслучайно. Мнѣ кажется, что то, о чемъ я пишу со скорбью, какъ о горѣ, г. Пѣ-

---

[1]) Въ послѣдній моментъ въ мои руки попалъ первый № новой газеты „Звѣзда" отъ 16-го декабря с. г., въ которомъ напечатана статья Г. В. Плеханова „о Толстомъ". Рядомъ съ попыткой Н. И. Іорданскаго—изобразить Толстого какъ соціалистическаго пророка статья Плеханова выгодно выдѣляется откровенностью и внутренней правдивостью. Съ точки зрѣнія Плеханова Толстой „не понялъ борьбы за переустройство общественныхъ отношеній, оставшись къ ней совершенно равнодушнымъ". Это совершенно вѣрно: именно „борьбу" въ марксистскомъ смыслѣ Толстой отрицалъ.

[2]) *Русскія Вѣдомости*, № 278, отъ 2-го декабря: „Отклики жизни. Безстыжее свѣтило, или изобличенный двурушникъ".

шехонову доставляетъ какую-то радость, вродѣ того стихійнаго ощущенія, которое овладѣваетъ толпой, когда раздается крикъ: „вора поймали!“ Моя статья написана совсѣмъ въ другомъ настроеніи. Не удовлетвореніе я испытывалъ, когда я „разоблачалъ“ Розанова, а огорченіе. И не потому, что этотъ „завѣдомый двурушникъ“—„около меня оказался“, какъ пишетъ г. Пѣшехоновъ, а именно потому, что я никого, и томъ числѣ и г. Розанова, не могу—безъ тяжелаго душевнаго испытанія—счесть „завѣдомымъ“. Между тѣмъ г. Пѣшехоновъ относительно цѣлаго разряда лицъ заранѣе „предполагаетъ“, что они тотъ колодецъ, изъ котораго нельзя пить, потому что въ него „опять плюнуть придется“,—какъ говаривалъ его „покойный учитель“ Н. К. Михайловскій. Какая противоестественная и жестокая „поговорка“! Какъ отразилась въ ней и вся извращенность русской жизни, и вся извращенность нашей общественной психологіи!

Мнѣ, конечно, скажутъ: въ этой извращенной психологіи повинны *Новое Время,* произволъ, правительство и т. д., и т. д.

Да, конечно, совершенно вѣрно: повинны. Но, кто бы и что бы ни были въ ней повинны, всетаки это—психологія извращенная: въ ней таится жестокость, злоба и гордыня.

Пусть г. Пѣшехоновъ трижды фактически правъ, провозглашая мудрый „завѣтъ“ своего покойнаго учителя,—морально онъ никогда не будетъ правъ. Это одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда мудрость житейская и мудрость этическая расходятся въ разныя стороны. Житейская мудрость учитъ насъ величайшему недовѣрію къ людямъ вообще, къ „грѣшникамъ“ въ частности. Но житейски мудрый завѣтъ: „не пей изъ колодца, опять плюнуть придется“ не можетъ быть превращенъ во всеобщее моральное правило. Въ справедливомъ гнѣвѣ и негодованіи можно или, вѣрнѣе, извинительно плюнуть въ лицо человѣку, совершившему мерзость, но ни одного человѣка, самаго дурного, самаго грѣшнаго, нельзя разъ навсегда превратить въ плевальницу.

Читая замѣтку г. Пѣшехонова „Безстыжее свѣтило, или изобличенный двурушникъ“, я не могъ отдѣлаться отъ тягостнаго впечатлѣнія, что г. Пѣшехоновъ по случаю моей статьи и радуется, и собой весьма доволенъ. Радуется онъ „изобличенію“ г. Розанова и доволенъ онъ тѣмъ, что самъ онъ, не въ примѣръ Струве, никогда не вѣрилъ Розанову, никогда съ нимъ не общался, а, наоборотъ, всегда готовъ былъ плюнуть ему въ лицо и за прошлое, и за настоящее, и за будущее. Злая радость! А самодовольство,—не одного ли оно духа съ знаменитой молитвой: „Боже! благодарю тебя, что я не таковъ, какъ прочіе люди, грабители, обидчики, прелюбодѣи, или какъ этотъ мытарь“?

У меня мало надежды, но мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы г. Пѣшехоновъ задумался надъ моими замѣчаніями не какъ надъ предметомъ

полемическаго состязанія, а какъ надъ мыслями и настроеніемъ, которыя, быть можетъ, ему чужды, но въ которыя стоитъ вникнуть. [1])

Выше *Русская Мысль* открываетъ серію статей подъ общимъ заголовкомъ „Письма о національностяхъ и областяхъ“—очеркомъ еврейскихъ настроеній, написаннымъ В. Е. Жаботинскимъ. Задача „Писемъ о національностяхъ и областяхъ“—освѣщать для читателей нашего журнала національные и областные вопросы не со стороны, а изнутри, съ точки зрѣнія тѣхъ, кто является представителемъ данной національности или области. Къ темамъ этихъ статей редакція будетъ возвращаться и разбирать ихъ со своей точки зрѣнія, отправляясь отъ того матеріала и тѣхъ разсужденій, которые дадутъ авторы „Писемъ“. Очеркъ В. Е. Жаботинскаго представляетъ мнѣ для этого первый поводъ. Въ заключеніе своей весьма интересной и для русской публики поучительной статьи г. Жаботинскій высказывается противъ моей мысли, что Россія должна быть и не можетъ не быть національно русскимъ государствомъ. Ему кажется странной претензія великорусскаго племени, составляющаго 43% всего населенія, на гегемонію въ Россіи.

Въ настоящихъ замѣткахъ я отнюдь не желаю ставить и разбирать вопроса, затрагиваемаго въ заключительныхъ замѣчаніяхъ г. Жаботинскаго, во всей его полнотѣ и сложности. Не буду я и напирать на то, чего хотѣлось бы мнѣ, а займусь главнымъ образомъ установленіемъ того, что есть.

Изумительно прежде всего, въ какой мѣрѣ политическая или иная тенденція способна слѣпить глаза и скрывать отъ зрѣнія самые внушительные и непререкаемые объективные факты. Какая-то упорная традиція, постоянно оживляемая интеллигентской политической тенденціей, скрываетъ отъ такихъ людей, какъ талантливый авторъ статьи о еврейскихъ настроеніяхъ, огромный историческій фактъ: существованіе русской націи и русской культуры. Именно русской, а не великорусской. Ставя въ одинъ рядъ этнографическіе „термины“—„великорусскій“, „малорусскій“, „бѣлорусскій“, авторъ забываетъ, что есть еще терминъ „русскій“, и что „русскій“ не есть какая-то отвлеченная

---

[1]) Послѣ того какъ были написаны эти строки, появилась въ *Новомъ Времени* (отъ 15 декабря 1910 г.) статья Розанова противъ Пѣшехонова. Защитительныя статьи Розанова вообще и, въ особенности, эта статья означаютъ такую глубину нравственнаго паденія, что писать о нихъ не имѣетъ смысла и даже невозможно. Тутъ, къ сожалѣнію, уже не только органическое безстыдство, а сознательная и до послѣдней степени лживая злоба. Но этотъ характеръ самозащиты Розанова не можетъ всетаки ни измѣнить моей оцѣнки его, какъ литературной силы, ни устранить того глубокаго расхожденія, которое существуетъ между Пѣшехоновымъ и мной, хотя мы оба возмущаемся Розановымъ.

„средняя“ изъ тѣхъ трехъ „терминовъ“ (съ прибавками „велико“, „мало“, „бѣло“), а живая культурная сила, великая, развивающаяся и растущая національная стихія, творимая нація (nation in the making, какъ говорятъ о себѣ американцы).

Русская культура, конечно, неразрывно связана съ государствомъ и его исторіей, но она есть фактъ въ настоящее время даже болѣе важный и основной, чѣмъ самое государство. Есть Пушкинъ, есть Гоголь, есть Толстой; есть русская наука, которая, при всей ея отсталости и слабости, есть всетаки и абсолютно, и относительно очень крупная величина; есть русское искусство, которое тоже уже сказало свое слово. Это все огромныя культурныя силы.

Я допускаю, что можно быть въ Варшавѣ или Гельсингфорсѣ участникомъ мѣстной культурной жизни, не зная русскаго языка, но безъ этого знанія нельзя быть такимъ участникомъ ни въ Кіевѣ, ни въ Могилевѣ, ни въ Тифлисѣ, ни въ Ташкентѣ. И вовсе не потому, что васъ тамъ обязательно тянутъ въ участокъ расписаться въ почтеніи передъ русской культурой, а потому, что эта культура дѣйствительно есть внутренно властный фактъ самой реальной жизни всѣхъ частей Имперіи, кромѣ Царства Польскаго и Финляндіи. Я утверждаю, что человѣкъ, который въ Кіевѣ или Могилевѣ захочетъ быть культурнымъ человѣкомъ, не вступая въ общеніе съ „русской“ культурой, долженъ быть не только „малороссомъ“ или „бѣлоруссомъ“, но въ придачу еще и нѣмцемъ или французомъ, или англичаниномъ. Ибо съ одной „малорусской“ или „бѣлорусской“ культурой онъ, какъ культурный человѣкъ, прожить не можетъ. Нужно же вдуматься, что̀ означаетъ эта излюбленная постановка „великорусской“ культуры въ одинъ рядъ съ „малорусской“ и „бѣлорусской“. Это значитъ, что рядомъ съ русской культурой на всемъ, такъ сказать, протяженіи культурнаго творчества должны быть созданы параллельныя культуры—„малорусскія“ и „бѣлорусскія“. Вѣдь тутъ рѣчь идетъ не просто о „преподаваніи въ начальной школѣ на мѣстномъ языкѣ“; передъ нами не болѣе, не менѣе какъ огромный, поистинѣ титаническій замыселъ раздвоенія или растроенія русской культуры на всемъ ея протяженіи—отъ букваря до „общей патологіи“ и „кристаллографіи“, отъ народной пѣсни до переводовъ изъ Овидія, Гёте, Верлэна или Верхарна.

Это значитъ, что „малорусская“ или „бѣлорусская“ „націи“ станутъ въ такое же отношеніе къ „великорусской“, въ какомъ чехи стоятъ къ нѣмцамъ или австрійскіе „украинцы“ къ полякамъ. Но вѣдь это значитъ еще, что „малорусская“ и „бѣлорусская“ культуры будутъ нарочно создаваемы.

И, въ самомъ дѣлѣ, какъ культуры, равноцѣнныя или равнозначныя съ той, которую любители этнографическихъ терминовъ называютъ ве-

ликорусской, но которую и исторія, и здравый смыслъ предписываютъ называть просто—русской, культура „малорусская“ и „бѣлорусская“ еще должны быть созданы. Ихъ еще нѣтъ. Объ этомъ можно жалѣть, этому можно радоваться, но во всякомъ случаѣ это фактъ.

И этотъ фактъ объясняетъ другой, на который указываетъ самъ г. Жаботинскій. Когда евреи въ чертѣ осѣдлости ассимилируются, они пріобщаются и прислоняются не къ „малорусской“ или „бѣлорусской“, а къ „великорусской“ = русской культурѣ.

Итакъ, пока въ Россійской имперіи существуетъ только одна единая русская культура въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы можемъ говорить о національныхъ культурахъ.

Но, можетъ быть, существуютъ рядомъ съ русской культурой равносильныя и равноцѣнныя ей „инородческія“ культуры?

Оставляя въ сторонѣ Царство Польское и Финляндію, области, которыя имѣютъ совершенно особую судьбу, — гдѣ есть въ Россіи культуры, которыя могутъ противопоставиться русской культурѣ, какъ объективно равноцѣнныя силы и, главное, какъ такія силы, которыя смогли бы итти впередъ, не опираясь на русскую культуру и тѣмъ самымъ не подчиняясь въ извѣстномъ смыслѣ ея гегемоніи? [1])

Я ихъ не вижу. И всего менѣе можетъ быть такой силой еврейство. Ибо недаромъ оно развилось и окрѣпло въ діаспорѣ, въ разсѣяніи среди другихъ народовъ. Все крупное въ еврействѣ переступаетъ національныя и вѣроисповѣдно-групповыя границы, ибо эти границы—таковъ историческій фактъ, имѣющій роковое для еврейской „національности“ значеніе, — слишкомъ тѣсны для крупнаго культурнаго творчества.

Впрочемъ, я не собираюсь сейчасъ размышлять надъ проблемой еврейскаго націонализма. Я хотѣлъ только, разъясняя свою точку зрѣнія, показать, что Россія потому не можетъ не быть національно-русскимъ государствомъ, что единой русской націи [2]) историческимъ ходомъ вещей предуготована не только политическая, но и культурная гегемонія въ Россіи. Не случайно и не вслѣдствіе какого-то „насилія“ гимназическое и университетское преподаваніе въ Кіевѣ ведется на такъ называемомъ „великорусскомъ“ языкѣ, а потому, что въ области университетской культуры этотъ языкъ является естественнымъ и необходимымъ органомъ творчества и общенія для всѣхъ русскихъ племенъ,

---

[1]) Прибалтійскій край составляетъ только кажущееся исключеніе. Прибалтійскій край могъ пойти тѣмъ же путемъ, какимъ пошла Финляндія, но разъ этотъ путь ему оказался недоступнымъ, онъ силой вещей былъ вовлеченъ въ сферу русской культуры. Печать къ этому приложила неотмѣнимая руссификація дерптскаго университета.

[2]) По переписи 1897 г. русскія племена (великоруссы, малороссы, бѣлоруссы), образующія русскую націю, составляютъ болѣе 65% всего населенія Россіи.

которыя образуютъ единую націю. Но и для инородческихъ племенъ Россіи русская культура обладаетъ гегемоніей не только въ силу физическаго превосходства и численнаго преобладанія русскихъ. Такая гегемонія принадлежитъ ей въ силу ея внутренней мощи и богатства. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, въ Казанскомъ университетѣ преподаютъ на русскомъ языкѣ не только потому, что такъ приказываетъ уставъ и за этимъ слѣдитъ полиція.

Гегемонія русской культуры въ Россіи есть плодъ всего историческаго развитія нашей страны и фактъ совершенно естественный. Я не знаю, возможно ли преодолѣть и разрушить этотъ фактъ. Во всякомъ случаѣ такая работа въ моихъ глазахъ всегда будетъ представляться колоссальной растратой исторической энергіи населенія Россійской Имперіи. Ибо не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что постановка въ одинъ рядъ съ русской культурой другихъ, ей равноцѣнныхъ, созданіе въ странѣ множества культуръ, такъ сказать, одного роста, поглотитъ массу средствъ и силъ, которыя при другихъ условіяхъ пошли бы не на националистическое размноженіе культуръ, а на подъемъ культуры вообще. Я глубоко убѣжденъ, что, напримѣръ, созданіе средней и высшей школы на малорусскомъ языкѣ было бы искусственной и ничѣмъ не оправдываемой растратой психическихъ силъ населенія. Ибо историческое соотношеніе между русской („великорусской“) и малорусской культурой сложилось такъ, что „русскій“ (= „великоруссъ“) можетъ быть культурнымъ участникомъ національной жизни и образованнымъ человѣкомъ, не понимая вовсе малорусскаго языка, но „малороссъ“, не понимающій русскаго языка, просто еще безграмотенъ въ національномъ и государственномъ отношеніи, еще не прочелъ національно-государственнаго букваря.

Мы можемъ такъ или иначе относиться къ этому созданному всей исторіей Россіи положенію вещей, но отрицать его значило бы отрицать очевидные всѣмъ факты.

Въ этихъ фактахъ и заключаются элементы рѣшенія вопроса о томъ: что же такое Россія?

Петръ Струве.

ВЪ РОССІИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Обзоры и замѣтки.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство.

1. Политическая жизнь Россіи.

Настроеніе думскихъ крестьянъ.—Отношенія Государственной Думы и Государственнаго Совѣта.—Университетскія волненія.—Тѣлесныя наказанія въ тюрьмахъ и кровожадныя рѣчи въ Государственной Думѣ.—Безсиліе умѣренныхъ элементовъ и рѣчь В. А. Маклакова.—Ассимиляція „союзниковъ" и отказъ правительства отъ основъ реформы мѣстнаго суда.

29 ноября Государственная Дума приняла въ постатейномъ (т.-е. второмъ) чтеніи законопроектъ о начальныхъ училищахъ. Какъ и всѣ сколько-нибудь прогрессивные законопроекты, и этотъ прошелъ только голосами октябристовъ и лѣвыхъ, къ которымъ въ данномъ случаѣ присоединились крестьяне всѣхъ партій. Присоединяясь къ оппозиціи по вопросу о передачѣ церковно-приходскихъ школъ въ министерство народнаго просвѣщенія, крестьяне сдѣлали это съ особенной торжественностью. Они выслали на трибуну Лукашина со спеціальнымъ заявленіемъ „отъ кре-

стьянъ, сидящихъ на правыхъ скамьяхъ, въ центрѣ, въ группѣ прогрессистовъ, кадетовъ и лѣвѣе". Заявленіе было именное и имена 38 крестьянъ были оглашены съ трибуны, чтобы „оправдаться передъ нашими избирателями, которые насъ послали и которые въ точности намъ наказали данное порученіе". Крестьянинъ Гулькинъ (бывшій союзникъ) высказалъ и мотивы, побуждающіе крестьянъ стоять за свѣтскую школу. Я учился у дьячка,—говорилъ онъ, — и былъ „палестинскимъ патріотомъ", зналъ всѣ рѣчонки и озера въ Палестинѣ, а про Россію ничего не зналъ. Только когда сталъ книги читать, узналъ, что такое Россія и сталъ патріотомъ и горжусь этимъ". А вы, — обращается онъ къ правымъ, — хотите воспитывать у дьячка, посылайте своихъ дѣтей къ дьячку". Человѣкъ несомнѣнно талантливый и прямой, Гулькинъ очень злитъ правыхъ. Они не могутъ простить ему его „измѣны" и, намекая на то, что онъ, великороссъ родомъ, живетъ въ Бессарабіи, называютъ филоксерой. Онъ, дѣйствительно, портитъ виноградники, которые правые разводили среди крестьянъ. На упрекъ въ измѣнѣ Гулькинъ при обсужденіи того же школьнаго закона, далъ своимъ противникамъ жестокій отвѣтъ. „Я былъ союзникомъ,—сказалъ онъ,—я былъ обманутъ господа... десятки тысячъ крестьянъ пошли изъ патріотизма въ союзники, а когда увидѣли, что тамъ сидятъ погромщики, то остались тамъ только вы, господа заправилы... Какъ будто мы не видимъ, что тутъ (въ Государственной Думѣ) дѣлается? Вы должны знать, что это школа, что сюда можно прійти крайнимъ правымъ и нужно сѣсть къ крайнимъ лѣвымъ, потому что видно, что тутъ работается. Вы можете обмануть только въ чайной, гдѣ только одна партія, а тутъ вы не обманете".

Вотъ это яркое выступленіе крестьянъ и было самымъ важнымъ моментомъ думскихъ преній о школьномъ законопроектѣ. Крестьянское настроеніе сказалось еще и раньше. Рѣшеніе комиссіи, предоставившей, вопреки министерскому проекту, предсѣдательствованіе въ училищномъ совѣтѣ лицу, избираемому земскимъ собраніемъ, а не уѣздному предводителю дворянства, прошло только благодаря поддержкѣ крестьянъ, такъ какъ значительная часть октябристовъ отстаивала дворянскую привилегію. А одинъ изъ октябристовъ, Неклюдовъ, возмущенный какими-то словами Булата, высказалъ даже сожалѣніе объ отмѣнѣ крѣпостного права, когда онъ могъ бы по-настоящему сосчитаться. Правда, онъ скоро самъ пожалѣлъ о своей неудачной шуткѣ, которая была широко использована въ преніяхъ.

Во время этихъ преній, когда правые ссылались на прошлыя культурныя заслуги дворянства, а Марковъ 2-й въ порывѣ сословнаго самодовольства назвалъ его „жирными сливками", блестящую рѣчь сказалъ Ѳ. И. Родичевъ. „Масса культурныхъ начинаній,—сказалъ онъ,—огромная культурная работа въ Россіи, огромныя самоотверженныя усилія сдѣланы дворянами, но тѣми дворянами, которыхъ въ свое время дворянство ненавидѣло... Тульское дворянство, дѣти тѣхъ отцовъ, которые собирались бить Юрія Самарина, демонстративно отсутствовали на похоронахъ Толстого, а какой-нибудь преемникъ тульскаго дворянина настоящаго времени объявитъ, что вся культурная дѣятельность Толстого есть дѣятельность дворянина и будетъ ради этого требовать привилегіи".

Если мы отмѣтимъ еще выступленіе небольшой группы духовенства, поручившей св. Сендерко прочесть отъ ея имени декларацію въ пользу передачи министерству церковно-приходскихъ школъ для устраненія антагонизма на мѣстахъ, то мы исчерпаемъ все наиболѣе важное, связанное съ прохожденіемъ въ Думѣ школьнаго законопроекта.

Убѣжденіе въ полной безрезультатности думской работы въ такой мѣрѣ свойственно всѣмъ въ Думѣ, что одинъ изъ октябристскихъ крестьянъ Базилевичъ, говоря о судьбѣ школьнаго закона, выразилъ даже опасеніе, что если „Маріинскимъ дворцомъ наши законопроекты будутъ систематически отвергаться", то какъ бы вновь не появились „выборгскія воззванія". Отношенія между двумя палатами, дѣйствительно, очень обострились. Государственный Совѣтъ уже не довольствуется задерживаніемъ въ своихъ комиссіяхъ думскихъ законопроектовъ и тщательнымъ, менторскимъ исправленіемъ ихъ редакціи (вмѣсто „или" — „либо" и т. д.) Онъ занялъ воинствующее положеніе. Законопроектъ о дополнительномъ ассигнованіи на канцеляріи земскихъ начальниковъ Государственный Совѣтъ вернулъ въ Государственную Думу для вторичнаго обсужденія, не удостоивъ передачи въ согласительную комиссію. Государственный Совѣтъ, какъ сказалъ Шингаревъ, „требуетъ вашего не согласія, а подчиненія". Государственная Дума подчинилась. Это не обезоружило верхней палаты. Составленный министерствомъ, принятый Думой, проектъ преобразованія статистической части въ Имперіи не только отвергнутъ Государственнымъ Совѣтомъ, несмотря на защиту товарища министра внутреннихъ дѣлъ Крыжановскаго, но и послужилъ поводомъ руководителю бюрократической реакціи въ Государственномъ Совѣтѣ П. Н. Дурново выступить съ рѣзкой и недопустимой критикой Государственной Думы. Дурново жаловался, что Дума представляетъ въ Совѣтъ плохо разработанные и несоотвѣтствующіе духу русскихъ законовъ проекты, что она тормозитъ государственное законодательство. Октябристы (правда, только въ газетныхъ интервью) на это отвѣчали, что и манифестъ 17 октября не соотвѣтствуетъ духу русскихъ законовъ, какъ его понимаетъ П. Н. Дурново. Въ Г. Думѣ устами Шубинскаго и Матюнина они указали на ничтожность редакціонныхъ совѣтскихъ поправокъ. Измѣненные Г. Сов. проекты о заключеніи прокурора въ гражданскихъ дѣлахъ и объ обрядѣ приданія суду Думой совершенно отвергнуты. Изъ послѣдняго законопроекта Г. Совѣтъ выѣлъ сердцевину, зачатокъ допущенія къ слѣдствію защиты. Зато Г. Дума отвергла и тѣ части проекта, которыя были направлены къ облегченію прокуратуры. Въ кулуарахъ говорили о намѣреніяхъ октябристовъ отвергать всѣ законопроекты, исправляемые Г. Совѣтомъ. Едва ли это такъ! Податливость и уступчивость октябристовъ въ тѣхъ вопросахъ, гдѣ затронуты матеріальные интересы правительства (напр., въ дополнительной ассигновкѣ на земскихъ начальниковъ), даетъ основаніе оппозиціи недовѣрчиво относиться къ этой „борьбѣ" октябристовъ съ верхней палатой.

Въ то же время согласительная комиссія, разсматривающая законопроекты о свободѣ вѣры, большинствомъ голосовъ приняла почти всѣ совѣтскія поправки, уничтожающія не только предположенныя Думой реформы, но и нормы дѣйствующаго законодательства, указа 17 октября 1906 г., изданнаго въ порядкѣ междудумскомъ. Думскіе правые, какъ и надо было предполагать, объединились въ согласительной комиссіи съ членами Совѣта. Ярко сказались, такимъ образомъ, неудобства порядка составленія согласительныхъ комиссій, при которомъ въ нихъ попадаютъ противники того думскаго постановленія, которое они, какъ будто, призваны защищать... Въ непродолжительномъ времени можно опасаться, указъ 17 октября 1906 г. утратитъ, поэтому, силу, а правительство, какъ видно изъ министерскаго циркуляра отъ 4 октября 1910 г., охотно пойдетъ на расширеніе полицейско-миссіонерской опеки надъ инако-вѣрующими...

Гордая похвальба А. И. Гучкова „сосчитаться" недаромъ даетъ такую обиль-

ную пищу для нашихъ юмористовъ. Но насъ нѣсколько коробитъ отъ этого злорадства. Не одинъ Гучковъ и октябристы, а и остальныя русскія общественныя силы имѣли свой Седанъ. Правда, объективно говоря, у октябристовъ меньше смягчающихъ обстоятельствъ, чѣмъ у другихъ группъ. Октябристы, напримѣръ, имѣли внѣшнюю возможность развить пропаганду въ обществѣ въ защиту своихъ идей. Они не сдѣлали даже попытки вести такую агитацію, опасаясь, что ихъ собраніями воспользуются идейно болѣе сильные кадеты. Въ этомъ мы видимъ главнѣйшее преступленіе октябристовъ, за которое имъ, по всей вѣроятности, и придется расплатиться на будущихъ выборахъ. Лица, выбирающія по приказу, будутъ голосовать за націоналистовъ, а идейной организаціи октябристы не создали. А вѣдь они, въ противоположность кадетамъ, партія легализованная, которая могла бы хоть попытку сдѣлать бороться конституціонными способами, обращеніемъ къ обществу, а не расчетами на закулисныя вліянія и на разные шопоты.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ относительнаго спокойствія въ университетахъ начались снова волненія, забастовки. Нельзя, конечно, сказать, что за послѣдніе годы въ университетахъ все шло нормально, но тамъ всетаки учились и начиналъ налаживаться извѣстный порядокъ. Но не можетъ быть нормальнымъ положеніе въ университетѣ, когда ненормально положеніе во всей странѣ. Въ университетѣ было относительно нѣсколько больше свободы, чѣмъ во всѣхъ другихъ отрасляхъ русской жизни. Въ то время какъ въ Россіи свобода собраній и союзовъ давно превратилась въ неприличное издѣвательство надъ обывателемъ, въ университетахъ студенты созывали сходки и говорили о такихъ вещахъ, о которыхъ русскій гражданинъ, перешедшій студенческій возрастъ, боялся и помыслить. И даже самъ Шварцъ не могъ уничтожить этой студенческой конституціи. Понятно, что торжествующіе правые не могли терпѣть такого безпорядка. Деспотизмъ всегда отличается большой любовью къ равенству, и каждая крупица свободы, когда кругомъ царитъ всеобщее безправіе, глубоко возмущаетъ въ немъ чувство справедливости. Отсюда эти вѣчныя попытки правыхъ провоцировать студенческіе безпорядки, раздувать всякую мелочь студенческой жизни, сѣять раздоры, оскорблять, доносить въ правильномъ расчетѣ, что пылкая молодежь не выдержитъ и дастъ, наконецъ, ту реакцію, которой отъ нея такъ страстно ждутъ, чтобы имѣть приличный поводъ покончить съ „университетской Финляндіей“... Едва ли есть страна, въ которой бы студенты по тѣмъ или инымъ мотивамъ не волновались, не бурлили. Но въ государствѣ, въ которомъ все молчитъ, говорящій и кричащій студентъ представляется опаснымъ преступникомъ, а при помощи репрессій и сопутствующихъ мѣръ изъ массы выбитой изъ колеи молодежи легко удается сдѣлать бульонъ для разводки профессіональныхъ революціонеровъ.

И съ этой точки зрѣнія безусловно правъ былъ проф. Е. Н. Трубецкой, когда въ своей, вызвавшей такой шумъ, статьѣ въ *Русск. Вѣд.* онъ предостерегалъ молодежь отъ безпорядковъ, указывая, что ихъ ждутъ отъ нея реакціонеры, строящіе на студенческихъ безпорядкахъ всѣ свои планы. Недаромъ такъ возликовали злѣйшіе враги университетовъ, когда группа молодежи, человѣкъ въ 600, обидѣвшись плохо понятой статьей Е. Н. Трубецкого, выразила ему свое „возмущеніе“. Полюбуйтесь, напримѣръ, какимъ „революціоннымъ“ языкомъ заговорилъ лейбъ-органъ Пуришкевича *Земщина*: „Глубокое возмущеніе, выраженное ему студентами, разрастется въ могучее чувство протеста противъ деспотизма прогрессивныхъ Аракчеевыхъ университе-

та“ (№ 492). Какова ненависть къ деспотизму и жажда свободы у сподвижниковъ охраннаго отдѣленія!

Уже одна эта горячность *Земщины* въ походѣ на кн. Трубецкого не можетъ не наводить на тревожныя сомнѣнія. Что въ толпѣ молодежи, устраивающей сходки, всегда присутствуютъ охранники, въ видѣ ли подлинныхъ студентовъ (и подобный позоръ нерѣдокъ), или же въ видѣ переодѣтыхъ студентами сыщиковъ — въ этомъ, конечно, не сомнѣваются и сами студенты. Что эти господа неизмѣнно должны стоять за самыя крайнія рѣшенія, это понятно всякому, кто вдумался въ психологію азефовщины. Но отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что всѣ студенческіе безпорядки провокаторскаго происхожденія. Едва ли у провокаторовъ такъ много силы, что они по своему желанію могутъ вызывать въ студенчествѣ движенія. Провоцируется и раздражается студенческая молодежь цѣлымъ рядомъ словъ и дѣйствій открытыхъ реакціонныхъ элементовъ, а на подготовленной такимъ путемъ почвѣ уже крайнія лѣвыя группы вполнѣ bona fide вызываютъ то движеніе, котораго такъ алчутъ Пуришкевичи. Происхожденіе забастовокъ, какъ замѣтилъ Е. Н. Трубецкой, нерѣдко бываетъ темнымъ, но ихъ результатъ ясенъ: онъ выгоденъ только врагамъ университета [1]).

[1]) Эти строки были написаны до кровавыхъ событій въ Новороссійскомъ университетѣ, послужившихъ основаніемъ для запроса въ Г. Думѣ. Одесскія событія оправдали самыя мрачныя предчувствія Е. Н. Трубецкаго. И грубая прямая и тонкая косвенная провокація, и дикая выходка „лѣвыхъ“ студентовъ, отравившихъ воздухъ на студенческомъ балу, на которомъ присутствовало много посторонняго народу, избіеніе и разстрѣлъ студентовъ, вызванный выстрѣлами такъ называемыхъ „акедемистовъ“, — все это спуталось въ одинъ клубокъ въ толмачевской Одессѣ, этой лабораторіи „истинно-русскаго управленія“.

Студенческіе безпорядки шли двумя волнами. Одна, чисто политическая, страннымъ образомъ, получила свое начало отъ смерти Л. Н. Толстого, что не могло не вызвать недоумѣнія и боли въ истинныхъ поклонникахъ великаго писателя. Другая волна носила характеръ морально-политическій и была вызвана извѣстіями изъ вологодской тюрьмы и зерентуйской каторги о тѣлесныхъ наказаніяхъ, которымъ были подвергнуты политическіе заключенные и за которыми послѣдовалъ рядъ самоубійствъ.

Въ томъ, что вторая волна студенческихъ безпорядковъ получила большое распространеніе, въ значительной мѣрѣ виновны русское общество, Государственная Дума и правительство. Чтобы тамъ ни говорили, какія бы оправданія ни приводили (хотя бы болѣе разумныя и достойныя, чѣмъ смѣхотворныя сказанія о попыткахъ отравить тюремную стражу знаменитымъ отнынѣ миѳическимъ ядомъ „тіоколемъ“), въ этихъ массовыхъ тѣлесныхъ наказаніяхъ интеллигентныхъ людей съ повышеннымъ сознаніемъ слишкомъ ясно чувствуется элементъ мести, расправы съ поверженнымъ врагомъ, — элементъ издѣвательства. Поэтому и лица, отрицательное отношеніе которыхъ къ террору и политическимъ воззрѣніямъ пострадавшихъ не представляло никакихъ сомнѣній, не могли не встревожиться вѣстями, пришедшими изъ Вологды и Зерентуя. Всякій, кто дорожитъ мирнымъ развитіемъ неизбѣжной политической борьбы, долженъ былъ желать скорѣйшаго разъясненія тяжелой исторіи. Въ Государственную Думу внесенъ былъ запросъ. И, конечно, правительство должно было тотчасъ же на него отвѣтить и категорически заявить, что оно осуждаетъ издѣвательскіе пріемы низшихъ агентовъ власти. Выступленіе правительства дѣлалось еще болѣе настоятельнымъ послѣ того, какъ Марковъ 2-й разразился въ защиту его невѣроятной по звѣрскому безстыдству рѣчью, которую нельзя охарактеризовать иначе, какъ явнымъ при-

зывомъ къ убійствамъ и террору. Марковъ—не ребенокъ и отлично вѣдь понимаетъ значеніе и вліяніе такихъ своихъ словъ: „если онъ (Сазоновъ) умеръ, я только радуюсь... чѣмъ скорѣе кончатъ они свои расчеты съ жизнью, тѣмъ лучше... я очень радъ, что подлецъ Сазоновъ, наконецъ, издохъ" (цитируемъ эти преступныя слова по стенограммамъ *Россіи*). И самое ужасное, что эти грязныя рѣчи, за которыя всякое уважающее себя общество отвернулось бы отъ субъекта, унижающагося до такого жаргона, встрѣчены были гоготаньемъ и шумными аплодисментами той части Думы, которая на добрую треть населена православными священниками. Что же, такъ велитъ говорить и относиться къ своимъ врагамъ, къ тому же поверженнымъ и разбитымъ, Христосъ?...

Правительство должно было отмежеваться отъ выступленій этихъ людей, выдающихъ себя за его защитниковъ. Недавно еще одинъ изъ такихъ же защитниковъ, Пуришкевичъ, ради провокаціи готовый нести на думскую трибуну всякую грязь, которую онъ гдѣлибо услышалъ, подвелъ подъ 103-ю ст. уг. ул. пять газетъ самаго различнаго направленія, передавшихъ полностью по стенограммѣ его рѣчь, воспроизводившую оскорбленіе Величества, которое какой-то его агентъ будто бы слышалъ на студенческой сходкѣ...

Нашъ великій поэтъ, на дворянствѣ котораго, по злому замѣчанію Родичева, современные Марковы основываютъ требованіе для себя привилегій, точно предчувствовалъ нарожденіе этихъ господъ, когда въ 1823 году писалъ свои знаменитые стихи: „Сказали разъ царю". „Пристойно ли, — спрашивалъ Пушкинъ,—ругаться надъ жертвой палача? Самъ государь такого доброхотства не захотѣлъ улыбкой наградить" и Пушкинъ совѣтовалъ Марковымъ 2-мъ сохранять „и въ подлости осанку благородства"... Они не послушались этого благого совѣта...

Къ сожалѣнію, не въ однихъ кровожадныхъ Марковыхъ дѣло. Вотъ, напр., „русское собраніе", стремящееся выдавать себя за серьезную консервативную организацію, далекую отъ чайныхъ союза русскаго народа. А. И. Дубровинъ не могъ, напр., попасть въ члены правленія этой организаціи. Членами его состоятъ все люди чиновные, звѣздоносцы, а между тѣмъ на своемъ годовомъ праздкествѣ эти господа встрѣчаютъ аплодисментами тостъ за „русскаго богатыря", который покажетъ „кой-кому „прогрессъ", „свободу" и „Европу"— осину, розги и тюрьму"... Тріединая формула претерпѣла новое превращеніе. Она звучитъ теперь: „осина, розги и тюрьма"! Понимаютъ ли эти безумцы, что они дѣлаютъ, что готовятъ своими собственными руками?...

Всѣ эти факты приводятъ къ самому серьезному и трагическому вопросу русской жизни: къ безсилію, инертности и отчасти трусости умѣренныхъ слоевъ русскаго общества, одинаково далекихъ и отъ революціоннаго, и отъ марковскаго насилія.

Этой жгучей темѣ посвящена была прекрасная рѣчь В. А. Маклакова во время запроса о провокаторѣ Хорольскомъ. Не только запросъ былъ принятъ, но, благодаря рѣчи В. А. Маклакова, нѣсколько октябристовъ осмѣлились, наконецъ, отдѣлиться отъ своего ядра и осудить провокацію, осудивъ въ то же время nominatim и думскую резолюцію по дѣлу Азефа... „Создалось положеніе,— говорилъ Маклаковъ, — при которомъ страна великая, пассивная, терпѣливая, но все рѣшающая, не идетъ ни за властью, ни за революціей, и она пойдетъ за тѣмъ, кто разниметъ эту борьбу во имя новаго начала, во имя законности въ государственномъ строѣ и честности въ управленіи"... Прекрасныя слова?.. Но когда же наступитъ это время... Шесть лѣтъ тому назадъ „союзъ освобожденія" много содѣйствовалъ провозглашенію съ престола новыхъ началъ обновленія Россіи. Для проведенія

этихъ началъ въ жизнь долженъ создаться „союзъ возрожденія“...

Прекращеніе *Русскаго Знамени* и удаленіе д-ра Дубровина съ политической арены возбудили нѣкоторое вниманіе. Мыльный пузырь „союза русскаго народа“ лопнулъ, и „три милліона“ исчезли, какъ только „темныя деньги“ мимо Дубровина потекли къ Маркову 2-му, Восторгову, Пуришкевичу. Нѣкоторые склонны были видѣть въ этомъ побѣду П. А. Столыпина... Скоро объективные факты показали, какова эта побѣда.

Намъ неоднократно приходилось указывать, что вся политическая карьера П. А. Столыпина есть въ сущности рядъ постепенныхъ отказовъ отъ возвѣщенныхъ имъ реформъ. Мы приводили его деклараціи во второй Думѣ, затѣмъ въ разныхъ сессіяхъ третьей—и всегда можно было наблюдать одно и то же: сокращеніе и круга реформъ, и ихъ объема. Въ настоящее время въ связи, вѣроятно, съ ассимиляціей остатковъ союза русскаго народа и оставленіемъ за бортомъ элементовъ чисто кабацкаго толка, представлявшагося Дубровинымъ, произошло новое отступленіе съ позицій. П. А. Столыпинъ съ министромъ юстиціи явились въ комиссію Государственнаго Совѣта и покаялись въ своемъ заблужденіи въ дѣлѣ реформы мѣстнаго суда. Министерство согласилось оставить волостной судъ, который еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ оно въ офиціальной бумагѣ называло учрежденіемъ, недостойнымъ имени суда. Министерство отказалось отъ безсословнаго, равнаго для всѣхъ суда, обѣщаннаго еще указомъ 12 декабря 1904 г. Учрежденію, недостойному имени суда, предоставляются гражданскіе иски крестьянъ до 100 рублей (по другому варіанту до 30 рублей), т.-е. огромное большинство крестьянскихъ дѣлъ. И это дѣлается въ тотъ моментъ, когда земельная реформа, введеніе частной собственности на надѣльныя земли выбили у волостного суда всякую почву изъ-подъ ногъ. Частная собственность можетъ существовать только при господствѣ закона хотя бы въ области гражданскаго права. Волостной судъ закона не знаетъ. Нетрудно представить, какой видъ получитъ начинающаяся уже теперь анархія земельныхъ отношеній въ крестьянствѣ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ дѣятельности волостного суда. Часть октябристовъ готова и въ этомъ вопросѣ итти за Столыпинымъ. Они увѣряютъ, будто этой уступкой министерство покупаетъ согласіе Государственнаго Совѣта на отмѣну судебной власти земскихъ начальниковъ. Какое наивное заблужденіе! Во-первыхъ, земскій начальникъ, сохраняющій хотя бы только административную власть надъ волостными судьями, тѣмъ самымъ получаетъ власть и надъ ихъ судейскими рѣшеніями. Въ составленіи этихъ рѣшеній столь видную роль играетъ волостной писарь, а подчиненіе его земскому начальнику (или комиссару, какъ предполагалось его назвать) въ будущемъ только усилится. Во-вторыхъ, нѣтъ никакихъ основаній думать, что даже при сохраненіи волостныхъ судовъ Государственный Совѣтъ согласится на уничтоженіе судебныхъ функцій земскихъ начальниковъ. Наоборотъ, есть всѣ основанія думать, что министерство съ такою же легкостью пойдетъ и на оставленіе въ неприкосновенности судебныхъ полномочій земскихъ начальниковъ, какъ оно согласилось уже на сохраненіе волостного суда. Оно уже ищетъ средствъ уничтожить выборное начало въ реформѣ мѣстнаго суда, сохранивъ лишь названіе выборнаго мирового судьи. Предполагается по новому плану предоставить земству выбирать не судей, а кандидатовъ, изъ которыхъ министерство подходящихъ лицъ будетъ назначать судьями. А если „подходящихъ“ среди кандидатовъ не найдется, судей назначатъ и безъ всякихъ выборовъ...

Безусловно правъ членъ Государственнаго Совѣта М. А. Стаховичъ, сказавшій въ отвѣтъ на сенсаціонное заявле-

ніе П. А. Столыпина: „правительство озабочено лишь однимъ: чтобы новые законы не носили характера реформъ, а являлись лишь маленькой починкой стараго уклада, приведшаго насъ къ революціи“...

А. С. Изгоевъ.

2. Подъемъ промышленности и застой экономической мысли.

Въ вольномъ экономическомъ обществѣ въ трехъ засѣданіяхъ обсуждался докладъ М. И. Туганъ-Барановскаго о „состояніи нашей промышленности за истекшее десятилѣтіе и видахъ на будущее“ [1]). Докладчикъ сдѣлалъ попытку объяснить причины длительности пережитаго промышленнаго застоя въ Россіи и указать на признаки начавшагося уже новаго промышленнаго подъема. Невольно и самому докладчику, и участникамъ преній, и читателямъ газетныхъ отчетовъ эти засѣданія дали поводъ сопоставить переживаемый моментъ съ тѣмъ временемъ, когда въ томъ же обществѣ, тѣмъ же докладчикомъ, 12 лѣтъ назадъ, читался докладъ на близкую тему. Сколько сходства, но и сколько различій! Тогда мы переживали время не только промышленнаго подъема, но и подъема въ области экономической мысли. Происходилъ переломъ въ основныхъ воззрѣніяхъ на соціальное будущее Россіи. Борьба „неомарксистовъ“ съ народниками горячила общественныя чувства и будила мысль. Журналы были переполнены статьями по вопросамъ экономической теоріи и политики, и не было, кажется, болѣе обаятельной для молодежи науки, чѣмъ политическая экономія. Много было нездороваго, уродливаго въ этомъ всеобщемъ увлеченіи экономикой и много можно было бы провести аналогій между иллюзіями тогдашней грюндерской горячки и иллюзіями фанатиковъ марксизма. Но была и хорошая сторона въ пережитомъ тогда подъемѣ общественной мысли: тогда была на-лицо *вѣра въ науку*, въ великое значеніе научныхъ принциповъ при рѣшеніи вопросовъ экономической политики. Вотъ этой прежней вѣры въ науку теперь нѣтъ. Старые научные догматы потускнѣли, но на ихъ мѣсто не пришли новыя руководящія идеи. Безпринципность и эклектизмъ воцарились вмѣсто угасшаго фанатизма, и не видно признаковъ близкаго конца этой затянувшейся депрессіи въ области экономическаго мышленія. На промышленность во время депрессіи мертвымъ грузомъ давитъ нерасчетливо затраченный основной капиталъ, неработающія машины, недѣйствующія фабрики, обезцѣненные запасы ненужныхъ товаровъ. На наше экономическое мышленіе давитъ тяжелое наслѣдство старыхъ научныхъ увлеченій—обезцѣненныя, омертвѣлыя, но все еще сохраняющія свою власть надъ умами основныя идеи марксизма.

М. И. Туганъ-Барановскій сказалъ въ вольномъ экономическомъ обществѣ, что онъ теперь уже не марксистъ. Однако свою теорію кризисовъ и подъемовъ, проникнутую несомнѣнно марксистскимъ духомъ, выдвинутую въ то время, когда М. И. Туганъ-Барановскій былъ подлиннымъ марксистомъ, онъ теперь защищаетъ съ такою же убѣжденностью, какъ и раньше. И вся научная позиція его опредѣляется стремленіемъ примирить извѣстные элементы марксизма съ другими элементами, которые раньше считались враждебными марксизму. Но есть границы скрещиванія идей, какъ и скрещиванія растительныхъ и животныхъ видовъ. Есть идеи, которыхъ скрещиваніе не даетъ потомства. Марксистскими элементами въ системѣ М. И. Туганъ-Барановскаго парализуются какъ реформаторскія его попытки въ области экономической теоріи, такъ и попытки освѣтить свѣтомъ научной критики большія практическія проблемы русской экономической жизни.

[1]) Докладъ этотъ появился теперь въ декабрьской книжкѣ „Современнаго Міра“.

Ученіе о кризисахъ М. И. Туганъ-Барановскаго, доставившее его автору славу превосходнаго теоретика, представляетъ довольно сложную теоретическую комбинацію, состоящую изъ нѣсколькихъ не вполнѣ согласованныхъ отдѣльныхъ теорій и идей. Очень большое мѣсто въ этомъ ученіи принадлежитъ элементу критики, въ положительной же части ясно намѣчаются слѣдующія отдѣльныя идеи: 1) объ отсутствіи планомѣрности или объ анархичности капиталистическаго производства, 2) о неравномѣрности процесса обновленія основного капитала страны, 3) о неравномѣрности поглощенія непрерывно накопляемаго денежнаго капитала. Но самое важное всетаки—не эти различные элементы, отдѣльно взятые, а ихъ своеобразная комбинація, та связь, въ которую ихъ ставитъ М. И. Туганъ-Барановскій, та центральная идея, отъ которой другія идеи и теоріи получаютъ свой относительный вѣсъ. Такая центральная идея у М. И. Туганъ-Барановскаго есть: она заключается въ мысли *о независимости роста капиталистическаго производства отъ роста общественнаго потребленія.* Капиталистическое производство можетъ расширяться и преуспѣвать при полномъ отсутствіи прогресса — и даже при регрессѣ — въ благосостояніи народа,— вотъ исходная и доминирующая мысль М. И. Туганъ-Барановскаго, наиболѣе рѣзко выраженная имъ въ ученіи о рынкахъ, но лежащая также и въ основѣ его ученія о кризисахъ. Эта же основная мысль слишкомъ ясно сквозила и въ прочитанномъ докладѣ, и именно она-то и вызвала наиболѣе горячіе возраженія и протесты, которыхъ единодушіе самъ докладчикъ поспѣшилъ объяснить живучестью народническихъ идей.

М. И. Туганъ-Барановскій утверждаетъ, что не только отдѣльный, очередной промышленный подъемъ, но и промышленный прогрессъ вообще не требуетъ базы въ видѣ расширяющагося народнаго потребленія. Что это значитъ? Это значитъ, что промышленности нѣтъ дѣла до народа, что правы промышленники, когда они пренебрегаютъ заботами о повышеніи покупательной силы народа, о созданіи внутренняго потребительскаго спроса. Съ другой стороны, это означаетъ, что и народу, и обществу, и государству нѣтъ дѣла— не должно быть дѣла—до промышленности и промышленниковъ. Это выводы, которые практически приводятъ къ непріемлемой для живого общественнаго сознанія пассивности, къ нигилизму въ вопросахъ экономической политики. Но это выводы, которые ведутъ свое происхожденіе по прямой линіи отъ Маркса. Каутскій только по непослѣдовательности (впрочемъ, вполнѣ понятной!) отказывается видѣть въ ученіи М. И. Туганъ-Барановскаго логическое продолженіе одной изъ основныхъ идей марксизма. Въ дѣйствительности М. И. Туганъ-Барановскій въ своемъ ученіи о рынкахъ и кризисахъ является послѣдовательнымъ продолжателемъ Маркса отчасти даже продолжателемъ классической политической экономіи. Научный интересъ ученія М. И. Туганъ-Барановскаго заключается именно въ томъ, что онъ довелъ до логическаго завершенія мысль объ антагонистическомъ характерѣ современнаго хозяйственнаго строя. Марксъ, съ удивительной силой и безпощадностью, до парадоксальности развилъ идею антагонизма внутри производственнаго процесса,— идею антагонизма между капиталомъ и трудомъ. М. И. Туганъ-Барановскій въ томъ же марксовомъ духѣ, въ томъ же стилѣ парадокса и научной карикатуры, развилъ идею антагонизма между капиталомъ и потребленіемъ. Не случайно характеристика капитализма у М. И Туганъ-Барановскаго имѣетъ еще болѣе мрачный колоритъ, чѣмъ у Маркса и его прямыхъ, не мудрствующихъ и не критикующихъ послѣдователей. Вѣдь съ точки зрѣнія ходячей марксистской вѣры капитализмъ, хотя и попирающій всѣ права и интересы трудящихся массъ,

имѣетъ по крайней мѣрѣ ту положительную сторону, что своимъ собственнымъ развитіемъ онъ самъ подготовляетъ себѣ могилу, самъ выращиваетъ экономическія силы, которыя его низвергнутъ и приведутъ къ новому строю. Съ точки зрѣнія М. И. Туганъ-Барановскаго исчезаетъ и это утѣшеніе: по толкованію М. И. Туганъ-Барановскаго внутренніе экономическіе антагонизмы современной системы, какъ бы глубоко они ни разверзлись, нисколько этой системы не ослабляютъ, не подготовляютъ ея паденія, такъ что она можетъ погибнуть и быть смѣнена соціализмомъ отнюдь не въ силу экономическихъ факторовъ, а только вслѣдствіе ея моральной несостоятельности.

Но именно эта послѣдовательность и безпощадность экономическаго пессимизма М. И. Туганъ-Барановскаго тѣмъ настоятельнѣе заставляетъ насъ поставить вопросъ: на какомъ же научномъ фундаментѣ построена эта система антагонизма? И на этотъ вопросъ съ полнымъ правомъ можно отвѣтить: теоретическій фундаментъ ученія М. И. Туганъ-Барановскаго о рынкахъ и кризисахъ не обладаетъ научной прочностью, онъ сдѣланъ изъ матеріала, отвергнутаго современной наукой. Все ученіе М. И. Туганъ-Барановскаго основано на старомъ, отброшенномъ современною наукой представленіи о цѣнности,— на той идеѣ, что *цѣнность создается въ процессѣ производства*. Стоитъ только взглянуть на тѣ схемы простого и расширеннаго воспроизводства, которыя съ такимъ стараніемъ высчитываетъ Марксъ и по его слѣдамъ М. И. Туганъ-Барановскій (и которыя, по совершенно справедливому замѣчанію М. И. Туганъ-Барановскаго, возвращаютъ насъ къ старому методу „Экономической таблицы“ Фр. Кенэ), чтобы убѣдиться, что въ основѣ этихъ схемъ лежитъ совершенно опредѣленное теоретическое рѣшеніе проблемы цѣнности. Вѣдь и Марксъ, и М. И. Туганъ-Барановскій этими цифрами $4000c + 1000v + 1000m = 6000$ и т. д. обозначаютъ не количества единицъ товаровъ, а величины ихъ цѣнности, т.-е. они предполагаютъ, что величины цѣнности уже опредѣлены условіями производства. Для нихъ проблема рынка сводится къ способу обмѣна другъ на друга уже готовыхъ, опредѣлившихся цѣнностей. Но эта идея,—что цѣнность создается въ процессѣ производства, теперь наукой оставлена, сдана въ архивъ. Факты противорѣчатъ этой идеѣ на каждомъ шагу, и нигдѣ это противорѣчіе не сказывается такъ рѣзко, какъ въ области проблемы сбыта, проблемы рынка. Самъ М. И. Туганъ-Барановскій отказался отъ этого стараго взгляда на цѣнность въ своихъ спеціальныхъ разсужденіяхъ о цѣнности: онъ отвергаетъ теорію цѣнности Маркса и принимаетъ, съ извѣстными оговорками, важнѣйшія положенія теоріи предѣльной полезности. Но вмѣстѣ съ старымъ взглядомъ на цѣнность падаетъ все ученіе М. И. Туганъ-Барановскаго о рынкѣ и кризисахъ.

Теорія кризисовъ М. И. Туганъ-Барановскаго имѣла выдающійся успѣхъ въ западно-европейской наукѣ, такой успѣхъ, какой впервые выпадаетъ на долю русскаго экономиста и какимъ русская экономическая наука имѣетъ всѣ основанія гордиться. Но было бы ошибкой думать, что этотъ успѣхъ обозначаетъ принятіе теоріи нашего экономиста европейской наукой. Съ его теоріей считаются, даже принимаютъ ея отдѣльные элементы, но какъ разъ центральная идея—о независимости капиталистическаго производства отъ условій потребленія—не находитъ и не можетъ находить отклика, и въ этомъ отношеніи даже ближайшіе къ М. И. Туганъ-Барановскому ученые всетаки еще очень далеки отъ него. Наприм., Лескюръ, особенно высоко оцѣнившій заслуги М. И. Туганъ-Барановскаго, въ главнѣйшемъ вопросѣ, о вліяніи условій потребленія, становится на сторону Каутскаго противъ М. И. Туганъ-

Барановскаго. Самъ М. И. Туганъ-Барановскій отмѣчаетъ, что его теорія рынка въ отличіе отъ теоріи кризисовъ, не встрѣтила сочувствія въ наукѣ, несмотря на то, что первая составляетъ логическую основу второй. И это расхожденіе неизбѣжно, потому что современная теоретическая экономическая наука, подъ вліяніемъ ученія о предѣльной полезности, имѣетъ рѣшительную тенденцію отводить исключительно важное мѣсто анализу потребительскаго спроса, т.-е. тенденцію, въ корнѣ противорѣчащую центральной идеѣ М. И. Туганъ-Барановскаго.

Эта несчастная и парадоксальная идея о независимости капиталистическаго производства отъ условій потребленія, имѣющая опору отнюдь не въ выводахъ современной науки, а въ старыхъ марксистскихъ представленіяхъ, должна быть преодолѣна нашимъ общественнымъ сознаніемъ и, конечно, будетъ преодолѣна, потому что слишкомъ рѣзко она противорѣчитъ непосредственному чувству дѣйствительности, непосредственному убѣжденію, что въ концѣ-концовъ промышленность не можетъ преуспѣвать посреди нищаго населенія. Эту идею не можетъ не постигнуть та же судьба, какую имѣло старое ученіе о непримиримомъ противорѣчіи интересовъ капиталистовъ и рабочихъ. И теоріей и фактами нынѣ опровергнута идея, согласно которой промышленность можетъ процвѣтать на плечахъ нищаго, невѣжественнаго и вырождающагося рабочаго класса. Точно такъ же, и современному направленію экономической науки, и фактамъ противорѣчитъ идея о возможности успѣшнаго развитія промышленности при нищемъ потребителѣ. Только равнодушіемъ нашихъ экономистовъ и публицистовъ къ вопросамъ теоріи и прочностью застарѣлыхъ традицій марксизма можно объяснить то странное обстоятельство, что ученіе М. И. Туганъ-Барановскаго, приводящее къ непріемлемымъ, невыносимымъ для живого общественнаго сознанія выводамъ, вызвало до сихъ поръ такъ мало протестовъ и критики въ русской литературѣ.

А. Рыкачевъ.

3. Великій индійскій путь.

Проектъ постройки желѣзнодорожнаго пути, соединяющаго Европу съ Индіей черезъ Персію и Белуджистанъ появился на нашемъ политическомъ горизонтѣ почти немедленно послѣ потсдамскаго свиданія. Генетическая связь между этими событіями уже достаточно и притомъ съ авторитетной стороны выяснена. Особенно значительны были въ этомъ смыслѣ заявленія г. Клемма на московскомъ совѣщаніи промышленниковъ. Онъ указалъ, что нами принято на себя обязательство построить желѣзную дорогу отъ Ханекина, т.-е. турецко-персидской границы, до Тегерана, при чемъ это обязательство условно: оно стоитъ въ связи съ постройкой желѣзныхъ дорогъ въ сѣверной Персіи.

Значеніе Ханекинъ-Тегеранской дороги не нуждается въ долгихъ комментаріяхъ; достаточно указать, что она явится продолженіемъ германской линіи, которая имѣетъ соединить багдадскую магистраль съ Ханекиномъ. Иначе говоря, Германія получила обязательство Россіи дать выходъ багдадской дорогѣ, т.-е. ея будущей малоазіатской „экономической территоріи“, въ Персію, на персидскій рынокъ.

Противопоставляется ли этому новому пріобрѣтенію Германіи „индійскій путь“? Есть ли это „русскій отвѣтъ на багдадскую дорогу“, какъ выразился „Temps“? Или мы, что кажется болѣе вѣроятнымъ, имѣемъ предъ собою обычный размѣнъ компенсаціями, пріемъ въ англо-русскую комбинацію въ Персіи третьяго партнера на условіяхъ, не безвыгодныхъ для этихъ трехъ сторонъ, при чемъ, по тому же обыкновенію, выгоды эти достигаются за счетъ четвертой стороны, т.-е. Персіи?

Однако, прежде чѣмъ ставить вопросъ

въ этой плоскости, надо разобраться, что представляетъ изъ себя проектъ гг. Звягинцева, Хомякова и др.; надо установить, даетъ ли онъ право судить о немъ, какъ о разрѣшеніи персидской проблемы. Необходимость предварительно задаться такимъ вопросомъ ясна изъ того, что, защищая проектъ, иниціаторы и пропагандисты его все время говорятъ о соединеніи Европы съ Индіей, о выгодахъ, объ исторической необходимости такого соединенія, а Персія остается на второмъ планѣ. Какъ будто дорога имѣетъ лишь пройти по ея территоріи, и больше ничего.

По существу, того, что обыкновенно называется проектомъ желѣзной дороги, еще нѣтъ.

Существуетъ, правда, „записка" иниціаторовъ, но приводимыя ею данныя и расчеты при первомъ прикосновеніи критики превращаются въ безпорядочную груду цифръ и фактовъ, возведенныхъ въ рангъ „экономическихъ данныхъ" случайно, почти наудачу. И очень характерна легкость, съ которой уступили иниціаторы, послѣ двухъ-трехъ слабыхъ попытокъ отстоять свои данныя: безполезно, молъ, спорить о цифрахъ и пр., такъ какъ это данныя лишь предварительныя, а настоящія добудетъ comité d'études, который скоро образуется; пока же дѣло идетъ о главнѣйшемъ, о принципѣ, объ идеѣ. И въ самомъ, дѣлѣ вопросъ стоитъ именно такъ. Выгодна или невыгодна дорога въ экономическомъ отношеніи, разберетъ comité d'études. А пока предлагается „только" одно: рѣшить строить или не строить дорогу.

Поэтому и мы, не желая вдаваться въ критику несуществующаго проекта, займемся одной идеей въ ея современномъ, невоплощенномъ еще видѣ.

Сторонники „великаго пути" сходятся съ его противниками въ томъ, что въ запискѣ можно видѣть, въ лучшемъ случаѣ, то, что спириты называютъ неудавшейся или неполной матеріализаціей. Очертанія еще не выявились, все туманно, все сквозитъ, позволяя видѣть заслоняющіеся „видѣніемъ" предметы. Не станемъ же блуждать въ туманѣ „записки," а обратимся къ идеѣ и къ тѣмъ несомнѣннымъ фактамъ, которые просвѣчиваютъ сквозь ея сомнительный миражъ.

Прежде всего, идея... Она не нова; болѣе того, она періодически появлялась въ умахъ русскихъ государственныхъ людей. Для оцѣнки положенія чрезвычайно поучительно разсмотрѣть три главные случая ея появленія на нашемъ политическомъ горизонтѣ; въ нихъ можно указать весьма знаменательныя отличія. Въ генетическую связь съ проектомъ гг. Звягинцева, Тимирязева, Хомякова и др. ставятъ проектъ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка, проводившійся, между прочимъ, тѣмъ же Н. А. Хомяковымъ и обратившій на себя, по его словамъ, благосклонное вниманіе покойнаго государя. Существенной чертой этого проекта была трассировка пути съ сѣверо-запада на юго-востокъ съ выходомъ въ Чахбарѣ, т.-е. создавался желѣзнодорожный путь, во-первыхъ, рѣзко измѣнявшій въ пользу Россіи положеніе на одномъ изъ театровъ нашей тогдашней борьбы съ Англіей, въ Персіи, и, во-вторыхъ, дававшій намъ стратегически-грозную позицію по отношенію къ Индіи, т.-е. осуществлявшій до степени реальной угрозы отражавшійся на всѣхъ русско-англійскихъ отношеніяхъ кошмаръ нашего нашествія въ Индію. Проектъ именно поэтому и былъ отвергнутъ. Министерство иностранныхъ дѣлъ выступило его рѣзкимъ противникомъ. Принятыя тогда рѣшенія, думается, сильно окрасили дальнѣйшую политику нашу, причемъ по отношенію и къ Персіи и къ сѣверо-восточной части Малой Азіи. Мы не только не строили сами тамъ желѣзныхъ дорогъ, но рядомъ договоровъ устранили возможность постройки ихъ другими европейскими государствами. Въ Персіи, именно въ сѣверной ея части, мы всѣми средствами осуществляли политику „за-

крытыхъ дверей". Отказавшись отъ характерно-агрессивнаго желѣзнодорожнаго проекта 80-хъ годовъ, мы старательно обращали въ свою пользу выгоды ближайшаго сосѣдства и бездорожья. Результатомъ было созданіе въ Персіи главнаго экспортнаго рынка нашей мануфактуры, сахара и нѣкоторыхъ другихъ фабрикатовъ, что не удавалось на другихъ рынкахъ при равныхъ условіяхъ конкуренціи.

Другой случай относится къ очень недавнему времени. Именно незадолго до русско-японской войны, въ то время, когда Германія такъ энергично старалась заинтересовать французскій и англійскій денежный рынки въ своей багдадской дорогѣ и на очереди въ сотый разъ остро стояли основные вопросы о расхожденіяхъ и сближеніяхъ интересовъ великихъ державъ, графъ С. Ю. Витте высказалъ черезъ посредство *Вѣстника Министерства Финансовъ* мысль, что туманъ недоразумѣній между Россіей и Англіей разсѣется, какъ только Индія соединится желѣзнодорожнымъ путемъ съ русской сѣтью; достаточно, думалъ тогда гр. Витте, проложить рельсы отъ Кушки черезъ проходы до индійскихъ ж. д., какъ выяснится, что русскіе завоевательные планы насчетъ Индіи — пустой кошмаръ. Для насъ сейчасъ важно, что тогда и Витте, и много писавшимъ въ то время по этому вопросу извѣстнымъ англійскимъ публицистомъ, подписывающимся псевдонимомъ „Калхасъ", говорилось именно о соединеніи черезъ Афганистанъ, простѣйшемъ, кратчайшемъ, доступнѣйшемъ. Это была идея соединенія Зап. Европы съ Индіей черезъ Россію въ ея чистомъ, безпримѣсномъ видѣ.

Идея гг. Звегинцева, Хомякова и Тимирязева представляетъ нѣчто иное. О соединеніи черезъ Кушку они говорятъ, что это невозможно по политическимъ соображеніямъ. Болѣе, чѣмъ правдоподобно. Слѣдовательно, соединеніе Европы съ Индіей—ибо о немъ, только о немъ, вѣдь, все время намъ теперь и толкуютъ, — возможно только черезъ Персію.

Дальнѣйшій логическій ходъ ясенъ, иначе несостоятельна современная постановка „идеи": соединиться съ Индіей желѣзнодорожнымъ путемъ *необходимо*, причемъ необходимо теперь же, немедля, и потому нельзя ждать, не измѣнятся ли обстоятельства такъ, чтобы можно было соединиться черезъ Афганистанъ, а нужно вести дорогу черезъ Персію и Белуджистанъ.

Однако, такая крайняя необходимость этого предпріятія такъ же, какъ его выгодность недоказаны, сомнительны. Выгодность, какъ извѣстно, опредѣлитъ лишь „comité d'études". Иначе говоря, въ глаза она не бросается. И европейскій финансистъ не схватился, какъ ясно видно, за этотъ будто бы столь много обѣщающій проектъ.

Если оставаться на томъ, что дѣло идетъ лишь о соединеніи съ Индіей, то все тутъ непонятно, незащитимо, несостоятельно.

Очевидно, есть другія причины, вызвавшія къ жизни эту идею, причины имѣющія гораздо больше отношенія къ персидскимъ дѣламъ, чѣмъ къ Индіи. И, если мы оглянемся на дипломатическую исторію минувшаго года, намъ станетъ ясно, какъ подготовилась необходимость, между прочимъ, круто повернуть курсъ и нашей персидской политики. Мы не станемъ здѣсь говорить о томъ, чѣмъ было обусловлено до степени значительной важности наше сближеніе или, скажемъ, примиреніе съ Германіей. Сейчасъ намъ нужно лишь установить, что соглашеніе по персидскимъ дѣламъ должно было явиться одной изъ его предпосылокъ.

Уже съ годъ Германія повела въ Персіи рѣзко активную политику. Такъ, Агентъ Deutsche Bank, пресловутый и таинственный г. Сайдруте, работалъ въ Тегеранѣ прошлымъ лѣтомъ, создавая тамъ новый политическій факторъ, германскіе финансовые и экономическіе интересы. Другіе германцы съ энер-

гичной помощью г. Квартъ-Виккератъ, германскаго посланника въ Тегеранѣ, сѣяли такія же „сѣмена будущаго“ въ Азербейджанѣ, напр., захвативъ пароходство на оз. Урміи. Германская печать удивлялась нападкамъ и тревогѣ нашей и англійской прессы и на негодованіе ихъ отвѣчала негодованіемъ же. Намъ напоминали германцы тогда же, что съ истеченіемъ (весной 1910 г.) ограничительныхъ договоровъ относительно желѣзнодорожныхъ концессій, для персидскихъ дѣлъ окончательно наступаетъ эра „открытыхъ дверей“, и что, кромѣ того, существуетъ нейтральная зона. И вотъ что несомнѣнно: Ханекинъ-Тегеранская линія откроетъ нашъ исконный рынокъ германскому торговому вліянію. На это наша дипломатія пошла. Она устами г. Клемма объяснилась и съ русской промышленностью: старыми пріемами русскихъ торговыхъ интересовъ въ Персіи поддерживать болѣе не будутъ, вѣрнѣе, этого болѣе нельзя.

Но это лишь одна сторона вопроса. Вѣдь съ точки зрѣнія русской торговли существуютъ средства борьбы и болѣе дешевыя, и болѣе цѣлесообразныя, чѣмъ путь черезъ всю центральную Персію съ С.-З. на Ю.-В. Именно постройка дорогъ Баку-Энзели-囉штъ-Тегеранъ, Закавказскія дороги—Джульфа-Тавризъ и Закаспійскія дороги—Мешхедъ.

Не въ томъ ли разгадка новаго проекта, что намѣченная имъ трассировка идетъ въ значительной части по нейтральной зонѣ? Говорятъ, что современные руководители внѣшней политики Англіи сочувствуютъ проекту. Но онъ, вѣдь, явится новымъ курсомъ британской политики, всегда создававшей государства и зоны—буфферы. Впервые сферы русскаго и англійскаго вліянія соприкоснутся. Не хотятъ ли въ такомъ сближеніи сферъ отвратить возможность возникновенія уже не нейтральной, а зоны германскаго вліянія?

Проблема индійскаго пути—не только желѣзнодорожная, не только экономическая, а прежде всего политическая проблема. И, когда выяснится больше данныхъ, съ этой стороны къ ней и должно будетъ подойти общественное мнѣніе.

Л. Гальберштадтъ.

4. „Инструментъ Господа Бога“.

Письмо изъ Берлина.

„Predigen ist keine Kunst, aber zur rechten Zeit aufhören“.

Martin Luther.

Если бы Германія не имѣла волею судебъ словоохотливаго императора, его бы просто надо было выдумать сейчасъ. Все политическое движеніе послѣднихъ двухъ лѣтъ находится въ тѣснѣйшей связи съ извѣстными ноябрьскими дебатами по поводу рискованной откровенности Вильгельма II. И когда теперь, за пронесшейся надъ страною весенною бурей, обѣщало наступить на короткое время затишье, помѣхою этому послужила опять-таки прежде всего неожиданная рѣчь короля прусскаго.

Разумѣется, дыму безъ огня не бываетъ. Если глава государства такъ упорно и часто подчеркиваетъ извѣстную политическую мысль, то это свидѣтельствуетъ уже само по себѣ, что она наталкивается изнутри на весьма осязательное сопротивленіе. Новѣйшая нѣмецкая исторія представляетъ разительную тому иллюстрацію. Двоюродный дѣдъ нынѣшняго императора точно такъ же невольно всегда возвращался къ все той же одной мучительной темѣ. И никто, дѣйствительно, не сумѣлъ лучше его показать, въ чемъ заключалась неотложнѣйшая нужда тогдашней прусской монархіи.

По впечатлительности и нервности, по склонности къ мистицизму и несомнѣнной даровитости Вильгельмъ II гораздо болѣе напоминаетъ послѣдняго самодержца на тронѣ Гогенцоллерновъ, чѣмъ своего любимаго героя,—перваго нѣмецкаго императора. Фр. Виль-

гельмъ IV выросъ въ обстановкѣ, исключительно благопріятной для культуры сердца. И по самой природѣ своей онъ былъ къ тому же гораздо болѣе тонкимъ человѣкомъ, чѣмъ нынѣшній „владыка народовъ германскихъ". Но оба они, безспорно, ораторы Божіей милостью. И для обоихъ же упражненіе этого дара—источникъ глубокихъ душевныхъ страданій.

Въ рейхстагѣ возникъ недавно споръ о томъ, обязался ли косвенно императоръ въ 1908 году воздерживаться отъ дальнѣйшихъ политическихъ демонстрацій. Но на чьей бы сторонѣ ни была въ этомъ вопросѣ правда, можно съ увѣренностью сказать, что внутренне Вильгельмъ II не разъ уже самъ на себя возлагалъ обѣтъ молчанія. И, по совѣсти, трудно отъ смертнаго требовать бóльшаго въ этомъ смыслѣ насилія надъ собой, чѣмъ монархъ проявлялъ долгіе мѣсяцы, непрерывно вплоть до послѣдней своей кенигсбергской филиппики. Надо помнить, что со временъ военно-бюджетнаго конфликта основы никогда такъ сильно не потрясались въ Германіи, какъ за эти два года.

Что же, однако, спрашивается, волнуетъ въ настоящее время умы? Странное дѣло, несмотря на безусловную напряженность политической атмосферы, приходится констатировать отсутствіе сколько-нибудь опредѣленныхъ, заостренныхъ требованій. Нѣмецкое бюргерство все еще не находитъ въ себѣ достаточно силъ для того, чтобы поставить открыто вопросъ о какихъ-либо рѣшительныхъ реформахъ. А нынѣшній рейхстагъ и менѣе всего уже, конечно, годится въ проводники новыхъ политическихъ идей и домогательствъ.

Можно только сказать, что общество сознаетъ глубокую ненормальность создавшагося положенія и видитъ причину его въ фактическомъ безсиліи народнаго представительства. Сейчасъ, правда, наблюдается между главой исполнительной власти и большинствомъ имперскаго парламента самая что ни на есть трогательная гармонія. Рейхстагъ добросовѣстнѣйшимъ образомъ тормозитъ всѣ враждебныя кабинету начинанія оппозиціи. А кабинетъ плетется за тѣсно сплоченными консерваторами и центромъ, принося имъ въ жертву послѣдніе остатки своей самостоятельности [1]). Законодательная машина безостановочно, благодаря такому порядку, работаетъ. Но ничто, быть можетъ, не свидѣтельствуетъ въ такой мѣрѣ о слабомъ развитіи конституціонныхъ началъ, какъ этотъ парламентаризмъ наизнанку, когда правительство, творя волю главенствующихъ въ данный моментъ партій, принципіально отклоняетъ отъ себя въ то же время всякія обязательства предъ большинствомъ палаты, какъ таковымъ.

Вокругъ этого вопроса и вращается собственно борьба. Необходимы перемѣны, граничащія съ вторженіемъ въ имперскую и прусскую конституціонныя хартіи. Это чувствуется одинаково въ обоихъ враждующихъ лагеряхъ. И разрѣшеніе назрѣвшихъ противорѣчій должно неизбѣжно ускориться отъ того, что во главѣ одной стороны находится человѣкъ, въ такой мѣрѣ, какъ нынѣшній императоръ, склонный ставить точки надъ *i*.

Вступивъ на прародительскій престолъ, Вильгельмъ II тотчасъ же раскрылъ свои мысли и сердце и никогда больше съ тѣхъ поръ не дѣлалъ изъ нихъ для кого-либо тайны. И уже самый взглядъ его на задачи, роль и священныя права носителя короны является источникомъ легко объяснимой тревоги. Сколько разъ на протяженіи двадцати лѣтъ монархъ ни касался этого вопроса, передъ обществомъ вырисовывались всегда одни и тѣ же, неизмѣнно угрожающіе образы. Это не primus inter pares, вождь свободныхъ мужей—

[1]) Достаточно указать на рѣшительныя уступки въ такихъ серьезныхъ вопросахъ, какъ реформа финансовъ и реформа прусскаго избирательнаго права.

идеалъ стараго германскаго императора. И еще менѣе это „первый слуга государства", какъ понималъ свое призваніе Фридрихъ Великій. Духовный взоръ оратора прикованъ скорѣе всего къ Риму эпохи Октавія-Августа. *Voluntas regis suprema lex esto*—вотъ та посылка, отъ которой исходятъ обыкновенно политическія построенія Вильгельма II. Идея слѣпой покорности недаромъ же въ его рѣчахъ играетъ такую выдающуюся роль.

„Конфликта между долгомъ и совѣстью для настоящаго солдата не существуетъ" [1]). „Можетъ случиться, что вы должны будете разстрѣлять или зарубить своихъ близкихъ родныхъ, даже братьевъ. Запечатлѣйте же тогда свою вѣрность, принеся ей въ жертву кровь вашего сердца" [2]). Когда верховный вождь арміи преподаетъ ей по тому или иному поводу такія директивы, безполезно, разумѣется, говорить объ ихъ политической недопустимости. Надо изыскать средство для того, чтобы сдѣлать аналогичныя обращенія юридически невозможными. И единственный къ этому путь—гарантированная отвѣтственность ближайшихъ совѣтниковъ короны.

Что, по существу дѣла, монархическій образъ мыслей совсѣмъ не сопровождается необходимо подобною идеологіей, объ этомъ свидѣтельствуетъ лучше всего эпоха просвѣщеннаго абсолютизма въ той же Пруссіи. И даже такой краснорѣчивый глашатай славы династіи Гогенцоллерновъ, какъ Генрихъ ф. Трейтшке, открыто заявляетъ, что „когда люди начинаютъ говорить о долгѣ, они должны помнить, если не желаютъ богохульствовать, что абсолютныхъ обязанностей въ этомъ мірѣ нѣтъ и быть вообще не можетъ". „Граница человѣческаго долга—наша совѣсть. На безусловную преданность смертный не можетъ разсчитывать..."

Автократическія тенденціи Вильгельма II совсѣмъ не продуктъ одного только властнаго темперамента. Далеко не послѣднее мѣсто принадлежитъ здѣсь безусловно и вѣрѣ. Несмотря на свой слишкомъ человѣческій характеръ, государственно-правовыя конструкціи императора диктуются въ очень значительной мѣрѣ моментомъ религіознымъ. Это только еще, разумѣется, усугубляетъ опасность ихъ. Какъ спорить съ тѣмъ, что лежитъ, очевидно, за предѣлами опыта и знанія? И снова возникаетъ вся та же нужда—противовѣсъ въ авторитетѣ закона.

Когда глава государства, объявляя открытую войну общественному мнѣнію,—какъ оно выразилось въ цѣломъ рядѣ внушительнѣйшихъ политическихъ демонстрацій,—называетъ себя „инструментомъ Господа-Бога" [1]), и все прошлое монарха непоколебимо свидѣтельствуетъ о томъ, что въ его устахъ слова эти не простой ораторскій пріемъ,—другая сторона становится естественно въ оборонительную позу и подымаетъ вопросъ о гарантіяхъ противъ внезапныхъ экспериментовъ въ духѣ этого безграничнаго, какъ океанъ, притязанія. О какой-либо непосредственной опасности въ данный моментъ, конечно, не можетъ быть рѣчи. Но симптоматически эта попытка присвоить себѣ въ опредѣленныхъ политическихъ видахъ исключительное право на благости неба содержитъ несомнѣнно элементъ извѣстной угрозы. И вотъ почему кёнигсбергская рѣчь вызвала отовсюду такой энергичный отпоръ. Умѣренная оппозиція, въ лицѣ свободомыслящихъ и отчасти націоналъ-либераловъ, протестовала на этотъ разъ осо-

---

[1]) Изъ рѣчи императора во время присяги рекрутовъ этого года.

[2]) Изъ давнишняго обращенія (23 Nov. 1891) Вильгельма II къ отбывшимъ служебный сборъ резервистамъ.

[1]) Центральный пунктъ нашумѣвшей кенигсбергской рѣчи, послужившей въ началѣ текущей сессіи предметомъ бурныхъ преній въ рейхстагѣ.

бенно горячо. И не безъ основанія! Извѣстно же всѣмъ, что ликующимъ третьимъ,—а тогда еще шли, какъ на зло, дополнительные выборы,—является всегда въ такихъ случаяхъ крайняя лѣвая. „Simplicissimus" запечатлѣлъ эту общую увѣренность въ остроумно задуманномъ и прекрасно исполненномъ рисункѣ,—Господь-Богъ услышалъ призывъ императора и милостиво, со своихъ заоблачныхъ высотъ, указывая на него, сказалъ: „При помощи этого инструмента мнѣ удаются лучше всего соціалъ-демократы".

Ни въ какой другой странѣ о монархѣ не говорятъ и не пишутъ столько, какъ въ Германіи. И ни въ какомъ другомъ государствѣ глава его такъ часто не выступаетъ съ личными заявленіями. Тѣ, на кого обрушиваются по тому или иному поводу словесные громы Вильгельма II, никогда еще, правда, отъ этого не проигрывали. Съ узко-партійной точки зрѣнія было бы скорѣе лишь въ интересахъ демократіи, чтобы монархъ такъ же широко, какъ и прежде, пользовался предоставленною всѣмъ нѣмцамъ свободою слова. И однако же оппозиція не одинъ разъ заявляла, что она очень рада была бы возможности уступить этотъ агитаціонный матеріалъ другимъ народамъ. Въ статьяхъ, посвященныхъ памяти короля Эдуарда VII, мысль эта выступаетъ особенно ярко.

Личныя свойства императора усугубляютъ несомнѣнно остроту всякаго политическаго спора, заставляя возвращаться постоянно къ мысли о необходимости твердыхъ гарантій противъ односторонняго вмѣшательства короны въ сферы, одинаково, по духу закона, подвѣдомственныя обоимъ факторамъ конституціонной власти. Оппозиція нащупываетъ съ этой цѣлью формы, въ которыхъ могла бы быть достигнута юридическая фиксація полномочій рейхстага въ области дѣйствительнаго надзора за общимъ ходомъ административнаго аппарата. Это движеніе въ сторону парламентаризма сопряжено безусловно въ Германіи съ бо́льшими трудностями, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ. Весь характеръ союзной конституціи, особенно взаимоотношеніе имперіи и Пруссіи, выдвигаетъ здѣсь на каждомъ шагу помѣхи, преодолимыя лишь при условіи сложнаго комплекса отвѣтственнѣйшихъ предварительныхъ работъ. „Если бы ближайшіе совѣтники короны,—читаемъ мы у Лабанда,—брались по указкѣ парламентскаго большинства и обязаны были управлять страной въ его духѣ, то, при неодинаковомъ распредѣленіи партій въ рейхстагѣ и прусской палатѣ, имперское правительство оказывалось бы совершенно парализованнымъ. Дѣло въ томъ, что право участія и подачи голоса въ союзномъ совѣтѣ принадлежитъ только прусскому королю, какъ таковому, а совѣтчиками и вліяющими на него людьми являются въ этомъ случаѣ министры, отвѣтственные передъ ландтагомъ. Если бы эти послѣдніе должны были теперь,—какъ принято выражаться,—обладать довѣріемъ ландтага, а канцлеръ добиваться того же въ рейхстагѣ, то неизбѣжнымъ послѣдствіемъ всякаго политическаго разногласія между этими двумя парламентами явилось бы то, что предложенія канцлера имѣли бы противъ себя въ союзномъ совѣтѣ всѣ прусскіе голоса, а противъ рекомендованнаго *королю* прусскимъ кабинетомъ предостерегалъ бы *императора* германскій канцлеръ" [1]).

Глубокая пропасть между системами, по которымъ производятся выборы въ ландтагъ и рейхстагъ, ярко иллюстрируетъ силу и сущность изображеннаго здѣсь препятствія. Необходимой предпосылкой какихъ-либо шаговъ навстрѣ-

[1]) „Das deutsche Kaiserthum", Rektoratsrede gehalten am 27 Jan. 1896, S. 28—29; ср. *Meyer*, Lehrbuch des deutschen Staatsrechts, 5 Auflage, S. 169. Теорія, впрочемъ, закрѣпила здѣсь только аргументы, развитые по различнымъ поводамъ въ цѣломъ рядѣ парламентскихъ рѣчей Бисмаркомъ.

чу парламентаризму являлась бы, поэтому, прежде всего радикальная реформа прусскаго избирательнаго права. Но даже полное тождество соотвѣтствующихъ законовъ дало бы несомнѣнно на различныхъ территоріяхъ совсѣмъ неодинаковые результаты. Достаточно указать на своеобразіе культурныхъ, соціально-экономическихъ и религіозныхъ условій въ такихъ крупныхъ единицахъ союза, какъ Баварія, Вюртембергъ, Баденъ. Это къ тому же еще только одна часть задачи. Что касается до второй,—измѣненій въ имперской конституціи, то, происходя въ общезаконодательномъ порядкѣ, они падаютъ, если въ бундесратѣ оказывается противъ нихъ 14 голосовъ. На долю же одной только Пруссіи приходится ихъ здѣсь 17, что дѣлаетъ ее, очевидно, полнымъ хозяиномъ въ этомъ вопросѣ.

Мы видимъ, чтобы достигнуть въ направленіи парламентаризма закрѣпленныхъ на бумагѣ уступокъ, надо дѣйствительно добраться до самаго фундамента постройки. Но попытки подобнаго рода возможны, разумѣется, лишь при наличности совершенно исключительныхъ политическихъ условій. Сейчасъ же не имѣется для этого сколько-нибудь осязательныхъ предпосылокъ ни въ самой странѣ, ни тѣмъ болѣе въ отдѣльныхъ парламентахъ. И пока что, вниманіе устремлено въ первую голову на дальнѣйшее развитіе тѣхъ средствъ, которыми уже располагаютъ сейчасъ въ опредѣленномъ объемѣ законодательныя палаты.

Прежде всего, конечно, проблема парламентской интерпеляціи. Извѣстно, что союзная конституція обходитъ молчаніемъ это право, какъ само собой разумѣющееся. Устарѣвшій же регламентъ чрезвычайно съ своей стороны затрудняетъ раціональную постановку вопроса объ отвѣтственности кабинета предъ имперскимъ парламентомъ.

Дѣло въ томъ, что наказъ рейхстага содержитъ крайне стѣснительное ограниченіе, согласно которому дебаты по поводу интерпеляціи ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть суммируемы въ какого-либо рода завершительной формулѣ. Это равносильно недопустимости особой резолюціи, что̀ устраняетъ въ свою очередь всякій намекъ на зависимость министерства отъ парламентскихъ голосованій. Незачѣмъ и говорить о томъ, какъ подобный порядокъ отзывается на внѣшнемъ престижѣ запроса. Теорія недаромъ же доходитъ до отрицанія за нѣмецкой интерпеляціей характера опредѣленной государственно-правовой функціи [1]).

Когда послѣ ноябрьскихъ дебатовъ поставленъ былъ болѣе или менѣе широко вопросъ о необходимости новыхъ гарантій, модернизація имперскаго парламентскаго регламента сама собой выдвинулась на первое мѣсто. Тѣмъ временемъ рушился однако консервативно-либеральный блокъ. А подъ ферулой нынѣшняго большинства усиленная комиссія по пересмотру наказа дѣлаетъ все зависящее отъ нея для того, чтобы затормозить по возможности удовлетвореніе этой острой нужды.

Не брезгая капиталомъ въ видѣ министерской благодарности, лидеры центра предпочли, однако, соблюсти и невинность, въ образѣ нѣкотораго демократическаго ореола, безусловно необходимаго для партіи съ такимъ избирательнымъ составомъ. Они, конечно, за то, чтобы парламентской интерпеляціи сообщенъ былъ надлежащій авторитетъ. И лучше всего это можетъ быть дѣйствительно достигнуто предоставленіемъ рейхстагу возможности вотировать въ извѣстныхъ случаяхъ правительству недовѣріе. Но партія—врагъ бумажныхъ протестовъ. И желая обезпечить соотвѣтствующему праву реальную силу, комиссія ставитъ условіемъ

---

[1]) См. *Laband*, „Das Staatsrecht des deutschen Reiches", 2 Auflage, S. 285—286; ogl. *Arndt*, „Das Staatsrecht des deutschen Reiches", S. 147; *Meyer*, „Lehrbuch", S. 400.

его примѣненія предварительный выходъ закона объ отвѣтственности имперскаго канцлера. Кабинетъ, однако,—кто же самъ себѣ недругъ,—совсѣмъ не спѣшитъ съ этимъ дѣломъ. А подъ шумокъ прошелъ уже пока, по старому порядку, цѣлый рядъ щекотливѣйшихъ запросовъ, въ томъ числѣ и послѣдній, по поводу кёнигсбергской рѣчи. Полуторагодовой торгъ, въ связи, надо думать, съ голосами изнутри партіи, заставилъ, впрочемъ, лидеровъ центра пойти на нѣкоторую уступку. „Когда интерпеляція касается *дѣятельности самого канцлера,* за которую онъ несетъ, согласно конституціи, отвѣтственность предъ рейхстагомъ", комиссія признала резолютивные вотумы допустимыми уже и сейчасъ. На практикѣ возможность подобнаго случая представляется наиболѣе рѣдкой. И прежде всего формула центра не распространима, очевидно, на тѣ именно періодически повторяющіеся инциденты, которые явились исходнымъ пунктомъ всего нынѣшняго движенія въ пользу реформы наказа.

Такъ скромно ставится въ настоящее время вопросъ. И мы видѣли, на какія все еще трудности онъ наталкивается въ этомъ рейхстагѣ. Только общіе выборы сейчасъ не за горами. И судя по тому, какъ протекаютъ первыя репетиціи въ отдѣльныхъ избирательныхъ округахъ, можетъ произойти перетасовка партій, еще небывалая въ исторіи имперской парламентской жизни. За послѣдніе нѣсколько мѣсяцевъ палъ въ прекрасной Остъ-Эльбіи два важнѣйшихъ оплота испытанной юнкерской мощи. Того и гляди вернется то время, когда консервативную партію можно было „привезти въ парламентъ на двухъ извозчикахъ". По мнѣнію такого осторожнаго и опытнаго политика, какъ проф. Гансъ Дельбрюкъ, крайняя правая находится на пути къ потерѣ около двухъ третей своихъ полномочій. Въ виду непримиримой позиціи лѣвыхъ не досчитается безусловно значительной части мандатовъ и центръ. Соціалъ-демократіи друзья и враги сулятъ, напротивъ, чуть ли не тройное число ея нынѣшнихъ мѣстъ.

Все это, разумѣется, только при неизмѣнившихся условіяхъ. Граница между консервативно-клерикальнымъ блокомъ и партіями меньшинства можетъ обозначиться еще болѣе рѣзко. Не вполнѣ, однако, исключена и возможность, что республиканская декорація нѣкоторыхъ соціалъ-демократовъ,—столь же никчемная, какъ и византійскія фіоритуры умѣренныхъ либераловъ,—поселитъ снова въ рядахъ лѣвой сумятицу и, разбивъ голоса, вырветъ изъ рукъ оппозиціи вѣрную побѣду.

Такъ или иначе, однако, а вопросы конституціоннаго права займутъ несомнѣнно въ жизни будущаго рейхстага очень видное мѣсто. Тогда пойдетъ, разумѣется, быстрыми шагами и разработка закона объ отвѣтственности канцлера. Въ дѣлахъ имперскаго парламента имѣется уже соотвѣтствующее предложеніе [1]), за цѣлыхъ полтора года нисколько не подвинувшееся впередъ. Согласно извѣстному проекту Георга Еллинека, рейхстагъ можетъ, по иниціативѣ 100 депутатовъ, признать голосами $^2/_3$ общаго числа своихъ членовъ, что политика канцлера не заслуживаетъ довѣрія. Единогласное постановленіе союзнаго совѣта отмѣняетъ въ свою очередь эту резолюцію и влечетъ за собою роспускъ рейхстага. Если союзный совѣтъ не воспользуется означеннымъ правомъ, имперскій канцлеръ обязанъ покинуть свой постъ. [2])

Отъ такта правительства будетъ зависѣть, конечно, какъ далеко пойдетъ въ своихъ домогательствахъ лѣвая, если

---

[1]) Antrag *Ablass* und Genossen, Drucksachen den Reichstages, Session 1907—1909, Nr. 1063.

[2]) Ein Gesetzentwurf betreffend die Verantwortlichkeit des Reichskanzlers und seiner Stellvertreter nebst Begründung, Heidelberg 1909, S. 3, 4, 14.

на ея сторонѣ окажется дѣйствительно большинство. Проблема отвѣтственности кабинета передъ парламентомъ именно здѣсь могла бы быть разрѣшена въ мирномъ порядкѣ, шагъ за шагомъ, путемъ воздѣйствія отъ случая къ случаю, при постепенномъ лишь закрѣпленіи необходимыхъ юридическихъ гарантій. Но импульсивность императора, безпомощность его ближайшихъ совѣтчиковъ и близорукость прусскаго дворянства угрожаютъ крайне рѣзкою постановкой всѣхъ спорныхъ вопросовъ. И, быть можетъ, въ ближайшемъ же рейхстагѣ разъиграются на этой почвѣ бои, которые воскресятъ въ памяти нѣмцевъ великую борьбу начала 60-хъ годовъ. Только среди людей, близкихъ къ трону, не видно человѣка, которому оказалась бы по силамъ задача, принятая на себя въ то время Бисмаркомъ.

Г. Штильманъ.

II. Литература и искусство.

1. Альманахи.

(Сборникъ тов. „Знаніе", книга XXXII. Спб., 1910 г.—Альманахъ для всѣхъ. Книга II. Спб., 1910 г.—Общедоступный альманахъ, книга I. Спб., 1910 г.—„Ручьи". Литературно - художественный сборникъ, к-во „Земля". Спб., 1910 г.—Общедоступный литературный сборникъ. М., 1910 г.)

Не всѣ... а только пять.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ альманахи у насъ такъ расцвѣли, что прямо некуда было отъ нихъ дѣваться. Въ сущности, принципъ хорошій и старый. Задолго до общей моды на альманахи въ Москвѣ уже скромно благоухали „Сѣверные цвѣты" (по примѣру „Сѣверныхъ цвѣтовъ" 20-хъ и 30-хъ годовъ), а въ Петербургѣ начали свое бытіе такъ называемые „Сборники Знанія". Впрочемъ, послѣдніе отличались отъ существующихъ журналовъ только отсутствіемъ критики и политическихъ обзоровъ, и хранили „направленство" во всей своей неприкосновенной узости.

Въ эпоху „моды" расцвѣлъ „Шиповникъ", появилась „Земля", а затѣмъ уже пошли выходить всякіе цвѣты, злаки и травы,—подчасъ и сорные. Мода захватила провинцію. Рождались, я думаю, тамъ альманахи, вѣсть о которыхъ дó насъ и не доходила. Рождались и умирали.

Теперь немного затихло. Бурную моду пережили все тѣ же, наиболѣе устойчивые, и даже ликовъ своихъ не потеряли: „Знаніе", „Шиповникъ", „Земля".

Лики очень опредѣленные. „Знаніе"—это направленство съ Горькимъ во главѣ,—направленство, дорожащее собою больше, чѣмъ литературой и даже „именами"; „Шиповникъ"—это „искусство", во главѣ котораго стоитъ Л. Андреевъ; уваженіе къ „именамъ" и, подчасъ, настоящая литература, поскольку дѣйствительно литературны „имена" участниковъ,—Ѳ. Сологубъ, А. Ремизовъ, В. Брюсовъ, А. Толстой, Б. Зайцевъ. „Земля"—опять новѣйшія имена, имена, но уже „подемократичнѣе", какъ бумага „Земли" посѣрѣе.

Альманахи—помимо этихъ трехъ китовъ сегодняшняго дня,—почти всѣ безформенны, без-óбразны, и составители ихъ, мнѣ кажется, не всегда преслѣдуютъ литературныя цѣли. Но и эти альманахи разнствуютъ между собою: одни пытаются урвать хоть кусочекъ у писателя съ „именемъ"; къ этому кусочку уже прилѣпляются въ изобиліи „безыменные" (которые, однако, отъ сосѣдства не дѣлаются удобочитаемы). Другіе сборники со смѣлостью отчаянія составлены изъ однихъ неудобочитаемыхъ безвѣстностей; и, пожалуй, эти послѣдніе лучшé,—честнѣе. Не говорю о предпріятіяхъ, гдѣ урванные кусочки знаменитостей оказываются прямо перепечатками.

Среди тѣхъ пяти альманаховъ, о ко-

торыхъ я хочу сейчасъ говорить, только одинъ „китъ“—

Сборникъ тов. Знаніе, книга XXXII. Тридцать ли вторая, тридцатая ли, девятая ли—мало разницы, Одна начинается съ „Варваровъ“ Горькаго, другая съ „Враговъ“ Горькаго, та съ „Матери“, эта—съ „Чудаковъ“. Середина и конецъ книги—тоже обычны, такъ обычны, что, кажется, будто все это ужъ давнымъ-давно читалъ въ тѣхъ же сборникахъ „Знанія“. Общественно-благородна и смутна г-жа Милицына; не лишенъ способностей г. Окуневъ („Дарья Авилова съ сыновьями“). Только къ концу разсказа г. Окуневъ вдругъ замялся и завялъ, не выдержавъ тяжести обязательнаго „направленства“. О стихахъ я умолчу—право, мы ихъ давно читали. А „гвоздь“ сборника, „Чудаки“... О чудакахъ два слова.

Эта пьеса уже шла въ петербургскомъ театрѣ и никакого успѣха не имѣла. Газеты соединились въ злорадный хоръ. Напрасно; что же тутъ злорадствовать? Пьеса на уровнѣ „Варваровъ“ и „Враговъ“ того же Горькаго. Кажется, Горькій хочетъ изобразить сильно и свято любящую жену, для которой мужъ не только мужъ, но и братъ, и сынъ. Елена (ну, конечно, Елена!) ревнуетъ своего „негодника“ по чувству жены, но мать и сестра побѣждаютъ въ ней ревность, хранятъ и лелѣютъ возлюбленнаго.

Кажется—такъ. Говорю „кажется“, ибо пьеса написана безсильно, мутно, нудно, и расплывчатые туманы едва позволяютъ проникнуть въ желанія автора.

Альманахъ для всѣхъ, кн. II. Ц. 50 к.—Это уже совсѣмъ не китъ и даже не щука, а самая мелкая рыбешка, несмотря на нѣкоторыя „имена“. Имена такія, какъ А. Блокъ, С. Городецкій, Гусевъ-Оренбургскій, Толстой, Кузминъ, даже Г. Чулковъ (и это имя, право). Обложка пышная. Но нужно сказать, что далѣе обложки пышность не простирается. Каждый изъ писателей такъ и смотрѣлъ, что онъ даетъ свое „имя“, а кусочекъ текста подъ нимъ,—это ужъ на придачу, что подъ руками было. Въ концѣ книги (занимая, впрочемъ, добрую ея половину) пріютился невѣдомый Ив. Порошинъ; онъ думалъ, вѣроятно, что читатель, не напитавшійся крохами Блока и Городецкаго, проглотитъ кстати и его. Напрасно; Порошинъ не пройдетъ въ самое широкое горло,—такъ онъ корявъ и несвѣжъ.

Вотъ еще—

Общедоступный Альманахъ (Книга I). Ц. 75 к. Тутъ „имена“ воспроизведены на обложкѣ даже автографически. И опять тѣ же: Блокъ, Толстой и т. д. И опять Георгій Чулковъ, конечно.

Если дары писателей съ „именемъ“ предыдущему Альманаху можно назвать „крохами“ съ барскаго стола,—то что сказать о дарахъ этому сборнику? Черновые обрывки, безъ началъ и безъ концовъ, жалкія нечленораздѣльныя слова, можетъ быть выкинутыя, зачеркнутыя въ рукописяхъ строки... Неужели такъ ужъ славны „имена“ писателей вродѣ Чирикова и Грина, чтобы они могли позволять рыться въ своихъ корзинахъ для бумагъ?

Впрочемъ, разсказъ А. С. Гринъ имѣетъ и начало, и конецъ. Не вхожу въ его достоинства, но отмѣчу, что разсказъ этотъ—перепечатка. И невольно является сомнѣніе: можетъ быть, нѣкоторые обрывочки съ „именами“—тоже перепечатки? Въ этомъ случаѣ писатели, конечно, не такъ виноваты. Но отъ пьянаго и глупаго разсказа Ан. Каменскаго вѣетъ „оригинальностью“: врядъ ли гдѣ-нибудь онъ могъ быть раньше напечатанъ. Кому бы въ голову пришло!

Въ такихъ „общедоступныхъ сборникахъ для всѣхъ“, среди „именъ“, видное мѣсто занимаетъ имя г. Георгія Чулкова. Уже потому видное, что непремѣнное. И отрывочки его длиннѣе, а въ отрывочкахъ онъ совершенно тотъ же, что не въ отрывочкахъ. Недавно *Вѣстникъ Европы* напечаталъ длинную повѣсть г. Чулкова,—„Слѣпые“. Я далекъ отъ того, чтобы отрицать въ г. Чулковѣ всякую любовь къ литературѣ. Нѣтъ,

онъ очень ее любитъ, онъ упорно занимается беллетристикой. Для того, чтобы писанія его не оскорбляли, онъ знаетъ много способовъ. Пишетъ и по способу Зайцева, и по способу Сологуба,—чаще всего по этому послѣднему способу. Такъ что съ внѣшней стороны разсказы его совсѣмъ не плохи. Но вчитайтесь въ любой: какая странная грусть! Слова лежатъ бездвижно, опустошенныя. Неуловимъ смыслъ, потому что ни одна фраза не договорена, точно авторъ онѣмѣлъ отъ безсилія и внутренней пустоты. Каждый разъ, послѣ чтенія разсказовъ г. Чулкова, мною овладѣвала тихая, жалостливая грусть и долго я не могъ отъ нея отдѣлаться.

Впрочемъ, я отступилъ отъ темы. Еще два альманаха передо мною.

„Ручьи“, Спб., 1910 г. Это сборникъ, слава Богу, безъ претензій, т.-е. безъ претензій на „имена“, по крайней мѣрѣ. Должно быть, авторы—народъ „начинающій“. Къ сожалѣнію, ни въ одномъ изъ этихъ начинаній нѣтъ „залоговъ“, нѣтъ обѣтовъ пріятныхъ продолженій. Можетъ быть, и есть,—только я не могъ ихъ замѣтить. Разсказы реальные — удачнѣе лирики, къ которой—увы!—начинающіе имѣютъ роковое влеченіе. Такъ и тянетъ ихъ всегда къ нѣкоему „стихотворенію въ прозѣ“. Это особенно ярко выражено въ послѣднемъ, пятомъ, альманахѣ,—студенческомъ: *Общестуденческій Литературный Сборникъ* (изданіе въ пользу Пятигорскаго студ. санаторія) Москва.

Сборникъ, подъ редакторствомъ И. Бунина, Н. Давыдова и Н. Телешова, несмотря на то, что строгаго литературнаго суда не выдерживаетъ да и плохо изданъ, произвелъ на меня скорѣе пріятное впечатлѣніе. Можетъ быть, къ нему и не надо прилагать литературнаго суда, въ особенности строгаго. Студенты и студентки хотятъ товарищамъ помочь и ужъ кстати себя показать. Изъ этихъ „начинающихъ“ большинство, вѣдь, и не мечтаетъ „продолжать“. Редакторы, въ предисловіи, указываютъ на „ознакомленіе общества съ направленіемъ и пріемами литературнаго творчества среди современной учащейся молодежи“, какъ на одну изъ цѣлей сборника. Но, думаю, эта цѣль не достигнута. Въ данной книгѣ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ никакого литературнаго „творчества“, а лишь разнородная и разномѣрная литературная подражательность, неумѣло заимствованная лирика и риторика; а что касается „направленія“, то оно положительно неуловимо и неопредѣлимо.

Съ радостью отмѣчаю два коротенькихъ разсказа А. Замирайлова (Томск. унив.)—„Родители“ и „Боря“. Эти разсказы среди всѣхъ другихъ—точно два свѣжихъ полевыхъ цвѣтка среди папиросныхъ окурковъ.

Герой перваго разсказа—Сережка. Ему два мѣсяца. „Все бы хорошо, но у него невозможный характеръ. Проснувшись, онъ не кряхтитъ, какъ это дѣлаютъ спокойныя, уравновѣшенныя дѣти, а сразу же сердится, вскрикиваетъ и закатывается“. Няньки никакой нѣтъ, и Сережа особенно донимаетъ несчастныхъ родителей ночью. Студентъ, „наскоро пообѣдавъ, до сумерекъ бѣгаетъ по урокамъ и домой приходитъ весь издерганный, на нѣмыхъ, чужихъ ногахъ“. Необходимо поспать. Чтобы это удалось, разсказываетъ родитель, чтобы Сережа былъ покоенъ ночью, „мы долго не даемъ ему съ вечера спать, мучаемъ, трясемъ“... Напрасно! Разстроили ребенку нервы, и онъ оретъ всю ночь. Родители поочередно убаюкиваютъ его. Наконецъ „...Въ душѣ у меня одна ненависть. Почему онъ не спитъ, когда такъ хочется спать? Мнѣ жаль себя“... „Я тычу соску въ раскрытый, базлающій ротъ и бросаю комочекъ на подушку.—А ну тебя къ чорту!“

Едва угомонится, едва положатъ въ корзинку, едва хочешь лечь,—„ноги Сережки, связанныя свивальникомъ, какъ хвостъ, начинаютъ нетерпѣливо дергаться. Маруська вздрагиваетъ: — Забилъ хвостомъ!“

Такова ночь.

„А утромъ, когда я вытряхиваю самоваръ и насыпаю въ него углей, я чувствую себя такъ, какъ будто меня кто-то долго и лѣниво жевалъ и потомъ выплюнулъ“...

Цитаты не передаютъ прелести этого коротенькаго, на двухъ страничкахъ, разсказа. Но все же, я думаю, каждый припомнитъ, что бывалъ въ этомъ состоянiи „лѣниво разжеваннаго и выплюнутаго“...

Второй разсказъ такъ же коротокъ. Его герою—Борѣ—уже годъ съ лишнимъ. Это совсѣмъ другой человѣкъ, совсѣмъ не Сережка, у него свой характеръ и особая психологiя. Онъ подозрителенъ, столкновенiя его съ „большими“ полны глубокаго смысла.

Выдержанность языка въ обоихъ разсказахъ удивительная. Отъ нихъ не отказался бы Чеховъ. Но... я не хочу обманывать себя: я *не знаю*, что такое г. Замирайловъ: большой ли художникъ, или человѣкъ, совершенно чистый отъ литературы, ни капельки ею не зараженный, свѣжiй, какъ листокъ капустный? Такiя вещи можно писать, или побѣдивъ заразу литературщины, овладѣвъ искусствомъ, или... невинно, *до* всякаго искусства, просто потому, что такъ написалось, а завтра совсѣмъ ничего не напишется.

Рядомъ съ г. Замирайловымъ видно, какъ наши столичные юноши и дѣвицы стараются: „...отъ звуковъ еще пробѣжалъ трепетъ недавнихъ мукъ“... „На днѣ тихой безнадежности свѣтилъ лазурный свѣтъ“... „Глухая тоска смѣнилась острой злобой“... и т. д. и т. п. Въ этихъ стараньяхъ зараза уже налицо, возврата нѣтъ, есть только надежда—для сильнаго,—переболѣвъ, очиститься, окрѣпнуть. А г. Замирайловъ, *возможно*, еще не успѣлъ заразиться, оттого и чистъ. Онъ, вѣдь, живетъ далеко, въ Томскѣ, гдѣ воздухъ прозраченъ, гдѣ бѣлъ снѣгъ. Можетъ быть, онъ и не слышалъ еще ничего о блоковскихъ „лиловыхъ туманахъ“, не вздрагивалъ отъ криковъ А. Бѣлаго, и даже не нюхалъ шерсть андреевскаго Анатэмы. Сережка здоровъ, хотя и оретъ, сѣверный воздухъ прозраченъ, снѣгъ бѣлъ...

Да, это очень возможно. Но всетаки мнѣ хочется видѣть въ г. Замирайловѣ человѣка съ большими данными. Онъ переболѣетъ легко, а потомъ авось и выберется на крѣпкiй, чистый камень. Отъ души ему этого желаю.

Я уже кончалъ замѣтку, когда на глаза мнѣ попался еще одинъ недавнiй альманахъ, шестой. Напечатано на обложкѣ красными, выпуклыми, какъ для слѣпыхъ, буквами: „Яма“. А внизу все „имена, имена“... Невѣроятныя имена. Однако я объ этомъ Альманахѣ говорить не буду. Это пожалуй, настоящая „яма“, потому что все, пожалуй, сплошь—беззастѣнчивая перепечатка. И ни малѣйшимъ образомъ не указано, что перепечатка.

О чемъ же тутъ говорить?

Антонъ Крайнiй.

2. Письма Толстого.

Почти одновременно со смертью Толстого появилось въ печати собранiе его писемъ (Толстовскiй альманахъ. Письма Л. Н. Толстого. 1840—1910 гг. Собранныя и редактированныя П. А. Сергѣенко. К-во „Книга“. 1910 г. Стр. IV+ +365. Ц. 1 р. 50 к.). Это „собранiе“ есть, конечно, только сырой матерiалъ для будущаго критическаго и полнаго собранiя переписки Толстого. Оно не только не полно, но не задается даже стремленiемъ къ полнотѣ (достаточно указать, что въ немъ приведены всего 13 писемъ къ гр. С. А. Толстой, а изъ писемъ къ дѣтямъ—всего одно письмо къ Л. Л. Толстому), издано внѣшне и внутренне небрежно, не снабжено поясненiями, такъ что иногда тема письма остается неясной; и вообще въ немъ чувствуется спѣшность, отсутствiе углубленнаго и любовнаго отношенiя со-

ставителя къ своему труду. Кромѣ того, значительная часть собранныхъ писемъ уже была извѣстна по біографіи Бирюкова и нѣкоторымъ другимъ источникамъ. Несмотря на все это, „Письма Толстого“ представляютъ огромный интересъ для уясненія личности и міровоззрѣнія Толстого и появляются весьма кстати именно теперь, когда множество людей, подъ вліяніемъ смерти Толстого, снова вдумываются въ его душу и чувствуютъ потребность провѣрить и углубить свое отношеніе къ нему.

Въ этомъ смыслѣ особенно важны письма за послѣднія 25—30 лѣтъ и въ томъ числѣ, главнымъ образомъ, письма, адресованныя единомышленникамъ и послѣдователямъ Толстого. Здѣсь совершенно явственно, какъ мнѣ кажется, бросается въ глаза одно: насколько Толстой, какъ личность, въ своемъ личномъ жизнеощущеніи и личномъ отношеніи къ своей вѣрѣ, былъ глубже, мудрѣе и тоньше того „офиціальнаго“ смысла его ученія, которое намъ извѣстно подъ именемъ „толстовства“. Несмотря на несомнѣнную искренность Толстого въ его писаніяхъ, предназначенныхъ для печати, въ своихъ личныхъ обращеніяхъ къ друзьямъ онъ еще болѣе искрененъ, или, вѣрнѣе, искрененъ болѣе интимно и непосредственно. Поэтому письма Толстого свидѣтельствуютъ о его постоянномъ стремленіи внушить своимъ единомышленникамъ, опиравшимся на букву его ученія, болѣе духовное и углубленное его пониманіе. Одной изъ основныхъ темъ этого поученія, доходящаго иногда до суровой, несмотря на всю мягкость выраженій, идейной борьбы, является соотношеніе между внутреннимъ духовнымъ строемъ религіозной жизни и внѣшними формами поведенія. Толстой неустанно подчеркиваетъ и уясняетъ условность и второстепенность съ религіозной точки зрѣнія всякихъ внѣшнихъ уставовъ и порядковъ жизни, возможность многообразнаго, не поддающагося внѣшней фиксаціи и нормировкѣ, проявленія единой для всѣхъ внутренной просвѣтленности жизни. Письма Толстого показываютъ, что его душа, въ особенности въ послѣдній періодъ его жизни, была гораздо болѣе *мудра* и менѣе *раціоналистична*, чѣмъ это казалось по внѣшнему смыслу его писаній. Ясно, какое огромное значеніе имѣетъ это для нашего отношенія къ Толстому: вѣдь раціоналистическая грубость, прямолинейность и примитивность ученія Толстого болѣе всего препятствуютъ духовному сближенію съ нимъ. Конечно, смягченіе этой черты еще не устраняетъ болѣе глубокихъ религіозныхъ разногласій съ Толстымъ; но оно дѣлаетъ невозможнымъ столь же прямолинейное сплошное отрицаніе его вѣры и помогаетъ ощутить и использовать то, что въ ней истинно и жизненно.

Привожу безъ комментаріевъ нѣкоторыя наиболѣе интересныя въ этомъ отношеніи сужденія Толстого, а также нѣкоторые его афоризмы, которые цѣнны сами по себѣ и открываютъ жизненную его мудрость, не фиксированную въ его ученіи.

„Вопросъ о деньгахъ—дѣйствительно является труднымъ для рѣшенія, но таковымъ онъ особенно кажется, когда мы хотимъ рѣшить его внѣшнимъ образомъ. Рѣшеніе его въ себѣ: въ своемъ отношеніи къ нимъ. Если это рѣшено, то внѣшнее рѣшеніе найдется само собой“.

(Изъ письма Е. И. Попову, 1887.)

„Отвѣта на вопросы, которые возникаютъ въ васъ, не бываетъ такого, чтобы взялъ да и отвѣтилъ, а бываетъ такое состояніе, при которомъ отвѣты эти, не высказанные словами, живутъ въ душѣ и даютъ ей спокойствіе. Это состояніе души, при которомъ ничто не страшно и все ясно. И состояніе это пріобрѣтается жизнью“.

(Ему же, 1888.)

„Міръ зажженъ Христомъ и горитъ. Если каждый изъ насъ сознаетъ то, что онъ горитъ, не препятствуетъ, а радуется и содѣйствуетъ своему горѣ-

нію, то это все, что нужно. Нечего огорчаться о томъ, что отъ меня не зажигается та свѣча или тѣ дрова, которыя рядомъ со мной. Если міръ горитъ и я горю, то они загорятся не отъ меня, но загорятся. Я замѣчалъ даже, что только сомнѣніе въ томъ, что я горю, вызываетъ особенную заботу о горѣніи другого".

(Л. Ѳ. Анненковой, 1889.)

„Страшно даже сказать, что жизнь въ безконечномъ совершенствованіи. Кажется, какъ широко, а такое опредѣленіе скорѣе суживаетъ...

Умъ, знаете, какъ бинокль, развертывать надо до извѣстной степени, а дальше вертѣть хуже; такъ и въ вопросахъ о жизни, и зачѣмъ жизнь? Помилуй Богъ!..."

(В. В. Рахманову, 1889.)

„...О работѣ. Я думаю и думалъ, что работа, производимая не только для удовлетворенія первыхъ потребностей жизни своихъ и другихъ,—грѣхъ, но что идеалъ Христа, какъ и въ брачномъ вопросѣ, состоитъ въ томъ, чтобы не жать, не сѣять, и что работа, какъ добродѣтель, le travail, какъ то считается въ Европѣ и у насъ трудолюбивыми мужиками, есть величайшій и злѣйшій соблазнъ".

(Е. И. Попову, 1890.)

„Именно въ этой тѣснотѣ, на этомъ узкомъ пути, гдѣ согрѣшишь, ступивъ и направо, и налѣво, тутъ-то и совершается самое настоящее Божье дѣло".

(Л. Ѳ. Анненковой, 1890.)

„Принципы, разумѣя подъ этимъ словомъ то, что должно руководить всею жизнью, не виноваты ни въ чемъ, и безъ принциповъ жить дурно. Ошибка только въ томъ, что въ принципъ возводится то, что не можетъ быть принципомъ,—какъ крѣпко париться въ банѣ и т. п. Принципомъ даже не можетъ быть то, чтобы работать хлѣбную работу, какъ говоритъ Бондаревъ. Принципъ нашъ одинъ, общій, основной—любовь не словомъ только и языкомъ, а дѣломъ и истиною... Рабочее положеніе христіанина есть послѣдствіе приложенія принципа, а не принципъ, и если люди возьмутъ за основной принципъ то, чтобы быть рабочимъ, не исполнивъ того, что приводитъ къ этому, то очевидно, что выйдетъ путаница".

(И. Б. Фейнерману, 1891.)

„Христово ученіе тѣмъ отличается отъ всѣхъ другихъ, что оно не въ заповѣдяхъ, а въ указаніи идеала полнаго совершенства и пути къ нему, и это стремленіе замѣняетъ для ученика Христова всѣ заповѣди и оно же указываетъ ему всѣ соблазны...

„Христіанская жизнь—не въ слѣдованіи заповѣдямъ, не въ слѣдованіи ученію даже, а въ движеніи къ совершенству и выясненіи все большемъ и большемъ этого совершенства и все большемъ и большемъ приближеніи къ нему".

(В. В. Рахманову, 1891.)

По поводу проекта основанія религіозной общины:

„Единеніе то, котораго вы ищете, единеніе въ Богѣ, совершается на такой глубинѣ, въ которую часто и не проникаетъ нашъ взглядъ. Я увѣренъ, что если спросить на смертномъ одрѣ старика, меня, напр., съ кѣмъ у меня было истинное самое тѣсное единеніе, то едва ли я бы назвалъ тѣхъ, которыхъ я бы назвалъ теперь. Единеніе съ умершими часто больше, чѣмъ съ живыми...

„Какъ я могу знать, съ кѣмъ именно мнѣ предстоитъ тѣснѣйшее единеніе? По какимъ признакамъ я узнаю, что мнѣ предстоитъ единеніе съ Иваномъ, а не съ Петромъ, съ монахомъ Антоніемъ, а не съ крапивенскимъ конокрадомъ или черниговскимъ губернаторомъ?"

(Изъ писемъ къ М. В. А—ну и И. Б. Фейнерману, 1892.)

„Крайности всегда сходятся: болтовня—самое пустое и самое великое дѣло".

(Н. Н. Ге, 1892.)

„Что-жъ плохого въ томъ, что христіанинъ живетъ въ городѣ? Онъ при-

нимаетъ участіе въ городской эксплуатаціи? Да вѣдь онъ знаетъ, радуютъ его или нѣтъ выгоды городской жизни. Онъ поглощаетъ больше, чѣмъ даетъ? Да кто это счелъ? Развѣ христіанинъ даетъ что-нибудь матеріальное? Онъ даетъ то, что велѣно, чтобы свѣтъ нашъ свѣтилъ передъ людьми и они прославляли бы... Дѣло это для искренняго человѣка всегда будетъ выражаться въ формѣ матеріальныхъ дѣлъ, но само оно не матеріально... Нужно одно, что я послѣднее время постоянно повторяю себѣ: радостно исполнить волю Отца въ чистотѣ, смиреніи и любви... И когда удается такъ жить, то въ какихъ бы ты ни былъ условіяхъ,—радость всегда будетъ непрестанная, вѣчная".

(И. Б. Файнерману, 1889.)

„...Говорить о „толстовствѣ", искать моего руководительства, спрашивать моего рѣшенія вопросовъ — большая и грубая ошибка. Никакого моего ученія не было и нѣтъ; есть одно вѣчное, всеобщее, всемірное ученіе истины, для меня, для насъ особенно ясно выраженное въ Евангеліяхъ...; и какъ только человѣкъ понялъ это ученіе, онъ свободно вступаетъ въ непосредственное общеніе съ Богомъ и спрашивать ему уже нечего и не у кого".

(Къ N. N., 1901.)

„Священникъ, понимающій истинное христіанское ученіе, долженъ, по моему мнѣнію, какъ и всякій христіанинъ, дѣлать первое — стремиться познать истину во всей ея чистотѣ и полнотѣ,—независимо отъ своего положенія, и второе, по мѣрѣ силъ, измѣнить свое положеніе, приближая его къ познанной истинѣ... Насколько же человѣкъ приблизится, насколько и какъ онъ приблизится—это дѣло его съ Богомъ, о которомъ посторонніе судить не могутъ".

(Священнику N., 1901.)

„Думаю, что выходить вамъ изъ корпуса нужно не тогда, когда вы разсудкомъ рѣшите, что это было бы хорошо, а тогда, когда вы всѣмъ существомъ почувствуете, что эта жизнь такъ противна не вашимъ вкусамъ, а вашей вѣрѣ, что вы не можете продолжать ее. Тогда только это будетъ прочно и плодотворно. А если вы можете продолжать теперешнюю жизнь, то продолжайте ее".

(С. Л. Б—ву, 1904.)

„Я думаю, что ваша ошибка была въ томъ, что вы искали измѣненія внѣшнихъ формъ и дѣятельности для того, чтобы начать ту новую жизнь, которая влечетъ васъ къ себѣ. Я думаю, что надо начинать эту новую жизнь безъ приготовленія внѣшнихъ, а тотчасъ, въ томъ положеніи и мѣстѣ, въ которомъ находишься: въ тюрьмѣ, въ вагонѣ, во дворцѣ".

(Н. П. К—ву, 1907.)

„Въ одной арабской поэмѣ есть такое сказаніе. Странствуя въ пустынѣ, Моисей, подойдя къ стаду, услыхалъ, какъ пастухъ молился Богу. Пастухъ молился такъ: „О, Господи, какъ бы мнѣ добраться до Тебя, сдѣлаться Твоимъ рабомъ? Съ какой бы радостью я обувалъ Тебя, мылъ бы Твои ноги и цѣловалъ бы ихъ, расчесывалъ бы Тебѣ волосы, стиралъ бы Тебѣ одежду, убиралъ бы Твое жилище и приносилъ бы Тебѣ молоко отъ моего стада. Желаетъ Тебя мое сердце". Услыхавъ такія слова, Моисей разгнѣвался на пастуха и сказалъ: „Ты богохульникъ, Богъ безтѣлесенъ, Ему не нужно ни одежды, ни жилища, ни прислуги. Ты говоришь дурное". И омрачилось сердце пастуха. Не могъ онъ представить себѣ существа безъ тѣлесной формы и безъ нуждъ тѣлесныхъ, и не могъ онъ больше молиться и служить Господу и пришелъ въ отчаяніе. Тогда Богъ сказалъ Моисею: „Зачѣмъ ты отогналъ отъ Меня вѣрнаго раба Моего? У всякаго человѣка свое тѣло и свои рѣчи. Что для тебя нехорошо, то другому хорошо. Что для тебя ядъ, то для другого медъ сладкій! Слова ничего не значатъ. Я вижу сердце того, кто ко Мнѣ обращается".

„Легенда эта мнѣ очень нравится, и

я просилъ бы васъ смотрѣть на меня, какъ на этого пастуха. Я самъ смотрю на себя такъ же. Все наше человѣческое понятіе о Немъ всегда будетъ несовершенно. Но льщу себя надеждой, что сердце мое такое же, какъ у того пастуха, и потому боюсь потерять то, что я имѣю и что даетъ мнѣ полное спокойствіе и счастье".

(Священнику N., декабрь, 1908.)

Число такихъ поучительныхъ отрывковъ изъ писемъ Толстого можно было бы значительно увеличить, но, конечно, никакими отрывками и цитатами нельзя передать общаго впечатлѣнія, которое производятъ письма Толстого. Но приведенныя выдержки, кажется, достаточно ясно свидѣтельствуютъ, что подлинный смыслъ вѣры и мудрости Толстого далеко не исчерпывается догматами его ученія. Настоящее вліяніе Толстого—не „толстовства"—еще впереди, и оно несомнѣнно будетъ возрастать по мѣрѣ дальнѣйшаго знакомства съ матеріалами, которые уяснятъ намъ его личность, интимно-жизненное содержаніе его идей и оцѣнокъ.

С. Франкъ.

3. Романтизмъ и нравы.

(*Louis Maigron:* „Le Romantisme et les Mœurs. Essai d'étude historique et sociale". Ed. Henri Champion. P., 1910.)

Луи Мэгронъ поставилъ себѣ задачей изслѣдовать вліяніе романтизма (французскаго) на нравы общества. Онъ обратился съ этой цѣлью не къ біографіямъ писателей, художниковъ, политическихъ дѣятелей и другихъ выдающихся лицъ, а къ жизни „маленькихъ людей", „единицъ" романтической эпохи. Въ рукахъ Мэгрона было нѣсколько семейныхъ архивовъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, и это дало ему возможность заглянуть за кулисы частной жизни. Въ результатѣ своихъ изслѣдованій, занявшихъ громадный томъ въ 500 стр., Мэгронъ приходитъ къ выводу, что романтическіе идеалы оказали на общество своего времени вліяніе сильное и вредное, что цѣлое поколѣніе было имъ отравлено и погибло, „какъ жертва книги".

Все, о чемъ романтическіе писатели мечтали въ своихъ поэмахъ и романахъ, ихъ ревностные читатели стремились осуществить въ жизни.

Характерной чертой романтизма было стремленіе „въ даль", желаніе вырваться изъ условій окружающей дѣйствительности. У романтиковъ была „тоска" не по родинѣ, а „по странѣ, гдѣ они никогда не были". Дѣйствіе романтическихъ поэмъ всегда происходитъ въ Италіи, въ Испаніи, на Востокѣ, въ пустыняхъ Африки и Америки или хотя бы въ прошлыхъ вѣкахъ.

Всѣ тѣ же мечты находимъ мы въ частныхъ письмахъ безызвѣстныхъ Луи, Густавовъ, Валентиновъ, Пьеровъ, Раулей, которые въ 30-хъ и 40-хъ годахъ всѣ грезятъ о Югѣ, о Востокѣ, о дѣвственныхъ лѣсахъ, о жизни, полной приключеній. Въ прозѣ и въ плохихъ стихахъ излагаютъ они свои наивныя пожеланія. Влюбленные пишутъ своимъ возлюбленнымъ такіе стихи:

Тебя бы я хотѣлъ увлечь, о, дорогая,
Въ страну, гдѣ нѣжный зной, лазурь и красота!
Тамъ, пьяный ароматъ воздушныхъ струй впивая,
Мы обрѣтемъ съ тобой эдемскія врата!
Италія... и т. д.

Въ Лиллѣ небольшой кружокъ вѣрныхъ адептовъ романтизма такъ истомился мечтой объ Италіи, что додумался до оригинальнаго способа дать увидѣть обѣтованную страну, хотя бы нѣкоторымъ изъ своихъ членовъ. Путешествіе изъ Лилля въ Италію въ 30-хъ годахъ XIX в. стоило дорого и не всѣмъ могло быть доступно. И вотъ рѣшено было завести особую кассу, которая пополнялась мелкими штрафами, налагавшимися на тѣхъ, кто чѣмъ-либо про-

винился, напр., не могъ продолжать наизусть какой-либо строфы изъ одного изъ романтическихъ поэтовъ. Когда такимъ образомъ составилась достаточная сумма, бросили жребій. Счастіе выпало супругамъ К., которые и были отправлены на общественный счетъ въ Венецію и Флоренцію, откуда посылали друзьямъ восторженныя письма.

Но романтики жаждали не только иныхъ странъ, но и иной жизни,—жизни, полной сильныхъ страстей, неожиданныхъ событій, фантастическихъ приключеній. Ихъ обычные герои—бандиты, корсары, капитаны кораблей. Берліозъ совершенно серьезно увѣрялъ, что ему хотѣлось бы одного: быть разбойникомъ въ какой-нибудь шайкѣ въ Сициліи или Калабріи. „Волканы, скалы,— писалъ онъ,— добыча, сваленная въ пещерахъ, концертъ криковъ ужаса, сопровождаемый оркестромъ пистолетныхъ и карабинныхъ выстрѣловъ, кровь и вино, ложе изъ лавы, качаемое землетрясеніемъ,—вотъ это жизнь!“ Начитавшись романтиковъ, служащіе банковъ и универсальныхъ магазиновъ, лицеисты и молоденькія барышни, всѣ начинаютъ мечтать о „великолѣпныхъ преступленіяхъ“, всѣ проклинаютъ свою жизнь, слишкомъ мирную, и дѣлаютъ попытки создать другую, болѣе соотвѣтствующую романтическому образцу.

Въ Парижѣ въ 1838 г. пятеро пріятелей,—молодыхъ людей, среди которыхъ трое были студенты,—увлеченныхъ романтикой, основали общество „Вольныхъ стрѣлковъ“. Друзья собирались на очередныя засѣданія, на которыхъ читались стихи выдающихся поэтовъ того времени (романтиковъ, конечно), а также и собственнаго издѣлія. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ дошли до насъ и въ томъ числѣ слѣдующее:

Ее похищу я! дрожащую помчу я
    На неосѣдланномъ конѣ!
Кинжалъ кровавый свой зажму въ зубахъ, ликуя,
    И будетъ месть пылать во мнѣ.
Ея отецъ за мной спѣшитъ, летитъ съ погоней,
    Но съ горъ нисходитъ ночь.
Впередъ! въ галопъ! въ галопъ! летите, взмыльтесь, кони!
    Отъ всѣхъ селеній—прочь!
Близъ головы моей, свистя, стрѣла пропѣла...
    Ихъ сотня тамъ, бандитовъ злыхъ...
Не бойся ничего! Ко мнѣ приникни смѣло,
    Дитя! мы улетимъ отъ нихъ! И т. д.

Авторъ этихъ стиховъ, студентъ-медикъ, былъ влюбленъ въ молоденькую дѣвушку, жившую въ томъ же предмѣстьѣ, гдѣ и „Вольные стрѣлки“. Родители барышни собственно были не прочь отъ союза молодыхъ людей, но указывали юношѣ на его молодость и требовали, чтобы онъ, раньше свадьбы, кончилъ университетъ. Но студентъ не даромъ былъ членомъ о-ва „Вольныхъ стрѣлковъ“. Не долго думая, онъ рѣшилъ „похитить“ свою возлюбленную. Похищеніе подготовили по всѣмъ правиламъ романтическихъ поэмъ; налицо былъ и конь, только, кажется, осѣдланный, и веревочная лѣстница, и пистолеты, и черные плащи... Барышня, тоже не чуждая заразы романтизма, согласилась на похищеніе, хотя она вовсе и не была подъ особой стражей... Однако, одинъ изъ „стрѣлковъ“ не выдержалъ характера, пошелъ, разсказалъ обо всемъ отцу дѣвушки, и предпріятіе разстроилось. Вскорѣ послѣ этого распалось и о-во „Вольныхъ стрѣлковъ“.

Другой характерной чертой романтизма былъ культъ искусства, которое позволяетъ хотя бы въ мечтахъ жить въ идеальномъ мірѣ. Искусство для романтиковъ было святыней, а его живой носитель, художникъ, — священнодѣйствующимъ. По убѣжденіямъ романтиковъ, не было въ мірѣ болѣе благороднаго дѣла, какъ писать стихи, картины или музыку. „Вѣка принадлежатъ тебѣ, вселенная—твое отечество!“ говорилъ поэту Ламартинъ, и это было мнѣніе всей его эпохи. И чуть ли не всѣ мо-

лодые люди 30-хъ и 40-хъ годовъ, въ Парижѣ и въ провинціи, только и бредили объ одномъ: стать во что бы то ни было художниками, а именно (это казалось имъ легче другого) поэтами. Частныя письма переполнены славословіями искусству и восторженными словами о призваніи художника. А такъ какъ каждый считалъ себя художникомъ, временно непризнаннымъ, то всѣ эти восторженныя рѣчи очень легко переходили въ восхваленія самого себя...

Сохранился экземпляръ перваго изданія „Les Orientales" Гюго, принадлежавшій какому-то ярому поклоннику романтизма. Книга вся истрепана, испачкапа и покрыта разными замѣчаніями читателя. Въ одномъ мѣстѣ этотъ читатель написалъ даже цѣлое стихотвореніе, нескладное, съ ошибками противъ просодіи, но заканчивающееся такимъ восторженнымъ двустишіемъ:

Только поэтъ есть царь!
Только поэтъ есть богъ!

То, что „вожди" оставляли подразумѣвающимся, договорено здѣсь съ наивностью ревностнымъ прозелитомъ!

Въ дневникѣ нѣкоего Жанъ-Луи Ф., которому въ 1837 г. было 22 года, мы читаемъ запись о его намѣреніи воспѣть въ стихахъ всемірную исторію, начиная съ первыхъ вѣковъ цивилизаціи до послѣднихъ дней, причемъ авторъ заканчиваетъ свой планъ скромными словами: „Вальтеръ Скоттъ воздвигъ перистиль, а я построю самый храмъ!" Другой, столь же безызвѣстный г. П., писалъ въ томъ же 1837 г. въ письмѣ своей возлюбленной: „Я еще не перенесъ на бумагу ни одного стиха изъ моей драмы „Агонія Карла Великаго", но она уже вся у меня въ головѣ. Я вижу главныя сцены, я слышу звучные раскаты голосовъ актеровъ... У меня есть также планъ полдюжины лирическихъ пьесъ, но я еще не остановился на выборѣ строфъ, какими ихъ изложить... О, Боже правый! когда все это появит я на свѣтъ, это будетъ не плохо!" Увы!—„это" такъ и не появилось...

Параллельно съ поклоненіемъ искусству и художнику шло презрительное отношеніе къ тому, что романтики называли буржуазной жизнью и буржуазной моралью. Когда Флобэръ пишетъ, что ему приходила охота „плевать на затылки гуляющей публики", когда онъ же подписывается „Gustavus Flobertus Bourgeoifobus", когда Бальзакъ также высказываетъ пожеланіе „плюнуть на весь Парижъ",—сами оплевываемые буржуа готовы это простить автору „Мадамъ Бовари" и создателю „Человѣческой комедіи". Иное отношеніе вызываютъ подобныя же заявленія лицъ, не имѣющихъ на то никакихъ оправданій.

Авторъ ненаписанной драмы „Агонія Карла Великаго", о которомъ мы только что говорили, писалъ своей возлюбленной: „Особенно наслаждаюсь я зрѣлищемъ гигантской и несоразмѣрной людской глупости... Адъ и проклятіе! Какъ люди глупы! какіе они всѣ идіоты!" Другой ревнитель романтизма, Рауль Э., въ своей ненависти къ общепризнанной морали доходилъ до того, что слезно жалѣлъ, зачѣмъ онъ законный сынъ благородныхъ родителей. „Я отдалъ бы половину моего дарованія (!),—писалъ онъ,—чтобы быть незаконнорожденнымъ, какъ Антони (герой извѣстной драмы Дюма). О что за прекрасную драму я бы тогда написалъ! лучше, чѣмъ Антони, лучше, чѣмъ Чаттертонъ!... О зачѣмъ я законный сынъ! Почему я не незаконнорожденный!"

Чтобы отличаться отъ „плоскихъ буржуа", поклонники романтизма старались во всемъ поступать не такъ, какъ другіе, и въ 30-хъ и 40-хъ годахъ мы видимъ цѣлый сонмъ бодлэріанцевъ до Бодлэра. Одинъ чудакъ прогуливался подъ окнами своей возлюбленной съ черепомъ въ рукахъ, думая, что ничто иное не можетъ быть милѣе дамѣ его сердца.

Другой, въ 30-хъ годахъ, основалъ въ Парижѣ цѣлое общество для проповѣди анти-буржуазныхъ идей. На собраніяхъ этого общества читались стихи. Сохранилось среди нихъ одно, написанное въ формѣ церковной литаніи и прославляющее возлюбленную автора. Вотъ его начало:

О золотой дворецъ, гдѣ рѣютъ серафимы!
Тебѣ пою хвалу, мой гимнъ неутомимый!
О ты, моя душа! о ты, моя любовь!
Сосудъ избранія! мистическая роза!
Моихъ безумныхъ сновъ блаженнѣйшая греза!
О ты, моя душа! о ты, моя любовь!
Престолъ премудрости—за пламеннымъ порогомъ!
О чудо дивное, ниспосланное Богомъ!
О ты, моя душа! о ты, моя любовь!—
И т. д.

Другое общество 30-хъ годовъ можно прямо назвать обществомъ сатанистовъ. Его члены собирались еженедѣльно, въ воскресенье утромъ, и служили мессу Дьяволу. Читались на собраніяхъ и стихи, и особый успѣхъ имѣлъ одинъ циклъ стихотвореній, восхваляющихъ семь смертныхъ грѣховъ.

Романтики старались также отличаться отъ буржуа силой, напряженностью своихъ чувствъ. „То, что лишь задѣваетъ другихъ, поэта ранитъ въ кровь“, сказалъ А. де-Виньи. Его послѣдователи считали долгомъ по малѣйшему поводу говорить о своихъ титаническихъ страданіяхъ или о своемъ изступленномъ восторгѣ. „Нѣтъ больше Неба, больше нѣтъ Провидѣнія. Во мнѣ и внѣ меня—мракъ, черный мракъ и пустота! Я качусь по безднамъ, коихъ чудовищное молчаніе нарушено лишь звукомъ моего влачащагося трупа“! Такъ писалъ нѣкто Фердинандъ Д., которому его любовница сдѣлала сцену. Другой въ сходномъ случаѣ пишетъ: „Вчера я бродилъ весь день какъ дикій звѣрь. Въ лѣсу я рычалъ, какъ демонъ. Я катался по землѣ. Я грызъ зубами землю“. Особенно часто романтики любили сравнивать свои чувства съ огнемъ. „Я пылаю“, „я не могу сдержать пламени, вырывающагося изъ моего сердца“, „я боюсь тебя опалить своей любовью“, „моя душа—волканъ“, это все обычные клише изъ писемъ той эпохи. Одна эпиграмма того времени даже остерегаетъ не подходить близко къ романтику со спичками въ карманѣ...

Однако то міросозерцаніе, которое старались себѣ усвоить поклонники романтизма, и та возбуждающая атмосфера, въ которой они хотѣли жить, приводили въ концѣ-концовъ къ крайнему пессимизму, къ разочарованію, къ полнѣйшему taedium vitae. У нихъ развивалась болѣзненная боязнь дѣйствительности, они готовы были на все, чтобы избѣжать встрѣчи лицомъ къ лицу съ реальной жизнью. Стараясь жить исключительно фантазіей и созданіями искусства, они оказывались непригодными членами общества. Отъ ненависти къ „буржуазной жизни“ они доходили до ненависти къ жизни вообще, къ культу смерти.

Цѣлый рядъ дневниковъ той эпохи состоитъ изъ жалобъ на неисходную тоску. Такъ, напр., нѣкто Гюставъ П., молодой человѣкъ, достаточно богатый, чтобы жить независимо, образованный, здоровый, но до пресыщенія начитанный романтической литературой, всѣ тетради свого дневника заполняетъ такими записями: „15 января 1835 г. Снѣгъ идетъ, тихо, безшумно, и онъ обволакиваетъ мою душу меланхоліей, какъ обволакиваетъ онъ все кругомъ матовымъ саваномъ непорочной бѣлизны. [1]) Я испытываю какъ бы трепетъ ра-

---

[1]) Любопытно, что авторъ дневника приводитъ здѣсь стихи своего друга, Виктора М., начинающіеся стихомъ:

Il neige dans mon coeur, il neige sur la ville!

Удивительное совпаденіе съ извѣстными стихами Верлэна, написанными 40 лѣтъ спустя!

дости отъ того, что вся природа замолкаетъ, изнемогаетъ, почти умираетъ. Все нѣмо. Такъ жизнь, падая день за днемъ на мою душу, задушаетъ ее, медленно ее умерщвляетъ".

Множество неизвѣстныхъ поэтовъ пишутъ гимны смерти; до насъ дошло ихъ нѣсколько десятковъ. Одинъ изъ этихъ поэтовъ, Луи С., каждую строфу длиннаго стихотворенія и начинаетъ и кончаетъ стихомъ:

Я жить усталъ и я хотѣлъ бы смерти!

И это не было только словами. Статистика показываетъ намъ, что годы увлеченія романтизмомъ были эпохой, когда во Франціи прямо свирѣпствовала эпидемія самоубійствъ. „Отчетъ Министерства Юстиціи" даетъ такія цифры самоубійствъ: 1827 г.—1,542, 1829 г.—1,904, 1831 г.—2,084, 1835 г.—2,305, 1839 г.—2,747. Особенно усилилась она послѣ успѣха „Чаттертона", драмы А. де Виньи, герой которой, какъ извѣстно, кончаетъ дни самоубійствомъ. Иные самоубійцы такъ и писали въ предсмертныхъ письмахъ: „Мои стихи, быть можетъ, будутъ читать, когда узнаютъ, что авторъ ихъ умеръ, какъ Чаттертонъ". У насъ есть, наконецъ, достовѣрное свидѣтельство, что въ 40-хъ годахъ въ Парижѣ существовалъ и функціонировалъ „Клубъ самоубійцъ".

Нѣтъ сомнѣнія, что романтизмъ оказалъ не малое благотворное вліяніе на свое время. Онъ будилъ въ людяхъ любовь къ высокому и благородному, внушалъ жажду подвиговъ, звалъ къ жизни сильной и свободной. Но Луи Мэгронъ показалъ намъ, что въ то же время вліяніе романтизма часто выражалось въ формахъ уродливыхъ и смѣшныхъ, что многихъ оно отрывало отъ дѣйствительности и дѣлало неспособными къ реальной жизни, что, наконецъ, порой оно вселяло ненависть къ жизни и прямо губило неопытныя и слабыя души.

Валерій Брюсовъ.

III. Религія и церковь.

Толстой и церковь.

Пользуясь широкой терпимостью *Русской Мысли* [1]), я могу коснуться больного вопроса о взаимномъ отношеніи Толстого и церкви по существу, помимо всякой политики — правой или лѣвой. Между Толстымъ и людьми церкви одновременно существовало и сильнѣйшее отталкиваніе, доходившее до взаимной вражды, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безотчетное притяженіе, какая-то близость, и вся эта сложность и противорѣчивость отношеній особенно болѣзненно чувствовалась въ послѣдніе дни. Въ своемъ вѣроученіи Толстой, несомнѣнно, отпалъ отъ церкви (притомъ одинаково и отъ православія, и отъ католичества, и даже отъ ортодоксальнаго протестантизма). Торжественнаго „отлученія" могло и не быть, но это само по себѣ ничего не измѣняетъ въ существѣ дѣла. [2]) Вѣра въ Христа, какъ

[1]) Кстати сказать, по сообщенію *Русской Земли*, пастырское собраніе вяземскаго городского духовенства постановило исключить за „вредное" направленіе изъ благочиннической библіотеки *Русскую Мысль*, т.-е. журналъ, принципіально включающій въ свою программу обсужденіе вопросовъ религіозныхъ, дающій мѣсто и сотрудникамъ церковнаго направленія и, въ этомъ качествѣ, казалось бы, заслуживающій особаго вниманія духовенства! Для фанатизма, однако, всѣ кошки сѣры: для однихъ *Русская Мысль* оказывается органомъ „клерикализма", для другихъ—атеизма; считаться же съ вопросами по существу у фанатиковъ того и другого типа мало охоты.

[2]) Въ свое время это было превосходно разъяснено Д. С. Мережковскимъ въ его

Богочеловѣка, въ искупленіе, въ тріипостасность Божества, въ дѣйственность церковныхъ таинствъ и молитвъ, всѣ эти основы церковнаго ученія радикально отвергались Толстымъ и притомъ нерѣдко въ такой формѣ, которая не могла не производить на вѣрующихъ самаго тягостнаго впечатлѣнія. Только крайне низкій уровень религіозной сознательности въ нашемъ обществѣ объясняетъ распространенное отношеніе къ этимъ разногласіямъ, какъ къ какимъ-то пустякамъ или недоразумѣніямъ. Церковное ученіе и „толстовство" (какъ и многія другія разновидности крайняго раціонализма), дѣйствительно, между собою непримиримы, между ними возможна только борьба и никакихъ компромиссовъ (эту борьбу и началъ Вл. Соловьевъ въ „Трехъ разговорахъ"). Разумѣется, это не распространяется на вопросы этики, въ которыхъ наблюдается гораздо менѣе разногласій и больше согласія. Но несмотря на все это, нефанатизированное, безпристрастное сознаніе не можетъ относиться къ „еретику" Толстому, какъ къ „язычнику и мытарю", т.-е. совершенно чужому для церкви. Даже и отлученный Толстой остается близокъ къ церкви, соединяясь съ ней какими-то незримыми, подпочвенными связями. Сердце не чувствуетъ его окончательно оторвавшимся отъ церковной связи, въ этомъ отрывѣ видится скорѣе какое-то временное недоразумѣніе, которое вотъ-вотъ выяснится, завѣса упадетъ, Толстой лучше пойметъ самого себя, нежели доселѣ. Такое чувство не оставляло меня при жизни Толстого и—странно сказать—не оставляетъ и теперь, хотя въ эмпирически-осязательной формѣ этого прозрѣнія и не совершилось. И теперь я не могу отказаться отъ чувства какъ бы церковной связи съ нимъ, не могу и не хочу, и, думается мнѣ, въ этомъ чувствѣ не впадаю въ противорѣчіе съ духомъ церкви и любви церковной. Таковы чувства. Но есть и непререкаемыя объективныя основанія, по которымъ церковь не можетъ разсматривать Толстого, какъ, напр., Арія или другого ересіарха. Вѣдь дѣятельность Толстого относится къ эпохѣ глубокаго религіознаго упадка въ русскомъ обществѣ. Своимъ вліяніемъ онъ оказалъ и оказываетъ положительное религіозное вліяніе въ смыслѣ пробужденія религіозныхъ запросовъ. Оно уподобляется въ этомъ смыслѣ вліянію тѣхъ мыслителей древности, которые были „дѣтоводителями ко Христу" и „христіанами до Христа", или же религіозныхъ проповѣдниковъ въ странахъ нехристіанскихъ. Грустно приравнивать наше просвѣщенное общество къ языческому, но вѣдь это въ дѣйствительности такъ. Изображенія нѣкоторыхъ изъ этихъ безсознательныхъ служителей Христовыхъ церковь помѣщаетъ иногда въ притворахъ храмовъ, на ряду съ иконами. И тамъ, гдѣ есть мѣсто Сократу, Платону, Аристотелю, Птоломею, Омиру, не можетъ ли найтись мѣста и Толстому, при *входѣ* въ храмъ, къ которому онъ приблизилъ многихъ своимъ вліяніемъ!

Но—слышу я негодующія возраженія—развѣ можно вѣроотступника приравнивать тѣмъ, кто жилъ до Христа и лишенъ былъ возможности познать Его? Да, разница эта огромна, и сближеніе, конечно, не должно быть отождествленіемъ. Къ великому плюсу присоеди-

---

рефератѣ „Левъ Толстой и русская церковь" (см. въ „Запискахъ религіозно-философскихъ собраній въ С.-Петербургѣ"). Здѣсь между прочимъ говорится: „до какой степени я убѣжденъ, что свидѣтельство церкви о невѣріи Л. Толстого, *какъ мыслителя*, въ христіанскаго личнаго Бога и въ Единороднаго Сына Божьяго, а, слѣдовательно, и свидѣтельство объ его отпаденіи отъ христіанства есть истина,—видно изъ того, что многія страницы моего изслѣдованія „Л. Толстой и Достоевскій", написанныя еще до опредѣленія Сvнода, посвящены были доказательству этой истины" (стр. 68).

няется и великій минусъ, но намъ не дано вѣдать тайны сердца и подводить итогъ; это будетъ сдѣлано только тогда, когда будутъ подводиться скорбные итоги и нашей собственной жизни. Но съ нашей стороны будетъ болѣе по-христіански искать и своей собственной вины въ притупленіи религіозной прозорливости Толстого, и при желаніи ее не трудно увидать. Вѣдь христіанство есть не философія, не отвлеченное ученіе, но жизнь по вѣрѣ. Какова же наша жизнь? Если мы продолжаемъ требовать безошибочности въ теоретическомъ исповѣданіи вѣры, то каковы наши требованія отъ жизни, столь же ли они неумолимы и здѣсь? И когда среди насъ появляется человѣкъ, горящій ревностью о вѣрѣ, и видитъ кругомъ себя теплопрохладность, равнодушіе, язычество, то не выталкивается ли онъ тогда изъ нашей среды какъ пробка, погруженная въ воду? Вѣдь Толстой отдѣлялся отъ насъ не только тѣмъ, что вѣровалъ иначе, чѣмъ мы, но и тѣмъ, что стремился къ истинно-христіанской жизни. „Ревность по дому Твоему снѣдаетъ меня" (Пс.). Когда произносится сравненіе Толстого съ древними еретиками, то вѣдь забываютъ, чему измѣняли эти послѣдніе, отъ какого общенія любви они отрывались, забываютъ, что православіе запечатлѣвалось тогда кровью мученичества или гоненіемъ (вспомнимъ жизнь св. Аѳанасія, этого столпа вселенскаго православія, гоненія иконоборчества и т. д.), а не государственными привилегіями, какъ теперь, и мы поймемъ, насколько эти сравненія пристыжаютъ и насъ. Я далекъ отъ того, чтобы сдѣлать безотвѣтственнымъ въ своихъ мнѣніяхъ и Толстого, который не всегда умѣлъ отличать временное отъ вѣчнаго и отвергалъ изъ-за перваго послѣднее,— церковныя слабости не могли же къ этому побудить людей съ большей религіозной зрячестью, — Достоевскаго, Гоголя, Вл. Соловьева. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это остается всетаки и нашей виной, нашимъ грѣхомъ, что мы не могли удержать въ своей средѣ Толстого. Можемъ ли мы увѣренно утверждать, что въ немъ проявился бы его антицерковный фанатизмъ, если бы вся церковная жизнь была иною? И если Толстого называютъ иногда истиннымъ христіаниномъ, имѣя въ виду именно его практическія стремленія, то это имѣетъ свои основанія. И потому не раздраженіе или озлобленіе, но покаяніе и сознаніе всей своей виновности предъ церковью должно вызывать въ насъ то, что Толстой умеръ въ отчужденіи отъ нея. Толстой оттолкнулся въ значительной мѣрѣ не отъ церкви, а отъ нецерковности нашей жизни, которою мы закрываемъ свѣтъ церковной истины, сами не входимъ, и не впускаемъ желающихъ войти.

Толстой похороненъ былъ безъ церковныхъ обрядовъ, согласно своимъ убѣжденіямъ. [1]) Церковная власть оказалась на этотъ разъ на высотѣ положенія, отнесшись къ этому съ достойной сдержанностью. Какъ ни больно было для людей церковныхъ пережить эти „гражданскія" похороны великаго русскаго человѣка (всю эту горечь и боль я испыталъ самъ, идя за гробомъ Толстого), но было бы неизмѣримо больнѣе и хуже, если бы случилось иначе и — путемъ компромиссовъ — были бы какъ-нибудь устроены похороны церковныя. Ибо это была бы не любовь и не примиреніе, это была бы *ложь*, отъ которой при жизни столь отвращался Толстой. Это была бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, кощунственная профанація величественнаго христіанскаго погребенія, которымъ церковь напутствуетъ своихъ сыновъ въ иной міръ. Весь „чинъ" этого погребенія, плодъ вдохновенія одного изъ величайшихъ христіанскихъ поэтовъ, Іоанна Дамаскина, имѣетъ въ виду при-

---

[1]) См. объ этомъ его бесѣду въ воспоминаніяхъ Ив. Наживина въ *Русской Мысли*, декабрь, 1910 г.

надлежащихъ къ церкви и раздѣляющихъ ея вѣрованія (главнымъ образомъ въ искупленіе). Теперь, въ это тяжелое время обветшавшаго, однако еще не разорваннаго „союза“ церкви съ государствомъ, который, создавая оковы для церкви, ставитъ ее въ положеніе худшее, нежели всѣ иныя вѣры и исповѣданія, мы привыкли къ этой лжи, ибо по церковному обряду хоронятъ лицъ, завѣдомо не имѣвшихъ церковной вѣры и лишь не подвергнутыхъ церковному „отлученію“ (впрочемъ, то же происходитъ, хотя въ меньшей степени, и въ другихъ странахъ и, очевидно, характеризуетъ нашу историческую эпоху). Офиціально „православными“ все еще считаются тѣ, которые родились отъ „православныхъ“ по паспорту родителей, хотя бы они были и атеистами, или же, по новой модѣ, добивались для себя церковнаго отлученія, какъ высшаго ордена. Толстой далъ намъ и здѣсь горькій урокъ правдивости и послѣдовательности.

Совершенно въ такомъ же смыслѣ долженъ быть разрѣшенъ и вопросъ о служеніи православныхъ панихидъ о немъ. Въ случаяхъ общественнаго значенія наше религіозно-индиферентное общество вспоминаетъ о панихидахъ и требуетъ ихъ съ цѣлью той или иной свѣтской манифестаціи (у многихъ при этомъ, конечно, примѣшивается и безсознательное религіозное чувство). Въ этомъ обычаѣ повинна вся казенщина нашей государственности и церковности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и равнодушіе интеллигенціи къ религіозному значенію и содержанію панихиднаго чина. Смерть Толстого поставила вопросъ ребромъ и по существу, привычная ложь и здѣсь оказалась невозможна. И опять-таки, какъ ни прискорбно для всѣхъ церковно-вѣрующихъ появленіе „гражданскихъ панихидъ“, но всетаки это лучше профанаціи церковныхъ. Вѣдь и „чинъ“ панихиды, представляющій сокращеніе погребенія, также имѣетъ въ виду лишь принадлежащихъ къ церкви и раздѣляющихъ ея вѣрованія.[1] И именно потому православныя панихиды въ отношеніи къ Толстому непримѣнимы, какъ завѣдомая ложь, которая становится безразлична только при состояніи полнаго религіознаго нигилизма и, слѣдовательно, глубокой чуждости Толстому. Но для такихъ лицъ „гражданская“ панихида, какъ форма манифестаціи, предпочтительнѣе, какъ этого и не скрываютъ наиболѣе откровенные.

Однако непримѣнимость панихиднаго чина вовсе не значитъ, что вообще невозможна церковная молитва о душѣ новопреставленнаго раба Божія Льва. А такая потребность, несомнѣнно, существуетъ, ибо есть немало людей искренно-церковныхъ, которые, хотя теперь и келейно, но вѣдь не въ разрывѣ же съ церковью, сокровенно-церковно удовлетворяютъ этой своей духовной потребности. Дать этой потребности церковно-общественное выраженіе могъ бы только особый „чинъ“ молитвы о лицѣ, хотя и связанномъ съ церковью неизгладимой печатью крещенія, но въ своемъ сознаніи отъ нея отрекшемся. Я убѣжденъ, что широта любви церковной [2]) даетъ мѣсто такому чину, но гдѣ

---

[1]) Вотъ, напр., въ „послѣдованіи по исходѣ души отъ тѣла“ читается въ одной изъ молитвъ въ примѣненіи къ усопшему, „аще бо и согрѣши, но не отступи отъ тебе, и несумнѣнно въ Отца, и Сына и Св. Духа, Бога тя въ Троицѣ славима вѣрова, и единицу въ Троицѣ, и Троицу въ единствѣ, православно даже до послѣдняго издыханія исповѣда. Тѣмъ же милостивъ тому буди, и вѣру, яже въ тя, вмѣсто дѣлъ вмѣни“... Судите, насколько умѣстны и допустимы эти слова о Толстомъ, и какая это была бы чудовищная профанація. Мнѣ самому, какъ и многимъ, сначала представлялось, что служеніе панихидъ о Толстомъ не можетъ вызвать никакихъ возраженій: пока я не остановилъ вниманія на указанной сторонѣ вопроса.

[2]) Ср., наприм., разсужденія св. Іоанна Златоуста: „плачь и о невѣрныхъ; плачь

же тотъ авторитетный органъ, который могъ бы принять на себя эту отвѣтственную инициативу, не порождая новой взаимной вражды и недоразумѣній? Если на это могла бы рѣшиться правильно организованная соборная власть церковная или же соборъ, то, конечно, лучше и не брать на себя подобной инициативы—и не въ этомъ только, а и въ аналогичныхъ случаяхъ—теперешнему сvноду. Но, конечно, слово, примиряющее, ободряющее, призывающее хотя къ уединенной, если не общественной, молитвѣ объ усопшемъ, могла бы и должна бы произнести и теперешняя церковная власть, особенно послѣ того, какъ она проявила такъ много вниманія къ умирающему. И здѣсь Толстой оказался какъ бы историческимъ зеркаломъ, средствомъ діагноза. Когда испытывается потребность въ движеніи, сильнѣе чувствуется тотъ „параличъ" церковной жизни, который констатировалъ Достоевскій вмѣстѣ съ рядомъ другихъ независимыхъ, но искреннихъ сыновъ церкви. Жизнь даетъ намъ горькіе уроки, и Толстому суждено было стать орудіемъ такой исторической кары. И надо отнестись къ происшедшему не съ фанатическимъ ожесточеніемъ, но съ строгой самопровѣркой и чувствомъ исторической отвѣтственности.

С. Булгаковъ.

IV. Искусство, театръ и музыка.

Театральныя замѣтки.

Драматическая сцена, — первая половина сезона.

Я не пишу на этихъ страницахъ исчерпывающей хроники театральнаго сезона. Моя задача — отмѣтить лишь наиболѣе яркія художественныя впечатлѣнія, данныя намъ московской драматической сценой за минувшую первую половину текущей зимы.

Первой новостью сезона, которую мнѣ довелось видѣть, было возобновленіе въ Маломъ театрѣ шиллеровской „Маріи Стюартъ". Какія чудныя воспоминанія связаны съ этой драмой у москвичей пожилого возраста! Протекшіе годы не могли заслонить этихъ воспоминаній, и стоитъ только назвать драму Шиллера, какъ сейчасъ же передъ своимъ мысленнымъ взоромъ видишь со всей отчетливостью незабываемыя картины недавняго прошлаго; точно еще только вчера присутствовалъ при великомъ праздникѣ искусства, когда двѣ несравненныя королевы русской сцены такъ мощно потрясали наши сердца художественнымъ состязаніемъ своихъ вдохновеній. Пережитое не повторится. Слѣдуетъ ли изъ этого, что Малый театръ не долженъ былъ ставить названной драмы съ новымъ составомъ исполнителей, пока въ памяти столь многихъ такъ еще свѣжи недосягаемые образы великихъ исполнительницъ двухъ шиллеровскихъ королевъ?—Думаю, что на этотъ вопросъ возможенъ лишь одинъ отвѣтъ.—Въ рѣшимости театра возобновить „Марію Стюартъ" именно теперь, когда даровитая молодежь имѣетъ полную возможность пользоваться и недавними воспоминаніями и непосредственнымъ руководствомъ своихъ великихъ предшественницъ, я вижу заслуживающую живѣйшей благодарности заботливость администраціи театра о поддержаніи традицій, о созданіи художественной

о тѣхъ, которые нисколько не отличаются отъ нихъ, которые умираютъ безъ крещенія и мvропомазанія... будемъ помогать имъ по силамъ... Какъ и какимъ образомъ? *Сами молясь* и другихъ убѣждая молиться за нихъ, всегда помогая, о имени ихъ бѣднымъ. Это доставитъ имъ облегченіе" и далѣе (цит. у *Беллюстина:* „О церковномъ богослуженіи", изд. 6-е, ч. I, 279—81).

школы въ славномъ „домѣ Щепкина".— Конечно, было бы очень грустно, если бы молодежь старалась при этомъ „подражать" тому, что было прежде и дала бы намъ талантливыя, но все же слабыя копіи великихъ образцовъ. Въ этомъ случаѣ возобновленіе драмы было бы дѣйствительно крупной художественной ошибкой. Но большой заслугой новыхъ исполнителей слѣдуетъ признать то, что они рѣшились „пить хотя бы и изъ меньшаго, но изъ собственнаго стакана".—Они пошли не путемъ копированія, а путемъ самостоятельной пробы своихъ дарованій—и при этомъ условіи возможность пользоваться совѣтами и указаніями великихъ корифеекъ нашей сцены явилась, конечно, драгоцѣннымъ подспорьемъ въ ихъ работѣ.

Что же дала намъ новая постановка шиллеровской драмы?

Если мы соблюдемъ первое условіе правильной оцѣнки, т.-е. откажемся отъ всякихъ сопоставленій съ прошлымъ, мы должны будемъ признать, что мы видѣли исполненіе, далекое отъ совершенства, но во всякомъ случаѣ богатое многоцѣнными возможностями, которыя необходимо поощрять и культивировать, которымъ необходимо дать просторъ для упражненія и развитія. Я говорю о новой исполнительницѣ Маріи, г-жѣ Пашенной. Это несомнѣнно очень даровитая артистка. Основной стихіей ея таланта является горячій драматическій темпераментъ. Въ роли Маріи она дала ему надлежащую волю. И когда зала сотрясалась звуками ея голоса, въ которыхъ трепетала неподдѣльная страсть, вы чувствовали, что молодая артистка способна властвовать надъ толпой силой своего вдохновенія. И потому всѣ тѣ моменты, въ которыхъ надлежало изобразить негодованіе, гордый протестъ, бурную страсть, хорошо удались артисткѣ и доставили зрителю истинное художественное наслажденіе. И все же г-жа Пашенная не дала законченнаго образа шиллеровской Маріи. Она не окружила этого образа той обаятельной прелестью, той женственной граціей скорбнаго страданія, которая по смыслу драмы составляетъ главный элементъ очарованія Маріи и главный залогъ ея гибели отъ мучающейся ревностью Елизаветы. Во всякомъ случаѣ, исполненіе роли Маріи — крупный шагъ въ художественной карьерѣ г-жи Пашенной. Пожелаемъ талантливой артисткѣ дѣятельно работать надъ своимъ талантомъ. Природа надѣлила ее драматическимъ темпераментомъ. Силою искусства она должна вдвинуть этотъ даръ въ достойную оправу усовершенствованнаго сценическаго воспроизведенія цѣльныхъ, законченныхъ типовъ.

Чередующіяся исполнительницы роли Елизаветы — г-жи Яблочкина и Смирнова,—какъ будто сговорившись, подѣлили между собой эту роль пополамъ—г-жа Яблочкина сосредоточилась на изображеніи королевы, г-жа Смирнова—на изображеніи женщины. Надлежитъ отмѣтить очень интересный гримъ г-жи Смирновой, весьма искусно воспроизведшій изображеніе Елизаветы на современныхъ гравюрахъ. Исполнители Лейстера ничѣмъ не выдвинули этой роли. Г. Остужевъ исполнилъ роль Мортимера, и на этотъ разъ на его игрѣ лежала печать какой-то напряженности.

Послѣдовавшая за „Маріей Стюартъ" драма г. Гнѣдича „Передъ зарей" представляетъ собой худшій видъ исторической драматургіи. Все здѣсь построено на ходуляхъ, и русская исторія оскорблена этой пьесой въ той же мѣрѣ, какъ и общечеловѣческая психологія и драматическая поэзія. Г. Гнѣдичъ возвращаетъ насъ къ временамъ Кукольника, къ его пряничнымъ героямъ и картоннымъ злодѣямъ. Подобно авторамъ добраго стараго времени, г. Гнѣдичъ дѣлитъ персонажи своей пьесы на два рѣзко разграниченныхъ лагеря— добрыхъ и злыхъ, но кромѣ того,—что даже и для старинныхъ авторовъ не

считалось обязательнымъ,—онъ твердо убѣжденъ въ томъ, что всѣ добрые люди необычайно умны, а всѣ злые—необычайно глупы: немудрено, что порокъ въ его пьесѣ терпитъ пораженіе по всей линіи, а добродѣтель послѣ нѣкоторыхъ несложныхъ испытаній празднуетъ полную побѣду. Авторъ показываетъ намъ богатую аристократическую семью времени Александра I, проникнутую либеральной филантропіей, мечтающую объ освобожденіи крестьянъ и будирующую противъ Аракчеева. Но въ семьѣ не безъ урода, и такимъ уродомъ оказывается одинъ изъ родственниковъ добродѣтельныхъ аристократовъ, закоренѣлый крѣпостникъ, интриганъ, злодѣй и — прибавимъ мы отъ себя—чрезвычайный глупецъ и простофиля. Онъ желаетъ разстроить бракъ своей кузины] съ молодымъ гвардейцемъ, будущимъ декабристомъ, и прибрать къ своимъ рукамъ принадлежащихъ этой кузинѣ крестьянъ. Но всѣ его козни лопаются, будущій декабристъ благополучно женится, а спорные крестьяне получаютъ свободу. Авторъ очевидно желаетъ, чтобы зритель приписалъ все это торжество правды—силѣ духа и находчивости доброй феи пьесы—добродѣтельной аристократкѣ, матери невѣсты. Но зритель ясно видитъ, что неудача коварнаго крѣпостника проистекла единственно изъ непроходимой глупости самого этого нелѣпаго злодѣя, и зрителю остается только подивиться тому, какъ это авторъ самъ не замѣтилъ, насколько глупъ созданный имъ герой. Г. Гнѣдичъ хотѣлъ написать историческую драму, а вышла у него кукольная комедія. Съ исторіей авторъ обошелся совершенно безжалостно. При Александрѣ I среди крупныхъ землевладѣльцевъ дѣйствительно существовало теченіе въ пользу освобожденія крестьянъ. Но г. Гнѣдичъ на тысячу верстъ отдалился отъ истины, изобразивъ этихъ аболиціонистовъ изъ среды крупной аристократіи самоотверженными филантропами. Извѣстно, что ихъ освободительные планы подсказывались прежде всего соображеніями экономической выгоды.—Много мѣста отведено въ пьесѣ Аракчееву. Но—Боже мой—что это за Аракчеевъ! Это какая-то овца, какой - то сентиментальный смиренникъ. Авторъ одинаково грубо искажаетъ и характеръ и событія. Извѣстно, что Аракчеевъ, получивъ въ поселеніи сообщеніе объ убійствѣ Минкиной, тотчасъ помчался въ Грузино и тамъ неистовствовалъ, бѣсновался, богохульствовалъ и истязалъ всю дворню. А по г. Гнѣдичу, Аракчеевъ прежде всего поѣхалъ по знакомымъ каяться въ своихъ прегрѣшеніяхъ, плакать и молиться. Думаемъ, что и самому автору не мѣшало бы горько покаяться въ своихъ прегрѣшеніяхъ, эстетическихъ и историческихъ.

Нуженъ былъ весь геній г-жи Ермоловой, чтобы очеловѣчить созданную авторомъ картонную фигуру добродѣтельной княгини. Пока на сценѣ—наша великая артистка, забываешь и про автора, и про его нелѣпую пьесу, и только отдаешься наслажденію отъ этой изумительной непринужденной простоты, съ которой г-жа Ермолова воспроизводитъ на сценѣ и обыденную рѣчь и сильныя движенія души. Даже сусальную донельзя сцену симуляціи сумасшествія и объявленія воли крестьянамъ артистка сумѣла превратить въ торжество своего таланта. Г. Айдаровъ далъ великолѣпный гримъ и всю внѣшнюю фигуру Аракчеева. Къ сожалѣнію, не въ его власти было измѣнить слова своей роли, рѣзавшія ухо несоотвѣтствіемъ съ историческими данными. Г. Рыбаковъ живописно воспроизвелъ стараго аристократа Александровской эпохи. Всѣ прочіе исполнители сдѣлали все, что можно, для возсозданія историческаго колорита пьесы. И вспоминая ихъ благородную художественную работу, хочется еще разъ воскликнуть: Господи, прости г. Гнѣдичу его согрѣшенія!

Въ пьесѣ Сёдерберга „Любовь—все“

въ мягкихъ и изящныхъ тонахъ разрабатывается проблема брака. Передъ нами трое мужчинъ—карьеристъ, тянущійся къ министерскому портфелю, пресыщенный славою крупный писатель и молодой безпутный художникъ. Жизненныя линіи всѣхъ этихъ трехъ людей пересѣклись въ одной точкѣ: всѣ они любятъ одну женщину. Любовь каждаго имѣетъ, конечно, свои оттѣнки, но для всѣхъ трехъ любовь къ женщинѣ—не главный нервъ жизненнаго существованія, а лишь дополнительный аксессуаръ, красящій жизнь, но не наполняющій ея. Можетъ ли помириться женщина съ ролью аксессуара мужского существованія? Женщина протестуетъ, требуетъ отъ своихъ возлюбленныхъ, чтобы они сдѣлали ее товарищемъ всѣхъ ихъ жизненныхъ плановъ и дѣйствій и задыхается въ тоскливой атмосферѣ полнаго непониманія этихъ ея требованій. Министръ нуждается въ ея любви, но лишь въ тѣ моменты, когда онъ выходитъ на время изъ круга своихъ государственныхъ хлопотъ, а внутри этого круга онъ можетъ обходиться и безъ жены; молодой повѣса-художникъ просто играетъ беззаботно и легкомысленно сердцемъ возлюбленной, какъ однимъ изъ многихъ своихъ развлеченій; а знаменитый старѣющій писатель цѣпляется за старую любовь только потому, что для него *жизнь* уже кончается и начинается *житіе*: когда-то въ расцвѣтѣ силъ онъ также оттолкнулъ отъ себя это женское сердце холодомъ мужского себялюбія.

Такова пьеса. Какъ жанровая картинка, она изящна и остроумна. Какъ опытъ философіи любви, она мелка и поверхностна. Вѣдь избранные авторомъ три примѣра, конечно, не исчерпываютъ всѣхъ разновидностей мужской любви, и авторъ безъ всякаго основанія претендуетъ на обобщающее значеніе своей пьесы.

Гг. Южинъ, Бравичъ и Остужевъ прекрасно изобразили мужское тріо. Сухость дѣльца, достигающаго вершины честолюбивыхъ замысловъ и безшабашность отмѣченнаго талантомъ юнаго повѣсы нашли себѣ отличныхъ изобразителей въ лицѣ гг. Бравича и Остужева. А г. Южинъ, съ большимъ вкусомъ изобразившій старѣющую знаменитость съ душой, пресыщенной славой и пугающейся холода старческаго одиночества, какъ будто накинулъ своей игрой на всю пьесу тонкій флеръ поэтической меланхоліи. Г-жа Лешковская, изящный талантъ которой мы ставимъ очень высоко, не вполнѣ удовлетворила насъ въ этой пьесѣ. Ей предстояло показать послѣднюю вспышку борьбы въ душѣ женщины, которую жизнь грубо оскорбила, но которая все же не хочетъ сдаться, и все еще ищетъ и протестуетъ. Между тѣмъ артистка съ самаго начала взяла тонъ утомленный и подавленный, и ея упреки молодому художнику, начинающему отъ нея отдаляться, сразу зазвучали безнадежной грустью, а не той бурной страстностью, въ которой еще свѣтится послѣдняя, зыбкая надежда. Получилось впечатлѣніе, что душевная драма этой женщины была исчерпана еще до поднятія перваго занавѣса, и эпизодъ съ молодымъ художникомъ ничего не прибавилъ къ крушенію ея надеждъ. Такъ ли это по замыслу автора?

Пьеса г. Потапенка „Жуликъ" заключаетъ въ себѣ всѣ элементы настоящей общественной сатиры. Ея замыслу нельзя отказать въ оригинальности. Попавшійся въ нечистоплотной спекуляціи аферистъ выходитъ изъ тюрьмы и непринужденно возобновляетъ прежнія знакомства. „Лучшіе граждане" города брезгливо сторонятся отъ него, но „жуликъ" не унываетъ, имѣя въ запасѣ вѣрный залогъ побѣды. У него есть планъ новой грандіозной спекуляціи, которая должна объединить въ качествѣ участниковъ всѣхъ видныхъ городскихъ дѣятелей. И вотъ передъ зрителями проходитъ любопытный соціальный экспериментъ. Пообѣщавъ каждому изъ своихъ благородныхъ обличителей по жирному куску

общественнаго пирога, „жуликъ" быстро повышается въ общемъ мнѣніи; брезгливые взгляды смѣняются умильными ухаживаніями за „нашимъ уважаемымъ и дорогимъ общимъ другомъ" и въ концѣ-концовъ „жуликъ" единогласно провозглашается почетнымъ гражданиномъ города. На этой канвѣ авторъ очень ловко вышилъ не мало любопытныхъ узоровъ, показавъ цѣлый рядъ типичныхъ разновидностей общественнаго лицемѣрія. Автора упрекали въ печати за то, что въ его пьесѣ нѣтъ ни одного честнаго человѣка. Но вѣдь это—упрекъ, на который было отвѣчено въ свое время еще Гоголемъ. И г. Потапенко могъ бы, думается, отвѣтить словами послѣдняго: „вы не замѣтили, что честное дѣйствующее лицо моей пьесы—смѣхъ". Правильнѣе были другіе упреки: пьеса чрезмѣрно растянута, перегружена эпизодами, механически втиснутыми въ фабулу—романъ гимназистки и студента—и, наконецъ, не свободна отъ карикатурныхъ излишествъ, нѣсколько искусственныхъ,—въ послѣднемъ актѣ сцена общаго возмущенія отъ признанія „жулика", что въ ручьѣ вода вовсе не цѣлебна,—и потомъ общаго же быстраго успокоенія, — отдаетъ сочиненностью. Стоило бы очистить пьесу отъ всѣхъ этихъ наростовъ, и тогда изъ нея вышла бы хорошая сатирическая комедія. Пьеса разыгрывается артистами Малаго театра съ большимъ блескомъ. Затрудняешься, кому отдать пальму первенства. Г-жа Садовская, гг. Бравичъ, Правдинъ и всѣ исполнители многочисленныхъ эпизодическихъ ролей создаютъ яркіе образы, у нѣкоторыхъ возвышающіеся до степени шедевра.

Въ заключеніе обзора работы Малаго театра за минувшую половину сезона нельзя не упомянуть о прелестной игрѣ г. Правдина въ „Мнимомъ больномъ" Мольера. Дружный, заразительный смѣхъ всей залы всего лучше свидѣтельствовалъ о томъ, что артистъ схватилъ въ своемъ исполненіи душу мольеровскаго замысла.

Въ теченіе декабря Малый театръ дастъ еще двѣ новинки—„Свѣтлую личность" г. Карпова и „На полѣ брани" г. Колышко. Но отчетъ объ этихъ пьесахъ мы уже не успѣемъ включить въ настоящій обзоръ и должны будемъ присоединить его къ отчету о второй половинѣ сезона.

Художественный театръ возбудилъ продолжительные толки и споры постановкой ряда сценъ изъ „Братьевъ Карамазовыхъ" Достоевскаго. Кажется, теперь уже можно подвести этимъ толкамъ и спорамъ заключительный итогъ. Четыре сцены изъ всей коллекціи отрывковъ, взятыхъ изъ романа, получили въ сценическомъ воспроизведеніи поразительную силу. Я разумѣю сцену въ Мокромъ, двѣ сцены съ капитаномъ Снегиревымъ и сцену галлюцинацій Ивана Карамазова. И я думаю, что всего правильнѣе было бы ограничить этими четырьмя сценами всю постановку, ибо все остальное только расхолаживало зрителя, отнимая у него настоящаго Достоевскаго и ничего не давая взамѣнъ. Къ сферѣ искусства болѣе, чѣмъ къ чему-нибудь другому, приложимо правило: „побѣдителей не судятъ". Но одержалъ ли Художественный театръ побѣду надъ романомъ Достоевскаго?

Я сказалъ бы, что театръ, выигравъ четыре блестящихъ сраженія (четыре названныя выше сцены), тѣмъ не менѣе проигралъ кампанію. Его замыселъ *въ цѣломъ* оказался несомнѣнной художественной ошибкой.

Признавъ согласно общему мнѣнію антихудожественной задачей передѣлки романовъ въ драмы, руководители театра рѣшили попробовать просто прочитать романъ со сцены въ лицахъ, костюмахъ и гримѣ, сцѣпляя отдѣльныя сцены дополнительнымъ чтеніемъ по книгѣ. Между тѣмъ, въ практическомъ осуществленіи этотъ планъ свелся въ концѣ-концовъ какъ разъ къ чему-то вродѣ передѣлки романа для те-

атра и если передѣлка заключалась не въ произвольныхъ вставкахъ, а въ произвольныхъ выпускахъ, то отъ этого нисколько не уменьшалась ея антихудожественность. Иное дѣло, если бы театръ просто поставилъ нѣсколько отдѣльныхъ сценъ изъ романа, легко поддающихся инсценировкѣ и составляющихъ законченные эпизоды, не претендуя на сценическую интерпретацію романа, какъ цѣльнаго литературнаго произведенія. Такіе опыты дѣлалъ еще покойный Андреевъ-Бурлакъ, и кто же изъ видѣвшихъ этого чуднаго артиста въ сценѣ Мармеладова изъ „Преступленія и наказанія" того же Достоевскаго, не испытывалъ величайшаго художественнаго наслажденія?

Но театръ задался цѣлью путемъ систематическаго подбора отдѣльныхъ сценокъ на пространствѣ *всего* романа показать какъ бы миніатюрный снимокъ „Братьевъ Карамазовыхъ", какъ цѣлостнаго литературнаго произведенія. Вступивъ на такой путь, театръ несомнѣнно занялся „передѣлкой романа для сцены", какъ бы онъ ни открещивался отъ этого скомпрометированнаго термина, ибо произвольное „сокращеніе" романа есть такая же передѣлка, какъ и произвольное перекраиваніе заключающагося въ немъ матеріала; первое столь же антихудожественно, какъ и второе.

И нельзя не признать, что опытъ аранжировки всего романа для сценической его иллюстраціи вышелъ неудачнымъ. „Достоевскаго" на сценѣ не было, хотя всѣ произносимыя со сцены слова принадлежали ему.

Въ окрошкѣ быстро смѣняющихся и довольно произвольно выдернутыхъ изъ романа сценокъ исчезла и вся философская сторона романа и вся та буря страстей, которая въ романѣ своимъ стихійнымъ и безудержнымъ нарастаніемъ закручиваетъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, и всѣ они въ концѣ-концовъ—и сильные и слабые, и добрые и злые — носятся безпомощно въ этомъ зловѣщемъ вихрѣ, какъ осенніе листья въ могучихъ порывахъ суроваго вѣтра. Вотъ этотъ-то вихрь, заставляющій васъ при чтеніи романа судорожно и нервно перелистывать страницу за страницей, и исчезъ куда-то въ смѣнѣ коротенькихъ сценокъ на подмосткахъ Художественнаго театра. Гг. Москвинъ, Леонидовъ и Качаловъ дали въ своихъ сценахъ высокіе образцы человѣческой страсти въ ея различныхъ проявленіяхъ; но то были не звенья единой цѣпи душевныхъ катастрофъ, а лишь отрывочныя яркія пятна на общемъ довольно нудномъ фонѣ всего представленія.

Въ заключеніе я могу лишь кратко коснуться отдѣльныхъ моментовъ спектакля. Г. Москвинъ въ роли Снегирева явился передъ нами первоклассньмъ трагикомъ-реалистомъ. Г. Леонидовъ, не сразу нападающій на настоящій тонъ, въ сценѣ въ Мокромъ выпрямляется во весь художественный ростъ замысла Достоевскаго. Нужно сказать, что артисту помогаетъ въ данномъ случаѣ и вся изумительная постановка народной сцены въ этомъ явленіи, — дальше этого шедевра не можетъ итти сценическая иллюзія,—а также и прекрасная игра г. Сушкевича въ роли судебнаго слѣдователя. Г. Качаловъ поистинѣ виртуозно побѣждаетъ трудности діалога Ивана съ самимъ собой въ сценѣ съ Чортомъ. Эта сцена также должна быть признана торжествомъ сценическаго искусства. Наконецъ, въ большую заслугу г. Воронову надо поставить интересное и умное исполненіе столь рискованной роли Смердякова. Г. Лужскій приложилъ большія усилія къ изображенію старика Карамазова; эти усилія окупились достойными результатами; жутко было смотрѣть на этого старика, источающаго изъ своей души столько нравственной мерзости; но впечатлѣніе все же ослаблялось благодаря тому, что въ исполненіи артиста не было непринужденной легкости, слишкомъ явно выступала преднамѣренная старательность.

Затѣмъ предстоитъ отмѣтить дефекты и минусы. Пропала роль Алеши, пропали всѣ женскія роли, кромѣ отчасти роли Лизы. Пусть Алеша въ романѣ—только повѣренный чужихъ душевныхъ тайнъ и драмъ. Но развѣ можно показывать „Карамазовыхъ" безъ Алеши? Это все равно, что отъ дневнаго ландшафта отнять солнечный свѣтъ. А Алеши въ Художественномъ театрѣ не было... Былъ какой-то сѣренькій, заурядный послушникъ, неизвѣстно для чего торопливо перебѣгавшій отъ однихъ людей къ другимъ,—и только.

Войдетъ Алеша, и словно ласка солнечнаго луча обогрѣетъ всѣхъ и каждаго. Такъ—въ романѣ.—А въ театрѣ фигура послушника приносила съ собой на сцену лишь скуку и недоумѣніе.

Г-жа Гзовская совершенно не подходитъ къ роли Катерины Ивановны. Вмѣсто глубоко чувствующей и всегда торопящейся высказать свои чувства искренней русской дѣвушки на сценѣ была полурезонерка, полуистеричка, безъ намека на душевную глубину. Столь же мало подходитъ роль Грушеньки къ г-жѣ Германовой. Была старательная читка роли, были отдѣльныя удачныя интонаціи и мины, но не было инфернальной женщины, одинъ изгибъ стана которой способенъ всколыхнуть въ душѣ страстнаго человѣка всю гнѣздящуюся въ ней карамазовщину. Дальше не продолжаю. Думаю, что и изъ сказаннаго ясно, какъ велики плюсы и какъ велики минусы въ предпринятомъ Художественнымъ театромъ интересномъ и рискованномъ опытѣ.

Настоящія строки уже сдавались въ печать, когда Художественный театръ выступилъ со второй своей новинкой—пьесой г. Юшкевича: „Miserere". Отчетъ о ней приходится отложить до слѣдующей статьи.

Въ моемъ обзорѣ остался бы зіяющій пробѣлъ, если бы я не отмѣтилъ выступленія г-жи Рощиной-Инсаровой въ театрѣ Незлобина въ пьесѣ Батайля „Обнаженная". Для всѣхъ истинныхъ друзей театра эта постановка принесла глубокую радость. Конечно, дѣло не въ пьесѣ. Пьеса—дешевая мелодрама. Но нельзя было безъ чувства радости за русскій театръ смотрѣть на игру молодой артистки, съ первыхъ словъ которой въ ней почувствовалась увѣренная въ своихъ силахъ, свободно царящая на сценѣ, ярко передающая разнообразнѣйшіе изгибы душевныхъ движеній художественная индивидуальность. Мы видѣли г-жу Рощину-Инсарову на сценѣ всего одинъ разъ, но, не обинуясь, готовы сказать, что въ ея лицѣ надъ горизонтомъ русской сцены восходитъ новая крупная звѣзда.

А. Кизеветтеръ.

V. Наука и техника.

Современные авіаторы.

Для того, чтобы научиться летать на аэропланѣ и стать профессіональнымъ авіаторомъ, проще всего поступить въ практическую школу авіаціи. Въ настоящее время во Франціи и Германіи существуетъ цѣлый рядъ такихъ школъ, причемъ курсъ обученія, смотря по способностямъ, длится всего 2—3 мѣсяца. Почти всѣ школы принадлежатъ фирмамъ, строящимъ или продающимъ аэропланы. Гонораръ за обученіе колеблется отъ 2—3 тысячъ франковъ, причемъ обыкновенно деньги эти засчитываются въ счетъ стоимости аэроплана, если обучившійся ученикъ захочетъ таковой пріобрѣсти. Преслѣдованіе школами коммерческихъ цѣлей, конечно, отражается на самомъ методѣ преподаванія. Фирма ничего не имѣетъ противъ того, чтобы обучающійся авіаторъ ломалъ свой аппаратъ, такъ какъ починка производится за счетъ ученика и только выгодна

школѣ. Въ результатѣ методы обученія далеко не раціональные. Несмотря на это многимъ удается чрезвычайно быстро овладѣть техникой управленія аэропланомъ.

Обученіе состоитъ изъ краткаго теоретическаго ознакомленія съ устройствомъ аэроплана и двигателя, а главное, конечно, въ практикѣ полетовъ. Въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ школахъ ученикъ двѣ недѣли учится ѣздѣ на автомобилѣ. Въ другихъ школахъ построены спеціальные автомобили, напоминающіе аэропланъ безъ поддерживающихъ поверхностей, т.-е. неспособный взлетѣть на воздухъ. На аэропланѣ учащійся первое время также только катается по аэродрому. Для того чтобы онъ какъ-нибудь случайно не взлетѣлъ на воздухъ, руль высоты привязываютъ въ такомъ положеніи, чтобы взлетъ былъ невозможенъ. Послѣ того, какъ авіаторъ овладѣлъ управленіемъ аэроплана на землѣ, ему даютъ возможность взлетѣть, но только на небольшую высоту. Интересно, что всѣ авіаторы указываютъ на полное отсутствіе головокруженія во время полета. Даже тѣ, которые боятся смотрѣть изъ окна верхняго этажа на землю, или ощущаютъ головокруженіе на краю обрыва—чрезвычайно легко переносятъ полетъ въ воздухѣ.

Однако же между полетомъ на ничтожной высотѣ надъ землею и взлетомъ на высоту даже только нѣсколькихъ десятковъ метровъ—громадная разница. На небольшой высотѣ авіатору въ большинствѣ случаевъ грозитъ только поломка аппарата. Лишь въ случаѣ, если аэропланъ налетитъ на какое-нибудь препятствіе—заборъ или зданіе—послѣдствія могутъ быть болѣе плачевныя. На большой высотѣ, въ случаѣ поломки аппарата, порчи двигателя или просто неустойчивости аэроплана при порывахъ вѣтра, авіаторъ только при громадномъ напряженіи своей воли и хладнокровіи можетъ, да и то не всегда, отдѣлаться благополучно. Авіаторъ Брукинсъ, у котораго двигатель остановился на высотѣ 1,500 метровъ благополучно опустился скользящимъ полетомъ на землю, но тотчасъ же потерялъ сознаніе. По этому можно судить, какое сильное напряженіе первовъ онъ долженъ былъ выдержать во время спуска. Случись съ нимъ обморокъ въ воздухѣ—гибель была бы неминуема.

Теоретически, конечно, вполнѣ правильно, что съ увеличеніемъ высоты и скорости полета опасность уменьшается. Со скоростью увеличивается устойчивость, благодаря большей высотѣ—больше надеждъ, что нарушенное равновѣсіе будетъ возстановлено еще до того, какъ аэропланъ коснется земли. Съ другой стороны, однако же, въ случаѣ аваріи на большой высотѣ требованія, предъявляемыя къ нервамъ и сердцу авіатора, настолько возрастаютъ, что далеко не всякій способенъ выдержать такое испытаніе.

Возможно, что большинство катастрофъ объясняется именно непосильной задачей, которую ставитъ себѣ новичокъ-авіаторъ. Впрочемъ, задачи, которыя приходится осилить авіатору, очень часто оказываются не по плечу не однимъ только новичкамъ.

Въ послѣднее время число устраиваемыхъ состязаній быстро возрастаетъ. Теперь нѣтъ уже рѣчи объ недостаткѣ призовъ; наоборотъ, недостаетъ авіаторовъ. Недавно мы отмѣчали статью Эшенбаха [1]), энергично призывавшаго въ Германіи жертвовать деньги на устройство авіаціонныхъ митинговъ и состязаній. Въ газетѣ *Vossische Zeitung* отъ 3 декабря (20 ноября) мы находимъ любопытную замѣтку, авторъ которой указываетъ, что количество назначенныхъ въ Германіи на ближайшее время состязаній настолько велико, что осуществить ихъ не удается за недостаткомъ авіаторовъ. Изъ 40 сдавшихъ въ Германіи экзаменъ авіаторовъ трое

---

[1]) См. *Русская Мысль*, декабрь прошлаго года.

погибло, четверо бросило карьеру авіатора и еще нѣсколько собирается ее бросить, и, наконецъ, часть еще новичковъ, не способныхъ принять участіе въ серьезныхъ состязаніяхъ. Такимъ образомъ менѣе 20 человѣкъ должны чуть ли не одновременно состязаться въ разныхъ мѣстахъ.

Во Франціи дѣло обстоитъ лучше; тамъ авіаторовъ около 200, но если исключить по тѣмъ же причинамъ по крайней мѣрѣ одну треть, то на долю остальныхъ окажется также не мало работы. О количествѣ состязаній во Франціи можно судить потому, что за 1910 годъ до декабря тамъ было выдано свыше $3^1/_2$ милліоновъ франковъ призовъ и еще оставалось до конца года разъиграть призовъ на $^1/_2$ милліона. Всего 21 авіаторъ „заработали" за годъ болѣе чѣмъ по 50 тысячъ франковъ каждый, изъ нихъ Поланъ—около 500 тысячъ, Моранъ, Латамъ, Ружье и Шаве около 250 тысячъ каждый, а остальные меньше. Изъ перечисленныхъ 5 „королей воздуха" Шаве погибъ при перелетѣ черезъ Альпы, а Моранъ врядъ ли способенъ будетъ летать послѣ катастрофы, случившейся съ нимъ во время полета на призъ Мишлена. Условія этого состязанія призомъ въ 100 тысячъ франковъ были особенно тяжелые. Авіаторъ долженъ былъ пролетѣть съ пассажиромъ путь около 400 километровъ и опуститься на вершинѣ горы Пюи-де-Домъ, площадью всего въ 100 кв. метровъ. Моранъ полетѣлъ вмѣстѣ со своимъ братомъ въ полной увѣренности, что онъ во всякомъ случаѣ разобьетъ свой аппаратъ. На самомъ дѣлѣ ему не удалось даже долетѣть до мѣста назначенія и вслѣдствіе порчи рулевого механизма аэропланъ упалъ, и оба брата получили тяжелыя поврежденія.

Предъявленіе къ авіаторамъ совершенно непосильныхъ требованій, въ сущности говоря, нисколько не содѣйствуетъ успѣху авіаціи. Если Табюто могъ непрерывно летать 6 ч., а Фарманъ по послѣднимъ извѣстіямъ даже болѣе 8 часовъ, то этому они обязаны, конечно, только своей выносливости. Самъ аппаратъ, съ исправнымъ двигателемъ, можетъ держаться въ воздухѣ еще много дольше.

Было бы очень желательно, чтобы въ наступающемъ году было учреждено побольше призовъ за *наиболѣе безопасные аппараты*, а не за *наиболѣе опасные полеты*, какъ это было до сихъ поръ. Дѣлу авіаціи это принесло бы, навѣрное, много больше пользы.

М. Франкъ.

VI. Некрологъ.

В. И. Сергѣевичъ.—А. С. Кривцовъ.—П. Ѳ. Николаевъ.—Д. В. Багницкій.—гр. Д. М. Сольскій.—С. В. Пахманъ.—С. Н. Южаковъ.—Шарль Андріе.—Баронъ Д. Г. Гинцбургъ. — Маттеосъ II Измирліанъ.—Е. И. Мамонтова.—П. Н. Тарновская.—Гр. Баллестремъ. — Р. Зонндорффъ. — Ж. Маньенъ.—Р. Флинтъ.—Л. Кнаусъ.—Ф. Кофлеръ.—Ад. Кремеръ.—Ст. Костанецкій.—З. Гундельфингеръ. — Э. Гагенбахъ-Бишоффъ. — С. Люблинскій.—І. Фритчъ..—Р. Левенфельдъ.—В. Генкель.—К. Ширренъ.—В. А. Карауловъ.

В. И. Сергѣевичъ (род. въ 1832 г., † 29 ноября 1910 г.). Въ лицѣ В. И. Сергѣевича въ могилу сошелъ крупный ученый, прочно вписавшій свое имя въ исторію русской науки. Это былъ интересный и своеобразный изслѣдователь, съ рѣзко очерченной научной индивидуальностью. Его достоинства и недостатки, какъ изслѣдователя, бросались въ глаза съ одинаковой силой. На всемъ, что выходило изъ-подъ его пера, лежала особая „сергѣевичевская" складка, по которой сразу и безошибочно можно было отличить любое его произведеніе отъ сочиненій другихъ авторовъ. Всѣ труды, которыми ознаменовалась его многолѣтняя научно-литературная дѣятельность, производятъ уди-

вительно однородное впечатлѣніе. Послѣдняя написанная имъ страница, какъ двѣ капли воды, сходна по всѣмъ отличительнымъ своимъ свойствамъ съ самыми ранними его работами: ни одна сильная сторона его таланта не поблекла, ни одна слабая не окрѣпла. И если бы не были извѣстны хронологическія даты его отдѣльныхъ произведеній, никто не угадалъ бы, что̀ написано имъ въ молодости и что̀—на жизненномъ закатѣ.

Сила Сергѣевича—въ упругости изслѣдовательскаго темперамента, въ точности формально-логическаго анализа изслѣдуемыхъ текстовъ.

Его изслѣдовательскій темпераментъ сказался и въ неутомимости его изысканій и въ характерѣ его отношенія къ предмету изученія. Читая его труды, чувствуешь, что онъ любитъ вспахивать цѣлину, любитъ привлекать къ изученію все новыя и новыя группы документальнаго матеріала. Начавъ съ погруженія въ лѣтописи („Вѣче и князь") и проработавъ затѣмъ всю жизнь надъ памятниками законодательства и актовымъ матеріаломъ, онъ на старости лѣтъ дебютируетъ въ роли изслѣдователя писцовыхъ книгъ („Древности русскаго права", т. III), причемъ его работы въ этой области именно носятъ явственные слѣды недавняго обращенія автора къ этому новому для него источнику.

Чѣмъ бы ни занимался покойный ученый, онъ всегда чувствовалъ себя въ боевомъ настроеніи. Онъ почти всегда увлеченъ полемикой либо съ дѣйствительнымъ, либо съ воображаемымъ противникомъ; въ послѣднемъ случаѣ онъ самъ приводитъ для послѣдующаго опроверженія возможныя себѣ возраженія. Отсюда — своеобразность его стиля, часто принимающаго діалогическую форму, несмотря на отсутствіе собесѣдника. Это придаетъ живость его изложенію, притомъ живость не только внѣшнюю, ибо такимъ путемъ читатель наглядно знакомится съ самымъ процессомъ назрѣванія того или иного вывода въ умѣ изслѣдователя.

Формально-логическій методъ изслѣдованій Сергѣевича, способствуя въ сильной степени возбужденію пытливости мысли въ читателяхъ его произведеній, таилъ въ себѣ, однако, не малыя опасности для самого ихъ автора. Посвятивъ жизнь изученію *исторіи* русскаго права, Сергѣевичъ совершенно не былъ историкомъ по складу своего ума, по свойству своего метода. Ему всегда недоставало чутья исторической перспективы. И потому-то его выводы, при всей ихъ формально-логической правильности, нерѣдко оказывались совершенно исторически-непріемлемыми. Очень характерна въ этомъ отношеніи уже его первая крупная работа: „Вѣче и князь". Она имѣла большой успѣхъ въ силу прозрачной ясности своей конструкціи. Но развѣ эта прозрачная ясность не была достигнута дорогой цѣной такого упрощенія историческаго процесса, которое совершенно не соотвѣтствовало всей сложности исторической дѣйствительности? Въ сущности, вся работа свелась къ анализу внѣшнихъ формъ междукняжескихъ отношеній, а смѣна внутреннихъ мотивовъ этихъ отношеній и условій, ихъ вызывавшихъ, осталась внѣ поля зрѣнія изслѣдователя. Послѣ этого немудрено, что Сергѣевичъ находилъ возможнымъ отрицать какую-либо эволюцію въ существѣ междукняжескихъ отношеній на пространствѣ всего княжескаго періода нашей исторіи. Какъ одинъ изъ пріемовъ изслѣдованія, такой методъ былъ вполнѣ законенъ. Но какъ основаніе для цѣльнаго построенія нашей древней государственной исторіи, онъ былъ совершенно недостаточенъ, а, между тѣмъ, самъ Сергѣевичъ придавалъ ему именно это послѣднее значеніе.

Однородныя причины осудили Сергѣевича на полное одиночество въ ряду современныхъ изслѣдователей въ вопросѣ о происхожденіи крѣпостного

права: формальное логическое истолкованіе нѣкоторыхъ единичныхъ текстовъ закрывало для него значеніе полновѣсныхъ свидѣтельствъ обширнаго актоваго матеріала.

Указанныя слабыя стороны Сергѣевича, какъ изслѣдователя, не менѣе ярко проявились и въ его послѣднихъ по времени работахъ.

Иногда онѣ принимали у него даже характеръ какого-то каприза. Поразительный тому примѣръ представило данное имъ въ III томѣ „Древностей" объясненіе института древнерусскаго „складничества". Обширная литература посвящена этому вопросу. Масса документальнаго матеріала вскрыта изслѣдователями для освѣщенія этого института. А Сергѣевичъ, произвольно основавшись на одной-двухъ строкахъ одного документа, повернулся спиной ко всей литературѣ, ко всему остальному матеріалу и выставилъ такое объясненіе „складничества", которое рѣшительно идетъ вразрѣзъ со всѣмъ, что намъ извѣстно по данному вопросу. Какъ на проявленіе пренебреженія къ исторической перспективѣ, можно указать на введеніе Сергѣевича къ 123 тому „Сборника историческаго общества". Здѣсь онъ усмотрѣлъ соціалистическія тенденціи... въ межевой инструкціи имп. Елизаветы и вступилъ на этомъ основаніи въ довольно одушевленную публицистическую полемику съ названной инструкціей.

Въ виду сказаннаго мы думаемъ, что бо́льшая часть выводовъ Сергѣевича не окажется жизнеспособной. Отъ него не придется вести никакой ученой школы. И несмотря на это, его имя и его труды не будутъ забыты. Къ Сергѣевичу постоянно будутъ обращаться, какъ къ возбудителю критической пытливости; не для того, чтобы усвоить его выводы, но для того, чтобы не упустить изъ виду все то, что могло быть выдвинуто по тому или иному вопросу съ точки зрѣнія формально-логическаго изслѣдованія древнихъ текстовъ, ибо и этотъ методъ имѣетъ свои преимущества и свои достоинства, если только не преувеличивать его научнаго значенія и не ожидать отъ него того, чего онъ не въ состояніи дать.

А. Кизеветтеръ.

Кривцовъ, Александръ Сергѣевичъ (род. въ 1868 г., † 10 ноября с. г.), юристъ, профессоръ римскаго права. Кончилъ московскій университетъ, преподавалъ сначала въ новороссійскомъ, потомъ въ юрьевскомъ университетѣ. Въ послѣднемъ былъ профессоромъ сначала мѣстнаго гражданскаго права, потомъ римскаго права. Главные труды: „Beiträge zur Lehre von den juristischen Personen nach römischem Recht. I. Die Deliktsfähigkeit der Gemeinde" (Berlin, 1894); „Абстрактныя и матеріальныя обязательства въ римскомъ и современномъ гражданскомъ правѣ" (Юрьевъ, 1898 г.) (маг. дисс.); „Общее ученіе объ убыткахъ".

Николаевъ, Петръ Ѳеодоровичъ († въ ноябрѣ с. г. въ Черниговѣ), политическій дѣятель, писатель. По каракозовскому дѣлу былъ приговоренъ къ 8 годамъ каторги. На каторгѣ нѣсколько лѣтъ провелъ вмѣстѣ съ Чернышевскимъ. Въ Европ. Россію вернулся въ 80-хъ гг. Въ 1894 г. былъ арестованъ по дѣлу „Народнаго права" и высланъ въ Одессу. Послѣдніе годы провелъ въ Черниговѣ. Одно время былъ постояннымъ сотрудникомъ *Русской Мысли*, гдѣ писалъ журнальныя обозрѣнія. Въ Одессѣ издавалъ журналъ *Жизнь Юга*. По взглядамъ принадлежалъ къ народническому направленію. Соціологическіе взгляды свои изложилъ въ книгѣ: „Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ", М., 1892 г., которая сыграла извѣстную роль въ марксистско-народническихъ спорахъ 90-хъ гг., перевелъ на русскій языкъ нѣсколько крупныхъ научныхъ трудовъ, изданныхъ К. Т. Солдатенковымъ, въ томъ числѣ „Динамическую Соціологію" Лестера Уорда, задержанную и уничто-

женную цензурой,—одинъ изъ самыхъ варварскихъ актовъ доконституціонной цензуры.

Багницкій, Дарій Викентьевичъ († 25 ноября с. г., 56 лѣтъ), журналистъ. Сотрудничалъ въ *Новомъ Времени, Новостяхъ, Биржевыхъ Вѣдомостяхъ, Journal de St.-Petersbourg, Краѣ* и др. изданіяхъ. Написалъ нѣсколько брошюръ, въ которыхъ пропагандировалъ русско-польское сближеніе.

Графъ Сольскій, Дмитрій Мартыновичъ (род. въ 1833 г., † 29 ноября с. г.), государственный дѣятель. Занималъ постъ государственнаго контролера съ 1878 г. по 1889 г. Въ 1905 г. былъ назначенъ предсѣдателемъ Госуд. Совѣта. Графскій титулъ получилъ въ 1902 году. Принималъ видное участіе въ различныхъ реформахъ трехъ царствованій. Былъ представителемъ неопредѣленнаго и гибкаго бюрократическаго либерализма, активно не участвовавшимъ въ реакціонной политикѣ.

Пахманъ, Семенъ Викентьевичъ (род. въ 1825 г. въ Одессѣ, † 29 ноября с. г.), цивилистъ, сенаторъ. Сынъ профессора римскаго права въ Ришельевскомъ лицеѣ въ Одессѣ, С. В. Пахманъ началъ свою педагогическую дѣятельность въ этомъ же лицеѣ, послѣ окончанія курса въ московскомъ университетѣ. Затѣмъ былъ профессоромъ полицейскаго права и другихъ юридическихъ наукъ въ казанскомъ университетѣ, и съ 1858 г. въ харьковскомъ. Съ 1866 года по 1876 г. былъ профессоромъ гражданскаго права и судопроизводства въ петербургскомъ унив. Оставилъ университетъ, будучи забаллотированъ факультетомъ по выслугѣ обычныхъ профессорскихъ лѣтъ на слѣдующее пятилѣтіе. Забаллотированіе Пахмана въ свое время обратило на себя всеобщее вниманіе и живо обсуждалось въ повременной печати. Вліятельная роль въ этомъ эпизодѣ приписывалась В. И. Сергѣевичу, скончавшемуся почти одновременно съ С. В. Пахманомъ. Принималъ дѣятельное участіе въ петербургскомъ юридическомъ обществѣ. Участвовалъ и много работалъ въ различныхъ правительственныхъ комиссіяхъ по пересмотру законовъ, особенно въ комиссіи по составленію проекта гражданскаго уложенія. С. В. Пахманъ былъ крупной фигурой въ русской юридической наукѣ и однимъ изъ самыхъ выдающихся нашихъ цивилистовъ. Пять университетовъ избрали его въ почетные члены. Онъ былъ сторонникомъ догматическаго направленія въ юридической наукѣ и посвятилъ защитѣ этого направленія спеціальную работу: „О современномъ движеніи въ наукѣ права“ (1882 г.), переведенную на нѣмецкій языкъ. Изъ другихъ трудовъ замѣчательны: „О судебныхъ доказательствахъ по древнему русскому праву“ (1851 г., маг. дисс.); „Исторія кодификаціи гражданскаго права“ (1876 г.) и особенно „Обычное гражданское право въ Россіи“ (2 т. 1877, 1879 гг.), трудъ капитальный и основной, интересный, между прочимъ, по критикѣ „трудового начала“.

Южаковъ, Сергѣй Николаевичъ (род. въ 1849 г., † 29 ноября), писатель. Въ литературѣ работалъ съ 1868 года. Въ 1879 г. былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ пробылъ нѣсколько лѣтъ. Съ 1882 года становится постояннымъ сотрудникомъ *Отечественн. Записокъ*, затѣмъ *Русской Мысли, Сѣвернаго Вѣстника, Русскаго Богатства;* въ послѣднемъ изъ названныхъ журналовъ до послѣдняго времени писалъ обозрѣнія по иностранной политикѣ, которыя представляли несомнѣнно выдающееся явленіе въ русской публицистикѣ. Былъ главнымъ редакторомъ „Большой энциклопедіи“. Живо интересовался вопросами соціологіи, которымъ посвящены многія его работы. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ представителей русской „субъективной школы“. Изъ ряда отдѣльно изданныхъ сочиненій укажемъ: „Соціологическіе этюды“, т. I, 1891 г., т. II, 1896 г.

Андріе Шарль († 4 дек. с. г., 66 лѣтъ), артистъ Михайловскаго театра въ Пе-

тербургѣ, пользовавшійся широкой популярностью и большими симпатіями посѣтителей этого театра. Поступилъ въ Михайловскій театръ, оставивъ парижскую сцену, въ 1875 г. Игралъ комическія роли, наибольшій успѣхъ имѣлъ въ легкой комедіи, фарсѣ и водевилѣ.

Баронъ Гинцбургъ, Давидъ Горацієвичъ (род. въ 1857 г., † 10 дек. с. г.), общественный дѣятель, оріенталистъ. Игралъ большую роль въ петербургской еврейской общинѣ и въ жизни русскаго еврейства вообще. Послѣ смерти отца своего, извѣстнаго Г. О. Гинцбурга, былъ избранъ предсѣдателемъ петербургской еврейской общины и центральнаго комитета еврейскаго колонизаціоннаго общества. Занимался спеціально изученіемъ восточныхъ языковъ, написалъ рядъ научныхъ сочиненій по этой области и рядъ статей по общественно-политическимъ вопросамъ. Въ послѣдніе годы учредилъ частные курсы востоковѣдѣнія, былъ ректоромъ этихъ курсовъ и читалъ на нихъ лекціи по талмудической, раввинской и арабской литературамъ, семитическому языковѣдѣнію и средневѣковой религіозной философіи.

Маттеосъ II Измирліанъ (род. въ 1845 г. въ Константинополѣ, † 11 дек. с. г.), патріархъ-католикосъ всѣхъ армянъ. Въ 1894 году былъ избранъ въ константинопольскіе патріархи, но вскорѣ, за протесты противъ турецкихъ звѣрствъ и вмѣшательство въ пользу единовѣрцевъ, былъ лишенъ Абдулъ-Гамидомъ патріаршаго престола и сосланъ въ Іерусалимъ. Въ 1907 году вернулся въ Константинополь и вновь избранъ патріархомъ. Въ 1908 году избранъ въ Эчміадзинъ католикосомъ всѣхъ армянъ; въ 1909 г. былъ утвержденъ русскимъ правительствомъ, совершилъ поѣздку въ Петербургъ и только въ сентябрѣ 1909 года вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей.

Мамонтова, Елизавета Ивановна († 10 декабря с. г., 74-хъ отъ роду), создательница московскаго общества воспитательницъ и учительницъ, обладающаго теперь немалымъ капиталомъ и имѣющаго нѣсколько просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій.

Тарновская, Прасковья Николаевна († 12 декаб. с. г.), докторъ, ученая, общественная дѣятельница. Покойная была дочерью начальника медико-хирургической академіи Козлова, замужемъ за извѣстнымъ сифилидологомъ В. М. Тарновскимъ (†). Окончивъ женскіе врачебные курсы въ 1878 г. въ числѣ первыхъ учениць-врачей въ Россіи, П. Н. Тарновская занялась спеціально психіатріей и антропологіей. Служила нѣсколько лѣтъ ординаторомъ въ больницѣ Николая чудотворца. Произвела цѣнныя антропологическія изслѣдованія надъ женщинами-преступницами и проститутками; эти работы въ духѣ направленія Ломброзо доставили ей европейскую извѣстность. Принимала дѣятельное участіе въ созданіи женскаго медицинскаго института въ Петербургѣ, и вообще въ работахъ на пользу высшаго женскаго образованія въ Россіи.

Графъ Баллестремъ (род. въ 1834 г., † въ дек. 1910 г.), германскій политическій дѣятель. Въ эпоху культуркампфа былъ въ оппозиціи, въ качествѣ члена партіи центра. Позднѣе защищалъ правительственные законопроекты о расширеніи расходовъ на войско и на флотъ. Широкую популярность пріобрѣлъ въ качествѣ президента рейхстага. Избранный впервые на эту должность въ 1898 году, Баллестремъ обнаружилъ умѣнье отстаивать достоинство народнаго представительства и прославился нѣсколькими энергическими репликами по адресу представителей правительства. Однако, въ послѣдніе годы его предсѣдательствованія оппозиція рѣзко нападала на него за отсутствіе безпристрастія и потворство правительству.

Зонндорффъ Рудольфъ († 1910, на 72 году жизни), австрійскій общественный дѣятель, ученый, писатель. Болѣе

30 лѣтъ занималъ должность директора коммерческой академіи въ Вѣнѣ. Изъ его сочиненій извѣстностью пользуется „Техника международной торговли“ („Technik des Welthandels“), капитальный и основной трудъ въ этой области.

Маньенъ Жозефъ (Josef Magnin, 1824—1910), французскій общественный дѣятель, сенаторъ. Во время осады Парижа въ 1870 г., въ качествѣ министра земледѣлія и торговли, руководилъ дѣломъ обезпеченія парижскаго населенія необходимыми припасами. При министрѣ-президентѣ Фрейсинэ былъ министромъ финансовъ. Потомъ былъ директоромъ французскаго банка.

Флинтъ, Робертъ (1838—1910), англійскій ученый, профессоръ богословія и моральной философіи въ эдинбургскомъ университетѣ. Извѣстностью пользуются его сочиненія: „Философія исторіи во Франціи“ (1874 г., переведено на франц., второе изд. въ 1893 г.), „Философія исторіи въ Германіи“, а также монографія о Вико. Въ своихъ богословскихъ сочиненіяхъ („Теизмъ“, „Антитеистическія ученія“ и др. Р. Флинтъ выступаетъ убѣжденнымъ апологетомъ христіанства. Въ числѣ сочиненій покойнаго философа имѣется и сборникъ „Соціализмъ“, гдѣ собраны его публичныя лекціи по этому предмету.

Кнаусъ (*Knaus*), *Людвигъ* (род. въ 1829 г., † въ декабрѣ с. г.), знаменитый нѣмецкій живописецъ-жанристъ. Онъ по существу принадлежалъ къ дюссельдорфской школѣ и былъ едва ли не самой крупной величиной въ ней. Современнымъ вѣяніямъ въ искусствѣ К. былъ чуждъ. Въ его творчествѣ воплощалось прошлое нѣмецкаго искусство и для „современныхъ“ онъ являлъ изъ себя легендарную фигуру. Воспроизведенія съ картинъ Кнауса распространены по всему міру: по популярности изъ числа германскихъ художниковъ соперничать съ К. могутъ, пожалуй, только Дефреггеръ и Менцель.

Кофлеръ, *Фридрихъ* († въ декабрѣ с. г. на 81 году жизни въ Дармштадтѣ), археологъ, сотрудникъ Моммсена по изслѣдованію римскаго „рубежа“ (limes).

Кремеръ, *Адольфъ* (род. въ 1838 г., † въ декабрѣ с. г.), старѣйшій нѣмецкій академическій спеціалистъ по сельскому хозяйству, проф. агрономіи въ цюрихскомъ политехникумѣ; былъ однимъ изъ первыхъ авторитетовъ по экономіи сельскаго хозяйства и с.-х. бухгалтеріи.

Костанецкій, *Стефанъ* († въ декабрѣ с. г. въ Бернѣ), ученый химикъ, профессоръ бернскаго университета. Пріобрѣлъ себѣ извѣстность цѣлымъ рядомъ открытій въ области химіи. Полякъ по рожденію, онъ незадолго до своей смерти получилъ приглашеніе на профессуру въ Краковъ.

Гундельфингеръ (*Gundelfinger*), *Зигмундъ* (род. 1846 г., † въ декабрѣ с. г.), ученый математикъ, былъ профессоромъ высшей математики въ дармштадскомъ политехникумѣ и оставилъ рядъ цѣнныхъ работъ по своей спеціальности.

Гагенбахъ-Бишоффъ (*Hagenbach-Bischoff*), *Эдуардъ* († въ декабрѣ с. г. на 78 году жизни), ученый физикъ, проф. базельскаго университета. Былъ также политическимъ дѣятелемъ и явился горячимъ пропагандистомъ системы *пропорціональнаго представительства*, которая своими успѣхами въ Швейцаріи въ значительной мѣрѣ обязана его иниціативѣ.

Люблинскій (*Lublinski*), *С.* († въ декабрѣ с. г. въ Веймарѣ на 43 году жизни), драматургъ, литературный критикъ и историкъ литературы. Извѣстно его сочиненіе, подводящее итогъ новѣйшимъ теченіямъ въ литературѣ „Die Bilanz der Moderne“.

Фритчъ (*Fritsch*), *Іоганнъ*, ученый психіатръ, профессоръ вѣнскаго университета. Оставилъ цѣлый рядъ цѣнныхъ трудовъ по своей спеціальности.

Левенфельдъ (*Löwenfeld*), *Рафаилъ* (род. въ 1854, † въ декабрѣ с. г. въ Берлинѣ), нѣмецкій литературный критикъ, переводчикъ и популяризаторъ

Толстого, основатель и директоръ Шиллеровскаго театра въ Берлинѣ. Въ качествѣ лучшаго переводчика и біографа Толстого, находившагося съ нимъ въ дружескомъ общеніи, содѣйствовалъ распространенію въ Германіи сочиненій и идей нашего великаго писателя. Въ качествѣ основателя Шиллеровскаго театра въ Берлинѣ и такого же театра въ Шарлоттенбургѣ явился творцомъ художественнаго народнаго театра въ германской столицѣ. Въ области театральнаго дѣла былъ дальновиднымъ и умѣлымъ реформаторомъ.

Генкель (*Henckel*), *Вильгельмъ* († въ декабрѣ с. г. въ Мюнхенѣ на 86 году жизни), литераторъ, главнымъ образомъ, переводчикъ на нѣмецкій языкъ Толстого, Достоевскаго, Горькаго. До своего переселенія въ Германію жилъ долгіе годы въ Россіи.

Ширренъ (*Schirren*), *Карлъ-Христіанъ* (род. въ 1826 г., † въ декабрѣ с. г. въ Килѣ), историкъ, профессоръ сперва дерптскаго, а потомъ кильскаго университета. Имя Ширрена въ настоящее время забыто у насъ. Но оно связано съ яркимъ эпизодомъ изъ исторіи національныхъ споровъ въ Россіи. Когда *Юрій Самаринъ* выпустилъ за границей свои знаменитыя „Окраины Россіи", Ширренъ отвѣчалъ ему въ 1869 г. страстно написаннымъ памфлетомъ „Livländische Antwort an Herrn Juri Samarin". „Отъ имени области я говорю съ такимъ же правомъ, какъ вы отъ имени расы. Вы не имѣете ни полномочія, ни порученія; я тоже ихъ не имѣю. Вы сочли за благо надругаться надъ нами. Я считаю за благо не потерпѣть этого" (предисловіе). Любопытно, что, такъ же какъ „Окраины Россіи" были въ царствованіе Александра II запретной книгой, и „Лифляндскій отвѣтъ" подвергся цензурному запрету, а авторъ его за отстаиваніе своеобразной „балтійской конституціи" лишился своей каѳедры. Удаленный изъ дерптскаго университета, онъ, какъ и многіе другіе балтійцы, былъ съ распростертыми объятіями принятъ въ Германіи и сдѣлался ординарнымъ профессоромъ исторіи въ кильскомъ университетѣ. Всѣ историческія работы Ш., кромѣ монографіи объ Іорнандѣ и Кассіодорѣ, посвящены исторіи Балтійскаго края и сѣверной Германіи. Крупную заслугу представляютъ его изданія первоисточниковъ по исторіи остзейскаго края.

Членъ Государственной Думы

Василій Андреевичъ Карауловъ.

Скончался 19-го декабря 1910 г. 55 лѣтъ отъ роду.

Характеристика его личности и дѣятельности будетъ дана въ февральской книжкѣ.

Дѣтскій народный домъ имени Л. Н. Толстого.

Если бы мнѣ дали выбирать: населить землю такими святыми, какихъ я только могу вообразить себѣ, но только, чтобы не было дѣтей; или такими людьми, какъ теперь, но съ постоянно прибывающими свѣжими отъ Бога дѣтьми,—я бы выбралъ послѣднее.

Изъ письма Толстого.

Смерть Льва Николаевича Толстого такъ глубоко всколыхнула нашу жизнь потому, что она не поверхностно охватила массы, а заставила каждаго отдѣльнаго человѣка взглянуть внутрь себя, и это внутреннее волненіе воплотилось въ общую волну скорби.

Но не скорбь завѣщалъ намъ Толстой, и чувство, поднятое его смертью, должно породить большія, достойныя его имени, дѣла. Передъ всевозможными организаціями и передъ каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ стоитъ вопросъ, какъ и чѣмъ можемъ мы воздать Толстому за то большое, что получено отъ него.

Слушательницы Педагогическихъ курсовъ при Фребелевскомъ Обществѣ въ Петербургѣ рѣшили для себя эту задачу, постановивъ употребить свои силы на созданіе *Дѣтскаго народнаго дома имени Толстого.*

Отношеніе къ дѣтямъ, мысль о дѣтяхъ въ жизни Толстого играли большую роль. Онъ любилъ дѣтей, понималъ ихъ, и они много дали ему; ихъ руками вплетено не мало лавровъ въ вѣнокъ его безсмертія.

Поэтому такъ естественна и по существу полна правды мысль ради него создать что-либо для дѣтей. Своими сочиненіями Толстой вскрылъ съ такой яркостью и силой жизненное зло, что трудно жить, сознавая его, если не работать для его уничтоженія.

Но особенно тяжела соціальная неправда, когда она всей своей тяжестью падаетъ на дѣтей. Горе дѣтской жизни громадно. Въ такомъ большомъ городѣ, какъ Петербургъ, дѣтскихъ страданій неисчерпаемое море. Всѣ ужасы жизни, порокъ и преступленіе на каждомъ шагу стерегутъ дѣтей, а мы, взрослые, такъ равнодушно проходимъ мимо. Много свѣтлаго и много ласки получаемъ мы отъ дѣтей и какъ мало дѣлаемъ имъ.

Основывая Дѣтскій народный домъ имени Толстого, мы хотимъ, чтобы онъ былъ достоинъ своего имени, чтобъ отношеніе Толстого къ дѣтямъ жило въ немъ.

Намъ рисуется слѣдующая картина его работы: большое, свѣтлое, красивое зданіе, построенное гдѣ-либо на окраинѣ Петербурга. Оно съ утра до вечера полно дѣтьми всѣхъ возрастовъ. Дѣти дошкольнаго возраста и переросшія школу, еще не занятыя въ работахъ, подростки находятъ тамъ пріютъ цѣлый день; школьники сбѣгаются туда послѣ уроковъ, а дѣти, уже захваченныя фабрикой и ремесломъ, отдыхаютъ тамъ въ праздники или послѣ работы.

Дѣтскій народный домъ—не учебное заведеніе,—это мѣсто, гдѣ ребенокъ проводитъ время, какъ онъ самъ хочетъ. Забота руководителей должна быть направлена на то, чтобы это время проводилось здоро́во и нравственно, и физически.

Дѣтскій народный домъ долженъ предоставить дѣтямъ свободу въ выборѣ занятій, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ широко организовать возможность удовлетворенія потребности въ умственномъ развитіи. Читальня, библіотека дѣтскихъ книгъ, руко-

водство систематическимъ чтеніемъ, помощь въ приготовленіи школьныхъ уроковъ, школа для подростковъ, періодическія лекціи съ волшебными и живыми картинами, образовательныя экскурсіи,—вотъ могучія орудія для возбужденія интереса къ умственному труду и для утоленія умственнаго голода.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Народный дѣтскій домъ долженъ дать своимъ посѣтителямъ все, чтобы поднять ихъ хилое здоровье и развить физически. Этой цѣли должны служить гимнастика, спортъ, живая общественная игра на воздухѣ и въ гимнастическомъ залѣ, а также разные виды ручного труда.

Наконецъ, грязныя каменныя улицы, мрачные подвалы и тѣсные углы, вѣчный сумракъ нашей погоды изъемлютъ все красивое изъ жизни петербургскаго ребенка, и Народный дѣтскій домъ долженъ дать своимъ посѣтителямъ минуты наслажденія прекраснымъ, долженъ пріобщить ихъ къ искусству и природѣ. Для этого необходимо дать возможность заниматься лѣпкой, рисованіемъ, широко организовать дѣтскіе хоры и оркестры, время отъ времени возить дѣтей въ художественныя галлереи, устраивать литературныя утра, концерты и спектакли въ спеціальномъ театральномъ залѣ Дѣтскаго народнаго дома и, наконецъ, возить дѣтей за городъ, въ природу.

Трудно перечислить всѣ тѣ пути, которыми хорошо поставленный Дѣтскій народный домъ можетъ внести свѣтъ, здоровье и хоть немного счастья въ жизнь дѣтей Петербурга. Если удастся осуществить нашу идею, если дѣтскій смѣхъ, веселье и бодрое занятіе дѣломъ будутъ наполнять сверху до низу Народный дѣтскій домъ имени Толстого, то развѣ не будетъ казаться хотя бы для нѣсколькихъ сотенъ его юныхъ посѣтителей, что для нихъ на время отрываютъ изъ земли „Зеленую палочку", которую давно зарылъ на курганѣ сосредоточенный, странный мальчикъ, ставшій великимъ учителемъ міра, имя котораго стоитъ надъ дверями Дѣтскаго народнаго дома.

Строя планъ такого широкаго учрежденія для дѣтей, мы знаемъ, какихъ большихъ средствъ онъ потребуетъ, но вѣримъ, что сейчасъ многіе ищутъ выхода своему настроенію, созданному смертью Толстого, и помогутъ намъ пожертвованіями и трудомъ. Возникая по иниціативѣ слушательницъ Педагогическихъ курсовъ, Домъ поставленъ въ счастливыя условія: ему обѣщанъ притокъ молодого, энергичнаго и подготовленнаго труда; на границѣ школы и жизни молодые люди, поколѣніе за поколѣніемъ, будутъ работать именемъ Толстого.

Организацію Дома беретъ на себя совѣтъ Педагогическихъ курсовъ и совѣтъ Фребелевскаго Общества. Въ будущемъ же предполагается создать при указанномъ Обществѣ спеціальный отдѣлъ, вѣдающій дѣла Народнаго дѣтскаго дома.

Мы обращаемся ко всѣмъ сочувствующимъ этому начинанію, прося направлять свои пожертвованія на имя казначея Фребелевскаго Общества, Екатерины Петровны Чечулиной (С.-Петербургъ, Эртелевъ переулокъ, д. № 12), и просимъ не стѣсняться никакими размѣрами пожертвованій.

Всѣхъ желающихъ получить какія-либо справки просимъ обращаться къ Александрѣ Михайловнѣ Калмыковой, письменно или лично, отъ 6—7 час. вечера (кромѣ праздниковъ) (С.-Петербургъ, Греческій проспектъ, д. № 11, кв. 6).

Члены комитета организаціи Народнаго дѣтскаго дома имени Л. Н. Толстого:

Предсѣдатель Фребелевскаго Общества *Д. Энденъ.*

Члены педагогическаго совѣта: ***В. Гердъ, А. Калмыкова, В. Рубашкинъ, Е. Румянцевъ, Г. Фальборнъ.***

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Январь 1911 года.

ИСТОРІЯ.

С. Аваліани. Земскіе соборы.—*Вел. кн. Николай Михайловичъ.* Переписка Императора Александра I съ сестрой, вел. кн. Екатериной Павловной.—*Henri Pirenne.* Les anciennes démocraties des Pays-Bas.—*Sz. Askenazy.* Lukasinski.

С. Аваліани. Земскіе соборы. Одесса, 1910 г. Стр. 134 + 87. Цѣна не обозначена. Брошюра г. Аваліани состоитъ изъ двухъ частей. Первая часть посвящена обзору исторіографіи земскихъ соборовъ; вторая заключаетъ въ себѣ попытку пересмотра вопроса о характерѣ представительства на земскихъ соборахъ XVI и начала XVII ст. Обзоръ исторіографіи земскихъ соборовъ сдѣланъ довольно тщательно и доведенъ до самаго послѣдняго времени, включая статьи, появившіяся въ печати въ минувшемъ году. Во второй части имѣютъ значеніе составленные авторомъ служебные формуляры всѣхъ участниковъ соборовъ XVI и начала XVII ст. Въ этомъ отношеніи авторъ дополнилъ и продолжилъ извѣстную работу г. Клочкова. Обнаруживъ похвальную усидчивость и работоспособность при выполненіи черновыхъ работъ вродѣ исторіографическаго обзора и составленія формуляровъ, г. Аваліани оказался, однако, весьма слабымъ въ области самостоятельныхъ историческихъ построеній, къ которымъ онъ, тѣмъ не менѣе, чувствуетъ, повидимому, большое влеченіе. Предпринятый имъ пересмотръ вопроса о соборномъ представительствѣ приходится признать „покушеніемъ съ негодными средствами“. Вопреки установившемуся въ настоящее время въ наукѣ положенію, предложенному В. О. Ключевскимъ, о томъ, что основой представительства на соборахъ XVI ст. былъ не общественный выборъ, а правительственный отборъ, г. Аваліани обѣщается доказать выборный характеръ этого представительства. Однако, всѣ его разсужденія сводятся далѣе къ признанію уже доказаннымъ того, что̀ какъ разъ и должно было составить предметъ его доказательствъ. Если на соборы въ XVI в. являлись отъ служилаго дворянства воеводы и сотенные головы, а отъ купечества—старосты, то, по мнѣнію г. Аваліани,

это объясняется тѣмъ, что сами избиратели предпочитали выбирать лицъ, занимающихъ офиціальное положеніе, какъ болѣе опытныхъ и пригодныхъ къ работѣ надъ государственными вопросами. Вотъ и всѣ доказательства выборнаго характера соборнаго представительства въ XVI ст. Авторъ не замѣчаетъ, что предположительное истолкованіе мотивовъ, яко бы руководившихъ избирателями, отнюдь не можетъ быть принято, какъ доказательство самаго существованія выборовъ. Не менѣе неожиданный характеръ носитъ объясненіе происхожденія земскихъ соборовъ, которое даетъ г. Аваліани. По его представленію, учрежденіе земскаго собора явилось результатомъ компромисса между царской властью и „политически обезсиленнымъ, но экономически мощнымъ, крупнымъ боярствомъ" (стр. 9). Неужели г. Аваліани не знаетъ, что само политическое обезсиленіе боярства къ половинѣ XVI ст. было слѣдствіемъ экономическаго кризиса, имъ тогда переживавшагося? Неужели онъ не знаетъ, что соціальной силой, преобладавшей на соборахъ, было вовсе не крупное боярство, а средніе общественные классы—служилое дворянство и купечество?

Спутанныя и скороспѣлыя обобщенія и нелогичная аргументація,—таковы особенности тѣхъ частей работы г. Аваліани, въ которыхъ онъ пытается „двигать науку" и прокладывать „новые пути".

А. Кизеветтеръ.

Великій князь Николай Михайловичъ. Переписка императора Александра I съ сестрой вел. княг. Екатериной Павловной Съ 8 рисунк. и 2 факсимиле рукописей. Спб., 1910 г. Стр. 320. Цѣна не обозначена. Новое изданіе вел. кн. Николая Михайловича представляетъ столь же высокій историческій интересъ, какъ и всѣ предшествующія его работы. Обнародованная въ настоящей книгѣ переписка Александра I съ вел. княг. Екатериной Павловной ранѣе совершенно не была извѣстна, и до сихъ поръ полагали, что она цѣликомъ сгорѣла при пожарѣ дворца на Марсовомъ полѣ въ 1849 г. Теперь стараніями вел. кн. Ник. Мих. значительная часть этой переписки разыскана въ государственномъ архивѣ и собственной Его Величества библіотекѣ и опубликована во всеобщее свѣдѣніе. Екатерина Павловна сыграла, какъ извѣстно, видную роль въ жизни Александра I. Это была его любимая сестра. Честолюбивая, самонадѣянная и порывисто-властная, она не ограничивалась въ своихъ отношеніяхъ съ братомъ чисто семейными вопросами и всегда стремилась къ активной политической роли. Передъ паденіемъ Сперанскаго ея литературно-политическій салонъ въ Твери сталъ центромъ движенія противъ реформатора-конституціоналиста, и позднѣе, въ эпоху отечественной войны и священнаго союза она нерѣдко подымала передъ Александромъ свой голосъ по вопросамъ внутренней и внѣшней политики. Все это повышаетъ интересъ къ ея перепискѣ съ императоромъ Александромъ. При знакомствѣ съ изданными теперь письмами ожиданія оправдываются, однако, далеко не въ полной мѣрѣ. Александръ имѣлъ основанія бояться нескромности русской почты и въ одномъ изъ писемъ онъ прямо запрещаетъ сестрѣ касаться чего-либо важнаго изъ области политики въ письмахъ, отправляемыхъ обычнымъ порядкомъ, а не черезъ вѣрную „оказію".

Вотъ почему въ изданной перепискѣ мы не находимъ ни одной

строчки относительно дѣла Сперанскаго, въ которомъ Екатеринѣ Павловнѣ принадлежала такая видная роль. И все же напечатанныя письма полны высокаго интереса. Несмотря на всѣ опасенія корреспондентовъ, политика занимаетъ въ ихъ писаніяхъ обширное мѣсто. И что всего важнѣе, эта переписка даетъ намъ рѣдкую возможность наблюдать Александра въ моменты наибольшей откровенности и непринужденности при высказываніи своихъ мнѣній, при объясненіи сокровенныхъ мотивовъ своего поведенія. Въ этомъ отношеніи первостепенную важность имѣютъ письма, посвященныя взятію Москвы французами. Великая княгиня осыпала брата рѣзкими упреками за то, что онъ отстранился отъ непосредственнаго участія въ кампаніи и не явился лично спасать Москву отъ Наполеона. Александръ отвѣтилъ на эти упреки длиннымъ письмомъ, въ которомъ подробно развилъ свои взгляды на весь ходъ кампаніи, откровенно высказалъ свои сужденія о всѣхъ выдающихся генералахъ русской арміи и представилъ горячую апологію собственнаго поведенія. Это замѣчательное письмо должно получить большое значеніе при изученіи характера и личной исторіи Александра I. Указанный эпизодъ занимаетъ центральное мѣсто въ изданной перепискѣ. Но помимо того по всѣмъ напечатаннымъ теперь письмамъ разсыпана масса чрезвычайно цѣнныхъ данныхъ, которыя не должны быть обойдены ни однимъ историкомъ этой эпохи. Въ приложеніи къ книгѣ напечатаны извлеченія изъ записокъ княг. Ливенъ, хранящихся въ собственной Его Величества библіотекѣ: въ нихъ живо и ярко описывается пребываніе Александра I и Екатерины Павловны въ Англіи въ 1814 г.

А. Кизеветтеръ.

Henri Pirenne. Les anciennes démocraties des Pays-Bas. 300 стр. 1910. Ц. 3 фр. 50 сант. Paris, изд. E. Flammarion, серія Bibliothèque de Philosophie scientifique. Книга гентскаго профессора Анри Пиренна посвящена исторіи городской демократіи Фландріи и Люттиха и охватываетъ періодъ съ X вѣка до XVII-го. Первыя главы излагаютъ происхожденіе фламандскихъ городовъ. Авторъ строитъ не лишенную своеобразія теорію образованія центровъ торговли и промышленности, быстро превратившихся въ то, что впослѣдствіи было названо городами. Слѣдующія главы говорятъ о соціально-политическихъ учрежденіяхъ фламандскихъ городовъ; здѣсь приводится много крайне интересныхъ фактовъ изъ исторіи образованія городского патриціата, противъ котораго вскорѣ возстали мелкіе ремесленники (le commun). Глава о возстаніи коммунъ, какъ принято называть это городское движеніе, представляетъ выдающійся интересъ, такъ какъ Фландрія служила образцомъ въ этомъ отношеніи для многихъ другихъ городовъ, въ частности для городовъ сѣверной Франціи. За возстаніемъ слѣдовалъ періодъ господства городской демократіи, обращавшейся за помощью въ своей борьбѣ съ патриціатомъ то къ королевской власти, то къ мелкимъ принцамъ, а иногда даже къ земельной аристократіи. Отдѣльные эпизоды изъ этой классовой борьбы, принимающей, смотря по той обстановкѣ, среди которой она происходитъ, самые неожиданные обороты, въ видѣ обращенія наиболѣе демократически настроенныхъ элементовъ къ наиболѣе реакціоннымъ,—читаются съ захватывающимъ интересомъ, тѣмъ болѣе, что Пиреннъ обладаетъ удивительнымъ умѣніемъ живо и ясно излагать сложные и довольно запутанные факты и нѣсколькими

словами удачно охарактеризовать суть развертывающихся предъ глазами читателя драматическихъ событій. Съ вступленіемъ въ 1494 г. Филиппа Красиваго во власть, послѣ ряда страшныхъ жестокостей надъ возставшимъ Гентомъ, гдѣ игралъ крупную роль демагогъ Коппенголе, начинается новый періодъ городской жизни для Нидерландовъ. Съ XVI в. демократію смѣняетъ крупный капитализмъ, правильнѣе, крупная интернаціональная торговля. Къ сожалѣнію, авторъ, подробно говоря о предшествующихъ періодахъ, лишь бѣгло останавливается на XVI и XVII вв.

С. Лозинскій.

Sz. Askenazy. Lukasinski (С. Аскенази. Лукасинскій). Т. I—420, т. II—416 стр. Варшава. Всѣ труды извѣстнаго польскаго историка проф. С. Аскенази, отличаясь несомнѣнными достоинствами, страдаютъ однимъ основнымъ недостаткомъ. Талантливый историкъ чрезвычайно одностороненъ; изслѣдуя почти исключительно политическую (въ узкомъ смыслѣ слова) и дипломатическую исторію, онъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ исторію общественную, что, несомнѣнно, неблагопріятно отражается на его изслѣдованіяхъ и толкаетъ иногда къ рискованнымъ необоснованнымъ заключеніямъ. Въ своей, однако, области С. Аскенази незамѣнимъ; каждый его трудъ является значительнымъ вкладомъ въ историческую науку.

Послѣдняя работа проф. С. Аскенази посвящена одной изъ самыхъ темныхъ страницъ польской исторіи—происхожденію и развитію тайнаго „Патріотическаго общества", руководимаго Валеріаномъ Лукасинскимъ. Трудно передать въ нѣсколькихъ словахъ богатое содержаніе такъ скромно озаглавленной книги. Авторъ очень подробно разбираетъ польскую политику Александра I, отношеніе къ ней польскаго общества въ разные періоды, волненія различныхъ общественныхъ элементовъ, развитіе тайныхъ кружковъ и, наконецъ, правительственную реакцію. Въ связи съ этимъ С. Аскенази долго останавливается на исторіи подпольныхъ организацій въ Зап. Европѣ и Россіи. Въ частности, говоря о послѣдней, онъ даетъ много новыхъ матеріаловъ для освѣщенія вопроса о спошеніяхъ „Южнаго общества" съ польскими заговорщиками.

Передадимъ вкратцѣ содержаніе книги о Лукасинскомъ.

Въ первое время послѣ вѣнскаго конгресса польское общество идетъ рука объ руку съ монархомъ. Всѣ тайныя организаціи,—отчасти занесенныя съ чужбины, изъ эпохи безпрестанной борьбы эмигрантовъ-легіонистовъ на службѣ французской республики и имперіи, отчасти зародившіяся подъ вліяніемъ распространеннаго и популярнаго тогда масонства,—видятъ въ Александрѣ выразителя своихъ идеаловъ. Даже самый крайній кружокъ той эпохи—„Національное масонство", кружокъ, организованный Лукасинскимъ, своей главной задачей считаетъ достиженіе свободной независимой Польши подъ покровительствомъ царя—императора Александра.

Однако, на Западѣ вновь появляются признаки народнаго возбужденія. А имп. Александръ, еще раньше основавшій священный союзъ, рѣшительно переходитъ на сторону европейской реакціи съ ея апостоломъ и вдохновителемъ Меттернихомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, заботясь прежде всего поддержать миръ и легитимизмъ, онъ оставляетъ мысль о пресоединеніи Познани и Галиціи.

Общество, прежде сочувственно относившееся къ политикѣ императора, смотрѣвшее на него съ нѣкоторой надеждой, пропитывается враждебнымъ правительству духомъ. Подпольные кружки пріобрѣтаютъ ярко выраженную антиправительственную окраску. Взгляды и настроеніе крайнихъ общественныхъ элементовъ находятъ выраженіе въ основанномъ маіоромъ Валеріаномъ Лукасинскимъ и его другомъ Каз. Михницкимъ „Патріотическомъ обществѣ". Эта организація, вербовавшая своихъ членовъ главнымъ образомъ среди офицеровъ польской арміи, далеко ушла отъ невинныхъ, строго лояльныхъ взглядовъ „Національнаго масонства". Отъ правительства Аракчеева и sui generis талантливаго руководителя полиціи Новосильцева нечего ожидать возрожденія Польши. И „Патріотическое общество" оставляетъ мысль „Національнаго масонства" о помощи императору въ дѣлѣ возстановленія родины; оно считаетъ пригодными всѣ средства и дѣйствія, вплоть до вооруженнаго возстанія.

Въ первые годы своего существованія „общество" быстро развивается, вербуя новыхъ членовъ, распространяя свое вліяніе. Но вскорѣ полиція нападаетъ на слѣдъ заговорщиковъ; начинаются обычныя преслѣдованія, аресты, военный судъ и многолѣтнее заключеніе. Лукасинскій, приговоренный судомъ къ семилѣтнему только заключенію, до самой своей смерти въ 1868 г. содержится въ Шлиссельбургскихъ казематахъ.

Таково содержаніе этой работы проф. С. Аскенази,—работы, основанной на строго-научномъ изслѣдованіи огромнаго количества архивныхъ матеріаловъ. Всѣ интересующіеся польской общественной жизнью, дѣйствіями русской администраціи и внѣшней политикой Россіи во вторую половину царствованія Александра I найдутъ въ этой книгѣ неисчерпаемый источникъ новыхъ свѣдѣній.

Л. Меерсонъ.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Н. Я. Абрамовичъ. Художники и мыслители. Вторая книга литературно-критическихъ очерковъ.—*Александръ Закржевскій.* Подполье. Психологическія параллели.

Н. Я. Абрамовичъ. Художники и мыслители. Вторая книга литературно-критическихъ очерковъ. Изд. „Заря". М., 1911 г. Ц. 1 р. 25 к. Въ предисловіи къ своимъ „очеркамъ" г. Абрамовичъ говоритъ: „Отличительный признакъ истиннаго творчества—его вдохновенность, его ирраціональность: человѣкъ не надъ нимъ властенъ, а ему подвластенъ; не онъ владѣетъ его силой, а она имъ владѣетъ. Въ творческую работу положенъ принципъ не индивидуальнаго самовластія, а одержимости (!) силой сверхъ-индивидуальной" (стр. 7). Такимъ образомъ, трудъ, „молчаливый спутникъ ночи" художника, въ глазахъ г. Абрамовича, есть только бредъ глухо-прорицающей пиѳіи. Критикъ забываетъ слова одного изъ „вдохновенныхъ" (Я. Полонскаго):

Поэтъ владѣетъ страстью,
А не она владѣетъ имъ.

Свою обязанность художественнаго критика г. Абрамовичъ понимаетъ весьма своеобразно: онъ ставитъ ее наравнѣ съ творчествомъ самого

художника, утверждая въ предисловіи, что критикъ „лично творческое дѣлаетъ общимъ, выявляя „я“ художника“, и затѣмъ утверждаетъ (стр. 139): „идеальнѣйшая задача художественной критики была бы рѣшена, если бы частица жизненно-творческаго „я“ художника осталась закрѣпленной въ критическомъ этюдѣ“. Неужели личность художника не имѣетъ самодовлѣющей силы, неужели для того, чтобы понять Чехова или Гамсуна, не достаточно прочесть и пережить ихъ творенія, а надо прибѣгать къ посредничеству г. Абрамовича и его „этюдовъ“? Послѣднее тѣмъ болѣе не нужно, что, будучи самъ по себѣ критикомъ чрезвычайно безличнымъ, г. Абрамовичъ рѣшительно не въ состояніи выявить чью бы то ни было чужую личность. Статьи его безцвѣтны. Безконечно выпрядываемыя нити блѣдныхъ импровизацій на темы: Гамсунъ, Кольцовъ, Роденбахъ (кстати, почему г. Абрамовичъ превратилъ Роденбаха въ англичанина, упорно называя его Джоржемъ?) ничего не потеряли бы, если бы вмѣсто названныхъ именъ были подставлены другія.

Вотъ какъ пишетъ г. Абрамовичъ: „Любовь повела Іоганнеса въ свои роскошные и безстыдные сады, и онъ рвалъ тамъ цвѣты и сбиралъ въ свой стаканъ всѣ капельки (!) разнообразныхъ ядовъ, рожденныхъ на свѣтъ въ порывахъ (чего?), въ бѣшенствѣ, въ экстазѣ, въ сладчайшемъ наслажденіи и въ самой тяжелой мукѣ. Все это собралъ онъ въ свой стаканъ и протянулъ его читателю: пей, отравись, вотъ волшебный напитокъ поэта, алое вино любви...“ (стр. 78). Рядъ восклицаній не только не имѣетъ права на значеніе „художественнаго творчества“, но не можетъ вообще считаться критикой. Болѣе чѣмъ странное впечатлѣніе производятъ случайныя и необоснованныя попытки сблизить Достоевскаго съ Уайльдомъ или впрячь могучую музу Пушкина въ ярмо болѣзненнаго мистицизма.

Борисъ Садовской.

Александръ Закржевскій. Подполье. Психологическія параллели. Изд. журнала „Искусство и печатное дѣло“. Кіевъ, 1911 г. Ц. 1 р. Путемъ сопоставленія психологическихъ параллелей въ творчествѣ шести писателей г. Закржевскій пытается прослѣдить въ русской литературѣ идею „подполья“, отцомъ которой былъ Достоевскій. Параллелью Достоевскому авторъ беретъ произведенія Л. Андреева, Ѳ. Сологуба, Л. Шестова, А. Ремизова и М. Пантюхова, какъ углубившихъ и расширившихъ эту идею. „Подполье“, понимаемое, какъ отказъ отъ жизни, г. Закржевскій называетъ „спасительнымъ якоремъ“. Оно „собираетъ въ нѣдрахъ своихъ остатки бывшихъ надеждъ, блѣдные звуки молитвъ и вдохновеній, усталыя силы возможныхъ побѣдъ, геніальныхъ прозрѣній“ (стр. 3). Благословляя „подполье“, г. Закржевскій усматриваетъ въ немъ единственное спасеніе будущаго человѣка отъ ужаса жизни. Къ сожалѣнію, при разборѣ тѣхъ авторовъ, у которыхъ идея „подполья“ выразилась наиболѣе ярко, г. Закржевскій впадаетъ въ одностороннюю крайность, подчиняя творчество каждаго писателя всецѣло одной этой идеѣ и забывая, что для Достоевскаго, напримѣръ, „подполье“ являлось лишь краткою ступенью его многообразной жизни, что, преодолѣвъ „подполье“, онъ умеръ съ мечтами о „золотомъ вѣкѣ“ и о царствѣ Христовомъ на землѣ. Та же односторонность внушила г. Закржевскому убѣжденіе, будто „Мои записки“ г. Андреева—„геніальная

апологія подполья", что „ее будутъ читать, ею будутъ упиваться, отъ нея станутъ вѣшаться и стрѣляться, станутъ сходить съ ума и воскресать!" (стр. 23); что гр. Л. Толстой—„эгоистъ", добро котораго является „средствомъ для тепленькаго собственнаго самолюбованія" (стр. 58), что Ремизовъ послѣ „Пруда" явилъ полное паденіе таланта (стр. 72) и т. п. Говоря о Достоевскомъ, его отцѣ, его домашней жизни, г. Закржевскій обнаруживаетъ вездѣ полное незнакомство съ біографіей этого писателя. Извѣстно, что Достоевскій очень любилъ и уважалъ своего отца, прекраснаго человѣка, лѣто всегда проводилъ въ деревнѣ, въ инженерномъ училищѣ не голодалъ и ни въ какихъ „каморкахъ" не ютился. Стиль г. Закржевскаго поражаетъ какимъ-то декадентскимъ архаизмомъ, впадающимъ порой въ безграмотность. „Душа обагрилась желчью" (стр. 1), „мимозная душа" (стр. 4), „прозябаніе творило тяжелую атмосферу" (стр. 5), „зондъ тоски гложетъ душу" (стр. 13), „безумное лицо, вслушанное въ геніальную мысль" (стр. 65), „жизнь высучивается изъ сѣрой паутины подполья" (стр. 73), „дьявольскій ликъ пьетъ наше сердце острыми хлебками" (стр. 77) и т. д., и т. д. Въ общемъ, опытъ г. Закржевскаго о „подпольѣ", какъ о цѣли жизни, ни съ какой стороны нельзя считать удачнымъ.

Борисъ Садовской.

ФИЛОСОФІЯ.

Проф. Алоизъ Гефлеръ. Основныя ученія логики.—*Семенъ Грузенбергъ.* Очерки современной русской философіи.

Проф. Алоизъ Гефлеръ. Основныя ученія логики. Пер. съ 4-го нѣм. изд. I. Давыдова и С. Салитанъ. Съ предисловіемъ И. И. Лапшина. Изд. „Научно-философской библіотеки". Спб., 1910 г. Стр. IV+222. Ц. 1 р. 50 к. Значеніе этого руководства по логикѣ правильно отмѣчено въ предисловіи И. И. Лапшина: при современномъ состояніи логической науки, когда прежнее однозначное ея пониманіе смѣнилось полнымъ разногласіемъ въ вопросѣ о природѣ, задачахъ и методахъ логики, желающій основательно ознакомиться съ ней долженъ необходимо изучить *всѣ* господствующія въ ней направленія. Логика Гефлера—лучшій образецъ австрійскаго психологистическаго направленія. Въ пониманіи Гефлера логика есть наука объ „очевидности" въ мышленіи, причемъ „очевидность" („Evidenz") понимается, какъ неразложимое, но всѣмъ доступное изъ внутренняго опыта психическое состояніе. Усматривая критерій знанія въ такой „очевидности" связи мыслей, Гефлеръ соединяетъ „психологизмъ" съ формализмомъ, т.-е. отдѣляетъ логику отъ теоріи познанія и разсматриваетъ ее, какъ часть психологіи мышленія, а именно, формальнаго соотношенія представленій, причемъ отпадаетъ вопросъ о матеріальной правильности. Основательную критику этой точки зрѣнія—въ связи съ общей критикой „психологизма" въ логикѣ—читатель можетъ найти въ „Логическихъ изслѣдованіяхъ" *Гуссерля* (ч. I, § 49—51, русск. перев., стр. 156 и сл.).

Какъ типъ учебнаго руководства, книга Гефлера занимаетъ промежуточное мѣсто между элементарными учебниками и обоснованными

системами логики. Какъ элементарный учебникъ, она слишкомъ трудна и сложна; какъ система, она слишкомъ афористична и мало обоснована. Для учащихся она, такимъ образомъ, врядъ ли особенно пригодится, но въ рукахъ преподавателей логики она можетъ оказаться весьма полезной обиліемъ примѣровъ и матеріаловъ для упражненій, интереснымъ освѣщеніемъ нѣкоторыхъ вопросовъ и своеобразнымъ строеніемъ системы. При сравнительной бѣдности русской литературы (оригинальной и переводной) по логикѣ книга Гефлера во всякомъ случаѣ должна найти себѣ примѣненіе.

С. Франкъ.

Семенъ Грузенбергъ. Очерки современной русской философіи. Опытъ характеристики современныхъ тенденцій русской философіи. Спб. 1910 г. Стр. 83. Ц. 50 к. „Задача очерковъ—облегчить читателямъ возможность оріентироваться въ наиболѣе яркихъ тенденціяхъ, перекрещивающихся въ современной западной литературѣ, показавъ въ то же время, какъ преломились эти тенденціи въ истолкованіи крупнѣйшихъ представителей русскихъ философскихъ школъ". Задача весьма почтенная, даже если ее понимать въ смыслѣ путеводителя по философской литературѣ, какъ, повидимому, представлялъ себѣ свою задачу авторъ. Какъ же выполняетъ эту задачу авторъ? Для характеристики изложенія имъ одной изъ „наиболѣе яркой тенденціи современной западной литературы" возьмемъ изложеніе имъ кантіанства, которому авторъ (наравнѣ съ гегельянствомъ) отводитъ больше всего мѣста. На стр. 28: „Всѣ данныя внутренняго и внѣшняго опыта суть—выражаясь языкомъ Канта—не самыя „вещи въ себѣ", а всего лишь „явленія", т.-е. внѣшнія закономѣрныя обнаруженія, чувственные опечатки, *копіи* (!) истинныхъ сущностей, или „вещей въ себѣ". На стр. 29: „Не только природа, но даже и самый фактъ существованія „вещей въ себѣ" остается для насъ безнадежно неразрѣшимой загадкой".

Такія вопіющія противорѣчія встрѣчаются въ этой книжкѣ на каждомъ шагу, въ особенности гдѣ авторъ перестаетъ цитировать и начинаетъ свои „т.-е.". Но и для путеводителя законъ непротиворѣчія—обязательный законъ. Наконецъ, всякій путеводитель имѣетъ смыслъ тогда, когда въ немъ производится тщательный выборъ достопримѣчательностей. Вообразите себѣ Бедекеръ, въ которомъ всѣ памятники отмѣчены двумя, даже тремя звѣздочками! А между тѣмъ путеводитель г. Грузенберга тѣмъ и отличается: и Дебольскій, и Введенскій, и Лапшинъ, и Лосскій, и де-Роберти, и Бехтеревъ—каждый изъ нихъ является „наиболѣе выдающимся". Точно такъ же и сочиненія отдѣльныхъ авторовъ являются всѣ „самыми крупными". Прямо изумляешься вмѣстимости г. Грузенберга, компенсирующейся, впрочемъ, исключительнымъ однообразіемъ безпрестанно повторяющихся, но непремѣнно хвалебныхъ эпитетовъ. Невольно заподозриваешь, что имъ въ данномъ случаѣ руководили не столько философскія, сколько... ну, скажемъ—географическія соображенія: „опытъ характеристики современной русской философіи" ограничивается исключительно философіей петербургской; „за недостаткомъ мѣста" совершенно обойдены московскій „кантіанецъ" (sic!) Лопатинъ, „стяжавшій себѣ извѣстность, главнымъ образомъ, своими трудами о нравственной философіи Канта" (sic! А мы-то думали, что „Положительными задачами философіи"), кн. С. Н. Трубецкой даже не

упомянутъ. Эмпиріокритицизмъ представленъ Богдановымъ и Луначарскимъ; о книгѣ Викторова (тоже москвича) ни слова. Но для живущихъ въ Петербургѣ соціолога де-Роберти и психолога и психіатра Бехтерева мѣсто всетаки нашлось.

С. Гессенъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Л. Б. Кафенгаузъ. Развитіе русскаго сельскохозяйственнаго машиностроенія. Къ вопросу о пошлинахъ на сельскохозяйственныя машины. — *Л. Н. Литошенко.* Таможенное обложеніе въ Россіи сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій и его значеніе для русскаго сельскаго хозяйства.—Вопросъ о повышеніи таможеннаго обложенія на сельскохозяйственныя машины и орудія въ харьковскомъ о-бѣ сельскаго хозяйства.—*I. Frost.* Belgische Wanderabeiter.—B. Bodenstein und M. v. Stojentin. Der Arbeitsmarkt in Industrie und Landwirtschaft und seine Organisation.—*Otto Gerlach.* Ansiedlungen von Landarbeitern in Norddeutschland.—Dr. W. D. Preyer. Die russische Zuckerindustrie.—*И. Левинъ.* Свеклосахарная промышленность въ Россіи.—*Dr. Walter Conrad.* Technik des Bankwesens.

Л. Б. Кафенгаузъ. Развитіе русскаго сельскохозяйственнаго машиностроенія. Къ вопросу о пошлинахъ на сельскохозяйственныя машины. Изд. Харьковскаго о-ва сельскаго хозяйства. Харьковъ, 1910 г. Стр. X + 60. Ц. 50 к.—Л. Н. Литошенко. Таможенное обложеніе въ Россіи сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій и его значеніе для русскаго сельскаго хозяйства. Изд. Харьковскаго о-ва сельскаго хозяйства. Харьковъ, 1910 г. Стр. VIII + 138. Ц. 1 р.—Вопросъ о повышеніи таможеннаго обложенія на сельскохозяйственныя машины и орудія въ Харьковскомъ о-вѣ сельскаго хозяйства. Харьковъ, 1910 г. Стр. IV + 72. Ц. не обозн. Тема, которой посвящена работа гг. Кафенгауза и Литошенка, представляетъ собою большой и притомъ злободневный интересъ, такъ какъ 31 декабря 1910 года истекъ срокъ дѣйствія временнаго закона 25 мая 1898 года (продленнаго въ 1905 г.) о безпошлинномъ ввозѣ нѣкоторыхъ (сложныхъ) сельскохозяйственныхъ машинъ, поименованныхъ въ п. 6, ст. 167 нашего таможеннаго тарифа. Въ общей системѣ русскаго покровительственнаго тарифа—поскольку рѣчь идетъ объ обрабатывающей промышленности—существуютъ въ настоящее время два изъятія (не считая отмѣненнаго теперь безпошлиннаго ввоза машинъ для золотопромышленности); это—морскія суда и сельскохозяйственныя машины. Послѣднее изъ этихъ изъятій имѣетъ, конечно, совершенно особенное значеніе для страны, такъ какъ тѣсно связано съ развитіемъ важнѣйшей отрасли русскаго народнаго хозяйства. Между тѣмъ нужно признать, что до настоящаго времени обсужденіе этого вопроса сводилось у насъ въ большинствѣ случаевъ къ общимъ фразамъ, обильно уснащеннымъ аргументами вульгарнаго аграрнаго фритредерства. Среди этихъ споровъ остро чувствовалась потребность въ тщательномъ и безпристрастномъ изслѣдованіи фактовъ. Насколько эта потребность велика, видно изъ того, что въ то время, какъ одни противники пошлинъ на сельскохозяйственныя машины аргументировали безнадежностью какихъ-либо мѣръ для покровительства русскому сельскохозяйственному машино-

строенію, другіе—и они, по нашему мнѣнію, были во всякомъ случаѣ болѣе правы—доказывали, что пошлины не нужны въ интересахъ самой промышленности, такъ какъ она успѣшно развивается и растетъ, *несмотря* на отсутствіе таможенной охраны. Гг. Кафенгаузу и Литошенку, а также Харьковскому обществу сельскаго хозяйства, по иниціативѣ котораго эти работы были произведены, принадлежитъ большая заслуга исчерпывающаго изслѣдованія фактическаго развитія русскаго сельскохозяйственнаго машиностроенія. Въ силу установленнаго между авторами раздѣленія труда, трудъ г. Кафенгауза долженъ былъ дать отвѣтъ на вопросъ о томъ, „необходимо ли въ данный моментъ проектируемое увеличеніе пошлинъ для дальнѣйшаго развитія нашего сельскохозяйственнаго машиностроенія?". А работа г. Литошенка посвящена историческому обзору вопроса о таможенномъ обложеніи сельскохозяйственныхъ машинъ въ Россіи и значеніи таможенныхъ пошлинъ на эти машины и орудія для русскаго сельскаго хозяйства.

Исторію русскаго сельскохозяйственнаго машиностроенія можно раздѣлить на три періода. Во-первыхъ, періодъ свободной торговли со времени перваго появленія въ Россіи этой отрасли промышленности до 1885 г. и вмѣстѣ съ тѣмъ періодъ безпошлиннаго ввоза чугуна для нуждъ машиностроенія (1861—1881 гг.). Во-вторыхъ, періодъ съ 1885 по 1898 г., періодъ таможеннаго обложенія *всѣхъ* сельскохозяйственныхъ машинъ и высокихъ цѣнъ на желѣзо (въ виду отмѣны въ 1881 г. упомянутой выше льготы); и, наконецъ, въ-третьихъ, періодъ съ 1898 г. до настоящаго времени, періодъ безпошлиннаго ввоза сложныхъ сельскохозяйственныхъ машинъ и пониженія цѣнъ на желѣзо. Результатъ развитія русскаго сельскохозяйственнаго машиностроенія во второй изъ этихъ періодовъ г. Кафенгаузъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: „сырые матеріалы были и плохи и дороги, пошлина на готовыя машины въ общемъ только компенсировала собой дороговизну оборудованія и сырыхъ матеріаловъ и если оставляла нѣкоторый излишекъ русскому фабриканту, то очень незначительный; тѣмъ не менѣе развитіе сельскохозяйственнаго машиностроенія не отставало отъ расширенія спроса и шло въ общемъ параллельно ввозу иностранныхъ машинъ" (стр. 37). При этомъ русскіе заводы развивались и успѣшно конкурировали съ иностранными постольку, поскольку имъ удавалось конструировать машины, соотвѣтствующія условіямъ русскаго сельскаго хозяйства.

Послѣдній періодъ (т.-е. съ 1898 г.) характеризуется, какъ мы уже сказали, безпошлиннымъ ввозомъ болѣе сложныхъ, главнымъ образомъ уборочныхъ машинъ („особо поименованныхъ") и пониженіемъ — по сравненію съ другими видами машинъ—обложенія простыхъ сельскохозяйственныхъ машинъ и локомобилей, ввозимыхъ при молотилкахъ. За упомянутый періодъ русское сельскохозяйственное машиностроеніе сдѣлало значительные успѣхи, а именно: *фабричное* производство сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій оцѣнивалось въ 1900 г. въ 10—15 милл. р., а въ 1908 г.—въ 35 милл. р. (*Кафенгаузъ*, стр. 58). Но этотъ успѣхъ приходится почти исключительно на долю простѣйшихъ сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій. Напротивъ, удовлетвореніе спроса на сложныя машины характеризуется сильнымъ ростомъ ввоза иностранныхъ машинъ. Такъ, въ то время какъ ввозъ простыхъ сельскохозяйственныхъ машинъ съ 1898 по 1909 г. увеличился съ 7.189 тыс. р. до

17.164 тыс. р. или на 138%, ввозъ локомобилей—съ 1.789 т. р. до 5.486 т. р. или на 206%, ввозъ сложныхъ сельскохозяйственныхъ машинъ, необложенныхъ пошлиной, увеличился съ 598 т. р. до 18.193 т. р., т.-е. почти на 3,000% (*Кафенгаузъ*, стр. 43). Увеличеніе это объясняется весьма сильнымъ увеличеніемъ спроса въ связи съ общимъ повышеніемъ техники русскаго сельскаго хозяйства и въ особенности въ связи съ колонизаціей Сибири. Въ 1908 г. переселенческими складами въ Сибири было продано машинъ на 5,1 милл. р., кромѣ того, обороты частныхъ складовъ въ Сибири достигли въ томъ же году 8 милл. р.

Какъ же, съ точки зрѣнія интересовъ русскаго сельскохозяйственнаго машиностроенія, слѣдуетъ отнестись къ проектированному правительственной комиссіей 1909 года введенію пошлинъ на сложныя сельскохозяйственныя машины и повышенію пошлины на остальныя машины? Г. Кафенгаузъ на этотъ вопросъ отвѣчаетъ весьма категорически: „русское сельскохозяйственное машиностроеніе въ интересахъ своего дальнѣйшаго развитія въ данный моментъ не нуждается въ проектируемомъ увеличеніи пошлинъ“ (стр. 60). Съ другой стороны, г. Литошенко, послѣ обстоятельнаго изложенія вопроса объ обложеніи сельскохозяйственныхъ машинъ вплоть до 1909 года, приходитъ къ выводу о крайней нежелательности проектируемаго повышенія пошлинъ съ точки зрѣнія интересовъ сельскаго хозяйства. „Проектируемое обложеніе нѣкоторыхъ земледѣльческихъ машинъ, ввозившихся до сихъ поръ безпошлинно, значительно затормозитъ распространеніе ихъ и увеличитъ и безъ того не малый налогъ на сельское хозяйство, проистекающій отъ существующаго уже обложенія машинъ“ (*Литошенко*, стр. 138).

Рамки рецензіи не позволяютъ намъ, конечно, подробно остановиться на выводахъ авторовъ. Мы отмѣтимъ только нѣкоторыя сомнѣнія, которыя эти выводы возбуждаютъ въ насъ. Во-первыхъ, мы не находимъ достаточнаго отвѣта на вопросъ; заинтересовано ли русское земледѣліе въ томъ, чтобы нужныя ему сельскохозяйственныя машины производились въ Россіи? Мы лично думаемъ, что да. Во-вторыхъ, пока еще незначительныя попытки производства въ Россіи сложныхъ сельскохозяйственныхъ машинъ, по нашему мнѣнію, отнюдь еще не доказываютъ безусловно, что „производство уборочныхъ машинъ возможно у насъ и при безпошлинномъ ввозѣ иностранныхъ машинъ“ (*Кафенгаузъ*, стр. 57). Но если мы склонны думать, что производство сложныхъ сельскохозяйственныхъ машинъ у насъ въ данный моментъ безъ *покровительства* развиться не можетъ, то это принципіальное признаніе необходимости покровительства отнюдь не предрѣшаетъ ни степени, ни формы его. Въ случаѣ, если бы вопросъ о таможенномъ обложеніи сельскохозяйственныхъ машинъ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, то, конечно, нежелательно, чтобъ къ сельскохозяйственному машиностроенію былъ примѣненъ тотъ „топорный“, не считающійся съ конкретными условіями и особенностями, протекціонизмъ, который характеренъ для нашего таможеннаго тарифа и который составляетъ одинъ изъ главныхъ его недостатковъ. Въ частности долженъ былъ бы быть сохраненъ безпошлинный ввозъ такихъ машинъ, ежегодный спросъ на которыя еще весьма незначителенъ, ибо очевидно, что раціональное, т.-е. массовое и дешевое, производство ихъ въ Россіи еще невозможно и обложеніе ихъ только повысило бы цѣну ихъ на всю сумму пошлины и задержало бы ихъ

распространеніе. Далѣе раціональный, т.-е. умѣренный и послѣдовательный, протекціонизмъ въ этой области долженъ былъ бы итти по пути постепеннаго насажденія въ Россіи производства сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій, облегчивъ полученіе имъ такихъ матеріаловъ и частей, которые въ Россіи еще не производятся (это уже отчасти сдѣлано закономъ 24 мая 1909 г., разрѣшившимъ безпошлинный ввозъ панцырной стали и нѣкоторыхъ машинныхъ частей). Наконецъ, остается открытымъ вопросъ, не заслуживаютъ ли въ данномъ случаѣ предпочтенія передъ *таможеннымъ* покровительствомъ другія формы покровительства, которыя меньше ощущались бы непосредственными потребителями машинъ, напр., путемъ выдачи премій за производство русскихъ сельскохозяйственныхъ машинъ въ связи съ развитіемъ различныхъ формъ благожелательнаго „земскаго протекціонизма", на возможность и желательность котораго указывалъ недавно въ интересной статьѣ г. А. Рыкачевъ (*Земское дѣло*, 1910 г., № 16).

Что касается послѣдняго изъ приведенныхъ въ заголовкѣ настоящей рецензіи изданій, то оно содержитъ докладъ совѣщанія, образованнаго при Харьковскомъ о-вѣ сельскаго хозяйства и занимавшагося изученіемъ вопроса о таможенномъ обложеніи сельскохозяйственныхъ машинъ, журналы общаго собранія общества по тому же вопросу и отзывы и постановленія сельскохозяйственныхъ обществъ и земскихъ учрежденій на ту же тему. Какихъ-либо матеріаловъ, которые не были бы использованы въ трудахъ гг. Кафенгауза и Литошенка, въ этомъ изданіи не содержится. Зато любознательный читатель можетъ найти здѣсь не мало иллюстрацій того безсодержательнаго аграрнаго фритредерства, о которомъ мы упоминали въ началѣ нашей рецензіи и которое договаривается до такихъ, напр., фразъ: „наша южная промышленность создана искусственно и существуетъ лишь при помощи правительственной поддержки, разныхъ льготъ, запретительныхъ и покровительственныхъ пошлинъ" (стр. 35).

В. Гефдингъ.

I. Frost. Belgische Wanderarbeiter. Verlag von Trowitzsch und Cohn. Berlin, 1908. Стр. 176.—B. Bodenstein und M. v. Stojentin. Der Arbeitsmarkt in Industrie und Landwirtschaft und seine Organisation. Verlag von Puttkammer und Mühlbrecht. Berlin, 1909. Стр. 54.—Otto Gerlach. Ansiedlungen von Landarbeitern in Norddeutschland (Erhebungen der Deutschen Landwirtschafts-Gesellschaft. Unter Mitwirkung von Dr. F. Mendelson und A. Blume). Arbeiten d. Deutschen Landw. Gesellsch. Heft 149. Стр. 846. Verlag von Paul Parey. Berlin, 1909. Авторы, писавшіе объ отхожемъ промыслѣ въ Россіи, обыкновенно обходятъ молчаніемъ тотъ фактъ, что нѣкоторыя формы отхода встрѣчаются и внѣ предѣловъ нашего отечества. А между тѣмъ внѣ Россіи *сезонный* отходъ становится фактомъ все болѣе и болѣе существеннымъ въ особенности для *сельскаго хозяйства* нѣкоторыхъ европейскихъ странъ. Работа Фроста знакомитъ въ частности съ сезоннымъ сельскохозяйственнымъ отходомъ изъ Фландріи во Францію. На сторонѣ послѣдней мы находимъ стаціонарность населенія, бѣгство въ города и недостатокъ рабочихъ рукъ въ сельскомъ хозяйствѣ въ особенности сѣверныхъ департаментовъ, все шире захватываемыхъ культурой сахарной свеклы, очень интенсивной и требующей

большого количества человѣческаго труда, почти незамѣнимаго здѣсь машинной работой. На сторонѣ Фландріи—избытокъ населенія, который особенно рѣзко чувствуется со времени упадка ручного ткачества и настолько великъ, что не поглощается даже сильно развитой бельгійской промышленностью. Вполнѣ понятно, что при такихъ условіяхъ ежегодно на время сельскохозяйственнаго сезона толпы фламандцевъ уходятъ во Францію, гдѣ исполняютъ значительную часть сезонныхъ сельскохозяйственныхъ работъ. Число ихъ, достигавшее въ концѣ прошлаго столѣтія приблизительно 50,000, за послѣднее время, повидимому, увеличивается. Вообще отходъ изъ Фландріи развивается и даетъ новыя отвѣтвленія: такъ, за послѣдніе годы намѣтился отходъ въ Германію. Фактъ роста и развитія сезоннаго сельскохозяйственнаго отхода въ самой промышленной части Европы (Бельгія, сѣв. Франція, зап. Германія) въ связи съ „бѣгствомъ въ города“ и интенсификаціей земледѣлія особенно любопытенъ, если его сопоставить съ упадкомъ нашего южнаго отхода, замѣной людей машинами и образованіемъ избыточнаго населенія въ южныхъ черноморскихъ губерніяхъ.

Книга Фроста заслуживаетъ того, чтобы быть отмѣченной, еще и потому, что это *первая* большая и обстоятельная работа о бельгійскомъ отходѣ. До сихъ поръ о немъ можно было составить представленіе только по небольшой журнальной статьѣ внука Монталамбера, графа *de Grünne* (въ Revue générale Agronomique à Louvain за 1899 г., №№ 3—4) да по нѣсколькимъ, правда, очень хорошо написаннымъ, страницамъ въ извѣстной книгѣ *Вандервельде:* „L'exode rurale et le retour à la campagne“. Издана книга Фроста хорошо и снабжена картами, очень облегчающими ея чтеніе.

Второе изъ названныхъ изданій—брошюра, содержащая два доклада. Изъ нихъ особенно любопытенъ докладъ Боденштейна. Трудомъ иностранныхъ рабочихъ пользуется не только Франція съ ея стаціонарнымъ населеніемъ, но и Германія, въ которой населеніе растетъ необычайно быстро и о которой уже въ средніе вѣка говорили, что тамъ „дѣти растутъ на деревьяхъ, или ихъ куютъ въ кузницахъ“. Боденштейнъ впервые публикуетъ любопытныя данныя объ иностранныхъ рабочихъ въ Пруссіи, полученныя имъ изъ оффиціальныхъ источниковъ. Оказывается, что въ 1905 г. такихъ рабочихъ было занято въ Пруссіи 454,000 чел., а въ 1908 г. уже 780,000. Главную массу иностранныхъ рабочихъ составляютъ австрійскіе поляки и галичане; затѣмъ идутъ поляки изъ Россіи, итальянцы, бельгійцы, голландцы и проч. Въ 1908 г. изъ числа иностранныхъ рабочихъ 471,000 было занято въ промышленности, а 309,000 въ сельскомъ хозяйствѣ. Послѣдніе зимой возвращаются на родину. Такимъ образомъ въ Германіи мы наталкиваемся на сезонный сельскохозяйственный отходъ.

Третье изданіе интересно рядомъ со вторымъ, ибо въ немъ данъ обзоръ попытокъ сдѣлать осѣдлымъ сельское населеніе, бѣгство котораго въ города обусловливаетъ необходимость и для многолюдной Германіи пользоваться трудомъ иностранныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Къ сожалѣнію, объемистая работа Герлаха и его сотрудниковъ даетъ очень сырой и очень пестрый матеріалъ, на основаніи котораго даже сами авторы не приходятъ къ опредѣленнымъ выводамъ. Общее впечатлѣніе, остающееся отъ ознакомленія съ этимъ матеріаломъ, таково:

нынѣшнія попытки даже тамъ, гдѣ онѣ относительно широки и планомѣрны, не рѣшаютъ ни вопроса о „бѣгствѣ въ города“, ни вопроса о снабженіи рабочими (въ особенности сезонными) крупныхъ помѣстій. На послѣднее обстоятельство сдѣланы прямыя указанія на стр. 761 и 776 разбираемаго изданія. Во всякомъ случаѣ работа, вышедшая подъ редакціей профессора Герлаха, представляетъ цѣнность, какъ очень добросовѣстно собранный и хорошо изданный матеріалъ, заслуживающій тщательной обработки.

С. Бернштейнъ-Коганъ.

Staats - und socialwissenschaftliche Forschungen. Herausgegeben von Gustav Schmoller und Max Sering. Heft 135. Dr. W. D. Preyer. Die russische Zuckerindustrie. Ein Beitrag zur Lehre von den Syndikaten. Стр. XIV + 215. Verlag von Duncker u. Humblot Leipzig, 1908.—И. Левинъ. Свеклосахарная промышленность въ Россіи. Стр. 135. Спб., 1910 г. Ц. 1 р. 25 к. Крупнѣйшій недостатокъ книги г. Левина—ея въ общемъ и цѣломъ компилятивный характеръ. Мало критическаго отношенія къ матеріалу, мало оригинальности. Матеріалы во множествѣ случаетъ взяты изъ вторыхъ рукъ. Странное впечатлѣніе производитъ самая манера автора пользоваться источниками. Русскіе источники онъ цитируетъ по иностраннымъ изслѣдованіямъ (Цѣхановскаго, напримѣръ, по Preyer'у), а иностранные по русскимъ (журнальныя статьи „Die Deutsche Zuckerindustrie“ по М. Фридману и *Вѣстнику сахарной промышленности*). Между тѣмъ и тѣ и другіе источники указаны авторомъ въ отдѣльности въ спискѣ „литературы, использованной для настоящей работы“. Наиболѣе оригинальна по матеріалу глава XI работы, посвященная синдикату рафинеровъ. Но именно эта тема разработана въ книгѣ всего слабѣе. Выяснить изъ нея физіономію синдиката и его роль въ сахарной промышленности нелегко.

Болѣе благопріятное впечатлѣніе производитъ вышедшая два года назадъ работа молодого нѣмецкаго ученаго Dr. Preyer'а. Dr. Preyer отнесся къ своему дѣлу съ педантичностью истинно-нѣмецкой. Его работа о русской сахарной промышленности—изслѣдованіе вполнѣ оригинальное. Съ выводами автора можно не соглашаться, ихъ можно оспаривать, но ихъ нельзя назвать непродуманными. А это главное. По нашему мнѣнію, Dr. Preyer'у особенно удались отдѣлы III и IV, гдѣ дается объясненіе и оцѣнка законовъ 20 ноября 1895 г. съ дополненіемъ 11 мая 1898 г. и 12 мая 1903 г.

Работа Dr. Preyer'а была извѣстна г. И. Левину. Онъ много пользовался ею въ качествѣ первоисточника. Больше того, въ главѣ о синдикатѣ рафинеровъ И. Левинъ даже пытался опровергнуть выводы Dr. Preyer'а. Насколько это ему удалось и въ чемъ вообще заключаются выводы того и другого автора, мы здѣсь говорить не будемъ. Это потребовало бы слишкомъ много мѣста. Но общее впечатлѣніе отъ обѣихъ работъ не въ пользу Левина.

А. Бабковъ.

Dr. Walter Conrad. Technik des Bankwesens. Verlag von G. J. Göschen. Leipzig, 1910. (Sammlung Göschen) Стр. 141. Небольшая популярная книжечка Conrad'а даетъ просто, сжато и толково написанный очеркъ техники банковаго дѣла. „Не мудрствуя лукаво“, не осложняя изложеніе разрѣшеніемъ сложныхъ экономическихъ проблемъ,

авторъ говоритъ о фактическомъ положеніи банковаго дѣла, о техникѣ его, о внутренней организаціи банковаго учрежденія. Соотвѣтственно съ этимъ и работа его дѣлится на 5 главъ: I—введеніе, II—активныя операціи, III—пассивныя операціи, IV—индиферентныя операціи, V—организаціи банковаго промысла. Наименѣе удовлетворительна первая глава, дающая черезчуръ ужъ краткій историческій обзоръ и классификацію банковъ, въ которой авторъ почти безъ измѣненій слѣдуетъ классификаціи Ад. Вагнера. Нельзя согласиться съ тѣмъ исключительно бухгалтерскимъ опредѣленіемъ активныхъ и пассивныхъ операцій, которое даетъ авторъ (стр. 17—при активныхъ операціяхъ банкъ играетъ роль кредитора, при пассивныхъ—должника). Здѣсь слѣдовало подчеркнуть народно-хозяйственное значеніе этой классификаціи: активныя операціи собираютъ разрозненныя крупицы народнаго достоянія въ кассы банковъ, посредствомъ пассивныхъ банкъ возвращаетъ эти капиталы странѣ въ формѣ кредита промышленности и торговлѣ.

И. И. Левинъ.

ПРАВОВѢДѢНІЕ.

А. А. Алексѣевъ. Министерская власть въ конституціонномъ государствѣ.

А. А. Алексѣевъ. Министерская власть въ конституціонномъ государствѣ. Харьковъ. Стр. 305. Цѣна не обозначена. Своей задачей авторъ поставилъ „выясненіе тѣхъ основъ, на которыхъ покоится министерская власть въ конституціонномъ государствѣ, тѣхъ принциповъ, которыми она опредѣляется къ дѣятельности“. Существующія здѣсь воззрѣнія исходятъ или изъ предпосылки англійскаго конституціоннаго права, въ силу коей „the king can do no wrong; или изъ монархическаго принципа, какъ его понимало и, можно сказать, понимаетъ нѣмецкое государствовѣдѣніе. Ни та ни другая точка зрѣнія, по мнѣнію А. А. Алексѣева, не соотвѣтствуетъ положительному праву и конституціонной практикѣ и не можетъ быть положена въ основу теоріи министерской власти. Поэтому послѣ подробнаго изложенія исторіи обоихъ взглядовъ авторъ разбираетъ болѣе общій вопросъ о природѣ управленія въ современномъ конституціонномъ государствѣ и о связи его съ дѣйствующимъ въ немъ раздѣленіемъ власти, при которомъ обезпечивается верховенство законодательной дѣятельности государства (стр. 108). Въ организаціи управленія министерство занимаетъ особое мѣсто; оно не есть органъ пассивнаго исполненія—оно органъ, вносящій въ область государственнаго управленія принципы не только закономѣрности, но и цѣлесообразности (стр. 127). Въ силу этого необходима извѣстная степень политической солидарности между нимъ и представительствомъ, которую мы можемъ прослѣдить не только въ государствахъ парламентарныхъ, но и конституціонно-дуалистическихъ (стр. 130—1). Необходимо поэтому выяснить юридическую природу отношеній министровъ и монарха. Она вытекаетъ изъ безотвѣтственности монарха, которая сама по себѣ не можетъ быть обоснована юридически, и „представляетъ собой скорѣе политическій принципъ—коренится въ соображеніяхъ цѣлесообразности въ условіяхъ цѣлости и безопасности государства“ (стр. 140). Функція управленія осуществляется монархомъ и министрами, какъ функція законодательства—монархомъ и народнымъ представительствомъ. Взаимо-

дѣйствіе получаетъ внѣшній знакъ въ контрасигнированіи, которому подвергаются акты главы государства; здѣсь А. А. Алексѣевъ разсматриваетъ съ этой точки зрѣнія и акты, относительно которыхъ обязательность контрасигнированія часто оспаривалась (созывъ и роспускъ палатъ, помилованія, акты военнаго управленія, назначеніе и увольненіе министровъ). Несмотря на обширный матеріалъ, который использованъ авторомъ, на удачную критику различныхъ теорій министерской власти и министерской отвѣтственности, на рядъ отдѣльныхъ интересныхъ экскурсовъ,—собственный юридическій взглядъ автора на эти вопросы формулированъ недостаточно опредѣленно: читатель желалъ бы видѣть болѣе рѣзкіе контуры.

Вторая часть посвящена изображенію положенія министерской власти въ конституціонныхъ государствахъ, которыя дѣлятся на три типа: парламентарныя, конституціонно-дуалистическія, и государства съ тѣми своеобразными отношеніями между представительствомъ и правительствомъ, которыя сложились въ американскихъ республикахъ. Это часть описательная, основанная на хорошемъ изученіи новѣйшей литературы и ясно показывающая, какъ отражается на положеніи министерства въ разныхъ странахъ потребность въ политической солидарности между нимъ и общественнымъ мнѣніемъ страны. Эта потребность явственно сказалась и въ Пруссіи, несмотря на запечатлѣнную въ ея конституціи полную политическую независимость министерства отъ ландтага, и въ Соединенныхъ Штатахъ, несмотря на установленный конституцией режимъ раздѣленія властей.

Въ общемъ книга А. А. Алексѣева, охватывая весьма широкое поле вопросовъ, причемъ экстенсивности разработки естественно не всегда могла соотвѣтствовать ея интенсивность, представляетъ интересную и цѣнную работу, посвященную одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ современнаго государственнаго права. Симпатіи автора направлены въ сторону тѣхъ свѣжихъ теченій, которыя идутъ на смѣну традиціонному формализму лабандовскаго типа. Несомнѣнной заслугой А. А. Алексѣева слѣдуетъ признать и его вниманіе къ юридическому положенію, которое занимало и занимаетъ послѣ указа 17 октября 1905 г. и послѣ созданія учрежденія Государственной Думы 20 февраля и основныхъ законовъ 23 апрѣля 1906 г. министерство въ Россіи.

С. Котляревскій.

ПЕДАГОГИКА И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНЕ.

В. Д. Сиповскій. О школьной дисциплинѣ.—*Полина Кергомаръ.* Домашнее воспитаніе и дѣтскіе сады во Франціи.—*Д-ръ Ф. В. Ферстеръ.* Школа и характеръ.

В. Д. Сиповскій. О школьной дисциплинѣ. Изд. Я. Башмакова и К°. Спб. Стр. 47. Ц. 20 к. Небольшая книжечка Сиповскаго заслуживаетъ вниманія педагоговъ, воспитателей, содержателей дѣтскихъ садовъ и пр. Школьная дисциплина играетъ въ жизни современной школы, не только у насъ, но и на Западѣ, настолько существенную роль, что надъ ней по необходимости долженъ задумываться всякій педагогъ, хоть сколько-нибудь интересущійся своимъ дѣломъ. Авторъ доказываетъ, что дисциплина, основанная, какъ это, къ сожалѣнію, чаще

всего бываетъ въ учебныхъ заведеніяхъ, на страхѣ, не только не имѣетъ никакого воспитательнаго значенія, но прямо противорѣчитъ цѣлямъ воспитанія и часто даже вредитъ имъ, такъ какъ она всегда остается неизмѣнно вѣрной себѣ и въ цѣляхъ и въ средствахъ и не можетъ сообразоваться ни съ возрастомъ, ни съ индивидуальностью воспитанниковъ. Дисциплина, основанная на страхѣ, заставляющая дѣтей, напримѣръ, въ продолженіе часа, а иногда подъ рядъ и нѣсколькихъ часовъ, выслушивать отвѣты учениковъ по уроку, давно извѣстному и надоѣвшему, часто является истязаніемъ, едва переносимымъ и для взрослаго человѣка, и не мудрено, что педагоги, а въ особенности надзиратели, прибѣгающіе къ такой дисциплинѣ, постоянно представляютъ съ учениками два враждующіе лагеря.

Практически авторъ предлагаетъ возложить воспитательскія обязанности, конечно, съ добавочнымъ содержаніемъ, на учителей, достаточно подготовленныхъ къ несенію этихъ обязанностей. Съ этимъ, конечно, можно согласиться или не согласиться, но рекомендуемыя авторомъ мѣры воздѣйствія на учениковъ возбужденіемъ въ нихъ живого интереса на урокахъ, введеніемъ спорта, ручного труда, музыки, хорового пѣнія, заботами о чистотѣ и обиліи воздуха въ свободное отъ уроковъ время во избѣжаніе скуки, главнаго нарушителя дисциплины,—все это заслуживаетъ полнаго вниманія читателей.

Л. Френкель-Полтавцева.

Полина Кергомаръ. Дошкольное воспитаніе и дѣтскіе сады во Франціи (материнскія школы). Пер. съ франц. слушательницъ кіевск. фребел. инстит. Подъ ред. Н. В. Чехова. Изд. Сытина. М., 1911 г. Стр. 208. Ц. 50 к. Значеніе школъ-пріютовъ для дѣтей, родители которыхъ заняты работой внѣ дома, громадно. Если бы у насъ сейчасъ открылись такія школы, можетъ быть, порѣдѣли бы ряды такъ называемыхъ *хулигановъ!* Г-жа Кергомаръ, какъ видно, всю душу отдала работѣ въ подобныхъ школахъ, выработкѣ идеаловъ и программъ для нихъ. Ея принципы: здоровье ребенка (заботы о чистотѣ, порядкѣ; достаточное количество свѣта, воздуха, движенія; пища); нравственное воспитаніе (развитіе общественныхъ инстинктовъ, правдивости, любви къ труду); общее развитіе (разговоры съ дѣтьми, чтеніе вслухъ, умныя игры, ручныя работы). Все должно итти, какъ въ хорошей семьѣ, гдѣ мать, не отрываясь отъ своего дѣла, тѣмъ не менѣе зорко слѣдитъ за дѣтьми; гдѣ дѣти, при небольшой помощи взрослыхъ, а главное, путемъ интересной игры, разбираются въ окружающемъ, такъ что ихъ развитіе совершается *естественно.* Не надо *мертвящей* дисциплины, нуженъ только порядокъ; не надо преждевременнаго систематическаго обученія, нужна подготовка къ обученію—полное развитіе природныхъ силъ (въ этомъ отношеніи надо бороться съ невѣжествомъ родителей). Дѣльной книгѣ Кергомаръ можно пожелать успѣха и вліянія.

Ю. Струве.

Д-ръ Ф. В. Ферстеръ. Школа и характеръ. М., 1910 г. стр. XII+158 Ц. 80 к. Книжка эта имѣетъ подзаголовокъ: замѣтки по педагогикѣ послушанія и по реформѣ школьной дисциплины. Основное положеніе, на которомъ строятся всѣ дальнѣйшіе ея выводы и которое настойчиво повторяется и развивается и авторомъ, и переводчикомъ Г. Г. Зоргенфреемъ (директоръ спб. 6-й гимназіи), и редакторомъ Д. Н.

Корольковымъ, состоитъ въ томъ, что главной задачей школы должно быть не столько образованіе и развитіе ума, сколько воспитаніе характера. Положеніе это подкрѣпляется и ссылками на множество педагогическихъ авторитетовъ съ Кантомъ во главѣ, сказавшимъ, что „цѣнность человѣка зависитъ не отъ его разсудка, а исключительно отъ его воли“, и практическими соображеніями, вродѣ высказываемаго переводчикомъ о томъ, что „проблема выработки сильныхъ характеровъ“... „является въ настоящую минуту для Россіи проблемой общегосударственной важности, вопросомъ *національнымъ;* между тѣмъ въ этой области и въ области дисциплины въ узкомъ смыслѣ у насъ полный застой“. „Для выполненія этого назначенія,—дополняетъ редакторъ,—школьная работа должна быть проникнута моральными стремленіями, которыя по самому своему существу требуютъ *религіознаго обоснованія и укрѣпленія.* Съ нравственно-педагогической точки зрѣнія религія незамѣнима и никакая прочная культура совѣсти недостижима безъ культа религіозныхъ мистерій“. Мы начали съ этихъ замѣчаній потому, что для насъ представляетъ несомнѣнный интересъ знать, что̀ именно въ книгѣ Фёрстера особенно цѣнится русскими педагогами. Обращаясь къ самой этой книгѣ, мы прежде всего находимъ въ ней утвержденіе того же принципа, что образованіе характера должно быть центральною работою школы. Главное средство для воспитанія сильныхъ характеровъ авторъ видитъ въ правильно постановленной школьной дисциплинѣ. Онъ сознаетъ зло, происходящее оттого, что въ школьной жизни развивается и укрѣпляется ложь, вызываемая желаніемъ избѣгнуть наказанія; поэтому онъ требуетъ, чтобы школьная дисциплина была не карающей, а предупреждающей, которая бы внушила воспитанникамъ искреннее стремленіе къ самодисциплинированію. Въ примѣръ онъ приводитъ успѣшно проводимую дисциплинарную систему католическаго педагога дона-Боско въ Туринѣ, который самъ говоритъ о ней слѣдующее: примиреніе послушанія и свободы авторъ видитъ въ христіанствѣ, которое „сумѣло выставить послушаніе какъ освобожденіе отъ своеволія, самую низкую и неинтересную работу, какъ упражненіе въ самообладаніи, терпѣніи и вѣрности“. Въ заключеніи книги говорится о нравственно-педагогической незамѣнимости религіи и о томъ, что церковь и государство такъ же нераздѣлимы, какъ душа и тѣло въ земной жизни; всякое воспитаніе для государственной жизни требуетъ культуры совѣсти, основаніемъ которой должна служить религія, которая одна лишь говоритъ первоначальнымъ языкомъ души. Но религіозное воспитаніе не ограничивается преподаваніемъ закона Божія; оно должно дополняться религіозно-этическими бесѣдами. Вообще этическій элементъ долженъ проникать собою все преподаваніе, весь учебный матеріалъ, входить въ обученіе всѣмъ предметамъ, начиная съ чтенія и письма, до исторіи, географіи и естествознанія, такъ что рекомендуется даже такое трудно исполнимое у насъ правило, что при преподаваніи отечествовѣдѣнія слѣдуетъ указывать на выгоды и недостатки существующаго общественнаго порядка.

В. Линдъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ И МАТЕМАТИКА.

Э. Гурса. Курсъ математическаго анализа. Т. I.—*О. Гертвигъ.* Развитіе и наслѣдственность.—*П. А. Кузнецовъ.* Обученіе летанію на аэропланѣ.

Э. Гурса. Проф. Faculté des Sciences въ Парижѣ. Курсъ математическаго анализа. Томъ I. Разрѣшенный авторомъ переводъ съ французскаго А. И. Некрасова подъ редакціей профессора Б. К. Млодзѣевскаго. Москва, 1911. Стр. 630. Ц. 6 руб. Курсъ анализа Goursat не нуждается въ спеціальномъ одобреніи. Въ настоящее время онъ по справедливости считается однимъ изъ лучшихъ полныхъ руководствъ математическаго анализа. Благодаря ясности изложенія, не идущей въ ущербъ строгости, и большому количеству геометрическихъ интерпретацій, курсъ Goursat является сравнительно доступнымъ и можетъ быть свободно рекомендуемъ какъ учащимся высшихъ учебныхъ заведеній, такъ и всѣмъ тѣмъ, кто хотѣлъ бы восполнить пробѣлы своего математическаго образованія. Далеко не всѣ такія лица свободно владѣютъ французскимъ языкомъ, а потому появленіе курса Goursat въ русскомъ переводѣ можно только привѣтствовать. — Первый томъ включаетъ ученіе о производныхъ и дифференціалахъ, опредѣленные и неопредѣленные интегралы и геометрическія приложенія анализа. Переводъ сдѣланъ весьма добросовѣстно съ дополненіями, внесенными авторомъ въ англійское изданіе. Дополненія, включенныя въ только что выходящее второе французское изданіе, приложены въ концѣ книги. По внѣшности русское изданіе не уступаетъ французскому. Принимая во вниманіе дороговизну изданія математическихъ книгъ, цѣну перваго тома нельзя считать слишкомъ высокой.

М. Франкъ.

О. Гертвигъ. Развитіе и наслѣдственность. Основные и спорные вопросы біологіи. Перев. съ нѣмец. Спб., 1910 г. Стр. 155. Ц. 70 к. Задача этой книжки состоитъ не въ изученіи органическаго развитія въ его цѣломъ, она посвящена изслѣдованію наслѣдственности, но и въ этихъ предѣлахъ ограничивается лишь „вопросами ближе всего соприкасающимися съ направленіемъ собственныхъ его изслѣдованій, вопросами о сущности вещества, передающаго наслѣдственныя качества". Авторъ уже около тридцати лѣтъ принимаетъ дѣятельное участіе въ научной разработкѣ этой проблемы, вызывавшей и до сихъ поръ продолжающей вызывать разногласія между учеными спеціалистами. Самъ онъ на основаніи какъ собственныхъ наблюденій, такъ и критики чужихъ изслѣдованій, приходитъ къ заключенію, что дѣятельной причиной наслѣдственной передачи видовыхъ и индивидуальныхъ особенностей является не весь составъ клѣточки яйца и сперматозоида, но лишь часть содержимаго той и другой клѣточки—„зачатокъ", заключенный въ клѣточномъ ядрѣ; остальная протоплазматическая масса клѣточки представляетъ лишь питательный матеріалъ. Самый процессъ образованія новаго организма состоитъ въ сліяніи ядра яйца съ ядромъ сѣмянной нити въ одно новое зародышевое ядро, изъ котораго путемъ особаго рода дѣленія происходятъ всѣ послѣдующія поколѣнія клѣточныхъ ядеръ; вмѣстѣ съ дѣленіемъ ядеръ происходитъ и дѣленіе содержащихъ ихъ клѣточекъ, группировка которыхъ и даетъ новый организмъ. Зародышевое ядро,

получаясь путемъ слiянiя двухъ разнополыхъ ядеръ, содержитъ въ себѣ какъ материнское, такъ и отцовское ядерныя вещества; поэтому и дѣтскiй организмъ, развивающiйся изъ оплодотвореннаго яйца, представляетъ изъ себя продуктъ смѣшенiя веществъ отца и матери. Книгу Гертвига едва ли можно признать вполнѣ популярною. Она не только не даетъ общаго отвѣта на вопросъ о причинахъ наслѣдственности, но даже и синтеза различныхъ взглядовъ на него. Факты и выводы, сообщаемые Гертвигомъ, составляютъ лишь первый шагъ къ достиженiю полнаго объясненiя наслѣдственности. Какъ ни важенъ этотъ шагъ для науки, онъ едва ли будетъ сочтенъ обыкновеннымъ читателемъ за настоящее объясненiе. Но если оно не удовлетворитъ такого читателя, то, во всякомъ случаѣ, въ книжкѣ Гертвига найдутся и для него интересныя указанiя, наприм., разборъ возраженiй противъ защищаемаго авторомъ положенiя, что источникомъ и носителемъ наслѣдственности является организованный, живой зачатокъ, а не дѣятельность физико-химическихъ элементовъ. Авторъ рѣшительно высказываетъ, что „если задачи и цѣли, преслѣдуемыя химiей и морфологiей, въ принципѣ сходны между собою, то методы, примѣняемые для рѣшенiя этихъ задачъ, въ корнѣ различны". Онъ также вполнѣ отрицательно относится къ вызвавшимъ въ послѣднее время большую сенсацiю опытамъ Лёба, при которыхъ естественное оплодотворенiе замѣнялось дѣйствiемъ химическихъ реактивовъ. Переводчики не вездѣ удачно справляются съ русскимъ языкомъ; наприм., на стр. 50: „хвостикъ (сперматозоида) состоитъ не изъ самой протоплазмы, а есть изъ себя сложное образованiе". Подобныя фразы встрѣчаются и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ.

В. Линдъ.

П. А. Кузнецовъ, пилотъ-авiаторъ, преподаватель школы военныхъ авiаторовъ въ Одессѣ. Обученiе летанiю на аэропланѣ. Одесса, 1911 г. Ц. 30 к. Въ небольшой брошюрѣ (на 24 стр.) авторъ излагаетъ прiемы обученiя полетамъ на аэропланѣ, имѣя преимущественно въ виду аэропланъ Блерiо № 11. Книжка несомнѣнно чрезвычайно полезна всѣмъ начинающимъ авiаторамъ, которымъ авторъ даетъ рядъ весьма важныхъ практическихъ совѣтовъ. Если бы интересные вопросы, лишь вскользь затрагиваемые авторомъ, были болѣе полно разработаны и снабжены пояснительными чертежами, то книжка представляла бы интересъ далеко не для однихъ только авiаторовъ, но и для всѣхъ интересующихся теорiей и практикой авiацiи.

М. Франкъ.

ГЕОГРАФIЯ И ПУТЕШЕСТВIЯ.

Въ трущобахъ Манчжурiи и нашихъ восточныхъ окраинъ.

Въ трущобахъ Манчжурiи и нашихъ восточныхъ окраинъ. Сборникъ очерковъ, разсказовъ и воспоминанiй военныхъ топографовъ, подъ редакцiей М. Н. Левитскаго (208 иллюстрацiй въ текстѣ и 20 автотипiй на отдѣльныхъ листахъ хромовой бумаги). Одесса, 1910 г. Стр. II+520. Ц. 3 р. 50 к. Военнымъ топографамъ часто приходится собирать драгоцѣнный картографическiй матерiалъ въ неизслѣдованныхъ, дикихъ мѣстахъ нашихъ отдаленныхъ

окраинъ, работая въ дебряхъ, въ трущобахъ, въ разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ отъ ближайшихъ постоянныхъ поселеній, посреди всевозможныхъ опасностей, которыми грозятъ человѣку тайга и пустыня, бурныя рѣки, дикія чащи и безводныя степи. Авторы очерковъ, вошедшихъ въ названный сборникъ, даютъ непритязательное, не блещущее особыми литературными достоинствами, но живое и откровенное описаніе наиболѣе интересныхъ моментовъ изъ исторіи своихъ трудныхъ и опасныхъ экспедицій, дѣлятся наиболѣе яркими впечатлѣніями и воспоминаніями. Всѣ переживанія маленькой людской горсти, забравшейся въ неизвѣданныя дебри, съ ограниченнымъ количествомъ припасовъ, безъ надежды на помощь со стороны; голодъ и холодъ, страшная трудность передвиженія по бурливымъ потокамъ или сквозь чащу лѣса, не слышавшую никогда звука топора; ропотъ команды, истомленной непосильными трудами, трогательное братское товарищество начальника съ подчиненными передъ лицомъ общей опасности; трудныя и интересныя сношенія съ чужимъ туземнымъ населеніемъ; опасныя встрѣчи съ разбойниками, хунхузами, шайками бѣглыхъ каторжниковъ,—все это переноситъ читателя къ дѣтскимъ впечатлѣніямъ отъ чтенія Купера и Майнъ-Рида. Въ чрезвычайно интересной статьѣ „Мартирологъ русскаго топографа" дается перечень особенно тяжелыхъ случаевъ и опасностей въ трудовой жизни военныхъ топографовъ. Не мало нижнихъ чиновъ погибло въ этихъ экспедиціяхъ, въ этой не военной, но жестокой борьбѣ человѣка со стихіями. Есть и погибшіе топографы-офицеры: одинъ умеръ отъ голоднаго истощенія, другой молодымъ человѣкомъ былъ безнадежно разбитъ параличомъ, *„не могъ ни говорить, ни дѣйствовать руками... имѣлъ жену и двухъ дѣтей, получилъ пенсію—20 руб. въ мѣсяцъ. По имѣющимся свѣдѣніямъ, умеръ въ богадѣльнѣ въ гор. Иркутскѣ"* (стр. 222). Третій, едва спасшись отъ разбойниковъ, которыми были убиты трое солдатъ изъ его команды, сошелъ съ ума. Нѣсколько офицеровъ умерло отъ простуды.

Но ни смерть, ни лишенія никогда не убьютъ въ здоровыхъ и бодрыхъ людяхъ благородной тяги къ невѣдомымъ ощущеніямъ, къ простору дикой природы, къ опасной борьбѣ. И можно только пожелать, чтобы эти очерки, которые, между прочимъ, вполнѣ подходятъ, какъ интересное чтеніе также и для подростающаго поколѣнія, заразили своихъ читателей бодрымъ духомъ и любовью къ природѣ.

Есть въ сборникѣ нѣсколько очерковъ, посвященныхъ болѣе случайнымъ темамъ. Интересно подробное описаніе китайскаго театра, живо написаны воспоминанія о боевыхъ дняхъ русско-японской войны („Съ оровайцами"), съ горячимъ чувствомъ и правдивостью изображены два противоположныхъ типа офицеровъ, въ роли этапныхъ командировъ („По этапамъ въ Манчжуріи"). Наоборотъ, мало интереса представляетъ сухой „историко-географическій" очеркъ: „Русскій островъ и гор. Владивостокъ", въ которомъ даются слишкомъ элементарныя и отчасти устарѣлыя свѣдѣнія.

Книга снабжена массой иллюстрацій и вообще издана почти роскошно.

А. Рыкачевъ.

ИСКУССТВО.

Dr. P. Bonnier. La voix professionnelle.

Dr. P. Bonnier. La voix professionnelle. Bibliothèque Larousse. Paris, 1910, Стр. 206. Цѣна 2 франка. Докторъ Пьеръ Бонье, спеціалистъ по ларингологіи въ парижской больницѣ Hôtel-Dieu, много лѣтъ занимался изученіемъ физіологіи рѣчи, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ приложенный къ книгѣ длинный списокъ около 30 статей, напечатанныхъ имъ въ медицинскихъ журналахъ за послѣднія 15 лѣтъ. Въ 1906—1907 гг. онъ читалъ курсъ прикладной физіологіи голоса въ парижской консерваторіи, и лекціи эти были изданы извѣстной фирмой Alcan подъ заглавіемъ: „La voix, sa culture physiologique". Кромѣ того, авторъ болѣе года, 4 раза въ недѣлю, производилъ опыты съ учениками въ большой залѣ „Практической школы взаимнаго обученія искусствамъ" въ Парижѣ. Въ 1907—1908 г. онъ читалъ курсъ прикладной физіологіи голоса въ одномъ изъ лучшихъ театровъ Парижа, принадлежащемъ г-жѣ Режанъ. Театръ Режанъ служилъ автору какъ бы лабораторіей, гдѣ онъ вмѣстѣ съ артистами и зрителями вырабатывалъ, на основаніи данныхъ физіологіи, провѣренныхъ тутъ же на опытѣ, всѣ тѣ практическія указанія, которыя онъ предлагаетъ въ своей книгѣ учителямъ, судебнымъ дѣятелямъ, артистамъ и вообще всѣмъ тѣмъ, кому приходится выступать передъ публикой съ рѣчами.

Въ виду всего этого указанная книга, изданная одной изъ наилучшихъ фирмъ, занимающихся спеціальнымъ изданіемъ образцовыхъ учебниковъ, заслуживаетъ вниманія.

Приблизительно половина книги занята изложеніемъ теоретическихъ свѣдѣній о голосѣ, куда входитъ разсмотрѣніе физическихъ и физіологическихъ условій звука, причемъ особенное вниманіе обращено на дыханіе, какъ на основное условіе правильнаго творчества въ звуковой области. Вторая половина книги посвящена практическимъ указаніямъ; здѣсь даются необходимыя свѣдѣнія для ухода за голосовымъ органомъ, начиная съ дѣтства и до старости, сообразно съ условіями общаго темперамента, нервной системы и внѣшнихъ условій, какъ-то: воздуха, пищи, одежды и т. п.

Особенное вниманіе обращено авторомъ на условія пѣнія, и пѣвцы найдутъ въ книгѣ много цѣннаго.

И. Книжникъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» въ теченіе декабря 1910 г.

Альманахъ для всѣхъ. (Стихи и разсказы.) Изд. „Нов. журн. для всѣхъ". Спб., 1911 г. Стр. 158. Ц. 50 к.

Архиповъ, Н. Юмористическіе разсказы. Изд. „Нов. журн. для всѣхъ". Спб., 1911 г. Стр. 115. Ц. 60 к.

Библіотека И. Горбунова-Посадова. Моя новая мама. Ц. 40 к. Джокъ-водяная крыса. Ц. 20 к. М., 1911 г.

Боголѣповъ, Л. П. Ествен.-истор. основы школы. М., 1910 г. Ц. 75 к.

Бородкинъ, М. Исторія Финляндіи. (Время Елизаветы Петровны.) Спб., 1910 г. Стр. 312. Ц. 4 р.

Боцяновскій, В. Ѳ. Богоискатели. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб., 1911 г. Стр. 268. Ц. 1 р. 25 к.

Бурдо, Луи. Вопросъ о смерти. Пер. съ франц. Изд. А. С. Суворина. Спб., 1911 г. Стр. 301. Ц. 1 р. 50 к.

Бурнакинъ, А. Разлука. (Пѣсенникъ.) М., 1911 г. Ц. 50 к.

Бутенко, В. А. Очеркъ исторіи русской торговли. М., 1911 г. Стр. 120. Ц. 60 к.

Бѣльскій, Адамъ. Разсказы. Изд. „Новь". Спб., 1911 г. Стр. 245.

Вагнеръ, Владиміръ. Біологическія основанія сравнительной психологіи. (Біо-психологія.) Т. I. Изд. М. О. Вольфа. Спб., Стр. 435. Ц. 3 р.

Вагнеръ, Ю., проф. Какъ устроены и какъ живутъ растенія. Изд. „Посредника". М., 1911 г. Стр. 64. Ц. 18 к.

Великая реформа. Т. I, II. Подъ ред. Джivилегова, Мельгунова и Пичета. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М., 1911 г.

Великій князь Николай Михайловичъ. Переписка императора Александра I съ сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. Спб., 1910 г. Стр. 303.

Вопросы обществовѣдѣнія. Вып. III. Подъ ред. В. Гессена, И. Кауфмана, П. Люблинскаго и М. Туганъ-Барановскаго. Спб., 1911 г. Стр. 414.

Вреде, Р., Стольбергъ, К., Эстландеръ, Э., Лиліусъ, Ф. Про русскихъ въ Финляндіи. Гельсингфорсъ, 1910 г.

Въ новую жизнь. Пер. съ англ. Изданіе „Семья и Школа". М., 1911 г. Ц. 40 к.

Гессенъ, Владиміръ. Желтые листья. (Стихотворенія.) Спб., 1911 г. Стр. 94. Ц. 1 р.

Гавалевичъ и **Стахевичъ.** Легенды о Богородицѣ. Изд. В. М. Саблина. М., 1911 г. Ц. 1 р.

Гибсонъ, Р. Начатки біологіи. Изд. т-ва „Міръ". М., 1911 г. Стр. 124. Ц. 40 к.

Гомперцъ, Теодоръ. Греческіе мыслители. Т. I. Пер. съ нѣм. Изд. Д. Е. Жуковскаго. Спб., 1911 г. Стр. 485. Ц. 2 р. 75 к.

Горе стараго каторжника и друг. разск. Изд. „Посредника". Ц. 10 к.

Данилинъ, И. Разсказы. Кн. III. Изд. Сытина. М., 1911 г. Стр. 238. Ц. 1 р.

Донъ, В. и **Тикнеръ, Ф.** Наглядная географія. М., 1910 г. Стр. 114. Ц. 55 к.

Желѣзновъ, I. И. Уральцы. Т. I, II, III. Спб., 1910 г. Ц. 4 р.

Жеребцовъ, В. О. Предварительное слѣдствіе. Спб., 1911 г. Стр. 250. Ц. 1 р. 25 к.

Землеводное и землеустроительное дѣло за Ураломъ. Изд. переселенч. управленія. Спб., 1910 г. Стр. 395.

Златовратскій, Н. Н. Какъ это было. Очерки и воспоминанія 60-хъ годовъ. М., 1911 г. Стр. 293. Ц. 1 р.

Завражный. Въ народѣ. М., 1911 г. Стр. 248. Ц. 1 р.

Зусеръ, С. Въ замкѣ. (Пьеса.) Спб., 1910 г. Ц. 40 к.

Иверъ, Колетта. Королева Беатриса. Пер. съ фр. М., 1911 г. Стр. 325. Ц. 1 р. 25 к.

Игнатовичъ, И. И. Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія. М., 1910 г. Стр. 312. Ц. 1 р. 25 к.

Избранныя стихотворенія для дѣтей. Изд. В. М. Саблина. М., 1911 г. Ц. 60 к.

Изданія В. М. Саблина. *Э. Сэтонъ-Томпсонъ.* Легенда о бѣломъ оленѣ. Ц. 20 к. Снэпъ. Ц. 20 к. Спрингфильская лисица. Ц. 20 к. Путешествіе дикой утки. Ц. 20 к. Кенгуровая крыса. Ц. 20 к. Мустангъ иноходецъ. Ц. 20 к. Волкъ изъ Виннипега. Бинго. Ц. 20 к. М., 1911 г.

Изданія Девріена. *Ивановъ.* Зайка-играйка и друг. разск. Ц. 1 р. 30 к. *Ткаченко.* Сказки кота ученаго. Ц. 50 к. *Лагерлёфъ, Г.* Принцъ Альве. Ц. 70 к. *Полевой.* Послѣдышекъ. Ц. 35 к. *Радичъ.* Перекати поле. *Эрзинъ.* За крестъ Господень. Ц. 1 р. 10 к. *Круковскій.* Родная жизнь. (Разсказы по природовѣдѣнію.) Ц. 1 р. 60 к. *Мендринъ.* Сказанія древней Японіи. Ц. 2 р. 50 к. *Волковъ.* Сѣренькій козликъ. Спб., 1911 г.

Изданія „Juventus". Дача и друг. разск. Ц. 25 к. *Лонгфелло.* Іуда Маккавей. Ц. 15 к. *Никитинъ.* Вѣкъ пережить не поле перейти. Ц. 20 к. *Леванда.* Авр. Іезофовичъ. Ц. 25 к. *Бродовскій.* Все къ добру. Ц. 10 к. Одесса, 1910 г.

Изд. т-ва „Знаніе". XXXIII сборникъ. Спб., 1911 г. Ц. 1 р.

Изданія ред. „Семья и Школа". Энди. Перев. съ англ. Ц. 50 к. Въ новую жизнь. Пер. съ англ. Ц. 40 к. М., 1911 г.

Кемпбель, Вильямъ. Наглядная геометрія. Пер. съ англ. Попова. М., 1910 г. Стр. 211. Ц. 1 р.

Костычевъ, П. Общедоступное руководство къ земледѣлію. Изд. 6-е. М., 1911 г. Стр. 192. Ц. 50 к.

Коцюбинскій, М. Разсказы. Т. I. Изд. т-ва „Знаніе". Спб., 1911 г. Стр. 301. Ц. 1 р.

Левъ Толстой. Его жизнь и творчество (1828—1910). Вып. III. К-во П. П. Сойкина. Спб., 1911 г.

Либенъ, П. Ѳ. и Шуйская, А. П. Кратк. курсъ русск. исторіи. Изд. Башмакова. Спб., 1911 г. Стр. 124. Ц. 60 к.

Линдеманъ, Гуго. Городское хозяйство и рабочій вопросъ въ германскихъ городахъ. Изд. Дороватовск. и Чарушникова. М., 1910 г. Стр. 538. Ц. 1 р. 50 к.

Лукьянская, В. Тысяча лѣтъ тому назадъ. (Разсказы изъ исторіи Греціи.) Изд. 2-е, библ. Горб.-Посадова. М., 1910 г. Стр. 393. Ц. 1 р. 30 к.

Лундегордъ, Аксель. На смертномъ одрѣ. (Романъ изъ жизни Гейне.) Изд. „Посѣвъ". Спб., 1911 г. Стр. 230.

Мало, Гекторъ. Безъ семьи. Кн. I. Стр. 276. Ц. 1 р. Кн. II. Стр. 353. Ц. 1 р. Изд. Саблина. М., 1910 г.

Мендесъ, Катюль. Дѣти грѣха. К-во „Сфинксъ". М., 1911 г. Стр. 222. Ц. 1 р.

Мюллеръ, І. П. Половая мораль. М., 1911 г. Стр. 314. Ц. 1 р. 25 к.

Мюнстербергъ, Гюго. Психологія и учитель. Изд. т-ва „Міръ". М., 1911 г. Стр. 343. Ц. 1 р. 50 к.

Нолькенъ, А. М., бар. Законы о вознагражденіи за увѣчье и смерть въ промышл. заведеніяхъ. Изд. „Право". Спб., 1910 г. Стр. 370. Ц. 2 р. 50 к.

Нарбутъ, Владим. Стихи. Кн. I. К-во „Драконъ". Спб., 1910 г. Стр. 138. Ц. 1 р.

Орловскій, Сергѣй. И. С. Тургеневъ. Изд. школьн. библ. М., 1910 г. Ц. 25 к.

Печальный, Георгій. Стихотвор. Керчь, 1909 г. Ц. 1 р.

Пироговъ, Н. И. Сочиненія. Т. I. Стр. 962. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Стр. 681. Ц. 1 р. 50 к. Кіевъ, 1910 г.

Писарева, Ю. Е. Улыбки и слезы. (Разск. и стих.) Варшава, 1910 г. Ц. 95 к.

Письма Л. Н. Толстого. 1848—1910 г. Собранныя и редактированныя П. А. Сергѣенко. К-во „Книга". М., 1910 г. Ц. 1 р. 50 к.

Полянскій, Н. Н. Уголовный процессъ. Изд. Моск. общ. народн. универс. М., 1911 г. Стр. 201. Ц. 50 к.

Прокоповичъ, С. Проблемы соціализма. Спб., 1911 г. Стр. 273. Ц. 1 р. 50 к.

Радичъ, В. Перекати-поле и друг. разск. Изд. Девріена. Спб., 1911 г. Стр. 117. Ц. 80 к.

Риккертъ, Генрихъ. Науки о природѣ и науки о культурѣ. К-во „Образованіе". Спб., 1911 г. Стр. 195. Ц. 85 к.

Рождественскій, Ник. Сборникъ задачъ и вопросовъ по природовѣдѣнію. (Для низшихъ классовъ школы.) М., 1911. Ц. 25 к.

Рождественскій подарокъ. (Разсказы для дѣтей.) Изд. Горбунова. М., 1911. Ц. 15 к.

Сандзинъ, Садзонами. Нихонъ Мукоси Бонаси. (Сказанія древней Японіи.) Изд. Девріена. Спб., 1911. Стр. 253. Ц. 2 р. 50 к.

Сборникъ лекцій, читанныхъ на курсахъ для агрономовъ въ 1909 г. Изд. О-ва взаимопомощи русск. агрономовъ. М., 1910 г. Ц. 2. 75 к.

Семигоровъ. Волшебное царство. Спб., Стр. 185. Ц. 1 р.

Слобожанскій, С. Италія. Изд. Вятск. т-ва. Спб., 1911 г. Стр. 185. Ц. 65 к.

Снѣгинъ, О. П. Разсказы. Т. I. Спб., 1911 г. Стр. 222. Ц. 1 р.

Спекторскій, Е. Проблема соціальной физики въ XVII столѣтіи. Т. I. Варшава, 1910 г. Стр. 564. Ц. 3 р.

Тилденъ, В. А. Начатки химіи. Изд. т-ва „Міръ". Ц. 30 к.

Тимковскій, Н. Повѣсти и разсказы. М., 1911 г. Стр. 216. Ц. 1 р. 25 к.

Тинайръ, Марсель. Тѣнь любви. М., 1911 г. Ц. 1 р. 25 к.

Толстой, Л. Н. Ученіе Христа, изложенное для дѣтей. Изд. „Посредника". М., 1911 г. Стр. 98. Ц. 25 к.

Труды экспедиціи по изслѣдованію Печорскаго края. Т. II. Издан. главн. управл. землеустр. и земледѣл. Спб., 1910 г.

Тулуповъ, Н. В. и **Шестаковъ, П. М.** Третья ступень въ литературу (хрестоматія). М., 1911 г. Стр. 440. Ц. 1 р. 40 к.

Тыркова, А. Ночью. Спб., 1911 г. Стр. 306. Ц. 1 р.

Указатель книгъ и статей по сельскому хозяйству за 1908 г. Изд. главн. управл. землеустройства и земледѣлія. Спб., 1910. Стр. 471.

Флоровскій, А. В. Изъ исторіи екатерининск. законод. комиссіи 1767 г. Одесса, 1910. Стр. 318.

Фонвизинъ, С. Въ смутные дни. (Романъ). Спб., 1911. Стр. 454. Ц. 2 р.

Штейнъ. Я (стихотворенія). Спб., 1910. Ц. 1 р.

Шульгинъ, С. Н. Изъ преданій о Шамилѣ. Тифлисъ, 1910. Ц. 50 к.

Эберъ, Марсель. Прагматизмъ. Пер. съ фр. З. А. Введенской. Спб., 1911 г. Ц. 85 к.

Энгель, Ю. Очерки по исторіи музыки. Изд. Клочкова. Спб., 1911. Стр. 218. Ц. 1 р. 25 к.

Энгельмейеръ, П. К. Руководство къ привилегированію изобрѣтеній. Спб., 1911. Стр. 111. Ц. 80 к.

Редакторъ П. Б. Струве.

Книжныя новости.

(Вышедшія по 25-е ноября 1910 года.)

I. Литература.

§ 1. Беллетристика: а) русская; б) переводная. § 2. Языковѣдѣніе. § 3. Теорія словесности. § 4. Исторія всеобщей литературы. § 5. Исторія русской литературы: а) общія сочиненія; б) монографіи и матеріалы. § 6. Критика; библіографія.

§ 1а. **Аверченко, А.** Разсказы: Дѣти, Редакторъ, Состязаніе, Одинокій, Философія. Дешевая юмористическая библіотека „Сатирикона". Спб., 1910. Изд. М. Г. Корнфельда. 59 стр. Ц. 10 к.

Адамовъ, Е. Бойкотъ порочныхъ мужчинъ. (Первый разъ въ Петербургѣ!) Комедія-шутка въ 4-хъ дѣйств. Спб., 1910. Изд. 2-е. 61 стр.

Акуловъ, К. На грани двухъ міровъ. Драма въ 4-хъ дѣйств. и 6 картинахъ (въ стихахъ). Спб., 1910. 31 стр.

Амфитеатровъ, А. Девятидесятники. Ч. II. Романъ. Спб., 1911. Изд. „Прометей". 384 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Андреевъ, Л. Собраніе сочиненій. Разсказы, очерки, статьи. Съ портр. автора и вступ. статьей проф. М. А. Рейснера. Спб., 1911. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". XXXI+324 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Антоновъ, К. Е. „Дали блаженныя!" Мелкія стихотворенія. Спб., 1910. Изд. И. Е. Козлова. 35 стр. Ц. 30 к.

Ашешовъ, Н. Въ золотомъ домѣ. Пьеса въ 4-хъ картинахъ. Спб., 1910. Изд. журн. „Театръ и Искусство". 61 стр.

Баранцевичъ, К. С. Пожарный праздникъ. Комедія въ 1-мъ дѣйствіи. Спб., 1911. Изд. „Театральные новинки". 15 стр. Ц. 60 к.

Боголѣповъ, С. Г. (С. Г. Б.) Картинки изъ сельской жизни 1900 г. Два разсказа. 1) „Въ вагонѣ". 2) „Престольный праздникъ". М., 1910. 16 стр. Ц. 10 к.

Брюсовъ, В. Земная ось. Разсказы и драматическія сцены. М., 1910. Изд. „Скорпіонъ", 3-е. VIII+166 стр. Съ рис. Цѣна 2 р. 20 к.

Буренинъ, В. Король свободы. Драма въ 5-ти дѣйств. Спб., 1910. Изд. „Театральныя Новинки". 63 стр. Ц. 2 р.

Былины. Старинки богатырскія. Со вступ. статьей Е. А. Ляцкаго. Спб., 1910. Изд. т-ва „Огни". XXX+199 стр. Ц. 2 р.

Бѣлая, С. Драматическія сочиненія. Т. II. Король жизни. Женщина изъ мрака (Сатанелла). Безработные. М., 1910. Изд. С. Разсохина. 239 стр. Ц. 2 р.

Бѣльскій, А. Разсказы. Спб., 1911. Изд. „Новь". 2 нен.+245 стр. Ц. 1 р.

Вершининъ, А. П. Поставщики (Враги міра). Пьеса въ 4-хъ дѣйств. М., 1910. Изд. театр. б-ки Соколова. 60 стр. Ц. 2 р.

Гай-Сагайдачная, Ек. и Конашевичъ, А. Любители (Два друга) или комета помогла. Комедія въ 3-хъ дѣйств. Спб., 1910. 48 стр.

Герцо-Виноградскій, П. Т. (Лоэнгринъ). „Домъ сумасшедшихъ" (Семейный Бедламъ). Буффонада въ одномъ дѣйствіи. Одесса, 1910. 15 стр. Ц. 25 к.

Городня, В. П. Цвѣтки и ягодки (Горе-учитель. Мукденское пораженіе. Дома и на войнѣ. Долой бракъ!) Царицынъ, 1910. Изд. В. П. Гречинскаго. 180 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Грузинскій, А. Женщины. Разсказы. М., 1910. Изд. книжн. маг. „Основа". 213 стр. Ц. 1 р.

Гусевъ-Оренбургскій, С. Разсказы. Т. III. Содержаніе: Надъ поёмой, Судъ, Кошмаръ, Свадьба, Забота, Въ гостяхъ, Могила, Лукичъ. Спб., 1910. Изд. т-ва „Знаніе". 306 стр. Ц. 1 р.

Данилинъ, И. Разсказы. Книга третья. М., 1910. 238 стр. Ц. 1 р.

Дмитріевъ, В. І. Димка. Разсказъ. Спб., 1911. Изд. Вятскаго т-ва „Народная библіотека", 3-е. 106 стр. Ц. 20 к.

Достоевскій, Ѳ. М. Собраніе сочиненій. Бѣсы. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Т. I и II. Спб., 1910. Изд. 8-е т-ва „Просвѣщеніе". 464+473 стр. Ц. за 2 т. 3 р.

Евтихіевъ, В. Requiem. (Пьеса.) М., 1910. 73 стр. Ц. 75 к.

Ефремовъ, Ф. Стихотворенія. Баку, 1910. 13 стр.

Завражный, Г. Въ народѣ. Разсказы. М., 1911. 248 стр. Ц. 1 р.

Златовратскій, Н. Н. „Какъ это было". Очерки и воспоминанія изъ эпохи 60-хъ годовъ. Разсказы о дѣтяхъ освобожденія. Дѣтскіе и юные годы. М., 1910. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 293 стр. Ц. 1 р.

Изергинъ. „Русскія сказки". М., 1910. Изд. А. С. Панафидиной. 470 стр. Съ рис. Ц. 2 р.

Кайзерманъ, Г. Я. Чары Нарзана. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. М., 1910. Изд. С. Ѳ. Разсохина. 50 стр. Ц. 2 р.

Каменскій, В. Землянка. Спб., 1911. 172 стр. Ц. 1 р.

Карповъ, А. Б. Казачьи стихотворенія. Уральскъ, 1910. 112 стр. Ц. 50 к.

Клавдій. Пѣсни страсти. М., 1910. 154 стр. Ц. 75 к.

Кокоринъ, П. Фантастическая явь. Второй сборникъ (Стихи). Съ посвященіемъ Игоря-Сѣверянина. Спб., 1910. 16 стр. Ц. 15 к.

Ковалевскій, К. Послѣ бури. Драма въ 1-мъ дѣйств. М., 1910. Изд. С. Ѳ. Разсохина. 28 стр. Ц. 1 р.

Колышко, I. I. Поле брани. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Спб., 1910. Изд. Рус. Театр. общества. 67 стр. Ц. 25 к.

Кригеръ-Богдановская, Н. Сказка о княжнѣ Недолѣ и о гуслярѣ славномъ Будимірѣ. Феерія въ 4-хъ дѣйствіяхъ и 5-ти карт. М., 1910. Изд. С. Ѳ. Разсохина. 92 стр. Ц. 2 р.

Кузминъ, М. Куранты любви. М., 1910. Изд. „Скорпіонъ". 70 стр. Съ рис. Ц. 3 р.

Курковъ, С. Д. Юбилей кухарки Лукерьи. Фарсъ въ 1-мъ дѣйствіи. Тула, 1910. 15 стр. Ц. 30 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій въ двухъ томахъ. Подъ ред. В. В. Чуйко. Спб., 1910. Изд. 5-е М. О. Вольфъ. 304 + VI + 366 + VIII + II стр. Съ рис. Ц. 2 р. 50 к.

Леру. Разсказы. Одесса, 1910. 46 стр.

Локтевъ, Ѳ. Д. Юношескія исканія (въ 5 выпускахъ). Вып. I. Эскизы и изреченія. Калуга, 1910. 32 стр. Ц. 12 к.

Львовъ, Т. Мать. Несовременная повѣсть. М., 1911 (10). 115 стр. Ц. 70 к.

Маделэнъ, М. Власть плоти. Новеллы. Спб., 1910. 184 стр. Ц. 1 р.

Мерцаловъ, Н. А. Забытые аккорды. Стихотворенія. Харьковъ, 1910. 170 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Микуличъ, В. Мимочка. Очеркъ. Спб., 1911. Изд. IV-е Суворина. 315 стр. Ц. 1 р.

Мищенко-Атэ. Девь испытанія. (Пьеса.) Спб., 1910. 129 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Нагродская, Е. А. Гнѣвъ Діониса. Спб., 1910. Изд. 2-е. 272 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Острожскій, К. Дачныя барышни (Пансіонъ „Rendez-vouz"). Лѣтнія картинки въ 4-хъ дѣйств. Спб., 1910. Изд. „Театральныя новинки". 61 стр. Ц. 2 р.

Петрова, В. Спаситель міра. Поэма. М., 1911. 88 стр. Ц. 75 к.

Погосскій, А. Легкая надбавка. Драма въ 3-хъ дѣйств. съ прологомъ и эпилогомъ. Спб., 1911. 71 стр. Ц. 30 к.

Позняковъ, Н. И. Дядя старался. Повѣсть. М., 1911 (10). Изд кн. скл. М. В. Клюкина. 47 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Т. III. М., 1910. Изд. „Сотрудникъ школъ", 2-е. VI+432 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Ремизовъ, А. Разсказы. Т. I. Спб., 1910. Изд. „Шиповника". 224 + 2 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

Руданова, А. Владиміръ. Драма въ 5-ти актахъ. Тула, 1910. Изд. А. Рудаковой. 136 стр. Ц. 2 р.

Садовской, Б. Русская камена. Статьи. М., 1910. Изданіе Мусагетъ. 63 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Семигоровъ. Муть трясинная. 1. Они борцы. Драма въ 4-хъ дѣйств. Спб., 1910. 216 стр. Сѣверное книгоиздательство. Ц. 1 р. 25 к.

Сергѣевъ-Ценскій, С. Разсказы. Т. V. Спб., 1910. Изд. „Шиповникъ". 228 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Смирновъ, Ил. Казачокъ. Повѣсть изъ крѣпостного быта. М., 1911. Изд. М. В. Клюкина. 136 стр. Ц. 40 к.

Смурскій, К. „Распродажа жизни". Современныя сцены въ 4-хъ дѣйствіяхъ. М., 1910. Изд. 2-е театр. б-ки Вейхель. 71 стр.

Снѣгина, О. П. Разсказы. Т. I. Спб., 1911. 222 стр. Ц. 1 р.

Соколовъ, В. Уля. Поэма. Въ 4-хъ частяхъ. Старица. 1910. Изд. книжн. маг. И. П. Крылова въ Старицѣ. 28 стр.

Сологубъ, Ѳ. Собраніе сочиненій. Т. IX. Стихи. Спб., 1910. Изд. „Шиповникъ". 231 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Сперанская, Х. Стихотворенія. М., 1910. 39 стр. Ц. 65 к.

Сѣверянинъ, И. Предгрозье. Третья тетрадь третьяго тома стиховъ. Брошюра двадцать девятая. Спб., 1910. 16 стр. Ц. 25 к.

Тимковскій, Н. Повѣсти и разсказы. Т. IV. М., 1911. Изд. 2-е. 303 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Толстой, А. К., графъ. Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго.

Полное собраніе сочиненій. Томъ IV. Спб., 1910. Изд. П. В. Луковникова. 44-е. 367 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Толстой, Л. Н., графъ. Сочиненія. Часть одиннадцатая. Народные и другіе разсказы. М., 1910. Изд. 12-е. 602+II стр. Ч. XII. Изд. 12-е. 562 стр.

Травинъ, П. А. Крестный путь. Разсказы. Книга первая. М., 1910. Изд. автора. 143+1 нен. стр. Ц. 1 р.

Трубинъ, И. Вздохи далей. Сборникъ стиховъ. Книга вторая. Липецкъ, 1910. 38 стр.

Тургеневъ, И. С. Полное собраніе сочиненій. Т. I—X. Спб., 1911. Изд. Глазунова, 5-е. LVI+446+1 портр.+1 табл.+ XVI+423+3?7+493+479+438+458+ 411+698+616 стр.

Тыркова, А. (А. Вергежскій). Ночью. Спб., 1911. 306 стр. Ц. 1 р.

Феддерсъ, Г. Этюды и разсказы. Доп. къ 1-му изд. Нѣжинъ, 1910. 83—114 стр.

Финвизинъ, С. Въ смутные дни. Романъ. Спб., 1911. 454 стр. Ц 2 р.

Чаловъ-Чальскій, И. П. Дегенераты (паразиты). Драма въ 4-хъ дѣйств. Спб., 1910. 48 стр.

Чеховъ, Мих. П. Свирѣль. Повѣсти. Спб., 1910. 281 стр. Ц. 1 р.

Чириковъ, Е. Чужестранцы. Повѣсть. Инвалиды. Повѣсть. М., 1910. Изд. Моск. книгоизд. 6-е. 309 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Чубчиковъ. Проклятая Богомъ (Maladetto per Dio!). Драма въ 5-ти дѣйств. и 7 карт. Калуга, 1910. 60 стр. Ц. 2 р.

Шатовъ, С. M-lle Лолита. Фарсъ въ 1-мъ дѣйств. М., 1910. Изд. С. Ѳ. Разсохина. 16 стр. Ц. 50 к.

Шмелевъ, Ив. Разсказы. Т. I. Содержаніе: Распадъ. Гражданинъ Уклейкинъ. Вахмистръ. По спѣшному дѣлу. Спб., 1910. Изд. т-ва „Знаніе". 266 стр. Ц. 1 р.

Штейнъ, Э. И. Я. Стихотворенія. Спб., 1910. Изд. „Общ. польза". 98 стр. Ц. 1 р.

Щегловъ, И. Смѣхъ жизни. Новые юмористическіе разсказы. Спб., 1910. Изд. Стракуна. 256 стр. Ц. 1 р.

Ѳедоровъ - Давыдовъ, А. А. Легенды и преданія. М., 1910. 112 стр. Съ рис.

§ 1б. **Аннунціо-де, Г.** Романы лиліи. Дѣвы скалъ. Пер. съ итал. Спб., 1910. 157+1 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

— Сладострастіе. Романъ. Пер. съ итал. Спб., 1910. Изд. книж. магаз. „Общественное чтеніе". 275 стр. Ц. 1 р. 25 к.

— Торжество смерти. Романъ. Пер. съ итал. Т. Герденштейнъ. Спб., 1910. 243 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Бангъ, Г. Полное собраніе сочиненій. Т. IV. Графиня Урнэ. Романъ. Перев. Н. М. Вольпе. Подъ ред. В. Ф. М., 1911. Изд. „Соврем. пробл.". 273 стр. Ц. 1 р.

Бекъ, А. Парижанка. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Пер. съ франц. Н. Эфроса. М., 1910. Изд. к-ва „Польза". 63 стр. Ц. 10 к.

Бенелли, С. Потѣха за потѣху. Драматическая поэма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Пер. М. Чайковскаго. М., 1911. 80 стр. Ц. 75 к.

— Ужинъ шутокъ. Драматическая поэма въ четырехъ дѣйствіяхъ. Перев. А. Брюсова. М., 1911. Изд. книгоизд. „Грифъ". 111 стр. Ц. 65 к.

Бордо, А. Страхъ жизни. Романъ въ 2-хъ частяхъ, премир. франц. академіей, съ пред. Р. Думика. Перев. М. Веселовской. М., 1910. Изд. к-на „Энергія". IV+356 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Бурже, П. Леди. Новые разсказы (Кузены Адольфа). Спб., 1910. Изд. Спб. Издат. Т-ва". 118 стр. Ц. 75 к.

— Портретъ одной дамы. Пер. съ франц. Подъ ред. А. К. Кукеля. М., 1910. Изд. книгоиздат. „Новь". 219 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Бьернстьерне-Бьернсонъ. Когда цвѣтетъ новое вино... Комедія. Пер. съ норвежскаго Я. Сегалъ. М., 1910. Изд. к-ва „Польза". 95 стр. Ц. 10 к.

— Полное собраніе сочиненій. Т. III. Рыбачка. Повѣсть. Перев. А. Липсберга. М., 1910. Изд. „Соврем. пробл.". 279 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Вагнеръ, Р. Золото Рейна. Предвечеріе трилогіи „Кольцо Нибелунга". Перев. В. Коломійцова. Съ пред. переводчика („О музыкальномъ переводѣ драмъ Вагнера"). М., 1910. Изд. П. Юргенсона 104 стр. Ц. 85 к.

Вейманъ, Ст. Волчій домъ. Истор. повѣсть. Перев. съ англ. С. В. Акимовой. Всеобщая б-ка. Вып. 103, 104. Спб., 1910. Изд. Герольдъ. 191 стр. Ц. 20 к.

Вилли. Царица сцены (Pimprenette). Романъ. Пер. Л. Зиновьева. Собраніе сочиненій. Томъ V. Спб., 1910. Изд. Столичное издательства. 166 стр. Ц. 1 р.

Винниченко, В. Купля и другіе разсказы. Перев. съ украинскаго А. Пигуловичъ. М., 1910. Изд. к-на „Польза". 80 стр. Ц. 10 к.

Гольдосъ, П. Собраніе сочиненій. Т. II. Золотой фонтанъ. Истор. повѣсть. Перев. съ испанск. М. В. Ватсонъ. М., 1910. Изд. „Звено". 302 стр. Ц. 1 р.

Ганссонъ, О. Дорога къ жизни. Перев. Н. Васильковской. М., 1910. Изд. В. М. Саблина. 237 стр. Ц. 50 к.

— Морскія птицы. Перев. М. Коваленской. М., 1910. Изд. В. М. Саблина. 263 стр. Ц. 50 к.

Гедбергъ, Т. Іуда. Повѣсть. Перев. со шведскаго. В. Спасской. Универ. б-ка. №№ 75 — 76. М., 1910. Изд. книгоизд. „Польза". 176 стр. Ц. 10 к.

Гимеръ, Донъ-Анхело. Въ долинѣ. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Пер. съ испанск.

А. Е. Никифораки. Спб., 1910. Изд. „Театръ и Искусство“. 57 стр.

Гладикъ, В. Депутатъ и угольный баронъ (Евгеній Волданъ). Романъ. Перев. съ чешскаго В. Южанина. Спб., 1910. 437 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Гординъ, Я. Убой. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Пер. С. М. Гена. Спб., 1910. Изд. С. М. Гена. 48 стр. Ц. 2 р.

— За далекимъ океаномъ. Драма въ 4-хъ актахъ. Перев. четы Шенъ. М., 1910. Изд. С. Ѳ. Разсохина. 58 стр. Ц. 2 р.

Загирня, М. Въ шахтахъ. Повѣсть изъ жизни углекоповъ. Перев. съ малорос. Н. Васина. М., 1911. Изд. М. В. Клюкина. 96 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Зангвилль, И. Собраніе сочиненій. Т. II. Мечтатели и фантазеры Гетто. М., 1910. Изд. к-ва „Атенеумъ“. 337 стр. Ц. 1 р.

Зола, Э. Собраніе сочиненій. Подъ ред. и со вступ. статьями Е. В. Аничкова и Ѳ. Д. Батюшкова. Т. V. Поступокъ Аббата Мурэ. Спб., 1910. Изд. т-ва „Просвѣщеніе“. IX+455 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Ибаньесъ, В. Б. „Отцы іезуиты“ (El intruso). Романъ. Перев. съ испан. А. Вольтерэ. Т. V. Полное собран. соч. М., 1910. Изд. „Сфинксъ“. 360 стр. Ц. 1 р. 25 к.

— Полное собраніе сочиненій. При ближайшемъ участіи: Э. Венгеровой, М. Ватсонъ, В. М. Шулятикова и др. Т. V. Куртизанка Сонника. Романъ. Пер. съ испанск. О. Семевовой. М., 1911 (10). Изд. к-ва „Соврем. пробл.“. 287 стр. Ц. 1 р. Т. VI. Въ апельсинныхъ садахъ. Романъ. Пер. съ исп. Т. Герценштейнъ. 283 стр. Ц. 1 р.

Каленбергъ, Г. Ева. Романъ. Перев. съ нѣм. Маріи К. М. 1911. Изд. к-ва „Оріонъ“. 215 стр. Ц. 1 р.

Кальяве, де и Флеръ, де Р. Священная роща. Перев. съ франц. Ѳеодоровича. М. 1910. Изд. С. Ѳ. Разсохина. 82 стр. Ц. 2 р.

Конопницкая, М. На нормандскомъ берегу. Авториз. пер. съ пол. М. Троповской. Некрологъ К. Тетмайера. Очеркъ Г. Сенкевича. Полное собраніе сочиненій. Т. I. М., 1911. Изд. к-ва „Соврем. пробл.“ 341 стр. Съ портр. Ц. 1 р.

Ланге, С. Самсонъ и Далила. Трагикомедія въ 3-хъ дѣйств. Пер. А. И. Долинова. Спб., 1910. Изд. Имп. рус. театр. общества. 40 стр. Ц. 20 к.

Лезюэръ, Д. Ницшеанка. Романъ. Пер. съ франц. Н. Дадоновой. М., 1911. Изд. А. Вербицкой. 210 стр. Ц. 85 к.

Леружъ, Г. На планетѣ Марсъ. Романъ. Перев. съ франц. М. Н. Бѣлова. Спб., 1910. 247+IV стр. Ц. 1 р. 15 к.

Лондонъ, Д. Собака-привидѣніе. Перев. М. Г. Языковой. М, 1911. Изд. В. М. Саблина. 160 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Маннъ, Г. Діана. Романъ. Перев. съ нѣм. А. Полоцкой. М., Изд. к-ва „Польза“. 278 стр. Ц. 30 к.

Маннъ, Т. Семейство Будденброоковъ. (Паденіе одной семьи.) Романъ. Ч. II. Перер. Я. А. Бермана съ 50-го нѣм. изд. (Полное собраніе сочиненій. Т. I.) М., 1910. Изд. „Современ. проблемы“. 402 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Маргеритъ, В. Дѣвушка Парижа. Перев. съ франц. С. Г. Займовскаго. М., 1910. Изд. к-ва „Новь“. 393 стр. Ц. 1 р. 25 к.

— Золото. Романъ. Перев. съ франц. Спб., 1910. Изд. „Вѣстникъ Иностр. Литературы“. 309 стр. Ц. 75 к.

— Проститутка. Пер. съ франц. С. Г. Займовскаго. М., 1910. Изд. „Новь“. 393 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Мезеру, Р. Хищный любовникъ. Романъ нравовъ. Перев. съ посл. франц. изданія Э. Ч—вой. Спб., 1910. 189 стр. Ц. 1 р.

Мендесъ, К. Король дѣвственникъ. Романъ. Перев. съ франц. А. Воротникова. М. Изд. „Сфинксъ“. 260 стр. Съ портр. Ц. 1 р.

Местръ, де Ксавье. Кавказскіе плѣнники и Аостскій прокаженный. Пер. съ франц. К. Ш. Кіевъ, 1910. Изд. южно-русск. к-ва Ф. А. Іогансона. 80 стр. Ц. 35 к.

Монти, Ж. Счастье Клерстты. Парижскій романъ. Пер. съ послѣдн. франц. изд. Н. Н. Волынцева. Спб., 1910. 193 стр. Ц. 1 р.

Нозьеръ и Мюллеръ, Ш. Танцклассъ. (Королева брилліантовъ Отеро.) Пьеса въ 4 д. и 5 карт. Перев. съ франц. А. Энквистъ и Г. Полилова. Спб., 1911. Изд. „Театральныя Новинки“. 76 стр. Ц. 2 р.

Прево, М. Любовь въ письмахъ. Перев. М. Чернявской. Спб., 1910. 70 стр. Ц. 40 к.

Пшибышевскій, Ст. „Сумерки“. Ч. II. Единств. разр. авт. пер. съ рукоп. В. О. Блажеевича. М., 1910. Изд. „Заря“. 192 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Ревель, А. Атлетъ-убійца. Уголовный романъ. Перев. съ франц. Л. Чарскаго. Спб., 1910. 223 стр. Ц. 1 р.

Розы и шипы. Юмористическая б-ка. Избранные разсказы изъ Simplicissimus'а. М., 1911. Изд. „Заря“. 206 стр. Ц. 1 р.

Сборникъ Фіорды. Датскіе, норвежскіе, шведскіе писатели въ переводѣ А. и П. Ганзенъ. Вып. VI. Спб., 1910. Изд. А. Ф. Маркса, 293 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Сервантесъ, М. Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Въ двухъ частяхъ. Съ портр. и біографіей автора. Полный пер. съ исп. В. Корелина. Испр. и доп. В. Зотовымъ. Спб., 1910. Изд. В. И. Губинскаго, 3-е. 707+III стр. Съ 700 рис. Ц. 2 р. 60 к.

Словацкій, Ю. Мазепа. Трагедія въ 5 актахъ. Перев. съ польск. Ал. Возвесенскій. Одесса, 1910. 83 стр. Ц. 50 к.

Твэнъ, М. Разсказы. Перев. Я. Дани-

лина. Юмористическая б-ка. № 5. М., 1911 (10). Изд. к-во „Заря“. 228 стр. Ц. 1 р.

Тетмайръ, К. Наброски. Перев. съ польск. В. Блажеевича. М., 1911. Изд. „Заря“. 160 стр. Ц. 75 к.

Тинайръ, М. Тѣнь любви. Романъ. Пер. съ фран. З. Журавской. Собраніе соч. Т. IV. М., 1910. Изд. к-ва „Энергія“. 323 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Туманъ и другіе разсказы. Перев. съ нѣм. А. У—вой. Спб., 1911. Изд. издат. „Посѣвъ“. 87 стр. Ц. 35 к.

Фареръ, К. Молодость барышни Даксъ. Перев. съ франц. Спб., 1910. 178 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Фибихъ, К. Борьба за мужчину. Тетралогія. Перев. съ нѣм. П. М. Василевскаго. Унив. б-ка. № 89. М., 1910. Изд. 2-е, к-ва „Польза“. 104 стр. Ц. 10 к.

Фрейтагъ, Г. Инго. Историч. романъ въ 2-хъ частяхъ. Перев. А. Острогорской. Изд. 2-е. 105 стр. Ц. 50 к.

Шекспиръ въ переводѣ и объясненіи А. Л. Соколовскаго. Т. II. Спб., 1910. Изд. т-ва А. Ф. Марксъ, 2-е. 876 стр.

Шоу, Б. Женщина съ саблей. Злободневный очеркъ, состав. по передовымъ статьямъ и хроникѣ ежедневныхъ газетъ. Пер. съ англ. І. А. Маевскаго. М., 1910. Изд. к-ва „Атенеумъ“. 72 стр. Ц. 35 к.

§ 2. Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. академіи наукъ. Т. XV. Кн. 2. Спб., 1910. Изд. академіи наукъ. 327 стр. Ц. 1 р. 50 к. Содержаніе: Б. М. и Ю. М. Соколовы. — Остатки былинъ. А. И. Соболевскій.—Изъ церковно-слав. литературы. П. Н. Сакулинъ. — Лермонтовъ. А. И. Томсонъ.—Поправки къ статьѣ Н. П. Некрасова. Н. П. Кашинъ.—Къ исторіи текста произвед. А. Н. Островскаго. М. Н. Сперанскій.—И. В. Ягичъ. Н. Н. Соколовъ.—Литовскія рукописи. П. Н. Поповичъ.—О методахъ въ изученіи Дубровницкой литературы. Н. Эндзелинъ.—О судьбѣ носовыхъ звуковъ въ латыш. яз. В. М. Истринъ.—Къ изданію болгарскаго перев. хроники Георгія Амартало. В. Н. Бенешевичъ.—Обозрѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію.

Нидерманъ, М., проф. Историческ. фонетика латинскаго языка. Перев. съ нѣм. подъ ред. и съ пред. проф. А. Грушки. М., 1910. X+139 стр. Ц. 95 к.

Соколовъ, Г. А. Въ защиту церковнославянскаго языка. Астрахань, 1910. VII+164 стр.

§ 4. **Айхенвальдъ, Ю.** Этюды о западныхъ писателяхъ. М., 1910. Изд. „Научнаго Слова“. 247 стр. Съ 7 портр. Ц. 1 р. 80 к.

Бодлеръ, Ш. Эдгаръ По. Жизнь и творчество. Пер. Л. Когана. Одесса, 1910. 71 стр.

Розановъ, М. Н. Ж. Ж. Руссо и литературное движеніе конца XVIII и XIX в. Очерки по исторіи руссизма на Западѣ и въ Россіи. Т. I. М., 1910. VIII+559 стр. Ц. 2 р.

Соколовъ, П. Octavius Минуція Феликса и De natura deorum Цицерона. Страница изъ литературной исторіи діалога. Спб., 1910. 35 стр.

Сонни, А., проф. „Гете“. Лекціи, читанныя на Кіевскихъ высш. жен. курсахъ въ осеннемъ и весеннемъ семестрахъ 1909 и 1910 г. Кіевъ, 1910. Изд. слушательницъ филологич. фак. В. Ж. Кур. 150 стр.

§ 5а. Исторія русской литературы XIX в. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Вып. 21. М., 1910. Изд. „Міръ“. 241—320 стр. Съ 2 портр.

§ 5б. **Князевъ, Г.** О Чеховѣ. Литературный очеркъ. Спб., 1911. 48 стр. Съ портр. Ц. 35 к.

Котляревскій, Н. Николай Васильевичъ Гоголь (1829—1842 гг.). Очеркъ изъ исторіи русской повѣсти и драмы. Спб., 1910. Изд. 3-е. XV+580 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Майковъ, Б. А. Гр. Л. Н. Толстой. Разборъ главнѣйшихъ произведеній. С.-Петербургъ-Варшава, 1910. Изд. „Оросъ“. 236 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Назаревскій, А. А. Гоголь и искусство. Кіевъ, 1910. 42 стр.

§ 6. **Бугровъ, А.,** свящ. Литература и религія. Повѣсть Л. Андреева. „Іуда Искаріотъ и другіе“. (Психологія и исторія предательства Іуды.) Опытъ подробной литературной и евангельской критики. Харьковъ, 1910. 98 стр. Ц. 75 к.

Бѣлинскій, В. Г. Сочиненія въ 4-хъ томахъ. Томъ I. 1834—1840 г. Спб., 1911. Изд. Павленкова, 4-е, пересмотр. 1096 ст. (въ 2 ст.). Ц. 1 р.

Вознесенскій, Н., прот. Разборъ трагедіи Л. Андреева Анатэма съ положительно-христіанской точки зрѣнія. Благовѣщенскъ, 1910. 58 стр. Ц. 30 к.

Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской общественной мысли. Индивидуализмъ и мѣщанство въ русской литературѣ и жизни XIX в. Т. I. Спб., 1911. Изд. 3-е, доп. XXVI+414 стр. Ц. 3 р. за два тома.

Малининъ, Д. И. Что читать по русской литературѣ XIX вѣка? Опытъ литературно-критическаго указателя къ произведеніямъ русской литературы XIX вѣка. М., 1911. Изд. А. Д. Карчагина, 2 е, испр. и доп. 72 стр. Ц. 40 к.

Писаревъ, Д. И. Сочиненія. Полное собраніе въ шести томахъ. Т. II. Спб., 1911. Изд. 5-е Ф. Павленкова. 620 столб. (въ 2 ст.). Ц. 1 р.

II. Философія.

§ 1. Гносеологія, онтологія, этика, философія религіи. § 2. Исторія философіи. § 3. Логика. § 4. Психологія. § 5. Педагогика.

§ 1. **Иннокентій**, старообрядч. еп. Слова и рѣчи. М., 1910. IV+98 стр. Ц. 60 к.

Курамшинъ, М. А. Исповѣдь разума передъ образной истиной и союзъ прообразовъ: разума—Пятикнижія, Божьяго страха—Евангелія и справедливости—Корана. Саратовъ, 1910. 122 ст.+II стр.

Ландышевъ, Е. В. Полное собраніе сочиненій. Т. I въ трехъ частяхъ. (Публичныя чтенія, внѣбогослужебныя собесѣдованія, уроки Закона Божія въ школѣ и проповѣди на современныя темы.) Екатеринбургъ, 1910. 351+2 нен.+XII стр. Съ портр. Ц. 2 р. 25 к.

Ландышевъ, Е., свящ. Моисей или Дарвинъ? Спб., 1910. Изд. В. М. Скворцова. 88 стр.

Менстровъ, М., свящ. Божья правда. Въ защиту вѣры и противъ невѣрія. Спб., 1911. Изд. П. Л. Тузова. 146+1 нен.+ +12 стр.

Методъ въ наукахъ. Перев. съ франц. П. С. Юшкевича и И. К. Брусиловскаго. Спб., 1911. Изд. „Образованіе". 300 стр. Ц. 2 р.

Никольскій, В., проф. Христіанское ученіе о любви къ врагамъ въ его отношеніи къ ученію классической древности. Рѣчь, произнесенная на торж. годичномъ собраніи Каз. духовной академіи 8 ноября 1910 г. Казань, 1910. 86 стр.

Руфимскій, Порфирій, свящ. Нужна ли намъ внѣшняя обрядность въ молитвѣ? Казань, 1910. Изданіе. автора. 53 стр. Ц. 12 к.

§ 2. **Рихтеръ, Р.** Скептицизмъ въ философіи. Т. I. Перев. съ нѣм. В. Базарова и Б. Столпнера. (Б-ка современной философіи. Вып. пятый.) Спб., 1910. Изд. „Шиповникъ". 389+XLVIII стр. Ц. 3 р.

Селитренниковъ, А. М. Этическія и религіозныя воззрѣнія В. Вундта. Харьковъ, 1910. 27 стр.

Филипповъ, М. М. Исторія философіи съ древнѣйшихъ временъ. Спб., 1911. Изд. К. Н. Губинскаго. 321 стр. Ц. 1 р. 25 к.

§ 4. **Freud, Sigm.**, prof. Dr. О психоанализѣ. Пять лекцій, прочитанныхъ на праздникѣ по поводу 20-лѣтія существованія Clark University in Worcesher Mass, въ сентябрѣ 1909 г. Авториз. пер. (Психотерапевтческая б-ка подъ ред. д-ровъ Н. Е. Осипова и О. Б. Фельцмана. Вып. 1.) М., 1910. Изд. книгоизд-ва „Наука". V+67 стр. Ц. 50 к.

§ 5. **Аѳонскій, А. П.** Н. И. Пироговъ. Его жизнь и педагог. проповѣдь. М., 1910. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 87 стр. Съ портр. Ц. 30 к.

С. Г. Б. Воспитаніе, какъ главный факторъ прогресса въ усовершенствованіи культурной жизни человѣка. М., 1910. 41 стр. Ц. 20 к.

Бобровниковъ, Н. А. Что такое хорошій урокъ. Изъ бесѣдъ съ учителями. Казань, 1910. Изд. книжн. маг. Маркелова и Шаронова, 4-е. 138 стр. Ц. 50 к.

Гардеръ, В. Записки по педагогикѣ. Спб., 1910. 95 стр.

Друммондъ, У. Введеніе въ изученіе ребенка. Пер. съ англ. (Б-ка педагогической психологіи подъ ред. прив.-доц. Н. Д. Виноградова и А. А. Громбаха.) М., 1910. Изд. „Московскаго книгоиздательства". 385 стр. Ц. 2 р.

Егурновъ, И. Малоспособность учащихся дѣтей и пріемы борьбы съ нею. Педагогическіе очерки для родителей и воспитателей. Одесса, 1910. IX+96 стр. Ц. 60 к.

Зеленинъ, А. В. На помощь народному учителю. Записки о преподаваніи естествознанія въ начальной школѣ. Вып. 1. Устройство школьнаго акварія и террарія. Никольскъ, 1910. 43 стр. Ц. 15 к.

О религіозно-нравственномъ воспитаніи дѣтей. М., 1910. Изд. моск. старообрядческой книгопечатни. 28 стр.

Пироговъ, Н. И. Сочиненія. Томъ II. Изд. въ память столѣтія со дня рожденія Николая Ивановича Пирогова 1810—13 ноября—1910. Кіевъ, 1910. Изд. Пироговскаго т-ва. VI+681 стр. и 3 снимка. Ц. 1 р. 50 к.

Румянцевъ, Н. Н. И. Пироговъ, его взгляды на природу дѣтей и задачи воспитанія. Къ столѣтію со дня рожденія, 13 ноября 1810—1910 г. Спб., 1910. 25 стр. Съ 1 портр.

Столлъ, С. Скрывать ли отъ дѣтей ихъ происхожденіе? или родительская честность. Спб., 1910. Изд. книгоизд. „Полезной литературы". 26 стр. Ц. 15 к.

Тимошенко, И. Е. Н. И. Пироговъ, какъ педагогъ. Къ столѣтнему юбилею (1810—1910 г.). Посвящается памяти „Кіевскаго о-ва классической филологіи и педагогики". Кіевъ, 1910. 15 стр. Ц. 20 к.

Тихомировъ, Д. И. Современныя задачи начальной школы. М., 1911. Изд. журн. „Педагогическій Листокъ". 34 стр. Ц. 5 к.

Фортунатовъ, А. Зачѣмъ люди идутъ въ высшую школу. Отт. изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія" (1910 г., № 7.) М., 1910. 19 стр.

III. Исторія.

§ 1. Археологія, антропологія, первобытная культура. § 2. Всеобщая исторія: а) общія сочиненія и монографіи; б) біографіи, мемуары. § 3. Русская исторія: а) общія сочиненія; б) монографіи; в) біографіи, мемуары; г) матеріалы. § 4. Исторія славянъ. § 5. Современная исторія (записки, очерки). § 6. Исторія религіи и исторія церкви. § 7. Философія исторіи. § 8. Методологія и методика исторіи. § 9. Справочныя изданія по исторіи.

§ 1. **Высоцкій, Н. Ф.**, проф. Народная медицина. (Оттискъ изъ Т. IX Записокъ Московскаго Археологическаго Института). М., 1910. V+168 стр. Съ 2 таб.

Записки Импер. Одесскаго О-ва Исторіи и Древностей. Т. XXVIII. Одесса. 1910. II+199+126+112+1 таб.+2 нен. стр.

Записки Московскаго Археолог. Института, издав. подъ ред. А. И. Успенскаго. Томъ VII. М., 1910. Изд. Моск. Археолог. О-ва. 60+19+10+7+4+4+18+8+32+8 стр. Съ 36 фототипіями. Ц. 7 р.

Записки нумизматическаго отдѣленія Имп. Рус. Археолог. О-ва. Т. I, вып. 4. Подъ ред. М. Г. Деммени. Спб., 1910. Изд. Археолог. О-ва. 160 + 13 таб. Ц. 2 р. 50 к. Содержаніе: Е. А. Пахомовъ. Монеты Грузіи, ч. I (домонгольскій періодъ).—А. К. Марковъ. О типахъ русскихъ монетъ XV в.—Гр. И. И. Толстой: Деньги великаго князя Дмитрія Ивановича Донского.—Его же. О пятакахъ Екатерины II съ Королевскою короною.

Краснянскій, М. Б. Остатки древне-греческаго поселенія на территоріи гор. Ростова-на-Д. Перепечатано изъ № газеты „Пріазовскій Край“, отъ 12 дек. 1910 г. Ростовъ-на-Дону. 1910. 16 стр.

§ 2а. **Виноградовъ, П. Г.**, проф. Римское право въ средневѣковой Европѣ. М., 1910. Изд. А. А. Карцева. 99 стр. Ц. 50 к.

Дубновъ, С. М. Всеобщая исторія евреевъ отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій. Книга I. Древнѣйшая и древняя исторія до разрушенія Іудейскаго государства римлянами. Спб., 1910. Изд. 2-е, перераб. XVI+639+1 нен. стр. Ц. 3 р. 25 к.

Книга для чтенія по исторіи новаго времени (Историческая комиссія учебнаго отдѣла О. Р. Т. З.). Томъ II. М., 1911. Изд. И. Д. Сытина. и А. К. Залѣсской. IV+748+VII стр. Ц. 3 р. 25 к..

Карѣевъ, Н. Учебная книга исторіи среднихъ вѣковъ. Съ историческими картами. Спб., 1911. Изд. 8-е, перераб. и значит. доп. IX + 282 стр. и 6 картъ. Ц. 1 р. 25 к.

Рубакинъ, Н. Изъ тьмы временъ въ свѣтлое будущее. Разсказы изъ исторіи человѣческой культуры. Спб., 1910. Изд. Е. Д. Трауцкой. 296 стр. Съ 115 рис. Ц. 90 к.

Ренанъ, Э. Исторія израильскаго народа. Томъ четвертый. Перев. съ франц. Е. П. Смирнова. Спб., 1911. Изд. Н. Глаголева. 105 стр. Ц. 1 р.

§ 3а. Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Вып. 34-й. Спб., 1910. Изд. Бр. Гранатъ. 80—160 стр. Съ 6 портр. Ц. 1 р. 35 к.

Покровскій, Н. М. „Русская Исторія“ съ древнѣйшихъ временъ. Т. 2-й. Книга третья. При участіи Н. М. Никольскаго и В. Н. Сторожева. М., 1910. Изд. Т-ва Міръ. 160 стр. Съ рис.

§ 3б. **Аваліани, С.** Земскіе соборы. 1) Исторіографія земскихъ соборовъ. 2) О представительствѣ на земскихъ соборахъ XVI в. и начала XVII в. Одесса. 1910. 137+87 стр.

Великая реформа. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ. Юбилейное изданіе. Томъ II. (Историческая комиссія учебнаго отдѣла О. Р. Т. З. Редакція А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета.) М., 1911. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 254+3 нен. стр. Съ рис.

Волковъ, Н. Е. Очеркъ законодательной дѣятельности въ царствованіе Имп. Александра III. 1881 — 1894 гг. Спб., 1910. IX+372+III стр.+1 портретъ. Ц. 3 р. 50 к.

Ерошевичъ, Г. К. Оборона Севастополя. Штурмъ 6 іюня 1855 года. Спб., 1910. 31 стр. Ц. 10 к.

Левъ Толстой. Жизнь и творчество. 1828—1910. Вып. III. Спб., 1910. Изд. П. П. Сойкина. 97—148 стр. Съ рис. и портр.

Линдеманъ, І. К. Маринкина башня въ Коломнѣ и вопросъ о смерти Марины Мнишекъ. М., 1910. 35 стр. Съ рис.

Мещерскій, И. И. Графъ М. М. Сперанскій. Краткій очеркъ его жизни и государственной дѣятельности. Спб., 1910. Изд. Училищнаго совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ. 47 стр. Ц. 10 к.

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ. Роскошно-иллюстрированное изд., посвящ. памяти историка Москвы И. Е. Забѣлина. № 6. М., 1910. Изд. т-ва „Образованіе“, съ 24 фототип.

Назаревскій, В. В. Великія историческія годовщины. 1612 — 1613 — 1812. Междуцарствіе и народныя ополченія. Трехсотлѣтіе избранія на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Столѣтіе отечественной войны 1812 года. М., 1910. Изд. автора. 210 стр. Съ 148 рис. Ц. 75 к.

— Столѣтіе отечественной войны 1812 года. М., 1910. Тип. т-ва И. Д. Сытина. 108 стр. Съ 66 рис. Ц. 40 к.

— Трехсотлѣтіе съ освобожденія Москвы отъ поляковъ и избранія Михаила Ѳеодоровича на царство 1612—1613. М., 1910. 104 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Отечественная война 1812 г. Атака у Клястицъ 20-го іюля. Кіевъ. 1910. Изд. П. Плахова. 22 стр. Съ планомъ и рис.— Атака Шевардинскаго редута 24-го августа. 13 стр. Съ планомъ и рис.—Бой за Малоярославецъ 12-го октября. 14 стр. Съ планомъ и рис.—Императоръ Александръ I-й призываетъ москвичей на защиту отечества 15 іюля. 16 стр. Съ портр. и рис.—Кутузовъ объѣзжаетъ войска 25 августа. 16 стр. Съ рис.—Штурмъ Полоцка 7 октября. 16 стр. Съ планомъ и рис.

Платоновъ, С. Ф., проф. Очерки по исторіи смуты въ московскомъ государствѣ XVI и XVII вв. (Опыты изученія общественнаго строя и сословныхъ отношеній въ смутное время.) Спб. 1910. Изд. 3-е. VII+624 стр.+2 карты. Ц. 3 р. 50 к.

Русско-турецкая война. Бой подъ Филиппополемъ 3, 4 и 5 января 1878 г. Спб., 1910. 16 стр.

Филипповъ, А. Н., проф. Депутаты Екатерининской комиссіи и Правительствующій Сенатъ. Изъ „Журн. мин-ства юстиціи", сентябрь и октябрь. Спб., 1910. 54 стр. Ц. 50 к.

§ 3в. **Кюстинъ**, де маркизъ. Николаевская эпоха. Воспоминанія французскаго путешественника. Съ прилож. дневника А. О. Смирновой (1845 г.). М., 1910. Изд. Образованіе. 163 стр. Съ портр. и 5 карт.

Маклаковъ, В. А. Ѳ. Н. Плевако. Лекція, прочитанная въ маѣ 1909 г. въ Петербургѣ въ о-вѣ любителей ораторскаго искусства. М., 1910. 61 стр. Ц. 40 к.

Тарапыгинъ, Ѳ. А. Извѣстные русскіе дѣятели. Краткое ихъ жизнеописаніе. Ред. А. Витберга. Выпускъ I—III. Спб., 1910. 24+36+31 стр. Съ рис. Ц. 20 к., 30 и 30 к.

Толстой, Л. Н. Автобіографія съ біографическимъ очеркомъ. Кіевъ, 1910. Изд. кн. С. М. Богуславскаго. 32 стр. Съ 8-ю портр. Ц. 10 к.

— Толстовскій альманахъ. Письма. (1848—1910 гг.). Собранныя и редактированныя П. А. Сергѣенко. М., 1910. 365 стр. Ц. 1 р. 50 к.

§ 3г. **Адамовичъ, Б.** Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ лейбъ-гвардіи Кексгольмскаго Императора Австрійскаго полка. Томъ II. Часть III и IV. Томъ III. Часть V и VI. Спб., 1910. V+507+VI+528 стр.

Матеріалы для біографіи епископа Порфирія Успенскаго. Томъ II. Переписка. Подъ редакціей П. В. Безобразова. Спб., 1910. Изд. Импер. Академіи Наукъ. 1037 стр.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга 16-я. М., 1910. 518+184 стр. Ц. 3 р. 50 к.

§ 5. **Баженовъ, П. Н.** Сандепу—Мукденъ. Воспоминанія очевидца—участника войны. Спб., 1910. Изд. Сѣвер. книгоиздат. 361 стр. Съ рис. и 4 карты. Ц. 3 р.

Тужилинъ, А. В. Современный Китай. II томъ. Спб., 1910. V+341 стр. Ц. 2 р. 50 к.

§ 6. **Болотовъ, В. В.**, проф. Лекціи по исторіи древней церкви. II. Исторія церкви въ періодъ до Константина В. Посмертное изданіе. Подъ ред. проф. А. Бриллiантова. Спб., 1910. XVIII+472 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Бѣлогостицкій, В., свящ. Реформа Петра Великаго по высшему церковному управленію. Спб., 1910. 70 стр. Ц. 35 к.

Гроссу, Н., свящ. Историческіе типы церковной проповѣди. Кіевъ. 1910. 37 стр. Ц. 25 к.

Клитинъ, А. М., прот., проф. Исторія религіи. (Опытъ историко-богословскаго изслѣдованія.) Томъ первый. Одесса. 1910. 544+VI+III стр. Ц. 3 р.

Юнгеровъ, П. Очеркъ исторіи толкованія ветхозавѣтныхъ книгъ священнаго писанія. Казань. 1910. Изд. Казанской дух. академіи. 50 стр. Ц. 50 к.

Яковенко, П. А., проф. Исторія Византійской церкви. Юрьевъ. 1910. 48+127 стр.

IV. Политическая экономія и финансы.

§ 1. Политическая экономія; экономія сельскаго хозяйства; промышленность; торговля; кредитное дѣло; исторія политической экономіи. § 2. Статистика. § 3. Финансы и финансовое право. § 4. Городское и земское хозяйство.

§ 1. **Ададуровъ, И. Е.** Подтоварный кредитъ въ коммерческихъ банкахъ. Теорія и практика. Вып. I. Спб., 1911. Изд. кн. скл. „Коммерч. литер.". 84 стр. Ц. 1 р.

Бальцъ, Г. С. Докладъ о преобразованіи управленія коммерческихъ портовъ въ Россіи 1-му торгово-промышленному съѣзду на югѣ Россіи и дѣятелей по ком. судоходству и портовому дѣлу. Одесса, 1910. 15 стр.

Бутенко, В. А. Краткій очеркъ исторіи русской торговли въ связи съ исторіей промышленности. Курсъ коммерческихъ училищъ. М., 1910. 120 стр. Ц. 60 к.

Вопросы обществовѣдѣнія. Органъ академической и научной жизни. Вып. III. Подъ ред. В. М. Гессена, проф. И. И. Кауфмана, П. И. Люблинскаго и М. И. Туганъ-Барановскаго. Спб., 1911. 414 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Дмитріевъ, Н. П. Экономическая сторона сельскаго хозяйства въ средней и сѣверной полосахъ Россіи. М., 1910. Изд. автора. XIX+339+13 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Жерве, Б. П. Объ экономическомъ значеніи рр. Днѣстра, Прута и Дуная. Докладъ южно-русскому торгово-промышленному съѣзду. Ч. I. Одесса, 1910. 7 стр.

Журули, Г. Д. Нѣкоторыя препятствія къ развитію нашихъ портовъ. Докладъ. 1-й южно-русскій торгово-промышленный съѣздъ въ Одессѣ. Одесса, 1910. 17 стр.

Казаковъ, В. Н. Нужды русскаго судоходства на рѣкѣ Прутѣ. Докладъ южно-русскому торгово-промышленному съѣзду. Одесса, 1910. 20 стр.

Кечеджи-Шаповалевъ, М. В. Міровая торговля и участіе въ ней Россіи. Спб., 1910. Изд. 3 е, доп. 71 стр. Ц. 40 к.

Кій. Въ поискахъ лучшаго. Соціально-экономическій очеркъ. Спб., 1910. 88 стр. Ц. 50 к.

Медзыховскій, К. Ю. О свободныхъ гаваняхъ. Порто-франко, свободные склады. Временный ввозъ и вывозъ. Свободныя гавани. Спб., 1910. 5 нен.+VII+373 стр. Ц. 5 р.

Новоземовъ, А. Исторія экономическихъ ученій. Спб., 1911. Изд. книг-ства „Дѣла“. 64 стр. Ц. 85 к.

Обзоръ каменноугольной промышленности Домбровскаго, Замосковскаго, Кавказскаго и Уральскаго районовъ. Отд. оттиски изъ „Горнозаводскаго Дѣло“ за 1910 г. Харьковъ, 1910. 16 стр.

Пекаторосъ, Г. М. Къ вопросу объ экспортѣ зерна изъ Одессы. Докладъ. 1-й южно-русскій торгово-промышленный съѣздъ въ Одессѣ. Одесса, 1910. 21 стр.

Понафидинъ, П. Е. Къ вопросу о нашемъ экспортѣ въ Турцію въ связи съ мѣропріятіями къ его развитію. Докладъ генеральнаго консула въ Константинополѣ. 1-й южно-русскій торгово-промышленный съѣздъ въ Одессѣ. Одесса, 1910. 7 стр.

Шарый, В. И. Россія и ея конкуренты на Балканскомъ полуостровѣ. Докладъ 1-му южно-русскому торгово-промышленному съѣзду. Одесса, 1910. 4 стр.

Швиттау, Г. Г. Промышленные конфликты. Экономическое изслѣдованіе въ области современной политики труда на Западѣ. Спб., 1911. IV+III+486 стр. Ц. 3 р.

Щенинъ, А. К. Значеніе сахарной промышленности въ экономическомъ развитіи государства. Курскъ, 1910. II+18 стр. Ц. 15 к.

Экерле, В. Ф., инжен. и **Гай, Ю. Э.** Вольныя гавани и необходимость учрежденія ихъ въ Россіи. Въ 2-хъ частяхъ. Первый южно-русскій торгово-промышленный съѣздъ въ Одессѣ въ 1910 г. Одесса, 1910. 94+2 нен. стр.

§ 2. Внѣшняя торговля по европейской границѣ за сентябрь и за всѣ 9 мѣсяцевъ 1910 г. Вып. 301 (9). Спб., 1910. Изд. деп. тамож. сборовъ. X+70+13 стр.

Обзоръ Екатеринославской губерн. за 1909 годъ. Екатеринославъ, 1910. 88+83 стр.

Обзоръ желѣзной промышленности юга Россіи за 1910 годъ. Отд. оттиски изъ „Горнозаводскаго Дѣла“ за 1910 г. Харьковъ, 1910. 17 стр.

Статистика по казенной продажѣ питей. Вып. III. 1908 г. Спб., 1911. Изд. главн. упр. неокл. сбор. и казен. прод. питей. IV+70+115 стр. и картограммы, и діаграммы.

§ 3. **Б. В. А.** О промышленномъ кредитѣ. Отд. оттиски „Горнозаводск. Дѣла“ за 1910 г. Харьковъ, 1910. 43 стр.

Иноземцевъ, А. И. Очерки и замѣтки податного инспектора. Вып. I. Златоустъ, 1910. 94 стр. Ц. 1 р.

Карницкій, Д. П. Гибнущіе лѣса. Спб., 1910. Изд. совѣта съѣздовъ горнопромышл. Урала. 48 стр.

Озеровъ, Ив., проф. Къ вопросу о нашихъ сѣверныхъ лѣсахъ. М., 1911. 83 стр. Ц. 40 к.

— Оборотная сторона нашего бюджета. М., 1910. 191 стр. Ц. 1 р.

V. Соціализмъ и соціальная политика.

§ 1. Ученіе объ обществѣ (соціологія). § 2. Соціализмъ и соціалъ-демократія; синдикализмъ; анархизмъ и пр. § 3. Рабочій вопросъ; современное положеніе рабочаго класса; фабричное законодательство; страхованіе рабочихъ; забастовки и стачки; рабочіе и профессіональные союзы; кооперація. § 4. Крестьянскій и аграрный вопросы. § 5. Біографіи и воспоминанія.

§ 1. **Энгельмейеръ, П. К.** Творческая личность и среда въ области техническихъ изобрѣтеній. Спб., 1911. Изд. „Образованіе". 116 стр. Ц. 1 р.

§ 3. **Вивіанъ, Г.** Строительное кооперативное движеніе въ Англіи. М., 1910. Изд. московск. союза потребительныхъ обществъ. 15 стр. Ц. 5 к.

Мезенцевъ, В. И. Хлѣбная торговля и кооперація. Харьковское общество сельскаго хозяйства. Харьковъ, 1910. 52 стр. и 2 таб. Ц. 40 к.

Тотоміанцъ, В. Ѳ. Сельскохозяйственная кооперація. Очерки съ приложеніемъ уставовъ. Спб., 1911. Изд. М. И. Семенова, 2-е. IV+368 стр. Ц. 2 р.

Франкъ-Каменецкій, А. Кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ Даніи. М., 1910. Изд. московск. союза потребит. обществъ. 36 стр. Ц. 10 к.

§ 4. **Красинъ, А. В.** Крестьянскій банкъ и его дѣятельность съ 1883 по 1905 г. Юрьевъ, 1910. 160 стр. Ц. 1 р.

Обзоръ дѣятельности главнаго управленія землеустройства и земледѣлія за 1909 г. Спб., 1910. III+358 стр.

VI. Правовѣдѣніе.

§ 1. Философія права; общая теорія права. § 2. Исторія права и исторія политическихъ ученій. § 3. Государственное, административное и международное право. § 4. Уголовное, гражданское, торговое право и судопроизводства. § 5. Церковное право. § 6. Тексты законовъ, матеріалы и справочныя изданія.

§ 1. **Амира, Н.**, проф. Какъ изучать юриспруденцію? Пер. съ нѣм. Ю. В. Спб., 1911. Изд. юрид. кн. маг. Н. К. Мартынова. 20 стр. Ц. 25 к.

Михайловъ, П. Е. Психологическая теорія права передъ судомъ русской юриспруденціи. Вып. II. Критика проф. Р. М. Орженцкаго. Спб., 1910. Ц. 30 к.

Петражицкій, Л. Объясненіе проф. Сергѣевича. По поводу его критики. Спб., 1910. 90 стр. Ц. 25 к.

Шершеневичъ, Г. Ф. Общая теорія права. Вып. I. (Философія права, т. I, часть теоретическая.) М., 1910. Изд. бр. Башмаковыхъ. VI+320 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Шульговскій, Н. Н. Кружокъ философіи права профессора Л. I. Петражицкаго при Спб. университетѣ за десять лѣтъ существованія. Истор. очеркъ въ связи съ краткимъ излож. основныхъ идей ученія Петражицкаго. Спб., 1910. Изд. кн. склада „Право". 45 стр. Съ 1 портр.+2 группы. „Право". Ц. 50 к.

§ 2. **Покровскій, I. А.**, проф. Лекціи по исторіи римскаго права. Спб., 1911. Изд. 4-е, студентовъ. 215 стр. Ц. 85 к.

§ 3. **Алексѣевъ, А. А.** Министерская власть въ конституціонномъ государствѣ. Ея основы, роль и современное положеніе. Харьковъ, 1910. VII+305 стр. Ц. 2 р.

Планъ, К. Хронологія полицейскаго права. Справочное пособіе при изученіи полицейскаго права. Спб., 1910. Изд. кн-ва „Дѣло". 32 стр. Ц. 35 к.

Шалландъ, Л., проф. Свобода слова въ англійскомъ парламентѣ. Юрьевъ, 1910. 90 стр. Ц. 50 к.

§ 4. **Баронъ, Ю.**, проф. Система римскаго гражданскаго права. Пер. Л. Петражицкаго. Вып. III. Кн. IV. Обязательственное право. Спб., 1910. Изд. 3-е, испр. VIII+272 стр. Ц. 1 р. 60 к.

Бутовскій, А. Н. Давность владѣнія. Спб., 1911. 104 стр. Ц. 75 к.

Громовъ, Н. А. Укрѣпленіе и переходъ въ личную собственность надѣльной земли по закону 14 іюня 1910 г. Спб., 1911. Изд. юридич. кн. маг. Н. К. Мартынова. XVI+378+1 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Гуляевъ, А. М., проф. Русское гражданское право. Обзоръ дѣйствующаго законодательства и проектъ гражданскаго уложенія. Пособіе къ лекціямъ. Спб., 1910. Изд. 2-е, доп. М. М. Стасюлевича. XII+472 стр. Ц. 3 р. 25 к.

Войтинскій, I. С. Стачка и рабочій договоръ по русскому праву. Спб., 1911. 72 стр. Ц. 50 к.

Дернбургъ, Г. Пандекты. Т. III. (Кн. IV и V.) Семейственное и наслѣдственное право. Перев. съ посл. (7) нѣм. изд. А. Г. Гойхбарга и Б. И. Элькина, подъ ред. проф. А. С. Кривцова. Спб., 1911. Изд.

юрид. кн. склада „Право“. II+496 стр. Ц. 2 р. 75 к.

Медвѣдевъ, В. В. Докладъ о правѣ залогодержателя не взыскателя на оставленіе за собой имѣнія при несостоявшемся публичномъ торгѣ. Курскъ, 1910. 19 стр.

Полянскій, Н. Н. Московское общество народныхъ университетовъ. Уголовный процессъ. Уголовный судъ, его устройство и дѣятельность. Лекціи. М., 1910. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 202 стр. Ц. 50 к.

Рейссъ, Р. А., проф. Словесный портретъ. Опознаніе и отождествленіе личности по методу Альфонса Бертильона. Перев. д-ра мед. К. Прохорова. М., 1910. IV+152 стр.+5 табл. Съ рис.

§ 6. Гражданскіе законы Царства Польскаго. Съ разъясн. по рѣш. Правит. Сената. Сост. подъ ред. прис. повѣр. Н. Сандлера. Варшава, 1910. Изд. т-ва „Оросъ“. XXIV+592 стр. Ц. 3 р.

Григоровскій, С. О бракѣ и разводѣ, о дѣтяхъ внѣбрачныхъ, узакон. и усын. и о метрич. документахъ. Сборникъ церковныхъ и гражд. законовъ съ дополн. и разъясн. на основаніи циркул. указовъ и сепар. опредѣленій Св. Синода, съ отд. статьею о родствѣ и свойствѣ. Спб., 1910. Изд. автора, 11-е. XIII+314 стр. Съ табл. Ц. 3 р.

Блосфельдтъ, Г. Россійское дворянство. Узаконенія и разъясненія 1901—1910 гг. Дополненіе, № 2, къ Сборнику законовъ о россійскомъ дворянствѣ. Спб., 1910. 60 стр. Ц. 75 к.

Законы гражданскіе съ предметнымъ указателемъ. Издалъ О. К. Коссманъ. М., 1910. 704 стр.

Законъ о порядкѣ сношеній суда съ тяжущимися черезъ почту. Одобренный Госуд. Совѣтомъ и Госуд. Думой и Высочайше утвержд. 7 іюня 1909 года. Тверь, 1910. 36 стр.

Максимовъ, В. Законъ о ростовщичествѣ, съ излож. разсужд., [на коихъ онъ основанъ, и разъясн. Прав. Сената. М., 1911. Изд. книгоизд. „Юристъ“. 31 стр. Ц. 50 к.

Нолькенъ, А. М., бар. Законы о вознагражденіи за увѣчье и смерть въ промышленныхъ заведеніяхъ частныхъ, общественныхъ и казенныхъ. Практическое руководство. Спб., 1911. Изд. юрид. кн. склада „Право“. VIII+2 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Плеханъ, И. С. Сводъ уставовъ о пошлинахъ. Т. V. Законы о вычетахъ въ казну изъ окладовъ чиновниковъ и о сборѣ — при увеличеніи содержанія состоящимъ на госуд. службѣ лицамъ съ включеніемъ статей по прод. 1906 и 1908 гг., съ разъясн. Прав. сен., св. Синода, министерствъ и госуд. контроля и съ предм. алфав. указател. Спб., 1910. Изд. книжн. склада Г. Цукермана. 5+197 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Пособіе для осмотра торговыхъ книгъ и опредѣленіе оборотовъ и податной прибыли раскладочными присутствіями. Составлено предсѣд. Спб. особаго раскладочнаго присутствія Г. П. Волковичемъ. Под. инсп. Спб. 1-го уч. А. В. Ковалевскимъ, 2-го уч. С. М. Ничипоренко, 4-го уч. А. Г. Оргѣенко, 7-го уч. П. П. Корякинымъ, 12-го уч. А. А. Колосовымъ, и 2-го Спб. уѣзда В. И. Ивановымъ. Спб., 1910. 239 стр. Ц. 2 р.

Ротенбергъ, Л. М. Полный сводъ рѣшеній уголовнаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго сената (начиная съ 1866 г.) съ подробнымъ предметнымъ алфавитнымъ и постатейнымъ указателями. За 1866 г. №№ 1—92, 1867 г. №№ 1—353, 1867 г. №№ 353—621, 1868 г. №№ 1—73, 1868 г. №№ 73—445, 1868 г. №№ 445—828. Вып. 1, 2, 3, 4. Екатеринославъ, 1910. Изд. Л. М. Ротенберга. 75+324+325—637+84 + 85—484+485—884 стр. За 1868 г. №№ 828 — 996; за 1869 г. № 1—245. Полутомъ 5-й. 885 — 1044+240 стр.

Тютрюмовъ, И. М. Законы гражданскіе съ разъясн. Правит. сената и комментаріями русскихъ юристовъ. Спб., 1910. Изд. юрид. магаз. „Законовѣдѣніе“, 3-е, испр. XXIII + 1683 стр. и 1 табл. Цѣна 6 р. 50 к.

Уголовное уложеніе, съ приложеніемъ разсужденій, на коихъ оно основано. Гл. I. О преступныхъ дѣяніяхъ и наказаніяхъ вообще. Спб., 1910. Изд. государственной канцеляріи. 454 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Усовъ, С. С. Руководство для земскихъ начальниковъ. Ч. I. Управленіе и судопроизводство. Спб., 1910. 109 стр. Цѣна 1 р. 25 к.

VII. Современная общественная жизнь.

§ 1. Публицистика. § 2. Современное освободительное движеніе въ Россіи; біографіи и воспоминанія. § 3. Русскія политическія партіи; Государственная Дума. § 4. Народное образованіе. § 5. Церковь и сектантство. § 6. Національный и инородческій вопросы. § 7. Женскій вопросъ. § 8. Половой вопросъ. § 9. Армія и флотъ.

§ 1. **Александровъ, В.** Въ мірѣ безумія и отчаянія. (Отрывокъ изъ воспоминаній.) Спб., 1910. Изд. „Совѣтъ“. IV+92 стр. Ц. 50 к.

А. Б. Международная Жидо-Масонская интрига. Спб., 1911. 78 стр. Ц. 25 к.

Безобразова, М. В. О безнравственности. Спб., 1911. 32 стр. Ц. 20 к.

Вемтъ. Инженеръ. Нашествіе военнаго министерства на министерство путей сообщенія. Спб., 1911. 42 стр.

Головинъ, С. С., проф. О слѣпотѣ въ Россіи. Одесса, 1910. IV+124 стр. Ц. 75 к.

Гольдендахъ, Н. Свѣтлой памяти С. А. Муромцева. М., 1910. 3 стр.

Голубцевъ, А., крестьянинъ. Голосъ простолюдина о Львѣ Николаевичѣ Толстомъ. Спб., 1910. 8 стр. Ц. 15 к.

Градовскій, Г. По поводу кончины С. А. Муромцева. Рѣчь, произнесенная основателемъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ Г. К. Градовскимъ въ общемъ собраніи 10-го октября 1910 года. Новгородъ, 1910. 5 стр.

Дебольскій, І. С., прот. О правильномъ воспитаніи русскаго человѣка. Спб., 1910. Изд. 9-е, И. Л. Тузова. 23+8 стр. Ц. 10 к.

Демченко, Я. Еврейская стратегія и тактика въ дѣлѣ покоренія міра мирнымъ путемъ. Кіевъ, 1910. Изд. 2-е, доп. 100 стр. Ц. 30 к.

Добрый, Р. Почему молодежь кончаетъ самоубійствомъ. Соціально-беллетристическіе очерки изъ полового и иныхъ психозовъ послѣреволюціоннаго періода. Спб., 1911. Изд. к-ва „Обновленіе". 112 стр. Ц. 1 р.

Епифановичъ, Л. Г. Евреи, ихъ міровоззрѣніе и общественная дѣятельность. Новочеркасскъ, 1910. Изд. донского отдѣла союза русскаго народа, 2-е. 124 стр. Ц. 40 к.

О. К. Тайныя пружины революціи. Спб., 1910. Изд. русскаго народнаго союза имени Мих. Архангела. 46 стр.

Катанскій, Л. Въ потемкахъ политики. Спб., 1910. 16 стр.

Любинскій, А. И. Политика и городскіе выборы. Кіевъ, 1910. 13 стр.

М. М. Польскія колоніи въ Юго-Западномъ краѣ на счетъ русской казны. Кіевъ, 1910. 12 стр.

Муромцевъ, С. Статьи и рѣчи. Вып. II. На первомъ съѣздѣ русскихъ юристовъ и въ московскомъ юридическомъ обществѣ (1875—1910 гг.). М., 1910. 96 стр. Ц. 50 к. Вып. IV. Въ московской городской думѣ (1896 — 1906 гг.). М., 1910. V + 96 стр. Ц. 60 к.

Нечаевъ, В. М. С. А. Муромцевъ, какъ ученый и профессоръ. Спб., 1910. 16 стр.

М. Г. О. Завѣщаніе адвоката. Спб., 1910. 18 стр. Ц. 25 к.

Орловецъ, П. Жизнь, значеніе и послѣдніе дни Л. Н. Толстого. Екатеринославъ, 1910. Изд. Д. И. Абрамовича. 30 стр. Ц. 5 к.

Полнеръ, Т. И. Общеземская организація на Дальнемъ Востокѣ. Т. II (послѣдній). М. 1910. Изд. обще-земской организаціи. 138 стр. Съ рис. Ц. 3 р. за два тома.

Публичныя лекціи. Изъ лекцій весенняго семестра 1910 г. М., 1910. Изданіе московск. об-ва борьбы съ дѣтскою смертностью. 148 стр. Съ 21 рис. и 12 діагр. Ц. 85 к. Содержаніе: Д-ръ П. И. Куркинъ. Смертность малыхъ дѣтей. Статистика дѣтской смертности.—Проф. С. В. Познышевъ. Дѣтская преступность и мѣры борьбы съ нею. — Проф. А. И. Елистратовъ. Задачи государства и общества въ борьбѣ съ проституціей.

Самоубійство. Сборникъ общественныхъ, философскихъ и критическихъ статей. Ю. Айхенвальдъ, А. Луначарскій, Н. Абрамовичъ, Ивановъ-Разумникъ, епископъ Михаилъ, В. Розановъ. М., 1910. Изд. „Заря". 150 стр. Ц. 1 р.

Сергѣева, А. А. На судъ общества. Спб., 1910. 176 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Соколовъ, Дм. 20 лѣтъ борьбы. Воспоминанія врача 1885—1910 гг. Спб., 1910. 201 стр.

Стратоновичъ, П. А. Классификація „двурукихъ интеллигентовъ современной русской фауны". (Два самоопредѣленія и самопознанія.) Спб., 1911. 79 стр. Ц. 1 р. 60 к.

Темный, В. Двѣ власти. М., 1910. 125 стр. Ц. 35 к.

— Причины самоубійствъ. М., 1911. Изд. 3-е. 15 стр. Ц. 5 к.

Тихоміровъ, Л. Представительство народа при Верховной власти. Отд. оттискъ изъ №№ 252, 253 и 254 „Московскихъ Вѣдомостей". М., 1910. Изд. автора. 12 стр.

Шимановскій, А. Ф., проф. По поводу слѣпоты въ Россіи. Кіевъ, 1910. 10 стр.

§ 2. Обществен. движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка. Подъ ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Т. II, ч. 2-я. Спб., 1910. 339 стр. Ц. 2 р. 50 к.

§ 4. Вопросы и нужды учительства. Десятый сборникъ статей и справокъ. Ред. Е. А. Звегинцевъ. М., 1910. Изд. И. Д. Сытина. 136 стр. Ц. 15 к.

Лавровъ, В., свящ. Рѣчь о просвѣтительномъ значеніи церковныхъ школъ. Черниговъ, 1910. 16 стр.

Ларіоновъ, А. М., инж. Исторія института инженеровъ путей сообщенія Императора Александра I за первое столѣтіе его существованія 1810 — 1910 гг. Спб., 1910. VIII+409 стр.

Чирьевъ, С. И., проф. Наше преступленіе въ отношеніи къ среднему и высшему образованію. Кіевъ, 1910. 59 стр. Ц. 30 к.

§ 5. **Айвазовъ, И. Г.** Бесѣда съ сектантами о субботѣ и воскресномъ днѣ. М., 1910. Изд. к-ва „Вѣрность", 4-е. 65 стр. Ц. 30 к.

Антифѣевъ, Г. П. Обрядъ бракосочетанія духовныхъ христіанъ. Ростовъ-на-Дону, 1910. 8 стр. Ц. 10 к.

Михаилъ, еп. Апологія старообрядчества и библіотека „Старообрядческая мысль“, подъ ред. В. Е. Макарова и И. В. Галкина. М., 1910. 64 стр. Ц. 40 к.

§ 6. **Тенеромо, И.** Л. Н. Толстой о евреяхъ. Изд. 3-е, дополненное, съ автографомъ Л. Н. Толстого и пред. О. Я. Пергамента. Спб., 1910. Изд. 3-е „Разумъ“. 91 стр.+2 портр. Ц. 40 к.

§ 7. **Бутми, И. В.** Могутъ ли мужчины судить женщину? (Психологическій этюдъ.) Одесса, 1910. 20 стр. Ц. 20 к.

Гѳллеръ, К. Еврейскій женскій союзъ въ Берлинѣ. Нѣсколько словъ о причинахъ возникновенія „Еврейскаго женскаго союза въ Берлинѣ для культурной работы въ Палестинѣ“. Кіевъ, 1910. 16 стр.

§ 8. **Бехтеревъ, В. М.** О половомъ оздоровленіи. Спб., 1910. 19 стр.

Гильденбрандтъ, А. И. Міръ половыхъ страстей. Картины половой жизни женщины и мужчины (перев. съ нѣм.). Спб., 1910. 128 стр. Ц. 1 р.

Гильденбрандтъ, А., д-ръ мед. Міръ половыхъ страстей. Картины половой жизни женщины и мужчины. Пер. съ нѣм. Спб., 1910. Изд. 4-е. 137 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Темный, В. Брачный вопросъ. М., 1910. Изд. 3-е. 68 стр. Ц. 20 к.

§ 9. История русской арміи и флота. Подъ ред. А. С. Гришинскаго, В. П. Никольскаго и Н. Л. Кладо. Роскошно иллюстр. изданіе „Проспектъ“. М., 1910. Изд. к-ва „Образованіе“. 64 стр.+8 рис.

Михѣевъ, С. Исторія русской арміи. Вып. II. Эпоха Румянцева и Суворова. М., 1910. Изд. С. Михѣева и А. Казачкова. 68 стр. Съ рис. Ц. 60 к.

VIII. Искусство.

§ 1. Общія сочиненія; эстетика. § 2. Исторія изобразительнаго искусства; біографіи, переписка. § 3. Исторія русскаго изобразительнаго искусства; біографіи, переписка. § 4. Техника; обученіе искусству. § 5. Музыка. § 6. Драматическое искусство; хореографія. § 7. Прикладное искусство.

§ 2. **Болдри, Л.** Джонъ Миллэ. Художественная библ. Перев. Е. Баратынской. М., 1910. Изд. Ю. И. Лепковскаго. 80 стр. Съ рис.

Броквелль, М. Леонардо-да-Винчи. Художественная библ. Перев. Е. Баратынской. М., 1910. Изд. Ю. И. Лепковскаго. 80 стр. Съ 8 рис.

Вудъ, М. Сарджентъ. Художеств. библ. Перев. З. Крашенинниковой. М., 1910. Изд. Ю. И. Лепковскаго. 79 стр. Съ 8 рис.

Гиндъ, Л. Ватто. Художествен. библ. Перев. В. П. Батуринскаго. М., 1910. Изд. Ю. И. Лепковскаго. 79 стр. Съ рис.

Муратовъ, П. Образы Италіи. Т. I. Венеція. Путь къ Флоренціи. Флоренція. Города Тосканы. М., 1910. Изд. Научнаго слова. 265 стр. + 14 отд. рис. Ц. 2 р. 25 к.

§ 3. **Грабарь, И.** Исторія русскаго искусства. Вып. VI. Спб., 1910. Изд. І. Кнебель—Москва. 113—224 стр. Съ рис.

§ 5. **Вальтеръ, В. Г.** Музыкальное образованіе любителя. Опытъ общедоступнаго изложенія музыкальной теоріи и эстетики. Спб., 1910. Изд. 2-е, испр., т-ва „Просвѣщеніе“. VI+144+22 стр. Ц. 1 р.

Ивановъ-Борецкій, М. В. Отдѣлъ С. Шуманъ. (Robert Schumann, 1809—1856). Біограф. очеркъ. М., 1910. 20 стр. Съ портр.

Римскій-Корсаковъ, Н. Практическ. учебникъ гармоніи. Спб., 1910. Изд. Бѣляева. 8, исправл. и допол. VIII+119+24 стр. Ц. 1 р. 80 к.

IX. Математика и естествовѣдѣніе.

§ 1. Элементарная и высшая математика; механика. § 2. Астрономія, міровѣдѣніе, космографія. § 3. Физика, химія, кристаллографія. § 4. Геологія, минералогія, физическая географія (метеорологія, климатологія). § 5. Біологія, ботаника, зоологія, сравнительная анатомія, палеонтологія, біологическая географія. § 6. Физіологія, психологія, анатомія человѣка; гигіена. § 7. Географія, этнографія, путешествія. § 8. Исторія математическихъ и естественныхъ наукъ, біографіи; общія сочиненія по философіи естествознанія. § 9. Методика естественныхъ и математическихъ наукъ. § 10. Справочныя изданія по естественнымъ наукамъ.

§ 1. **Борель, Э., проф.** Элементарная математика. Ч. I. Ариѳметика и алгебра. Пер. съ нѣм. изд. обработан. пр. П. Штекелемъ, подъ ред. прив.-доц. В. Ф. Кагана, съ прил. его статьи „О реформѣ преподаванія математики“. Одесса, 1910. Изд. Матезисъ. LXIII + 433 стр.+1 табл.+6 нен. стр. Ц. 3 р.

Букрѣевъ, Б. А., проф. Ученіе объ ирраціональныхъ числахъ съ точки зрѣнія Г. Кантора и Э. Гейне. Кіевъ, 1911. II+67 стр. Ц. 50 к.

Васильевъ, А. В., проф. Введеніе въ анализъ. Вып. II. Обобщеніе понятія о числѣ. Казань, 1910. Изд. Н. Н. Іевлева, 2-е. 190 стр. Ц. 1 р. 60 к.

Ньюсонъ, Г. Графическая алгебра. Пер. съ англ. М. Щербацевичъ. Спб., 1911. Изд. О. Богдановой. 26 стр.

Савенковъ, Е. С. Объ изученіи кривыхъ высшихъ порядковъ методомъ синтетической проводящей эвклидовой геометріи. Вып. 2. Спб., 1910. 91 стр.

Томилинъ, Н. А. Роль графическаго метода при обученіи математикѣ. Спб., 1910. 41 стр. Съ 28 рис. Ц. 30 к.

§ 2. **Клейнъ, Г.**, проф. Звѣздный міръ. Перев. съ нѣмецк. Н. В. Горкина. Попул. естественно-научная б-ка. Спб., 1910. Изд. „Образованіе". 116 стр. Съ рис. Ц. 60 к.

§ 3. **Винеръ, О.**, проф. О цвѣтной фотографіи и родственныхъ ей естественно-научныхъ вопросахъ. Пер. съ нѣм. Д. А. Крыжановскаго. Подъ ред. проф. Н. П. Кастерина. Одесса, 1910. Изд. Матезисъ. VI+69+6 нен. стр. и III таб. рис. Ц. 60 к.

Голлеманъ, А., проф. Учебникъ неорганической химіи для студентовъ. Пер. съ нѣм. Л. В. Николаева. Съ пред. проф. Л. В. Писаржевскаго. Кіевъ, 1910. Изд. „Сотрудникъ", 2-е, исправл. и дополн. VIII+508 стр. 77 рис. Ц. 2 р. 25 к.

Гольдгаммеръ, Д. А. Новыя идеи въ современной физикѣ. Рѣчь, составленная для торжественнаго собранія Каз. унив. 5 ноября 1910 г. Казань, 1910. 41 стр.

Hoff, J. H., van. Расположеніе атомовъ въ пространствѣ. Авториз. пер. Б. Беркенгейма подъ ред. проф. Н. Д. Зелинскаго. М., 1910. Изд. междуфакультетск. издательск. ком. студ. моск. унив. XIV+203 стр.+1 портр.

Лазаревъ, П. О скачкѣ температуры при теплопроводности на границѣ твердаго тѣла и газа. М., 1910. 41 стр.

Лебединскій, В. К. Элементарное ученіе объ энергіи. Спб., 1910. Изд. 2-е, доп. 163 стр. Ц. 1 р.

Общія основанія телеграфіи и телефоніи съ помощью электрическихъ волнъ. Вып. I. Электрическія колебанія и волны. Подъ ред. В. К. Лебединскаго. Спб., 1911. 116 стр. Съ портр. Ц. 90 к.

Осиповъ, И. П., проф. Введеніе къ изученію органической химіи. Для студентовъ и слушательницъ медицинскаго факультета. Харьковъ, 1910. Изд. магазина Л. и Н. Іогансона, 2-е, испр. X+294 стр. Съ рис. Ц. 2 р. 25 к.

Риги, А., проф. Электрическая природа матеріи. Перев. съ итал. Одесса, 1910. Изд. Матезисъ, 2-е. 27+6 нен. стр. Ц. 30 к.

Чаплыгинъ, С. А. О давленіи плоскопараллельнаго потока на преграждающія тѣла (къ теоріи аэроплана). М., 1910. 49 стр.

Электрическія колебанія и волны. Вып. VI. Подъ ред. В. Лебединскаго. Спб., 1911. 122 стр. Съ портр. Ц. 90 к.

§ 4. **Аршиновъ, В. В.** Къ геологіи Крыма. М., 1910. 16 стр.

Геологическія изслѣдованія и развѣдочныя работы полиніи Сибирской желѣзной дороги. Вып. XXIX. Спб., 1910. Изд. геолог. комитета. 82+82+6 стр.

§ 6. **Бахметьевъ, П.** Измѣнчивость длины крыльевъ у Aporia Crataegi, L. въ Россіи и ея зависимость отъ метеорологическихъ элементовъ. Записки Имп. академіи наукъ по физико-математич. отдѣл. Т. XXV. № 7. Спб., 1910. Изд. академіи наукъ. 51 стр. Ц. 50 к.

Гюнтеръ, К. Борьба за самку въ царствѣ животныхъ и человѣка. Подъ ред. прив.-доц. А. И. Колмогорова. М., 1911. Изд. к-ва „Сфинксъ". 153 стр. Съ 4 табл. и 50 рис. Ц. 1 р. 10 к.

Дининкъ, Н. Я. Общій очеркъ фауны Кавказа. Ставрополь, 1910. 15 стр.

Мережковскій, К. С., проф. Конспективный курсъ общей ботаники. Ч. I. Казань, 1910. Изд. автора. 170 стр. Съ рис. Ц. 2 р. 70 к.

Оловянишниковъ, К. Начатки естествознанія. М., 1910. Изд. к-ва К. И. Тихомирова, 7-е. VIII+382 стр. Съ рис. Цѣна 1 р. 25 к.

Труды общества естествоиспытателей при Имп. казанскомъ унив. Казань, 1910. 40 стр. и 1 табл. рис.

Труды Императорскаго Спб. общ. естествоиспытателей. Т. XLI. 1910. 3. Отдѣленіе ботаники, подъ ред. В. Комарова. Вып. 8. Спб., 1910. 267—317 стр.

Фабръ. Насѣкомыя мертвоѣды. Излож. Л. Очаповскаго. Спб., 1910. Изд. Вятское т-во „Народная б-ка". 106 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Шенихенъ, В. Колыбель жизни. (Изъ жизни обитателей моря.) Пер. съ нѣм. П. Ю. Шмидта. Дешевая б-ка естествознанія. Спб., 1910. Изд. Брокгаузъ-Эфронъ. 109 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

§ 6. **Бурдо, Л.** Вопросъ о смерти и его различныя рѣшенія. Пер. съ 3-го франц. изд. Е. Предтеченскій. Спб., 1911. Изд. А. С. Суворина. XVI+301 стр. Ц. 1 р. 50 коп.

Зелькинъ, С. Л. Къ вопросу о вліяніи нѣкоторыхъ внѣшнихъ физическихъ агентовъ (влажности и перемѣнъ температуры) на кровь и кроветворные органы.

Экспериментальное изслѣдованіе. Диссертація. Спб., 1910. 91 стр.

Кернеръ, Ю. М., д-ръ. Эскизы къ изученію описательной и топографической анатоміи. Екатеринославъ, 1910. 1 н. стр. 36 лист. рис.

Landois, L.—Rosemann, R. Учебникъ физіологіи человѣка. Т. II. Физіологія движенія и чувствованія. Пер. съ 12-го нѣм. изд. врача Н. Н. Акимовой. Подъ ред. М. Н. Шатерникова. М., 1910. VIII—503—1018 стр. Съ рис. Ц. 2 р. 50 к.

§ 7. **Донъ, В. и Тикнеръ, Ф.** Наглядная географія. Предметн. уроки по міровѣдѣнію въ связи съ естествознаніемъ. Руководство для преподавателей. Кн. I. Пер. съ англ. А. Тахтаревой. Б-ка новаго воспитанія и образованія. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. XXXVIII. М., 1911. XII+114 стр. Съ рис. Ц. 55 к.

Клѣтнова, Е. Н. Мерянское погребеніе при деревнѣ Хажаево близъ села Сережани, Вяземскаго уѣзда. Смоленскъ, 1910. 21 стр. Съ 3 табл. рис. Ц. 20 к.

Круберъ, А., Григорьевъ, С., Барковъ, А., Чефрановъ, С. Африка. Иллюстрированный географическій сборникъ. М., 1910. Изд. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, 3-е испр. и доп. VI+532 стр. Съ рис. Ц. 2 р.

Мечъ, С. Географія какъ наука и какъ учебный предметъ. М., 1910. 28 стр. Ц. 20 к.

Мякутинъ, Л. И. Пѣсни оренбургскихъ казаковъ. IV. Пѣсни обрядовыя, духовные стихи. апокрифы, заговоры, очерки обрядовъ. Царь Максимиліанъ. Добавленіе. Спб., 1910. Изд. Оренбург. каз. войска. XXVIII+352 стр. Ц. 1 р. 40 к.

Народы земли. Географическіе очерки жизни человѣка на землѣ. Томъ III. Вып. LI—LII. Спб., 1910. Изд. тов. Общ. польза". 48 стр. Съ рис. Ц. 50 к. Вып. LIII—LIV. 49—96 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Нечаевъ, А. П. Пять дней въ лодкѣ. Разсказъ о поѣздкѣ въ Жигули. (Земля и люди. Географическая б-ка.) Спб., 1911. Изд. П. В. Луковникова. 44 стр. Съ 20 рис. Ц. 20 к.

Шахматовъ, А. А. Мордовскій этнографическій сборникъ. Въ приложеніи: „Описаніе с. Оркина, Саратовскаго уѣзда". А. Н. Минха. Спб., 1910. Изд. академіи наукъ. IX+848 стр. Ц. 5 р.

X. Книги для дѣтей.

Аверьяновъ, Е. На зарѣ жизни. Повѣсть для юношества. Спб. 1910. Изд. Стасюлевича. 532 стр. Съ 27 рис. Ц. 1 р. 75 к.

Алтаевъ, А. Снѣжинки. Разсказы для малютокъ. Спб. 1910. Изд. 3-е, А. Ф. Девріена. 96 стр. Съ рис.

Амичисъ, де Э. За родину. (Юные герои.) Разсказы для дѣтей. Перев. съ итальян. М. 1910. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 63 стр. Ц. 35 к.

Бенсюзанъ. I. Джокъ — водяная крыса. Разсказъ. Съ англ. перев. П. А. Буланже. II. Михайловъ, Н. Васька. Разсказъ о мангустѣ. И. Горбунова-Посадова для дѣтей и юношества. № 208. М. 1910(11). 40 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Бизлей. Разсказъ изъ римской исторіи. Перев. съ англ. С. Невѣдомскій. Подъ ред. Н. А. Рубакина. М. 1910. Изд. к-ва В. Д. Карчагина, 4-е, испр. и доп. 104 стр. Съ 19 рис. и картой. Ц. 35 к.

Бостромъ, А. Какъ Юра знакомится съ жизнью животныхъ. Разсказы о животныхъ и ихъ жизни. Для маленькихъ дѣтей. М. 1910(11). Изд. т-ва И. Д. Сытина, 2-е. 139 стр. Ц. 75 к.

Бродовскій, М. Все къ добру. Очеркъ. Обработано для юношества. Одесса. 1910. Изд. Juventus. 32 стр. Ц. 10 к.

Буре, С Разсказы изъ жизни животныхъ. По Брэму, Полю Беру, Ромэнсу, Вагнеру, Кайгородову, Богданову и друг. Кіевъ. 1911. Изд. Южно-русск. кн. Ф. А. Іогансона. 233+VI стр.

„Бѣлоснѣжка". Сказка для дѣтей средняго возраста. М. 1910. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 20 стр. Съ рис.

Васильковскій, П. Е. Чудеса животнаго міра. (Зоологія для всѣхъ.) Хрестоматія для чтенія въ школѣ и семьѣ. Спб. 1910. Изд. А. С. Суворина. VIII+428 стр. Съ рис. Ц. 3 р. 25 к.

Вернъ, Ж. Путешествіе вокругъ свѣта въ 80 дней. Полный переводъ со второго изданія Манштейна. Перевелъ Я. Бахмутскій. Кіевъ. 1911. Изд. Южно-русск. кн. Ф. А. Іогансона. 180 стр. Ц. 45 к.

Въ новую жизнь. Повѣсть. Перев. съ англійскаго А. Н. Рождественской. М. 1910. Изд. ред. журн. „Семья и Школа". 82 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Джунковскіе, бр. Новый учитель. Пьеса въ 2-хъ дѣйств. 5-й выпускъ. Юный театръ. Ростовъ-на-Дону. 1910. Изд. Бр. Джунковскихъ. 22 стр. Ц. 30 к.

— Сорока (скалы и море). Пьеса въ 2-хъ дѣйств. Выпускъ 4-й. Юный театръ. Ростовъ-на-Дону. 1910. Изд. Бр. Джунковскихъ. 42 стр. Ц. 30 к.

Догановичъ, А. Пчелиный домикъ. Повѣсть изъ жизни пчелъ. Съ рис. П. Литвиненко. М. 1910. Изд. В. С. Спиридонова, 4-е. 80 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Езерскій, Н. Ѳ. Избранныя стихотворе-

нія для дѣтей. Книга I. Младшій возрастъ. М. 1911. Изд. В. М. Саблина. IV+217+4 нен. стр. Ц. 60 к.

Ермиловъ, В. Отъ лакейской до дворцовыхъ палатъ. Разсказъ о дѣтствѣ и юности великаго артиста Мих. Семен. Щепкина. Съ рис. художника А. Апсита. Б-ка для семьи и школы. М. 1911. Изд. ред. журн. Юная Россія. 124 стр. Съ рис. Ц. 45 к.

Желиховская, В. П. Мала былинка, да вынослива. Повѣсть для юношества. Спб. 1910. Изд. А. Ф. Девріена, 3-е. 230 стр. Съ рис. С. Дудина. Ц. 2 р. 25 к.

Жуковскій, В. А. Стихи и сказки для дѣтей. Б-ка новой школы. Н. В. Тулуповъ и И. М. Шестаковъ. М. 1910. Изд. 2-е. Т-ва И. Д. Сытина и К°. 32 стр. Ц. 3 к.

Золушка. Волшебная сказка для дѣтей средняго возраста. М. 1910. Изд. И. Д. Сытина. 20 стр. Съ рис.

Калевала, финская народная эпопея. Для юношества передалъ Э. Гранстремъ. Спб. 1910. Изд. 3-е. VI+384 стр. Съ 40 рис.

Карпитскій, Н. А. Герои Сѣвера. Очеркъ. исторіи полярныхъ изслѣдованій. По англійскимъ источникамъ. Спб. 1910. 80 стр. Ц. 40 к.

Киплингъ, Р. Необыкновенныя сказки. Перев. съ англ. А. Н. Рождественской. Иллюстраціи автора. Золотая б-ка. Спб. 1910. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. VIII+200 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

Коваленскій, М. Въ первый разъ кругомъ свѣта Два чтенія. (Историческіе разсказы для народныхъ чтеній и школъ.) М. 1910(11). Изд. Истор. о-ва при Имп. Моск. унив., 2-е. 47 стр. Ц. 10 к.

— Испанцы въ странѣ золота (Историческіе разсказы для народныхъ чтеній и школъ.) М. 1911(10). Изд. Истор. общ. при Имп. Моск. унив., 2-е. 39 стр. Ц. 10 к.

Красная шапочка. Сказка для дѣтей младшаго возраста. М. 1911(10). Изд. т-ва И. Д. Сытина. 20 стр. Съ рис.

Круковскій, М. А. Родная жизнь. Разсказы по родиновѣдѣнію. Спб. 1910. Изд. А. Ф. Девріена. 244 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 60 к.

Куперъ, Ф. Собраніе сочиненій. Звѣробой. Повѣсть. Перев. Д. Коковцева. Спб. 1910. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. 363 стр. Съ 21 рис. Ц. 1 р.

Леванда, Л. Авраамъ Іезефовичъ. Историческая повѣсть первой половины XVI вѣка. Обработано для юношества. Одесса. 1910. Изд. Juventus. 84 стр. Ц. 25 к.

Лукашевичъ, К. Воришка. Разсказъ. М. 1910. Изд. торг. д. „С. Курникъ и К°", 2-е. 36 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

— Забава. Сборникъ разсказовъ, сказокъ, сценъ изъ дѣтской жизни, стихотвореній, занятій, игръ, работъ, шарадъ, ребусовъ, загадокъ и т. п. М. 1911. Изд. 2-е т-ва И. Д. Сытина. 230 стр. Съ рис. и 2 прил. Ц. 1 р. 50 к.

— „Осиное гнѣздо". Разсказъ для дѣтей младшаго возраста. М. 1910. Изд. 2-е т-ва И. Д. Сытина. 24 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Львовъ, В. Н., проф. Приключенія ежа. Естественно-историческій разсказъ. М., 1910. Изд. журн. „Семья и Школа", 2-е. 36 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Мало, Г. Безъ семьи. Кн. I и II. Перев. Б. Г. Займовской. М., 1910. Изд. В. М. Саблина. 278+258 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Акъ-Бозатъ. Разсказъ. Б-ка для семьи и школы. М., 1910. Изд. ред. журн. „Юная Россія", 4-е. 31 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Манасеина, Н. Овсянки. Пять разсказовъ для дѣтей. Спб., 1910. Изд. журн. „Тропинка". 76 стр. Съ рис.

Носиловъ, К. Д. На охотѣ. Очерки и разсказы. Б-ка для семьи и школы. М., 1911. Изд. „Юной Россіи", 2-е. 93 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Ольдричъ, Т.-Б. Исторія одного американскаго школьника. Перев. съ англ. Н. Васина. М., 1911. Изд. М. В. Крюкина. 160 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Олькотъ, Л. Маленькіе мужчины, ставшіе взрослыми (jôg boys). Повѣсть. Перев. бар. Н. М. Розенъ. Золотая б-ка. Спб., 1910. Изд. тов. М. О. Вольфа. 370 стр. Съ 10 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Островская, Н. Жизнь пережить—не поле перейти. Повѣсть для дѣтей. М., 1911. Изд. А. К. Залѣсской, 3-е. 232 стр. Ц. 85 к.

Острогорскій, В. Двадцать біографій образцовыхъ русскихъ писателей. Съ портретами. Для чтенія юношества. М., 1911. Изд. 14-е, И. Д. Сытина. VII + 175 стр. Ц. 50 к.

Перро. Волшебныя сказки. Перев. съ франц. И. Тургенева. Рисунки Г. Дорэ. Спб., 1910. Изд. 2-е т-ва М. О. Вольфъ. III+208 стр. Съ 39 рис.

Покровскій, Н. У семейнаго очага. Сборникъ разсказовъ русскихъ и иностранныхъ писателей для дѣтей школьнаго возраста. Книжка I. М., 1910. Изд. В. С. Спиридонова, 3-е. 84 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Потемкинъ, В. Аттила, бичъ Божій. Два чтенія. М., 1910. Изд. историч. о-ва при Имп. моск. унив., 2-е. 40 стр. Ц. 10 к.

Приключенія Ружемона. Новый Робинзонъ XIX вѣка. Разсказъ для юношества. Перев. съ англ. А. Линдегренъ. Спб., 1910. Изд. кн-ства Н. С. Аскарханова. 258 стр. Съ 124 рис. Ц. 60 к.

Радичъ, В. А. Дѣтскіе разсказы. (Библіотека для семьи и школы.) М., 1910. Изд. ред. журн. „Юная Россія", 2-е. 125 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Сальгари, Э. Сокровище голубыхъ горъ. Приключенія на морѣ и на сушѣ. Съ рис. А. Делла-Вале. Перев. съ итал. Л. А. Мурахиной-Аксеновой. М., 1910. Изд. т-ва И. Д. Сытина и К⁰. 231 стр. Ц. 50 к.

Симонъ, Е. Е. Школа и хлѣбъ. Съ нѣм. Перев. О. Кайданова. П. П. Г. (по Джону Спарго). Вопль учащихся дѣтей. М., 1911. Изд. И. Горбунова-Посадова. 40 стр. Ц. 25 к.

Скворцовъ, Н. А. Въ царствѣ животныхъ. Какъ помогаютъ другъ другу животныя. М., 1910. Изд. „Юной Россіи", 2-е. 70 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Соловьевъ, П. (Allegro). Царевна Земляничка. Пьеса въ стихахъ. Спб., 1910. Изд. журн. „Тропинка". 42 стр. Съ рис.

Сэтонъ-Томпсонъ, Э. Бинго. Исторія моей собаки Вулли. Исторія одной желтошерстной собаки. Перев. съ англ. Разсказы изъ жизни животныхъ. Спб., 1911. Изд. кн. маг. П. В. Луковникова. 48 стр. Съ 36 рис. Ц. 15 к.

— Бинго. Исторія моей собаки. М., 1910. Изд. В. М. Саблина. 45 стр. Съ 3 рис. Ц. 20 к.

— Волкъ изъ Виннипега. М., 1910. Изд. В. М. Саблина. 32 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

— Кенгуровая крыса. М., 1910. Изд. В. М. Саблина. 30 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

— Легенда о бѣломъ оленѣ. М., 1910. Изд. В. М. Саблина. 46 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

— Мои дикіе знакомые. Разсказы. М., 1910. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 112 стр. Съ рис. Ц. 35 к.

— Монархъ, большой талакскій медвѣдь. Перев. кн. Е. С. Кудашевой. Серебристая лисица. Перев. А. Гретманъ. Съ иллюстраціей автора. М., 1910. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 157 стр. Съ рис. Ц. 35 к.

— Мустангъ-иноходецъ. М., 1910. Изд. В. М. Саблина. 42 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

— Путешествіе дикой утки. Вулли, пастушья собака. М., 1910. Изд. В. М. Саблина. 46 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

— Разсказы изъ жизни животныхъ. Лобо, король Курумпо. Перев. съ англ. Спб., 1910. Изд. Луковникова. 31 стр. Съ 4 рис. Ц. 20 к.

— Разсказы изъ жизни животныхъ. Мустангъ-иноходецъ. Спб., 1910. Изд. кн. маг. П. В. Луковникова. 32 стр. Съ 28 рис. Ц. 10 к.

— Разсказы изъ жизни животныхъ. Крэгъ, Кутенейскій баранъ. Перев. съ англ. Спб., 1910. Изд. Луковникова. 70 стр. Съ рис. Ц. 33 к.

— Разсказы изъ жизни животныхъ. Серебряное пятнышко. Исторія одной вороны. Перев. съ англ. Спб., 1910. Изд. кн. маг. П. В. Луковниковой. 24 стр. Съ 16 рис. Ц. 9 к.

— Серебряное пятнышко. Исторія одного ворона. М., 1910. Изд. В. М. Саблина. 35 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

— Снэпъ. Исторія бульдога. М., 1910. Изд. В. М. Саблина. 53 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

— Спрингфильдская лисица. (Лисья семья.) Перев. съ англ. Спб., 1911. Изд. кн. маг. П. В. Луковникова. 32 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

— Спрингфильдская лисица. М., 1910. Изд. В. М. Саблина. 45 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Титъ, Т. Наука и забава. Пересказъ для русскаго юношества. Первая сотня опытовъ. Николаевъ, 1910. Изд. журн. „Физикъ-Любитель". 240 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 35 к.

Тихомирова, Е. Н. Другъ несчастныхъ Ѳ. П. Гаазъ. Біограф. очеркъ. Составлено по книгѣ А. Ѳ. Кони „Ѳ. П. Гаазъ". М., 1911. Изд. „Юной Россіи", 4-е. 32 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

Три брата. Сказка для маленькихъ дѣтей. М., 1910 (11). Изд. т-ва И. Д. Сытина. 20 стр. Съ рис.

Три мѣсяца среди людоѣдовъ Суматры. Сокращенный перев. съ нѣм. Н. Березина. Б-ка юнаго читателя. Спб., 1910. 132 стр. Ц. 50 к.

Фругъ, С. Г. Дача и другіе разсказы. Обработано для юношества подъ ред. автора. Одесса, 1911. Изд. к-во Juventus. 64 стр. Съ портр. Ц. 25 к.

Чеглокъ, А. Родная природа. Птицы, звѣри и гады Россіи. 16 разсказовъ изъ жизни животныхъ. Съ предисл. Н. А. Рубакина. Вып. I. М., 1910. Изд. К. И. Тихомирова, 3-е. IV + 219 стр. Съ рисунк. Ц. 1 р. 25 к.

Шахрай, Л. М. Исторія Израиля для еврейскаго юношества. Ч. I. Отъ сотворенія міра до періода судей. Одесса, 1910. Изд. 9-е, доп. книжн. маг. Е. П. Распопова. 93 стр. Ц. 30 к.

Шведеръ, Е. Пушкинскіе уголки. Спб., 1910. Изд. журн. „Тропинка". 31 стр. Съ рис.

Шмелевъ, И. Они и мы. Вторая книга разсказовъ. Мэри. Мой Марсъ. Однажды ночью. Б-ка для семьи и школы. М., 1910. Изд. ред. журн. „Юная Россія". 147 стр. Съ рис. Ц. 45 к.

Юрьинъ, Н. (Бенедиктъ). Городъ и деревня. Картинки изъ дѣтской жизни. Рисунки А. Эйснера. Спб. Изд. А. С. Суворина. 28 стр. Съ рис.

XI. Справочныя изданія общія.

§ 1. Энциклопедіи. § 2. Словари. § 3. Библіографическіе справочники.

§. 1. Энциклопедическій словарь т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°". Подъ ред. проф. В. Я. Желѣзнова, проф. М. М. Ковалевскаго, проф. С. А. Муромцева и проф. К. А. Тимирязева. Т. II. Актъ — Анатоцизмъ. Спб., 1910. Изд. 7-е, перераб. т-ва „Общественная Польза". 688 стр. (въ 2 ст.). Съ рис. Ц. 2 р. 50 к. Т. III. Анафилаксія. Археологическія общества. 636 стр. (въ 2 ст.). Съ 24 рис. Ц. 2 р. 50 к.

§ 2. **Поповъ, М.** Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ употребленіе въ русскомъ языкѣ. М., 1911. IV + 458 стр. Ц. 80 к.

§ 3. **Хавкина, Л. Б.** Руководство для небольшихъ библіотекъ. Съ рисунками, образцами бланковъ и алфав. указателемъ. М., 1910. 130 стр. Ц. 35 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Критическаго обозрѣнія.

I. Книги.

Стр.

II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ въ теченіе декабря 1910 года.

III. Книжныя новости.

1911 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ Годъ XXII.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ
и
ПСИХОЛОГІИ.

Изданіе Московскаго Психологическаго Общества,

при содѣйствіи С.-Петербургскаго Философскаго Общества.

Журналъ издается на прежнихъ основаніяхъ подъ редакціей Л. М. Лопатина.

Въ Вопросахъ Философіи и Психологіи принимаютъ участіе слѣдующія лица:

Н. А. Абрикосовъ, Ю. И. Айхенвальдъ, В. Анри, С. А. Аскольдовъ, Н. Н. Баженовъ, Ѳ. Д. Батюшковъ, А. Н. Бекетовъ, Н. А. Бердяевъ, А. Н. Бернштейнъ, П. Д. Боборыкинъ, Е. А. Бобровъ, С. Н. Булгаковъ, В. А. Вагнеръ, В. Э. Вальденбергъ, А. В. Васильевъ, А-дръ И. Введенскій, Д. В. Викторовъ, Н. Д. Виноградовъ, П. Г. Виноградовъ, В. И. Герье, А. Н. Гиляровъ, Л. О. Даркшевичъ, В. В. Джонстонъ, Н. А. Звѣревъ, Ѳ. А. Зеленогорскій, В. Н. Ивановскій, Н. А. Иванцовъ, А. П. Казанскій, М. И. Каринскій, Н. И. Карѣевъ, Б. А. Кистяковскій, В. О. Ключевскій. Я. Н. Колубовскій, Ѳ. Е. Коршъ, С. А. Котляревскій, Н. Н. Ланге, Л. М. Лопатинъ, С. М. Лукьяновъ, П. Н. Милюковъ, П. В. Мокіевскій, П. И. Новгородцевъ, Д. Н. Овсянико-Куликовскій, И. Ф. Огневъ, Э. Л. Радловъ, В. П. Сербскій, В. С. Серебренниковъ, П. П. Соколовъ, С. А. Соллертинскій, Ф. В. Сафроновъ, Г. Е. Струве, П. Б. Струве, С. А. Сухановъ, П. В. Тихомировъ, кн. Е. Н. Трубецкой, Н. А. Умовъ, В. Ф. Чижъ, Г. И. Челпановъ, Н. Ѳ. Шаталовъ, В. М. Хвостовъ и др.

Программа журнала: 1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи. Въ понятіи философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ, опытная и физіологическая психологія, психопатологія. 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ и русскихъ философовъ и психологовъ. 3) Общіе обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи и библіографіи. 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія. 5) Переводы классическихъ сочиненій по философіи древняго и новаго времени.

Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ февраля, апрѣля, іюня, октября и декабря) книгами около 15 печатныхъ листовъ.

Юбилейный № 103 продается отдѣльно. Ц. 1 р. 50 к.

Условія подписки:

На годъ (съ 1 января 1911 г. по 1 января 1912 г.) безъ доставки—**6** р., съ доставкой въ Москвѣ—**6** р. **50** к., съ пересылкой въ другіе города—**7** р., за границу—**8** р. Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ **2** р. Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимаются только въ конторѣ редакціи.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: Москва, Б. Никитская, Б. Чернышевскій пер., д. 9, кв. 5, и книжныхъ магазинахъ: „Новаго Времени“ (С.-Петербургъ, Москва, Одесса и Харьковъ), Карбасникова (С.-Петербургъ, Москва, Варшава), Вольфа (С.-Петербургъ и Москва), Оглоблина (Кіевъ), Башмакова (Казань) и друг.

Редакторъ **Л. М. Лопатинъ.**

. (2 р.)

...га подписка на 1911 г. (3 р.)

...аучный и политическій журналъ

...Я ВСѢХЪ

...В. А. ПОССЕ.

...изданія.

...журнала въ 160 стр. каждая съ иллю... получатъ три безплатныхъ приложенія: ...**обролюбова.** ...Сборникъ, въ который войдутъ статьи ...ощія причины и послѣдствія реформы ...й реформы; воспоминанія.

...**олненныхъ снимковъ съ картинъ извѣстныхъ художниковъ.**

Первая тысяча НОВЫХЪ подписчиковъ, внесшихъ полностью подписную плату за 1911 г. до 1 декабря 1910 г., получаетъ безплатно журналъ за 1910 г., вторая тысяча новыхъ подписчиковъ получаетъ журналъ за 1910 г. за исключеніемъ іюльской книжки.

ЦѢНА на годъ съ доставкой и перес. **3** р. Для старыхъ подписчик., подписавшихся на 1911 г. до 1 декабря 1910 г., цѣна остается прежняя (2 руб.).

Адресъ редакціи: Спб., улица Жуковскаго, № 22.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1911 ГОДЪ

на издающую въ С.-Петербургѣ ежедневную (не исключая понедѣльниковъ) газету

6 р. въ годъ съ прилож. — 3 р. въ годъ безъ прил.

ВСЕОБЩАЯ ГАЗЕТА

СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Годъ изданія III.

Подписная плата: съ доставкой и пересылкой 6 р. въ годъ, 3 р. за полгода и 1 р. за два мѣсяца.

Подписка отдѣльно на „Всеобщую Газету“ безъ приложеній, съ доставкой и пересылкой: на годъ—3 р., на четыре мѣсяца—1 р. и на одинъ мѣсяцъ—30 к.

Деньги адресовать: С.-Петербургъ, Прачешный, 6, издательству „Брокгаузъ и Ефронъ“.

Подписка на „Всеобщую Газету“ на всѣ сроки принимается также во всѣхъ почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ Имперіи.

Лица, вносящія всю годовую плату (6 рублей) полностью до 1 января 1911 года, получаютъ безплатно одно изъ слѣдующихъ изданій Брокгауза и Ефрона, по выбору подписчика: или 1) „Словарь иностранныхъ словъ“, или 2) „Общедоступный медицинскій словарь“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1911 годъ

на еженедѣльную общественно-педагогическую газету

ШКОЛА И ЖИЗНЬ

съ ежемѣсячными приложеніями.

Подписная цѣна:

съ доставкой въ Петербургѣ и пересылкой въ города Имперіи на годъ — 6 руб., на 6 мѣс.—3 руб., на 3 мѣс.—2 руб.

Для учащихъ въ начальныхъ городскихъ училищахъ допускается разсрочка по 1 руб. за каждые 2 мѣсяца.

Подписка и объявленія принимаются: въ главной конторѣ, Спб., Кабинетская, д. губернскаго земства, № 18.

Редакторъ **Г. А. Фальборкъ.** — Издатели: **Н. В. Мѣшковъ. Г. А. Фальборкъ.**

SERI

